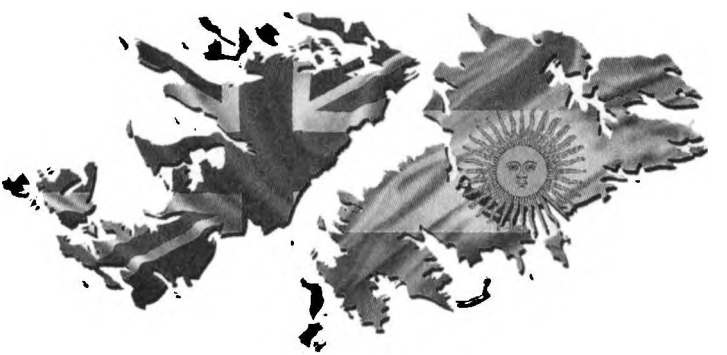
Макс Хастингс · Саймон Дженкинс

БИТВА ЗА ФОЛКЛЕНДЫ

«Самая авторитетная и прекрасно написанная книга об этой войне».
Newsweek

Макс Хастингс Саймон Дженкинс

БИТВА ЗА ФОЛКЛЕНДЫ



УДК 355/359
ББК 68
Х 24

Max Hastings, Simon Jenkins

THE BATTLE FOR FALKLANDS

Copyright © Pan Books, London, 2010

Хастингс, Макс.

Х 24 Битва за Фолкленды / Макс Хастингс, Саймон Дженкинс ; [пер. с англ. А. Колина].

ISBN 978-5-699-70564-1

28 000 британских солдат отправились воевать за реликтовый обломок Империи в забытом Богом уголке мира в 15 000 км от дома. Иные погибли, другие навсегда остались калеками, а Фолклендские (Мальвинские) острова остались в составе Великобритании. Таков был итог короткой англо-аргентинской войны в апреле 1982 г. Тем не менее этот конфликт имел важнейшее значение для эпохи холодной войны. Столкновение интересов Британии и Аргентины было видимой стороной кампании, а за кулисами просматривалась вовлеченность и иных стран — США, Франции, СССР, стран Латинской Америки... У всех были свои интересы, и кто знает, во что вылилась бы борьба за несколько малонаселенных островков, если бы война затянулась. Однако этого не произошло, и победа британцев была решительной и быстрой.

В нашей стране до сих пор не было издано ни одной книги, посвященной этой войне, и настало время заполнить этот пробел. Книга Макса Хастингса и Саймона Дженкинса, непосредственных участников битвы за Фолкленды, — это своего рода репортаж о войне и политике, прямо с мест событий. Написанная ярко и живо, эта ставшая классической книга, несомненно, будет интересной читателям, интересующимся историей войн и конфликтов второй половины XX века, а также тем, кто только начинает свой путь в изучении военной истории.

УДК 355/359
ББК 68

Содержание

Введение.....8

Предисловие.....15

1. ЗАБЫТЫЕ ОСТРОВА.....19

2. СЕМНАДЦАТИЛЕТНЯЯ ВОЙНА.....41

3. ИГРА ГАЛТЬЕРИ.....85

4. ЧАС АДМИРАЛА.....110

5. ОПЕРАТИВНОЕ СОЕДИНЕНИЕ.....129

6. ГОЛУБИ ХЭЙГА.....182

7. ОБРЕТЕНИЕ ЮЖНОЙ ГЕОРГИИ.....205

8. ПРОВАЛ МИССИИ.....239

9. ВОЙНА НА МОРЕ.....251

10. ОЧИСТИТЬ ПАЛУБЫ ПЕРЕД БОЕМ.....296

11. ОПЕРАЦИЯ «САТТОН».....313

12. САН-КАРЛОС.....362

13. ГУЗ-ГРИН.....429

14. ПОЛИТИКА В ВОЙНЕ НА СУШЕ 470

15. ТРИУМФ НА ГОРЕ КЕНТ, ТРАГЕДИЯ В ФИЦРОЕ 481

16. БИТВА ЗА ГОРЫ 522

17. ЗАКЛЮЧЕНИЕ 598

Приложение «A». Хронология военных и политических событий 638

Приложение «B». Оперативное соединение 644

Приложение «C». Списки награжденных 663

Приложение «D». Доклад Фрэнкса 683

Глоссарий 700

Фолклендские острова
АТЛАНТИЧЕСКИЙ ОКЕАН
о-ва Джейсон
остров Сондерс
остров Пеббл
Северно-фолклендский залив
залив Фаул-Бей
о. Уэстпойнт
пролив Байрон
Сондерс
Западный Фолкленд
зал. Кинг-Джордж
Порт-Хауард
пролив Фолклендский
Порт Сан-Карлос
Даглас
п-ов Сан-Луис
Сан-Карлос
Тил-Инлет
зал. Баркли
п-ов Фресинет
бух. Порт-Ульям
зал. Грантем
о. Нью-Айленд
г. Кент 458
г. Челленджер
аэропорт
Блафф-Коув
Стэнли
залив Кинг-Шарлотт
остров Суон
Дарвин
авиабаза Маунт-Плезант
Фицрой
бух. Порт-Фицрой
о. Бивер
Уэдделл
аэродром
Гус-Грин
остров Уэдделл
Фокс-Бей
Лафония
Восточный Фолкленд
зал. Шуазёль
Уокер-Крик
о-ва Лейлэн-Айленд
остров Спидуэлл
зал. Бей-оф-Харборс
остров Джордж
пролив Игл-Пассидж
о-ва Си-Лайон
0 10 20 30 40 50 км
ЧИЛИ
АРГЕНТИНА
АТЛАНТИЧЕСКИЙ ОКЕАН
АНТАРКТИДА

Введение

Война в Южной Атлантике в 1982 г. вполне заслуживает права считаться самой странной в британской истории. В те времена многие бритты рассматривали ее как некую трагическую абсурдность. Пусть в большинстве своем люди и соглашались с необходимостью какого-то военного ответа на вторжение Аргентины, но считали его целесообразным лишь при условии полного провала британских политики и дипломатии. Однако отправлять контингент из 28 000 чел. драться за крохотный осколок империи, отдаленный на 8000 миль (15 000 км) [здесь термином «миля» обозначается не сухопутная миля, равная 1609 м, а морская миля, равная 1852 м, однако применительно к расстояниям на суше, в частности на территории Фолклендских островов, авторы книги, как правило, используют первую из вышеупомянутых единиц длины. — *Прим. ред.*] от дома... Нет, такое решение представлялось крайне сомнительным. Даже и победив, правительство почувствовало необходимость подвергнуть разбору и проверке собственные действия, предпринятые накануне открытого военного столкновения, для чего прибегло к помощи следственной комиссии лорда Фрэнкса. Но ее частичная апология и курс на старательное оправдание участвовавших в событиях политиков делают полученные выводы неубедительными.

Сама война в блеске явного успеха на поле брани, затененного некоторыми неудачами, потонула в море истории. Британцы выиграли — выиграли по всему и вопреки всему. Противостояние убедительно показало качество британского оружия и эффективность системы командования и управления войсками в боевых условиях, каковые выводы подтверждены достижениями в ходе более поздних боевых действий в Персидском зали-

ве и в Боснии. Безрассудная авантюра с Гуз-Грином и скверное руководство 5-й пехотной бригадой, как и несовершенство тактики и вооружения военно-морских сил, не смогли затмить собою блеска общего очевидного успеха. Отправка войск по морю на другой конец земного шара с целью овладения хорошо укрепленными островами сама по себе представляла крупную игру, а, следовательно, итог ее вполне достоин звания видного триумфа. Те, кто рискует жизнью в предприятиях правительства, не должны оставаться забытыми, в особенности если добиваются победы.

По последствиям операция походила на этакую зебру. Нежелание Аргентины примириться с поражением вынудило правительство тори, политические позиции которого на фоне военного успеха заметно улучшились, потратить примерно £2 миллиарда на укрепление островов, построить разорительно дорогостоящую авиабазу и содержать гарнизон. Предпринятые меры подтверждают стратегическую значимость Фолклендских островов, каковой фактор так упорно отрицало то же самое британское правительство в процессе ведения переговоров с аргентинцами до войны. Столкновение из-за Фолклендов наложило отпечаток на всю последующую политику закупок военного имущества.

Результат войны для противника можно назвать вполне милосердным. Окопавшаяся в Буэнос-Айресе хунта во главе с генералом Галтьери и его приспешниками рухнула, позволяя подготовить почву для взращивания неуверенной демократии в период правления президента Карлоса Менема. В общем, как нередко обстоит дело с войнами, в итоге побежденный выиграл от конфликта не меньше, чем победитель. Поражение в противостоянии за Фолклендские острова стало, вероятно, наиболее положительным фактором в истории Аргентины на протяжении доброй половины столетия. Однако неудача никак не снизила стремления страны к возвращению таких близких, но недоступных территорий, служащих притягательной мишенью для разного рода авантюристов.

Рассказ о войне, написанный сразу же после ее окончания, оказался верен во всех важных моментах и со времени его публикации по-прежнему остается актуальным. Лишь немногие военные или политические откровения, ставшие достоянием общественности после 1982 г., смогли бросить тень на наши заключения, тогда как иные прежде затуманенные подробности окончательно прояснились и вышли на свет. Теперь мы лучше

представляем себе планы и стратегию Аргентины до и в ходе войны. Какое-то количество материала поступило из воспоминаний военных и политиков (пусть и куда меньше от последних) и в результате журналистских расследований. По нашему убеждению, военные мемуары не меняют общего спектра, то есть не обесценивают нашу историю в ее первозданном виде, когда та была рассказана в 1983 г. Хотя раздражение иных авторов в отношении товарищей по оружию и соперничающих формирований, несомненно, оживляет общую картину сегодня.

Некоторые комментаторы критиковали введенную и действовавшую на протяжении войны цензуру Министерства обороны. Солидный груз трудов, написанных на эту тему, главным образом отражает раздутое самомнение СМИ в отношении их собственного значения в войне. Мы же считаем обоснованным право — и даже обязанность — любого правительства скрывать информацию, могущую оказаться хоть сколько-то важной для неприятеля и поставить под удар возможный итог войны. Таковое право распространяется и на намеренное введение в заблуждение. С другой стороны, касательно связи и коммуникаций, во время сражения за Фолкленды, как по большей части и в ходе войны в Персидском заливе, военные власти на суше фактически пользовались монополией в части распространения информации. Нечто подобное вряд ли повторится в эпоху мобильных телефонов.

Проводилось немало расследований в отношении ошибок и просчетов, допущенных в процессе противостояния. Выводы занимавшихся анализом и подсчетом лиц страдали от их ретроспективного взгляда с позиции факта полной победы британских войск и от завышенных ожиданий — от представлений о том, как должны действовать военные формирования в боевых условиях. Войны редко развиваются в точном соответствии с планами. В случае проигрыша едва ли не все решения считаются ошибочными. Когда же достигнут успех, любые излишества, допущенные победителем, объявляются варварством. Всячески склоняемые обстоятельства потерь в битве за Гуз-Грин, в том числе и гибель командира 2-го батальона Парашютного полка подполковника Джоунза, на самом-то деле так выпячены в первую очередь из-за критики в отношении беспринципной «войны политиков». Залогом успешности атак вражеской авиации против судов «Сэр Галахад» и «Сэр Тристрам» отчасти послужила нерасторо-

ность офицеров среднего командного звена. Однако сражения слишком уж многим отличаются от катастроф поездов в мирное время. Для войны характерны недоразумения, неожиданности и излишние предосторожности, вызванные несообразной реакцией на те или иные события и действия. Обе стороны совершали грубые ошибки, демонстрируя непонимание ситуации, в которой, правда, зачастую оказывались не по собственному выбору. Лишь у немногих журналистов наличествует личный военный опыт, а потому никуда не деться от напасти в виде соблазна приспосабливать к войне мерила доморощенной публицистики мирного времени.

Одним из примеров нелепых недоразумений при взгляде в ретроспективе являются противоречия, связанные с потерями от «дружественного огня». Подобные вещи неизбежное зло любых боевых операций. Урон у британцев, причиненный стрельбой по своим во время Фолклендской войны, следует оценивать как крайне незначительный по сравнению с потерями от бомбардировок и артиллерийских обстрелов в ходе Второй мировой и даже — войны в Персидском заливе. Министерство обороны подвергалось критике за сокрытие от родственников обстоятельств гибели военнослужащих, лишившихся жизни в таких инцидентах. В прежних войнах считалось гуманным не сообщать подобной информации близким, дабы те считали дорогих им людей отдавшими жизни в бою с врагом. Подобный подход ни в коем случае не связан со стремлением замаскировать ошибки и просчеты командования, а продиктован желанием смягчить боль утраты. Возможно, подобная политика более не выглядит приемлемой в глазах общества, однако ее никак нельзя назвать аморальной.

Публикация в 1993 г. сенсационных мемуаров бывшего военнослужащего 3-го батальона Парашютного полка, участвовавшего в бою за гору Лонгдон и утверждавшего, будто британские солдаты беспричинно расстреливали аргентинцев, вынудила напуганного этими откровениями министра обороны, Малкома Рифкинда, дать старт дорогостоящему расследованию. Доклады поступили на стол главного прокурора. Страсти закипели, но в итоге прокурор последовал рекомендации совета не предъявлять обвинений в убийствах. Весьма необычайно, чтобы кто-нибудь, а в особенности министр кабинета тори, стал рассматривать подобные обвинения как надлежащие. Нет никаких следов

сведений о принятии такого же рода мер аргентинцами в отношении злоупотреблений на островах со стороны своих ветеранов.

Того же свойства дискуссии окружают обстоятельство потопления аргентинского крейсера «Хенераль Бельграно» британской субмариной HMS «Конкерор». Эпизод приковал пристальное внимание многих журналистов и членов парламента, в том числе лейбориста Тама Далъелла. Давая первое объяснение инциденту с «Бельграно», британское правительство пошло на ложь. В тот момент этот крейсер не создавал непосредственной угрозы для британского оперативного соединения. Неудачная увертка легла в основание здания враждебного отношения к эпизоду со стороны прессы и политиков. Мы же считали атаку оправданной тогда и продолжаем считать ее таковой ныне. Военно-морские силы двух стран находились в состоянии войны, причем аргентинцы занимали куда более благоприятное положение. Уничтожение крейсера помогало до известной степени сравнять силы. Причем важнее всего то, что в результате потопления «Бельграно» аргентинцы вернули в порт авианосец «25-е мая», где тот и простоял до окончания войны. В тот момент само по себе присутствие вражеского авианосца в море представляло крупнейшую опасность для всей британской операции.

Проблема для правительства заключалась в его неготовности признать всю степень рискованности положения оперативного соединения. Ему приходилось одновременно поддерживать веру в непобедимость Британии и предпринимать все возможные шаги для улучшения действительного расклада сил. Противник применял свои ВМС и ВВС в непосредственной близости от родных берегов. Как будет сказано ниже, многие американские аналитики в те времена сомневались в победе Британии и ожесточенно спорили в отношении целесообразности риска их британского союзника с политической точки зрения.

Остается обратить внимание на последние два вопроса, касающиеся материалов, отсутствовавших в наличии во времена написания этой книги. В первую очередь это относится к аргентинской стороне. В 1983 г. мы разбирались в обстоятельствах того, почему аргентинцы пошли на означенное предприятие, но не того, как они это делали. Книги Джимми Бернса и Лоренса Фридмена до известной степени дали ответ на первый из вышеозначенных вопросов. Теперь-то мы точно знаем, что аргентинцы передвинули на апрель назначенное на июль вторжение по

причине незадачи с пошедшей прахом авантюры — «репетиции» с захватом Южной Георгии. К июлю, однако, зимняя погода обещала сделать ответные действия британцев почти нереальными. Победа «генерала зимы» была бы предрешенной. Так некие вторичные на первый взгляд факторы оказывают определяющее воздействие на итоги войны.

Комиссия Фрэнкса предпринимала расследование в целях поиска ответа на второй вопрос (так и оставшийся без определенного ответа): почему аргентинцам удалось полностью застигнуть врасплох Британию? Как высказывался Саймон Дженкинс в ряде статей в «Санди Таймс» в мае 1987 г., дело заключалось не в нехватке разведданных, а в несостоятельности правительственной машины — в ее неспособности верно интерпретировать сведения. Как показываем мы в своей книге, в феврале и марте 1982 г. тревожные сообщения потоком текли из Буэнос-Айреса по каналам Министерства иностранных дел и Министерства обороны в Лондон, где, в каких-то кулуарных интересах, данные эти искажались и застревали в системе Уайтхолла. Правительство не сумело отличить сплетни от угрожающих сигналов в основном по причине отсутствия политической воли. Никто — ни Министерство обороны, ни Министерство финансов, ни Кабинет — не желали признавать вынужденную необходимость пойти на дорогостоящие превентивные меры где-то там в Южной Атлантике — в некой отдаленной и малоинтересной для них точке, о которой они почти ничего не знали. По своей природе тогдашнее правительство Тэтчер с враждебностью относилось к любым оборонительным и заморским проектам и меньше всего хотело вкладывать в них деньги (если не считать ядерного оружия). Подобные тенденции, помимо всего прочего, создали благоприятную ситуацию для возможного противника и способствовали выработке условий для начала военной грозы.

Об этом в расследовании Фрэнкса не упомянуто. Наносить ущерб репутации министра иностранных дел, лорда Каррингтона, было бы так немилосердно. Но тот реабилитировал себя и считается сегодня едва ли не единственным достойно ушедшим в отставку высокопоставленным чиновником правительства тори в период между 1979 и 1997 гг. Успех ускорил залечивание всех ран, а интровертированная политическая культура Британии помогла прикрыть шрамы. Во всем виновата система Кабинета в целом — ни больше ни меньше. Никому не пришлось принять

вину на себя персонально. Коллективная ответственность вполне может означать потерю ответственности вообще.

Прошло десятилетие, и Фолклендскую войну заслонило собой более крупное предприятие — развертывание британских войск в Персидском заливе. Однако конфликт в Южной Атлантике сохранил черты определенной привлекательности как последний уродец имперской истории. Столкновение завершилось убедительной британской победой, пусть для того и потребовалась энергичная помощь американцев. Война осталась позади словно бы сама по себе — не возымела большего значения для британских интересов и никого особенно ничему не научила. В других британских колониях, например на атолле Диего-Гарсия, преспокойно выселяли жителей, когда это потребовалось британскому правительству. В Гонконге тоже все прошло без шума. Сражение за Фолклендские острова являлось по преимуществу политической войной — войной гордыни и престижа, войной ради спасения шкуры правительства. Она послужила уроком для конкретного диктатора, но не для диктатуры как таковой. Сколь многим царькам сходила с рук агрессия — никто не посылал против них флотов и армий. Не затем в апреле 1982 г. отправилось в поход и британское оперативное соединение военно-морских сил.

Однако соединение это все-таки вышло в море. Оно выступило в бой и победило. Вот мы и предлагаем читателю посмотреть, как конкретно обстояли дела в ходе этой авантюры.

Макс Хастингс
Саймон Дженкинс
Январь 1997 г.

Предисловие

Перед нами история этакого каприза судьбы, почти наверняка последней колониальной войны для Британии. Сугубая необычайность события очевидна: даже когда начали гибнуть люди, многие из вовлеченных в противостояние чувствовали себя словно бы унесенными в волнах некой фантазии — будто бы тонущие корабли и грохочущие пушки и винтовки вокруг сошли с экранов телевизоров в гостиной.

Будучи корреспондентом при британском оперативном соединении, Макс Хастингса не давал себе труда задаться вопросом в отношении желательности и необходимости той войны. Он попросту чувствовал себя избранным — человеком, получившим благоприятную возможность стать непосредственным свидетелем драматического действа, увидеть британские войска занятыми своим делом точь-в-точь так, как делали они это испокон века: среди путаницы и противоречий, демонстрируя способность смеяться над неудачами, действовать с профессионализмом, отвагой и уверенностью, не оставлявшими их со времен Бленхейма до Белфаста [т. е. на протяжении примерно 280 лет, начиная с битвы при Бленхейме (Блиндхайме), где 13 августа 1704 г. (в ходе Войны за испанское наследство) британцы сыграли заметную роль в победе союзных армий герцога Мальборо и принца Евгения Савойского над франко-баварской армией курфюрста Баварии Максимилиана II и маршалов Франции Таллара и Марсена, и заканчивая действиями британских войск против боевиков ИРА в Белфасте (Северная Ирландия) в 1980-х годах. — *Прим. ред.*]. Когда началась война, первой заботой в умах едва ли не всех в Британии сделалась победа. Когда же отгремели бои, стартовал длинный и сложный процесс расследований. Почему

пришлось вести войну? Стоило ли вообще воевать? Что в действительности происходило? Нельзя ли было решить все как-то иначе?

За день до того, как оперативное соединение «подняло паруса», мы решили — в случае, если и в самом деле разгорится война в Южной Атлантике, — вместе написать о ней книгу. Саймон Дженкинс располагал широкими знаниями происходящего в Вестминстере и Уайтхолле и имел возможность приглядеться к политикам, чиновникам и дипломатам, управлявшим Британией в те дни, — в один из наиболее острых моментов ее послевоенной истории. Хастингс получил шанс разжиться «живым» опытом в процессе событий, окружавших оперативное соединение в период от начала его путешествия из Саутгемптона до капитуляции аргентинцев в Порт-Стэнли.

Наша книга представляет собой главным образом рассказ о политических решениях Британии и о действиях ее военно-морских и сухопутных сил. Мы не стремились к изучению проблем Фолклендских островов и их обитателей, как не пытались показать войну с точки зрения Буэнос-Айреса, пусть и использовали некоторое количество аргентинских источников, так сказать, из первых рук. При работе над книгой мы решили разделить сферы ответственности по очень простому принципу: Дженкинс описывает события в Лондоне, Вашингтоне и Аргентине, а Хастингсу отводится поле самого конфликта в Южной Атлантике. Так мы объединили усилия в общем деле.

За месяцы, прошедшие после окончания войны, каждый из нас беседовал со многими из ее участников. Мы можем похвастаться выпавшей нам честью повидать почти всех главных фигурантов противостояния и пообщаться с некоторыми иногда на протяжении многих часов. В большинстве случаев интервьюируемые были поразительным образом честны, признавая тот факт, что противостояние являлось уникальным событием, а потому потомки заслуживают право знать его секреты за лишь небольшим исключением. Зачастую участники желали беседовать приватно — сугубо не для протокола, причем порой такой подход оказывался неизбежно необходимым для наилучшей передачи ощущений, мыслей и высказываний этих людей во время войны, пусть обязанность цитировать безымянного «офицера», «гражданского служащего» или «министра» и раздражает. В противном случае люди не проявляли бы такой откровенно-

сти. Время от времени мнения в «сухом остатке», в особенности применительно к встречам с ключевыми фигурами, вступали в противоречия друг с другом. Мы можем лишь констатировать сильнейшее желание с нашей стороны разрешить подобные конфликты точек зрения, а в остальном принуждены ждать, когда «правда» выйдет наружу, что, учитывая смехотворные британские правила секретности, произойдет не ранее 2012 г., а может, и не случится никогда.

Хастингс хотел бы выразить особую благодарность солдатам и офицерам оперативного соединения, составлявших ему тесную компанию не только на Фолклендских островах, но и на протяжении последующих месяцев. Он надеется, что со временем Крис Кибл из 2-го батальона Парашютного полка перестанет рассказывать за ланчем историю о том, как прикрепленный к батальону корреспондент заснул на глазах у Кибла в ходе боя за Уайрлесс-Ридж. Благодаря щедрости многих солдат и офицеров Хастингс получил доступ к изложениям событий, дневникам и письмам, написанным как в ходе противостояния в Южной Атлантике, так и после него. Хастингс хотел бы также выразить признательность за всестороннюю помощь и терпение командующему флотом в Нортвуде, предоставившему возможность организовать встречи со многими сотрудниками военно-морского штаба и ударной группы, вернувшейся на родину из Южной Атлантики. Сохранив прочно закрепившуюся за ними репутацию «немногословной службы» в ходе войны, после ее окончания военнослужащие Королевских ВМС оказались крайне общительными и готовыми помочь. Они не согласятся со многим из написанного нами, но мы надеемся, они поймут — мы честно пытались нарисовать правдивую картину происходившего. Перед публикацией с рукописью ознакомились несколько старших офицеров оперативного соединения, и комментарии и поправки их оказались неоценимым подспорьем нам в работе. Разумеется, такие «консультанты» не несут никакой ответственности за ошибки авторов и за их суждения.

Дженкинз чувствует себя обязанным поблагодарить многих оставшихся неназванными министров, гражданских служащих, дипломатов и офицеров, оказывавших содействие ему в Лондоне, Нью-Йорке и Вашингтоне, щедро тративших свое время и рисковавших репутацией, защищенной лишь честным словом интервьюера, — обещанием не называть их имен. Незаменим

и вклад сотрудников библиотек Чатем-Хауса, Каннинг-Хауса [в Чатем-Хаусе располагается Королевский институт международных отношений, а в Каннинг-Хаусе — дипломатическая структура за развитие и поддержку отношений со странами Южной Америки. — *Прим. ред.*] и журнала «Экономист». Если касаться источников по Аргентине, тут никак не обойти признательностью Эндрю Грэм-Йолла, Малкома Диса и Гильермо Макина, а также Джимми Бернса в Буэнос-Айресе. Ричард Наткил изготовил карты просто-таки с какой-то необычайной скоростью и сноровкой.

Мы оба должны отдать должное нашим супругам, которым на протяжении восьми месяцев пришлось жить бок о бок с Фолклендскими островами. Луис Кирби, редактор «Ландон Стэндард», не только отправил Хастингса в командировку на Фолклендские острова, но и оказал огромную любезность и поддержку сотруднику после его возвращения, когда терпел отсутствие оного на службе в течение периода написания этой книги. Эндрю Найт, редактор журнала «Экономист», проявил такое же понимание к политическому обозревателю, Саймону Дженкинсу. Джинни Дэйвис и Генриетта Хилд изрядно способствовали подготовке книги к печати и буквально в рекордные сроки, а также помогли в размещении фотографий и корректуре рукописи.

Данные доклада Фрэнкса по итогам событий в преддверии Фолклендской войны появились в январе 1983 г., когда были опубликованы первые впечатления. С тех пор они цитируются по нашему тексту и, за исключением немногих хронологических подробностей, не требуют уточнения. Изменились лишь наши выводы, как и будет показано в заключительной главе. Для удобства и из соображений практичности выводы комиссии Фрэнкса помещены в конце книги как приложение под литерой «D».

Нам бы хотелось думать, что наша книга есть нечто большее, чем недолговечная публицистика, хотя — согласимся на это — нечто меньше мгновения в истории. Давайте назовем ее переходным отчетом о войне Британии в Южной Атлантике, основанным почти полностью на свидетельствах участников, — всех, кто отправлялся за море и кто оставался дома, кто находился на борту корабля и на суше.

Макс Хастингс
Саймон Дженкинс
Февраль 1983 г.

1

ЗАБЫТЫЕ ОСТРОВА

Все земля эта голая, и нет на ней даже крохотного лесочка, там очень ветрено и холодно, ибо восемь месяцев в году идет снег, а превалирующие ветра дуют с юго-запада.

Бортовой журнал неизвестного корабля из Севильи, 1540 г.

Числа 14-го нас снесло к неким островам, никогда прежде не известным... расположенным в пятидесяти лье [здесь, очевидно, имеется в виду морской лье — около 5,5 км. — *Прим. пер.*] или около того от берегов, где все мы погибли бы, когда б Богу не было угодно проявить чудесную милость и прекратить ветер.

Пассажир на корабле «Дизайер» английского капитана Джона Дэйвиса, 1592 г.

На 24-й день как раз перед рассветом показались в виду три маленьких острова, каковые прежде никто не отмечал и не наносил на карту. Им было дано имя Себалдских... в том же месте обнаружили мы и необычайно большое скопище пингвинов.

Судовой врач на корабле «Блейде Бодсхап» голландского капитана Себалда де Верта, 1600 г.

Несчастье Фолклендских островов в том, что их всегда желали больше, чем любили. Через туман появлялись они покрытыми горбами гор призраками в бескрайнем море, сбивая с толку и наводя страх на моряков, отнесенных на восток от мыса Горн. Штурманы, не вполне уверенные, находятся ли они уже вблизи континенталь-

ного южноамериканского берега, попросту записывали в судовые журналы сведения о голых и таящих смерть коварных скалах и затонах побережья и молились Всевышнему о спасении. Никто так и не узнает, кто же из европейцев первым увидел эти острова. Веспуччи, Магеллан, Дэйвис, Хокинз, Себалд де Верт — любой из них мог бы считать себя их открывателем. В результате острова носили поразительное количество разных названий: Сансоны, Себалды, Хокинз-Ленд, Малуины, Мальвины, или Мальвинские острова [испанцы, а вслед за ними и аргентинцы, использовали для Фолклендских (Мальвинских) островов свою топонимику; так, например, остров Восточный Фолкленд они называли Соледад, остров Западный Фолкленд — Гран-Мальвина, остров Уэдделл — Сан-Хосе, остров Спидуэлл — Агила, остров Пеббл — Борбон, и т.д. — *Прим. ред.*]. Если кого-то интересуют права первооткрывателя в теории, то можно сказать так: испанцы, британцы и голландцы — у всех примерно равные основания считать себя первыми.

Одно нам, по крайней мере, известно точно — имя того, кто первым ступил на землю Фолклендских островов. В 1690 г. капитан Джон Стронг направлялся в Чили, когда его корабль (HMS «Уэлфэр») стало сносить на восток от мыса Горн силой разыгравшегося на море яростного шторма. Так Стронг оказался вблизи северной оконечности островов, каковые тотчас же опознал как виденные ранее капитаном Ричардом Хокинзом. «Здесь много хороших бухт, — писал Стронг. — Мы в достатке обнаружили пресную воду и убили множество гусей и ланей. Что же касательно дерева, так его тут нет вовсе». Стронг сделал всего лишь набросок карты с узким проливом между двумя основными островами и нарек их в честь тогдашнего первого лорда Адмиралтейства [т. е. военно-морского министра Британии. — *Прим. пер.*] Фолкленда, после чего поднял паруса и продолжил плавание.

За Стронгом вскоре пришли другие — много кораблей бороздило моря в период активного торгового соперничества между Испанией, Британией и Францией в восемнадцатом столетии. Условия Утрехтского мирного договора 1713 г. формально подтвердили права Испании на главенство над давно завоеванной территорией в Америке, включавшей и Фолклендские острова, однако соглашение не укоротило жадных притязаний англичан и французов [речь идет о мирных соглашениях между Францией и Испанией с одной стороны, и Великобританией, Голландией (Республикой Семи Соединенных провинций Нидерландов), Португалией и Савой-

ей — с другой, заключенных в Утрехте 11 апреля и 13 июля 1713 г.; дополненный Раштаттским и Баденским мирными договорами, которые 7 марта и 7 сентября 1714 г. заключили между собой Франция и Священная Римская империя, Утрехтский мирный договор положил конец Войне за испанское наследство 1701–1714 гг. — *Прим. ред.*]. Алчные взоры обратились к островам, которые, по гиперболе лорда Ансона, «даже и во времена мира будут иметь огромное значение для этой страны, а в военную пору сделают нас хозяевами морей». Причина восторженного энтузиазма Ансона заключается в способности островов послужить местом привалов и приведения в порядок британских кораблей, огибавших мыс Горн. Нельзя с точностью утверждать, имел ли он в виду в полном смысле подготовленную военно-морскую базу. Однако, несмотря на отзыв Ансона, сколь либо заметных военных действий не последовало. Но концепция Фолклендских островов как морского ключа к различным Эльдорадо [здесь Эльдорадо не название конкретного места, а синоним источника скорого обогащения. — *Прим. пер.*] уже утвердилась в политическом сознании современников.

Первым, кто решил воплотить в жизнь план захвата и заселения Фолклендских островов, стал французский дворянин Антуан де Бугенвиль, мечтавший о мести Британии за потерю Квебека. [Луи-Антуан де Бугенвиль (1729–1811) — знаменитый мореплаватель и руководитель первого французского кругосветного плавания 1766–1769 гг. Во время Семилетней войны, тогда еще как офицер сухопутных войск, он сражался с 1756 до 1760 г. против британцев в Канаде, а в 1763 г. перешел с чином капитана фрегата в королевский военно-морской флот Франции. Дослужившись в 1792 г. до звания вице-адмирала, Бугенвиль стал в 1799 г. сенатором и в 1808 г. получил от Наполеона титул графа Империи. — *Прим. ред.*] Отправившись в путь из Сен-Мало 5 апреля 1764 г., он официально предъявил претензии на острова от имени короля Людовика XV [в действительности французская морская экспедиция капитана Л.-А. де Бугенвиля, состоявшая из фрегата «Эгль» (L'Aigle, «Орел») и шлюпа «Сфинкс» (Le Sphinx), отплыла из Сен-Мало 15 сентября 1763 г. и прибыла к Мальвинским островам в конце января 1764 г., а указанная авторами дата 5 апреля 1764 г. — это как раз тот день, когда Бугенвиль, проведя в поселении Порт-Луи соответствующую церемонию, объявил Мальвины владением короля Франции. — *Прим. ред.*]. Вместе с фактом былой принадлежности данного ареала к испанскому доминиону,

описываемый захват островов прочно укоренился как аргумент в основании всех претензий Аргентины на Фолкленды. Французы высадились к северу от места расположения сегодняшнего Порт-Стэнли на Восточном Фолкленде. Вот что писал де Бугенвиль: «Местность безжизненная, ввиду отсутствия населения... везде и всюду странное, навевающее меланхолию единообразие». Тем не менее мореплаватель с сопровождавшими его колонистами построили небольшой форт и устроили поселение, получившее название Порт-Луи. В следующем году прибыло снабжение. Невзирая на унылые пейзажи, люди начали обживать территорию, и колония пустила прочные корни. Каким бы отделенным и незначительным ни казалось это событие на взгляд британцев, нельзя, не разобравшись в вопросе как следует, понять причины такого острого отношения к островам нынешней Аргентины.

Почти в то же самое время британцы — возможно, обеспокоенные экспедицией де Бугенвиля, — задумали некое очень похожее предприятие. Словом, Адмиралтейство поручило коммодору [коммодор — звание в Королевских ВМС Великобритании, соответствующее бригадиру в сухопутных войсках. — *Прим. ред.*] Джону Байрону, носившему прозвище «Собачья погода», изучить местоположение островов и поставить под подчинение британской короне. Он прибыл на Западный Фолкленд годом позже французов, высадившихся в 1765 г., и, ничего не зная об их присутствии по соседству, водрузил там «Юнион Джек» [Union Jack — британский флаг. — *Прим. пер.*]. Байрон дал месту расположения своего десанта название Порт-Эгмонт, велел устроить там огород и сразу же затем поднял паруса.

Спустя еще год, в целях закрепления положения в месте высадки Байрона, туда же отправили кэптена [звание кэптен (captain, т.е. капитан), существующее в британских Королевских ВМС и в военных флотах ряда других англоязычных стран (в частности США), соответствует капитану 1-го ранга российского ВМФ. — *Прим. ред.*] Джона Макбрайда. Он получил указание построить форт и выгнать прочь любых поселенцев, каковые окажутся на островах, и вообще каждого, кто осмелится оспаривать права Британии на данную территорию. Однако по прибытии к месту назначения британцы столкнулись нос к носу с французскими колонистами из Порт-Луи, насчитывавшими около 250 чел. Французы указали на факт первенства в создании ими колонии и попросили Макбрайда убраться оттуда.

Тогда-то Фолклендские острова и споткнулись о ступеньку глобальной мировой политики. Испанцы пришли в возмущение от столь откровенного нарушения условий Утрехтского мирного договора британцами и французами, отправившими экспедиции на территорию, им не принадлежавшую. Однако Франция в то время выступала союзником Испании [следует иметь в виду, что тогда обеими странами правили родственные по крови монархи из династии Бурбонов (французский король Людовик XV и испанский король Карл III были двоюродными братьями). — *Прим. ред.*], и стороны достигли соглашения, по которому французы уступали колонию Порт-Луи испанцам в обмен на достойную компенсацию де Бугенвилю. Передача осуществилась в ходе особой церемонии на Восточном Фолкленде в 1767 г., губернатором стал дон Фелипе Руис Пуэнте, подчинявшийся капитан-генералу Буэнос-Айреса. Новая колония подверглась переименованию в Пуэрто-Соледад. Едва ли французы переживали из-за необходимости покинуть столь отдаленный пункт, и, безусловно, испанцы не приходили в восторг от получения его в законную собственность. «Я пребываю в жалкой пустыне, терпя все лишения во имя любви к Господу Богу», — писал первый священник общины, отец Себастьян Вильянуэва. Британский флотский лейтенант [звание лейтенанта британских Королевских ВМС соответствует старшему лейтенанту российского ВМФ. — *Прим. ред.*], служивший в те времена в Порт-Эгмонте, дополнил картину: «Самое отвратительное место, в котором мне в жизни доводилось бывать».

Испании понадобилось два года для начала действий против британцев на Западном Фолкленде. В 1769 г. капитан-генерал Буэнос-Айреса, энергичный вельможа по имени Франсиско Букарельи, получил из Мадрида указания выбросить британцев с островов — если потребуется, силой. Букарельи взялся за дело с воодушевлением, отправив с материкового побережья пять кораблей с 1400 чел. на них. Британский командир в Порт-Эгмонте, кэптен Джордж Фармер, со своей кучкой морских пехотинцев вынужден был оставить селение «против воли». Он возвратился в Англию в сентябре 1770 г. Вот как в 1927 г. писал историк Фолклендских островов Джулиус Гёбель[1], рассказы-

[1] Julius Goebel, The Struggle for the Falkland Islands, Yale. 1927 (Джулиус Гёбель, Борьба за Фолклендские острова).

вая о приеме, которого удостоился Фармер у переживавшего не самые лучшие времена правительства лорда Норта, при этом, словно бы предвосхищая события, происходившие примерно два столетия спустя: «Министры, уже совершенно очевидно настроившиеся на разрешение бедствия мирным путем и, вероятно, готовые пойти даже и на уступки Испании, подписав предложенное ей соглашение... сразу же очутились в обстановке, в которой унять народное недовольство могли лишь самые крайние меры».

Результатом стал первый для Британии Фолклендский кризис. Противником тогда выступала Испания, и над самим спором довлела атмосфера неуверенности. Безусловно, действовал также и фактор непрочного положения правительств обеих стран-соперниц. Последовал год интенсивных дипломатических усилий, прожитый под угрозой войны с обеих сторон. В конечном счете удалось выработать соглашение: в соответствии с ним, Британии позволялось вернуться в Порт-Эгмонт, «дабы восстановить честь короля», тем не менее Испания сохраняла претензии на суверенитет. Как бы там ни было, испанцы настаивали, что разрешение на возвращение британцы получили лишь в связи с условием обещания лорда Норта относительно их ухода с островов в будущем. Однако обстоятельство приходилось держать в тайне во избежание шумихи, которую подняла бы оппозиция во главе с лордом Чатемом.

В то же самое время правительство, пытаясь снизить накал политических страстей и принизить значение Западного Фолкленда в глазах британской общественности, заказало доктору Сэмюэлу Джонсону памфлет. Джонсон писал, будто речь идет о месте, «выброшенном на свалку за ненадобностью человеку, холодном и штормовом зимой, бесплодном летом, об острове, которому не оказали чести заселить его даже южные дикари, где гарнизону придется жить в условиях хуже сибирской ссылки, а вот тратиться на его содержание надо будет круглый год».

Британская экспедиция все-таки вернулась в Порт-Эгмонт, но очистила его от своего присутствия через три года. Англичане оставили после себя табличку с надписью: «Да будет известно во всех странах, что Фолклендские острова с сим фортом, складами, причалами... есть исключительная собственность Его Святого Величества Георга III, короля Великобритании». (Во многих британских источниках под словом «Ysland» понимался не один остров, а острова во множественном числе, следовательно, Бри-

тания распространяла свои претензии и за пределы собственно Западного Фолкленда.) Британцы не просили испанцев уйти из Пуэрто-Соледад и не намекали им на уход оттуда. На самом-то деле впоследствии британцы фактически признавали права испанцев на острова. В 1790 г. оба государства подписали Конвенцию о заливе Нутка [это соглашение разрешало так называемый «Нуткинский кризис» — территориальный спор 1789–1790 гг. между Англией и Испанией в районе залива Нутка (на острове Ванкувер) — единственной удобной якорной стоянки у западного побережья современной Канады. — *Прим. ред.*], по условиям которой Британия официально отказалась от колониальных притязаний в Южной Америке «и на близлежащих островах». Фолклендские острова оставались колонией Испании в течение сорока лет — до крушения испанской империи в Новом Свете на заре девятнадцатого века.

Первые шаги на пути к независимости южноамериканских колоний от Испании были сделаны в Буэнос-Айресе в 1810 г., в результате чего в следующем году колониальные власти решили вывести испанских поселенцев из Пуэрто-Соледад и из расположенной на материке по соседству Патагонии. Фолклендские острова оказались фактически брошенными и служили прибежищем для путешественников и китобоев из нескольких стран, при этом единственными властителями на них являлись капитаны заходивших туда кораблей. Однако в 1820 г. новое государство Объединенные провинции Рио-де-ла-Платы, являвшееся предшественником сегодняшней Аргентины, отправило в поход фрегат, чтобы, на основании преемственности колониального прошлого Испании, заявить на острова законное право собственника.

Командир фрегата поставил в известность капитанов пятидесяти или около того судов, находившихся в Пуэрто-Соледад, что заниматься охотой и рыболовством на островах полагается с разрешения правительства. Неоднократно предпринимавшиеся на протяжении 1820-х годов попытки «навести порядок» почти ничего не меняли в жизни склонного к анархии, живущего преимущественно морем сообщества. Тем не менее, в 1823 г. из Буэнос-Айреса прислали первого губернатора, Гильермо Масона, а к 1829 г. положение улучшилось и позволило следующему губернатору, Луису Вернету, развить на островах существенную торговлю и сельское хозяйство [Луи Верне (1792–1871), родившийся

в Гамбурге потомок французских гугенотов, чье имя по-испански произносится как Луис Вернет, занимал пост гражданского и военного губернатора, или, точнее, «коменданта» Мальвинских (Фолклендских) островов (comandante politico y militar de las Islas Malvinas) с 10 июня 1829 г. до 10 сентября 1832 г. — *Прим. ред.*]. Он также ввел ограничения на добычу котиков, стараясь сохранить от хищнического истребления находившуюся на грани уничтожения популяцию. Британский консул в Буэнос-Айресе, Вудбайн Пэриш, почувствовал себя обязанным поддержать давние притязания Британии на острова (несмотря на соглашение о заливе Нутка) и выразил протест по случаю назначения Вернета, хотя никаких дальнейших акций не воспоследовало.

Ревностно исполняя обязанности, Вернет перешел от запретов к активным действиям, арестовав американский корабль «Харриет» за незаконную заготовку котикового меха и произведя конфискацию добычи. Затем он отправился в Буэнос-Айрес для предания суду капитана браконьерского судна. Не без подначки со стороны Пэриша, американский консул в городе подал голос — заявил о праве американских судов делать на Фолклендских островах все что угодно, поскольку Америка никогда не признавала юрисдикции Вернета. Удача словно бы сама спешила навстречу консулу. В тот момент в порту оказался американский боевой корабль, USS «Лексингтон» [24-пушечный военный шлюп, построенный в 1825–1826 гг. и прослуживший в составе ВМС США до 1855 г. — *Прим. ред.*], каковой и был отправлен консулом в Пуэрто-Соледад с задачей вернуть конфискованную собственность — главным образом шкурки котиков, отобранные по приказу Вернета у капитана американского судна.

Если какие-то действия в истории и могли послужить приводным механизмом, или запалом Фолклендских событий 1982 г., так это безрассудные поступки командира «Лексингтона», мастер-коммандanta [в табели о рангах американского военно-морского флота XVIII–XIX веков звание «мастер-коммандант» (master commandant) стояло на одну ступень выше лейтенанта; в 1838 г. оно было заменено званием «коммандер» (commander). — *Прим. ред.*] Сайласа М. Данкана, по его прибытии в Пуэрто-Соледад. Он не только отбил конфискованные шкурки котиков, но и заклепал аргентинские пушки, взорвал запасы пороха, дал команде разграбить постройки в поселении и взял под стражу едва ли не всех его жителей. После чего Дан-

кан провозгласил острова «свободными от какого бы то ни было правительства» и вышел в море. Таковую акцию ничем, кроме откровенного пиратства, не назовешь. Результатом стали взаимные обвинения между Вашингтоном и Буэнос-Айресом — за действия Вернета и Данкана соответственно. Тяжба благополучно перекочевала из девятнадцатого в двадцатое столетие. Между тем аргентинцы послали на острова нового губернатора, Хосе Франсиско Местивьера, которого, к сожалению, убили по прибытии туда те немногие оставшиеся после визита Данкана аргентинцы, по большей части каторжане.

Встревоженное сигналами Пэриша, британское Адмиралтейство наконец решило предпринять акцию. 2 января 1833 г. британцы вернулись на Фолклендские острова на двух военных кораблях, «Тайн» и «Клио», находившихся под командованием кэптена Джеймса Онслоу [кэптен Джон Джеймс Онслоу, следуя на своем 18-пушечном шлюпе «Клио» (HMS Clio) от Рио-де-Жанейро, достиг 20 декабря 1832 г. поселения Порт-Эгмонт на острове Сондерс (или Тринидад) Фолклендского архипелага, где позже к нему присоединился 28-пушечный корабль 6-го класса «Тайн» (HMS Tyne) каптена Чарлза Хоупа, и 2 января 1833 г. прибыл в Пуэрто-Луис (бывший Пуэрто-Соледад), чтобы изгнать оттуда аргентинцев. — *Прим. ред.*]. Правительство Палмерстона проинструктировало его взять острова и удерживать их от имени Британии. Кэптен Онслоу застал дона Хосе Мария Пинедо, командира аргентинской военной шхуны «Саранди», в самом разгаре кампании по подавлению мятежников, убивших Местивьера. Онслоу приказал капитану Пинедо спустить аргентинский флаг и убраться восвояси. Поскольку британцы обладали значительным превосходством в корабельной артиллерии [даже один британский шлюп «Клио» с его 18 орудиями был сильнее шхуны «Саранди», имевшей на вооружении всего 9 пушек (одну 16-фунтовую, две 12-фунтовые, две 8-фунтовые и 4 легких). — *Прим. ред.*], Пинедо не оставалось ничего иного, как уйти: так очередной офицер оставил Фолклендские острова «не по доброй воле». Хотя, возможно, последнее заявление и не вполне искреннее. Британцам понадобилось целых шесть месяцев для расправы со шлявшимися повсюду шайками гаучо [в данном случае речь идет о конных разбойниках, хотя в прямом смысле слова аргентинский гаучо — это пастух крупного рогатого скота, некий латиноамериканский аналог ковбоя североамериканского Запа-

да. — *Прим. пер.*], не желавшими подчиниться британскому правлению. Одного из них, бандита по имени Антонио Риверо, в конечном счете поймали и отправили в Монтевидео. С тех пор он считается героическим аргентинским «партизаном». Со времени вышеописанной экспедиции кэптена Онслоу британцы, за исключением двух месяцев в 1982 г., непрерывно владели Фолклендскими островами, хотя на протяжении восьми лет после 1833 г. новые хозяева не предпринимали почти или вовсе никаких действий для восстановления торжества законности и порядка, что аргентинцы, со своей стороны, всегда старались делать вплоть до момента своего изгнания.

* * *

Фолклендские острова, безусловно, никогда не имели стратегического значения — по крайней мере, до распространения судов с паровыми двигателями. Однако с момента открытия островов они, похоже, неизменно служили неким воплощением национальной гордости владевшей ими страны. Все аргентинцы убеждены в том, что «Мальвинские острова» принадлежат им по праву, хотя и захвачены в 1833 г. колониальной державой с применением грубой силы. Со своей стороны британский министр иностранных дел, Фрэнсис Пим, высказывался в 1982 г. следующим образом: «Правительство Ее Величества не испытывает и никогда не испытывало сомнения в законности принадлежности островов нам». В эпоху по крайней мере рудиментарной международной законности, претензии обеих стран не могут основываться на известном принципе «сила есть право» и «владение есть девять десятых закона». Необходимо некоторое арбитражное решение.

Аргентина упирает на то, что право первооткрывателя никогда не признавалось международными юристами как основание для суверенного владения территорией. Мало открыть новые земли первым, надо, кроме того, занять их и учредить там какую-то администрацию. Изначально колонию на островах создали французы, но де Бугенвиль затем уступил землю Испании — это была едва ли не единственная неоспоримая сделка по передаче Фолклендов в их истории. Британское первенство ограничивается Западным Фолклендом, да и то при этом Британия не создала на острове никакой поселенческой общины. После

большого спора с Испанией фактическое владение территорией Британией прекратилось: знаменитая табличка с надписью юридической силы не имеет. Испания поддерживала мирную колонию на островах на протяжении сорока лет. Когда в 1811 г. Испания очистила Фолклендские острова, британцы не предъявили претензий на данную территорию, а в 1820 г. правительство государственного образования, ставшего позднее Аргентиной, заявило о своем суверенном праве на них как на наследство от Испании. Страна назначала губернаторов, отправляла их на острова и, по крайней мере, пыталась как-то управлять ими и поддерживать законность и порядок. Лишь случайный акт — американское пиратство — сделал возможным захват территории британцами.

Для британцев все дело лежит как бы в трех плоскостях. Во-первых, Британия выдвинула претензии на острова в 1765 г. и никогда не отказывалась от них. В 1833 г. Лондон приступил к активным действиям лишь с целью заполнить политический вакуум на островах. Довод не очень прочный, и известно о некой неуверенности в Министерстве иностранных дел, возникшей в связи с вновь выдвинутым в прошлом веке Аргентиной требованием о возвращении территории. Американский «нейтралитет» по вопросу суверенитета основывается на сходном фундаменте из сомнений, выраженных в 1947 г. в меморандуме Министерства иностранных дел США.

С момента перед Второй мировой войной британцы вступили на следующее поле дискуссии, уцепившись за доктрину права давности приобретения. В широком смысле его надо понимать так: длительный временной отрезок фактического владения дает основания для владения юридического. Право очевидно поддерживается фактом отсутствия попыток оспорить его со стороны мира в целом. Пусть другая сторона тоже претендует на территорию, данный момент не может аннулировать права владения. Применительно к международной юриспруденции все это не более чем заявление о том, что сила, оставшаяся без вызова длительный период, есть право. Существует единственный довод в поддержку такого толкования законности: если все государства решат обратиться к своим претензиям в пределах 150-летнего промежутка времени, когда бы они ни почувствовали в себе достаточно сил для этого, мир сделался бы куда более кровавым, чем теперь.

Самый сильный из доводов британцев — третий — основан на принципе самоопределения. Две трети местного населения островов страстно желает остаться с Британией. Уважение волеизъявления жителей в вопросах суверенитета закреплено решениями Организации Объединенных Наций и лежит в основе процессов деколонизации на протяжении десятилетий. Аргентинцы не согласны, ибо этак любое государство сможет захватить территорию другого, устроить там поселения, а потом требовать признания ее своей. И все же, несомненно, факт наличия островитян остается фактом, как и их свободно выраженная воля быть вместе с британцами. Все эти моменты доминировали на протяжении семнадцати лет переговоров по вопросу будущего островов.

* * *

Аргентина может, по крайней мере, утверждать, что ее претензии постоянны, и она никогда не дезавуировала их. Буэнос-Айрес возражал, когда в 1842 г. Британия официально объявила об установлении правления колониальной администрации на Фолклендских островах. В 1880-е годы, когда Аргентина занималась территориальными разборками с Чили на юге, она вновь подняла вопрос принадлежности островов. В 1908 г. Британия в одностороннем порядке заявила о своем суверенитете на необитаемые территории в ареале южнее Фолклендских островов. Южная Георгия, Южные Сандвичевы, Оркнейские и Шетландские острова и Земля Грэма — все были сгруппированы как зависимые территории Фолклендских островов. Аргентина, в свою очередь, отвечала, что данные земли, безусловно, принадлежат ей, в результате чего начался полувековой период бескровных распрей с участием британских, аргентинских и чилийских военных кораблей и партий ученых. Они отправлялись на юг водружать таблички, возводить постройки и испытывать решимость противной стороны, а потом сдавались и уходили под натиском отвратительных погодных условий.

К моменту окончания Второй мировой войны аргентинское правительство, британское Министерство иностранных дел, жители Фолклендских островов и британские ВМС медленно, но верно следовали курсом на столкновение, хотя начинали — по крайней мере многие — как друзья. В 1930-х годах Аргентина в коммерческом, если уж не в политическом смысле по-прежнему

являлась частью империи Британии. По условиям пакта Рока-Рансимэна 1933 г. эта южноамериканская страна получила такие же условия реализации продуктов питания, как и новые доминионы Британского содружества наций. Широкомасштабная европейская иммиграция из Италии и Германии, а также из Испании начала ослаблять узы, связывавшие Аргентину с Британией. Аргентина гордилась почти исключительно европейским населением с лишь небольшой добавкой представителей негроидной расы или американских туземцев. Она предпочитала дистанцироваться от латиноамериканских соседей на севере, а в 1930 г. военный переворот влил в политику страны изрядную порцию национализма. Прогрессирующая экономика создавала промышленный фундамент и способствовала вызреванию соответствующих группировок по интересам. Аргентина была государством растущих ожиданий, деятельных профсоюзов и многообразных политических сил.

В Германии, Италии и Испании — «родных домах» десятков тысяч аргентинцев — такое общество породило феномен национал-социализма. Явлению этому понадобилось доброе десятилетие, чтобы полным цветом зацвести в Аргентине, но, начиная с 1945 г. и на протяжении трех десятилетий затем, полковник Хуан Перон и его последователи сумели выстроить здание этакого харизматического национализма. После смерти в 1974 г. Перона оставленное им наследие повлекло за собой едва ли не самую деструктивную в Южной Америке политическую вендетту — ожесточенную борьбу между аргентинскими «перонистами» и военными. Если говорить о драматичных персоналиях Фолклендской войны, несомненно, наиболее мрачной фигурой, стоявшей за решениями аргентинской хунты, являлся не кто иной, как Хуан Перон. Он стал этакой статуей командора для постановки «Дон Жуана» в режиссуре генерала Галтьери.

Армейское прошлое Перона, его поездки в довоенные Испанию и Италию и открытое восхищение Муссолини привели к возникновению — пользуясь его собственной терминологией — «интегрального национализма». После Второй мировой войны, в ходе которой Аргентина до последнего мгновения держалась стран «Оси», она стала государством, выключенным из нового организованного США панамериканизма. Такая вынужденная самостоятельность диктовала стремление подтвердить права на спорные границы и территории в различных местах, глав-

ным образом на архипелаге Огненная Земля, в Южной Атлантике и в Антарктике. Карты, комиссии, экспедиции, «научные» базы — все помыслы Буэнос-Айреса были устремлены на юг в желании бросить вызов Британии с ее традиционным верховенством в этом уголке мира. В 1959 г. с помощью одного из весьма успешных международных актов, договора об Антарктике, удалось урегулировать антарктический вопрос и добиться в теории ее статуса демилитаризованного континента. На сей раз Британия обрисовала границы зависимых территорий Фолклендских островов, разделив их на три группы, к северу от 60-й параллели, как записано в договоре: Южные Сандвичевы острова, остров Южная Георгия и сами Фолкленды. В результате этих действий британцы способствовали усилению у Аргентины ощущения, что спорные острова не являлись и не должны являться британскими.

Перон, казалось, изъявлял готовность передать все такого рода вопросы в руки дипломатов. Острова не имели экономического значения и играли лишь ограниченную роль в стратегическом плане. Колонизировать их казалось излишним, да и при любом раскладе наличие давней британской общины там выступило бы осложняющим фактором. К тому же у британских ВМС имелась база в Саймонстауне в Южной Африке. Но, несмотря ни на что, во всех аргентинских школах ученикам внушали: «Мальвинские острова есть часть Аргентины» — клич, даже положенный на музыку. В результате выросли поколения аргентинцев, считавших британскую «оккупацию» ударом по государственной целостности их страны. Возвращение островов не являлось неким юридическим или дипломатическим вопросом. В нем содержался вызов национальной гордости. Когда аргентинские политики затрагивали данный предмет, британским министрам, посещавшим Буэнос-Айрес в 1960-х и 1970-х годах, постоянно приходилось испытывать неприятное удивление. Мысли о подобных осколках империи быстро улетучивались из умов европейских «регионалистов» в Вестминстере. Почему же такие чувства должны были просыпаться в душах новоиспеченных «регионалистов» в других уголках мира? Просто-таки тайна какая-то.

Возможно, большинство британских политиков смутно осознавали фактор Фолклендских островов как некое желанное облегчение боли отступления империи. По мере того как одна за другой страны рвали британские узы, жители Фолклендских

островов, напротив, отчаянно хотели сохранить единство с Британией. Тут наблюдался едва ли не исключительный случай, когда империализм и самоопределение шагали плечо к плечу. Обоим требовалась оборона перед лицом враждебно настроенного соседа. Фолклендские острова столь долго прятались под защищающей дланью империи. С ее уходом обитатели ареала все в большей степени чувствовали себя уязвимыми, зависимыми не от реальной военной мощи, но о памяти о ней. Их защищал этакий исторический блеф.

По иронии судьбы, политическая партия, на долю которой выпал весь груз деколонизации Британии, являлась партией, традиционно ведшей империю к ее процветанию. К концу тринадцатилетнего периода правления консерваторов, в 1964 г., большинство вчерашних британских владений в Африке и в Азии либо уже превратились в отдельные государства, либо находились в процессе обретения независимости. Правда, военные базы, призванные защищать такие образования, по-прежнему оставались на их территории. «Юнион Джек» развевался повсюду, от Гонконга и Сингапура до Адена и Саймонстауна и Кипра с Гибралтаром. Тори, так недовольные темпом имперского отступления, теперь сражались со скамьей оппозиции ради сохранения военного присутствия в бывших колониях.

Такие члены парламента отстаивали убеждение о том, что сокращение империи не означает уменьшения ее роли в мире до тех пор, пока британские вооруженные силы развертываются во всевозможных уголках планеты. Как и ядерная бомба, британские базы представляли собой «пропуск за стол президиума» сообщества государств. Новый премьер-министр от партии лейбористов, Харолд Уилсон, также не зажимал уши перед подобными доводами. И все же, как тори приходилось обеспечивать тылы перед лицом нажима своего правого крыла в вопросах внешней и оборонительной политики, так и Уилсон был вынужден обороняться от своих левых. Уход с территории к востоку от Суэцкого канала вызвал клич к объединению партийных оппонентов Уилсона, и в конечном счете тот сдался. Наиболее важным последствием такого неопределенного положения в отношении постимперского курса на правительственной скамье стало перемещение вопросов внешних взаимоотношений и оборонительной политики с авансцены парламентских и публичных дискуссий в тайный мир рабочих групп Министерства иностранных дел,

комитетов Министерства обороны и прочие закулисные кулуары. Там, в незримых глубинах британской политики, вдали от противоречий общественного мнения было проще формулировать задачи и выполнять (или не выполнять) их.

Основную ответственность по обеспечению обороны Фолклендских островов несли Королевские ВМС. Военно-морской флот менее других служб утешался уходом империи. С исчезновения очередного клочка красного сукна на карте мира уменьшалась потребность в авианосцах, десантных судах и заграничных базах. Появление транспортируемого морем ядерного оружия и увеличение требований к продолжительности плавания при проектировке кораблей вынуждали к частным и обычно пессимистическим пересмотрам военно-морской стратегии. Род войск, все сильнее терявший уверенность в истинной его роли, начал замыкаться на себе и защищать свою институциональную территорию, что означало главным образом — отстаивать корабли. Министры ВМС, лорды Адмиралтейства, адмиралы флота теперь зарабатывали свои боевые награды на линолеуме коридоров больших и белых строений Министерства обороны в Уайтхолле. Поражения фиксировались тяжелым канцелярским слогом в томах «белых книг» оборонительного ведомства. Победы блистали на стапелях верфей рек Тайн и Клайд. Аргументы флотского начальства следует признать основательными: заправилы внешней политики Британии не смогут поддерживать в работоспособном состоянии всевозможные дальние и ближние альянсы исключительно за счет одной виртуозной дипломатии. Королевским ВМС определенно требовались корабли, но вот непростой вопрос: какие?

В 1960-е годы и в начале 1970-х ВМС возглавляли такие сильные личности, как сэр Майкл ле Фаню и сэр Питер Хилл-Нортон. Как представляется очевидным, в период исполнения ими своих высоких обязанностей господствовал один императив: судьба авианосцев Британии. Авианосцы не только лишь символ величия военно-морской мощи страны, но и залог способности ВМС действовать повсюду в мире. Наличие авианосцев свидетельствовало — Британия по-прежнему может играть роль мирового жандарма. Адмиралы и их сторонники в парламенте сражались за авианосцы со всей решимостью, неслыханной — при всех письмах и статьях в «Таймс» в нарушение субординации — в других государственных службах. Первым начал «топить» ави-

аносцы в 1966 г. министр обороны от партии лейбористов Денис Хили, стремившийся, казалось, достигнуть высоты радикализма в области оборонных отчетов «Белой книги» в период с момента окончания войны. Он со всей категоричностью утверждал, будто отныне и впредь авианосцы будут применяться в операциях, связанных с «высадкой или отводом войск в случае сильного и всестороннего вражеского противодействия в ареалах, где не способна действовать базирующаяся на суше авиация». (Фолклендская война в двух словах.) Однако он не мыслил себе подобных операций, в которых Британия будет участвовать «без помощи наших союзников». Иначе говоря, Британия останется жандармом, но только в паре с Америкой.

ВМС вели кампанию на всем протяжении 1970-х годов. Планы по строительству «харриероносцев» [т. е. авианосцев, оснащенных палубными многоцелевыми самолетами «Си Харриер» (Sea Harrier FRS.1) производства британской компании Хокер Сиддли (Hawker Siddeley), которые, благодаря своей способности к вертикальному взлету и посадке, позволяли использовать полетную палубу меньшей протяженности. — *Прим. ред.*] и «авианосных крейсеров» циркулировали по бюрократическим коридорам и накапливались на столах военных чиновников. Все усилия до известной степени увенчались успехом, выразившись в строительстве одного «мини-авианосца» под названием «Инвинсибл», каковой наличествовал в распоряжении флота для описываемого нами похода в Южную Атлантику, тогда как второй, «Илластриес», находился тогда в процессе строительства на верфях Тайн. К тому же Британия располагала старым авианосцем «Гермес» [HMS Hermes; по-английски название этого корабля, данное в честь античного бога Гермеса, звучит как «Хермиз», однако в данном случае, в виде исключения, применяется его традиционное русскоязычное написание. — *Прим. ред.*], официально профилированным как «вертолетоносец». Стратегическое оправдание переходу к подобного рода кораблям, рассчитанным только на «Си Харриеры» и вертолеты, заключалось в обеспечении ими нужд противолодочной обороны в структуре НАТО. Как считалось в 1981 г., к моменту отчетов в «Белую книгу» Джона Нотта, данные функции смогут лучше (и при безусловно большей экономической практичности) выполнять эсминцы и фрегаты. «Гермес» решили разрезать на металлолом, а «Инвинсибл» — продать австралийцам. Ближе к концу 1970-х

годов финансовые ограничения, наложенные на Королевские ВМС, оказались настолько суровыми, что многие военные корабли попросту встали на прикол из-за отсутствия запасных частей. На некоторых фрегатах класса «Линдер» нельзя было использовать главный сонар. Оплата услуг личного состава военно-морских сил снизилась настолько, что многие моряки, находясь на суше, занимались «халтурой» — находили себе вторую работу для повышения доходов. Самым черным оказался 1980 г., когда вступил в действие полный мораторий на заключение контрактов в оборонительной сфере, а поставки топлива резко сократились, вследствие чего многие корабли на протяжении месяцев не могли выйти в море.

Авианосцы оказались не единственными жертвами сокращений военно-морских сил. Подобно тому, как Хили пытался предугадать стратегические требования НАТО к ВМС лет через десять после 1966 г., Джон Нотт в 1981 г. тоже делал предсказания. Он, примечательным образом, пришел к тем же выводам. В представлениях Нотта, ВМС надлежало сосредоточиться на борьбе с советской угрозой вообще и на противолодочной обороне в частности. Ненужными оказывались не только авианосцы, кроме того, «потребности не оправдывали поиска замены специальным кораблям морского десанта», предназначенным для дальних амфибийных операций. Дни десантно-вертолетных кораблей-доков класса «Фирлесс» и «Интрепид» были сочтены [эти два «корабля Ее Величества» носят названия-синонимы: Fearless («Бесстрашный») и Intrepid («Неустрашимый»). — *Прим. пер.*].

Весь смысл сделанного Ноттом в 1981 г. обзора, инспирированного наиболее мощным наступлением Министерства финансов на оборонные расходы, заключался в сокращении роли ВМС на морской поверхности и к уменьшению потребностей в дорогостоящих надводных кораблях. Этот удар по конвенциональной сфере ВМС привел к отставке военно-морского министра, Кита Спида (словно бы имитация с уходом при Хили Кристофера Мейхью, столкнувшегося с тогдашним министром обороны из-за авианосцев), и к установлению враждебных отношений Нотта с первым морским лордом и начальником военно-морского штаба, адмиралом сэром Генри Личем [сэр Генри Коньерс Лич (1923–2011), полный адмирал британских Королевских ВМС с 30 марта 1977 г., занимал должность первого морского лорда и начальника военно-морского штаба с 6 июля 1979 г. до 1 дека-

бря 1982 г., когда вышел в отставку, получив звание адмирала флота. — *Прим. ред.*]. Обладавший приятными манерами, но сокрушительно прямолинейный в высказываниях, Лич поднял стяг борьбы в своем углу Министерства обороны и начал вести сокрушительный огонь в направлении позиций Нотта. Поражение сделало адмирала лишь более откровенным. Похоже, никто со времен похода де Рёйтера в Медуэй в 1667 г. не наносил такого урона британским ВМС. [Здесь упомянут успешный морской рейд против Англии, предпринятый голландцами во время Второй англо-голландской войны, когда 9–14 (19–24) июня 1667 г. флот лейтенант-адмирала Михиля Адриансзона де Рёйтера, поднявшись вверх по Темзе от Ширнесса до Грейвзенда и затем вверх по реке Медуэй до Чатема, сжег с помощью брандеров или принудил к затоплению 13 английских военных судов (в том числе три больших линейных корабля, 92-пушечный «Лойял Лондон», 82-пушечный «Ройял Джеймс» и 76-пушечный «Ройял Оук»), а еще два (80-пушечный корабль «Ройял Чарлз» и 44-пушечный фрегат «Юнити») захватил и увел с собой в качестве трофеев. В результате этого рейда англичане потеряли четыре из восьми самых крупных кораблей Королевского флота. — *Прим. ред.*] Выдержав эти бомбардировки до конца, Нотт, несомненно, выказал значительную политическую отвагу.

Нотт в конечном счете доказал большинству стратегов от обороны блеф Королевских ВМС. Классические битвы на море, массированные караваны транспортных судов под мощным эскортом, морские десантные операции и поддержка орудийным огнем войск на суше — как по учебнику на маневрах первой половины двадцатого столетия, — все теперь отправлялось в музей. Для нового премьер-министра, Маргарет Тэтчер, доклад Нотта являлся источником большой политической досады, готовность же следовать рекомендациям министра обороны объяснялась преимущественно стремлением урезать расходы. Подобные замыслы приводили к отчуждению от правящего крыла членов парламента с задних скамей вроде Джулиана Эмери, Уинстона Черчилля и Алана Кларка, поскольку весь энтузиазм в отношении руководства Тэтчер строился на заявлениях о намерении расширить оборонный сектор Британии. Обычно те же самые члены парламента откровенно порицали «распродажу» ею Родезии черному большинству и уступки, сделанные Общему рынку. По иронии судьбы, Министерство обороны вместе с Министер-

ством иностранных дел — два видимо «консерваторских» учреждения — одно следом за другим очутились в числе институтов Уайтхолла, вызывавших особое отвращение правых тори.

Несмотря на амплуа злодея драмы Фолклендских островов, каковым в глазах многих критиков выглядело Министерство иностранных дел, оно показало себя лучше подготовленным в плане адаптации к изменившейся послевоенной роли Британии, чем большинство структур правительства. МИДу пришлось создавать новые союзы со многими государствами, каковые Британия прежде вовсе не интересовала, или с теми, которые относились к ней враждебно. Для дипломатов, вынужденных работать в таком климате, долгоиграющие реликты империи являлись предметом большого неудобства. Уцелевшие колонии вовсе не становились образцом порядка в тревожном мире, но, напротив, демонстрировали тенденцию служить источниками революционных возмущений, терроризма и нестабильности. Хорошо хоть, в начале 1970-х годов их осталось совсем не так много. Если не считать Родезию и Гонконг, речь может идти в основном о разбросанных тут и там островах и анклавах, словно бы «жавшихся друг к другу в страхе перед чем-нибудь еще худшим». В большинстве своем они находились в районе Карибского моря и в Полинезии, но нельзя не сказать о таких отчаянно удаленных и едва ли не безнадежно затерянных островных владениях, как Маврикий, Святая Елена, Диего-Гарсия и Фолкленды. Они вполне заслуживают звания сирот в эпоху после канувшего в Лету империализма. История оставила этих подкидышей на крыльце Британии, и мало кому из них хотелось очутиться на улице.

Две такие территории, Гибралтар и Фолклендские острова, относились к особой категории. На них проживали люди, имевшие британские происхождение и гражданство, но считавшие себя принадлежавшими к отдельным государствам. В отличие, например, от Соломоновых или Бермудских островов эти образования не представлялось возможным включить в некую систему региональной обороны. Вместе с тем они являлись британскими колониями, каковым фактом и гордились. Поначалу территории эти находились в сфере ответственности Министерства по делам колоний. В 1966 г., когда важность данной структуры сошла фактически «на нет», она слилась с Министерством по делам Британского содружества наций, а двумя годами позднее — с Министерством иностранных дел. Ветераны колониального правления,

многие в прошлом солдаты, очутились в роли младших партнеров в недрах ведомства, где господствовали скорее дипломаты, чем управленцы.

Там колониальные функции распределялись по отделам с названиями вроде «Гибралтар и прочее» и «территории Океании». Посты губернаторов редко пользовались почетом и на самом деле часто оказывались венцом карьеры. Средства на поддержку колоний приходилось выклянчивать в новом Министерстве (позднее Агентстве) по вопросам развития заморских территорий, у которого хватало более важных и значительных с политической точки зрения клиентов. На самом деле Фолкленды были печально знамениты в Уайтхолле как самый благополучный по показателю доходов реципиент фондов Министерства заморских территорий. Население Фолклендских островов составляло всего 1800 чел., живших в этакой самодостаточной среде. В представлениях нового внешнеполитического ведомства и управления по вопросам Британского содружества наций они едва ли могли рассчитывать перевесить по значимости британскую политику в Южной Америке — на континенте с 240 миллионами жителей.

Последним по списку — хотя и ни в коем случае не по значению — моментом в отношении Фолклендских островов выступает британский парламент. Сменявшие друг друга правительства, как мы видели, руководствовались различными соображениями для увода вопросов внешней политики из области ответственности палаты общин. Желание сохранения секретности уравнивалось по силе, пожалуй, лишь с отсутствием у парламента интересов приподнять завесу тайны. Уильям Уоллис в эссе об отношении палаты общин к надзору за вопросами внешней политики[1] заявлял, будто никакого такого надзора почти не существует. Ни в ходе прений по важным моментам, ни на «часах вопросов» Министерства иностранных дел обстоятельства внешней политики в должных подробностях не разбирались. Похоже, даже министры оказывались в роли не более чем рупоров, озвучивающих решения, принятые у них за спиной и обычно до их вступления в должность. Поскольку такие решения редко подразумевали обращение к финансовым ресурсам, то они и не представляли

[1] The Foreign Policy Process in Britain («Внешнеполитический процесс в Британии»), Королевский институт международных отношений, 1976 г.

собой парного мясца, способного пробудить кровожадный аппетит бдительной общественности. Иностранные дела не снимают и малой толики сливок средств налогоплательщиков, а следовательно, не особенно отражаются на мнении электората. Так чего же ради волноваться членам парламента?

Иногда такое благодушие дает сильную отрыжку. События могут заставлять политику меняться. Соответственно приходится подстраиваться и правительству. Пусть небольшие кучки членов парламента не чувствуют перемен в ситуации или не хотят их чувствовать, поскольку служат рупорами тех, чьи интересы оказываются под угрозой, выключенные из процессов принятия решений, они вынужденно станут подозрительными и антагонистичными. Вопрос может казаться не особенно важным. Бывает, правящий в тот период кабинет сочтет требуемые от него изменения не вполне заслуживающими риска ухудшения политической обстановки. В таких условиях процесс формирования внешней политики превращается в непростое и чреватое столкновениями дело. Забывшее о важности приобретения друзей в более широком политическом пространстве, Министерство иностранных дел чувствует себя птицей с перебитым крылом — без союзников, без клиентуры и без поддерживающего лобби. Дипломатам приходится извиваться ужами, а то и просто «прогибаться», а министрам — лицемерить. На протяжении семнадцати лет именно нечто подобное и происходило в плане политики МИДа в вопросе Фолклендских островов. В итоге, окончательно заблудившись в политических дебрях, страна очутилась перед лицом необходимости вести войну.

2

СЕМНАДЦАТИЛЕТНЯЯ ВОЙНА

Если проблема Фолклендских, или Мальвинских островов приведет к трагедии, катастрофа эта будет ярчайшим примером отсутствия попыток как-то контактировать в данном вопросе — национальной дилеммой, возведенной в степень полным всеобщим невежеством и нежеланием ничего слышать.

Х. С. Фернс, Аргентина, 1968 г.

«Интересы жителей этих территорий превыше всего». В августе 1964 г., произнеся сии звонкие словечки, британский представитель при Организации Объединенных Наций, лорд Карадон, по сути обнародовал будущий лозунг своей страны в затянувшейся дипломатической битве и трехмесячной войне с Аргентиной. Карадон реагировал на направленное в Генеральную Ассамблею ООН заявление части жителей Фолклендских островов, в котором говорилось о их непременном желании остаться под властью британцев. Как он заметил, право населения островов на самоопределение безупречным образом вписывается в условия статьи 73 Устава ООН.

Причина столь внезапного интереса к Фолклендским островам со стороны высочайшего в мире форума, призванного заниматься международными вопросами, состоит в намерении аргентинцев использовать «комитет 24» ООН по деколонизации для продвижения требования о «возвращении» Фолклендов Аргентине. Комитет начал сосредоточивать внимание на Британии в результате кризиса вокруг независимости Родезии. Аргентина,

во взаимодействии с Испанией, претендовавшей на Гибралтар, сочла момент подходящим для розыгрыша карты борьбы с пережитками империализма. Целый год ничего не происходило. Затем Йэн Смит заявил об односторонней независимости для своего белого режима в Солсбери, и Британия неожиданно очутилась в уязвимом положении. В декабре 1965 г. Генеральная Ассамблея в спешке приняла резолюцию с призывом к Британии и Аргентине «незамедлительно продолжить переговоры... с целью найти мирное решение проблемы». С этой резолюции (за номером 2065), принятой в атмосфере краснобайства ООН в Нью-Йорке, и начинается все то, чему посвящена данная книга.

Прежде Фолклендские острова дрыхли себе без задних ног, точно ленивый пес. Резолюция ООН положила конец такому праздному состоянию. У правительства Уилсона хватало сложностей с ООН по части Родезии, посему и в вопросе Фолклендских островов оно не могло попросту отмахнуться или отговориться от резолюции Генеральной Ассамблеи какими-то туманными тривиальными экивоками. Завязались переговоры, проходившие под эгидой авторитета высшей структуры международного сообщества. По мере их течения претензии Аргентины начали постепенно обретать законную форму. Следовательно, как создавалось ощущение, повод для обсуждения и в самом деле имелся, и если переговоры натыкались на препятствия, — в особенности в части желаний и устремлений жителей островов, — Буэнос-Айрес получал законную возможность испытывать недовольство и чувство несправедливости.

За первые переговоры в Министерстве иностранных дел отвечал бывший солдат и журналист, писавший по вопросам обороны, лорд Чалфонт. Назначенный в 1964 г. Харолдом Уилсоном на новый пост министра по разоружению, Чалфонт предполагал служить в основном связующим звеном между Лондоном и Женевой. Однако в Министерстве иностранных дел не уважали чинов и регалий. Чалфонт очутился в ситуации, требовавшей от него принять на себя долю министерской ответственности, заключавшейся отчасти и в поддержании взаимоотношений с Латинской Америкой, каковой момент подразумевал участие в переговорах по Фолклендским островам. Когда Чалфонт взялся за решение задачи, его персонал, интересы ведомства и личная репутация как мастера договариваться — все силы оказались направлены на поиск достойного выхода и достижения компромисса. А ведь

оставался выбор в пользу удобной возможности сослаться на устремления населения островов и, разведя руками, поставить на этом точку. Иначе говоря, британские «национальные интересы» затмили собой чаяния жителей спорной территории. Так сложился фундамент концепции Министерства иностранных дел в отношении Фолклендов.

Факт такого восприятия ситуации получил подтверждение в 1966 г. во время первого в истории турне по Латинской Америке тогдашнего британского министра иностранных дел, Майкла Стьюарта. Поездка представляла собой некий жест в отношении континента, считавшегося издавна этакой «золушкой», и Стьюарт использовал его как способ покритиковать британские дипломатические приемы в эпоху после Второй мировой войны. Он заявил, что дипломаты прежде по уши залезали в политическую работу и запускали коммерческую сторону[1]. Британские инвестиции и менеджмент всегда пользовались высокой репутацией в Латинской Америке, теперь же в силу инертности Британия позволяла немцам, французам и американцам присваивать рынки, долженствовавшие принадлежать британцам. Внешнеполитическим службам следовало уяснить себе, что современная дипломатия — лишь служанка экономической науки точно так же, как и политики. Торговый атташе восседал на троне как король. В свете подобной философии, неуместные разногласия с Аргентиной из-за Фолклендских островов представлялись этаким досадным недоразумением — темным облачком в синем латиноамериканском небе, где полагалось сиять солнцу британской торговли. «Достижение некоторых договоренностей с Буэнос-Айресом» стало необходимым условием улучшения коммерческих взаимоотношений.

В те времена Министерство иностранных дел Аргентины находилось в руках юриста и бывшего посла в Чили по имени Никанор Коста Мендес. Энергичный коротышка, придерживавшийся космополитических взглядов, обожавший английские костюмы и хорошеньких женщин, Коста Мендес любил порисоваться своим мастерством эксперта в международных отношениях. (Ему даже случилось побывать приглашенным лектором в колледже Сент-Энтони, в Оксфорде.) И все же в политике он

[1] Мнение тщательно разработано в отчете Данкана, Cmnd 4107 (офиц. правит. док.), 1969 г.

был определенно консерватором и националистом. В попытке отстоять территориальные претензии Аргентины к Чили и Британии он видел способ сплочения нации и противовес социальной привлекательности перонизма. При Коста Мендесе притязания Аргентины на Фолклендские острова заняли прочное место на политической повестке дня страны, перестав быть просто лозунгом. К тому же шумиха вокруг спорных территорий выступала в роли фактора отвлечения внимания населения от трудностей и неурядиц на домашнем фронте. Затеи Мендеса провести в жизнь свои концепции очень удачно вписывались в рамки спора из-за Фолклендских островов. В начале 1966 г. Коста Мендес создал в Буэнос-Айресе Instituto y Museo Nacional de las Islas Malvinas y Adjacencias [Национальный институт и музей Мальвинских островов и прилегающих территорий. — *Прим. пер.*] — отголосок Института Антарктики. Так был возрожден перонистский комитет по возвращению Мальвинских островов. Удалось даже заручиться поддержкой англо-аргентинской общины: виднейшая ее фигура, сэр Джордж Болтон из Лондонского и Южноамериканского банка, сказал Майклу Стьюарту в ходе визита последнего, что вопрос этот «гноящаяся рана» во взаимоотношениях между двумя странами.

Затем в июле 1966 г. последовала серия встреч в Лондоне между высокопоставленным дипломатом Министерства иностранных дел, Генри Холером, и чиновником из посольства Аргентины, Хуаном Карлосом Бельтрамино. Как и все аргентинские дипломаты в Лондоне, Бельтрамино был (и оставался) экспертом в области Фолклендских островов. Холер же оказался новичком в этом деле, которое ему поручили после службы в Европе и работы послом в Сайгоне. На всем протяжении многолетних переговоров лица, официально уполномоченные вести их со стороны Аргентины, являли собой относительно целостную и обладавшую должным знанием вопроса команду. Мало кто из британских представителей занимался данной темой более двух лет. «Чей же режим прикажете считать стабильным?» — пробормотал кто-то из аргентинцев, увидев очередного незнакомца напротив себя за столом переговоров.

Совещания Холера и Бельтрамино проходили в обстановке секретности и, как можно с известной долей уверенности утверждать, подразумевали в итоге передачу суверенитета над спорными территориями Аргентине. В данном случае главная

озабоченность для Британии относилась к области защиты прав и обычаев населения островов и — гарантий развития тамошней экономики. Действительность самым явным, если не сказать грубым образом напомнила о сложности и деликатности вопроса обеим сторонам, когда в сентябре 1966 г. группа вооруженных юнцов-перонистов попыталась «взять вожжи» в свои руки. Парни захватили «Дакоту» [имеется в виду двухмоторный военно-транспортный самолет С-47, разработанный американской авиастроительной компанией Douglas на базе пассажирского DC-3 и совершивший свой первый полет 23 декабря 1941 г.; в США его называли «Скайтрэйн» (Skytrain, т.е. «Небесный поезд»), а в Британии, куда С-47 начали поставлять во время Второй мировой войны, он получил наименование «Дакота» (Dakota). — *Прим. ред.*] над Патагонией, полетели в Порт-Стэнли, приземлились на ипподроме (взлетно-посадочной полосы там тогда еще не было) и «арестовали» двух британских должностных лиц, пытавшихся вступить с ними в переговоры.

Группа именовала себя движением «Новая Аргентина». Предприятие ее, получившее кодовое наименование «Операция Кондор», вместо трагедии обернулось фарсом: самолет завяз в топком песке, а участников акции окружили британские морские пехотинцы. Позднее группу отправили в Аргентину. (Ее вожак в итоге был убит в качестве одного из активистов перонистской террористической организации «Монтонеро».) Весьма показателен тот факт, что перонистская конфедерация профсоюзов провозгласила угонщиков самолета национальными героями и угрожала начать двадцатичетырехчасовую забастовку, если их подвергнут наказанию. Коста Мендес был крайне поражен глупой выходкой аргентинцев посредине вполне мирного, как считали все, переговорного процесса.

Однако происшествие продемонстрировало поразительную уязвимость островов перед нападением с континента. В прошедшем апреле Денис Хили заявлял, что «защита островных территорий в Атлантическом, Индийском и Тихом океанах всегда может быть обеспечена из наших основных ареалов развертывания». В случае Фолклендских островов соответствующим регионом базирования стал бы Саймонстаун в Южной Африке. Однако продолжавшееся отступление из района к востоку от Суэцкого канала вызывало большие сомнения в будущем базы, хотя даже и при ее сохранении требовалась неделя, чтобы преодолеть по

морю расстояние от Саймонстауна до Порт-Стэнли. А если аргентинцы не захотят предупреждать о своих намерениях за неделю? Единственным вещественным ответом стало увеличение дислоцированного на островах крохотного «сторожевого» контингента Королевской морской пехоты до сорока человек и усиление его технически за счет аппарата на воздушной подушке (позднее сломавшегося). К тому же по мере надобности — если таковая возникнет—представлялось возможным переориентировать в район островов находящиеся где-то поблизости военные корабли. Хотя такими средствами полномасштабного вторжения и не остановить, наличие отряда морских пехотинцев обещало, по крайней мере, не оставить совершенно безнаказанной любую попытку вторжения. К тому же, в особенности в свете проходивших под эгидой ООН переговоров, считалось, что аргентинцы не отважатся на силовую акцию подобного рода.

* * *

К сентябрю 1967 г. переговоры вышли на уровень министров внешнеполитических ведомств, и вот в Нью-Йорке состоялась встреча между Коста Мендесом и новым британским министром иностранных дел, Джорджем Брауном. Наблюдатели отметили некоторую неуверенность Брауна в рассматриваемых вопросах, а его инстинктивный энтузиазм нашел ответ в более расчетливой дипломатии Коста Мендеса. Получил признание фактор важности мнения островитян, и прежде подчеркнутый лордом Карадоном в ООН. Британцы намеревались выиграть раунд с вопросом устремлений населения островов за счет демонстрации преимуществ, каковые сулили ему связи с континентом. Аргентинцы с огромной готовностью изъявляли желание предоставить жителям гарантии неприкосновенности их обычаев и уклада жизни. Они же добивались суверенитета, а не колонизации. Встречи продолжались — продолжалась и выработка различных версий соглашения.

Переговоры шли уже два года, а никто до сих пор не проронил о них ни слова парламенту (если не считать короткого «письменного замечания по делу»), как не знали ничего и в Порт-Стэнли. Политика Министерства иностранных дел состояла в выработке удовлетворительного пакета гарантий и экономических выгод, дабы преподнести все жителям островов в удобоваримой фор-

ме, — максимум плюсов и минимум минусов. Осознавая секретность процесса, должностные лица с обеих сторон стремились избежать гласности «до тех пор, пока министры не будут готовы». Такое положение не могло сохраняться бесконечно. Губернатором островов в те времена являлся сэр Космо Хаскард — последний из чиновников, назначенных на эту должность Министерством по делам колоний накануне своего поглощения МИД. Он приехал в Лондон, узнал о переговорах Коста Мендеса и Брауна и получил разрешение информировать свой совет, но под клятву сохранять секретность. Необычайная молчаливость Хаскарда по возвращении в Порт-Стэнли в феврале 1968 г., вполне понятно, вызвала всеобщую тревогу.

Ряд жителей островов направили членам парламента в Лондоне и в «Таймс» письма с высказанными в них опасениями по поводу характера переговоров. Авторы с большой обидой жаловались на индифферентность в отношении их мнения и особо подчеркивали, что они, несмотря ни на какие варианты, «не хотят становиться аргентинцами». Среди получателей писем оказался несколько эксцентричный судебный адвокат и бывший дипломат из британского посольства в Буэнос-Айресе, Уильям Хантер Кристи. Он зарекомендовал себя как горячий приверженец идеи сохранения Фолклендских островов и автор работы, посвященной политике в Антарктике[1].

Кристи вступил в контакт с Патриком Эйнсли, председателем учрежденной 116 лет назад Компании Фолклендских островов (КФО), являвшейся владельцем двух третей тамошних ферм и фактическим хозяином скромной экономики территории. Кристи предложил Эйнсли сформировать Чрезвычайный комитет Фолклендских островов. Если компания согласится финансировать такой орган, он будет готов руководить его работой из своего офиса в «Линкольн Инн». И вот гостиничный номер, со своими пожелтевшими газетами и пыльными томами словно бы перекочевавший в реальность из романов Диккенса, превратился в центр кипучей деятельности. Комитетчики заручились поддержкой ряда членов парламента, преимущественно из правого крыла партии консерваторов, в том числе Майкла Кларка Хатчисона и Бернарда Брейна. С согласия Эйнсли Кристи, проявив

[1] The Antarctic Problem, Allen and Unwin (Осложнения в Антарктике, Аллен и Анвин), 1951.

достойный уважения такт, привлек в качестве первого секретаря комитета парламентария от партии лейбористов, фермера по имени Клиффорд Кинион.

Задача комитета выглядела просто: представлять в Лондоне мнение населения островов независимо от губернатора и его исполнительного совета. Иначе говоря, намерения выглядели совершенно демократическими. По мнению Министерства иностранных дел, комитет являл собою не что иное, как передовой фронт КФО. Даже его представитель на островах, Артур Бартон, был всего лишь ее ушедшим на пенсию управленцем. Однако никто не мог утверждать, будто мнение комитета не выражало чаяний островитян. Касательно Бартона, он был популярной личностью у себя дома и одним из восьми выборных членов законодательного совета Фолклендских островов. (Отдельный исполнительный совет губернатора включал в себя двоих членов этого органа плюс лиц ex-officio [то есть тех, кто участвовал в заседаниях совета в силу занимаемой должности. — *Прим. ред.*].) Позиция КФО на всем протяжении спора с Аргентиной носила характер патернализма и ярко выраженной британской направленности, пусть даже и в ущерб интересам пайщиков.

Подобные британские группировки редко оказывают сколь либо эффективный нажим на политиков, если только не считают, будто министры и гражданские служащие плетут сети каких-то заговоров у них за спинами. Кто там прав, а кто не прав, не так уж важно — важна секретность вокруг всего дела. Вопрос выполнения резолюции ООН начал обсуждаться в парламенте только в марте 1968 г., после того как лорда Чалфонта спросили в палате лордов о том, верна ли информация о ведении некоторого рода переговоров с Аргентиной. Он признал сам факт, но уточнил, что они проходят «конфиденциально между правительствами». Чалфонт не пошел на отрицание того, что речь идет о суверенитете.

Лорд Чалфонт стал первым из многих министров, отзывавшихся о Фолклендских островах как об источнике худших для себя моментов в парламенте. Из раза в раз такие министры наступали на грабли собственных речей — или речей, написанных их помощниками из числа гражданских служащих рангом пониже. Были или все же не были они готовы передать суверенитет над островами аргентинцам, несмотря ни на какие протесты жителей? Что вообще означает этот неувядаемый штамп «сообразно интересам населения островов»? Почему же тогда то

самое население не участвовало ни в каких переговорах? Что понимало Министерство иностранных дел под самоопределением: есть ли это решение собственно жителей островов или приговор британского народа в целом? Обозначенные выше вопросы, задаваемые тогда Чалфонту с все более иссушающей прямотой, так и не получили вразумительного ответа на всем протяжении лет ведения переговоров. Чиновники считали эти «почему?» компетенцией политиков-министров. Министры бормотали нечто уклончивое и надеялись, что, когда окончательный момент откровения все-таки наступит, на постах их будет стоять уже кто-нибудь другой.

Новая политика по Фолклендским островам буквально не успела сформироваться, как тут же принялась рушиться на глазах у Министерства иностранных дел. «Заднескамеечники» тори пришли в ярость, когда член парламента Джон Биггз-Дэйвисон назвал предприятие «решением, исполненным стыда и позора». А ожидания Аргентины тем временем росли. В Британии же любое изменение требовало согласия с «мнением народа» из Порт-Стэнли и палатой общин. И там и тут со всем страхом и подозрительностью ожидали самого худшего. Следовательно, должностным лицам приходилось делать пассы, успокаивая бурные воды, чтобы фактически не пойти против резолюции ООН. 26 марта Майкл Стьюарт (вернувшийся в Министерство иностранных дел после отставки Джорджа Брауна) заявил в палате общин относительно главного условия передачи суверенитета: «только если нам станет совершенно очевидно... что сами жители островов будут рассматривать такое соглашение как удовлетворяющее их интересам». Едва ли стоит сомневаться в смысле категоричного высказывания Стьюарта, однако когда министра и его коллег начали спрашивать, не подразумевает ли заявление наличие у населения некоего права вето в данном вопросе, готовности ответить определенным «да» они не выражали. Понять их нетрудно, ведь такое право фактически лишало бы переговоры всякого смысла.

Совещания с Буэнос-Айресом шли на всем протяжении лета 1968 г., но уже с этакой новой несмелостью с британской стороны. На встречах с аргентинским послом, Эдуардо Маклафлином, и с Бельтрамино Чалфонт начал вдруг ссылаться на необходимость «создания климата, в котором бы однажды стало возможным рассуждать в отношении суверенитета». Он гово-

рил о настроениях вовсе не в Лондоне, а в Порт-Стэнли. Русло переговоров сместилось в сторону подхода, названного борьбой за «сердца и умы»: побуждения жителей островов к принятию выгод связей с материком. В конце года Чалфонт прервал участие в королевском визите в Чили, дабы лично проповедовать новое евангелие от политики в Порт-Стэнли.

Целых трое суток Чалфонт мотался из конца в конец по островам, доказывая выгоды и преимущества нового договора с Аргентиной: полеты на материк и обратно (тогда добраться до Фолклендских островов представлялось возможным только по морю), лучшие школы и больницы, а также непосредственный рынок сбыта местной продукции. Но всюду лорда встречали крикуны со знаменами и транспарантами: «Нет продаже» и «Фолкленды — британские». Общественное мнение явно оставалось глухим к предостережениям Чалфонта, напиравшего на неспособность Британии в полной мере поддерживать острова, отдаленные от метрополии на 8000 миль (15 000 км). У Чалфонта выработалось стойкое личное отвращение перед этим сочетанием изоляционизма и зависимости — чувство, испытываемое многими визитерами до и после него.

Под впечатлением от поездки Чалфонт представил Стьюарту довольно жесткий отчет о происходившем. Не следовало недооценивать остроты чувств аргентинцев. Они же продемонстрировали изрядную волю к компромиссу в отношении вопроса непременного владения территорией. Население островов стоит на прежней прямолинейной позиции. Если Британия возьмет и попросту прервет переговоры, взаимоотношения с Аргентиной и ООН ухудшатся. В соответствии с пророческим высказыванием Чалфонта, ситуация грозила образованием «casus belli» [повода к войне (лат.). — *Прим. пер.*]. Вопрос Фолклендских островов обсуждался в кабинете министров, и — далеко не в последний раз — итоги не встречали благосклонности в Министерстве иностранных дел. В правительстве Уилсона решили, что коль скоро жители островов не желают никакой смены суверенитета, нет смысла платить высокую политическую цену за принуждение их к тому, чему они так противятся. 11 декабря 1968 г. Стьюарт категорически заявлял, что «нельзя осуществить передачу {прав суверенитета} против воли жителей островов». Вопрос остался на повестке дня в свете существования резолюции ООН, но и только. Так сказать, для ровного счета, спикер оппозиции тори, сэр Алек

Даглас-Хоум, поклялся от имени тори «напрочь исключить суверенитет из повестки дня», когда его партия вернется во власть.

Подобно тому, как Коста Мендес на политическом уровне вцепился зубами в вопрос Фолклендских островов в Буэнос-Айресе, точно так же поступили со своей стороны лоббисты этой территории и их доброхоты среди парламентариев в Лондоне. Газеты вроде «Дэйли Экспресс» и «Дэйли Телеграф» готовы были встать в боевую стойку при малейшем упоминании о попытках каких бы то ни было договоров с Аргентиной. В умы господ, сидящих в парламенте на министерских скамьях, прочно впечаталось: урегулирование вопроса с Фолклендскими островами неизменно связано с «политической ценой». Размеры последней оставались неизвестными. А если проблема столь мала, отчего же платить? Не только сменявшие друг друга парламенты, но и приходящие и уходящие кабинеты выработали инстинктивную враждебность к упорному стремлению Уайтхолла продолжать переговоры, когда бы те ни появились на повестке дня.

Почему Министерство иностранных дел попросту не подняло руки? Аргентинцам можно было бы сказать, что все застопорилось, а — ООН, что переговоры увязли на почве так усиленно пропагандируемого самой этой организацией принципа самоопределения. Вместо того Министерство иностранных дел продолжало барахтаться в мутной воде. В ноябре 1969 г. к У Тану, тогдашнему генеральному секретарю ООН, отправились письма с обещаниями продолжить совещания по части коммуникаций и экономического сотрудничества. Переговоры пережили падение администрации Уилсона и приход в Министерство иностранных дел в 1970 г. сэра Алека Даглас-Хоума. По непременному условию Даглас-Хоума, упоминания о суверенитете не должны были включаться в повестку дня, а жители островов, напротив, не должны были исключаться из участия в переговорном процессе на всем его протяжении. Дабы и дальше подчеркнуть момент снижения приоритета вопроса, переговоры поручались не младшему из министров, ответственных за Латинскую Америку, Джозефу Годберу, и даже не чиновнику ведомства по Латинской Америке. В качестве эмиссара выбор пал на заместителя министра по делам «зависимых территорий», Дэйвида Скотта.

Назначение Скотта выглядело этаким ловким реверансом Уайтхолла. Бывший гражданский служащий Министерства по делам Британского содружества наций, Скотт все больше сосре-

доточивался на проблеме колониального статуса, а не на нуждах торговых взаимоотношений Британии с Южной Америкой. Его добродушно-фамильярные манеры обещали контрастировать с холодностью, прежде так часто сквозившей в обращении чиновников с жителями Фолклендских островов. Он также отменно владел техникой, привычной для людей с опытом работы в колониальных администрациях, — умением преподать себя симпатичным парнем на публике. Скотт являлся гражданским служащим, игравшим квазиполитическую роль. Ему предстояло не только договариваться о какой-то сделке с Буэнос-Айресом, но также и достигать ее политического одобрения в Порт-Стэнли.

Остро требовались новые решения в плане связи с островами. Ежемесячные рейсы в Монтевидео, выполнявшиеся судном Компании Фолклендских островов «Дарвин», стали резко убыточными, и в конце 1971 г. от них пришлось отказаться. Единственным альтернативным вариантом в плане регулярных коммуникаций оставался чартерный грузовой корабль «AES», четыре раза в год ходивший в Тилбери с тюками шерсти и перевозивший кроме того грузы общего назначения. Расчеты счетоводов из «Пит Маруик», проверивших варианты сношений с островами по воде и по воздуху, привели к выводу о наибольшей перспективности с экономической точки зрения последнего. Дело оставалось за малым — решить, кто возьмет на себя практическую сторону.

В 1971 г. соглашение с Буэнос-Айресом в отношении линий коммуникаций стало главным моментом в британской дипломатии вокруг вопроса Фолклендских островов. В основе сделки, достигнутой между Скоттом, Маклафлином и Бельтрамино, лежала договоренность о строительстве британцами взлетно-посадочной полосы и учреждении нового судоходного маршрута к континентальным берегам Аргентины, при условии обеспечения и обслуживания полетов аргентинцами. Значительные осложнения вызвал документальный статус жителей островов при полетах в Комодоро-Ривадавия: для аргентинцев такой рейс являлся «внутренним», тогда как для британцев — международным. В конце концов сошлись на некой неопределенной «белой карте». Кроме того, аргентинцы обещали освободить жителей Фолклендских островов от налогообложения или военной службы, чего те всегда боялись со стороны Буэнос-Айреса.

Сутью соглашения являлся попросту поиск контакта. Часто декларируемый Скоттом принцип звучал так: «изнасиловать

Фолкленды — нет; соблазнить их — всенепременно». Воздушное сообщение обещало населению островов доступ к школам, больницам и развлечениям на материке. Вырисовывалась перспектива развития туризма. Еще положительный момент — поставки свежего продовольствия, в особенности фруктов. У жителей Фолклендских островов появлялся шанс ощутить некую региональную тождественность — почувствовать себя живущими в этаком большом мире своего региона. В июне 1971 г. Скотт отправился в Порт-Стэнли, дабы скормить населению островов пакет выработанных предложений. Он удостоился совсем иного приема, чем Чалфонт тремя годами ранее. По радио и на встречах с жителями Скотт все время не уставал повторять, он-де «прибыл вовсе не затем, чтобы продать вас Рио-Плате». Скотт старался говорить не о суверенитете, а о повышении уровня жизни. Он оказался просто мастером достижения понимания, а его статус — все же не министр — сам по себе способствовал успокоению страстей.

Из Стэнли Скотт поспешил прямо в Буэнос-Айрес, куда он в компании свиты из жителей островов вез добрые вести о согласии. Затем последовали десять дней интенсивных заседаний, и вот 1 июля удалось подписать договор. Сильнее всего досаждало Скотту и связывало его по рукам и ногам наличие Джозефа Годбера в Лондоне, не позволявшего хоть на пядь продвинуться в направлении уступок по части суверенитета. Впоследствии Бельтрамино признался Скотту в личной беседе, что в данное время рассматривал суверенитет как нечто положенное под сукно. Скотт поделился собственным мнением — как считал он, не пройдет и двадцати пяти лет прежде, чем население островов будет жить под аргентинским флагом. Вот пример того, насколько должностные лица с той и другой стороны верили в эффективность политики «борьбы за сердца и умы».

В достижении сделки Скотт подчинялся первому правилу любых сложных переговоров. Он избегал дискуссий по самому главному вопросу и сосредоточивал усилия на установлении атмосферы доверия в менее значительных областях, где представлялось возможным добиться хоть какого-то согласия. Обе стороны понимали, что мнение жителей островов есть камень преткновения, просто не считаться с которым невозможно. Выработка доверия к соглашению в Порт-Стэнли требовала времени, такта и денег. А все эти компоненты, как показали события, оказались дефицитными товарами.

Политика, принятая на вооружение Министерством иностранных дел как до, так и после соглашения, основывалась на вере в то, что жители Фолклендских островов в конечном счете по существу вольются в преимущественно европейское сообщество материка. Например, никто не предпринимал попыток подкупить их и переселить куда-нибудь на территории Британии или Британского содружества наций. И все же едва ли материковое население так легко приняло бы «келперов» [прозвище «келперы» (kelpers), данное фолклендерам (жителям Фолклендов), происходит от английского слова kelp, означающего бурые водоросли (главным образом, ламинарии), которыми весьма богата акватория Фолклендских островов. — *Прим. пер.*]. Англо-аргентинцы Буэнос-Айреса давно пустили корни среди среднего класса и прочно вошли в коммерческую жизнь столицы. Потомки шотландских и валлийских поселенцев в Патагонии вряд ли на первый взгляд отличались от жителей Фолклендских островов. И все же даже валлийцы из Пуэрто-Мадрина в полном смысле являются истинными аргентинцами, чем и гордятся. В качестве «лингва франка» [в Средние века lingua franca (в буквальном переводе с латыни — «язык франков») был своеобразным эсперанто Средиземноморья; в широком смысле данный термин используется для обозначения некоего единого языка, применяемого как средство общения между представителями разных народов. — *Прим. пер.*] для них служит испанский (или валлийский), но не английский. Тогда как жители Фолклендских островов, как гордо изрек один из них, «не имеют в себе и унции Латинской Америки».

На протяжении более чем столетия обитатели Фолклендов жили как сотрудники и издольщики Компании Фолклендских островов (КФО) плюс еще девять постоянно отсутствовавших и находящихся где-то в Британии землевладельцев. Составители доклада Шэклтона от 1976 г. (см. с. с 42–45), документа решительно оптимистично настроенного в отношении потенциала островов, тем не менее постоянно ссылаются на ощущение зависимости от трудовых ресурсов. Частный сектор на данной территории практически отсутствует. Почти все являются наемными работниками КФО или государства. По словам Шэклтона, подобное положение приводит «к дефициту уверенности и предприимчивости на уровне отдельных лиц и общества в целом, и к известной готовности мириться с ситуацией, каковая граничит с апати-

ей». В более позднем эссе майора Королевской морской пехоты Юэна Саутби-Тейлура (бывавшего там раньше и послужившего в ходе Фолклендской войны), куда как меньше мягкости по отношению к островитянам. Он совершенно определенно приписал проблемы развития островов низкому качеству трудовых ресурсов. По его словам, человеческий материал никуда не годился, представляя собой «сборище пьяниц, лишенных моральных устоев декадентов и ленивых отбросов жизни». По мнению этого автора, данные выводы «очевидны на всех уровнях общества при пугающе редких исключениях». Тут необходимо добавить, что, несмотря на такие нелицеприятные высказывания, Саутби-Тейлур испытывал к островитянам теплую привязанность, которая буквально сквозит со страниц его работы.

Фолклендские острова на протяжении многих лет страдали от эмиграции и избытка мужчин по отношению к женщинам. На Западном Фолкленде последний показатель превышает два к одному, или одной. Присутствие гарнизона морской пехоты, пусть и численностью всего в сорок человек, тоже не способствует выравниванию кривой, ибо парни женятся на девушках и увозят одну-две в год с собой в Англию, когда возвращаются туда, на что тоже сетуют местные. Девушки и женщины детородного возраста в общине, насчитывающей всего 1800 человек, представляют критически важный ресурс для населения. Одно из последствий такого положения — уровень разводов, который почти втрое превышает показатели по численно примерно такому же сообществу шотландских островов [имеются в виду Оркнейские и Шетландские острова — два архипелага у северного побережья Шотландии. — *Прим. ред.*].

Вдобавок к этому, характер условий получения единственного предмета экспорта острова, шерсти, подталкивает поселенцев Кампа — территории за пределами Порт-Стэнли (от испанского campo [лагерь]) — держаться отдельно от остальных. Они проявляют мало готовности к взаимозависимости с общиной, живущей в основном морем. Рыбным промыслом на островах промышленно не занимаются, несмотря на отсутствие недостатка в рыбе. Сплоченность общества основывается на отношениях между семьями и соседями, а не на каких-то прочных местных институтах и культурных традициях. Община Фолклендских островов — хрупкое общество, угрожаемое любым вторжением извне или переменами, в том числе теми, каковые исходят от молодого поколения.

Приезжие учителя, солдаты, ученые, правительственные чиновники — их присутствие и исходящий от них намек на лучшую жизнь где-то в других местах — все рассматривается как часть угрозы.

Словом, жителям Фолклендских островов свойственна коллективная социальная хрупкость, как и другим крохотным и изолированным сообществам повсюду в мире. Социологи отмечали это даже в урбанизированных общинах главных городских центров. И все же, в 1970-х годах население Фолклендов остро чувствовало опасность: они ощущали, что их предают — отдают на поживу врагу. Пусть численность островного населения была смехотворно мала, однако, в контексте моды на самоопределение во времена после имперской эпохи, жители получили в распоряжение эмоциональное оружие против перемен — фактически наилучшее, если сравнивать их положение с любым другим сообществом под управлением британского парламента.

* * *

Соглашение по коммуникациям стартовало многообещающе. На месте — в особенности среди молодежи островов — возник значительный энтузиазм. Многие получили возможность подать заявление в учебные заведения на континенте и шанс стать стипендиатами. Отпускались шутки по поводу цитрусовых, гаучо и возможного пополнения рядов дамского населения за счет притока представительниц прекрасного пола с материка. В январе 1972 г. на море рядом с Порт-Стэнли приводнилась летающая лодка «Альбатрос», давая старт временному сообщению с Комодоро-Ривадавией (дважды в месяц), устанавливавшемуся на период до постройки взлетно-посадочной полосы. Круизный лайнер «Либертад» привез из Аргентины 350 туристов, которые подчистую выгребли небогатые запасы сувениров в Порт-Стэнли. Артуру Бартону пришлось сигнализировать комитету Фолклендских островов в Лондоне о необходимости расширить деятельность.

Первый «закос» сделали британцы. Какие бы там соглашения ни подписывал Скотт в Буэнос-Айресе, Министерство финансов не давало ему никаких полномочий. Отсутствовали любые намеки в отношении создания морского сообщения с аргентинским портом взамен рейсам «Дарвина», в свете чего особую зна-

чимость приобретали воздушные перелеты между Аргентиной и островами, при этом требовалось организовать на последние средства поставку авиационного топлива аргентинскими кораблями. Британские инженеры провели проверку мыса Пембрук неподалеку от Порт-Стэнли в качестве предполагаемого места строительства будущего аэропорта, что показало необходимость проведения дорогостоящих фундаментных работ, превышавших ресурсы бюджета Фолклендских островов. Министерство иностранных дел не позаботилось обеспечить необходимое финансирование со стороны Агентства по развитию заморских территорий, а потому оказалось не в состоянии выполнить британскую часть обязательств в рамках соглашения.

Аргентинцы предложили проложить временную полосу, если британцы закупят у американцев необходимую стальную сетку. Приблизительный расход операции составлял $1 миллион, который списали на оборонительные мероприятия, включавшие обмен данными с американцами по технологиям реактивных самолетов вертикального взлета и посадки. Во вторую неделю мая 1972 г. аргентинский военно-морской транспорт «Кабо Сан-Гонсало» вышел в плавание из Буэнос-Айреса, неся на борту сорок рабочих и сотрудников технического персонала, а также груз в виде 900 тонн строительных материалов и оборудования для управления воздушным движением. С пирса отправлявшемуся в плавание судну махал лично британский посол, сэр Майкл Хадоу. Местный корреспондент газеты «Файненшл Таймс» открыл свое сообщение словами: «Аргентинцы в конечном счете создали береговой плацдарм на Фолклендских островах». Затем он вкратце перечислил загруженное на борт корабля имущество и процитировал комментарий местного журнала: «Каждый предмет по-своему означает ратификацию суверенитета Аргентины».

Уайтхоллу пришлось пережить целую серию межведомственных столкновений. После сооружения временной взлетно-посадочной полосы, в Агентстве по развитию заморских территорий, видя в ней такого ненасытного пожирателя бюджета, стали рассуждать, а есть ли вообще основания для строительства постоянного аэропорта? Почему бы не подождать и не посмотреть, много ли работы окажется у аргентинских «Френдшипов» [речь идет о региональных пассажирских самолетах Фоккер F27 «Френдшип» (Friendship в переводе с английского — «Дружба»); разработанные нидерландской авиастроительной компанией

Fokker, эти машины эксплуатировались с 1958 г., а их серийное производство было прекращено в 1986 г. — *Прим. ред.*], и какая это будет работа? А вдруг более длинная полоса облегчит потенциальное вторжение аргентинских войск? Ну а если все же строить, то как? По внутренним стандартам или по международным, для приема реактивных самолетов? Может быть, для полетов над Южным полюсом в Новую Зеландию? В конечном счете проект одобрили, разрешили выдать подряд, но только на короткую полосу. Обещание нового морского маршрута для связи с материком растворилось без следа. В Буэнос-Айресе все происходившее отметили в нюансах, сделав как правильные, так и неправильные выводы. Желание Британии придерживаться Соглашения по коммуникациям, а соответственно и договоренностей по будущему Фолклендских островов, явно не заслуживало определения «искреннее».

Политическая ситуация в Аргентине, пережив период сравнительной стабильности в пору правления военного режима генерала Онганиа [генерал-лейтенант Хуан Карлос Онганиа Карбальо (1914–1995), военный диктатор, пришедший к власти в результате государственного переворота (так называемой «Аргентинской революции»), фактически занимал пост президента Аргентины с 29 июня 1966 г. до 8 июня 1970 г. — *Прим. ред.*], стала ухудшаться, приобретая черты хаоса. Не будучи в состоянии отогнать химеру властного присутствия Перона, пусть и удалившегося в ссылку в Мадрид, военные власти в конечном счете позволили ему в ноябре 1972 г. приехать на родину с визитом. Демонстрацией народу стареющего бывшего диктатора они надеялись развенчать миф, связанный с именем Перона, и расколоть лагерь его сторонников. Они ошиблись. Не прошло и года, как Перон вернулся в президентский дворец. И пусть «на троне» сидел умирающий старец, его возвращение оказалось делом весьма необычайным для, по существу, довоенного фашистского вождя. Национализм, причем в самой жесткой форме, стал вновь политической повесткой дня в Аргентине.

Если британцы не уважали букву Соглашения по коммуникациям, то аргентинцы мало заботились о сохранении духа документа. Бельтрамино и Скотт тщательно обговорили детали, оставляя технические вопросы открытия воздушного сообщения гражданским властям, пусть даже сами перевозки будет

осуществлять военная служба, LADE [аббревиатура названия аргентинской авиакомпании Líneas Aéreas del Estado (Государственные воздушные линии), обслуживаемой военными. — *Прим. пер.*]. Когда Скотт прибыл в Буэнос-Айрес на церемонию празднования ввода в действие авиалинии — последнее его дело в этом уголке мира перед уходом на пост верховного комиссара Новой Зеландии, — он с ужасом обнаружил, что на первый рейс «зарегистрировалась» толпа аргентинских старших офицеров в полной военной форме. Дальнейшие события напоминали комедии Илингской киностудии [имеются в виду 15 фильмов жанра «черной комедии», которые в 1947–1956 гг. были произведены старейшей британской кинокомпанией «Илинг Стьюдиос» (Ealing Studios), расположенной в лондонском пригороде Илинг. — *Прим. ред.*]. Губернатор Фолклендских островов, Тоби Льюис, получил приказ поднять у взлетно-посадочной полосы британский флаг и явиться при парадных регалиях, в шляпе с развевающимся на холодном ветру плюмажем. Жители островов перепугались, подозревая подготовку замаскированного вторжения, задуманного британским Министерством иностранных дел вместе с аргентинцами. Пошли слухи о демонстрации. Секретарь при губернаторе, Джон Лэнг, отреагировал излишне круто — вызвал на патрулирование отряд морской пехоты. Долженствовавшее стать радостным событие окутал тяжкий туман напряженности.

Буэнос-Айрес, где балом вновь правили перонисты, фактически отринул политику «борьбы за сердца и умы», взятую на вооружение Скоттом и Бельтрамино. Аргентинский посол в ООН вновь вернулся к вопросу суверенитета, предупредив, что его правительство может оказаться «вынужденным искать способа выправления анахроничной колониальной ситуации». Перонистские издания вроде газет «Кроника» и «Майория» отлично поняли намек. В адрес посла посыпались похвалы за отход от «традиций нашей малодушной и бесцветной дипломатии». Полностью военный персонал LADE в Порт-Стэнли, вовсе не приходивший в восторг от доставшейся ему работы, провоцировал рост враждебности со стороны населения островов. В Лондоне по инициативе Хантера Кристи вновь заработал Комитет Фолклендских островов. Джозеф Годбер оставил Министерство иностранных дел, уступив место самому несгибаемому сторонникy жесткой линии, Джулиану Эмери.

Обязанность выполнения Соглашения по коммуникациям в 1973 г. перешла к новому главе управления по вопросам Латинской Америки, Хью Карлессу, и к осуществлявшему непосредственный надзор за этим заместителю министра, Робину Эдмондсу. Карлесс ранее служил в Бразилии и сподобился нежданной славы, попав на сатирическое перо Эрика Ньюби в его A Short Walk in the Hindu Kush («Короткая прогулка по Гиндукушу»). К тому же он считался одним из немногих действительно стоящих экспертов по латиноамериканским вопросам, выдвинутых Министерством иностранных дел со времен войны. Для комитета Фолклендских островов Карлесс, Эдмондс и его наследник как заместитель министра, Джордж Холл, стали воплощением фолклендской политики Уайтхолла.

Министерство иностранных дел достигло двух дополнительных соглашений по коммуникациям, нацеленных на развитие экономических связей с материком и предусматривавших разрешение аргентинцам построить заправочные мощности аэродрома и снабжать их горючим. Топливо, в том числе и для скромной внутренней авиалинии острова, предстояло поставлять исключительно аргентинскому государственному нефтяному концерну YFP. Обеспечение базы персоналом также отводилось Аргентине. В то же самое время британцы с опозданием объявили о начале работ по прокладке бетонной полосы на мысе Пембрук. Вышеназванные соглашения, подписанные в июне 1974 г., немало поспособствовали росту подозрительности жителей островов по отношению к Министерству иностранных дел. Они потеряли ежемесячный рейс британского снабженческого корабля, а взамен получили ненадежную аргентинскую авиалинию. Вместе с излишками аргентинских продуктов на острова потекли и должностные лица с континента, к тому же Аргентина взяла в собственные руки поставки горючего. В довершение всего в декабре 1974 г. Буэнос-Айрес отозвал аргентинского посла в Лондоне, Мануэля Анчорену, который участвовал в выработке новых соглашений и был публично заклаймен как «британский пособник».

Месяц спустя Буэнос-Айрес ввел иммиграционный контроль над всеми авиаперелетами на Фолклендские острова. Вместо «белой карты» вводился другой документ, где значилось, что владелец его — аргентинский гражданин Мальвинских островов. Без подчинения этому правилу, являвшемуся односторонним нарушением Аргентиной соглашения 1971 г., ни один фолклен-

дер не мог вернуться домой или выехать оттуда в другие страны иначе, как на каком-нибудь случайном британском корабле. Уступкой в данном вопросе — а в условиях отсутствия британского морского маршрута так оно и получалось — Британия даровала Буэнос-Айресу действительное право паспортного контроля в отношении населения островов. Все выглядело как большой шаг вперед в борьбе Аргентины за суверенитет над территорией.

* * *

Каковой бы ритм претворения в жизнь заключенного ими соглашения ни подразумевали Скотт и Бельтрамино, теперь он сменился некой произвольной комбинацией кнута и пряника, направленной преимущественно на слом непреклонного упорства жителей островов. Возвращение в 1974 г. правительства лейбористов дало очередного министра иностранных дел, Дэйвида Энналса, а с ним — и новый прокладываемый чиновниками курс, в соответствии с которым требовались свежие инициативы вроде флангового маневра для обхода барьера на пути передачи суверенитета и продолжения сотрудничества в рамках переговоров по указке ООН. Проводились семинары, обо всем неукоснительно ставился в известность комитет Фолклендских островов, предлагались варианты и — в качестве акта отчаяния Уайтхолла — заказывалось крупное исследование темы. С помощью работы, порученной энергичному пэру и члену партии лейбористов, лорду Шэклтону (сыну известного первопроходца), Министерство иностранных дел надеялось нарисовать розовую картину будущего островов, но только на условиях урегулирования разногласий с Буэнос-Айресом самими их жителями.

Расчет оказался неверен. Прежде всего, аргентинцы принялись вгонять себя самих в раж по поводу прямого вызова, якобы брошенного им со стороны Лондона. Так виделась им ситуация. Провалившийся перонистский режим, управляемый вдовой Перона, Исабель, и подмываемый терроризмом группы «Монтонеро», уже словно бы предчувствовал переворот 1976 г. и приход к власти военной хунты. В январе 1976 г. команде лорда Шэклтона не дали разрешения на пролет через Аргентину. К его собственному явному тешущему самолюбие удовольствию, лорд был изображен как «пират и флибустьер». В результате для транспортировки Шэклтона из Монтевидео в Порт-Стэнли пришлось

задействовать занятое в изучении Антарктики судно ледовой разведки «Эндьюранс», каковой фактор в свою очередь побудил Буэнос-Айрес прервать посольские связи между Британией и Аргентиной. Пять лет терпеливых и скрупулезных дипломатических усилий полетели псу под хвост.

Миссия Шэклтона подняла боевой дух на островах — хотя бы уж одной возбужденной в Буэнос-Айресе истерией. Наконец-то Министерство иностранных дел прислало кого-то, кто приехал не обсуждать суверенитет или связи с материком, а просто-напросто говорить об овцах, альгинатах, ловле рыбы и поисках нефти. В феврале 1976 г. Шэклтон отправился в Южную Георгию впервые посетить могилу отца. В ответ командир аргентинского эсминца «Альмиранте Сторни» [капитан фрегата (т.е. капитан 2-го ранга) Рамон А. Ароса. — *Прим. ред.*] получил приказ стрелять перед носом британского научно-исследовательского корабля «Шэклтон» из-за предполагаемого присутствия там самого пэра. На море «поднялась волна», в том числе британские ВМС перенаправили к Порт-Стэнли следовавший домашним курсом из Гонконга фрегат «Чичестер». Взаимоотношения с Аргентиной прежде еще никогда не бывали столь натянутыми.

Доклад Шэклтона поступил в распоряжение правительства в июне 1976 г., вскоре после того, как Харолд Уилсон уступил пост премьер-министра Джеймсу Каллагэну. Энтони Кросленд стал министром иностранных дел, а Тед Роулендс замминистра — очередные новые лица за столом переговоров по Фолклендским островам. Документ объемом в 400 стр. об экономике и обществе Фолклендских островов (дополненный в июле 1982 г. другими данными от той же команды) тут же сделался — и оставался с тех пор — отправной точкой для любых дискуссий. Работа превосходным образом иллюстрирует максиму своего автора в отношении того, что остров представляет собой ареал суши, со всех сторон окруженный всевозможными советами.

Шэклтон особенно упирал на то, что острова вовсе не бездонная прорва для кармана британского налогоплательщика, который, если разобраться, не терял, а выигрывал от них. (В начале 1980-х годов ситуация уже больше так не выглядела.) Лорд сильно покритиковал прошлые процессы развития экономики. Политика Компании Фолклендских островов и девяти заочных сельскохозяйственных фирм заключалась, как писал он, «в максимально возможном ограничении любых инвестиций в Фолкленд-

ские острова, но без угрозы сельскохозяйственной деятельности, и в канализировании всей нераспределенной прибыли в инвестиции в Соединенном Королевстве». По его оценкам, в период между 1951 и 1974 гг. заочные фирмы получили на £11 ½ миллиона прибыли больше, чем вложили при реинвестировании в Фолклендские острова.

Данные изыскания вызвали в душах жителей островов чувство недовольства, каковое лишь больше усилило их подозрительность в отношении британского правительства. И все же экономика их была настолько же хорошо защищена, как в теории и земля. Закон об иностранцах, в соответствии с которым зарубежному соискателю могли отказать в праве приобретения колониальной территории по решению местного губернатора, предотвращал любые экономические вклинения в жизнь островитян со стороны Аргентины и фактически перехватывал горло какой бы то ни было аргентинской иммиграции. Для владельцев земли это означало сравнительно низкую ее стоимость при относительно высокой отдаче. Если же говорить о жителях островов, ничего не грозило их почти добровольной зависимости от компании и правительства за исключением одной лишь опасности эмиграции.

Список из девяноста предложений Шэклтона рисовал картину просто-таки потенциального рая экономического прогресса на островах: траловый лов рыбы, мелиорация земли, добыча альгинатов из морских водорослей, лососевые фермы, строительство дорог, туризм и разведка нефти. Ключом для открытия всех этих шлюзов экономического процветания служили «подготовка и удлинение постоянного аэродрома под условия приема реактивных самолетов с коротким/средним разбегом и не полностью груженых реактивных самолетов с длинным разбегом». Хотя команде и не поручалось рассмотрение вопросов политического или оборонного характера, Шэклтон отдельно указывал на способность длинной полосы обеспечить развертывание войск в случае возможной угрозы вторжения с материка.

Лишь в двух моментах Шэклтон уважил ожидания, возлагавшиеся на его доклад Уайтхоллом. Касательно глубоководного сбора криля (маленькие ракообразные) и разработки нефти — а то и другое требовало действий на изрядном отдалении от вод Фолклендских островов — он выразился так: «Формирование основного русла политики надо рассматривать в рамках весьма

высокой политической арены». Тем не менее, он обдал ушатом холодной воды горячие головы желавших слышать более смелые предсказания в отношении разведки и разработки углеводородов в Мальвинском бассейне. Добыча будет трудной и дорогостоящей в столь неприветливом климате, а «не только из-за сопряженных с этим политических рисков». Прочно бытующая в Латинской Америке и США теория, объясняющая привязанность Британии к Фолклендским островам перспективами извлечения нефтяных доходов, никогда не пользовалась доверием в СК [здесь и далее аббревиатурой СК обозначается Соединенное Королевство, точнее, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии; по-английски это, соответственно, UK и United Kingdom. — *Прим. пер.*].

Сейчас опус Шэклтона воспринимается как воплощение британского патернализма. Население островов следовало избавить от культурной неразвитости и экономической зависимости, в первую очередь за счет крупных вливаний британских финансов. Наиболее конструктивное предложение подразумевало диверсификацию земли, содержащейся в руках КФО, однако составители отчета постеснялись рекомендовать прямую национализацию КФО и вынужденное отчуждение. В дополнение рекомендовались государственные капиталовложения в общем объеме £13 миллионов. Крайне трудно представить себе, чтобы в Уайтхолле предложения Шэклтона нашли поддержку. Управление по развитию заморских территорий и без того уже косилось на ежегодный £1 миллион затрат на администрирование островов. Одно только удлинение ВПП потребовало бы £4 миллиона. Управление по Латинской Америке в Министерстве иностранных дел надеялось так или иначе заставить жителей островов уступить. Вряд ли бы кому-нибудь удалось выдавить из Министерства финансов наличность на фактическое расширение самостоятельности территории.

Чего точно добился Шэклтон, так это дал пищу лоббистам Фолклендов. Парламентарная поддержка вновь учрежденному Комитету Фолклендских островов росла как на дрожжах — действуя под эгидой Ассоциации парламентариев стран Содружества наций, члены парламента даже не ленились летать туда. В то же время репутация Аргентины как политического экстремиста делала комитет идеологически более привлекательным для либералов и лейбористов. Тем временем Компания Фолклендских островов очутилась практически поглощенной фирмой Слейтера и Уоке-

ра, а потом перешла к угледобывающей компании Чаррингтонс (позднее Коалит). Для членов парламента от партии лейбористов, точь-в-точь как и для тори, идея отдать жертв капитализма на растерзание палачам из Буэнос-Айреса казалась немыслимой.

* * *

Но у Министерства иностранных дел имелись и другие причины, чтобы плохо спать по ночам. По состоянию на период до 1970-х годов нет никаких оснований считать аргентинскую угрозу британским территориям в Южной Атлантике более чем политической или журналистской риторикой. Как бы там ни было, известно о существовании с конца 1960-х годов плана по «возвращению» аргентинских территорий в Южной Атлантике, разработанного в ставке аргентинских ВМС лично или, по крайней мере, при участии не кого иного, как капитана Хорхе Анайя (главы ВМС в 1982 г.). С возвращением в 1973 г. Перона немало старших офицеров «ушли в отставку», а ВМС были переданы под ответственность сравнительно молодого адмирала по имени Эмилио Массера.

Неудовлетворенный подчиненной ролью, которую флот традиционно играл в вооруженных силах и в аргентинской политике, Массера дал старт интенсивному наращиванию военно-морской мощи страны. ВМС превратились едва ли не в отдельное командование. Они получили собственную военную авиацию, укомплектованную современными американскими и французскими реактивными самолетами, приобретенными в ходе зарубежных поездок адмирала. ВМС усилили формирования морских коммандос и создали сухопутные и авиационные базы в стратегических точках вдоль линии побережья. Активность флота распространялась и на сферу «грязной войны» с оппонентами правительства: школа морских техников превратилась в печально знаменитый в Аргентине центр активности заплечных дел мастеров. Участие в ней ожидалось от всех молодых офицеров. Ни одна служба, ни один род войск — никто не мог потом со спокойной совестью делать утверждения о собственной чистоте и непричастности к делам подобного рода. Для иных военно-морских офицеров этот опыт оказался слишком травмирующим — они закончили жизнь в психиатрических клиниках.

Массера с коллегами давно поражались тому, с какой легкостью в 1961 г. индийское правительство военными средствами овладело португальской колонией Гоа. Акции той споспешествовало почти полное отсутствие международного осуждения. В глазах Массеры, изыски дипломатии Коста Мендеса и его наследников в Министерстве иностранных дел основывались на ложном допущении, что мирных целей нельзя достигнуть применением силы. Успех в быстрой и желательно бескровной операции под антиколониальными знаменами довольно скоро превратится в fait accompli [свершившийся факт (франц.). — *Прим. пер.*]. Так почему бы Аргентине ни предпринять усилий по возвращению себе Фолклендских островов?

«План Гоа» от Массеры и Анайи подразумевал неожиданную высадку на островах и, как считается, включал в себя полный вывод настоящего населения в Монтевидео с заменой его аргентинцами. Фактически данная акция представляла бы собой розыгрыш событий 1833 г., только в обратную сторону, и предвосхищала любые экивоки в сторону статуса жителей островов под аргентинским правлением. Вместе с тем аргентинские ВМС довольно благоразумно испытывали уважение перед британским подводным флотом, а потому в адмиральском плане учитывался момент сложности обеспечения поддержки гарнизона морским путем. Лучше высадить сотню или около того морских пехотинцев вместе с гражданскими поселенцами, чтобы осложнить ответные военные меры со стороны британцев, если таковые вообще воспоследуют. Считается, что «план Гоа» представляли новой хунте Виделы сначала после переворота 1976 г. [в результате государственного переворота 24 марта 1976 г., свергнувшего президента Исабель Перон, к власти в Аргентине пришла военная хунта, которую возглавил генерал-лейтенант Хорхе Рафаэль Видела Редондо, занимавший с 27 августа 1975 г. должность командующего аргентинскими сухопутными войсками; вместе с ним в хунту вошли адмирал Эмилио Эдуардо Массера и бригадир-генерал Орландо Рамон Агости (командующий ВВС); назначенный 29 марта 1976 г. президентом Аргентины, Видела оставался на этом посту до 29 марта 1981 г. — *Прим. ред.*] и затем вновь, когда режим Виделы находился на пике престижа после аргентинского триумфа на чемпионате мира по футболу в 1978 г. В обоих случаях скептикам удалось отвести аргументы и положить схему под сукно.

(В 1975 г. один военно-морской командир поведал британскому адвокату Хантеру Кристи о том, что ключевым сдерживающим фактором в ситуации являлся британский подводный флот.)

Как бы там ни было, ВМС выиграли для режима кусочек британской территории. На исходе 1976 г. примерно пятьдесят человек «технического персонала» высадились на Южном Туле в группе Южных Сандвичевых островов. Акция прошла без привлечения какого-то публичного внимания — первоначально Аргентина и вовсе все отрицала. Первые данные поступили от радиолюбителей с Фолклендских островов. По крайней мере, одной реакцией на занятие Южного Туле стала реализация принятого годом раньше решения британцев отвести из Южной Атлантики корабль ледовой разведки «Эндьюранс». Судно олицетворяло собой последний фрагмент присутствия британцев на море в Антарктике, и отзыв его ясно сигнализировал о снижении стремления Британии и дальше держаться своих владений в данном регионе. (В дальнейшем Министерство иностранных дел отстояло «Эндьюранс», но в 1981 г. он вновь очутился под угрозой.) Когда в мае 1978 г. (более года спустя) об оккупации Южного Туле узнали, наконец, в палате общин, правительство Каллагэна заявило об отказе им от предложения послать контингент морских пехотинцев для взятия острова под контроль.

Вторично после принятия резолюции ООН британское правительство получало официальную индульгенцию на прекращение переговоров по Фолклендским островам. За истекшие два года аргентинцы нарушали Соглашение по коммуникациям, открывали огонь по британскому кораблю, в одностороннем порядке прерывали отношения на уровне обмена посольствами и вторгались на британские территории. Джеймс Каллагэн встретил бы поддержку как у себя в парламенте, так и в ООН, реши он предпринять меры в отношении хунты. Достаточно было послать против аргентинцев на острове Южный Туле парочку фрегатов. Никто бы и слова не сказал.

Вместо того в феврале 1977 г. министр иностранных дел, Энтони Кросленд, предпочел дать в палате общин официальный ответ на доклад Шэклтона. Толкование было своеобразным. Министр привлек внимание «к перспективе воплощения там громадных потенциальных ожиданий», в особенности касательно рыбного промысла и разведки нефти. Как бы там ни было, доклад Шэклтона подразумевал, что получение всех этих диви-

дендов зависело от Британии, точнее от ее «готовности к экономическому сотрудничеству с Аргентиной». Тут Кросленд, совершая этакий смысловой прыжок, поспешил напомнить: «мы не можем последовать этому {предложению} без поднятия определенных политических вопросов». Теду Роулендсу (заместителю Кросленда), Буэнос-Айресу и Порт-Стэнли предстояло опять договариваться. По прозвучавшему заверению, выставлять «некое непременное условие» суверенитета не предполагалось, и никто не собирался ничего решать в обход населения островов, хотя министр и подтвердил готовность «поднять основополагающий вопрос во взаимоотношениях между островами, Британией и Аргентиной». Таким образом, отчет, написанный целенаправленно (и на самом-то деле с изрядным оптимизмом) в поддержку достижения экономической независимости Фолклендских островов, перевернули с ног на голову, чтобы он послужил в поддержку собственному мнению Министерства иностранных дел. Отметая предложения о значительных инвестициях, Кросленд загнал последний гвоздь в гроб этой идеи: «Раздаются и куда более оправданные просьбы со стороны более бедных сообществ. Идеальных политических условий не существует».

* * *

Министерство иностранных дел попросту сцепило зубы, готовясь дать отпор любым посягательствам. Шэклтона — что бы он там ни говорил — надо было использовать в целях приведения обеих сторон к некоему общему знаменателю в плане взаимного признания их обоюдных интересов. Да и что такое дипломатия, как не умение упорно действовать в избранном направлении? Если жители островов не примут аргентинцев сердцем, может статься, понимание наступит на уровне банковских счетов?

Роулендс прибыл в Порт-Стэнли в феврале 1977 г., встреченный обычной демонстрацией с выражением восторгов в адрес Британии и — неприязни к политике Министерства иностранных дел. Визит сочли успешным. Несгибаемый экстраверт валлийских долин, любивший нравиться окружающим, Роулендс показал себя знатоком времяпровождения в пабах, посещение которых являлось главным развлечением большинства жителей Фолклендских островов. Что важнее, он привез казавшиеся вполне определенными вести из Лондона. Раз-

доры с Аргентиной продолжались уже довольно долго, и приходила пора заняться налаживанием отношений. Ничего не может и не будет делаться против воли населения островов, но гость ожидал от них согласия на вступление в полномасштабные переговоры. Им — жителям — надо только довериться ему. Островные лидеры, встречавшиеся с Роулендсом, похоже, уразумели, что их постоянная непримиримость не будет плодотворной. Теперь им предлагали участие в процессе решения их собственного будущего. Следовало не упускать шанса — как бы иначе хуже не стало. Впервые упрямцам из Порт-Стэнли предстояло понять, что такое подчеркнутый тремя линиями вопрос на повестке дня Вестминстера.

Хью Карлесс, находившийся в Аргентине и вот-вот готовый приступить к работе в качестве временного поверенного в делах Британии в Буэнос-Айресе, и Робин Эдмондс в Лондоне всерьез собирались не упустить момент. По итогам встреч в Порт-Стэнли Министерство иностранных дел тут же высказалось относительно необходимости будущих переговоров между Британией и Аргентиной по экономическим и политическим вопросам вокруг Фолклендских островов. Немного расширив позицию Кросленда, авторы заявления уточнили: «На таких переговорах придется обсуждать базовые вопросы, касающиеся будущего островов, в том числе и тему суверенитета».

Министерство иностранных дел протянуло руку к такой, казалось, близкой политической удаче. Оно вернуло суверенитет Фолклендских островов на повестку дня через девять лет после того, как правительство лейбористов положило вопрос под сукно, и спустя семь лет после того, как то же самое проделало правительство тори. Цель представлялась вполне похвальной: залечить гноящуюся рану взаимоотношений Британии с Латинской Америкой. С течением времени незаживающая болячка лишь отдавалась болью в теле, и утишить ее за счет одних лишь серий бескомпромиссных заявлений возможности не представлялось. Сменяющимся политикам все это могло и не нравиться, но конструктивные переговоры и урегулирование были явно в интересах населения островов и взаимоотношений Британии с Аргентиной. И все же политика Уайтхолла бывает результативной, только если ее закоперщикам удается убедить правительство в необходимости претворения их замыслов в жизнь. Приходившие и уходившие министры из внешнепо-

литического ведомства — Чалфонт, Годбер, Энналс, Роулендс, а позднее Ридли и Люс — были убеждены, но наследовавшие друг другу кабинеты неизменно не видели оснований платить цену за принуждение своих сторонников в парламенте к такому компромиссу. В результате Министерство иностранных дел выступало этаким Сизифом, каждые два-три года толкавшим министерский камень на гору, чтобы в итоге увидеть, как тот в очередной раз покатится вниз.

Роулендс почти добрался до вершины. На протяжении оставшихся двух лет переговоры по Фолклендским островам стали неотъемлемой темой для правительства лейбористов, посещавших один за другим города этакой нейтральной полосы — Рио-де-Жанейро, Рим, Лиму и Нью-Йорк. В основе совещаний лежал пакет экономических мер, каковой можно было бы скормить жителям островов в обмен на некоторое понимание с их стороны в вопросе суверенитета и администрации. Британцы играли самыми разными конституционными концепциями: рассматривать землю как нечто отдельное от ее обитателей, пойти на «передачу с условиями обратного лизинга» по типу того, как в Гонконге, и, наконец, решиться на общие англо-аргентинский суверенитет и администрацию, назвав это совместным правлением.

Усилия Роулендса подтолкнули деятельность лоббистов Фолклендских островов к новому пику. Раньше Хантер Кристи руководил комитетом из, наверное, самого маленького офиса в Лондоне — каморки на задворках улицы Виктория-стрит. Теперь у него на постоянной работе находился распорядитель, коммодор авиации Брайан Фроу, и имелся бюджет в £15000. Команда прекрасно справлялась с обязанностями группы влияния. Частота парламентарных вмешательств, требовавших ответа на министерском уровне, возросла со среднего уровня одно в год в 1971 г. до целых пяти — в одном лишь 1977 г., причем два из них приняли форму полномасштабных прений. И все же политический нажим не мог перевесить отсутствия чиновничьего энтузиазма. Как в 1968–69 и 1973–74 гг., правительство, вынужденное бороться с экономическими неурядицами и непопулярностью у электората, находило слишком сложным идти на трудные перемены, какими бы малыми они ни были.

Аргентинские переговорщики находились, похоже, под таким же неоднородным прессингом. В середине 1977 г. визави Роулендса, капитан корабля [аргентинское звание капитан

корабля (capitan de navio) соответствует британскому кэптену и российскому капитану 1-го ранга. — *Прим. ред.*] Гуальтер Альяра, узнал, что барон-грабитель от бизнеса из Буэнос-Айреса, Сесар Као Саравиа, не моргнув глазом, предложил «на $1 миллион больше любой первоначальной цены» за КФО ее тогдашним фактическим владельцам, компании Чаррингтонс. Сделка не состоялась только из-за угрозы применения закона об иностранцах. Затем в ноябре, незадолго до начала очередного раунда заседаний в Нью-Йорке, аргентинские ВМС резко (хотя и временно) прекратили снабжение топливом Порт-Стэнли и заявили об отказе впредь поднимать британский флаг на кораблях в водах Фолклендских островов.

* * *

Тут мы подходим к одному из наиболее любопытных моментов эпической саги Фолклендских островов, происхождение которого в Британии глубоко уходит корнями в самые глухие закоулки франкмасонства — в область разведки. Среди таких служб местная разведка MI5, зарубежная MI6 и Управление, или Штаб правительственной связи Великобритании (ШПС) в Челтнеме, занимающийся мониторингом разведданных из заграницы. Через руки сотрудников этих структур проходят материалы, поступающие от агентов, правительственных миссий и дружественных учреждений, как те же ЦРУ и Агентство национальной безопасности в Вашингтоне. Материалы затем обрабатываются секретариатом кабинета министров на Даунинг-стрит, представленным двумя группами текущей разведки: одним офисом по Восточному полушарию, а другим — по Западному. Здесь данные просеиваются и «оцениваются» или, иными словами, получают политический/стратегический ярлык.

Такие группы, известные как «CIGs' [аббревиатура от Current Intelligence Groups (группы текущей разведки). — *Прим. пер.*], еженедельно отчитываются перед Объединенным комитетом разведывательных служб (ОКРС) на совещаниях по средам (или — в случае кризиса — чаще). Данная структура есть сердцевина — стержень, вокруг которого крутится вся машина британской разведки. Председатель ОКРС обычно является одним из заместителей главы Министерства иностранных дел, тогда как в число сотрудников органа входит координатор силовых

структур правительства, глава управления разведки, а также шефы MI5, MI6 и ШПС. В этом комитете различные оценки ситуаций складываются в брошюру из десяти-двенадцати страничек в красной обложке, копии которой направляются членам комитетов кабинета по внешнеполитическим и оборонным вопросам для ознакомления в выходные. Документы, словно бы для подчеркивания пущей важности, помещаются в черные ящички и содержат тщательно подобранный и рассортированный по темам «исходный материал». Такие «посылки» получают только те, «кто должен знать», не исключая премьер-министра, министров внешнего ведомства и обороны.

Министры, в частности премьер-министры, по-разному относились к таким ящичкам. Некоторые, как тот же Харолд Уилсон, находили их обязательными шпионскими историями из реальной жизни, разнообразившими круг чтения по выходным. Другие, обладавшие лишь ограниченным опытом в вопросах международных отношений и обороны, видели в них едва ли не источник досады — очередную порцию из вороха вопросов, ожидающих их внимания. Джеймс Каллагэн, служивший премьер-министром в 1977 г., был этаким фанатиком. В его ящичке еженедельно лежала карта с нанесенными на ней координатами местонахождения каждого корабля флота, дабы премьер всегда мог встретить контраргументом любые сетования Министерства обороны на то, что-де у него где-то там и чего-то там не хватает. Этот глава правительства просто-таки пожирал красную папку и любил ссылаться на цитаты из нее в разговоре с коллегами. В описываемый момент среди таких пунктов значились две «американские» проблемы — Белиз и Фолкленды.

В ноябре 1977 г. в ОКРС сложилось мнение о возможности повторения акции, подобной экспедиции Буэнос-Айреса на остров Южный Туле. Ничем не спровоцированное отключение снабжения топливом могло стать лишь прелюдией к чему-то большему. Возможно, готовились военно-морские учения. В случае захода в тупик предстоящих переговоров в Нью-Йорке ситуация грозила дать аргентинцам стимул для действий. Каллагэн ознакомился с оценкой обстановки, обсудил вопрос с Роулендсом и новым министром иностранных дел, Дэйвидом Оуэном, и представил данные внешнеполитическому и оборонному комитетам кабинета. Премьер-министр и министр иностранных дел хотели немедленной отправки подлодки для боевого дежур-

ства в регионе на случай возникновения каких-то осложнений. Министр обороны, Фред Малли, не видел насущной необходимости в посылке более чем двух фрегатов. Каллагэн использовал власть и потребовал и фрегатов, и субмарины, каковые и были перенаправлены на юг из района Карибского моря. По иронии судьбы, командиром оперативного соединения оказался адмирал Генри Лич, позднее служивший начальником главного морского штаба и выступавший этаким источником вдохновения для своего преемника в 1982 г. На следующем заседании комитета под председательством Каллагэна были очерчены правила применения силы для капитанов отряда Лича, каковым надлежало защищать 45-километровую (25-мильную) запретную зону вокруг Фолклендских островов.

В марте 1982 г., на пике кризиса вокруг Южной Георгии, Каллагэн открыл палате общин информацию о предпринятых им в свое время мерах. В результате начались энергичные дебаты в отношении истинной значимости шагов премьера. Они держались в тайне в ходе события и после него, правительство намеревалось обнародовать сведения об истинном положении вещей только в случае угрозы неминуемого вторжения. Поскольку в противном случае все могло истолковываться аргентинцами как откровенная провокация. И все же, если они находились в совершенном неведении относительно присутствия поблизости подлодки, за счет чего же та могла выступить в качестве сдерживающего фактора, как преподносил ситуацию Каллагэн? Каллагэн сказал, будто сообщил главе MI6, сэру Морису Олдфилду, о действиях комитета, но не знал, пошла ли информация дальше. (Ныне [в 1982 г.] Олдфилд уже мертв.) Министерства иностранных дел и обороны со всей энергией утверждали, что аргентинцы ничего не ведали. Однако, как показал впоследствии доклад Фрэнкса, ключевыми моментами являлись создание и отправка в поход сил сдерживания. Последнее носило потенциальный характер, но не актуальный. Совершенно очевидно, в 1977 г. Кабинет и разведывательная машина сработали тихо и складно, подготовившись к противодействию вероятной угрозе.

Больше сомнений инцидент 1977 г. вызывает в плане его влияния на будущие оценки разведданных по угрозам Фолклендским островам. Передвижение современных военных кораблей — предприятие дорогостоящее. К тому же оно срывает планы НАТО и создает немало хлопот ВМС. Вряд ли стоит сомне-

ваться, что для некоторых лиц в британском разведывательном сообществе операция с переброской подлодки в 1977 г. казалась излишней реакцией на низкоуровневую опасность. Хотя само по себе, возможно, это и не имело значения после события, но как должен оценивать ОКРС будущие паникерские данные из Буэнос-Айреса? И как следует реагировать дипломатическому и оборонному ведомствам? Разве не могло у них возникнуть соблазна расценивать происходившее в 1977 г. как ложную тревогу? Появится желание избежать подобных ошибок вновь?

* * *

Подбирая министров после получения кресла премьера в мае 1979 г., Маргарет Тэтчер осознанно искала баланса между различными крыльями собственной партии. Она отлично сознавала тот факт, что многие коллеги по кабинету не поддерживали ее стремления пробиться к руководству в 1975 г. И все же соображения целесообразности и партийного единства требовали предложения некоторым из этих «диссидентов» крупных постов. Если говорить о главе Министерства иностранных дел, то единственным кандидатом на эту должность, хоть отдаленно подходящим по старшинству и опыту, являлся лорд Каррингтон, хотя он и миссис Тэтчер вовсе не были закадычными друзьями. Как наследственный пэр, Каррингтон никогда не избирался в парламент и олицетворял самоуверенного аристократа и богача, будучи представителем определенной породы тори, которых миссис Тэтчер всегда переваривала с трудом. Кроме того, она не питала особого уважения к ведомству, каковое ему предстояло возглавить. Этакий интернациональный подход данной структуры к интересам Британии, одержимость третьим миром и ярый европеизм — все эти моменты делали МИД подозрительным звеном. Назначение главой сего ведомства сторонника умеренного консерватизма тори, характерного для ее предшественника, Эдварда Хита, обещало стать испытанием для премьера с ее сугубо правыми по направленности взглядами на внешнюю политику. Ситуация только усугубилась, когда Каррингтон избрал на роль заместителя и делегата в палате общин сэра Яна Гилмора — откровенного критика экономической политики миссис Тэтчер.

Посему премьер-министр не позволила себе сделать ошибку с назначением на третий пост в Министерстве иностранных дел.

Пусть, возможно, Николас Ридли и принадлежал к тори ее сорта не больше, чем те же Каррингтон и Гилмор (все выпускники Итона), все же он был умным человеком и истовым сторонником ее руководства. К тому же в пользу Ридли говорила его размолвка с Эдвардом Хитом в бытность свою заместителем министра промышленности в правительстве 1970 г. Оставайся британские политики и дальше такими же неуклюжими, Ридли смог бы превратиться в пятую колонну Тэтчер в Министерстве иностранных дел.

Ридли прекрасно осознавал, что редко кому из заместителей министров удавалось выделиться и просиять в таком качестве. К тому же он знал, куда будут направлены прожектора внешней политики Каррингтона — на Родезию, Европу и Ближний Восток, тогда как ни один из этих ареалов не лежал в сфере ответственности Ридли. Ему доставалась Америка, а вместе с ней и чаша с ядом в образе Фолклендских островов. Так есть ли тут нечто, спрашивал он себя, на что следует подписываться до тех пор, пока судьба и миссис Тэтчер не передвинут его куда-нибудь дальше?

Как Робин Эдмондс, так и Хью Карлесс покинули Управление по вопросам Латинской Америки в 1977 г., хотя Карлесс оставался в роли временного поверенного в делах в Буэнос-Айресе до 1980 г., после чего получил назначение послом в Каракас. С 1979 г. ведомство, переименованное в Управление по вопросам Южной Америки, возглавлял Робин Ферн. Над ним находился заместитель министра по Америкам, Джон Юр. Как и Карлесс, Юр был горячим приверженцем латиноамериканской культуры и знатоком истории региона. Он уже послужил в Чили, в Португалии и в Гаване. Его дневник путешественника, Cucumber Sandwiches in the Andes («Огуречные бутерброды в Андах»), приятно поражает дипломатической эрудицией. Чиновники любят видеть министров, не мешкая отправляющимися в дорогу, вот и Ридли не пробыл в должности и месяца, как Юр и Ферн провожали его в турне по новой «вотчине» по ту сторону Атлантического океана. Совершенно естественно, маршрут путешествия включал два «очага напряженности» — Белиз и Фолклендские острова. Белиз, где чернокожему населению численностью 150 000 чел. угрожала Гватемала, уже находился на пути к независимости. Единственным крупным вопросом переговоров оставалось продление соглашения по вопросам обороны. Совсем не то Фолклендские острова. Зима в Порт-Стэнли — не самое лучшее

из времен года, и жителей островов вовсе не согрело сообщение Ридли о намерении ратовать за перемены в их взаимоотношениях с Аргентиной. Они уже слышали все это от Роулендса всего полтора года назад. Почему Лондон не пошел дальше и не попытался сделать что-то конкретное? Они находились в положении пациента, которого врачи постоянно пугают страшной операцией, но на самом деле никто так и не кладет на стол.

Ридли вернулся в Лондон с твердым намерением «раз и навсегда разобраться с этим вопросом». Он энергично взялся за рассмотрение планов, разделенных на тот момент на три группы: замораживание вопроса суверенитета, но не экономических совещаний, общий англо-аргентинский суверенитет и администрация (совместное господство) и передача суверенитета Аргентине с долгосрочной обратной арендой территории Британией. Министр осознавал, что замораживание не примут в Буэнос-Айресе, а совместное господство — в Порт-Стэнли. Все надежды сосредоточивались на обратной аренде. Она вписывалась в концепцию Эдмондса-Роулендса о различных видах суверенитета. Предполагаемый срок лизинга будет длительным — 99, а то и все 999 лет — и гарантирует безопасность для ныне живущего населения островов и их детей. Такой вариант стал бы воистину хорошим разрешением злополучной проблемы. Альтернативами становились только «Крепость Фолкленды» или серьезный риск проявления Аргентиной нетерпения и, как следствие, военные действия. Британии надо было, по крайней мере, выказать некое внешнее стремление в направлении достижения согласия.

Но Ридли предстояло преодолеть внушительное препятствие — убедить Каррингтона, премьер-министра, Комитет по внешнеполитическим и оборонным вопросам (ВиО) кабинета и парламентариев от партии консерваторов (примерно в таком порядке). Каррингтон нашел инициативу Ридли вероятно «правильной, но поспешной» — настолько и в самом-то деле поспешной, что Каррингтон счел целесообразным сначала самому поговорить с премьер-министром. В данном вопросе, как и в отношении всех прочих моментов во внешнеполитических делах, она отозвалась с настоятельным догматизмом — ее ответ Каррингтону в некоторых источниках Уайтхолла аттестовали как «термоядерный». Как и очень часто, Тэтчер безапелляционно призвала министра иностранных дел поставить себя на ее место. К чему, спросила премьер, глубже ранить чувства «заднескамеечников»,

уже и без того разозленных Министерством иностранных дел в связи с Родезией?

В сентябре 1979 г., не сумев сдержать Каррингтона, миссис Тэтчер решила попытать счастья напрямую с Ридли. Она, совершенно очевидно, подозревала, что Министерство иностранных дел уже приступило к выполнению своей схемы, и хотела задушить ее в зародыше. Премьер знала, что Каррингтон и Ридли могли заручиться существенной поддержкой в комитете по ВиО и, как считается, попросила Ридли снять свое предложение, обосновывая просьбу аргументами, ранее приведенными Каррингтону, — не стоило в такой деликатный момент слишком дразнить «заднескамеечников». По мнению, сложившемуся в Министерстве иностранных дел, Ридли упорно возражал, упирая на необходимость какого-то движения, ибо, если исчезнет видимость течения переговорного процесса, возникнет серьезный риск вторжения. Ридли удержал позиции и в конечном счете добился возможности обращения к комитету по ВиО. На заседании этого органа 29 января 1980 г. велись энергичные споры, вновь сосредоточившиеся вокруг вероятной реакции «заднескамеечников» тори на любые послабления в вопросе британского суверенитета над островами. Ридли очутился в неожиданном положении для сторонника Тэтчер, вынужденного искать поддержки у «чужаков» вроде Уильяма Уайтлоу и Фрэнсиса Пима. Он получил добро на подготовку плана, с каковым на консультативной основе предполагалось ознакомить жителей островов. Данная схема действий — в основе своей базирующаяся на «обратной аренде» — была разработана к лету и одобрена комитетом по ВиО в июле. И снова, что характерно, у членов его отсутствовал энтузиазм по поводу вероятной реакции парламента.

В ноябре 1980 г. Ридли, преследуемый оравой аргентинских журналистов, снова прибыл в Порт-Стэнли, чтобы приступить к последней (как впоследствии выяснилось) попытке уладить спор вокруг Фолклендских островов мирными средствами. Визит тот легким не назовешь. Новый губернатор, Рекс Хант, проявлял дружелюбие, но явно не принадлежал к числу тонких дипломатов. Жители островов пришли в состояние шока от напора Министерства иностранных дел. Ридли заявлял, будто предлагает им на выбор три варианта. Одного из них — все заморозить и сохранить status quo [существующее положение (лат.). — *Прим. пер.*] — они всегда раньше и желали. Так чего ради высокопоставлен-

ный чиновник пытается убедить их в пользе обратной аренды? При сложившихся обстоятельствах в пользу Ридли говорит то, что уехал он с явным впечатлением того, будто, по крайней мере, половина тех, с кем он говорил, оценили преимущества обратной аренды. Многим Ридли показался отчужденным и нетерпимым к взглядам жителей территории, каковые он называл близорукими. И все же люди помоложе и большинство живущих в самом Стэнли, по всей видимости, осознавали необходимость достижения долгосрочной стабильности во взаимоотношениях с Аргентиной. Редактор местного периодического издания «Пенгвин Ньюс», Грэм Баунд, подтвердил данную оценку. Будущий член совета острова, Джон Чик, высказался жестче: «Если бы кто-нибудь иной кроме Ридли попытался скормить нам эту обратную аренду, был бы еще хоть какой-то шанс». Несмотря на столь явно враждебные комментарии, политика Министерства иностранных дел, как казалось, так или иначе претворялась в жизнь.

«Час вопросов» палаты общин редко позволяет британской политике просиять в лучшем свете. Ответы министерской стороны заранее старательным образом рассчитываются с прицелом оставить как можно меньше лазеек для нежелательных дополнительных вопросов. В результате для большинства членов парламента посещение «часа вопросов» сводится к шоу, а не к разборке собственно работы правительства. И все же палата общин носом чует заговоры. Когда у членов ее возникает ощущение в намерении исполнительной власти их обдурить, они способны обрушиться на министра в самых нелицеприятных выражениях, — так, что перекрестный допрос в Центральном уголовном суде покажется легкой перебранкой. Атаки редко бывают согласованными, однако вполне способны деморализовать министра, его ведомство и даже правительство. Словом, в таком варианте палата представляет собой рудиментарное сдерживающее средство демократии.

Отчет Ридли перед палатой общин 2 декабря по его возвращении из Порт-Стэнли произвел точно такой же эффект. Он спокойно перечислил проблемы, приносимые населению островов продолжением споров. Изложил три своих варианта выхода из ситуации и подчеркнул, что «любое конечное урегулирование потребует одобрения со стороны жителей островов и этой палаты». Точно такую позицию министры занимали добрых полтора десятилетия. Никакого заговора. Но на сей раз никто ничего

не услышал. Накрученные Комитетом Фолклендских островов в отношении энтузиазма министра к обратной аренде, члены парламента обрушились на Ридли с таким напором, что едва ли кто-то мог припомнить нечто подобное в парламенте за многие годы. Спикер оппозиции, Питер Шор, заседавший в кабинете, одобрившем миссию Роулендса, громогласно потребовал «верховенства» желаний населения территории. И тут в наступление всей кучей бросились лоббисты Фолклендских островов. Сэр Бернард Брэйн заговорил о «новых опасениях», вызванных визитом Ридли. Либерал Рассел Джонстон завел песню о «годами незаживающих... позорных гнойниках» Министерства иностранных дел. Джулиан Эмери коротко осведомился, известно ли Ридли, что «на протяжении многих лет — и тут я {Эмери} могу сказать с известным знанием вопроса — его ведомство только и хотело сбросить с себя этот груз».

Что бы там ни говорил Ридли в свою защиту, все пропускалось мимо ушей. В итоге парламентский отчет отразил мрачную концовку: «Несколько почтенных членов палаты поднялись. Господин заместитель спикера: «Призываю к порядку». Ридли покинул заседание бледным и трясущимся. Один член парламента высказался в таком духе: я-де своими глазами лицезрел, как человека подстрелили на взлете. На заседании комитета по ВиО царила атмосфера, в которой словно бы висел молчаливый укор: «А ведь мы вас предупреждали». Ридли оценил реакцию парламентариев как неудачу. Стало совершенно очевидно, что население островов вовсе не увлечено его схемами. На совещании сошлись на решении подождать и посмотреть на дальнейшие настроения жителей территории. И вновь кабинет воздержался от лидирующей позиции в вопросе, в котором на данный момент больше всего требовалось именно лидерство. По иронии судьбы, когда позднее члены комитета Фолклендских островов собрались для обсуждения обратной аренды, мнения разделились поровну, о чем и соответственно известили представителей населения территории. И все же, как раз тогда, когда политическое мнение как будто бы начинало склоняться в пользу принятия необходимости компромисса с Аргентиной, на передний план выдвинулось противодействие, возникшее в Вестминстере из-за прошлых подозрений.

Могла ли вообще сработать идея Николаса Ридли с обратной арендой? Когда он встретился в Буэнос-Айресе со своим

визави, Карлосом Кавандоли, последний выразил необходимую потребность дать хунте «что-то — хоть что-нибудь». На всем протяжении визита Ридли в Порт-Стэнли аргентинская пресса плевалась ядом в отношении варианта совместного управления и замораживания переходных процессов, но старательно обходила тему обратной аренды. В личной беседе Кавандоли признавался в трудности решения о принятии срока в девяносто девять лет, хотя предложение это, по его мнению, выглядело как вполне основательная тема для переговоров. Джон Юр, побывавший в Аргентине в июне 1981 г., счел Буэнос-Айрес «положительно настроенным в отношении обратной аренды». Трудно избавиться от ощущения, что, обладай британский кабинет мужеством, равным убежденности министра, появились бы твердые шансы на налаживание между Порт-Стэнли и Буэнос-Айресом процесса переговоров об обратной аренде. В результате безусловно не случилось бы никакой войны, как ни в коем случае не нарушился бы уклад жизни населения островов.

* * *

Политика Фолклендских островов поставила палату общин перед лицом этакого «голландского аукциона» непримиримости [«голландским аукционом» называют торги не с повышением, а со снижением цен. — *Прим. пер.*]. Законодательный совет формально проголосовал за замораживание всех переговоров, кроме чисто экономических. После дальнейших обсуждений в комитете по ВиО Ридли в феврале 1981 г. отправился в Нью-Йорк с двумя членами совета Фолклендских островов, Эйдрианом Монком и Стюартом Уоллисом, дабы сообщить Кавандоли о фактическом снятии с повестки дня любого политического решения. В последней надежде он предложил аргентинцам самим обратиться напрямую к жителям островов — их желание являлись единственным ключом к любым возможным решениям в будущем. Разговор Кавандоли с членами совета позднее расценивался в Порт-Стэнли как нечто вроде искушения Христа дьяволом. Он предложил им более чем «вольготный региональный статус» в Аргентине: они могли сохранить собственные законы, местное правительство, язык и обычаи, но при этом получили бы дороги, школы и телевидение. В обмен надо было произнести только одно слово: «суверенитет». По всем показателям, спек-

такль выглядел убедительно. Монк сослался на необходимость доложить обо всем совету, он выразил сомнение в перспективах получения какого-то ответа раньше новых выборов в следующем октябре.

Для всех политиков в Нью-Йорке этот выход был последним на сцене данного спектакля. Не прошло и года, как Кавандоли и Ридли были освобождены от обязанностей представлять свои правительства в вопросе Фолклендских островов. Монк и Стюарт точно также не пережили выборов — крайне необычных для Фолклендов по своей политической кипучести. Несмотря на прежнюю двойственность отношения к вопросу, теперь быстро укреплялось мнение островитян против любых договоренностей с Аргентиной. Местное руководство перешло в руки прямодушного полицейского, Терри Пека, и инженера по имени Джон Чик. В сентябре Ридли получил повышение — должность казначея Министерства финансов. Миссис Тэтчер показала, что даже поражение в палате общин не может погубить карьеру государственного служащего, если цена вопроса — всего лишь какие-то Фолклендские острова.

И вот ветры судьбы стали сносить Министерство иностранных дел с его покромсанной политикой к ключевой фазе саги Фолклендских островов. Как откровенно признался Николас Ридли, отправляясь на переговоры в Нью-Йорк, он мог лишь «на время задержать» развитие ситуации. Предложение фирмы «Шелл» исследовать по лицензии Аргентины сектор Магальянес Эст Мальвинского бассейна (как бы захватывающий в вилку фолклендские воды) встретило отказ. В июле 1981 г. Аргентина прислала официальный протест по поводу фактической остановки переговорного процесса. Правительство, по рукам и ногам связанное удавкой мнения совета островов, не имело простора для маневра и продолжения обсуждения вопроса.

30 июня, совсем незадолго до своего перевода в Министерство финансов, Ридли созвал губернатора Фолклендских островов, Рекса Ханта, и посла в Буэнос-Айресе, Энтони Уильямса, на встречу в Лондоне. Несмотря на неудачи в палате общин и в Нью-Йорке, он был полон решимости не потерять темпа движения в направлении урегулирования. На совещании, где также присутствовали Ферн и Юр, обсуждались различные варианты противодействия наращиванию давления со стороны Аргентины. Ожидалось, что оно будет подразделяться на три фазы:

во-первых, возобновление протестов в ООН, во-вторых, экономическое воздействие на острова за счет свертывания работы авиалинии и прекращения подачи топлива, ну а третья стадия отводилась военным. Тогда достали папку с материалами по обороне Фолклендов и впервые с кризиса 1977 г. просмотрели ее официально. Набросанные ближе к концу 1960-х годов планы подразумевали меры по усилению гарнизона морской пехоты на островах и отправку в регион формирований надводного и подводного флота в качестве сдерживающего средства на случай возможного нападения аргентинцев. В последнем варианте признавалась целесообразность развертывания лишь «крупного оперативного соединения», способного вести боевые действия против аргентинских ВМС и включающего, по крайней мере, один авианосец и один десантный корабль. Все планы строились исходя из уверенности, что Британия будет хоть как-то предупреждена заранее.

Ожидание поэтапного нарастания давления со стороны Буэнос-Айреса в преддверии каких бы то ни было военных акций лежало в основе любых оценок ситуации Министерством иностранных дел и разведкой в кризисе Фолклендских островов вплоть до самого вторжения.

* * *

Министерство иностранных дел получило два удара от другого правительственного учреждения, которые неизмеримым образом ослабили переговорную позицию внешнеполитического ведомства во взаимоотношениях с Буэнос-Айресом. Несмотря на протесты Каррингтона и Ридли весной 1981 г., Министерство обороны вновь актуализировало планы вывода судна «Эндьюранс» из Южной Атлантики в конце его плавания 1981–82 гг. Каррингтон отправил несколько нот министру обороны, Джону Нотту, в которых совершенно ясно объяснял, что такое действие будет означать отказ Британии от намерения держаться за Фолклендские острова.

МО отстаивало позиции железно. Какое-то время «Эндьюранс» находился в перечне пунктов списка «А» министерства, каковые, в случае сильного давления Минфина, можно вычеркнуть «без серьезного снижения оборонного потенциала». (Списки «В» и «С» подразумевали сокращения с более значительны-

ми последствиями.) Учитывая «климатические условия» в деле распределения расходов на общественные нужды в середине 1981 г., любой пункт из списка «А» по определению находился под угрозой. Сколько стоил тот «Эндьюранс»? Не более £2 миллионов в год, но... но он их проедал. Когда лорд Трефгарн потихоньку обмолвился о решении в палате лордов 30 июня, один аргентинский чиновник позвонил лорду Шэклтону и спросил, не означает ли это и в самом деле уход британцев из Южной Атлантики. Что мог сказать Шэклтон? Конечно же, он ответил «нет». И все же обвинять в капитулянтстве стали теперь Министерство иностранных дел, пусть оно и отчаянно возражало против прекращения экспедиций. Лорд Каррингтон продолжал протестовать против этого решения вплоть до своей отставки.

В то же самое время в парламент с легкой руки Министерства внутренних дел поступил новый билль о британской национальной принадлежности. Целью служило прояснение статуса граждан британских колоний, допускать переезд которых в Британию правительство, по причинам расовых отношений, не очень-то хотело. В первую очередь закон нацеливался на китайцев из Гонконга. Правила следовало основательно продумать (тонко, скрывая цинизм), дабы не отнять у белых потомков британцев возможности переселения в метрополию. Метод, применявшийся к гражданам Британского содружества наций, предполагал выдачу полного гражданства обладателям «частичного» статуса гражданина, если, по крайней мере, дедушка или бабушка кандидата родились в Британии.

Закон не распространялся на поселенцев третьего или четвертого поколения в колониях вроде Гибралтара и Фолклендских островов. Билль лишал их так высоко ценимой безопасности: полного британского гражданства с правом переселиться в СК. Консерваторы правых взглядов тут же выказали готовность к союзу с парламентариями от лейбористов и либералов, каковые уже высказывались против принятия билля, и 2 июня правительство едва не потерпело поражение в отношении поправки, исключавшей бы из списка Гибралтар. Когда документ достиг палаты лордов, гибралтарская поправка обрела значительно большую поддержку и была протолкнута вопреки желанию правительства 150 голосами против 112, несмотря на страстное предостережение лорда Сомса: «Если будут особые случаи, то каждая зависимая территория станет особым случаем». Он имел

в виду, в частности, и Фолклендские острова. Так или иначе, жителей Гибралтара спасли от незавидной участи. В отношении такой же поправки, исключавшей из списка Фолкленды, доводы Сомса возобладали, и это предложение недобрало всего одного голоса.

Теперь элементарная логика требовала от кабинета либо повторного внесения Гибралтара в билль, когда тот вернулся в палату общин, или же исключения вместе с ним и Фолклендов (тогда в списке остался бы едва ли не один только Гонконг). В данном случае Уайтлоу [Уильям Стивен Йэн Уайтлоу, 1-й виконт Уайтлоу (1918–1999), занимавший с 4 мая 1979 г. посты министра внутренних дел (до 11 июня 1983 г.) и заместителя премьер-министра Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии (до 10 января 1988 г.). — *Прим. ред.*] решил капитулировать в деле с Гибралтаром, но по-прежнему отказывал в полном гражданстве жителям Фолклендских островов на том основании, что-де полбуханки хлеба лучше, чем ничего. Население Гибралтара могло ликовать, а 800 фолклендеров, не признававшихся гражданами, очутились словно бы выброшенными на помойку. Они получили статус, мало отличавший их от беженцев из материкового Китая в Гонконге. Те же самые члены парламента, заявлявшие, будто «Британия всегда будет горой за жителей Фолклендов», совершенно спокойно бросили их на произвол судьбы.

Вышеописанные и, по всей видимости, не связанные между собой намеренно события 1981 г. вовсе не показались такими случайными для аргентинцев. Взаимоотношения на уровне послов были восстановлены в 1980 г., и старая игра с наблюдением за Фолклендскими островами с площади Белгрейв [на площади Белгрейв (Belgrave Square) в доме 49 расположено посольство Аргентины в Лондоне. — *Прим. ред.*] с воодушевлением возобновилась. Все тонкие моменты британской политики, пусть и в корне отличные по замыслу от их оценки аргентинцами, наносились в виде кривой в том же графике. Вертикальной осью служило стремление британцев присутствовать в Южной Атлантике, а горизонтальной — время. По мере течения недель и месяцев 1981 г., кривая на графике, совершенно очевидно, уверенно скользила вниз.

3

ИГРА ГАЛТЬЕРИ

... Закон простой
Они хранят с былых времен:
Пусть тот берет, кто всех сильней,
И пусть владеет он.

Уильям Вордсворт, Rob Roy's Grave («Могила Роб Роя») [цит. по переводу на русский язык романа Вальтера Скотта «Роб Рой». — *Прим. пер.*]

В 1981 г. Аргентина переживала новый и радостный опыт. Ее взялось открыто опекать самое могущественное государство на Земле. Прошедший год стал свидетелем приезда американских гостей, которые на сей раз не спешили задавать вопросы о тюрьмах, пыточных застенках и даже о проблемах соблюдения прав человека. Роджер Фонтейн и генерал Дэниэл Грэм, советники кандидата в президенты Рональда Рейгана, решили обойти вниманием эти щекотливые моменты, прежде неизменно привлекавшие к себе визитеров из США. Они обсуждали отмену введенного при Картере эмбарго и приветствовали аргентинцев как товарищей в деле борьбы с марксизмом в Латинской Америке. Им грезился образ нового антикоммунистического альянса в Южной Атлантике. За этими господами подоспел генерал Вернон Уолтерз, бывший заместитель главы ЦРУ и этакий бродячий «свободный художник» от Министерства иностранных дел. Прибывали и должностные лица

из военных сфер администрации Рейгана. Всех душевно принимал новый начальник штаба армии, генерал Леопольдо Галтьери, а в августе его пригласил в гости американский визави, генерал Эдвард Мейер. Симпатичный кавалерийский офицер [на самом деле Леопольдо Фортунато Галтьери Кастелли (1926–2003) был не кавалеристом, а военным инженером; назначенный в 1975 г. (после 25 лет службы) командиром инженерного корпуса аргентинской армии, он принял активное участие в государственном перевороте 1976 г., благодаря чему в 1977 г. стал дивизионным генералом и 28 декабря 1979 г. — генерал-лейтенантом (получив одновременно должность командующего сухопутными войсками). — *Прим. ред.*], не дурак выпить, не любивший к тому же тратить время на тонкие нюансы международной политики, Галтьери имел большой успех у принимающей стороны.

В то же самое время начал разваливаться режим Виделы, находившийся у власти с 1976 г. и поддерживавшийся хунтой лидеров трех видов вооруженных сил Аргентины. Консервативная экономическая политика доктора Мартинеса де Оса [Хосе Альфредо Мартинес де Ос (1925–2013) был аргентинским министром экономики с 29 марта 1976 г. до 31 марта 1981 г. — *Прим. ред.*] провалилась (или оказалась недостаточно жестокой): она не смогла обуздать растущую инфляцию и прекратить спад темпов экономического роста, а также привела к потере средним классом значительной доли реальных доходов. В марте 1981 г. Видела отказался от президентства, выдвинув на замену себе бывшего армейского командира Роберто Виолу [генерал-лейтенант Роберто Эдуардо Виола Редондо (1924–1994) занимал должность командующего аргентинской армией (сухопутными войсками) с 31 июля 1978 г., а пост президента Аргентины — с 29 марта по 11 декабря 1981 г. — *Прим. ред.*]. Власть, совершенно очевидно, оставалась в руках триумвирата военной хунты, куда уже и раньше входил Галтьери. Восхождение к президентскому креслу Виолы сопряжено с прелюдией к политическим беспорядкам в Аргентине: с множеством разговоров о возвращении к демократии, с крайними проявлениями в политической деятельности и с ответными заговорами военных в их стремлении остановить все это.

К октябрю стало ясно, что дни президентства Виолы сочтены. Перетасовка в членстве хунты (обычно происходившая примерно раз в два года) привела к выходу на передовые позиции новых представителей ВВС и ВМС — бригадир-генерала [в аргентинских ВВС

(Fuerza Aerea Argentina) бригадир-генерал, или, точнее, главный бригадир (brigadier general) является высшим воинским званием (аналогом британского главного маршала авиации или четырехзвездного генерала ВВС США), и его не следует путать с бригадным генералом (general de brigada) сухопутных войск Аргентины. — *Прим. ред.*] Басилио Лами Досо и адмирала Хорхе Анайя соответственно. [Басилио Артуро Игнасио Лами Досо (род. 1.02.1929) возглавил Военно-воздушные силы Аргентины 17 декабря 1981 г., когда его предшественник, бригадир-генерал Омар Доминго Рубенс Граффинья, вышел в отставку. Хорхе Исаак Анайя (1926–2008) был произведен в адмиралы и назначен командующим аргентинскими Военно-морскими силами 11 сентября 1981 г., сменив на этом посту адмирала Армандо Ламбрускини (ранее Анайя носил звание вице-адмирала и занимал должность начальника штаба ВМС). — *Прим. ред.*] Последний, известный как жесткий противник возвращения к каким бы то ни было формам гражданского правления, отпихнул в сторону ряд более старших офицеров из числа претендентов на пост. У него к тому же имелось и качество, редкое в тогдашней аргентинской истории: будучи военно-морским офицером, он, тем не менее, дружил с армейским командующим, Галтьери.

В ноябре Галтьери вновь на скорую руку посетил Вашингтон, где среди прочего отобедал с Каспаром Уайнбергером [с 21 января 1981 г. до 23 ноября 1987 г. Каспар Уиллард Уайнбергер (1917–2006) занимал пост министра обороны США. — *Прим. ред.*] и встретился с советником Рейгана по вопросам национальной безопасности, Ричардом Алленом. Уже рассматривавшийся как следующий правитель своей страны, Галтьери удостоился на публике довольно лестной ремарки Аллена как «величественная персона». От таких разговоров закружилась бы голова даже у человека куда более скромного, чем Леопольдо Галтьери. Перспектива появления у власти в Буэнос-Айресе новой сильной личности, по легко понятным причинам, вполне импонировала команде Рейгана. Заметная, пусть и не совсем чистая победа над партизанами левого крыла вместе со всеми связанными с ними рассуждениями о правах человека постепенно уходила в прошлое. Галтьери казался амбициозным и сознающим жажду Аргентины в харизматичном руководителе по образцу Перона. В то же время как лидер он не являлся искушенным в политике лицом и обещал стать вполне послушным. Галтьери представлялся превосходным вождем государства-клиента. Для Амери-

ки с возрождавшимся в ней антикоммунизмом Аргентина, возглавляемая таким правителем, являлась бы настоящим южным заслоном против латиноамериканской революции.

Уолтерз считал, что в Вашингтоне Галтьери настоятельно рекомендовали не слагать с себя обязанности командующего армией в случае официального прихода к власти. Для сохранения командования ему понадобилось бы согласие, по крайней мере, какого-то другого члена хунты, предположительно его друга Анайи. Люди, посвященные в кулуарные дела аргентинской политики и знавшие обоих, говорили, будто соглашение это, заключенное в декабре 1981 г., незадолго до занятия поста президента Аргентины генералом Галтьери, подразумевало гарантии по ряду вопросов политики. Один из них означал понимание необходимости возвращения Фолклендских островов в пределах двухлетнего президентского срока Галтьери, желательно до января 1983 г., 150-летней годовщины захвата территории британцами. Львиная доля славы досталась бы в этом случае ВМС, в сфере оперативной ответственности которых находились Мальвинские острова.

В декабре Виола оставил президентский пост по состоянию здоровья, а Галтьери вступил в должность и произвел полную смену кабинета [с 11 декабря 1981 г., сразу после отставки Виолы, пост президента Аргентины временно занимал вице-адмирал Карлос Альберто Лакосте (1929–2004), которого 22 декабря 1981 г. заменил генерал-лейтенант Леопольдо Фортунато Галтьери. — *Прим. ред.*]. Доля гражданских лиц в нем увеличилась, в том числе туда вошли два деятеля, которые, скорее всего, понравились бы в Вашингтоне, — один из них министр экономики, доктор Роберто Алеман, верный последователь профессора Милтона Фридмана [имеется в виду знаменитый американский экономист Милтон Фридман (1912–2006), удостоенный в 1976 г. Нобелевской премии «за достижения в области анализа потребления, истории денежного обращения и разработки монетарной теории, а также за практический показ сложности политики экономической стабилизации». — *Прим. пер.*]. Он отличался от предшественника, Мартинеса де Оса, в основном еще большей решимостью применять то же, если и не более горькое лекарство дефляционных мер. В качестве другого назовем Никанора Коста Мендеса, вернувшегося в Министерство иностранных дел после десятилетнего отсутствия. Первые меры пакета Алемана, введенные в действие в январе 1982 г., отличались сокрушительной жесткостью. Начиная борьбу под лозунгом «долой инфляцию

и регулирование — даешь денационализацию», он ввел плавающий курс обмена валюты, заморозил зарплаты в бюджетной сфере (не пустой звук при 150-процентной инфляции), увеличил непрямое налогообложение и пошел даже на снижение оборонных расходов. В перечень сокращений не входили немецкие фрегаты для ведомства Анайи и реактивные самолеты «Супер-Этандар» французского производства. Во времена, когда политические процессы только подавали голос после пяти лет тотального подавления, пакет мер можно назвать смелым, причем смелым до грани с безрассудством.

На своем поле Коста Мендес предложил не менее жесткую, хотя и по внешним признакам куда менее болезненную стратегию. Помимо сближения с США, Аргентине надлежало восстановить региональное верховенство. Данный путь подразумевал активное участие в борьбе с коммунистами в Центральной Америке, в особенности в Никарагуа и Сальвадоре, а также силовое разрешение территориальных споров с Британией и Чили. Разногласия с Чили по поводу группы островов в проливе Бигля, как считалось, уже были утрясены ранее, сначала британской короной (выступавшей в качестве арбитра при заключении договора в 1902 г.), а затем Ватиканом. Оба раза решения принимались в пользу Чили. Галтьери, как командующий армией, ранее использовал вес своего влияния для отказа от арбитража Ватикана, и в январе 1982 г. Коста Мендес официально объявил о непризнании в дальнейшем Аргентиной обязательств перед Чили по договору от 1972 г. Войсковые формирования отправились в южный пограничный ареал, а отношения двух стран беспрецедентным образом ухудшились. На всем протяжении Фолклендской войны Аргентина опасалась возможности удара чилийцев ей в спину и держала часть наилучшим образом подготовленных к действиям в условиях зимы коммандос вдалеке от Фолклендских островов и поблизости от чилийской границы.

И сам Коста Мендес, и его заместитель, Энрике Рос, являлись ветеранами спора вокруг судьбы Фолклендских островов. Коста Мендес считал совершенно абсурдной ситуацию с переговорами, которые тянулись больше десятилетия после того, как он, казалось бы, обо всем договорился с Джорджем Брауном еще в 1967 г. Мендес знал об остром стремлении британского Министерства иностранных дел к улаживанию вопроса. Министерство финансов не выказывало ни малейшего интереса в отношении развития территории. Десятилетнее Соглашение по коммуникациям

британская сторона выполнять не спешила. Доклад Шэклтона пылился где-то на полках. Вдобавок к этому за истекший год было принято решение об отзыве HMS «Эндьюранс», населению островов отказали в полном британском гражданстве, и даже Британская антарктическая служба вот-вот собиралась закрыть станцию на Южной Георгии из-за нехватки средств. По всем показателям государство это устало от колониальной ответственности.

Пусть возвращение «Мальвинских островов» и не решит внутренних противоречий в самой Аргентине, оно, по крайней мере, поможет на какое-то время сплотить нацию, послужит оправданием правления военных и обелит репутацию вооруженных сил после ужасов грязной войны (желание очиститься стало одной из причин избрания печально известного лейтенанта Альфредо Астиса в командиры экспедиции по захвату Южной Георгии). К тому же успехи на поприще войны придали бы хунте авторитета, в каковом она, безусловно, нуждалась для проведения в жизнь мер из экономического пакета Алемана.

Не прошло и недели с момента обретения власти Галтьери, как старый план вторжения ВМС подвергся ревизии. Предположительно для старта операции предполагалось избрать дату в период между июлем и октябрем 1982 г., когда «Эндьюранс» будет отозван, а любой контрудар военно-морских сил британцев окажется почти невозможным из-за суровой зимней погоды. Фокус состоял в том, что на пути к Фолклендским островам британским войскам пришлось бы акклиматизироваться сначала в условиях тропиков, а сразу потом — холодных широт Южной Атлантики. Не менее важную роль играло и ожидаемое в июле получение ВМС партий французских самолетов и противокорабельных ракет «Экзосет». К тому же к тому моменту удалось бы как следует подготовить к боевым действиям призывников.

Важнейшим компонентом успеха военной операции являлась бы неожиданность. Никакого замышлявшегося Массерой вывода населения. Использование минимума войск и нулевые потери среди местных жителей на островах. Мир будет поставлен перед свершившимся фактом, а Британия не сможет взбудоражить эмоции в Организации Объединенных Наций. Ни в коем случае нельзя никого ни о чем предупреждать, дабы не увеличивать риск отправки подкреплений на острова британцами. Считается, что на начало 1982 г. лишь девять фигур в составе хунты действительно знали о планах скорого вторжения.

Дипломатическая аргументация указывает в несколько ином направлении. Министерство иностранных дел Аргентины не есть некий монолитный институт. Министры и высокопоставленные должностные лица приходят в него и уходят оттуда систематически, к тому же многие служат офицерами в вооруженных силах. За рубежом аргентинским дипломатам приходилось работать параллельно с сетью атташе, действовавших независимо и отчитывавшихся только перед своим командованием. Например, военно-морская миссия в Лондоне имеет (или имела) собственное здание на Воксхолл-Бридж-роуд. Старший военный атташе в Вашингтоне, бригадный генерал Мигель Альфредо Мальеа-Хиль, считался куда более влиятельной персоной в окружении Галтьери, чем посол, Эстебан Такач, и точно так ситуация и воспринималась администрацией.

Коста Мендес прекрасно осознавал, что для осуществления вторжения на Фолклендские острова и достижения этим fait accompli в духе Гоа необходимы дипломатические приготовления. Требовалось создать атмосферу законного недовольства. Большую важность приобретали поддержка латиноамериканских стран, американский нейтралитет и, вероятно, вето русских в Совете Безопасности ООН. Похоже, ни Коста Мендес, ни кто-нибудь из его советников не верили в возможность британского вооруженного ответа. При всем том сами по себе финансовые и экономические санкции таили риск нанесения огромного вреда Аргентине. Коста Мендесу хотелось бы разузнать, что произойдет в случае вторжения.

В результате образовывался конфликт между необходимостью поддержания строжайшей секретности и желанием получения определенной информации. Агентов инструктировали задавать тем, с кем они контактировали, «гипотетические» вопросы. Указания на намерения Аргентины появились в прессе Буэнос-Айреса, особенно в открытой форме в колонках хорошо информированного Хесуса Иглесиаса Роуко из газеты «Ла Пренса». Не далее как в январе он писал: «Аргентинское правительство вот-вот предложит ряд условий британцам прежде, чем продолжать дальнейшее ведение переговоров... Существует уверенность в том, что если очередная попытка Аргентины добиться решения на переговорах с Лондоном провалится, Буэнос-Айрес уже в текущем году возьмет острова силой».

В Вашингтоне генерал Мальеа-Хиль находился в постоянном контакте с заместителем помощника министра по межа-

мериканским делам в Министерстве иностранных дел США, Томом Эндерсом, равно как и с послом США в ООН, миссис Джин Киркпатрик, давним экспертом по латиноамериканским вопросам. Оба отрицали впоследствии какое-то словесное стимулирование хунты к вторжению в ту пору. И все же их открытое дружелюбие само по себе говорило хунте все то, что та желала слышать. Редакторам газет без лишних церемоний указывали на необходимость публикации эссе и репортажей их иностранных корреспондентов о гипотетической «реакции» за рубежом. Рауль Файн Бинда, лондонский корреспондент «Сиете Диас», остроумно предложил передовицу «Таймс» с крупным заголовком: «Миссис Тэтчер снаряжает в поход флот». Он даже «назначил» командиром адмирала Вудварда [того самого Джона Форстера «Сэнди» Вудварда, которому впоследствии, во время Фолклендской войны, действительно довелось возглавлять соединение британских ВМС в Южной Атлантике — так называемую Объединенную оперативную группу 317.8 (Combined Task Group 317.8). — *Прим. ред.*]. Материал появился в самую неделю вторжения и, похоже, оказался единственным точным предсказанием во всем разведывательном предприятии хунты.

Зарубежные рапорты агентов и корреспондентов в большинстве случаев создавали в Буэнос-Айресе сравнительно радужную картину взгляда мира на обновленную Аргентину. По причине тонкости дела и опосредованности подхода сбора сведений полностью полагаться на добытые такими путями разведданные не представлялось возможным. Зачастую информация приходила по военным каналам и страдала от искажений, каковые едва ли не неизбежны при прохождении по цепочке командования. Офицеры осознавали, что их начальству угодно услышать о малой степени вероятности жесткого ответа Британии. Но, так или иначе, все указывало в одном направлении и приводило к такому выводу: британцы не будут действовать вооруженной рукой, страны третьего мира в ООН встанут на сторону Аргентины, Британия не получит сильной поддержки в Совете Безопасности, но даже если поддержка все же будет высокой, СССР разыграет антиколониальную карту и воспользуется правом вето, и наконец санкции, наложенные Британией, окажутся неэффективными и непродолжительными.

* * *

Как высокие напольные часы из дедушкиного кабинета, увитые сединами переговоры по Фолклендским островам, перенесенные с предшествовавшего декабря на февраль 1982 г. из-за произведенного Галтьери переворота, должны были вот-вот пробить очередной час в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке. Британскую делегацию опять возглавлял очередной новичок в данном процессе, Ричард Люс. Заместитель министра в Министерстве иностранных дел, прежде специализировавшийся на Африке, Люс взял на себя вопросы Америки после ухода Ридли на повышение. Новый чиновник был придерживавшимся либеральных взглядов тори с негромким голосом. В противоположность большинству переговорщиков по Фолклендам, он до того лично посетил острова как делегат Ассоциации парламентариев стран Содружества наций. Из всех груд документов, переданных ему Джоном Юром при вступлении в должность, папка Фолклендских островов была, без всякого сомнения, самой увесистой.

Будучи по натуре человеком осторожным, Люс не испытывал ни малейшего желания очутиться вздернутым на ту же дыбу, на которую кровожадные «заднескамеечники» подняли его предшественника, Николаса Ридли. Поэтому Люс потребовал заведовавшего отделом Южной Америки Робина Ферна дать гарантии, что разнообразные воинственные вопли, раздающиеся из Буэнос-Айреса, не содержат каких-то новых примесей и ингредиентов. Последние сообщения, исходившие от Коста Мендеса, говорили об особом нетерпении Аргентины. Журналисты даже атаковали Роса в аэропорту перед отлетом в Нью-Йорк. Что, что все это означало?

Ферн с позиции своего ведомства в Лондоне и лично Энтони Уильямса, посла в Буэнос-Айресе, с полной уверенностью отвечал, что подобная истерия есть нормальное явление перед каждым раундом переговоров, а посему Люсу не следует впадать в особые страхи по сему поводу. Уильямс подготовил полное резюме по правительству Галтьери еще накануне в декабре. По его мнению, новый режим будет проводить жесткую внутреннюю политику и станет наращивать давление на Британию в вопросе Фолклендских островов, но в данное время у хунты слишком много забот, а посему она вряд ли отважится на какие-то особо рискованные инициативы сейчас же. В Нью-Йорке Уильямс лично высказал свою точку зрения Люсу.

Рос начал переговоры под совершенно очевидным сильным давлением из Аргентины. Юрист и изощренный игрок на ниве международного права, он не всегда умел скрывать неприязнь к военным хозяевам. В результате противоположная сторона обходилась с британцами с показной нетерпимостью. Рос основывал позицию на требовании создания постоянной рабочей комиссии по Фолклендским островам с переходным от Британии к Аргентине председательством. Он настаивал на ежемесячных заседаниях и — что более важно — на ограничении продолжительности процесса переговоров концом текущего года. Ничего так не сбило с толку в дальнейшем британскую разведку, как упоминание об этом крайнем сроке.

После многих отговорок Люс в конечном счете согласился на комиссию, добавив условие постоянного присутствия в ней двух членов совета островов. Он мог также принять предложение о «регулярных» встречах, об «открытой» повестке дня и о «ревизии» по итогам года. Рос все время сносился с Буэнос-Айресом. В конечном счете сделка наткнулась на вопрос ратификации обеими сторонами. Люс не согласился ни на что иное, кроме как на продолжение переговоров, пусть и в убыстренном темпе. Участники процесса подготовили совместное заявление для обеих столиц. В нем говорилось о «теплой и дружественной атмосфере» переговоров, но не упоминалось о подробностях.

Затем Рос навестил генерального секретаря ООН, Хавьера Переса де Куэльяра, и в личной беседе поведал ему о своем полном удовлетворении результатами. Он достиг куда большего, чем любой из предшественников, к тому же теперь казалось, ничто уже не помешает переговорам идти с должным темпом. Люс, Уильямс и два представителя населения островов, присутствовавшие на заседаниях, — все испытывали, по крайней мере, уверенность. Они дружно сходились на том, что «выиграли от трех до шести месяцев». Затем Люс приступил к выполнению второй составляющей своей миссии: к визиту в Вашингтон для обсуждения проблемы Сальвадора в Министерстве иностранных дел США. Тут он встретился с Томом Эндерсом, готовым вот-вот отбыть в поездку в Буэнос-Айрес, и усмотрел благоприятную возможность заверить Коста Мендеса в доброй воле Британии в новом раунде переговоров. Голова у Эндерса была забита Сальвадором и Никарагуа и он, совершенно очевидно, вообще не считал вопрос Фолклендских островов каким-то поводом для

разговоров. Америка также держалась традиционного нейтралитета и в отношении их суверенитета. Однако поспособствовать Эндерс согласился.

Тогда-то — именно тогда, в начале марта 1982 г., — ошибочные суждения громоздились, наталкиваясь и наваливаясь на неверные расчеты. Похоже, Коста Мендес рвал и метал из-за «теплого и дружественного» нью-йоркского коммюнике Роса. Нечто теплое и дружественное с Британией, да еще и срок длиной в добрый год — этого он менее всего желал в момент подготовки вторжения. Мендес наотрез отказался публиковать коммюнике. Вместо того его первый секретарь, Густаво Фигероа, озвучил совершенно противоположное заявление о том, что-де Аргентина со всей доброй волей вела переговоры слишком долго. Если Британия не пойдет на передачу суверенитета в ближайшем будущем, Аргентина сохраняет за собой права «использовать другие средства» для возвращения себе островов. Оглядываясь назад, можно констатировать: здесь мы имеем дело с первой стадией предсказанного британским Министерством иностранных дел «наращивания давления». Однако в Лондоне пассаж интерпретировали иначе.

Спустя неделю Эндерс передал сообщение Люса далее Коста Мендесу и, как он уверял, самому Галтьери. Оба выслушали американского ходатая и никак не отреагировали, косвенно подтверждая мнение Эндерса в отношении излишней обеспокоенности Люса. Эндерс не высказался, а его и не спросили о том, могут ли у Америки быть какие-то намерения в отношении вторжения. Только в разговорах с Росом сквозили признаки ведения какой-то большой игры, связанной с годичным сроком, но и Рос, как считается, не знал ничего о планах вторжения. Темами бесед Эндерса стали многие вопросы от положения в Центральной Америке и сотрудничества по делам безопасности до сельского хозяйства в Европе и проблемах Организации американских государств. А тут еще и Фолклендские острова! «В конце-то концов, это было сугубое дело СК», — резюмировал Эндерс позднее. Только оглядываясь назад, постиг он весь глубинный смысл молчания аргентинцев и всю значительность своей ошибки. Взаимоотношения между Вашингтоном и Буэнос-Айресом оставались близкими.

Если Рос, вернувшись домой, попал чуть ли не с корабля на «ковер», где его едва не высек кровожадно мыслящий ястреб-босс, Люс возвращался не в ведомство, а в голубятню. Его и в самом

деле шокировал разворот кругом в Буэнос-Айресе в отношении подписанного в Нью-Йорке коммюнике. Оба они с Каррингтоном только и могли, что гадать по поводу значения сей новости. Совет должностных лиц выглядел недвусмысленно, как и мнение посла на месте. Да, трения были, но в них нет ничего особо зловещего и беспрецедентного. Однако надо остерегаться, как бы, чего доброго, не спровоцировать Буэнос-Айрес и не дать ему повода для эскалации. И все же Люс волновался. А что присоветует Каррингтон?

Высоко на стенах здания Министерства иностранных дел в Уайтхолле висят портреты людей, которые не вдавались в долгие размышления. В случае сомнения они отправляли в поход канонерские лодки. Многим из его поклонников лорд Каррингтон видится последним из министров иностранных дел этакого палмерстонского типа [имеется в виду британский государственный деятель XIX века Генри Джон Темпл, виконт Палмерстон (1784–1865), послуживший своей стране на посту секретаря по военным делам (в 1809–1828), министра иностранных дел (в 1830–1834, 1835–1841 и 1846–1851) и премьер-министра (в 1855–1858 и 1859–1865); во внешней политике он проводил курс поддержки либеральных течений за границей, покровительствовал революциям 1848–1849 гг. в Италии и Венгрии, однако в Восточном вопросе выступал твердым защитником Османской империи, что в итоге привело к прямому столкновению с Россией и участию Британии в Крымской войне. — *Прим. ред.*]. Но все же и он не отреагировал столь же воинственно. Причины отчасти обусловливались внутренним положением, механизмом процедур Министерства иностранных дел, но с другой стороны, возможно, знаменитой невозмутимостью самого Каррингтона. Однако прослеживаются и внешние факторы — результаты взаимоотношений, сложившихся между учреждениями и отдельными министрами всюду в администрации миссис Тэтчер.

Даже и для министра иностранных дел не так-то просто мобилизовать британские ВМС. Сначала он должен обратиться к комитету по ВиО кабинета и изложить дело его членам. Далее он неизбежно столкнется с нежеланием Министерства обороны влезать в расходы и перебрасывать корабли. Точно так же не стоит ждать симпатий и от Министерства финансов. Следовательно, ему нужно иметь на руках карту в виде очевидно значительной угрозы национальным интересам, предположительно в форме рапорта с оценками ОКРС от секретариата кабинета министров.

Но раньше всего предстоит уладить дело с премьер-министром. Все-все захотят узнать о предполагаемых побочных действиях со стороны союзников и Организации Объединенных Наций, о продолжительности оборонной инициативы и о том, что произойдет в случае начала военных действий.

Каррингтон и Люс не видели основания — особого роста напряженности — для оправдания согласованного обращения к коллегам-министрам. Свидетельства о чем-то зреющем далеко на юге как будто бы настораживали. Но они поступали преимущественно из аргентинской прессы, а Министерство иностранных дел, руководствовавшееся соображениями Уильямса, не придавало им особого значения. Оценки ОКРС, собиравшего и анализировавшего данные в основном от дипломатов Министерства иностранных дел, тоже как будто бы способствовали созданию радужной картины. Галтьери, подчеркивали они дружно, не проявлял никакой воинственности в данном вопросе. Взаимоотношения между Аргентиной, Британией и США были хорошими. Раунд переговоров в Нью-Йорке завершился конструктивно, обещая впереди еще целый год совещаний и заседаний до подведения конечной черты. (Те самые встречи по-прежнему рассматривались ОКРС как свидетельство сдержанности Аргентины даже после опровержения со стороны самого Буэнос-Айреса.) Сообщения с предупреждениями о росте драчливости в настроениях Аргентины, присылаемые министерству командиром судна «Эндьюранс» кэптеном Ником Баркером, в расчет не брались, ибо считались частью кампании по борьбе против завершения миссии корабля в Южной Атлантике.

На пути Каррингтона лежало препятствие величиною в год — год, о котором то и дело твердили все участники того этапа Фолклендского кризиса. К весне 1982 г. во взаимоотношениях между учреждениями в правительстве миссис Тэтчер господствовали исключительно соображения бюджетного характера. Система предельного размера кредита, введенная в период правления администрации Каллагэна, была возведена сэром Джеффри Хау в степень — нечто похожее на начало и конец политики. Пусть схема не привела к тотальному урезанию расходов на социальные нужды, но, несомненно, стала настоящей анафемой любым политическим шагам, сопряженным с дополнительными затратами. В частности, департаменты яростно сопротивлялись каким бы то ни было посягательствам на их расходы со стороны других учреждений — всему, что грозило ухудшением взаимоотноше-

ний с Министерством финансов. Весной 1982 г. ни одно ведомство не имело столь же сложных контактов с Министерством финансов, как Министерство обороны. В целях экономии денег на ВМС пришлось наложить жесткие ограничения по части расхода топлива. Для Нотта стала известным подспорьем публичная поддержка со стороны премьер-министра в палате общин в феврале 1982 г., каковой он заручился из-за сопротивления требованиям Каррингтона не отменять миссию «Эндьюранса».

3 марта Люс сделал перед палатой общин первое заявление о переговорах в Нью-Йорке. Он безукоризненно отрепетировал свое выступление и не дал слушателям забить традиционную тревогу на данную тему. И все же ему пришлось отвечать на прямо заданный Джулианом Эмери вопрос: «Заверит ли нас министр в факте принятия всех надлежащих шагов по обеспечению защиты островов перед лицом неожиданного нападения?» Люс дал уклончивый ответ, ибо знал о решении кабинета отказать ему даже в продолжении миссии «Эндьюранса». Но Эмери не забыл о своем вопросе, а аргентинское посольство представило вниманию Буэнос-Айреса все нюансы ответа Люса.

Двое суток спустя, 5 марта, Люс и Каррингтон собрали своих чиновников, в том числе Ферна и Юра, в Министерстве иностранных дел для обсуждения положения вокруг Фолклендских островов в свете воинственного отклика Коста Мендеса. Встреча эта оказалась ключевой по важности для правительственных действий в марте. Ферн и Юр, поддерживаемые Уильямсом в Буэнос-Айресе, полагали, что решительно непонятно, чего добивается хунта, — стремится ли она к стимуляции новой напряженности или ищет способов для отвода глаз и розыгрыша какой-то другой карты. По совету должностных лиц, следовало отправить Уильямса на встречу с Коста Мендесом для прояснения вопроса и, если надо, — набросать черновик жесткого письма в Буэнос-Айрес. На совещании собравшиеся вновь и вновь прокрутили тему трех предполагаемых фаз наращивания давления и начали формировать планы возможного ответа. Несмотря на возобновление трений, ожидалось еще проявление аргентинцев в ООН. Затем следовало предвидеть блокаду Фолклендских островов, прекращение воздушного сообщения и подачи топлива. Предложили послать в комитет по ВиО предостерегающую записку с обрисованными в ней контурами привлечения необходимых финансов при принятии дополнительных мер, направленных на

противодействие угрозе. И наконец, третье и заключительное — ставился вопрос военного давления, возможно, в форме тайной высадки войск на одном из островов поблизости.

В целях приготовления к последнему моменту острой ситуации пришлось вновь просмотреть военную папку по Фолклендским островам. Эта активность совпала с отправленным 8 марта в адрес Министерств иностранных дел и обороны запросом премьер-министра (стимулированного рапортами разведки) в отношении планов действий в чрезвычайных обстоятельствах. Вдобавок к этому в комитет по ВиО отправилась очередная просьба отказаться от отзыва «Эндьюранса». Похоже, именно на этом этапе нижестоящие должностные лица впервые поведали министрам об обстоятельствах дела 1977 г. Правила британского правительства диктуют: совет, данный чиновниками одной администрации, не доводится до сведения другой. Операция 1977 г. проводилась в обстановке секретности и считалось естественным сохранять ее в тайне и далее, но на данном этапе посвященные в дело лица находили целесообразным по крайней мере сделать упоминание о предыдущем оперативном соединении. Они подчеркивали, что обстоятельства, вынудившие правительство к отправке формирования, были куда более серьезными, нежели теперь — тогда, например, дошло до отзыва послов. Каррингтон поинтересовался, извещали ли о происходящем аргентинцев, и получил ответ «нет», каковой лишь усугублял незначительность ситуации. Вопрос высылки субмарин так и не был поднят. Свидетельства и рекомендации, имевшиеся в распоряжении до заседания, как представляется, и близко не оправдывали такой ответ. Отправь они в тот момент запрос в комитет по ВиО, те же свидетельства и те же рекомендации были бы доведены до сведения министров как инструктивный материал. Никто из государственных служащих, проинтервьюированных для этой книги, ни на минуту не сомневался в результате: «Запрос осмеяли бы как нечто, не подлежащее обсуждению».

* * *

Две недели спустя, когда не состоялось еще заседание комитета по ВиО и не пришел ответ Министерства обороны по «Эндьюрансу», случилось некое происшествие, которое, похоже, застало врасплох как Буэнос-Айрес, так и Лондон. В начале марта аргентинский торговец металлическим утилем по имени Константино

Давидофф обратился в британское посольство за разрешением приступить к выполнению контракта, заключенного с базирующейся в Шотландии транспортной фирмой Кристиан Салвесен. Договор предусматривал очистку от лома китобойной станции в Лите, на Южной Георгии, каковую Давидофф лично осматривал накануне в декабре. Заброшенная еще в 1965 г. станция представляла собой отравляющее душу зрелище: среди глетчеров и этаких горных альпийских вершин, более уместных при упоминании об Антарктике, чем о Фолклендских островах, скопилось множество всяких ангаров, старых барж и тому подобного металлолома.

С тех пор Давидофф неизменно утверждал, будто его решение поехать на Южную Георгию в тот момент обосновывалось исключительно коммерческими соображениями. Он решительно отрицал какую бы то ни было причастность к его мотивам ВМС Аргентины. Однако, как считается, в январе он имел встречу в штаб-квартире ВМС, где руководство последних заверило Давидоффа в готовности оказать «поддержку» на случай, если тот вздумает приступить к выполнению контракта и вернется на Южную Георгию. Чартерным судном для него выступал принадлежавший аргентинским ВМС транспорт «Байя Буэн Сусесо», и с момента его выхода в плавание военно-морское начальство, безусловно, находилось в положении, позволявшем ему влиять на события. Британское посольство дало согласие на экспедицию и лишь только поставило Давидоффа в известность относительно необходимости получения им для себя и сотрудников формального разрешения со стороны Британской антарктической службы наблюдения (БАС), чья станция находилась в двадцати милях (35 км) далее вниз по берегу, в Грютвикене. По каким-то причинам — из-за лени, бравады или инструкций офицера военно-морских сил — партия из сорока рабочих не последовала рекомендации. Высадившись в гавани Лита 19 марта, они подняли аргентинский флаг и приступили к работе.

Есть предположение, что на данном этапе ВМС Анайи, всегда исключительно доминировавшие в Южной Атлантике, решили использовать «вторжение» Давидоффа, чтобы разыграть ту же карту, которую успешно разыграли в 1976 г. в отношении острова Южный Туле. Можно счесть это некой косвенной попыткой Аргентины введения в заблуждение британцев и, в конечном счете, сведения «на нет» их ответа. Вряд ли при таком раскладе

Британия воспользуется военными средствами. Так Аргентине удалось бы оторвать еще один крошечный кусочек британских владений, а Британия нашла бы и того более сложным адекватно отреагировать на экспедицию по захвату Фолклендских островов позднее в том же году. В этом смысле неспособность Джеймса Каллагэна к военной реакции в 1976 г. являлась куда более значительным «сигналом», нежели его тайный ответ в 1977 г.

Первоначальная оценка аргентинскими ВМС шансов на противодействие со стороны британцев оказалась, по крайней мере отчасти, ошибочной. Инцидент с поднятием флага зафиксировали ученые, вышедшие в море из Грютвикена по рабочим надобностям, и известили о том Рекса Ханта в Порт-Стэнли. Ученым велели передать по рации аргентинскому капитану распоряжение спустить флаг и попросить о соответствующем разрешении на работы. Аргентинцы согласились на первое, но не на последнее. Затем британское посольство в Буэнос-Айресе, теперь уже имея дело с каким-то конкретным фактом, развернуло двухнедельную кампанию давления на Министерство иностранных дел в стремлении вынудить его добиться удаления рабочих Давидоффа или, по крайней мере, заставить их получить соответствующую аккредитацию.

Если бы дело этим и ограничилось, стратегия Анайи очутилась бы как мишень в фокусе прицела, и не было бы никаких оснований считать возможным развертывание немедленного вторжения на Фолклендские острова. В сложившейся ситуации поступки Давидоффа неожиданно дали Министерству иностранных дел необходимое оружие против Даунинг-стрит. В субботу, 20 марта, миссис Тэтчер с поразительной оперативностью согласилась на предложение лорда Каррингтона отправить «Эндьюранс» из Порт-Стэнли с двумя дюжинами морских пехотинцев гарнизона под командованием двадцатидвухлетнего лейтенанта по имени Кит Миллз [первоначально лейтенант Кит Пол Миллз имел под своей командой только 12 морских пехотинцев, с которыми он 19 марта прибыл на судне ледовой разведки «Эндьюранс» из Грютвикена (Южная Георгия) в Порт-Стэнли, где 20 марта получил усиление в виде одного унтер-офицера и восьми солдат морской пехоты; утром 21-го числа отряд Миллза, теперь насчитывавший 22 чел. (включая командира), отплыл на «Эндьюрансе» к Южной Георгии и 23 марта достиг этого острова. — *Прим. ред.*]. Они прибыли в район в виду базы БАС [(англ.

BAS) — аббревиатура названия государственной научно-исследовательской организации British Antarctic Survey (Британская антарктическая служба наблюдения), созданной Великобританией для изучения Антарктики. — *Прим. ред.*] в Грютвикене через четверо суток и получили команду ожидать приказа.

В то же самое время миссис Тэтчер запросила в Министерстве иностранных дел меморандум для комитета по ВиО кабинета по вопросам Южной Атлантики. Касательно данной темы, Джона Нотта попросили написать докладную от оборонного ведомства. Документ основывался на существующем плане экстренных мер, касающихся Фолклендов, и перечислял мероприятия оборонительного характера при различных дипломатических вариантах. Среди перечня находился ряд мер от отправки морем группы коммандос до посылки подлодки или даже целого оперативного соединения для противодействия аргентинским ВМС. Нельзя назвать эти соображения особенно зовущими к свершениям. В записке авторы ее упирали на сложности снабженческого характера при необходимости действовать на таком большом расстоянии от родных берегов. В то же самое время предполагались существенные трудности с привлечением к участию в предприятии сил НАТО. Если говорить об операции по возвращению островов в результате их захвата силами вторжения Аргентины, то тут «отсутствовала уверенность» в способности справиться с этим даже самых крупных из имеющихся в распоряжении сил. Вот и все соображения Нотта по данному вопросу. Отчитавшись, он отправился на встречу с коллегами по НАТО в Колорадо.

Быстрая отправка в поход «Эндьюранса» никак не вязалась с аргентинской стратегией. На данном этапе Буэнос-Айрес не чувствовал себя в военном и дипломатическом отношении готовым к внезапной эскалации спора вокруг Фолклендских островов. И все же аргентинские граждане находились на территории, которую Аргентина считали своей собственностью. Британцы требовали официального признания суверенитета путем получения разрешения под страхом выдворения за счет применения силы. Последнее влекло за собой потерю лица Буэнос-Айресом, чего, конечно же, в тот момент хунта никак не могла себе позволить. И все же любое значительное усиление трений было чревато привлечением британских кораблей к району Фолклендских островов и переносом даты вторжения на более поздний срок в том же году. Инцидент на Южной Георгии произошел на

добрых полгода раньше, чем требовалось. «Эндьюранс», который должен был бы находиться далеко-далеко дома в Британии перед вторжением, являл собой ключевой осложняющий ситуацию фактор.

Коста Мендес на сей раз решил немного поводить британцев за нос и потянуть время. 23 марта «Байя Буэн Сусесо» взял курс с Лита со всеми за исключением дюжины рабочих на борту. Как бы там ни было, на следующий день на покинутый им пост заступило вооруженное аргентинское военно-морское гидрографическое судно «Байя Параисо», вошедшее в бухту Лита без противодействия со стороны державшегося вблизи берега «Эндьюранса». На сушу высадилось целое подразделение морской пехоты под командой лейтенанта Альфредо Астиса с приказом «охранять» рабочих в Лите [аргентинский морской офицер и военный преступник Альфредо Игнасио Астис (род. 8.11.1951) носил тогда звание «лейтенант корабля» (teniente de navio), соответствующее лейтенанту британских Королевских ВМС и старшему лейтенанту российского (ранее советского) военно-морского флота; 24 марта 1982 г. Астис высадился в Лите во главе так называемой группы «Альфа», насчитывавшей 14 военнослужащих из частей специального назначения ВМС Аргентины (коммандос морской пехоты и боевых пловцов). — *Прим. ред.*]. В Буэнос-Айресе Коста Мендес на каждый британский протест терпеливо отвечал, что аргентинцы очистят место в нужный момент, а все попытки Лондона как-то ускорить события с помощью ввода в игру «Эндьюранса» только осложнят ситуацию. Однако происходившее чем дальше, тем больше походило на представление. Сам факт присутствия британских морских пехотинцев подразумевал начало рано или поздно какой-то конфронтации вокруг Южной Георгии. Между тем главенствующую роль играла вероятность переброски британских подкреплений на Фолклендские острова. Неожиданно все обстоятельства стали указывать на необходимость скорейшего проведения в жизнь запланированного на июль–октябрь вторжения.

Если хунта думала, будто афера с островом Южная Георгия способна подтолкнуть Лондон к решительным действиям, она ошибалась. На самом деле инцидент произвел, похоже, гипнотическое воздействие. Идея о том, как шайка собирателей металлолома вызвала международный кризис, обросла своеобразными слухами: она неоднократно описывалась в прессе как «комическая опера». Пусть лорд Каррингтон старался не отпускать паль-

цев с пульса проблемы, он тогда вынужденно сосредоточивал основное внимание на других моментах, как то споры по бюджету стран Общего рынка и замышлявшееся израильтянами вторжение в Ливан. Открытая угроза Фолклендским островам могла бы зазвучать предупреждающим сигналом в Уайтхолле, но зарвавшиеся сборщики утиля в Лите не представляли собой никакой сложности — если надо надавать кому-то по рукам, так надаем. Министерство иностранных дел подытожило: «Проблему лучше всего решить дипломатическими средствами». При этом спикеры попросили комментаторов «не раздувать из мухи слона».

Политической и военной разведке на предкризисном этапе приходилось брать в зачет два компонента. Первое, предстояло определить степень нестабильности в данной конкретной ситуации численно и построить диаграмму ее возможного развития. Второе и куда более сложное, надлежало отследить момент перехода процесса того самого развития в травмоопасное состояние — и проделать все это своевременно, дабы сведения оказались полезными для вершителей политических судьб. Падение власти шаха в Иране и вторжение египетских войск на Синайский полуостров в день Йом-Киппур тоже ведь «предсказывались» в рапортах и отчетах западных разведок, но никто не называл точных дат. В противоположность тому, в середине шестидесятых годов ЦРУ сообщило Министерству иностранных дел США о намерении Венесуэлы захватить спорные ареалы Гайаны, причем вероятно в пределах недели. Американские должностные лица вступили в контакт с венесуэльским правительством в Каракасе и совершенно откровенно пообещали ему, что Америка подобных действий не потерпит. Они и не последовали. ЦРУ настаивает, будто бы оно предсказывало аргентинское вторжение на Фолклендские острова, представив в том числе и колонки Роуко из газеты «Ла Пренса» в своем латиноамериканском бюллетене. И все же никакие разведывательные материалы в Вашингтоне или Лондоне (или, если уж на то пошло, в Чили или Бразилии) не смогли дать хоть каких-то вразумительных указаний на то, когда же состоится вторжение или хотя бы когда привычная воинственность Аргентины приобретет некие материальные формы. Хуже того, британская разведка откровенно указывала на наличие у правительства паузы для передышки в несколько месяцев, если не в год, в ходе которой будет наблюдаться поэтапное нарастание давления.

Тогдашнюю разведывательную группу британского секретариата кабинета министров, занимавшуюся вопросами Латинской Америки, возглавлял бригадир Адам Гердон, отчитывавшийся перед ОКРС через посредство начальника аналитического бюро, дипломата по имени Робин О'Нилл. Он занимался политическими докладами из посольства в Буэнос-Айресе, в том числе и материалами от первого секретаря, отвечавшего за «наблюдение за Фолклендскими островами», Марка Хиткота, и от оборонного и военно-морского атташе плюс разведданными от «друзей» (шпионов) в Аргентине и американскими материалами, проистекавшими из недр ЦРУ и Агентства национальной безопасности (АНБ США). В последнем случае речь шла, в том числе, о данных со спутников и вообще о перехватах связи, обычно называемых коротко РИЭС [РИЭС/РРТР — разведка источников электромагнитных сигналов/радио- и радиотехническая разведка. — *Прим. пер.*], или радиоэлектронной разведкой, каковые сличались с подобным же путем получаемыми сведениями в ШПС в Челтнеме.

Британцы оценивают ценность материальных поступлений информации от ЦРУ до вторжения как «скудную до почти полной неосязаемости». В действительности ЦРУ, учитывая давние интересы Британии в споре с Аргентиной по Фолклендским островам, оставлял эту сферу ей на откуп. Британия, с другой стороны, шаг за шагом сокращала тайную деятельность в Южной Америке с целью уменьшения расходов — британские чиновники от разведки демонстрировали тенденцию говорить и действовать как какие-нибудь клерки из гражданской мастерской. В результате баланс между «живой разведкой», известной как агентурная, по отношению к РИЭС круто сместился в пользу последней. Спутниковая аэрофоторазведка почти не играла роли в Фолклендском кризисе: снимки с американского спутника «Ландсат» были такого скверного качества, что Вашингтон на самом деле даже продемонстрировал их аргентинцам, чтобы доказать собственную девственную непричастность к помощи британцам.

Данные по РИЭС двумя потоками — от АНБ в Вашингтоне и из ШПС в Челтнеме — по телетайпной линии стекались в секретариат кабинета. Перехваты спецслужб Америки поступали главным образом со станций слежения в южных районах Чили. Позднее, курсируя в виду Южной Георгии, бесценный материал поставлял и «Эндьюранс». Основное осложнение

с такими данными, сбивающее с толку многие разведки по всему миру, состоит в их «сырости»: сотни перехватов требуют еще больших затрат и усилий на изощренную интерпретацию или толкование. Следовательно, что с того, если группа Гердена говорила о значительном количестве аргентинских кораблей в море за полмесяца, отделявшие высадку на Южной Георгии от вторжения на Фолклендские острова? Переговоры по радио велись самым широким образом, однако они точно так же могли быть вызваны ежегодными военно-морскими учениями совместно с Уругваем, о чем уже открыто объявили в Буэнос-Айресе и в Монтевидео. Что же все это означало? Тут ОКРС приходилось, в конечном счете, полагаться на человеческое разумение, ну а рассуждения основывались на трех принципах, господствовавших в ОКРС в попытках дать оценку ситуации буквально до самого последнего часа накануне вторжения.

Первый из постулатов, как мы видели, заключался в целесообразности ожидать военного давления на Фолклендские острова не ранее конца года. Перед тем предполагалась целая цепочка очевидных сигналов, начиная с возобновления нажима через ООН и публичного размахивания саблями, дабы подчеркнуть неблагоразумие Британии. Второе соображение строилось на уверенности, что, как бы ни усилились трения, не произойдет ничего худшего, чем в 1977 г., когда ОКРС очутился в роли перестраховщика, поскольку Аргентина, как выяснилось, не планировала никакого вторжения. Иначе говоря, на характер оценки влияло ключевое соображение — страх разведывательного сообщества вторично оказаться в роли беспочвенного паникера. Принято считать, будто сей момент в анализах ситуации не фигурировал. Да нет, что особенно примечательно, с данным фактором, похоже, попросту не посчитались (за исключением комитета Фрэнкса, делавшего выводы уже в ретроспекции).

Третий «кит», все активнее выдвигавшийся на доминирующую позицию, состоял в непременном постулате не провоцировать Аргентину на превентивный удар, который Британия не сможет предвосхитить в военном отношении. На протяжении многих лет до описываемого момента Британия была и оставалась совершенно уязвимой перед неожиданным нападением аргентинцев. Одна лишь «Крепость Фолкленды» обладала способностью исправить положение. А потому недопущение эскалации, или «обратная эскалация» и дипломатическое разрешение

инцидента с островом Южная Георгия казались совершенно разумной и правильной политикой. Такой несообразно слабый ответ приводил к необычайной крайности. Посол Уильямс и министры внешнеполитического ведомства цеплялись за сию тактику всеми руками и ногами вплоть до переломного момента — начала кризиса.

Как ни печально, несообразно слабый ответ мостил дорогу не к решению, а от него. В теории он должен был послужить прикрытием в целях снижения накала страстей, дав возможность выдвинуть в регион сдерживающее оборонительное средство без провоцирования каких-то превентивных акций со стороны противника. Данный момент совершенно очевидно требует очень тщательного взаимодействия дипломатов и военных, когда до неприятеля доходят только «чистые» сигналы, а дома поддерживается режим абсолютной секретности. В действительности ключевые решения по поводу Южной Георгии и принимались миссис Тэтчер на двусторонних совещаниях с отдельными министрами, а не коллегиально — на форуме комитета по ВиО. Они встретили почти казарменный прием со стороны парламентариев с передних и задних скамей палаты общин.

Теперь, благодаря данным, появившимся в печати и исходившим из близких хунте источников, хватает свидетельств того, что, отправив «Эндьюранс» в поход из Порт-Стэнли 20 марта, миссис Тэтчер и лорд Каррингтон нажали на один из спусковых крючков, побудивших хунту перенести оригинальный план вторжения. Вместо удаления опасного повода для провокации шаг с «Эндьюрансом» привел к усилению нажима на хунту, ставившего ее перед выбором: предпринять что-то немедленно или же пережить унижение. И все-таки, в то же самое время, другой «орган тела» стратегии несообразно слабого ответа — тайная отправка оперативного соединения как сдерживающего средства — задержался с вводом в дело на целую неделю. На Даунинг-стрит попросили Министерства иностранных дел и обороны не более чем о подаче докладных записок с предложениями для рассмотрения на будущем заседании комитета по ВиО. В свете общего климата в Буэнос-Айресе, отсутствие поспешности в данном разрезе надо считать серьезным просчетом. В отличие от процедуры, примененной в 1977 г.

Как считается, аргентинская хунта приняла решение о переносе сроков вторжения на совещании, посвященном кри-

зису вокруг Южной Георгии, в пятницу, 26 марта. Остается лишь строить предположения о том, какие соображения сыграли основные роли. Так или иначе, среди них не могло не присутствовать момента осознания факта невозможности избежать конфронтации в Лите за счет одних лишь усилий дипломатии. Усиление Британией гарнизона Порт-Стэнли в той или иной форме являлось несомненным шагом. Вдобавок к этому напряженность на домашнем фронте для хунты стала видимо возрастать, по мере того как реформы Алемана начали все размашистее бить по кошелькам многих, и возникала угроза уличных демонстраций на следующей неделе. Отвлечение на войну из желательного хода превращалось в насущную необходимость. Тем временем Коста Мендес продолжал твердо держаться мнения об ограниченном характере дипломатических последствий и малой вероятности попытки Британией отбить территорию военными средствами. В защиту его надо сказать, что для такой позиции наличествовали здравые эмпирические основания (в том числе докладная мистера Нотта о предполагаемых действиях в чрезвычайных обстоятельствах).

В субботу разведка доносила о двух аргентинских ракетных корветах с совершенно английскими названиями, «Друммонд» и «Гранвилль» [по аргентинской и британской классификации оба эти боевых корабля французской постройки считаются корветами, а по российской — фрегатами; «Друммонд» (Drummond), принятый в состав ВМС Аргентины в 1978 г., и «Гранвилль» (Granville), включенный туда же в 1981 г., получили свои названия по фамилиям двух морских офицеров британского происхождения, служивших в аргентинском флоте во время Аргентино-бразильской войны 1825–1828 гг., — шотландца Фрэнсиса Драммонда (Франсиско Друммонда), погибшего 8 апреля 1827 г. в бою при Монте-Сантьяго, и англичанина Уильяма Генри Грэнвилла (Гильермо Энрико Гранвилля). — *Прим. ред.*], которые вышли из участия в уругвайских маневрах и взяли курс на юг с целью усиления транспортного судна «Байя Параисо». В этом явно просматривался прямой вызов Лондону. Кто бы ни принял решение, вся хунта целиком или только командование ВМС, — тут данные расходятся, — он, несомненно, бросил кости. В те выходные были отменены отпуска у личного состава военно-морских сил, всевозможные припасы и военное снаряжение потоками хлынули в сторону крупнейшей военно-морской базы Пуэрто-

Бельграно и на ближайший к Фолклендским островам аэродром Комодоро-Ривадавии. Пролеты над Порт-Стэнли военно-транспортных самолетов «Геркулес», не являвшиеся сами по себе чем-то неожиданным, заметно участились. На совещании с высокопоставленными дипломатами в Министерстве иностранных дел Коста Мендес сообщил коллегам о принятом решении осуществить вторжение. В ночь на воскресенье Министерство официально поставило в известность посла Уильямса о том, что «двери к дальнейшим переговорам по Южной Георгии закрыты». В то же самое время аргентинским посольствам за границей велели отменить пасхальные каникулы и ждать дальнейшего развития событий.

Все перечисленные шаги должным образом отметила британская разведка. Данные появились в рапортах с оценками, приготовленных для министров на воскресенье, 28 марта. Миссис Тэтчер и лорд Каррингтон обсуждали сведения по телефону тем вечером, а затем более пространно в понедельник утром, пока летели в Брюссель на намеченное на тот день совещание по вопросам организации Общего рынка. ОКРС по-прежнему не считал вторжение неминуемым. Но как премьер, так и министр иностранных дел уже осознавали масштабы положения в Южной Атлантике, в каковом угроза не ограничивалась теперь одним лишь островом Южная Георгия, а распространялась на сами Фолклендские острова. К моменту приземления самолета в аэропорту Брюсселя оба высокопоставленных лица сошлись на необходимости незамедлительно отправить в дальний поход на юг три ядерные субмарины. Соответственно, в их телефонном звонке из аэропорта Джон Нотт в Министерстве обороны получил надлежащие инструкции. Говоря обо всей хуле и поношении, обрушившихся на британских министров и на персон кабинета в преддверии аргентинского вторжения на Фолкленды, стоит отметить, что группа подлодок получила приказ о выходе в море не позднее чем через двое с половиной суток после вероятного момента принятия хунтой решения о вторжении. И все же, как и предсказывали составители всевозможных планов действий в чрезвычайной ситуации, даже и при такой оперативности реакция слишком запоздала.

4

ЧАС АДМИРАЛА

Фолклендские острова даже и во времена мира будут иметь огромное значение для этой страны, а в военную пору — сделают нас хозяевами морей.

Лорд Ансон, 1740 г.

Если смотреть на события заключительной мирной недели перед аргентинским нападением на Фолклендские острова в ретроспективе, в происходившем тогда так и читается ужасная неизбежность. В Аргентине машина вторжения закрутилась со все возрастающей скоростью, хотя в некоторых кругах (в том числе в американской разведке) продолжают утверждать, будто окончательное решение начать захват территории 2 апреля принималось не ранее 31 марта (в среду). Политики и должностные лица в Лондоне очевидно пребывали в состоянии смятения и нерешительности, а тем временем события кружились вокруг них стремительным водоворотом. Похоже, всего один институт отреагировал на оценки обстановки 28 марта целенаправленно — Королевские ВМС. Однако в его случае действовали некие скрытые мотивы.

Когда в понедельник, 29-го, приказ об отправке трех атомных многоцелевых подводных лодок поступил в Министерство обороны, ВМС располагали для немедленной отсылки в поход всего одной субмариной, HMS «Спартан», принимавшей участие в учениях «Спрингтрэйн» [Springtrain («Весенний караван»). — *Прим. пер.*] в составе 1-й флотилии вблизи Гибралтара. Под-

лодки, по словам одного чиновника, «не появляются сами собой из воздуха», и первая реакция штаба подводного флота в ставке ВМФ в Нортвуде отражала удивление: «У нас есть чем занять наши субмарины кроме отправки Бог знает куда в Южную Атлантику», тем не менее атомную субмарину «Спартан» тотчас же отозвали в доки Гибралтара, где учебные торпеды заменили боевыми, позаимствованными у дизельной торпедной подлодки «Оракл». Не прошло и сорока восьми часов, как субмарина находилась в пути. АПЛ (атомная подводная лодка) «Сплендид» последовала за ней 1 апреля, за день до старта аргентинского вторжения, а «Конкерор» — еще тремя сутками позднее (обе из Фаслейна в Шотландии). Все они шли курсом на юг, держа весьма достойную среднюю скорость в 23 узла [узел — единица измерения скорости судна, равная одной морской миле (1,85 км) в час; следовательно, 23 узла = 42,5 км/ч. — *Прим. пер.*]. Но даже и при таких условиях подлодка «Спартан» достигла вод в виду Порт-Стэнли не ранее 12 апреля. Транспорт снабжения Королевского вспомогательного флота, «Форт Остин», вышел из Гибралтара 29-го с целью оказания поддержки субмаринам и «Эндьюрансу».

Как бы ни недоумевали вначале иные из младших офицеров, другим фигурам в Королевских ВМС Бог даровал способность смотреть на вещи шире. Встреча начальника главного морского штаба, сэра Генри Лича, со старшим оперативным составом состоялась во второй половине дня в понедельник в Министерстве обороны в Уайтхолле. Военные рассмотрели варианты, представленные в докладной Нотта на прошлой неделе, в свете поступления новых разведданных и решения отправить в поход подлодки. Что если потребуется «более крупное оперативное соединение»? Такое, которому «будет под силу вести действительно результативные действия против аргентинских ВМС»? Аргентина располагала значительным флотом, способным действовать над и под водой, а также наносить удары с воздуха. У нее имелись по крайней мере шесть кораблей, оснащенных установками ракет «Экзосет», предназначенных для поражения вражеских судов и летавших на предельно малой высоте над поверхностью моря. [В описываемый период существовали три версии противокорабельных ракет «Экзосет» (Exocet, французское обозначение летучей рыбы), производимых во Франции компанией Аэроспасьяль. Одна из них, твердотопливная ракета ММ 38 (класса «море-море»), запускалась с установки контейнерного типа, раз-

мещаемой на надводных военных судах, другая, АМ 39 (класса «воздух-море»), тоже использующая твердотопливный двигатель, применялась в качестве оружия военно-морской авиации, тогда как третья, ММ 40, снабженная турбореактивным двигателем, была разработана как для надводных кораблей, так и для береговой обороны. «Экзосет» ММ 38, используемая на флоте с 1975 г., имела длину 5,21 метра, размах крыла 1 метр и стартовый вес 735 кг, АМ 39, поступившая на вооружение в 1979 г., — длину 4,69 метра, размах крыла 1,1 метра и вес 655 кг, а ММ 40, принятая на вооружение в 1981 г., — длину 5,8 метра, размах крыла 1,35 метра и вес 870 кг. У всех трех образцов ракет был один и тот же диаметр (0,348 метра) и одинаковые боеголовки, весившие 165 кг и снаряженные 50 кг гексолита. Все три развивали скорость 0,93 Маха, однако у ММ 38 дальность стрельбы составляла 40 км, у АМ 39–50 км (при пуске с высоты 300 метров) или 70 км (при пуске с высоты 10 км), и у турбореактивной ММ 40–50 км. Ценным преимуществом данных ракет являлась их способность лететь очень низко над водой, не опасаясь, что волны захлестнут воздухозаборник. Маршевая высота полета «Экзосета» достигала 1–2 метров над гребнями волн (меньше, чем у любой сопоставимой ракеты), благодаря чему кораблям противника было очень трудно засечь ее своими радарами и своевременно перехватить средствами ПВО. — *Прим. ред.*] Словом, суда противника несли такое же главное надводное оружие, как и корабли Королевских ВМС. Кроме того, в перечень материальной части флота Аргентины входили четыре субмарины, местонахождение двух из которых почти не поддавалось определению с помощью эхолокаторов, наличествовали также военно-воздушные силы из более чем двух сотен машин, готовых к налетам на британские морские или сухопутные войска. При всем том в ходе операции против таких внушительных сил на дистанции в 8000 миль (15000 км) от родных берегов предполагались огромные трудности обеспечения тыла и стратегических действий. Простая осмотрительность в плане ведения конвенциональных боевых действий диктовала: при имеющейся в распоряжении Королевских ВМС в 1982 г. материальной части было бы крайне опасно отправляться в дальний поход для противодействия таким силам. Посему на совещании сразу же отбросили любые варианты оперативного соединения для действий в чрезвычайной ситуации, которое бы не включа-

ло в себя все доступные ресурсы, в том числе авианосцы, субмарины и формирования морского десанта.

И вот в умах Лича и сотрудников его штаба стал зарождаться грандиозный проект — применение всего британского боевого флота против вполне заслуживавшего уважения противника. Для большинства офицеров подобная концепция в контексте 1980-х годов выглядела едва ли не совершенно фантастичной. Такая операция оказалась бы и вовсе невозможной уже буквально через считаные годы, поскольку начальство собиралось вот-вот отправить в утиль авианосные и морские десантные ударные группы. Вот и возникла чрезвычайная ситуация, к действиям в условиях которой, как все время и говорил Лич, ВМС необходимо соответствующим образом экипировать, а между тем политика целой цепочки сменявших друг друга министров обороны едва не сделала подобную операцию вообще невозможной технически. Существовали, безусловно, преобладающие стратегические основания для отправки в поход крупного оперативного соединения, которое Лич принялся собирать в тот самый день. Он одним из первых понял необходимость ее не только в военном, но и в политическом плане.

Костяком соединения предстояло послужить 1-й флотилии, примерно двадцати кораблям, которые очень кстати дислоцировались в середине Атлантического океана в рамках учения «Спрингтрейн» под началом своего командующего, контр-адмирала Джона «Сэнди» Вудварда. Его начальник (и непосредственный подчиненный Лича), командующий флотом сэр Джон Филдхауз, вел наблюдение за учениями с борта эскадренного миноносца «Гламорган» (класса «Каунти»). [Джон Дэйвид Эллиотт Филдхауз (1928–1992) был назначен на пост командующего британским флотом в апреле 1981 г. (еще в звании вице-адмирала), одновременно возглавив силы НАТО в зоне Ла-Манша и ВМС в Восточной Атлантике, и 23 июля того же года получил звание полного адмирала. Командуя в апреле–июне 1982 г. Оперативным соединением 317 (Task Force 317), он руководил из центра управления в Нортвуде операцией «Корпорейт», имевшей целью возвращение Фолклендских островов под контроль Британии. Назначенный 1 декабря 1982 г. первым морским лордом и начальником военно-морского штаба, лорд Филдхауз 2 августа 1985 г. был произведен в адмиралы флота, затем с 1 ноября 1985 г. до 9 декабря 1988 г. занимал должность начальника штаба обороны, после

чего вышел в отставку и в 1990 г. удостоился баронского титула. — *Прим. ред.*] Поздним вечером в понедельник Филдхауз получил из штаб-квартиры флота в северо-западном пригороде Лондона Нортвуд сообщение об ухудшении обстановки в Южной Атлантике и о планах Министерства обороны отправить в заданный район более крупное «сбалансированное» оперативное соединение, помимо уже снаряжаемых в поход субмарин. В свои пятьдесят три года Филдхауз достиг высшего карьерного поста в военно-морском командовании, и ему, как ранее Личу, предстояло получить новый ресурс роста и перейти на службу из штаб-квартиры флота в Уайтхолл. Всегда буквально излучавший вежливость в голосе, манерах и даже во внешности, офицер этот чем-то неуловимо напоминал актера Чарлза Лоутона. Проницательный и талантливый, Филдхауз пользовался огромным уважением у своих высокопоставленных коллег в США и в НАТО. Как и многие морские офицеры в ту неделю, он наверняка чувствовал приближение важного момента в военно-морской истории. Получив сигнал из Лондона, Филдхауз тут же вызвал к себе адмирала Вудварда «со всей документацией», находившегося на борту флагмана, эсминца «Антрим», крейсировавшего на тот момент примерно на удалении в 250 миль (более 460 км). В 4.30 пополуночи во вторник два офицера встретились на час в большой адмиральской каюте на «Гламоргане». Там они обсудили задачи 1-й флотилии в рамках более крупного оперативного соединения и широких действий в Южной Атлантике. Еще до восхода солнца Филдхауз вертолетом убыл в Гибралтар, а оттуда улетел прямиком в Лондон. С того момента заработал план действий в условиях чрезвычайных обстоятельств, связанный с отправкой в экспедицию максимально крупного военно-морского контингента Британии со времен войны. А меж тем адмиралу Хорхе Анайя, занимавшему аналогичный должности Лича пост во вражеском стане, только предстояло совершить акцию, которая ускорит плавание. Если уж аргентинец решился на вторжение, он знал, как сознавали и в Лондоне, — все на свете британские корабли не остановят его.

* * *

Ричард Люс появился на приеме в Министерстве иностранных дел в понедельник вечером, подчеркнуто опираясь на трость, и заявил: «На этой неделе она мне очень понадобится». На сле-

дующее утро ему пришлось бороться с обстоятельством быстрого развития политики несообразно слабого ответа. Его поставили в известность, что «Спартанцу» понадобятся десять суток для достижения Фолклендских островов. Тем временем надлежало направить все усилия на снижение температуры взаимоотношений с Буэнос-Айресом. Утром во вторник Каррингтон счел нужным прервать запланированное путешествие из Брюсселя в Израиль, дабы вместе с Люсом сделать совместное заявление перед парламентом. 24 марта Министерство обороны дало им полномочия объявить о решении оставить «Эндьюранс» «в районе патрулирования настолько, насколько потребуется». В палате общин Люс внес добавление: «дальнейшая эскалация в споре ни в чьих интересах... Совершенно разумным будет искать способов дипломатического выхода». Затем он сделал дальнейший шаг — произнес следующие слова, направленные на удовлетворение членов парламента без риска вызвать у аргентинцев обеспокоенность по поводу отправки субмарин: «Вопрос безопасности ареала Фолклендских островов пересматривается, хотя палата должна понять меня, если я не стану открыто распространяться относительно наших мер предосторожности». Назовем сию тираду благим намерением.

Палата общин в очередной раз продемонстрировала свою непригодность в качестве форума для разрешения кризиса. Мало кто осознал дилемму Люса, за исключением шансов извлечения из нее партийного капитала. Спикер по внешнеполитическим делам от оппозиции, Денис Хили, заметил, что министры показали «полную халатность и некомпетентность, заведя себя в положение, из которого совершенно не способны к какому бы то ни было ответу на угрозу, тучами сгущавшуюся на протяжении последних трех недель». По сути он был прав, однако правильный момент указать на это давно миновал. Затем слово взял Джеймс Каллагэн, чтобы сообщить палате подробности отправки в 1977 г. на юг военно-морского оперативного соединения, то есть предположительно раскрыть государственную тайну. «В то время как я не давлю на замминистра в отношении происходящего сегодня, — произнес он, — я уверен, сегодня имеется в виду нечто подобное». Люс очутился в трудной, если не сказать безнадежной ситуации. Становилось невозможным с политической точки зрения отрицать отправку субмарин, но в военном отношении было бы просто безумием давать этому подтверждение. Члены пар-

ламента могли запросто спровоцировать хунту на первые шаги по захвату Порт-Стэнли. Министры с тех пор долго упирали на то, что со времен Южной Георгии климат, царивший в палате общин, напрочь исключал «непровокационные шаги», как, скажем, отказ от выхода «Эндьюранса» в плавание из Порт-Стэнли. В данном случае парламент несет частичную ответственность за ускорение аргентинского вторжения.

Игра в кошки-мышки с Люсом продолжилась в помещении выше, на заседании комитета рядовых членов парламента от консервативной партии. Люс подчеркнул, что не может ничего добавить к сказанному в палате общин. Однако данное упорство не послужило сдерживающим средством для парламентариев правого уклона, желавших слышать о том, как британские ВМС победной поступью шагают по морям. После встречи некоторые из присутствовавших на ней парламентариев почувствовали себя вправе с умным видом и знанием дела подмигнуть и намекнуть некоторым лоббистским корреспондентам, что, мол, подлодки-то на самом деле уж точно в пути. Фатальное сообщение прокатилось по телевизионным экранам в новостях тем же вечером. А в утренних газетах оно уже звучало как факт. Информация пулей помчалась в Буэнос-Айрес, где только подтвердила слухи, ранее циркулировавшие в высших военных кругах. Когда заместитель министра обороны, Питер Блейкер, позвонил в офис Люса, дабы поговорить с ним об утечке, многие из персонала Люса не могли смотреть новости без тошноты. Британский парламент — цитадель секретности, когда надо говорить открыто, и настоящий болтун — находка для шпиона, когда тайна решает все, — превратил скрытое сдерживающее средство на пути вторжения фактически в приглашение к нападению.

Перед отъездом в Израиль Каррингтону предстояло решить еще один вопрос с американцами. 28 марта он отправил официальное сообщение государственному секретарю, Александеру Хэйгу, где информировал последнего об опасности, сопряженной с действиями военных кораблей в ареале Южной Георгии, и попросил о посредничестве в делах с хунтой. К крайнему своему удивлению, Каррингтон получил сообщение от заместителя Хэйга, Уолтера Стессела, в котором указывалось на то, что Британия и Аргентина «добрые друзья» США, а Британии рекомендовалось поступать с взвешенной осторожностью. При всем том Америка обещала, что ее посол в Буэнос-Айресе, Гарри Шлаудеман,

попробует как-то помочь. (Шлаудеман и в самом деле связался с Коста Мендесом в тот же вторник, нарвавшись на резкую отповедь.) По общему мнению, Каррингтон сильно разозлился. Он хотел вызвать к себе посла США, Джона Луиса, но, узнав о его отсутствии, не стесняясь в выражениях, обрушился на долготерпеливого второго номера, Эда Стритора. Каррингтон попросил Стритора довести до сведения Хэйга информацию об агрессии, вот-вот готовой совершиться в Южной Атлантике, в свете чего Соединенным Штатам лучше бы решить сразу, на чьей стороне они предпочтут находиться. Скелет американского вероломства в вопросе Суэцкого канала уже загремел костями в шкафу британского Министерства иностранных дел.

Темп развития кризиса нарастал. Новости об отправке подлодок в конечном счете заставили хунту тверже держать палец на спусковом крючке вторжения. Гордость Анайи, авианосец «Вейнтисинко де Майо» («Двадцать пятое мая»), уже вышел в море из Пуэрто-Бельграно. [Вышеупомянутый авианосец класса «Колоссес», построенный в 1942–1943 гг. в Англии и состоявший с 27 ноября 1944 г. в британских Королевских ВМС как HMS «Винерэйбл» (Venerable), был продан 1 апреля 1948 г. в Нидерланды, где его переименовали в «Карел Дорман» (Karel Doorman). Купленный 15 октября 1968 г. Аргентиной и включенный 12 марта 1969 г. в состав ее ВМС, он получил новое название, «Вейнтисинко де Майо» (Veinticinco de Mayo), означающее дату государственного праздника «День нации» (или «День Майской революции»), который аргентинцы ежегодно отмечают в память о событиях 25 мая 1810 г., когда муниципальный совет Буэнос-Айреса под влиянием народа упразднил власть испанского вице-короля, Бальтасара Идальго де Сиснероса, после чего в столице Рио де Ла-Платы было создано независимое временное правительство — так называемая «Первая хунта». — *Прим. ред.*] Во вторник высшее командование флота заявило о приведении аргентинских ВМС «в состояние готовности», хотя и не уточнило, к чему или для чего. В тот вечер улицы Буэнос-Айреса взорвались... нет-нет, не восторженными воплями с призывами к войне, а антиправительственными призывами манифестантов и насилием толп, невиданным по ожесточенности в Аргентине с военного переворота в 1976 г. Все это заставило хунту решить вопрос окончательно. Как пророчески заявила месяцем ранее «Ла Пренса»: «Война есть единственное, что может спасти это правительство».

* * *

В среду на рассвете британская разведка ломала голову над перехватами РИЭС из Южной Атлантики. Данные четко показывали, что аргентинский флот находился в море и выдвигался на позиции, пригодные для штурма Фолклендских островов в ближайшие сорок восемь часов. Полный анализ информации лег на стол Джона Нотта во второй половине дня. Лорд Каррингтон тотчас же связался с Ричардом Люсом в Министерстве иностранных дел. Никого не требовалось подгонять к срочному обсуждению обстановки. Нотт, бывший в тот момент в палате общин, поспешил со справочными документами на встречу с премьер-министром, каковая тоже находилась в своем помещении в палате общин. Уже наступал вечер. Люс повел себя, как и раньше: созвал на совет Ферна и Юра, затем сообщил Хамфри Аткинсу — исполняющему обязанности министра иностранных дел в отсутствие улетевшего в Израиль Каррингтона — о своем намерении немедленно увидеться с премьер-министром. Сопровождаемый Юром, он зашагал на Даунинг-стрит 10, обнаружив там, однако, что миссис Тэтчер находится в палате общин и уже уединилась с Ноттом. Оба отправились туда.

Во всех углах и закоулках Уайтхолла тем вечером зажужжали жучки, предсказывающие назревающую катастрофу. В семь часов в офисе миссис Тэтчер в палате общин находились Джон Нотт и Ричард Люс, а также Хамфри Аткинс. Будущий постоянный заместитель министра в Министерстве иностранных дел, сэр Энтони Акленд, присутствовал в роли главы ОКРС (в процессе передачи дел Патрику Райту). Был там и личный секретарь миссис Тэтчер, Клайв Уитмор, а позднее пришел ее парламентарный секретарь, Йэн Го. Постоянного заместителя Нотта, сэра Фрэнка Купера, оторвали от званого обеда. Последним прибыл начальник главного морского штаба, сэр Генри Лич. Среди значительных фигур отсутствовали лорд Каррингтон, отбывший в Тель-Авив, и начальник штаба обороны, сэр Теренс Левин [британский адмирал флота Теренс Торнтон Левин (1920–1999) был назначен на пост начальника штаба обороны 1 сентября 1979 г. и занимал его до 30 сентября 1982 г., после чего вышел в отставку, получив от королевы Елизаветы II титул барона. — *Прим. ред.*], наносивший в тот момент визит в Новую Зеландию. На протяжении той кризисной недели Левин ежедневно связы-

вался с Лондоном по телефону, спрашивая, не следует ли ему возвратиться. Каждый раз ему резонно отвечали, что поспешное сворачивание поездки начальника штаба обороны вызовет только ненужную шумиху и лишние вопросы.

Совещание в среду продолжалось четыре часа. В ходе него высокопоставленные лица пересматривали донесения разведки и долго обсуждали обстоятельство уверенности Министерства иностранных дел и ОКРС в отсутствие ныне неотвратимой угрозы вторжения. Самым дерзким моментом из возможных планов Аргентины представлялась высадка десанта с субмарины для усиления давления на Британию в Южной Георгии. Мнение это довели и до сведения Рекса Ханта в Порт-Стэнли. В любом случае, даже если полномасштабное вторжение и в самом деле готовилось аргентинцами, британская сторона все равно не располагала возможностями предпринять какие-либо военные усилия для противодействия этому. Более всего в тот момент Британия уповала на дипломатию. Посему первым делом решили побудить американцев оказать давление на Галтьери — самое непосредственное и срочное.

В тот же вечер британский посол в Вашингтоне, сэр Николас Хендерсон, встретился с Хэйгом и Эндерсом и попытался убедить их в серьезности положения. Он пришел вооруженный донесениями разведки по состоянию на среду. Американцы ничего не знали (к большому в дальнейшем удовлетворению британской разведки), и Хэйг запросил свой штаб: «Почему мне об этом не сказали?» Он тут же создал рабочую группу под началом Эндерса и послал предупреждающий сигнал в Белый дом о возможном намерении британского премьер-министра в скорейшем будущем выйти на контакт с президентом. Сообщение миссис Тэтчер было передано в 9 часов вечера по лондонскому времени в виде телеграфного обращения к Рейгану с просьбой снестись с аргентинским президентом и попросить его не касаться британских территорий.

А что если эта инициатива провалится? В большинстве своем в офисе миссис Тэтчер собрались господа, инстинкт которых диктовал им осторожность действий. Хамфри Аткинс и должностные лица Министерства иностранных дел прочно держались такого мнения: если уж Британия не в состоянии ничего предпринять для предотвращения неминуемого вторжения, ей следует, по крайней мере, избежать каких-то провокационных

акций — не давать Буэнос-Айресу лишних поводов для агрессии. Позиция Джона Нотта отличалась большей сложностью. Сухощавый, но эмоциональный человек, он прежде никогда не находил в себе сил прямо высказать собственное мнение в кабинете, где со всех сторон звучали веские и обоснованные аргументы. У коллег министра создавалось впечатление, будто он копит эмоции в себе, а потом неожиданно взрывается ими, причем зачастую в совершенно непредсказуемые моменты. В тот самый вечер Нотт имел перед собой вчерашний протокол заседания совета по военным вопросам (ничего общего с ориентированным на свой род войск штабом ВМС) с крайне скептическим видением затеи с экспедицией на Фолклендские острова. Нотт заикнулся о сложностях тылового обеспечения в рамках операции по освобождению островов в случае их захвата Аргентиной. Что более резонно, министр указал на следующий момент: если оперативное соединение отправится в плавание, оно войдет в свой собственный наступательный ритм, а посему в плане политическом остановить его будет довольно трудно. На данное обстоятельство следовало обратить особое внимание начальников штабов. Нотт не стал распространяться, что на кону стояла как раз такая «оперативно-запредельная» операция, которую, в свете его пересмотренной концепции военно-морских сил, министерству так хотелось бы числить невозможной. Из всех присутствовавших в начале совещания лиц только миссис Тэтчер правомочно считать по характеру не расположенной к осторожности. Но что могла сделать она одна?

И тут, словно этакий deus ex machina [«бог из машины» (лат.), в данном случае — неожиданный союзник. — *Прим. пер.*], появился он — готовый сыграть свою роль. Йэн Го объявил, что начальник главного морского штаба и начальник штаба ВМС, адмирал сэр Генри Лич, находится по ту сторону двери. Впустить его? Лич был настоящим адмиралом — адмиралом в квадрате. Резкий, прямой и не любивший обиняков, он прибыл в парадной морской форме, поскольку целый день занимался официальными вопросами в Портсмуте (хотя и находился в постоянной связи с Лондоном за счет использования персонального служебного вертолета). Он прибыл обратно в Уайтхолл вскоре после 6 часов вечера и нашел у себя на столе инструктивный материал Нотта по Фолклендским островам вместе с новыми донесениями разведки. Вновь опасаясь, как бы его министр снова, грубо говоря, не сдал

ВМС, Лич позвонил Филдхаузу, дабы справиться о ходе планирования действий в условиях чрезвычайных обстоятельств, собрал подозрительные справочные документы и зашагал по коридору в направлении кабинета Нотта. Узнав об отбытии того в палату общин, адмирал кинулся вдогонку, никем не задерживаемый, если не считать полицейского в центральном вестибюле, очевидно, не принадлежавшего к числу поклонников первых лордов Адмиралтейства, пусть даже и при всех регалиях. Затем, пока занимались поисками Нотта, Личу пришлось добрые полчаса прождать в офисе младшего парламентского партийного организатора. Лишь только тогда, когда миссис Тэтчер стало известно о нахождении адмирала в здании, того пригласили для участия в имевшей ключевое значение дискуссии. В конце-то концов, он же не был старшим правительственным советником по своему виду ВС (таковым является начальник штаба обороны), даже не исполняющим его обязанности, как сэр Майкл Битем, начальник штаба ВВС. [Майкл Джеймс Битем (род. 17.05.1923), произведенный 21 мая 1977 г. в главные маршалы авиации (air chief marshal, аналог полного генерала), состоял в должности начальника штаба Королевских ВВС с 1 августа 1977 г. и в первые дни Фолклендского конфликта 1982 г. временно замещал отсутствующего адмирала Левина во главе штаба обороны. Оставив свой пост в авиационном штабе 15 октября 1982 г., он в тот же день получил звание маршала Королевских военно-воздушных сил (marshal of the Royal Air Force), соответствующее фельдмаршалу сухопутных войск. — *Прим. ред.*]

Большинство участников той встречи согласны, что прибытие Лича изменило звучание их хора. На вопрос премьер-министра, готов ли он мобилизовать полнокровное оперативное соединение военно-морских сил и, если да, то как скоро, адмирал ответил положительно, взяв срок до выходных. Он пояснил, что в данном случае необходим сбалансированный флот, а не просто небольшая эскадра, к тому же потребуется всесторонне обеспеченная тыловая поддержка. Он даже осмелится взять на себя риск высказаться в политическом аспекте: если Аргентина отважится на вторжение, британским ВМС не просто следует ответить, нет, они обязаны дать отпор агрессору. Когда премьер-министр спросила Лича прямо-таки в духе старой доброй королевы Бесс [«добрая королева Бесс» — одно из прозвищ королевы Англии и Ирландии Елизаветы I Тюдор, правившей с 17 ноября

1558 г. до 24 марта 1603 г. — *Прим. ред.*], как бы он отреагировал на отправку такого флота, будь он аргентинским адмиралом, Лич ответил: «Я бы немедленно вернулся в порт».

Коллегам Джон Нотт показался крайне смущенным тем, как этот старый морской волк с такой уверенностью разбивает все министерские сомнения, а премьер слушает каждое его слово. Со своей стороны, Лич не был бы человеком с присущими всем нам слабостями, если бы в своей иронии не торжествовал моральной победы над своим противником. На глазах адмирала сбывалась мечта любого современного морского лорда. Теперь штаб обороны получил задание отыскать способ быстрейшим образом усилить гарнизон Стэнли. Флот был приведен в состояние первоначальной боевой готовности. Никто не верил даже в выход в море оперативного соединения, не говоря уж о настоящей войне. Убежденность Нотта на данном этапе кризиса в неразумности введения в действие оперативного соединения, похоже, превалировала в собрании, хотя министр и не возражал против объявления тревоги. Как бы там ни было, Лич впрыснул в варево дискуссии два критически важных ингредиента: первое, он твердо настаивал на крупном оперативном соединении и, второе, указывал на возможность и целесообразность его мобилизации к выходным.

Многие и теперь спорят по поводу того, как повернулись бы дела на том совещании в среду, окажись на месте Лича сам начальник штаба обороны, сэр Теренс Левин. Левин, хотя и моряк, не так ревностно ратовал за военно-морские силы с их политикой, как Лич, и, вполне вероятно, проявил бы больше склонности руководствоваться стратегическими соображениями, довлевшими над умами Нотта и штаба обороны. Точно так все, безусловно, и складывалось бы, будь в то время начальником штаба обороны сухопутный офицер, лорд Карвер [британский фельдмаршал сэр Майкл (Ричард Майкл Пауэр) Карвер (1915–2001), носивший с 1977 г. титул барона, занимал пост начальника штаба обороны Соединенного Королевства в 1973–1976 гг. — *Прим. пер.*]. В действительности же никто не спрашивал мнения Левина, находившегося в Новой Зеландии, относительно отправки оперативного соединения, ему лишь сообщили о выходе его в плавание, как о свершившемся факте. Лич не перестает настаивать, будто на всем протяжении подготовительной фазы к вводу в действие оперативного соединения она являлась «исключи-

тельно делом ВМС». Безусловно, если бы не его личная динамичность, едва ли флот отправился в поход так быстро, да и вообще верх могла взять осторожность.

Поздно вечером в доме командира 3-й бригады коммандос КМП (Королевской морской пехоты), бригадира Джулиана Томпсона, в Дартмуре, неподалеку от штаб-квартиры морской пехоты в Плимуте, раздался телефонный звонок [Джулиан Хауард Атерден Томпсон (род. 7.10.1934), служивший в британской Королевской морской пехоте с 1952 г., командовал 3-й бригадой коммандос КМП в 1981–1983 гг. и вышел в отставку в 1986 г., имея звание генерал-майора. — *Прим. ред.*]. Звонивший спросил лишь: «Думаю, вам известно об осложнениях на Фолклендских островах?» Учитывая инцидент с Южной Георгией, слова эти Томпсона не удивили. На самом деле в минувшее воскресенье он даже обсуждал данный вопрос со своим бригад-майором [в британской армии и морской пехоте должность brigade major (бригад-майор, или бригадный майор) соответствует начальнику штаба бригады; в 1982 г. бригад-майором 3-й бригады коммандос был майор Королевской морской пехоты Джон Шейн Честер. — *Прим. ред.*]. И все же из трех боевых пехотных частей, составлявших бригаду Томпсона, 45-й отряд коммандос [каждый отряд коммандос британской Королевской морской пехоты, называвшийся по-английски просто «коммандо» (commando), являлся эквивалентом пехотного батальона. — *Прим. ред.*] находился на базе в Шотландии [имеется в виду база морской пехоты «Кондор» недалеко от Арброта (на востоке шотландской области Ангус), служащая с 1971 г. местом постоянной дислокации 45-го отряда коммандос. — *Прим. ред.*], 42-й отряд только что распустил своих людей в отпуска после учений в Норвегии, а 40-й отряд проходил подготовку в северо-западных областях Англии. Следовательно, с последним дела обстояли проще, и формированию в составе 600 чел. приказали немедленно вернуться в Плимут.

* * *

Следующее утро в Уайтхолле стало свидетелем целого шквала заседаний и совещаний. Комитет по ВиО кабинета собирался для рассмотрения как данных разведки, так и военных вопросов. Вместо Каррингтона присутствовал Люс. Его взволнованное состояние послужило почвой для комментария со стороны секре-

тариата кабинета министров — находившегося под очарованием sang-froid [хладнокровия (франц.). — *Прим. пер.*] ОКРС — в отношении того, что-де Люс готов бить из пушки по воробьям. В Министерстве обороны начальники штабов собрались для обсуждения предложений Лича об отправке флота. Как считается, в ходе встречи сэр Эдвин Брамалл от сухопутных войск [Эдвин Ноэл Уэстби Брамалл (род. 18.12.1923), произведенный 25 июня 1976 г. в полные генералы британской армии, занимал должность начальника главного штаба британской армии с 14 июля 1979 г.; получив 1 августа 1982 г. чин фельдмаршала, он 1 октября того же года был назначен вместо адмирала Левина начальником штаба обороны Соединенного Королевства (на этом посту Брамалл оставался до 31 октября 1985 г., после чего вышел в отставку и в 1987 г. удостоился баронского титула). — *Прим. пер.*] высказал некоторые сомнения, как и сэр Майкл Битем из военно-воздушных сил. Но главный вопрос состоял в том, насколько выполнима задача, а тут любые доводы перевешивал голос ВМС. Не зря же Лич с понедельника работал на планом действий в чрезвычайных обстоятельствах — теперь адмирал явно находился в выгодном положении. Как заметил позднее старший чиновник министерства: «Лич повесил бы на рее любого командира, не подготовь тот свой корабль к выходу в море на выходные. Лич знал, что на кону стоят не только Фолклендские острова». Хотя оба — Брамалл и Битем — продолжают с тех пор поразительным образом помалкивать, известно, что в тот момент они довольно шумно выражали обеспокоенность в отношении претензий Лича к их сферам ответственности. Как бы там ни было, сказанное выше ни в коем случае не уменьшило их приверженности делу в части обеспечения оперативного соединения максимально возможной тыловой поддержкой в дальнейших событиях.

В то же самое время и в другом месте в недрах здания Министерства обороны проходило совещание генералов Королевской морской пехоты — первое, на котором председательствовал глава корпуса, сэр Стюарт Прингл, вернувшийся в строй после серьезных ранений, полученных в результате взрыва бомбы ИРА [генерал-лейтенант сэр Стюарт Роберт Прингл (1928–2013), занимавший в 1981–1985 гг. должность генерал-коменданта Королевской морской пехоты (commandant general Royal Marines), был ранен 17 октября 1981 г. при взрыве бомбы, которую террористы из

Ирландской республиканской армии (ИРА) прикрепили к личному автомобилю генерала — красному Фольксвагену, стоявшему возле его дома в Даличе (Южный Лондон). Взрывное устройство привели в действие в тот момент, когда Прингл вышел, чтобы отправиться на прогулку в парк со своей собакой, черным лабрадором по кличке Белла. Как только раненый сэр Стюарт пришел в себя после взрыва, он спросил: «Как моя собака?» К его радости, Белла не пострадала, а вот сам генерал потерял в этом инциденте ногу. — *Прим. ред.*]. Фолклендские острова, разумеется, упоминались, хотя тема ни в коем случае не находилась на вершине повестки дня. Вопрос усиления гарнизона островов являлся крайне сложным моментом. Возможность прямого полета отсутствовала. Транспортные самолеты С-130 «Геркулес» КВВС [аббревиатура, обозначающая Королевские военно-воздушные силы Великобритании (по-английски, соответственно, RAF и Royal Air Force). — *Прим. пер.*] не подлежали заправке в воздухе, и единственным возможным способом достигнуть цели оставалась промежуточная посадка в дружественной латиноамериканской стране — скажем, в Чили.

В различные фазы происходившего в тот день бригадир Томпсон в Плимуте получал приказ объявить тревогу, а потом дать отбой всему 40-му отряду коммандос, потом одной роте, затем одному и в конечном счете двум взводам противовоздушной обороны. Как бы там ни было, к концу дня Министерство поставило крест на почти абсурдной затее перебросить силы в Южную Атлантику за считаные часы. Как бы сказали сами парни в этом роде войск, им приказали «отставить, не начинай». По пути к себе в Плимут из Министерства обороны непосредственный начальник Томпсона, генерал-майор Джереми Мур, размышлял главным образом о предстоящей отставке и прикидывал, какую бы работенку подыскать себе на гражданке. [Джон Джереми Мур (1928–2007), служивший в рядах Королевской морской пехоты с 1947 г., командовал с 1977 г., в звании бригадира, 3-й бригадой коммандос, а в 1979 г., произведенный в генерал-майоры, возглавил все силы коммандос КМП. Занимая, таким образом, вторую по старшинству должность в британской морской пехоте, он с октября 1981 г. до конца марта 1982 г. временно замещал ее генерал-коменданта (генерал-лейтенанта С. Р. Прингла, раненного в результате террористического покушения). — *Прим. ред.*]

Тем вечером группа министров и должностных лиц, которым вскоре предстояло составить ядро военного кабинета, вновь собрались наверху в рабочем офисе миссис Тэтчер в доме № 10. В дополнение к лицам, присутствовавшим прошлой ночью, там находился вызванный по такому случаю заместитель премьер-министра, Уильям Уайтлоу. Тем же вечером прибыл из Тель-Авива и лорд Каррингтон. Миссис Тэтчер поспешила поскорее вернуться после планового посещения королевы в Виндзоре. Полученные разведкой сведения не оставляли сомнений — крупный аргентинский флот приближался к Порт-Стэнли.

Приходилось связываться с Хэйгом, пока референты Рейгана лихорадочно пытались поставить президента в известность в отношении предстоящего разговора с Галтьери — разговора, о котором предстояло еще договориться. Посол Шлаудеман в Буэнос-Айресе попытался подготовить почву для беседы, обращаясь к Коста Мендесу и Галтьери, но тщетно. Все аргентинцы пребывали в глубочайшей уверенности: что бы там ни сказал для занесения в протокол Рейган, американцы в конечном счете сохранят нейтралитет в споре. Посему Галтьери не испытывал ни малейшего желания разговаривать с Рейганом — к чему в такой момент лишние затруднения?

Генерал уклонялся от контакта с Рейганом на протяжении четырех часов, но в итоге согласился пообщаться с ним. Беседа, включая перевод, продолжалась час. Рейгану, по крайней мере, удалось убедить Галтьери в решимости Британии оказать противодействие любому вторжению. Также президент США заверил собеседника в совершенной ненужности для него конфликта между двумя союзниками в Южной Атлантике и добавил, что Аргентина будет в таком случае выглядеть зачинщиком — агрессором, тогда как любое вторжение положит конец добрым взаимоотношениям США с Буэнос-Айресом. Он предложил в посредники вице-президента, Джорджа Буша. Аргентинская сторона ответила отказом. Но, судя по всему, от разговора с Рейганом у Галтьери затряслись поджилки. Аргентинский президент передал мнение американцев Анайе. На это адмирал, как говорят, отозвался с миной опытного заговорщика, что, мол, поздно уже поворачивать. Его корабли выстроились в боевые порядки ввиду Фолклендских островов. Он мог бы развить мысль словами леди Макбет: «Или твоя надежда / Была пьяна и вот теперь, проспав-

шись, / Зеленая и бледная, глядит / На прежний пыл?» [слова из пьесы Уильяма Шекспира «Макбет» (цитируется по переводу М. Лозинского). — *Прим. пер.*].

Все внимание присутствующих в кабинете премьер-министра сконцентрировалось на выборе варианта реакции Британии. Как выразился один участник совещания: «Мы почувствовали, что ракета уже взлетела в воздух, теперь оставалось ждать, где она упадет». На сей раз, после встречи с начальниками штабов утром, Джон Нотт выражал куда меньше сомнения. Он поведал премьер-министру, что с прошлого вечера пришел к мнению о целесообразности отправки оперативного соединения как ответа Британии на любое вторжение. Лич, вызванный из министерства, с большой готовностью подтвердил свою точку зрения. И в самом деле, теперь для многих из собравшихся оперативное соединение Королевских ВМС казалось единственной одеждой, способной прикрыть их политическую наготу, если произойдет нечто очень нехорошее. Соответственно флоту приказали привести себя в состояние полнейшей боевой готовности. Похоже, даже и тогда никто не верил, что дело дойдет до столкновения. На самом деле готовность министров выразить согласие на объявление тревоги отчасти обусловливалась ее нереальностью. Никто не рассуждал о правилах применения силы, стратегии или о вероятных преимуществах британского соединения перед аргентинским флотом. Как позднее заявлял сэр Теренс Левин, хотя создание оперативного соединения являлось продуктом плана действий в чрезвычайных обстоятельствах, то же самое нельзя сказать в отношении применения самого соединения. «У нас отсутствовала схема такого рода кампании в Южной Атлантике, как и план отвоевать Фолклендские острова», — признался он специальному комитету в палате общин. На данной стадии оперативное соединение расценивалось по существу как средство демонстрации силы. Сей момент, возможно, позволяет до известной степени объяснить загадки ночных совещаний в среду и четверг и того, почему не поднимался вопрос направления прямого ультиматума в Буэнос-Айрес? Ряд противников вторжения среди аргентинцев очень сетовали по поводу того, что на протяжении трех месяцев Британия только и подначивала хунту, словно говоря ей: «Ну, давай же, давай, рискни!» Миссис Тэтчер ничего не предприняла в отношении аргентинских военных на Южной Георгии. И вот теперь, когда вторжение самым драматичным образом приближалось, никто

не попытался сигнализировать в Буэнос-Айрес о намерениях Британии ответить на это крупномасштабной акцией вооруженного противодействия. Любопытное упущение будет обсуждаться ниже (с. 423–424).

* * *

В начале утра в пятницу, когда аргентинский флот выходил на позиции в виду Восточного Фолкленда, участники совещания на Даунинг-стрит расходились из кабинета усталые и крайне обеспокоенные. Пожалуй, лишь один из них испытывал какое-то удовлетворение от всего происходившего. Сэр Генри Лич вернулся непосредственно в оперативную комнату ВМС в Министерстве обороны, где собирались ожидавшие его сотрудники штаба. Он отдал сжатый и уверенный приказ: «Необходимо подготовить и отправить в плавание оперативное соединение». Сразу же за тем распоряжение помчалось к Вудварду, находившемуся посередине Атлантического океана: ему велели «сосредоточить свою оперативную группу» и «приготовиться к тайному движению на юг». Интересно, что на данной стадии экспедиция не получила еще официального одобрения ни британского кабинета, ни парламента. Возможно, дело тут только в неком конституционном ляпсусе. Да на самом-то деле аргентинцы в тот момент даже не вторглись на Фолклендские острова. Поневоле хочется процитировать слова Лича: «Это было исключительно делом ВМС».

5

ОПЕРАТИВНОЕ СОЕДИНЕНИЕ

Истинно велик,
Кто не встревожен малою причиной,
Но вступит в ярый спор из-за былинки,
Когда задета честь.

«Гамлет», акт IV, сцена IV
[цит. по переводу Т. Щепкиной-Куперник. — *Прим. пер.*].

Долгая борьба Аргентины за Фолклендские острова разом закончилась на рассвете пятницы, 2 апреля. Словно бы в признание собственной беспомощности, измученные совещаниями члены британского кабинета к тому времени уже крепко спали. Кульминационный момент выглядел патетически просто.

Накануне Рексу Ханту в Порт-Стэнли сообщили, что вот-вот «железок» в окрестностях будет куда больше, чем одна-единственная подлодка, о чем предупреждали ранее. К берегам островов катилась армада целого флота вторжения. [Для участия в операции по «возвращению» Фолклендских (Мальвинских) островов, получившей название «Росарио» (Rosario, т.е. «Розарий»), аргентинцы создали два оперативных соединения ВМС. Оперативное соединение 20 (Fuerza de Tareas 20), обеспечивавшее морское и воздушное прикрытие, включало авианосец «Вейнтисинко де Майо» (командир — капитан корабля Хосе Хулио Саркона, одновременно возглавлявший все соединение), эсминцы «Иполито Бушар» (капитан фрегата Вашингтон Барсена), «Комодоро Пи»

(капитан фрегата Альберто Рауль Микелейс), «Пьедра Буэна» (капитан фрегата Орасио Рауль Грасси) и «Эркулес» (капитан фрегата Энрико Молина Рико), а также танкер-заправщик «Пунта Маданос» (капитан фрегата Хуан Хоакин Коэн). Для непосредственного осуществления десантной операции предназначалось Оперативное соединение 40 (Fuerza de Tareas 40) под командованием контр-адмирала Гуалтера Оскара Альяры, подразделявшееся на четыре оперативных группы. Оперативная группа 40.1 (Grupo de Tareas 40.1) контр-адмирала морской пехоты Карлоса Альберто Сесара Бюссера представляла собой десантные силы, насчитывавшие 874 чел. В состав этой амфибийной ОГ входили: 2-й батальон морской пехоты капитана фрегата Рауля Альфредо Вейнстабля (фактически это была сводная часть, включавшая роты «D» и «E» 2-го батальона МП, которыми командовали соответственно лейтенанты корабля Франсиско Армандо ди Паола и Карлос Сесар Аруани, и рота «A» 1-го батальона МП под командой лейтенанта корабля Оскара Орасио Оултона); Амфибийная группировка коммандос (Agrupacion Comandos Anfibios), которую возглавлял капитан корвета Гильермо Андрес Санчес-Сабаротс; амфибийная группа коммандос (Grupo de Comandos Anfibios) капитана корвета Педро Эдгардо Гьячино (штатного заместителя командира 1-го батальона морской пехоты); взвод боевых пловцов (Buzos Tacticos) и 3-й взвод роты «C» 25-го пехотного полка под командой суб-лейтенанта Оскара Роберто Рейеса (вместе с этим стрелковым взводом в десантировании участвовал командир 25-го полка подполковник Мохамед Али Сейнельдин). Другие подразделения морской пехоты, приданные дасантникам в качестве поддержки, включали батарею «A» («Альфа») 105-мм вьючных гаубиц итальянской модели M56 «OTO-Мелара» (из 1-го полевого артиллерийского батальона МП) под командой лейтенанта корабля Марио Франсиско Переса, группу амфибийных инженеров, одну зенитную батарею и 1-ю роту 1-го батальона машин-амфибий под командой лейтенанта корабля Марио Даниэля Форбайса (эта рота была оснащена «амтраками» — плавающими гусеничными бронетранспортерами LTVP-7 и грузовыми машинами-амфибиями LARC-5). Транспортные силы соединения Альяры составляла Оперативная группа 40.2 капитана корабля Гильермо Энрике Эстрады. В нее входили: десантный корабль «Кабо Сан-Антонио» (командир — капитан фрегата Хосе Лусиано Акунья), ледокол «Альмиранте Ирисар» (капитан

фрегата Луис Хорхе Прадо) и транспортное судно «Ислас де лос Эстадос» (капитан дальнего плавания Тулио Нестор Панигади). Корабли эскорта были объединены в Оперативную группу 40.3, возглавляемую капитаном корабля Хулио Даниэлем Чалулеу. Ее составляли эсминец «Сантисима Тринидад» (капитан фрегата Хосе Луис Техо) и два корвета — «Друммонд» (капитан фрегата Рауль Хосе Као) и «Гранвилль» (капитан фрегата Эдуардо Хуан Пелайо). Кроме того, в подчинении контр-адмирала Альяры имелась Оперативная группа 40.4 (она же группа специального назначения), включавшая дизельную подводную лодку «Санта-Фе» (ее командир, капитан корвета Орасио Альберто Бикайн, одновременно возглавлял ОГ 40.4) и Группировку боевых пловцов (Agrupacion Buzos Tacticos) капитана корвета Альфредо Рауля Куфре. Общее руководство операцией «Росарио» осуществлял командующий действующими силами аргентинского флота вице-адмирал Хуан Карлос Ломбардо. Вместе с ним план операции разрабатывали дивизионный генерал Освальдо Хорхе Гарсия (командир 5-го армейского корпуса и командующий сухопутными войсками на Южно-Атлантическом театре военных действий) и бригадир-майор военно-воздушных сил (brigadier mayor, аналог британского маршала авиации или генерал-лейтенанта ВВС США) Сигфридо Мартин Плессль. Из этой троицы непосредственное участие в экспедиции принял только генерал Гарсия, совешивший переход к Фолклендским островам на борту эсминца «Сантисима Тринидад». — *Прим. ред.*] В распоряжении Ханта находилось не одно, а целых два подразделения морской пехоты: принимающая вахту группа майора Майка Нормана из сорока человек и покидавшая острова группа майора Гари Нутта, двенадцать бойцов которой ранее отбыли на «Эндьюрансе» к Южной Георгии. [Роль британского гаризона Фолклендов выполняла Военно-морская партия 8901 (Naval Party 8901), представлявшая собой усиленный взвод Королевской морской пехоты, местом дислокации которого являлись казармы в Муди-Бруке. Когда 1 апреля 1982 г. майор Майкл (Майк) Джон Норман принял от майора Гарета (Гари) Нутта командование этим формированием, последнее имело фактически удвоенный состав. В обеих временно объединившихся группах морских пехотинцев насчитывалось три офицера (два майора и лейтенант Уильям Троллоп) и 66 военнослужащих прочих званий (41 из них прибыл с майором Норманом и лейтенантом Троллопом для несения

службы на островах в 1982–1983 гг., а остальные 25 чел. состояли в 1981–1982 гг. под командой майора Нутта и теперь ожидали отправки на родину в связи с ротацией). В тот же день прежний командир Военно-морской партии 8901, майор Гари Нутт, был назначен военным советником губернатора Фолклендских островов, Рекса Мастермана Ханта. Кроме контингента Королевской морской пехоты, в распоряжении губернатора находились два офицера Королевских ВМС и 9 матросов, ранее высаженных в Порт-Стэнли с корабля ледовой разведки «Эндьюранс». Таким образом, к моменту аргентинского вторжения общая численность военного гарнизона Фолклендов составляла 80 чел. — *Прим. ред.*]. Губернатор призвал обоих офицеров в резиденцию губернатора и изрек там фразу, навсегда вошедшую в историю Фолклендских островов: «Похоже, на сей раз сукины дети настроены серьезно».

Удобные для высадки места около аэропорта решили прикрыть заграждениями из колючей проволоки. На выступающий в море мыс, господствовавший над входом в бухту, поставили пост из двух человек. Морских пехотинцев отправили на охрану аэродрома, дороги в город и собственно резиденции губернатора. [Командир Военно-морской партии 8901 майор Майк Норман поручил оборону аэропорта 5-му отделению капрала Даффа. Основная часть этого отделения с одним 7,62-мм универсальным пулеметом L7A2 расположилась южнее аэродрома, в то время как два морских пехотинца, Милн и Уилкокс, составлявшие расчет второго универсального пулемета, были посланы на северо-запад от аэропорта, чтобы прикрывать пляжи в заливе Йорк-Бэй (для мобильности они имели при себе мотоциклы). Отделение № 1 капрала Лу Армура с двумя пулеметами L7A2 и отделение № 2 капрала Брауна разместились к югу от аэродрома, на перешейке Хукерс-Пойнт (там, где дорога, ведущая из аэропорта в город, поворачивает направо), а к западу от них, на краю старой взлетной полосы, занял позицию лейтенант Билл Троллоп с восемью бойцами, вооруженными одним универсальным пулеметом, одним 84-мм средним гранатометом М2 «Карл Густав» и 66-мм легкими гранатометами LAW-72 (единственный 81-мм миномет, имевшийся у британцев, нельзя было использовать по причине его неисправности). Примерно в километре к западу от группы Троллопа находилось отделение № 3, образующее ядро опорного пункта и резерв всего отряда Королевской морской

пехоты. Штаб британского гарнизона размещался в Губернаторском доме (Government House) — резиденции губернатора Ханта, чей военный советник, майор Нутт, руководил охраной данного объекта. Майор Норман устроил свой командный пункт на Лук Аут Рокс, у юго-восточной окраины города, поставив недалеко от того места, на высотах Марри (Murray Heights), 4-е отделение капрала Карра, получившее задачу прикрывать Порт-Стэнли с юга. К юго-западу от города, на высоте Сэппер-Хилл (Саперном холме), был выставлен наблюдательный пост в лице морского пехотинца Майка Берри, снабженного мотоциклом. С северной стороны бухты Стэнли, на мысе Нэйви-Пойнт, располагалось 6-е отделение капрала Стефана Йорка с гранатометом «Карл Густав», имевшее в качестве транспортного средства одну штурмовую надувную лодку производства компании «Джемини». Последней оборонительной позицией для всех шести отделений морской пехоты должен был стать Губернаторский дом в Порт-Стэнли. — *Прим. ред.*] Объявили о сборе территориальных сил обороны, предположительно из 120 чел., но на получение примитивного тактического инструктажа явились всего двадцать три. Кто-то позднее не без яда прокомментировал столь сомнительное рвение жителей островов, явно предпочитавших, чтобы за их территорию воевал кто-нибудь другой. Хотя, пожалуй, не следовало бы так уж презрительно отзываться о них, учитывая уровень подготовки населения и сам момент — для многих известие стало шоком.

В 8.15 вечера губернатор выступил по радио. Он сообщил ошарашенным слушателям: «Существуют все более убедительные свидетельства подготовки аргентинских вооруженных сил к нападению на Фолклендские острова». Если не считать слухов, только тут жители островов впервые услышали о происходящем. У них почти не оставалось времени на организацию гражданской обороны или на отъезд из столицы в более безопасный Камп. Оглядываясь назад, можно подытожить: ни один из аспектов неготовности британцев не был столь же серьезным. Если бы аргентинский флот проявил меньше щепетильности в своем подходе к операции и начал штурм с артобстрела, гражданскому населению грозили значительные жертвы, чего не произошло бы, подготовься островитяне к обороне должным образом.

Хант приказал жителям Порт-Стэнли не выключать приемники и держать их настроенными на его волну, а самим не

выходить на улицы. Ночью он опять выступал с обращениями, завершив их в 4.25 утра объявлением чрезвычайного положения. Маленькое формирование морской пехоты дислоцировалось по предместьям Порт-Стэнли и имело приказ оказать сопротивление нападающим, после чего — отступать и дать последний бой в резиденции губернатора. Хант и Норман понимали, что это будет лишь неким жестом перед лицом приближавшейся армады.

Как считается, аргентинцы первоначально планировали высадить под прикрытием темноты в Маллит-Крик, примерно в пяти километрах южнее Порт-Стэнли, небольшую амфибийную группу из 150 морских коммандос и «бусос тактикос» (Buzos Tacticos — «тактических пловцов») [в действительности Амфибийная группировка коммандос (Agrupacion Comandos Anfibios, сокращенно АРСА), высаживавшаяся у Маллит-Крик под командой капитана корвета Гильермо А. Санчес-Сабаротса, насчитывала 92 чел. (включая отдельную группу из 16 коммандос, возглавляемую капитаном корвета Педро Э. Гьячино). — *Прим. ред.*]. Затем этим воинам предстояло пробраться по суше к объекту — казармам гарнизона в Муди-Бруке за чертой города — и захватить его. Нейтрализуя таким образом британские войска, наступающие получали возможность взять под стражу губернатора и очистить флоту путь вторжения в гавань Порт-Стэнли. Предполагалось использовать минимум войск. Как говорят, за причинение ущерба гражданским лицам на Фолклендских островах солдатам даже грозили судом военного трибунала.

Какая бы стратегия изначально ни вынашивалась, флот, полным ходом следовавший в четверг через Южную Атлантику корабль к кораблю, лишил нападающую сторону малейшей надежды застать противника врасплох. К тому же и официальный Буэнос-Айрес отбросил осторожность. Стоя перед лицом крушения порядка в стране, хунта послала разгневанным гражданам сообщение: «Завтра Мальвинские острова будут нашими». Радиовещательные станции передали новость. Газетам велели подготовить экстренные выпуски.

Аргентинские коммандос и на самом деле высадились в районе Маллит-Крик около 4.30 пополуночи и спустя полтора часа достигли Муди-Брука. [Реальная хронология событий отличалась от той, которую приводят авторы. Амфибийная группировка коммандос (92 чел.) производила десантирование со стоявшего

примерно в 500 метрах от берега эсминца «Сантисима Тринидад», используя в качестве транспортных средств 21 надувную лодку «Джемини». Операция началась вскоре после 9 часов вечера 1 апреля, причем первым на берегу оказался небольшой авангард под командой лейтенанта корвета Бернардо Швейцера. За передовой группой последовали главные силы отряда (84 чел.), которые немного отклонились от курса и высадились не в том месте, где планировалось, а немного западнее Маллит-Крик, на мысе Лейк-Пойнт. К 11 часам вечера они встретились с партией Швейцера, после чего командир Амфибийной группировки, капитан корвета Гильермо А. Санчес-Сабаротс, повел своих бойцов на северо-запад, в сторону Муди-Брука, чтобы атаковать находившиеся там казармы Королевской морской пехоты. Другая группа из 16 коммандос, возглавляемая капитаном корвета Педро Э. Гьячино, двинулась на север, прямо к городу, имея своей целью резиденцию британского губернатора Рекса Ханта. Преодолев расстояние в шесть миль почти за пять часов, отряд Санчес-Сабаротса вышел к Муди-Бруку около 5.30 утра 2 апреля, тогда как группа Гьячино достигла Губернаторского дома на четыре часа раньше (около 1.30 ночи). — *Прим. ред.*] Однако используемая ими впоследствии тактика не давала повода предполагать стремление избежать потерь. Развернув громкую полномасштабную атаку на казармы, они бросали в помещения фосфорные гранаты и поливали их огнем из автоматического оружия [эти пустые и никем не охраняемые казармы в Муди-Бруке были атакованы аргентинцами в 5.45 утра 2 апреля; проникнув внутрь казарменных помещений, бойцы Амфибийной группировки коммандос обыскали их, но никого не обнаружили, после чего капитан фрегата Санчес-Сабаротс организовал круговую оборону захваченных казарм. — *Прим. ред.*]. Только факт своевременного развертывания британских морских пехотинцев на боевых позициях и предотвратил тяжелый урон.

Затем одетые в черное коммандос соединились с группой, наступавшей прямиком на резиденцию губернатора, по всей видимости, в намерении захватить Рекса Ханта. Началась ожесточенная перестрелка с бойцами подразделения майора Нормана, разместившимися вокруг здания. Она продлилась около двух часов и стоила жизни, по крайней мере, двум аргентинцам. [В действительности со стороны аргентинцев была только одна безвозвратная потеря — 34-летний капитан корвета Педро

Эдгардо Гьячино, чья группа из 16 коммандос еще ночью окружила губернаторскую резиденцию. Когда утром 2 апреля раздались звуки стрельбы со стороны Муди-Брука, Гьячино, не зная, что опорным пунктом британской морской пехоты являлись вовсе не казармы, а Губернаторский дом, решил, что ему пора ворваться туда с заднего входа и принудить губернатора Фолклендов к сдаче. Он не рассчитывал, что его группе будут противостоять 42 защитника резиденции (в тот момент там находились 31 военнослужащий Королевской морской пехоты и 11 служащих Королевских ВМС). Оставив снаружи своего заместителя, лейтенанта фрегата Густаво Адольфо Луго, и большую часть группы (всего 12 чел.), Гьячино вместе с одним офицером и тремя бойцами проник около 6.15 утра в Губернаторский дом через заднюю дверь, однако, к своему удивлению, оказался не в главном здании, а во флигеле, где жили слуги. Эта пристройка была пуста, и аргентинцы, осознав свою ошибку, перепрыгнули через стену в сад, но в этот момент их заметили трое британских морских пехотинцев из охраны резиденции — капралы Селлин и Флит и рядовой Дори, которые с близкого расстояния открыли по пятерке коммандос огонь из автоматических винтовок. Гьячино, раненный в бедро, упал, сжимая в руке гранату с вынутым запалом. Офицер его группы, лейтенант корвета Рикардо Луис Кирога, получил пулевое ранение в руку. Трое уцелевших аргентинцев бросились в помещения для прислуги. Один из них, капрал Эрнесто Исмаэль Урбина, исполнявший обязанности медика, затем вышел наружу, собираясь оказать помощь раненому Гьячино, но сам был ранен осколком гранаты. Его и двух других коммандос позже нашел в спальне горничных и взял в плен майор Гари Нутт. После капитуляции британского гарнизона эти пленные были освобождены, а оба раненых офицера — эвакуированы. Капитан корвета Гьячино, доставленный на аргентинском бронетранспортере в больницу города Порт-Стэнли, умер в тот же день от потери крови. — *Прим. ред.*] В таких условиях коммандос не могли сделать чего-то большего, чем просто связать боем британцев до подхода мощной поддержки от основных сил десанта. Они не замедлили прибыть в гавань Порт-Стэнли и в 8 часов утра приступили к высадке. [На самом деле высадка главного аргентинского десанта началась не в 8.00, а в 6.20 утра 2 апреля. Она производилась с десантного корабля «Кабо Сан-Антонио», эскортируемого эсминцем «Эркулес» и корветом «Друммонд», причем

войска на машинах-амфибиях выезжали из воды на берег к востоку от мыса Йорк-Пойнт, в месте, обозначенном как «Красный пляж», у которого специальная команда из десяти «тактических пловцов» заблаговременно, еще ночью, установила навигационные буи. Эта группа «бусос тактикос» прибыла на подводной лодке «Санта-Фе», всплывшей около 11 часов вечера 1 апреля вблизи острова Кидни, а затем пересекла залив Йорк-Бэй на трех надувных моторных лодках «Зодиак» и пометила пляж, предназначенный для утреннего десантирования морской пехоты. Первую волну десанта составлял авангард под командой капитана корвета Уго Хорхе Сантильяна — четыре плавающих гусеничных бронетранспортера LVTP-7 американского производства, перевозивших один стрелковый взвод роты «E» 2-го батальона морской пехоты с лейтенантом корвета Карлосом Рамоном Швейцером, и 3-й взвод роты «C» 25-го пехотного полка с полковым командиром, подполковником Мохамедом Али Сейнельдином, всего 99 чел., в том числе 24 в головной машине № 05 (командира авангарда) и по 25 — в машинах № 07 (командира минометного отделения, второго суб-офицера Виктора Давида Кироги), № 10 (подполковника Сейнельдина) и № 19 (лейтенанта корвета Швейцера). Во второй волне из четырнадцати «амтраков» находились остальные взводы роты «E» и вся рота «D» 2-го батальона морской пехоты, а также несколько командирских LVTP-7, в том числе машины контр-адмирала Карлоса Бюссера и капитана фрегата Альфредо Вейнстабля. Замыкали эту десантную партию два бронетранспортера LVTP-7 (включая один ремонтно-эвакуационный) и одна 5-тонная грузовая машина-амфибия LARC-5, заполненная боеприпасами, медицинскими принадлежностями и другими необходимыми запасами. Высадившись на пляж в «час Ч» (6.30 утра), капитан корвета Сантильян приказал «амтракам» авангарда развернуться в штурмовой боевой порядок, затем повел их в узкий овраг и, достигнув дорожной колеи, повернул на восток к аэропорту. Три бронетранспортера роты «E» 2-го батальона МП заняли огневые позиции, а солдаты стрелкового взвода 25-го пехотного полка под командой сублейтенанта Роберто Рейеса покинули свой LVTP-7 и выдвинулись через взлетную полосу, ожидая встретить вражеский огонь, но по ним никто не стрелял. Затем пехотинцы заняли сигнальный маяк на оконечности мыса Пембрук, в то время как рота «D» 2-го батальона МП присоединилась к авангарду Сантильяна

на дороге, ведущей в Порт-Стэнли. — *Прим. ред.*] Группа британских морских пехотинцев, стоявших в дозоре у гавани и находившихся под началом заместителя Нормана, лейтенанта Билла Троллопа, сумела добиться попадания в одну из десантных барж из противотанкового оружия, после чего командир решил отходить к резиденции губернатора. [Согласно более достоверным описаниям, группа Троллопа попала из гранатомета не в десантную баржу (в оригинале — landing craft), а в плавающий бронетранспортер LVTP-7. Около 7.15 аргентинские «амтраки», направлявшиеся от аэропорта к городу Порт-Стэнли, миновали Хукерс-Пойнт и старую взлетную полосу, не встречая сопротивления, однако вблизи Станции исследования ионосферы обнаружили несколько препятствий, в том числе дорожно-ремонтную машину желтого цвета, поставленную поперек дороги. Когда головной бронетранспортер преодолевал эти заграждения, он был обстрелян пулеметчиком из группы лейтенанта Троллопа. Морской пехотинец Гиббс выпустил по этому «амтраку» 66-мм противотанковый снаряд из гранатомета LAW-72 и промахнулся, однако другой морпех по фамилии Браун сумел поразить бронетраспортер выстрелом из «Карла Густава». Правда, удар реактивного снаряда оказался скользящим и не пробил броню. Аргентинцы, выскочив из машины, спрятались в укрытие, и когда британский пулеметчик хлестнул по машине очередью, в ответ никто не выстрелил, вследствие чего морские пехотинцы Троллопа ошибочно подумали, что они убили всех, кто находился внутри. Между тем командир 2-го батальона аргентинской морской пехоты капитан фрегата Вейнстабль велел капитану корвета Сантильяну сформировать огневую базу из безоткатных противотанковых орудий (90-мм гранатометов M67 американского производства) и минометов и приказал роте «D» атаковать британцев. Однако лейтенант Билл Троллоп догадался о намерении противника и, выпустив для маскировки дымовую гранату, под прикрытием пурпурного дыма отвел свою группу в город. После этого две аргентинские роты устремились в Порт-Стэнли с севера и с юга, и авангард Сантильяна, проехав через город в сторону Муди-Брука, встретился с отрядом коммандос капитана Санчес-Сабаротса, продвигавшимся вдоль дороги к Губернаторскому дому. В 7.30 контр-адмирал Бюссер приказал капитану корвета Норберто Игнасио Рамону Барро, командовавшему двумя противолодочными вертолетами «Си Кинг», базировавшими-

ся на ледоколе «Альмиранте Ирисар», перевезти на берег по воздуху роту «А» 1-го батальона морской пехоты и 105-мм орудия артиллерийской батареи лейтенанта корабля Марио Франсиско Переса. Переброска этих подразделений прошла успешно, после чего британцы, продолжавшие удерживать Губернаторский дом, поняли, что противник слишком силен, и у них нет никаких шансов отразить его нападение. — *Прим. ред.*]

К 8.30, когда на берег стали сходить бронетранспортеры и пушки, Хант осознал бесполезность дальнейшего сопротивления. Он отдал приказ сложить оружие [в действительности губернатор Хант и британский гарнизон Порт-Стэнли капитулировали в 9.30, а «Юнион Джек» у Правительственного дома был заменен флагом Аргентины в 12.15; одно из подразделений Военно-морской партии 8901 (отделение № 6 под командой капрала Стефана Йорка) сдалось аргентинцам только 4 апреля (позже его репатриировали в Англию вместе с защитниками Южной Георгии). — *Прим. ред.*]. Британцы потерь не понесли. Аргентинцы быстро захватили радиостанцию, телефонный узел и телеграф [следует отметить, что в тот же день 2 апреля, уже после того как столица Фолклендских островов была оккупирована вооруженными силами Аргентины, три транспортных самолета (один С-130 «Геркулес» и два F-29 «Феллоушип») перебросили в Порт-Стэнли с авиабазы в Комодоро-Ривадавии 25-й пехотный полк, чей командир, подполковник Сейнельдин, и один стрелковый взвод уже находились на Фолклендах. — *Прим. ред.*]. Отрезанный от любых линий коммуникаций с Лондоном, Хант не мог сообщить о случившемся в Министерство иностранных дел. Он отказался пожать руку командиру сил вторжения, генералу Освальдо Гарсия, к большому огорчению последнего. Затем Хант переоблачился в губернаторскую форму со всеми регалиями и на такси отправился в аэропорт, чтобы на борту аргентинского «Геркулеса» перебраться в Монтевидео. Морских пехотинцев сфотографировали, заставив уткнуться лицами в землю, дабы подчеркнуть их унижение, после чего тоже вскоре вывезли прочь с островов. Любой из местных жителей, пожелавший отправиться вместе с ними, получил такую возможность [после репатриации в Англию большинство бойцов Военно-морской партии 8901 присоединились к 3-й бригаде коммандос КМП, чтобы в ее составе вернуться на Фолклендские острова и отплатить аргентинцам за свое поражение (из них была образована рота «J» 42-го отря-

да коммандос, которая заменила роту «М» того же отряда, откомандированную для участия в операции по отвоеванию Южной Георгии). — *Прим. ред.*].

Единственным бальзамом на раны унижения, полученные их страной, стало для британцев героическое сопротивление лейтенанта Кита Миллза и его отряда морской пехоты — двадцати трех бойцов, ранее высаженных с «Эндьюранса» на земле Южной Георгии [в действительности этот отряд насчитывал 22 чел., включая самого лейтенанта Кита Пола Миллза, его заместителя — сержанта Питера Джеймса Лича, и двадцать морских пехотинцев других званий. — *Прим. ред.*]. Молодой офицер получал указания, отражавшие смятение и противоречивые чувства, царившие в Лондоне. Ему приказали стрелять только в целях самозащиты, не ставить в опасность человеческие жизни, но при этом... не сдаваться. В 10.30 утра 3 апреля лейтенант Астис, находившийся на борту аргентинского судна «Байя Параисо» в Лите, передал по радио известие о капитуляции Рекса Ханта британскому подразделению в районе Грютвикена, призывая Миллза и его бойцов сделать то же самое. [Узнав по радио о сдаче Фолклендов, лейтенант Миллз и его опытный помощник, сержант Лич, немедленно разработали план защиты Грютвикена и приняли меры для устройства оборонительной позиции на плато высотой 30 футов (более 9 м.), к северо-востоку от дома Шэклтона. Эта позиция, образованная из шести траншей (четырех, рассчитанных на два человека каждая, и двух, рассчитанных на три человека), позволяла морским пехотинцам прикрывать подступы как со стороны Грютвикена, так и от пляжа на мысе Кинг-Эдвард-Пойнт. Отделение капрала Томсена (пять бойцов) и один универсальный пулемет были поставлены перед домом Шэклтона, чтобы анфиладным огнем отражать возможную высадку противника на пляже. Два морских пехотинца с ручным пулеметом прикрывали левый фланг позиции. Штурмовой сапер морской пехоты Дэниэлс с помощью рядовых Портера и Черча заминировал другие пляжи, находившиеся ниже здания таможни. В нескольких домах были заложены импровизированные взрывные устройства, сделанные из пустых патронных коробок и кусочков металла, а для минирования пристани использвана 45-галлонная емкость в форме барабана, заполненная смертоносным коктейлем из бензина, краски и пластида. Лейтенант Миллз планировал продержаться со своим отрядом

до темноты, а затем, взяв с собой рюкзаки типа «берген», как можно больше боеприпасов и все продуктовые пайки, хранившиеся в церкви китобоев, отступить к горе Ходжес, высота которой достигала 2000 футов (609,6 м). От этой горы морские пехотинцы Миллза, имевшие за плечами опыт ежегодных зимних учений в Норвегии, должны были совершить переход на север к Майвикену, чтобы затем вести оттуда партизанскую войну против аргентинцев. — *Прим. ред.*] Два часа спустя к гавани приблизились корвет «Геррико» [ракетный корвет ВМС Аргентины «Геррико» (Guerrico), построенный в 1976–1977 гг. во Франции, относился к боевым кораблям того же класса «Д'Эстьен д'Орв» (типа А-69), что и корветы «Друммонд» и «Гранвилль»; свое название он получил в честь аргентинского контр-адмирала Мартина Геррико (1838–1929). — *Прим. ред.*] и два вертолета «Алуэтт», за которыми последовал большой десантный вертолет «Пума». [В действительности у аргентинцев, в составе их Антарктической военно-морской группы, тогда имелся только один легкий многоцелевой вертолет SA-319 «Алуэтт III» (он относился к 1-й вертолетной эскадрилье ВМС, тогда как другой летательный аппарат, средний транспортный вертолет SA-330 «Пума», принадлежал к 601-му батальону армейской авиации). Корвет «Геррико» (командир — капитан фрегата Карлос Луис Альфонсо) и полярный транспорт «Байя Параисо» (капитан фрегата Исмаэль Хорхе Гарсия) составляли специально созданную для захвата Южной Георгии Оперативную группу 60.1 (Grupo de Tareas 60.1), которую возглавлял капитан корабля Сесар Тромбетта (командир Антарктической группы аргентинских ВМС). На борту транспортного судна «Байя Параисо» находились 40 военнослужащих из состава 1-го батальона морской пехоты — сводный десантный взвод под командой лейтенанта корабля Гильермо Хорхе Луны (два стрелковых отделения и одно отделение, оснащенное французскими 60-мм минометами MO-120–60 и бельгийскими 7,62-мм универсальными пулеметами FN MAG). — *Прим. ред.*] Бойцы Королевской морской пехоты открыли огонь из всего имевшегося у них автоматического оружия, повредили вертолет и вынудили его в спешке ретироваться. [Пилот этого вертолета, первый лейтенант Алехандро Вильягра, собирался высадить 15 аргентинских морских пехотинцев у Грютвикена, но его «Пума» сильно пострадала от автоматического огня с земли, повредившего гидравлику машины и причинившего потери десанту (двое мор-

пехов были убиты и четверо ранены), после чего Вильягре и его помощнику, первому лейтенанту Эдуардо Легисамону, пришлось развернуть вертолет, пересечь бухту и совешить вынужденную аварийную посадку на ее западном берегу. Другой аргентинский вертолет, «Алуэтт III», пилотируемый лейтенантом корабля Ремо Омаром Буссоном, ранее высадил группу из семи морских пехотинцев на мысе Кинг-Эдвард-Пойнт, но затем тоже попал под обстрел британцев, получил легкие повреждения в задней части фюзеляжа и сел вне зоны огневого поражения, недалеко от дымящейся «Пумы». — *Прим. ред.*] Они накрыли корвет тремя 84-мм противотанковыми реактивными снарядами «Карл Густав» и обрушили на него более 1200 выстрелов из ручного огнестрельного оружия. [Стрелком-наводчиком 84-мм среднего противотанкового гранатомета шведской конструкции «Карл Густав», имевшегося в британском отряде лейтенанта Миллза, являлся морской пехотинец Дэйвид Стэнли Кумбз, обычно исполнявший на «Эндьюрансе» обязанности стюарда, а вторым номером расчета — рядовой Джон Стоунстрит. Первый же реактивный снаряд, выпущенный Кумбзом в 11.59 с дистанции 550 м., попал в борт корвета «Геррико» чуть выше ватерлинии, вызвав взрыв, в результате которого один матрос погиб и пятеро других членов экипажа получили ранения. Был перебит электрический кабель, обслуживающий 100-мм пушку аргентинского корабля, вследствие чего это орудие стало непригодным для использования. Тогда «Геррико» попытался подавить британские позиции огнем зенитной артиллерийской установки (сдвоенных 40-мм автоматических пушек), однако она успела сделать только шесть выстрелов и сразу замолчала, когда морские пехотинцы Парсонз и Чабб обстреляли ее прислугу из своего легкого пулемета. В такой ситуации аргентинский корвет, чью палубу британцы продолжали осыпать пулями, начал отход. Однако прежде чем он покинул бухту, морские пехотинцы Миллза еще трижды поразили его реактивными снарядами (один из них, выпущенный из «Карла Густава» Дэйвидом Кумбзом, повредил стартовый подъемник противокорабельных ракет «Экзосет», тогда как два других выстрела, произведенных из 66-мм легкого противотанкового гранатомета LAW-72, попали в корпус корабля. — *Прим. ред.*] После двух часов боя, когда превосходящие аргентинские войска сосредоточились на берегу, когда погибли четыре аргентинца [по более точным данным, аргентинские

потери в живой силе, понесенные 3 апреля 1982 г. при Грютвикене, составили 3 убитых и 9 раненых. — *Прим. ред.*], а один британский капрал получил тяжелое ранение в руку [это был капрал Найджел Питерз, раненный в руку и плечо в тот самый момент, когда он высунулся из окопа, чтобы выстрелить из гранатомета LAW-72 (в него попал аргентинский стрелок, укрывавшийся в здании БАС ниже плато, на котором занимал позицию британский отряд лейтенанта Миллза). — *Прим. ред.*], Миллз счел себя сделавшим все возможное, чтобы заставить аргентинцев дорого заплатить за приобретение Южной Георгии. Страна согласилась с Миллзом. После сдачи в плен он вернулся в Британию, где удостоился почестей как герой и получил крест «За выдающиеся заслуги». [Лейтенат Миллз и другие бойцы его отряда, сдавшегося 3 апреля у Грютвикена, а также британские гражданские лица (сотрудники БАС), задержанные аргентинцами, были размещены на транспорте «Байя Параисо» и 13 апреля доставлены в Аргентину, на военно-морскую базу Байя Бланка, откуда их 16 апреля отправили самолетом в Монтевидео (столицу Уругвая), где передали британским официальным лицам для дальнейшей репатриации. Утром 19 апреля Миллз и его морские пехотинцы вылетели на транспортном самолете VC-10 КВВС в Англию (на авиабазу Брайз-Нортон). В Соединенном Королевстве они попросили, чтобы их вернули на корабль ледовой разведки «Эндьюранс». Возвратившись в Южную Атлантику через остров Вознесения, отряд Миллза занимался охраной пленного офицера аргентинских ВМС Альфредо И. Астиса, содержавшегося на танкере Королевского вспомогательного флота «Тайдспринг», и 25 мая снова прибыл на борт «Эндьюранса», находившегося тогда возле Грютвикена. — *Прим. ред.*]

* * *

Не будучи в силах сдержать собственную радость, Буэнос-Айрес начал вещать миру о возвращении Аргентиной Фолклендских островов, по крайней мере, за два часа до официальной капитуляции. Известие достигло Лондона в пятницу как раз утром, к моменту выхода новостных изданий. Поскольку связи с Порт-Стэнли установить не удалось, британское правительство не имело возможности проверить справедливость заявления Аргентины. Министерство иностранных дел в спешке запросило комитет

Фолклендских островов с просьбой передать им данные о радиолюбителях-коротковолновиках на островах, но было уже 4 часа пополудни по лондонскому времени, когда оператор в Уэльсе дал знать о подтверждении информации о вторжении с места.

Буэнос-Айрес охватил экстаз продолжительностью в сутки. Выступив утром по каналам вещания, Галтьери объявил: правительство «не имело альтернативы и должно было сделать то, что сделало». Он обещал оградить население островов от любой грубости и надеялся сохранить добрые взаимоотношения с Британией. В коммюнике сообщалось о назначении губернатором «Ислас-Мальвинас» (Мальвинских островов) пятидесятидвухлетнего командира 1-го армейского корпуса (из Буэнос-Айреса), генерала Марио Бенхамина Менендеса. [Бригадный генерал сухопутных войск Марио Бенхамин Менендес (род. 3.04.1930), который ранее командовал 1-м армейским корпусом, дислоцировавшимся в провинции Буэнос-Айрес, прибыл 7 апреля 1982 г. в Порт-Стэнли, переименованный аргентинцами в Пуэрто-Архентино, и вступил в должность военного губернатора Мальвинских островов, Южной Георгии и Южных Сандвичевых островов. С 26 апреля он возглавил Мальвинское объединенное командование, приняв, таким образом, начальство над всеми формированиями сухопутных войск, ВМС и ВВС Аргентины, развернутыми на Мальвинах. — *Прим. ред.*] На митинге перед президентским дворцом Каса-Росада Галтьери оповестил ликующие толпы о том, что «три командующих основывались лишь на чувствах аргентинского народа». Впервые лидер Аргентины говорил людям неприкрашенную правду. Авантюризм военных срабатывал, играя освященными веками магическими компонентами, и речь Галтьери прерывалась всплесками бурных эмоций участников разыгрывавшегося вокруг спектакля. Еще ни разу с эпохи Перона солдату не удавалось так явно выполнить волю народа. Тремя днями ранее полиция стреляла в гражданских лиц на той же самой Пласа-де-Майо. А теперь на площади стояли мужчины и женщины, глаза которых застилали слезы радости.

Между тем стоявший в Лондоне великолепный весенний денек никак не помогал Вестминстеру и Уайтхоллу оправиться от чувства парализующего шока. Чиновники и политики говорили, казалось, только шепотом, будто бы оплакивая кого-то безвременно ушедшего. Будущее неожиданно сделалось совершенно туманным. И слова эти особенно справедливы в отношении

группы лиц, побывавших прошлой ночью на встрече в кабинете миссис Тэтчер. Только вчера они участвовали в этаком командно-штабном учении — в дипломатическом балансировании на грани допустимого. Они говорили о сдерживании. Теперь же событие, которого они старались не допустить, сделалось свершившимся фактом. Перед ними ширилась бездна катастрофы. Хуже того, у них даже отсутствовали точные данные, основываясь на которых представлялось бы возможным принять соответствующее решение и дать надлежащий ответ. На всем протяжении утра пятницы высокопоставленные гражданские служащие Британии упорно продолжали не верить в состоявшееся полномасштабное вторжение. Не имея никаких контактов с Порт-Стэнли, они молились, чтобы сведения из Буэнос-Айреса оказались не более чем хвастовством. В результате, на протяжении восьми критически важных часов правительство не могло ни успокоить страну, ни начать действовать. Для ядерных стратегов данный случай стал классическим примером «выпадения в осадок» руководства — вполне ожидаемый результат неработоспособности структур и линий коммуникаций при внезапном начале войны (см. с. 416).

Первое заседание кабинета по чрезвычайным ситуациям после аргентинского вторжения пришлось на утро пятницы, 2 апреля, где присутствовали как Лич, так и исполняющий обязанности начальника штаба обороны сэр Майкл Битем. Собрание заслуживает названия жалкого и нерешительного. Лич отчитался о степени готовности флота и передвижениях сил Королевской морской пехоты. Он сообщил, что «Инвинсибл» сможет отправиться в поход к понедельнику. «Гермес» в спешном порядке выводили из ремонта. Но никакого твердого решения принять не представлялось возможным до получения кабинетом каких-то проверенных данных, помимо сведений, поступавших из Буэнос-Айреса. Оставалось лишь сидеть и ждать известий.

Затем Хамфри Аткинс, как старший из представителей Министерства иностранных дел в палате общин, сделал чрезвычайно сбивающее с толку заявление с кафедры. Он сказал, что его ведомство имело контакт с Хантом двумя часами ранее, и никто тогда не упоминал ни о каких вторжениях. В действительности связь с Хантом состоялась за четыре часа до того, совсем незадолго до вторжения. Хотя заявления, раздававшиеся из Буэнос-Айреса, были, несомненно, преждевременными, в сло-

ва Аткинса никто не поверил. В 2.30 пополудни положение усугубилось. Когда британское радио сообщило о толпах танцующих на улицах Буэнос-Айреса, а палата общин переполнилась взволнованными членами парламента, лидер палаты, Фрэнсис Пим, поднялся для очередного «пленарного заявления». Он мог дать лишь обещание о созыве сессии парламента по чрезвычайным ситуациям на следующий день, в субботу, «если обстановка на Фолклендских островах ухудшится». Кабинет полностью утратил взаимосвязь с событиями.

В 6 часов вечера лорд Каррингтон и Джон Нотт, по крайней мере, собрали пресс-конференцию для подтверждения факта вторжения. Оба выглядели шокированными и ошеломленными. Они объявили, что дипломатические взаимоотношения с Аргентиной находятся в процессе разрыва, а крупное оперативное соединение готово к выходу в море. (Как мы видели, 1-ю флотилию уже отправили.) Палате общин предстояло встретиться на следующий день для обсуждения положения и формирования мнения. Подобное заседание проводилось впервые со времен Суэцкого кризиса, и для членов парламента сей прецедент казался зловещим. Затем Кабинет немедленно приступил к работе в рамках второй в тот день сессии по чрезвычайным ситуациям.

Полный британский кабинет играл лишь незначительную роль в Фолклендской войне. Миссис Тэтчер как его председатель и ранее всегда считала данный орган трудно поддающимся управлению. В нем по-прежнему доминировали фигуры либеральной традиции тори — Каррингтон, Уайтлоу, Фрэнсис Пим и Джеймс Прайор. Они и им подобные никогда не обещали ей истинной сплоченности и коллективной лояльности делу, которому она служила. В результате премьер во все большей степени принимала ключевые решения на заседаниях подкомитетов и по итогам двусторонних встреч, из участия в каковых представлялось возможным исключить оппонентов. Тактику эту Тэтчер, вполне вероятно, позаимствовала у одного из предшественников, сэра Харолда Уилсона. Как бы там ни было, во втором пятничном заседании миссис Тэтчер понимала вынужденную необходимость заручиться поддержкой полного кабинета в деле, ставшем очевидно крупнейшим кризисом в трехлетней истории ее правительства.

Главы видов вооруженных сил даже и не пытались скрывать огромные трудности в деле тылового обеспечения при посылке

оперативного соединения в Южную Атлантику. Прежде всего, требовалось собрать необходимое количество боевых кораблей, оснащенных системами ПВО, самолетов «Си Харриер» и кораблей поддержки, то есть танкеров, снабженческих и госпитальных судов. А ударная группа морского десанта, как же без нее? Придется полагаться на реквизиции гражданских судов, изымая их из торгово-коммерческих операций (имеются в виду суда, реквизированные из торгового флота, или коротко СРИТФ). Адмирал Лич всячески спешил отправить первую группу к понедельнику, очень опасаясь политического давления и оттягивания операции из-за не окончательно проясненных моментов дипломатии. Однако ранний выход в море судов в свою очередь требовал крупного воздушного моста с перевалочным пунктом на острове Вознесения, каковой момент создавал огромные сложности для Королевских военно-воздушных сил.

Помимо энтузиазма Лича, выводы кабинета предрешили три фактора. Первое, это сама по себе кинетическая энергия уже предпринятых действий. Отправка субмарин в понедельник, объявление состояния повышенной боевой готовности на флоте в среду, продолжение в четверг — все эти шаги, как представлялось, выглядели вполне разумными мерами перед лицом аргентинской угрозы. Однако одно дело блеф — другое дело, когда карты раскрыты. Южная Атлантика виделась чужим местом — очень и очень враждебным. И все же миссис Тэтчер и ее коллеги едва ли могли позволить себе сказать военным: стоп, мы все отменяем. Почему? Да потому что вторжение, противодействовать которому они собирались, произошло.

Второй фактор состоял в следующем: даже при наличии подтверждений вторжения, просто отправка кораблей виделась чем-то на миллионы лет отдаленным от необходимости вести тотальные военные действия. Миссис Тэтчер обходила стол в кабинете и методично по порядку отмечала мнение каждого из присутствующих. Один за другим они подтверждали высказанное ранее, но оставался еще Джон Нотт с главной своей заботой: не следует посылать флот, если Британия не уверена, а не отзовет ли она его посередине операции. И все же, как Министерство иностранных дел никогда воистину не верило в одержимость аргентинцев идеей непременного овладения Фолклендскими островами, пусть даже и за счет нападения, так и британский кабинет не мог представить себе, что те не дрогнут перед угрозой жестоко-

го возмездия. Решили заморозить аргентинские вклады в Британии, приостановить выдачу экспортных кредитов, наложить запрет на импорт. Обратиться к США и ЕЭС с призывом присоединиться к этим мерам. Мобилизовать ООН. На фоне таких шагов оперативное соединение представляло собой не более чем некий жест в поддержку решимости Британии. Все из проинтервьюированных при сборе материалов для написания данной книги дружно сошлись на том, что 2 апреля никто из министров кабинета ни на минуту не верил, будто результатом их решения станет открытая война.

Важнейшим моментом, однако, выступал третий фактор. Правительство, откровенно говоря, просто не могло выйти назавтра к парламенту без заявления об отправке оперативного соединения. Если воспользоваться радикальным заключением Уильяма Уайтлоу, «правительству пришлось бы подать в отставку». Уайтлоу давно считался этаким мудрым воплощением согласия в партии, пусть даже нередко казалось, будто лично он по большей части не в ладу с ней. В накаленной пятничной атмосфере мнение его выглядело неоспоримым. В клубах и салонах повсюду в Лондоне члены парламента тори ожидали субботних дебатов, точно взрыва бомбы с неумолимо бегущим к запалу по бикфордову шнуру шипящим огоньком. На флоте объявили тревогу. Отменить ее? Нет — этого не мог снести политический организм из плоти и крови. Оперативное соединение Королевских ВМС являло собой инструмент стратегической игры, но оно же, бесспорно, выступало и политическим императивом. Лишь один министр — глава ведомства торговли, Джон Биффен, — по понятным причинам разошелся во мнении с остальными, каковой момент коллеги отнесли к его мрачной эксцентричности. Мы вернемся к данному вопросу в наших заключениях.

* * *

Для некоторых дебаты в палате общин в субботу, 3 апреля, представляли собой этакий образец британской демократии. Палата почти в полном составе высказалась единым голосом в отношении общего для всей нации позора, причем тон сказанного не позволял какому бы то ни было правительству просто отмахнуться от такого заявления. И все же для других обсуждения представляли собой скорее угнетающую тасовку всех старых негативных момен-

тов, которые на протяжении многих лет мешали сколь либо вразумительному решению спора по Фолклендским островам.

В начале своего выступления миссис Тэтчер сделала максимум возможного в сложившейся ситуации. С очевидной усталостью произнося слова речи, носившей следы, как видно, не одной руки, — в основном Министерства иностранных дел, — она указала: «Было бы полнейшим абсурдом посылать в поход флот всякий раз, когда из Буэнос-Айреса доносились воинственные заявления». В отношении идеи содержания постоянного контингента как сдерживающего средства в районе боевого патрулирования последовал ответ: «Затраты оказались бы огромными... ни одно правительство не пошло бы на это». С трудом шагая по каменистой ничейной земле между вчерашней несостоятельностью и завтрашними мерами по исправлению ее последствий, премьер-министр произнесла лишь следующее: «Крупное оперативное соединение отправится в море, как только закончатся последние приготовления».

Когда она села, ревущая волна презрения прокатилась по скамьям вокруг. Она стала кульминацией дюжин таких вот «часов вопросов» по теме Фолклендских островов за последнее десятилетие — демонстрацией недоверия не только к Министерству иностранных дел, но и к исполнительной власти вообще. Те, кому не досталось поста и должности, могли, наконец, выплеснуть накопившуюся желчь мести на власть предержащих. Казалось, будто члены парламента упиваются ощущением собственной правоты в их надутой и напыщенной риторике.

Учитывая решение Кабинета об отправке оперативного соединения, парламентариям едва ли оставлялась возможность добавить нечто существенное. Лидер оппозиции, Майкл Фут, некогда с гордостью провозгласивший себя «рьяным сторонником мира», громче всех вопил о необходимости прибегать «не к словам, но делам», будто бы соревнуясь в этом с самими завзятыми правыми. Мало кто нашел в себе смелость усомниться в военной целесообразности отправки оперативного соединения, за исключением рискнувшего на вмешательство экс-дипломата из стана консерваторов, Рэя Уитни, тут же обвиненного в пораженчестве. Никто не отважился обсуждать вопрос долгосрочных последствий военного ответа. Как в Буэнос-Айресе, так и в Лондоне, похоже, наступил момент эмоциональных выкриков, а не разумных рассуждений холодных голов.

Никогда прежде отсутствие министра иностранных дел в палате общин не воспринималось так болезненно. Пусть Каррингтон занимался представлением тщательно продуманной апологии действий правительства перед досточтимой аудиторией в палате лордов, в нижней палате последний натиск разбушевавшейся грозы пришлось выдержать Джону Нотту. Его речь, каковая, как признавал он позднее, «могла быть единственно катастрофой», в плане содержания встретила лишь презрение. Сколько бы воинственности ни звучало из уст правительства, ничего не помогало потушить пожар эмоций, охвативший присутствующих. Призыв министра к поддержке поднимавших паруса вооруженных сил собравшиеся отмели, словно метлой, ревом негодования и выкриками «в отставку!». Парламентарии вышли из палаты общин, поглядывая на залитую солнцем Парламентскую площадь, каковую нашли заполненной толпами туристов, пришедших посмотреть на диковинный спектакль — как раненый британский лев будет посылать на войну свой флот.

И все-таки палата общин не раздавила правительства целиком. Днем раньше Ричард Люс сделал лорду Каррингтону предложение о своей отставке как заместителя министра, ответственного за данный вопрос. Каррингтон выразил решительное несогласие, поскольку он, как министр иностранных дел, считал себя виноватым никак не меньше. Он предложил им обоим пройти кризис до конца и назначил Люса координатором разворачивавшегося тогда дипломатического наступления. События субботы заставили Каррингтона изменить мнение. Дебаты в палате общин, нападки на его ведомство депутатов с задних скамьей в ходе последующего совещания наверху и отсутствие, как у пэра, возможности лично отвечать перед палатой общин с кафедры — все это нагоняло на него мрачное настроение. Он признался миссис Тэтчер, что чувствует себя вынужденным, в конце концов, покинуть пост.

Миссис Тэтчер до того публично выступила против предложения отправить в отставку Нотта на основании того, что его ведомство ни в коем случае не несет ответственности за случившееся — довод, никак не повышавший моральный дух Министерства иностранных дел. К тому же Нотт был крайне необходим там, где находился. Возможно, вина Каррингтона и заслуживала его устранения с должности, но он был еще нужнее на своем месте. Как ни неловко чувствовала себя миссис Тэтчер, сейчас она полагалась на его совет и поддержку. К тому же она знала, если

дело действительно дойдет до дележа ответственности по ряду решений, принятых в отношении Фолклендских островов, она рискует оказаться ничуть не менее уязвимой, чем он. Премьер попросила Каррингтона остаться. Он обещал крепко подумать. В субботу, 4-го, несмотря на множество срочных дел, премьер-министру пришлось развернуть крупную операцию по спасению собственного министра иностранных дел. Чтобы успокоить чувствительность Каррингтона по поводу критики с задних скамей, миссис Тэтчер вызвала главного парламентского партийного организатора, Майкла Джоплинга. Уайтлоу потратил часы на уговоры. К участию в предприятии привлекли даже двух бывших премьер-министров, лорда Хоума и Харолда Макмиллана.

Все без толку. Как пэр, Каррингтон, несомненно, обладал более тонкой политической кожей, чем те, кому приходилось добиваться должностей в бурных водоворотах выборов. Он рухнул под дальнейшими нападками прессы на него и его ведомство в воскресенье и понедельник. Редакционная статья в понедельничной «Таймс», где ему рекомендовали «выполнить свой долг», раздражала в особенности. Делали определенное дело и другие факторы. Негодование Каррингтона по поводу враждебной позиции «заднескамеечников» из стана консерваторов в отношении Министерства иностранных дел имело уходящие глубоко давнишние корни. Он возражал на постоянные попытки миссис Тэтчер снизить значение упреков рядовых коллег по партии наличием естественного свойства депутатов выступать против сформированного его ведомством мнения. Если сказать в двух словах, Каррингтон был по горло сыт всем этим. Фолклендские острова стали последней каплей. В понедельник он известил миссис Тэтчер о твердом намерении уйти.

Хамфри Аткинс тоже попросил отставки, несмотря на непричастность к политике в части Фолклендских островов. Ушел и Люс, сделав этакий жест-пародию на принципы министерской ответственности. На всем протяжении долгих трех месяцев военный кабинет не испросил совета ни одного из этих министров, хотя в случае Люса представлялась возможность выслушать авторитетное мнение лица, знавшего аргентинских переговорщиков.

Пост министра иностранных дел достался единственному подходящему кандидату, назначение которого не подразумевало крупной кадровой перетасовки: лидеру палаты общин Фрэнсису Пиму. Миссис Тэтчер пришлось примириться с таким назначени-

ем. В 1981 г. Пима уже пришлось отстранять от работы в Министерстве обороны за совершенную, по мнению премьера, бесхребетность в вопросе контроля над военными расходами, а также за явный недостаток напора во взаимоотношениях с чиновниками ведомства. Он совершенно точно не принадлежал к «ближнему кругу», хотя и имел всегда неопределенную точку зрения, а интуитивные политические умонастроения Пима превратили его в мишень для партийных противников миссис Тэтчер в Вестминстере. Несмотря на внешность, — Пим чем-то смахивал на старомодного семейного адвоката, — он являлся вполне признаваемой многими кандидатурой в преемники действующего премьера, а потому неизбежным претендентом на руководящее кресло, если дела с операцией на Фолклендских островах обернутся скверным образом. Выдвижение Пима было той самой дорогой ценой, которую приходилось выкладывать миссис Тэтчер за фиаско с Фолклендами. И в предстоящие недели она почувствовала, как много заплатила.

Премьер-министр провела, по крайней мере, часть выходных за подготовкой и раздачей правительственных распоряжений. История спора по Фолклендским островам демонстрировала слабость в британских правительственных механизмах, но в отношении отправки оперативного соединения они показали себя с сильной стороны. Решение прокатилось по Уайтхоллу как удар током, особенно с учетом жесткой недвусмысленности целей, заявленных миссис Тэтчер 3 апреля: «видеть острова возвращенными под британское правление». Машина секретариата кабинета министров отличалась неповоротливостью, что уже само по себе парализовало нормальную работу коммуникационных артерий Уайтхолла.

С подачи Харолда Макмиллана и при содействии секретаря кабинета, сэра Роберта Армстронга, миссис Тэтчер сочла конфликт не стоящим применения всего чрезвычайного механизма военного времени, отдав предпочтение небольшой направляющей группе министров. Этаким старомодным решением сэра Роберта стало создание подкомитета в комитете по ВиО, окрещенного ВиОЮА (по внешнеполитическим и оборонным вопросам в Южной Атлантике). Орган быстро приобрел прозвание военного кабинета, но, хотя аббревиатура ВиОЮА появлялась в документах на всем протяжении его существования, должностные лица в обиходе называли его «Воюя».

Первые члены комитета являлись и первыми лицами в государстве. В него входили премьер-министр; ее заместитель, министр внутренних дел Уильям Уайтлоу; министр иностранных дел Фрэнсис Пим; министр обороны Джон Нотт. Официально в команде состоял начальник штаба обороны, сэр Теренс Левин, которого в конечном счете вызвали из Новой Зеландии и утром в понедельник на транспортном самолете VC10 КВВС доставили в Лондон; новый постоянный заместитель министра в Министерстве иностранных дел сэр Энтони Акленд; сэр Роберт Армстронг; и глава отдела по внешнеполитическим и оборонным связям секретариата кабинета министров Роберт Уэйд-Грей. Миссис Тэтчер привлекала к работе уходящего главу дипломатической службы сэра Майкла Паллисера, дабы тот взял на себя руководство «вопросами коммуникации группы» с секретариатом кабинета министров. Задача его состояла в доведении до сведения прочих министров и глав учреждений «необходимой информации» о происходящем. Паллисеру также поручалось готовить для военного кабинета документы по не самым насущным вопросам, в основном, по общим моментам темы Фолклендских островов.

Более противоречивым добавлением к военному кабинету в первую неделю его работы стал председатель партии консерваторов Сесил Паркинсон. Миссис Тэтчер выдернула его из заместителей министра годом раньше, чтобы заменить становившегося во все большей степени своевольным лорда Торникрофта. Как считали большинство коллег, для прежде мало известного пятидесятилетнего парламентария такое повышение было довольно значительным, если не сказать излишним. Заявленная цель его дальнейшего продвижения заключалась в поддержании связей с другими членами правительства и партии — то есть в выполнении функции, с каковой, по мнению многих, вполне справился бы Уильям Уайтлоу. Истинная причина появления Паркинсона имела более, если так можно сказать, макиавеллиевские черты. Джон Нотт, ранее работавший с Паркинсоном в торговом ведомстве, уже на ранней стадии ощущал грядущую потребность в поддержке против команды Министерства иностранных дел, где, как он предполагал, Пим скоро образует альянс с Уайтлоу. Вдобавок к этому взаимоотношения Нотта с миссис Тэтчер совсем недавно носили несколько напряженный характер. Нотт считал в перспективе бесценной поддержку некоего лица, знавшего всю сложность его мыслительных процессов и в то же самое время

пользовавшегося доверием премьер-министра. Тэтчер одобрила его просьбу о введении в кабинет Паркинсона на основании прямолинейного довода — «куда голова, туда и хвост».

В дополнение к этим постоянным членам предполагалось привлекать к работе в кабинете других министров и чиновников по мере надобности. Таким образом, Джон Биффен, оставаясь министром торговли, участвовал в решениях относительно санкций и реквизиции кораблей, что потребовало срочной поездки в Виндзор в первое воскресенье, дабы положить на подпись королеве необходимые распоряжения. (Биффен заменил Пима как лидер нижней палаты.) К генеральному прокурору, сэру Майклу Хейверсу, зачастую обращались за консультациями в отношении правил применения силы и по поводу юридической терминологии различных вариантов урегулирования. Начальники штабов вызывались на заседания, когда требовалось их присутствие, и регулярно приглашались на сессии по выходным в Чекерсе [Чекерс — летняя резиденция британского премьер-министра. — *Прим. ред.*], где могли общаться с политиками в менее формальной обстановке. Заметную роль приходилось играть и юрисконсульту Министерства иностранных дел, сэру Йэну Синклеру.

Вот в таком виде и состоянии Уайтхолл приближался к войне. Большинство из главных фигур игры оказывались вовлеченными в такой большой кризис впервые. Но они хорошо знали, сколь полной катастрофой закончилось последнее участие Британии в аналогичных по размаху военных действиях — Суэц. И зловещая тень Суэцкого конфликта нависала над ними, оказывая влияние на все помыслы и шаги. По признанию Уайтлоу, он вздрагивал всякий раз, когда думал об Идене [хотя совместная британско-французская военная операция «Мушкетер» (она же «операция 700»), начатая 31 октября 1956 г. с целью взятия под контроль Суэцкого канала, ранее национализированного египетским правительством Гамаля Абделя Насера, разворачивалась вполне успешно, Великобритания и Франция, подвергшиеся сильному давлению со стороны СССР и США, были вынуждены 7 ноября прекратить боевые действия и к 22 декабря вывести свои войска из Египта; одним из результатов этого внешнеполитического провала стала отставка британского премьер-министра сэра Энтони Идена (10 января 1957 г.). — *Прим. ред.*].

*

Если политики вступали в месяц апрель с дрожью в коленях, подобного никак не скажешь о моряках и солдатах, которым предстояло сформировать военно-морское оперативное соединение. Настроения их с момента начала недели вторжения, когда Сэнди Вудвард получил указания подготовить к действиям свою боевую группу, следует охарактеризовать как осторожное ожидание. Когда же пришли новости об аргентинской агрессии, его сменило открытое воодушевление, передавшееся от военнослужащих 1-й флотилии посреди Атлантического океана командованию флота в Нортвуде, морским пехотинцам, бойцам САС и СБС [САС (англ. SAS) — Спешиэл Эйр Сервис (Special Air Service, Специальная воздушная служба); СБС (англ. SBS) — Спешиэл Боут Скуодрон (Special Boat Squadron, Специальный лодочный эскадрон); последнее название это формирование британского военно-морского спецназа носило с 1977 до 1987 г., ранее, в 1940–1977 гг., его именовали Спешиэл Боут Секшн (Special Boat Section, Специальная лодочная секция), а с 1987 г. до настоящего времени оно называется Спешиэл Боут Сервис (Special Boat Service, Специальная лодочная служба). — *Прим. ред.*], которым предстояло войти в состав штурмовых формирований, и далее — на палубы авианосцев, судов сопровождения и к личному составу судостроительных и ремонтных верфей. Годы скучной рутины неожиданно закончились — все потраченные усилия обрели вдруг реальный смысл и значение.

В самом начале встал вопрос командования. Оперативное соединение совершенно очевидно предстояло возглавить 1-й флотилии — эсминцам и фрегатам. 1-я флотилия уже находилась в море под началом пятидесятилетнего контр-адмирала Вудварда. В процессе разговора с Вудвардом в понедельник ночью Филдхауз поинтересовался, как тот посмотрит на назначение командующим всем соединением более старшего, трехзвездного адмирала [в британских Королевских ВМС вице-адмирал носит на погонах по три серебряных восьмиконечных звездочки, а контр-адмирал, стоящий на одну ступень ниже, — по две. — *Прим. ред.*]. Вудвард, естественно, ответил, что подчинится решению Филдхауза.

Традиционно принято считать, будто Королевские ВМС управляются сменяющими друг друга цепочками этакого флот-

ского братства: сначала бывшими командирами эсминцев, затем офицерами морской авиации. В 1982 г., судя по всему, во флоте господствовали подводники. К ним относились и Филдхауз с Вудвардом [Джон Филдхауз служил офицером в британском подводном флоте с 1947 г., командовал в 1956–1966 гг. различными субмаринами (в том числе первым в Королевских ВМС подводным атомным ракетоносцем «Дредноут») и в 1967–1970 гг. возглавлял 10-ю эскадру подводных лодок; «Сэнди» Вудвард служил на подлодках с 1954 г., командовал в 1960-х дизельными торпедными субмаринами «Тайрлесс» и «Грампус», а в 1969–1974 гг. занимал должность командира атомной ракетной подводной лодки «Уорспайт». — *Прим. ред.*]. Некоторые офицеры ожидали видеть во главе оперативного соединения другого адмирала — более опытного в вопросах применения надводных кораблей и высадок морских десантов. Упоминались имена Дерека Реффела (3-я флотилия) и сэра Джона Кокса — эксперта в области действий авианосцев. Филдхауз же выбрал Вудварда. Ни Лич, ни Левин не возражали.

Политики первоначально выражали озабоченность такой кандидатурой. Военный кабинет никогда не встречался с Вудвардом. Нотт спросил взволнованно: «Кто он? Бывал на войне?» Министр обороны, похоже, предпочел бы иметь командующим более опытного адмирала. Однако Вудвард возглавлял формирования, уже находившиеся в море, к тому же руководство ВМС испытывало совершенную уверенность в нем. Кроме того, хотя британской публике Сэнди Вудвард представлялся единственным хранителем судеб оперативного соединения, в реальности последнее слово в деле принятия решений совершенно четко принадлежало Филдхаузу в Нортвуде.

Перед Филдхаузом стояли, ожидая решения, огромные задачи. Даже если Королевским ВМС предстояло не более чем устроить крупную демонстрацию в Южной Атлантике, сложности применения и обеспечения действий флота на конце 8000-мильной (15000-километровой) линии коммуникаций с полным на то правом могли называться гигантскими. Больше того, любому оперативному соединению не обойтись без прикрытия с воздуха. Единственными авианосцами на балансе Британии оставались «Инвинсибл» и «Гермес». Первый был слишком маленьким, а второй — слишком старым, и каждый мог нести лишь часть летательных аппаратов группы полнокровного

тяжелого авианосца. Даже если по полной программе загрузить их только одними годными для выполнения задач в морской авиации самолетами «Си Харриер», кораблям Вудварда будет обеспечен лишь крайний минимум достойной поддержки с воздуха в ходе действий в Южной Атлантике. Соединению понадобится и зенитная артиллерия для отражения налетов противника. В учениях «Спрингтрейн» принимали участие три вполне современных корабля УРО (управляемого ракетного оружия), главной задачей которых являлась противовоздушная оборона, — эскадренные миноносцы типа 42 «Ковентри», «Глазго» и «Шеффилд», оснащенные пусковыми установками зенитных управляемых ракет (ЗУР) среднего радиуса действия «Си Дарт» [зенитный ракетный комплекс «Си Дарт» (GWS 30 Sea Dart, в переводе с английского — «Морской дротик»), принятый на вооружение Королевских ВМС Великобритании в 1973 г., мог пускать управляемые ракеты на дальность 74 км (46 миль, или около 40 морских миль) и поражать ими воздушные цели на высоте от 30 до 18 300 м; имея длину 4,36 м, диаметр 0,42 м и размах крыльев 0,91 м, каждая ракета «Си Дарт» весила 550 кг. — *Прим. ред.*]. Для нужд ПВО на малых дистанциях имелось только три корабля с современными ракетами — фрегаты типа 22 с установленными на них зенитными ракетными комплексами «Си Вулф», хотя эти корабли конструировались, главным образом, как противолодочные [британский ЗРК «Си Вулф» (Sea Wolf, «Морской волк») в версии GWS 25 (с пусковой установкой контейнерного типа), принятой на вооружение в 1979 г., имел дальность действия 6,4 км (7000 ярдов) и был способен перехватывать воздушные цели на высоте от 5 до 3000 м; при длине 2 м, диаметре 0,18 м и размахе крыльев 0,56 м ракета «Си Вулф» весила 82 кг, из которых 14 кг составляла масса боеголовки. — *Прим. ред.*]. Один из ракетных фрегатов типа 22, «Бэттлэкс», не подлежал отправке на юг, поскольку у него возникли неполадки в машинном отделении. Однако два других фрегата УРО, «Бродсуорд» и «Бриллиант», как становилось самоочевидным, обладали возможностью послужить ключевыми средствами ПВО для оперативного соединения. Помимо вышеназванных кораблей, командующий получал все имеющиеся в распоряжении фрегаты и эсминцы. В условиях зимы в Южной Атлантике ожидался внушительный износ и выходы из строя кораблей даже и без неизбежных боевых потерь.

Даже и при сборе существенного числа кораблей возникали сомнения в степени их пригодности к ведению конвенциональной войны с противником. На протяжении более чем трех десятилетий, когда мировое значение и ответственность Британии, а также бюджет ВМС сократились, уменьшилась и разносторонность флота. Королевские ВМС в 1982 г. являли собой решительным образом противолодочный флот, предназначенный воевать в Атлантическом океане с Советским Союзом. И все же военно-морские силы Британии поднимали первую перчатку, брошенную им на протяжении жизни текущего поколения. Грозный вызов флоту означал и благоприятную возможность продемонстрировать его способности. Если у высших офицеров его и имелись какие-то опасения по поводу отправки в плавание оперативного соединения, они держали их при себе.

На заре дня 2 апреля, прежде чем аргентинцы полностью завершили процесс завоевания Фолклендских островов, Вудвард получил указания из Нортвуда «сосредоточить» свою оперативную группу и приступить к продвижению к острову Вознесения. Корабли, принимавшие до того участие в учениях «Спрингтрейн», разделились на две части: первые отправлялись вместе с Вудвардом, а вторые, по причинам ли механического состояния или из-за непригодности к действиям в Южной Атлантике, возвращались в Британию. После разделения корабли из групп северного и южного назначения сошлись бортами попарно и приступили к операции «перебазирования», продолжавшейся около двенадцати часов. Корабли северного назначения отдавали «южным» каждый лишний фунт продуктов, боеприпасы и запчасти. Команды судов, ложившихся на южный курс, избавлялись от учебных боеприпасов и прощались с теми, кто убывал по личным обстоятельствам, — на свадьбу или на похороны. Эсминец УРО «Ковентри», например, потерял, таким образом, целых пять человек. Направлявшийся домой фрегат «Орора» [HMS Aurora (в переводе — «Аврора»). — *Прим. пер.*] послал на замену пять добровольцев из своей команды. Многие из уходивших в поход просили возвращавшихся товарищей позвонить от их имени женам и родителям. Некоторые передавали тексты телеграмм для отправки домой.

Среди моряков не царило такое повальное стремление подраться, как у морских пехотинцев и парашютистов. Многие до того пробыли в море не одну неделю, а в некоторых случаях —

как, например, команда «Шеффилда» — и не один месяц. Они надеялись вернуться к себе к Пасхе. Все история британской внешней политики с момента Суэцкого кризиса говорила о том, что после длительного периода возмущений, колебаний и трескотни вопрос с Фолклендскими островами найдет дипломатическое разрешение. Даже те, кто горел желанием поучаствовать в большом деле, и то мало верили в удачу. «Сегодня нам сообщили, что мы отправляемся на Фолкленды задать трепку аргентинцам», — писал родителям капитан-лейтенант Дэйвид Тинкер, секретарь командира ракетного эсминца «Гламорган». — «Дело напоминает 1914 г. Теперь Королевские ВМС тоже идут в далекий путь защищать колонии (или лучше представить себе Суэц?). Конечно же, все это может лопнуть мыльным пузырем через неделю, но холодок настоящей конфронтации, не такой, как с ядерной бомбой в северном мире, в ходе «колониальный войны» довольно-таки здорово щекочет нервы — совсем не то, что скучные учения и возня с бумагами. Капитан, конечно же, доволен — у него есть шанс закончить карьеру в сиянии славы»[1]. Командир Тинкера, кэптен Майк Бэрроу, поступил на службу в ВМС в один день с адмиралом Вудвардом и через несколько месяцев готовился уйти в отставку.

* * *

Генерал-майор Королевской морской пехоты Джереми Мур проспал всего два часа, когда в 3 часа пополуночи 2 апреля его разбудил телефонный звонок. Один из сотрудников штаба уведомил Мура о развертывании аргентинцами вооруженного вторжения на Фолклендские острова. Как многие десятки людей, поднятых с постели той ночью по тому же поводу, Мур поначалу ни во что не поверил. Он даже попросил подтвердить, не есть ли это запоздалый первоапрельский розыгрыш. Затем, как и бригадир Джулиан Томпсон, Мур оделся и поехал в ставку в Хэмоузи-Хаус вблизи Плимута, высоко на горе, господствующей над всем устьем реки. Уже было решено отправить в Южную Атлантику британский контингент сухопутных сил. После расформирования в 1974 г.

[1] Это и другие цитируемые письма капитан-лейтенанта Тинкера позаимствованы из A Message from the Falklands: The Collected Letters and Poems of Lieutenant David Tinker, опубликованных в 1982 г. издательством Junction Books («Письмо с Фолклендских островов: сборник писем и стихов лейтенанта Дэйвида Тинкера».)

16-й парашютной бригады, 3-я бригада коммандос КМП осталась в Британии единственным должным образом обученным, подготовленным общевойсковым соединением, способным к участию в немедленной морской десантной операции. Как становилось очевидным в любом случае, готовящейся экспедиции предстояло стать практически полностью предприятием Королевских ВМС, а флот, конечно, пожелает видеть морских пехотинцев во главе войск при высадке в районе назначения. Находившегося в гостиничном номере в Дании бригад-майора (начальника штаба) Джулиана Томпсона, Джона Честера, позвали к телефону и в беседе приказали собрать целиком весь штаб, занятый на рекогносцировке для учений НАТО, и тотчас же отправить его на базу. Весь день офицеры струйкой текли в Хитроу, для чего пришлось закупить все свободные места на нескольких рейсах авиакомпании «Бритиш Эруэйз» из Копенгагена.

Другие военнослужащие переживали схожие ситуации. Например, командира десантно-вертолетного корабля-дока «Фирлесс», кэптена Джереми Ларкена, застигли у него дома в Гэмпшире, разбудили и таинственно сообщили, что его судно и некоторые другие «внесены в списки для первоочередного получения припасов». [Упомянутый выше Эдмунд Шэклтон Джереми Ларкен (род. 14.01.1939) служил в британских Королевских ВМС с 1957 г., командовал дизельной торпедной субмариной «Осирис» (1969–1970), эсминцем УРО «Гламорган» (1975), атомной ракетной подлодкой «Вэлиант» (1976–1977), 3-й эскадрой подводных лодок (1979–1981) и десантно-вертолетным кораблем-доком «Фирлесс» (1981–1983). Контр-адмирал с 1988 г. — *Прим. ред.*]

Подполковника Ника Вокса, командира 42-го отряда коммандос, утром в пятницу попросили сесть в штабной автомобиль, который, как думал Вокс, доставит его в аэропорт для полета в Америку. [Николас («Ник») Фрэнсис Вокс, родившийся в 1936 г., служил в Королевской морской пехоте с 1954 г. Как второй лейтенант 45-го отряда коммандос КМП, участвовал в 1956 г. в Суэцком вооруженном конфликте. В 1970-х годах, состоя в должности заместителя командира 42-го отряда коммандос, нес службу в Северной Ирландии. С 1981 до 1983 г. командовал в звании подполковника 42-м отрядом коммандос и в 1982 г. сражался на Фолклендах, где его часть отличилась в бою за гору Харриет. Написал о тех событиях книгу, вышедшую в 1986 г. под заглави-

ем Take that Hill: Royal Marines in the Falklands War («Взять этот холм: Королевские морские пехотинцы в Фолклендской войне»). С 1987 г. — генерал-майор, командующий силами коммандос КМП. Вышел в отставку в 1990 г. — *Прим. ред.*] Но, как узнал подполковник, везли его в собственный штаб, откуда ему предстояло немедленно начать созывать подчиненных из отпусков и увольнительных всеми имеющимися в распоряжении средствами [казармы, служившие местом постоянной дислокации 42-го отряда коммандос, находились недалеко от Плимута, в Бикли (Bickleigh, графство Девоншир), куда в марте 1982 г. отряд вернулся из Норвегии после ежегодных арктических учений. — *Прим. ред.*]. У Вокса сходный опыт уже имелся. В бытность свою младшим офицером он участвовал в высадке Королевской морской пехоты в районе Суэцкого канала [во время Суэцкого кризиса 1956 г. британская 3-я бригада коммандос КМП под командой бригадира Реджиналда Мэдока была задействована в операции «Мушкетер» и 6 ноября сражалась с египетскими войсками в Порт-Саиде (два отряда коммандос, 40-й и 42-й, высадились вблизи этого города с моря, а 45-й отряд, в котором тогда служил вторым лейтенантом Ник Вокс, — с вертолетов). — *Прим. ред.*].

В Херефорде, на базе 22-го полка САС, главной части войск специального назначения в британской армии, подполковник Майкл Роуз приказал привести в полную боевую готовность один эскадрон сразу после того, как услышал по новостям Би-би-си о вторжении и о тревоге у Королевской морской пехоты. [Хью Майкл («Майк») Роуз, родившийся 5.01.1940 в Кветте (Британская Индия), учился в Оксфорде и Сорбонне, после чего в 1964 г. поступил на британскую военную службу и был зачислен офицером в Колдстримский гвардейский полк. Состоял в 1973–1975 гг. бригад-майором 16-й парашютной бригады. С 1979 до 1983 г. командовал, в звании подполковника, 22-м полком Специальной воздушной службы и за этот период руководил осадой иранского посольства в Лондоне в 1980 г., а также действиями сил специального назначения в ходе Фолклендской войны 1982 г. Дослужившись до бригадира, последовательно занимал должности командира 39-й пехотной бригады (1983–1985), коменданта Пехотного училища (1985–1988) и директора Специальных сил (1988–1989). Произведенный в генерал-майоры, командовал в 1989–1991 гг. Северо-Восточным округом и 2-й пехотной дивизией (со штабом в Йорке), затем до 1993 г. управлял в качестве

коменданта Штабным колледжем в Кэмберли. Как генерал-лейтенант, был командующим полевой армией Соединенного Королевства и генерал-инспектором территориальной армии в 1993–1994 гг. и возглавлял в 1994–1995 гг. Силы Организации Объединенных Наций по охране (United Nations Protection Force, сокращенно UNPROFOR) в Боснии-Герцеговине. Повышенный в 1995 г. до звания полного генерала, получил тогда же должности генерал-адъютанта вооруженных сил (Adjudant-General to the Force) и адъютанта королевы (Aide-de-Camp to The Queen). Вышел в отставку в 1997 г. — *Прим. ред.*] Затем Роуз позвонил Джулиану Томпсону и выразил мнение, что, если намечается операция в Южной Атлантике, разумно ожидать возникновения потребности в каких-то силах САС.

Нельзя никак обойти вниманием одну из наиболее примечательных фигур, вызванных на службу сразу же. Майора Юэна Саутби-Тейлура выдернули из квартиры в Лондоне, где он находился после ужина в клубе знакомств. Саутби-Тейлур был неукротимым романтиком, всегда оставлявшим профессиональные амбиции позади личного служения долгу. Со своими светлыми волосами, напоминавшими зыбь посреди Атлантического океана, заразительным обаянием и восторженностью он превратился в типичную знаменитость в рядах военнослужащих Королевской морской пехоты. Сын командующего корпусом КМП, Саутби-Тейлур получил офицерское звание в 1960 г. после окончания мореходного училища в Пэнгборне и университета в Гренобле [отцом майора (впоследствии подполковника) Саймона Юэна Саутби-Тейлура был генерал сэр Норман Хейстингз Саутби-Тейлур (1914–1979), занимаваший с 1965 до 1968 г. должность генерал-коменданта Королевской морской пехоты (в 1956–1957 гг. он командовал, как подполковник, 45-м отрядом коммандос и участвовал в Суэцком конфликте). — *Прим. ред.*]. Он не без гордости хвастался, что на протяжении следующих двадцати двух лет лишь два года просидел в кабинете. Едва ли это обстоятельство увеличило его шансы на повышение, но так или иначе он объехал чуть ли не полмира. Саутби-Тейлур стал превосходным рулевым и яхтсменом, научился говорить и писать на арабском, рисовать акварелью морских птиц, он забирался в дикие уголки Аравии и, мало того, побывал на Фолклендских островах.

В 1978 г. Саутби-Тейлур командовал дислоцированным там подразделением морской пехоты [речь идет о Военно-мор-

ской партии 8901. — *Прим. ред.*]. Он полюбил те места и — что уже совсем невероятно — живших там людей. В ходе срока своей командировки офицер этот большую часть времени провел в море, повидав каждый ручеек и каждое селение вдоль побережья. Он мог похвастаться, что знает Фолкленды лучше всех на свете, и написал по ним штурманское пособие для распространения среди ограниченного круга лиц. Саутби-Тейлур горел ожиданием возвращения. 2 апреля он отдыхал после работы — офицер подразделения десантных катеров морской пехоты, Саутби-Тейлур посещал курс изучения Среднего Востока в Лондонском университете. По срочному приказу из бригады он на штабном автомобиле помчался в Хэмоузи-Хаус на встречу с Джулианом Томпсоном. Бригадир желал слышать все, что Саутби-Тейлуру известно о Фолклендских островах. «Послушай-ка, — твердо сказал майор (они с Томпсоном были старыми друзьями). — Я и слова не скажу, если ты не пообещаешь взять меня с собой». «Не беспокойся, Юэн, — усмехнулся в ответ Томпсон. — Ты будешь в деле». Саутби-Тейлур представлял собой одного из этаких примечательных английских чудаков-энтузиастов, которому неожиданно повезло поймать свой момент в военной истории.

Королевская морская пехота есть по сути небольшая, сплоченная семья из шести тысяч солдат и офицеров. Служа вместе почти всю жизнь, они гордо заявляют, будто все знают друг друга лично. Являясь подведомственной структурой ВМС, морские пехотинцы лелеют собственную самостоятельность, систему званий и оплаты, ну и, конечно, особые боевые навыки. Возьмем для примера артиллерийский полк [имеется в виду 29-й артиллерийский полк коммандос, органическими огневыми подразделениями которого являлись 7-я («Сфинкс»), 8-я («Альма») и 79-я («Кирки») батареи, штабным подразделением — 23-я батарея («Гибралтар 1779–1783»), и подразделением передовых наблюдателей-корректировщиков огня морской корабельной артиллерии — 148-я батарея («Мейктила»). — *Прим. ред.*], набираемый из добровольцев Королевской артиллерии, которых командируют в МП после прохождения курса коммандос, при этом берут только одного из четырех подавших заявления. В предшествующие годы роль 3-й бригады коммандос в войсках НАТО — защита северного фланга в Норвегии — подарила личному составу уникальные возможности для подготовки, приобретения опыта

и позволила обзавестись военным снаряжением для ведения боевых действий в арктических широтах.

И все же в предшествовавшем десятилетии под вопросом оказалось само существование морских пехотинцев. Когда вооруженные силы Британии стали переживать сокращение, взаимоотношения корпуса с «родительским» военно-морским ведомством натянулись. Морские пехотинцы во все большей степени приходили к убеждению в желании Адмиралтейства избавиться от них. Бюджет коммандос представлялось соблазнительным потратить на корабли и системы оружия. С сокращением материально-технической базы амфибийных ресурсов ВМС — оба десантно-вертолетных корабля-дока, «Фирлесс» и «Интрепид», в тот момент начальство собиралось продать зарубежным покупателям — морские пехотинцы почувствовали: адмиралы более не заинтересованы в их выживании. Некоторые из высших армейских офицеров высказывали мнения, будто коллеги из морской пехоты очутились на слишком узкой и обособленной орбите, а потому испытывали недостаток широты опыта для командования современными войсками в рамках концепций НАТО. Менее года назад, в разгар дебатов в отношении предложений Джона Нотта по сокращениям в ВМС, министр привел корпус в состояние оцепенения публичным высказыванием о том, что, если морскую пехоту все-таки распустят, вина ляжет на военный совет ВМС из-за неспособности их выработать многогранный и убедительный повод для сохранения корпуса.

Теперь, весенним утром 1982 г., мистер Нотт получал свой ответ, а Королевской морской пехоте предоставился необычайно благоприятный случай доказать собственную полезность. Если потребуется высадка на Фолклендских островах, проводить операцию придется 3-й бригаде коммандос. Штаб в Хэмоузи-Хаусе приступил к выработке масштабного плана действий, необходимых для вывода сил в море, без страха перед размерами задач, решать которые им, возможно, придется. Позднее Джереми Мур скажет: тот период «был одним из лучших в моей жизни. Все находились в приподнятом состоянии духа, все работали не покладая рук на общее дело, преодолевая трудности. От армии, ВМС, судостроительных заводов мы не видели ничего, кроме помощи. Иногда люди переходили дорогу, дабы поприветствовать нас. Даже детей, казалось, охватило приподнятое настроение».

В широком смысле концепция развертывания морского десантного соединения сложилась в начале выходных. Бригаду Томпсона сочли разумным усилить добавлением 3-го батальона Парашютного полка и всех поддерживающих подразделений, необходимых для формирования сбалансированных десантных сил, а кроме того — подкрепить элементом ПВО на случай вражеских атак с воздуха. Поначалу наибольшие осложнения вызвала проблема сбора судов для десанта. Когда офицеры Томпсона работали со штабными таблицами, где содержались данные по погрузочным мощностям, необходимым для каждой отправляющейся на войну части, они обсуждали и момент фактического наличия кораблей в их распоряжении. Главной платформой мог послужить «Фирлесс». Однако его сестринский корабль, «Интрепид», стоял на приколе. Предположительно можно было прибегнуть к использованию «Гермеса», официально считавшегося вертолетоносцем и десантным кораблем коммандос. Затем офицеры занялись перелистыванием справочника по кораблям торгового флота, доступным для фрахта или реквизиции в случае войны. Никто не забыл суеты вокруг Суэца, когда политическое фиаско осложнялось отвратительным смятением при организации погрузки судов, так что сложившееся положение грозило британцам большими неприятностями, имей они дело с решительным противником. Многие корабли, считавшиеся годными для использования армией в случае войны, подходили только для применения в Ла-Манше или в Северном море, но совершенно не годились для марша в Южную Атлантику.

Затем офицерам Томпсона словно бы надавали по рукам, отказав в притязаниях на «Гермес», поскольку его решили задействовать под «Си Харриеры». Даже при наличии «Гермеса» и «Инвинсибла» со всеми имевшимися в распоряжении летательными аппаратами, оперативное соединение получало лишь двадцать «Си Харриеров» для обеспечения прикрытия с воздуха — это была жалкая кучка, особенно в свете неизбежно ожидаемых потерь от вражеского противодействия и аварий [к началу операции «Корпорейт» на авианосце «Гермес» были размещены двенадцать самолетов «Си Харриер» FRS.1, в том числе пять из 800-й эскадрильи военно-морской авиации (бортовые номера XZ459/25, XZ460, XZ492, XZ496/27, XZ500/30), четыре, приданных 800-й эскадрилье из 899-й эскадрильи ВМА (номера XZ457/14, XZ494/16 и ZA191/18 — с 2 апреля, номер XZ455/12 — с 5 апреля), один

тестовый (XZ450/50) и два, ранее находившихся на консервации (ZA192/92 и ZA193/93); на авианосце «Инвинсибл» базировались восемь «Си Харриеров» — четыре из 801-й эскадрильи ВМА (номера XZ493/001, XZ495/003, XZ498/005, XZ175/004) и четыре, приданных 2 апреля из 899-й эскадрильи (номера XZ451/006, XZ452/007, XZ453/009, XZ456/008). — *Прим. ред.*]. «Гермес» брал роту 40-го отряда коммандос в качестве боевого подразделения, которое, в случае необходимости, могло высадиться на берегу до прибытия основной группы морского десанта. Для подавляющего числа сил бригады, однако, оставались только шесть видавших виды танкодесантных кораблей Королевского вспомогательного флота [речь идет о судах класса «Сэр Ланселот». — *Прим. ред.*] и транспорт снабжения «Стромнесс». Штаб Томпсона на какой-то момент пришел в ступор из-за осложнений с судоходной материальной частью.

И тут вдруг удручающие трудности словно бы испарились в одночасье. Офицерам сообщили о предстоящей реквизиции 45 000-тонного круизного лайнера «Канберра». Только он один обещал предоставить место для размещения двух тысяч человек, причем в куда более комфортных условиях, чем любой войсковой транспорт. Изъятие «Канберры» стало продуктом творческой мысли Нортвуда и Министерства обороны, поскольку данный акт гарантировал нахождение бригады в море — к тому же при продолжении ведения подготовки — куда дольше, чем представлялось возможным при нормальном положении дел. Гибкость всего оперативного соединения радикальным образом повышалась. Тайно в Гибралтар отправили небольшую «абордажную команду» в гражданской одежде, дабы та взяла под контроль лайнер на пути домой из Средиземного моря, причем полный заплативших за свое путешествие пассажиров. На протяжении двух оставшихся суток пребывания на борту офицерам предстояло выбрать места для установки вертолетных площадок, больничного оборудования и размещения живой силы.

Нортвуд тем временем привел в действие механизмы крупнейшей со времен Второй мировой войны акции по мобилизации гражданской судоходной материальной части в поддержку Королевских ВМС. Ячейка СРИТФ в Адмиралтействе расширилась. Капитан второго ранга Брайан Гудсон занимал должность координатора службы тыла в Нортвуде только полмесяца, и все же в сфере его ответственности находилась обязанность определять, какие корабли понадобятся постоянно разбухающему оператив-

ному соединению для обеспечения его действий в море. Список вызывал благоговейный трепет: транспорты снабжения, танкеры, контейнеровозы, посыльные, госпитальные и ремонтные суда — где-то пятьдесят четыре единицы только из гражданских источников (по водоизмещению круглым счетом 500 000 тонн) на срок до завершения операции. Управление морских операций и торговли потребовало не одного, а четырех командиров, которым приходилось в том числе заниматься решением комплексных вопросов в отношении того, какие из британских судов годились для действия совместно с оперативным соединением, после чего они отправляли запрос в адрес правительственного брокера, чтобы тот предоставил суда либо через рынок чартеров, либо, если потребуется, путем реквизиции. Около половины кораблей для Южной Атлантики в итоге удалось приобрести за счет применения того или иного варианта. Пусть известная доля материальной части приходилась на коммерчески непривлекательные категории, которых хватало в распоряжении, другие — скажем, пассажирские лайнеры — приносили неплохие доходы, а потому заполучить их бывало труднее.

Затем начались непростые поиски назначенцев на эти вспомогательные суда среди старших морских офицеров, чтобы военные представители действовали совместно с гражданскими капитанами, обеспечивая военно-морские партии профильных специалистов, скажем, для организации процессов дозаправки в море. Понадобилась в том числе и техническая команда численностью в сто человек для плавучей ремонтной базы «Стена Сиспред». На многих кораблях предстояло установить вертолетные площадки. Приходилось проводить трехчасовые брифинги для капитанов в отношении военно-морских процедур, изыскивать принятые на военном флоте защитные костюмы с системой жизнеобеспечения, договариваться по вопросам жалований с Национальным союзом моряков. Нельзя не назвать одним из величайших достижений Фолклендской войны тот факт, что всю эту гигантскую трансформацию удалось провести в пределах считаных недель. Не прошло и шести суток с момента аргентинского вторжения, как на «Канберре» расположили две вертолетные площадки, оборудование для пополнения запасов в море и снаряжение для военно-морских коммуникаций. Судно подготовили для несения значительной доли личного состава 3-й бригады коммандос к местам боевых действий.

* * *

В воскресенье, 4 апреля, в то время как госпожа премьер-министр старалась изыскать способ сохранить настроенного на уход в отставку министра иностранных дел, Джулиан Томпсон председательствовал на крупном совещании в Хэмоузи-Хаусе, чтобы проинструктировать командиров перед отплытием. Около сорока человек собрались в бальной зале на первом этаже: генерал Мур и сэр Стюарт Прингл, штаб бригады, командиры основных частей, майор Джонатан Томсон из Специального лодочного эскадрона. Сам Джулиан Томпсон — сорокашестилетний черноволосый господин хрупкого сложения в очках и с неизменной трубкой в зубах — походил на глубокомысленного университетского преподавателя. За ним утвердилась прочная репутация человека быстрого ума и — в определенных обстоятельствах — взрывного характера. Ранее он, будучи подполковником, безмерно счастливо служил командиром 40-го отряда коммандос [Джулиан Томпсон командовал 40-м отрядом коммандос в 1975–1978 гг., когда эта часть находилась в Северной Ирландии. — *Прим. ред.*] и уже опасался, что после такой славной работки дальнейшая карьера его превратится в «мелочные пустяки». Представители других родов войск нередко стремятся выставить военнослужащих Королевской морской пехоты в роли этаких дуболомов, действующих на поле боя по принципу «сила есть — ума не надо». К ним прочно приклеилась кличка «бутнекс» или «бутис» [bootnecks («обутые шеи») и bootis («дамские ботинки»); эти прозвища появились еще в эпоху парусного флота, когда солдаты британской морской пехоты, служившие на военных кораблях, отрезали верхние части своих башмаков, делали из этих кожаных полос ошейники и носили их в качестве предохранительного средства — для того, чтобы во время бунта матросы не могли перерезать глотки морпехам, защищающим офицеров своего экипажа. — *Прим. ред.*]. В прошлом некоторые старшие офицеры и в самом-то деле отличались склонностью играть мускулами, а не думать. Так или иначе, едва ли не все собравшиеся 4 апреля в Хэмоузи-Хаусе радовались благосклонности судьбы, выбравшей Томпсона вести 3-ю бригаду коммандос в поход. Он являлся одним из немногих в корпусе солдат-интеллектуалов, глубоко изучившим военную историю и очень хорошо понимавшим стоявшие перед ним задачи офицером.

Открыл совещание докладом о Фолклендских островах Юэн Саутби-Тейлур. Он описал напитанные влагой торфяники и многолетние травы, овец и бекасов, рассказал о преобладающих ветрах и коэффициенте резкости погоды, каковой только усиливает и без того нерадостное ощущение неизбывного холода зимой. Майор подчеркнул отсутствие возможности питаться производимым на месте продовольствием и получать в достатке питьевую воду — о каждой унции и того и другого для десанта придется позаботиться заранее. Британцы долго планировали ведение войны в Европе, а потому целое поколение солдат привыкло представлять себе, как войска пересекают море и оказываются на земле дружественного правительства и благодушно настроенного к ним населения, готовых предложить жизненно важную поддержку. Однако положиться на местные ресурсы на Фолклендах не удастся. Саутби-Тейлура привели в оторопь рассуждения некоторых офицеров, мысливших категориями условий Европы, — собиравшихся, например, вести разведку и осуществлять тактические передвижения под прикрытием рощ и лесопосадок. Он предупредил относительно отсутствия на Фолклендских островах каких бы то ни было укрытий, если не считать темноты. Чего ни коснись, хоть суши, хоть моря, Южная Атлантика представляла собой совершенно враждебную для человека среду — жить в ней уже непросто, но куда труднее воевать. После Саутби-Тейлура слово взял лейтенант военно-морского флота Боб Вил, молодой офицер, который недавно командовал объединенной, состоявшей из представителей разных служб и видов вооруженных сил экспедицией на Южную Георгию. Его живое описание той забытой Богом, покрытой льдом скалы едва не бросало в дрожь слушателей и остужало самые горячие головы почище, чем повествование о Фолклендах.

Затем выступил капитан Вивиан Роу, офицер разведки бригады Томпсона. Высокий валлиец тридцати двух лет с негромким голосом, Роу с пятницы в условиях, близких из-за сложностей к абсурдным, пытался оценить силы противника. Главным источником сведений для капитана служила городская библиотека Плимута, содержавшая стандартный справочный материал вроде ежегодника Military Balance («Военный баланс»), составляемого лондонским Институтом стратегических исследований. На протяжении более чем поколения в вопросах разведки, как и во всех сферах обороны, стиснутых вынужденными бюджет-

ными рамками, внимание таких справочников решительным образом сосредоточивалось на Восточной Европе. Даже военные атташе в большинстве британских посольств направляли больше усилий на продажу оружия странам своей аккредитации, а не на сбор разведданных. Аргентина же в области обороны всегда пользовалась тесными связями с Британией: посылала офицеров в британские структуры обучения и подготовки, закупала существенное количество британского оружия, среди которых приобретенные совсем недавно зенитные ракеты «Блоупайп» и «Тайгеркэт», плюс два эскадренных миноносца типа 42 [имеются в виду приобретенные у Великобритании эсминцы УРО «Эркулес» и «Сантисима Тринидад», принятые в состав аргентинских ВМС соответственно в 1977 и 1981 гг. — *Прим. ред.*]. И хотя работа британской разведки с началом Фолклендских событий заметно улучшилась — в значительной мере из-за американской РИЭС — сведения о численности сил неприятеля на поле боя, их состоянии и тактике продолжали оставаться в сущности своей совершенно условными. Что бы там ни думал обыватель дома, британские командиры в Южной Атлантике не получили ни одной фотографии поля предстоящего боя со спутников ни от американцев, ни из других источников. Насколько удалось разузнать, разведывательная служба Британии, «Сикрет интеллиджженс сервис», не сумела предпринять особенно действенных мер внутри Аргентины, а САС вела лишь ограниченное наблюдение за аэродромами. Нет ничего удивительного, что выступление Роу на совещании 4 апреля содержало весьма мало четкой информации. Насколько представлялось возможным судить, на Фолклендских островах находились около 3000 аргентинцев. Одно только формирование Томпсона из 3500 чел., возможно, превосходило противника численно, но британцы и близко не подходили к соотношению 3 к 1, рекомендуемому как необходимое при наступательных действиях. И вот слово взял Томпсон, начав холодное и точное описание своего видения операции, в котором почти один к одному предсказал характер течения войны. Морской десант ничего не сможет сделать до тех пор, пока не будет выиграна битва на море. Бригаде придется пробыть в море длительное время, к чему следует приготовиться. Прямой штурм Порт-Стэнли исключен, поскольку британцы располагают крайне ограниченными средствами для такой атаки, как остро не хватает им и вертолетного парка. Томпсон представлял себе захват

и создание берегового плацдарма для постоянной отправки на него подкреплений. Британцы повели бы себя неблагоразумно, вздумав недооценивать аргентинцев, каковые организовали вторжение на Фолклендские острова с исключительной эффективностью. Следовало начать планирование «предварительной фазы операции» — высадку команд САС и СБС для разведки. Многие из присутствовавших на том совещании, как и большинство британских обывателей, в глубине душе очень сомневались, что отправляемый ныне в море всесокрушающий колосс когда-нибудь вообще выйдет на поле боя. Но Томпсон с самого начала испытывал почти совершенную уверенность в обратном: «Зная нашего премьер-министра, сомневаться не приходилось: если аргентинцы не пойдут на попятный, мы будем воевать с ними». Став свидетелями четкой работы запущенного на полную катушку штаба бригады, офицеры, прежде никогда не взаимодействовавшие с морскими пехотинцами, покинули тем утром Хэмоузи-Хаус под сильным впечатлением от увиденного.

* * *

В последующие дни офицеры, за последние годы вдоволь настрадавшиеся от воздействия буксующей экономики, мелочной бюрократии и хронических сложностей со снабжением, были буквально поражены эффективностью машины, которая мчала их теперь в направлении войны. Что бы там поначалу ни думал склонный к скептицизму сэр Эдвин Брамалл относительно роли оперативного соединения, в ту неделю он и британская армия полностью посвятили себя осуществлению гигантских усилий по обеспечению экипировки отправлявшихся в плавание людей. В южном командовании все поставили верх дном для претворения в жизнь огромного плана транспортировок — доставок в доки всевозможных припасов. Вскрывались хранившиеся на случай войны запасники снаряжения, военного имущества и боеприпасов и все это отправлялось на корабли в соответствии с заданными схемами. Теплое обмундирование для арктических широт, новые рации, лазерные дальномеры и запчасти для техники полились в распоряжение частей и подразделений, едва высохли чернила подписей интендантов. «Он так напоминал Рождество, тот понедельник», — признавался командир 3-го батальона Парашютного полка подполковник Хью Пайк. Люди спешили обратно

в части, застигнутые на пути объявлениями по радио на железнодорожных станциях, телеграммами и телефонными звонками. Множество офицеров, солдат и матросов осаждали штабы своих формирований, желая быть включенными в состав отправлявшегося в поход соединения. Некоторые получали «добро». Другим, естественно, не везло и приходилось оставаться на берегу. Родители семнадцатилетнего матроса, приписанного к одному из военных кораблей, с успехом добились своего — не пустили сына в поход, хотя в Нортвуде, по соображениям политики, сочли возможным позволить семнадцатилетним юношам отправиться в плавание. Некоторые старослужащие матросы, срок которых скоро заканчивался, предпочли избежать риска очутиться на несколько месяцев привязанными к болтающимися далеко в море кораблям. Однако в основном устремления носили обратный характер. Базу морской авиации в Йовилтоне (Сомерсет) безжалостно обобрали, не оставив там ни одного исправного вертолета. Томпсон с самого начала упирал на необходимость собрать для группы максимально возможное количество средств переброски войск по воздуху.

На данной стадии в отношении количества людей и военного снаряжения для погрузки на корабли действовал ключевой фактор ограничения пространства. Саутби-Тейлур предупредил Томпсона о бесполезности колесной техники на Фолклендских островах. У морских пехотинцев в распоряжении имелись несколько гусеничных машин «Вольво», обычно применявшихся в условиях норвежских снегов, что вполне оправданно позволяло положиться на их проходимость в условиях слабых грунтов торфяников. Не имея в действительности возможности погрузить все необходимое имущество, морские пехотинцы действовали по принципу «каждой твари по паре». По семь или восемь «Вольво» из расчета на отряд — возможно, где-то четверть от всего их количества — отправились для погрузки на корабли. Чем больше Томпсон обдумывал боевое расписание аргентинских войск, тем глубже убеждался в серьезности опасений в отношении налетов с воздуха. Запросив поначалу хотя бы один взвод, вооруженный зенитными ракетными комплексами «Рэйпир» [Rapier, т.е. «Рапира». — *Прим. пер.*], бригадир увеличил требование до целой батареи — двенадцати пусковых установок. [Речь идет о батарее «Т» 12-го полка ПВО Королевской артиллерии, носившей историческое название «Рота Шаха Шуд-

жи» (Shah Shuja's Troop). Во время Фолклендской войны 1982 г. эта батарея, оснащенная двенадцатью пусковыми установками зенитных ракет «Рэйпир» (по четыре направляющих у каждой ПУ), была придана 3-й бригаде коммандос, а ее сестринская 9-я (Плессийская) батарея 12-го полка ПВО и 63-й эскадрон наземного полка КВВС (63rd Squadron RAF Regiment) — 5-й пехотной бригаде, однако последние два подразделения высадились на Фолклендах уже после прекращения боевых действий. Зенитные ракетные комплексы «Рэйпир», принятые на вооружение британской армии в 1971 г. и на вооружение наземного полка КВВС в 1974 г., могли с помощью РЛС «Блайндфайр» перехватывать воздушные цели противника на расстоянии до 11 500 м, а затем поражать их ракетами на дальности от 400 до 6800 м и на высоте до 3000 м. Имея длину 2,235 м, диаметр 0,133 м и стартовый вес 45 кг, твердотопливная ракета «Рэйпир» развивала сверхзвуковую скорость 2,5 Маха. — *Прим. ред.*] Он также хотел получить боевые разведывательные машины «Скорпион» и «Симитар», проходимость которых на пересеченной местности, как он слышал, вызывала уважение. Томпсону сказали, что место есть только для двух взводов — восьми машин. Когда командир эскадрона полка «Блюз-энд-Ройялс» выразил желание лично возглавить их уже в плавании, для него не нашлось места на кораблях. [Название «Блюз-энд-Ройялс» (The Blues and Royals, «Синие и Королевские») носил бронеразведывательный полк британской армии, образованный в 1969 г. путем амальгамы двух полков — Королевских Конных гвардейцев (Royal Horse Guards), прозванных из-за цвета мундиров «Синими» (The Blues), и 1-го Королевского драгунского, солдат которого называли просто «Королевскими» (The Royals). В начале апреля 1982 г., при формировании оперативного соединения, посылаемого на Фолкленды, 3-й и 4-й взводы эскадрона «В» этого полка, которыми командовали соответственно лейтенанты лорд Роберт Энтони Иннес-Кер и Марк Рудолф Корет, были приданы 3-й бригаде коммандос, именуемой во время плавания Объединенной оперативной частью 317.8.4 (Combined Task Unit 317.8.4). Они отправились в Южную Атлантику на лайнере «Канберра», а капитан Роджер Энтони Нокс Филд, командовавший эскадроном «В», временно остался в Англии (позже он прибыл на Фолкленды и возглавлял контингент полка «Блюз-энд-Ройялс» в ходе июньского наступления к Порт-Стэнли). На оснащении

вышеуказанных двух взводов состояли восемь боевых разведывательных машин (или легких танков), в том числе четыре БРМ «Скорпион» (FV101 Scorpion), вооруженных 76-мм пушкой L23A1, и четыре БРМ «Симитар» (FV107 Scimitar) с 30-мм автоматической пушкой L21A1 «Рарден», а также одна ремонтно-эвакуационная бронемашина «Самсон» (FV106 Samson). — *Прим. ред.*] В результате это небольшое бронетанковое формирование вышло в море под командованием двадцатичетырехлетнего лейтенанта. [Имеется в виду Марк Рудолф Корет, который родился в 1958 г. в Лондоне, провел детство в Кении и впоследствии стал офицером Королевского бронетанкового корпуса, а также известным британским скульптором-анималистом. После окончания Королевской военной академии Сандхерст он был зачислен 9 декабря 1978 г. вторым лейтенантом в полк «Блюз-энд-Ройялс» (Королевский Конногвардейский и 1-й драгунский) и 9 декабря 1980 г. дослужился до лейтенанта. Во время Фолклендской войны Марк Корет командовал 4-м взводом эскадрона «В» и всем отрядом своего полка, приданным 3-й бригаде коммандос (командир 3-го взвода, лорд Роберт Иннес-Кер, родившийся в 1959 г., был младше Корета не только по возрасту, но и по старшинству, так как получил звание лейтенанта 4 августа 1981 г.). Произведенный 9 июня 1985 г. в капитаны и 30 сентября 1990 г. в майоры, он вышел в отставку 1 ноября 1993 г., чтобы целиком посвятить себя искусству скульптуры. — *Прим. ред.*] По-прежнему сомневавшиеся в том, насколько все-таки суровы условия на Фолклендских островах зимой, морские пехотинцы спорили, стоит или не стоит им захватить полное лыжное снаряжение. Наконец сошлись на компромиссном варианте обеспечить им тридцать человек на отряд коммандос.

На всем протяжении тех дней офицеры службы тыла постоянно сознавали несовершенство процессов загрузки кораблей. Колонны грузовиков текли в Портсмут и Плимут, за рулем сидели измотанные молодые ребята из всех уголков Англии, часто не понимавшие, какие грузы им доверены. Ящики громоздились на борту как попало, без должной маркировки. Становилось очевидным, что военно-морскому соединению под началом адмирала Вудварда придется неделями ждать момента, когда бригада коммандос сможет высадиться. В штабе вопрошали: не будет ли более разумным для десанта задействовать данный временной отрезок для интенсивной подготовки и разумной

погрузки имущества на корабли в Британии, чем отправляться в море в состоянии неразберихи и смятения? Ответ они получили простой и бескомпромиссный. Правительство решительно настроено выслать в поход оперативное соединение, пока для этого существует общественный и политический императив. Если 3-я бригада коммандос задержится в Англии, жизненно важный импульс — национальная воля — может и испариться. Войска тронутся в путь сразу после окончания погрузки кораблей, а реорганизацией и раскладыванием грузов по полочкам придется заниматься на острове Вознесения, намеченном в роли перевалочного пункта.

Командир 3-го батальона парашютистов, тридцатидевятилетний подполковник Хью Пайк, оказался одним из немногих офицеров своего ранга, веривших в неизбежность военных действий. Он говорил об этом уже в первом обращении к батальону на базе в Тидуорте, в Гэмпшире, на следующий день после вторжения: «Представлялось совершенно очевидным, что мы будем сражаться. Я чувствовал, что нам повезет, о чем и сказал». Подтянутый, жесткий, проницательный воспитанник Винчестерского колледжа, Пайк был сыном генерала, и, как считали многие, ему самому предстояло в будущем стать генералом. [Хью Уильям Ройстон Пайк (род. 24.04.1943), впоследствии генерал-лейтенант сэр Хью Пайк, был сыном генерал-лейтенанта британской армии сэра Уильяма Пайка. Окончив Винчестерский колледж и Королевскую военную академию Сандхерст, он был зачислен 21 декабря 1962 г. вторым лейтенантом в Парашютный полк. В качестве взводного командира побывал в Бахрейне и Адене, где 21 июня 1964 г. ему присвоили звание лейтенанта. Повышенный 21 декабря 1968 г. до капитана, служил в 1970-х годах в Северной Ирландии, а 30 июня 1975 г. был произведен в майоры и назначен бригад-майором 16-й парашютной бригады. С 1978 г. командовал ротой в 3-м батальоне Парашютного полка и 30 июня 1980 г. стал подполковником и командиром этого батальона. Возглавляя своих парашютистов до 1983 г., воевал на Фолклендах, где в ночь с 11 на 12 июня 1982 г. руководил атакой на гору Лонгдон. Полковник с 30 июня 1985 г. и бригадир с 31 декабря 1987 г., командир 22-й бронетанковой бригады в Германии в 1987–1989 гг. Произведенный в генерал-майоры, командовал 3-й дивизией Соединенного Королевства в графстве Уилтшир с 13 апреля 1992 г. до 11 апреля

1994 г., затем с 1 мая 1994 г. состоял в должности коменданта (т.е. начальника) Королевской военной академии Сандхерст. Получив 1 июля 1995 г. временное звание генерал-лейтенанта (утвержденное 9 сентября того же года), занимал пост заместителя командующего сухопутными войсками и генерал-инспектора территориальной армии. Директор операций Сил НАТО по поддержанию мира в Боснии-Герцеговине в 1997–1998 гг. и главнокомандующий британскими войсками в Северной Ирландии в 1998–2000 гг. Вышел в отставку генерал-лейтенантом 14 марта 2001 г. — *Прим. ред.*] Как и большинство британских офицеров его поколения, он послужил в Адене, в Омане и в Северной Ирландии, но до той поры в него не стреляли не из чего более тяжелого, чем стрелковое оружие. Когда батальон отправлялся в Саутгемптон, командир не чувствовал больших опасений в отношении испытаний, ожидавших их в будущем: «Я был уверен, что мы надлежащим образом подготовлены. У бойцов парашютного батальона огромная вера в собственные силы. Ребята не раздумывают над тем, смогут или не смогут они делать дело».

Лично Ник Вокс, хрупкого сложения наездник-любитель на скачках с препятствиями и командир 42-го отряда коммандос, был уверен, что «мы едва ли зайдем куда-то дальше острова Вознесения» прежде, чем в верхах достигнут того или иного урегулирования. Однако он не проронил ни слова об этих сомнениях бойцам, неугомонно радовавшимся всему происходившему. В свои сорок шесть лет Вокс был старше большинства других подполковников, но пользовался немалым уважением за сдержанную рассудительность и глубокомыслие. В более молодом возрасте Вокс вполне мог бы потягаться с Юэном Саутби-Тейлуром в энтузиазме по части жизни на широкую ногу и любви к женскому обществу. Теперь, будучи командиром крупного подразделения, он излучал прохладное спокойствие и здравый смысл, каковые сильнейшим образом придавали уверенности его бойцам на поле боя. Однако когда коммандос отряда выстроились на плацу перед погрузкой на «Канберру», Вокс позволил себе чисто театральный жест. Генерал-майор Мур произнес трогательную и воодушевляющую речь о чувствах молодых людей перед лицом возможного боя. Затем Вокс велел строю замереть по стройке смирно. «В Южную Атлантику... — закричал он. — ... Шагом марш!» Морским пехотинцам понравилось.

* * *

Во второй половине дня 4 апреля бригадир Томпсон вылетел из Плимута в Нортвуд со Саутби-Тейлуром и Майклом Клэппом, коммодором по десантным операциям. Клэппу, похожему на мальчишку пятидесятилетнему офицеру, которому не удивился бы и Ноэл Кауард, увидев его рядом с собой на мостике в фильме In Which We Serve («Там, где мы служим») [имеется в виду военно-патриотический художественный фильм о героях Королевских ВМС периода 1939–1941 гг., снятый в Англии в 1942 г.; Ноэл Пирс Кауард (1899–1973) был режиссером, продюсером и автором сценария этой кинокартины, а также играл в ней главную роль кэптена Э. В. Кинросса. — *Прим. ред.*], предстояло командовать десантными силами — отдельно от ударной группы Вудварда — до высадки бригады на берег [десантная (амфибийная) группа коммодора Майкла Сесила Клэппа была названа Оперативной группой 317.0 (Task Group 317.0), а ударная (авианосно-боевая) группа контр-адмирала Джона Форстера Вудварда — Оперативной группой 317.8. — *Прим. ред.*]. В штаб-квартире флота в Нортвуде, в огромном комплексе офисных помещений в дальнем конце пригородной «Метроландии» [так называют те районы Лондона, куда ходят поезда метрополитена. — *Прим. пер.*], словно бы в насмешку нареченном HMS «Уорриор» (корабль Ее Величества «Воин» с палубами и под крышей), так и бурлила всеобщая деятельность. Генерал-майор Мур становился военным заместителем сэра Джона Филдхауза, и штаб его уже устроился в неиспользуемой оперативной комнате НАТО, глубоко в подземном командном бункере — в «дыре». Туда перебирался дополнительный армейский и военно-морской персонал: группы обработки разведывательной информации, офицеры КВВС, занимающиеся надзором за переброской по воздуху снабженческих грузов, техники и живой силы, уже находящихся на пути к острову Вознесения, специалисты по налаживанию линий коммуникаций, офицеры связи.

Саутби-Тейлур повторил тут свой утренний доклад по Фолклендским островам, на сей раз для сведения Филдхауза и его начальника штаба, вице-адмирала Халлифакса. Клэпп выступал за движение своих кораблей во взаимодействии с основной ударной группой. Но Филдхауз подчеркнул, что следовать к цели они будут раздельно, затем устроят передышку на острове

Вознесения до тех пор, пока Вудвард не выиграет битву на море. Он успокоил Томпсона, по крайней мере, в одном важнейшем моменте, твердо заявив, что высадка на Фолкленды не будет проводиться в условиях угрозы со стороны вражеской авиации. Всех поразили в командующем его прямота и непоколебимая учтивость. В коридоре после совещания Филдхауз обернулся к офицерам и произнес: «Дело будет кровавое — веселого мало. Очень жалею, что не могу дать вам больше кораблей». Томпсону он сказал: «Подход тут нужен трезвый и холодный». По возвращении в Хэмоузи-Хаус Томпсон заметил: «Что ж, слава Богу, есть там наверху кто-то, кто дружит со здравым смыслом».

Понедельник стал днем разъездов. Юэн Саутби-Тейлур с Клэппом и Томпсоном полетели на аэродром Брайз-Нортон выслушать рапорт майора Нормана и его морских пехотинцев, репатриированных после захвата в плен в Порт-Стэнли. Сидя в салоне VIP, они в темпе знакомились с подробностями. Где высадился противник? Каким военным снаряжением располагал? Какие соображения есть о его боевом духе? Какие оборонительные сооружения он готовил? Ответы немногое давали для будущего, кроме разве только общего впечатления, что первые из высаживавшихся на островах аргентинцев действовали высоко профессионально, тогда как следующие партии, пожалуй, показали себя заметно слабее. Пока они говорили, там же на аэродроме, но в другом месте подполковник Майкл Роуз провожал на остров Вознесения свой эскадрон «D» — шестьдесят шесть «настоящих «Лаймэных» бойцов САС плюс четырнадцать связистов [эскадрон «D» 22-го полка Специальной воздушной службы, возглавляемый майором Девонширско-Дорсетского полка Седриком Норманом Джорджем Делвзом, состоял из управления и четырех боевых взводов — 16-го (мобильного), 17-го (лодочного), 18-го (воздушного) и 19-го (горного); кроме того, ему были приданы 14 военнослужащих из 264-го эскадрона связи. — *Прим. ред.*] и персонал поддержки с более чем 20 тоннами военного снаряжения, которое в 22-м полку САС поддерживают в состоянии постоянной готовности для операций в условиях чрезвычайных ситуаций.

Все выходные в Портсмуте, одном из крупнейших морских портов Британии, где весь горизонт так и заслонен башенными кранами и лесами мачт, толпы людей терпеливо наблюдали за колоннами грузовиков, заезжавших в ворота доков. Над загружавшими боеприпасы кораблями развевались красные флаги.

Команды обслуживания на полетных палубах всего двух пригодных к боевому применению авианосцев Британии принимали эскадрильи «Си Харриеров» и вертолетов «Си Кинг» морской авиации. Когда же корабли, один из другим, стали отдавать швартовы и направляться к выходу из гавани, огромные толпы людей на берегу принялись выражать восторг, размахивая флагами и платками, прощаясь с моряками и желая им удачи. Команды выстроились вдоль бортов. Один «Си Харриер», словно бы венчавший полетную палубу «Инвинсибла», стоял закрепленный предусмотрительными моряками за оконечность «лыжного трамплина». Играли оркестры, плакали женщины. Так начинался уникальный эпизод в современной британской истории — по характеру своему этакий пережиток эдвардианской или даже викторианской эпохи [речь идет о временах правления королевы Виктории (1837–1901) и ее сына Эдуарда VII (1901–1910), отмеченных ростом могущества Британской империи. — *Прим. ред.*]. Многие из гражданских и немало военнослужащих выражали в приватных беседах огорчение по поводу организации столь гигантской операции, заставлявшей государство до крайности напрягать и без того ограниченные ресурсы по такому ничтожному поводу. И все же большинство считало, что, раз уж Гальтьери отважился на вторжение, у Британии не осталось выбора — только отреагировать на выпад вооруженной рукой. Какой бы трагичной или гротескной ни выглядела данная экспедиция, она, несомненно, оправданно претендует на звание эмоционального момента. Британия осталась одной из трех или максимум четырех стран в мире, способных развернуть такого уровня операцию. Британцы отправлялись на войну так, как делали это обычно, — в спешке и в известном замешательстве, но преисполненные уверенности и чрезвычайной гордости. Сбор и отправка оперативного соединения стали сами по себе великолепным примером быстроты и сноровки. Даже самые закостенелые циники наверняка не остались безучастными к зрелищу, каковое являл надводный флот Королевских ВМС, который многие считали анахронизмом в эпоху субмарин с атомными двигателями, но который все так же выходил в плавание из портов, видевших Родни и Сент-Винсента, Нельсона и Коллингвуда [здесь перечислены знаменитые британские адмиралы и флотоводцы второй половины XVIII — начала XIX в.: барон Джордж Брайджес Родни (1719–1795), Джон Джервис, граф Сент-Винсент (1735–

1823), виконт Горацио Нельсон (1758–1805) и барон Катберт Коллингвуд (1750–1810). — *Прим. ред.*].

Большинство сотрудников штаба Джулиана Томпсона провели тот понедельник в тиши семейных очагов, пакуя вещи и прощаясь с близкими перед дальней дорогой. Во второй половине следующего дня, 6 апреля, им предстояло собраться на футбольном поле около казарм Стоунхауза, гигантского квадрата базы, выстроенной из кирпича еще в наполеоновскую эру, где размещалась штаб-квартира 3-й бригады коммандос. Джулиану Томпсону приходилось улаживать момент одного изменения, в последнюю минуту внесенного в план. В Нортвуде замыслили отбить Южную Георгию за счет применения небольшой отдельной штурмовой группы. Роте «М» 42-го отряда коммандос, наилучшим образом подготовленной к ведению боевых действий в горах и в арктических широтах, досталась задача вылететь на остров Вознесения под началом заместителя командира 42-го отряда, альпиниста и исследователя майора Гая Шеридана. Томпсон отдал распоряжения, а затем отправился на поле. Дул сильный ветер, небо обложили тучи, теплый девонский дождик сыпал непрестанно. На краю поля за происходившим следила стайка женщин.

Наконец со стороны моря раздался хорошо различимый тарахтящий звук моторов трех больших военно-морских «Си Кингов». Коммодор Клэпп, бригадир Томпсон с их штабными офицерами, сопровождаемые подполковником Майклом Роузом и горсткой ключевых представителей персонала поддержки, с вещами просунулись в сотрясающиеся чрева вертолетов. Они отправились в полет, чтобы посредине Ла-Манша высадиться на десантно-вертолетном корабле-доке «Фирлесс», вышедшем в плавание из Портсмута несколькими часами ранее. Машины сели на корме просторной полетной палубы. Пока команды крепили вертолеты с продолжавшими вращаться перед остановкой винтами, пассажиры шествовали по сходным трапам мимо штабелями уложенных ящиков и прочего имущества в переполненные жилые отсеки, где им предстояло прожить следующие три месяца. Саутби-Тейлур оборудовал себе постель в запасной ванне. Томпсон отправился на встречу с командиром судна, кэптеном Джереми Ларкеном. Как моряки, так и морские пехотинцы — все чувствовали себя измотанными после сумасшедших дней приготовления к плаванию. Команда находилась несколь-

ко не в своей тарелке из-за недавнего показа по телевидению кадров, запечатлевших родных и близких военнослужащих ВМС, со слезами на глазах провожавших флот на пирсах.

Штаб бригады не получил каких-то особых распоряжений кроме команды выйти в море и приступить к обдумыванию способов высадки на Фолклендских островах. В случае если дойдет до войны, как прекрасно осознавал Томпсон, для ВМС существовал немалый риск проиграть. Поддержка с моря являлась ключевым фактором для обеспечения победы, но в конечном счете только его десант мог действительно вернуть Фолкленды Британии. Той ночью штаб морской пехоты — за вычетом страдавших от морской болезни — собрался в дневной каюте бригадира на первую из многих трезвую дискуссию по поводу складывавшейся обстановки и возможных действий в ее рамках.

* * *

Трое суток спустя, в Страстную пятницу, посреди такого же разгула страстей, как тот, что сопровождал отправку в плавание авианосцев, 3-я бригада коммандос вышла в море из Саутгемптона на борту лайнера «Канберра». Макс Хейстингз, стоявший у ограждения и слушавший доносившиеся с пирсов звуки «Правь, Британия!», увидел, как матросы отдают швартовы, затем случайно поймал замечание, вылетевшее у офицера морской пехоты: «Теперь я знаю, что все всерьез. Как может страна отправить нас на войну под гром оркестров, а потом просто так вернуть обратно без каких-то достижений?» И все же кругом, в том числе и в главном командовании, было полным-полно людей, считавших, будто Британия попросту устраивает большую военную демонстрацию. Но теперь нам представляется возможным пронаблюдать за обстоятельствами, последовавшими после отправки в море оперативного соединения и названными одним командиром «мрачной политической неизбежностью». Коль скоро великий механизм пришел в движение, остановить его смогла бы только самая изумительная перемена настроения в Буэнос-Айресе.

6

ГОЛУБИ ХЭЙГА

И в мире есть свои победы
Славнейшие, чем на войне.

Милтон, Сонеты

Военные историки давно уже подытожили, что война есть не более, чем продолжение дипломатии. Дипломатия вокруг Фолклендских островов достигла кризисного пика к моменту, когда политики работали над проблемой уже едва ли не два десятилетия. Отправка оперативного соединения премьер-министром Тэтчер дала им передышку всего в пятьдесят дней. В результате действующие фигуры на политической сцене оказались дипломатами не более, чем средневековые гонцы. Они носились туда и сюда между Лондоном, Буэнос-Айресом, Вашингтоном и Нью-Йорком с теми или иными вариантами сделок, стараясь в конечном счете предотвратить битву, апеллируя к сторонам посредством того аргумента, что-де одна из них в итоге неизбежно проиграет.

Британское Министерство иностранных дел в начале апреля представляло собой едва ли не раздавленную структуру. Оно напоминало войско, оправлявшееся после катастрофического сражения, в котором потеряло любимого всеми командующего — убитого, как считали многие, предателями в своем собственном лагере. И все же, как и армии в подобной обстановке, ему предстояло перегруппироваться, привести в порядок оборону и перейти в контратаку. Подобно тому как те же Королевские ВМС, открывшие для себя новый источник вызова в необходи-

мости доказать критикам собственную состоятельность за счет мобилизации и отправки оперативного соединения, Министерство иностранных дел превратило катастрофу по крайней мере во временный триумф за счет двух примечательных дипломатических выпадов, сначала в Нью-Йорке, а потом в Брюсселе.

Посол Британии в Организации Объединенных Наций, сэр Энтони Парсонз, очутился в Нью-Йорке после Тегерана, когда там свергли шаха. Назначение оказалось непростым даже для такого умеющего ладить с самыми разными людьми дипломата либеральной направленности. ООН под водительством Вальдхайма и его ныне действовавшего преемника, Хавьера Переса де Куэльяра, выглядела глубоко увязшей в топком болоте политики третьего мира. Официальные заявления ее пропускались мимо ушей, а миротворческие операции, особенно на Кипре и в Ливане, скорее способствовали закостенению, чем решению проблем. Над выдвигаемыми ею принципами самоопределения откровенно смеялись вожди диктатур, один за другим поднимавшиеся на мировую трибуну для буйных проповедей против немногих уцелевших в мире демократий, тогда как лидеры двух наиболее важных членов структуры, Британии и США, относились к происходившему то ли с пренебрежением, то ли с открытым презрением.

Симпатизирующее отношение ООН к вторжению Аргентины стало центральной опорой для дипломатического наступления Коста Мендеса. И все же один примечательный факт проявился тут как лишнее доказательство неготовности хунты: когда разразился кризис, прославленный дипломат, Эдуардо Рока, только-только прибыл возглавить аргентинскую делегацию в Нью-Йорке. У него не осталось времени даже на изучение процедуры ООН, не говоря уж о сборе сторонников в поддержку его правительству. Коста Мендес всегда пребывал в убеждении относительно неспособности Британии созвать Совет Безопасности, но даже если бы она и сумела набрать достаточно голосов для осуждающей резолюции, аргентинцам удалось бы уговорить русских наложить на нее вето. Как известно, американский посол, миссис Киркпатрик, даже позволила себе риск высказать мнение, что ни одна западная держава не позволит себе использовать процедуру Совета Безопасности для отстаивания колониальных владений против страны третьего мира на континенте.

В действительности, по словам тех, кто восхищался его деятельностью, Парсонз продемонстрировал в ООН способность

к «старой доброй дипломатической беготне», дабы собрать девять голосов, необходимых для созыва Совета Безопасности в четверг, 1 апреля, фактически до начала вторжения. Парсонз заявил о вот-вот грядущем нападении Аргентины на острова и добился от заирского председателя Совета по имени Каманда ва Каманда незамедлительного выступления с призывом к обеим сторонам проявить сдержанность. Незадачливый Рока, совершенно очевидно, не понимал, какой удар ему нанесли, и не проявлял видимого беспокойства. Вот вам и весь тот замечательный fait accompli, которым грезил Коста Мендес. Теперь вторжение превращалось в откровенное пренебрежение к призыву председателя Совета Безопасности.

Когда в пятницу аргентинская оккупация Фолклендских островов стала фактом, Парсонз вновь действовал со всей возможной поспешностью. Хотя Тэтчер и разделяла с президентом Рейганом мнение, что чем меньше шума от ООН, тем лучше, но ни одной стране не хочется вступать в войну, не имея на своей стороне законной правоты, и даже Тэтчер не возражала против знамени в виде резолюции Совета Безопасности на мачтах оперативного соединения. На всем протяжении войны в стратегии Парсонза доминировали два соображения. Первое — добиться требования ООН об отступлении Аргентины, дабы «узаконить» военный ответ Британии, второе — отразить встречное требование с призывом к Британии остановиться, или отозвать оперативное соединение.

Как только факт вторжения подтвердился, Совет Безопасности вновь собрался, чтобы обсудить прямое заявление британцев о принятии ограничительной резолюции с требованием к аргентинцам убраться с островов. Вместо следования традиционной процедуре подачи предварительного запроса — некоего черновика для выяснения настроений, Парсонз представил готовую резолюцию с четкими «да или нет» в ней. Такие «наброски в карандаше», как их называли, давали выходившей с ними стороне право требования голосования в пределах двадцати четырех часов. Его назначили на вечер субботы. Коста Мендес помчался в Нью-Йорк, чтобы оказать поддержку Рока, все еще уверенный в своей способности отвратить дипломатическую катастрофу. В Совет Безопасности входят пятнадцать членов, пять из которых имеют постоянный статус, а другие десять избираются по ротационному принципу каждые два года. Для принятия обязывающей резолюции требовалось две трети голосов,

а посему добивающейся такого решения стране полагалось заручиться расположением, по крайней мере, некоторых из «неприсоединившихся» членов. Данная задача представлялась для Британии практически невыполнимой, а потому уверенность Коста Мендеса вполне понятна.

Итак, Парсонз отправился навстречу невероятному. Если брать западный блок, тут он мог практически гарантированно рассчитывать на согласие Соединенного Королевства, США, Франции и Ирландии да плюс к ним Японии. Коммунистические государства — Китай, Советский Союз и Польшу — следовало сразу же исключить, как и ориентированную на латинский мир Испанию. Панама уже согласилась выступать на стороне Аргентины. В результате Британия нуждалась во всех пяти оставшихся голосах, дабы набрать свое большинство в две трети. В смешанном остатке находились страны третьего мира — Иордания, Того, Заир, Уганда и Гайана. В такие моменты дипломату приходится использовать все ресурсы, находящиеся в его распоряжении, — когда-то сделанное одолжение, личные контакты, сохранившиеся добрые связи, готовность на торговую сделку или культурный обмен, да и, возможно, простую дружбу. На маневрирование у Парсонза оставалось меньше двух суток.

Гайана отдала голос Британии, соглашаясь на любую резолюцию, которая могла бы сдержать притязания Венесуэлы в пограничном споре с ней. Так же поступил и Заир как страна оскорбленного в лучших чувствах председателя Совета Безопасности ООН Каманды. Францию попросили уладить дело с голосом Того, что та и сделала. Уганда до последней минуты сомневалась, но в конечном счете перешла в вопросе на сторону Британии из-за «агрессии» Аргентины. Однако Иорданию охватило некое смятение — вещь обычно персонально зарезервированная для делегации США. Сначала иорданский делегат высказался в пользу Британии, но затем получил указания из Аммана не голосовать ни по какому колонизаторскому делу. Парсонз испробовал все способы нажима, но у иорданцев были связаны руки. В конечном счете он выкатил на позицию самую здоровенную пушку. Из его офиса помощники попытались связаться с Лондоном в надежде отыскать Каррингтона, но не сумели, зато застали самого премьер-министра. Струнки души миссис Тэтчер, у которой в ту субботу хватало других забот, отозвались на этот флибустьерский посыл. Парсонз снискал уважение с ее стороны (редкая штука для кого-нибудь в Министерстве

иностранных дел) в ходе ее недавнего визита в посольство в Тегеране. Тогда как Парсонз благоразумно притормозил на момент (даже предложил перепечатать резолюцию, включив в нее слова «Мальвинские острова»), миссис Тэтчер позвонила иорданскому королю Хусейну и лично попросила его не отказать в поддержке Британии. Так Парсонз получил свои десять голосов.

В свою очередь Коста Мендес переговорил с советским делегатом, дабы убедить того воспользоваться правом вето. Он упирал на политику неприсоединения к блокам, приводил как доводы антиимпериалистические соображения, напоминал о поставках аргентинского зерна в Москву — в общем, тоже делал все возможное. Русские придерживались тенденции не разбрасываться правом вето, резервируя его только для резолюций, задевающих сугубо их интересы, однако в редкой для ООН атмосфере напряженности Коста Мендес «давил на все железку». В штабе Парсонза оценивали шансы советского вето как фифти-фифти: личное мнение Парсонза — 6–4 против. В данном случае русские воздержались. Набросанный Британией проект прошел голосование Совета Безопасности как резолюция 502.

Аргентина очутилась перед лицом требования «немедленного вывода» войск, за которым следовали указания обоим правительствам искать «дипломатического разрешения разногласий и полностью уважать цели и принципы устава Организации Объединенных Наций». Ссылка на устав имела ключевое значение, ибо позволяла Британии хвататься за принцип самоопределения как за козырь для жителей Фолклендских островов в дальнейших переговорах относительно их будущего. Кроме того, на основании статьи 51, она давала право защищаться, ибо: «... Устав ни в коей мере не затрагивает неотъемлемого права на индивидуальную или коллективную самооборону... до тех пор, пока Совет Безопасности не примет мер, необходимых для поддержания международного мира и безопасности». Статья, часто считающаяся воинственной, пользовалась особым расположением миссис Тэтчер на протяжении предстоящих недель.

Резолюция 502 оказалась пусть небольшим, но классическим пассажем в британской послевоенной дипломатии. Для многих в ООН отправка Британией в море оперативного соединения представлялась чрезвычайно излишней реакцией на этакий грешок Аргентины на антиколониальном поприще. Призвать в помощь Совет Безопасности, заполучить две трети голо-

сов и избежать наложения вето, и все за сорок восемь часов — деяние, достойное уважения. Старший американский делегат назвал это «поразительным примером высочайшего дипломатического профессионализма». Даже миссис Киркпатрик, с трудом скрывавшая симпатии к Аргентине, позднее воспользовалась инцидентом для сравнения британской дипломатии с американским «дилетантизмом». Парсонз преподнес премьер-министру на блюдечке драгоценную победу еще до того, как оперативное соединение «поставило паруса». «Аргентинцам надо, — торжественно возвещала миссис Тэтчер всем, кто желал слушать, — всего лишь уважать резолюцию Совета Безопасности ООН 502». Кажется невозможным поверить, что политик ее уровня так ухватится за подобные перила, и потому-то, наверное, они стали тем более действенным подспорьем.

* * *

Группа по чрезвычайным ситуациям на Фолклендских островах при Министерстве иностранных дел, созданная под руководством несокрушимого главы южноамериканского бюро, Робина Ферна, пачками рассылала по посольствам за рубежом оправдательные бумаги. Не прошло и недели, как Австралия, Канада и Новая Зеландия выразили желание оказать поддержку. Новое правительство социалистов во Франции в особенности погрело душу Тэтчер быстротой своего выступления. Канцлер Германии Гельмут Шмидт, сильно недолюбливавший британского премьера, тем не менее лишь ненамного отстал от французов. Япония встала на сторону Британии. Даже коммунистическим государствам, похоже, не понравились способы выступления против колониализма по рецепту Аргентины. Китай рекомендовал осмотрительность. Россия первоначально держалась осторожного нейтралитета.

Более всего теперь Британия нуждалась в сотрудничестве по вопросам санкций, в особенности со стороны США и стран Общего рынка. В первую — в наипервейшую — очередь они касались продажи оружия. Не пустой звук, учитывая закупленные Аргентиной в Германии два фрегата, а также реактивные самолеты «Супер-Этандар» и ракеты «Экзосет» — во Франции. Оба заказа были немедленно заморожены, подтвердив резонность опасений более осторожных голов из стана составителей аргентинских планов, предлагавших повременить с вторжением до отгрузки

товара продавцами. За выходные Британия наложила почти полный запрет на торговлю с Аргентиной и блокировала финансовые авуары Аргентины в Лондоне. Как бы там ни было, все эти достижения остались бы преимущественно символическими в отсутствие иностранной поддержки. В 1980 г. Британия импортировала из Аргентины товаров на £160 миллионов против £1 миллиарда импорта остальных государств ЕЭС.

Обычно Общий рынок проявлял себя как наиболее склонный к летаргии из всех дипломатических животных. В конце первой недели плавания оперативного соединения вокруг всюду маячили пасхальные огоньки, а потому сосредоточенная инициатива, способная на самом деле проделать дырки в карманах стран-участниц торгового альянса, представлялась практически немыслимой. Да еще к тому же по запросу Британии, взаимоотношения которой с ЕЭС в те времена заслуживали каких угодно иных определений, чем «хорошие». Во вторник, 6 апреля, старший дипломат Министерства иностранных дел, сэр Джулиан Буллард, прибыл в Брюссель для поддержки находившегося там второго лица, Билла Николла, — посол отсутствовал по случаю отпуска. Затем последовало лоббирование членов Комиссии Европейских сообществ и национальных представителей, весьма напоминавшее деятельность Парсонза в Нью-Йорке. К Страстной пятнице, когда все уже мечтали поскорее очутиться в своих лимузинах, британцы выдвинули запрос: сначала заявление о политической поддержке, а потом — нечто более веское — пакет экономических санкций, в том числе шесть недель запрета на импорт и приостановка торговых преференций. Как в случае Нью-Йорка, так и Брюсселя нет особых сомнений, что оперативное соединение стало главнейшим фактором выдвижения вопроса на передний план.

Экономические санкции редко оказываются действенными, если вводятся с целью принудить то или иное правительство изменить твердо избранный им политический курс. Главная их ценность не финансовая, а политическая: эмфатическая акция — подчеркнутый мировой остракизм. Вряд ли Аргентина согласится уйти с Фолклендских островов на основании отказа Италии от ввоза ее кож. Однако, как и в случае голосования в ООН, Буэнос-Айрес был потрясен солидарностью европейцев и решительностью их ответа. К тому же подобная реакция означала, что другие латиноамериканские государства дважды подумают прежде, чем дать втянуть себя в конфликт.

Фактически экономика Аргентины куда большим падением обязана автоматическим последствиям вторжения. В апреле 1982 г. она являлась одной из наиболее превысивших свою кредитную планку стран мира, обремененной международным долгом в сумме $32 миллиарда. Только у отдельных банков, включая Ллойдс и Нэйшнел Вестминстер в Лондоне и Морган Гаранти и Ситибэнк в Нью-Йорке, правительство назанимало сотни миллионов долларов. Займы носили коммерческий характер. На всем протяжении войны, и несмотря на замораживание аргентинских авуаров в Лондоне на сумму $1 миллиард, Аргентина тщательно старалась не объявлять дефолт по выплатам процентов. Но с момента вторжения ни один банкир не одолжил бы Буэнос-Айресу и цента. Данное обстоятельство послужило сокрушительным ударом по надеждам Галтьери на экономическое возрождение, поддерживаемое приобретением Мальвинских островов. Новый министр экономики, Роберто Алеман, как говорят, в отчаянии выразил желание уйти в отставку, но в ответ на такое выражение неповиновения его пообещали заставить делать свою работу насильно.

* * *

На всей в общем-то благоприятной для Британии дипломатической картине с момента выхода в море оперативного соединения оставалось одно большое пятно — Соединенные Штаты. Ядерные стратеги приходили в ужас от инцидентов вроде вторжения на Фолклендские острова. Один из их сценариев третьей мировой войны основывался на стимулировании русскими некой обманной акции в затерянном уголке земного шара для отвлечения политического внимания и военных ресурсов от и из Европы, каковая ситуация предоставила бы русским благоприятную возможность для нанесения превентивного удара. (Опасения в отношении подобного финта озвучивались британской разведкой до вторжения.) Первоначально реакция Вашингтона предполагала, что случай с Фолклендскими островами не дотягивал до статуса такого отвлекающего маневра. Вечером дня нападения Джин Киркпатрик в компании с заместителем Хэйга, Уолтером Стесселом, и Томом Эндерсом отправились на званый ужин в их честь, данный аргентинским послом в США, Эстебаном Такачем. Британский посол, сэр Николас Хендерсон, заметил, что все это выглядит, как если бы он ужинал с иранцами в ночь захвата заложников

в Тегеране. Киркпатрик не принадлежала к числу тех, кто поливает раны миррой, если под рукой есть что-нибудь попроще. Она ответила, что-де Америка всегда придерживалась нейтралитета в вопросе суверенитета Фолклендов, и «если аргентинцы владеют островами, то передислокация туда войск не является агрессией». Киркпатрик, как терпеливо объяснял американский делегат, была академическим, а не профессиональным дипломатом.

Подозрения Лондона в отношении американских позиций и действий на заре кризиса вполне и вполне понятны. Вялая реакция на первые попытки Каррингтона привлечь внимание США к проблеме, запоздалый звонок Галтьери, упор на «беспристрастность» и американская дружба с Аргентиной, пустые призывы Рейгана к сдержанности — все это не позволяло Британии видеть в Америке надежного союзника точно так же, как обстояло дело во время Суэцкого кризиса. Вдобавок к этому очевидные трещины в отношениях между Хэйгом и Рейганом, а внутри Министерства иностранных дел между Хэйгом и Киркпатрик, самым зловещим образом напоминали разногласия Даллеса и Эйзенхауэра в 1956 г. В те первые выходные «Фолклендская команда» Хэйга совершенно погрязла в спорах по вопросу предполагаемой роли Америки в сложившейся ситуации. Администрация пустилась в плавание по морю конфликтующих мнений и нерешительности. Находились желающие оставить кризис на волю Организации американских государств или, по крайней мере, — отдельных латиноамериканских стран. Иные видели в роли достойного посредника ООН. Другие считали обязанностью США усадить за стол переговоров двух повздоривших союзников Америки. Вице-президент Джордж Буш, официально назначенный при Рейгане специальным уполномоченным по улаживанию конфликтов, держался в сторонке.

Вашингтон не тот город, у которого рот на замке. Ко вторнику споры выкристаллизовались и приобрели некую форму в офисе Хэйга, где состоялся разговор между Эндерсом и весьма экстравертивным заместителем секретаря по европейским делам, Лоренсом Иглбергером. Эндерс твердо считал сущим безумием для США пожертвовать новыми и с таким трудом завоеванными позициями в Южной Америке, где целый ряд государств балансировал на грани марксизма, из-за каких-то Фолклендских островов. Иглбергер, как и Хэйг, принадлежал к атлантистам [атлантистами называют сторонников главенства Североатлантическо-

го пакта 1949 г., положившего начало созданию НАТО. — *Прим. пер.*]. Он испытывал уверенность в целесообразности оказания верной поддержки союзнику по НАТО как ключевого момента для европейской безопасности. Словом, налицо классическая дилемма современной американской внешней политики.

В конечном счете победу одержала идея посредничества. Сторонники ее могли, по крайней мере, привести в качестве довода предоставляемый ею администрации шанс отдалить определенный момент, когда придется «склониться» к той или другой стороне. Выступая против лучших решений, предлагавшихся помощниками, Хэйг взялся сам сыграть роль посредника, о чем соответственно и уведомил Белый дом. На следующий день Рейган провел заседание «мини-Совета по вопросам национальной безопасности», как сам не без пренебрежения окрестил то собрание. Чувствуя в выборе Хэйга притязания на роль сильной стороны, президент просто напутствовал государственного секретаря сделать все от него зависящее и беззаботно отправился с визитом к мисс Клодетт Кольбер [Клодетт Кольбер (1903–1996) — голливудская актриса французского происхождения и друг семьи Рейганов. — *Прим. ред.*] на Карибы.

Александер Хэйг, безусловно, видел проблему Фолклендских островов великолепной сценой, где бы представилось удобным довольно безопасно и, как он надеялся, относительно легко разыграть карту великого государственного мужа и истового борца за мир. Использование им челночной дипломатии в вопросе Фолклендов здорово напоминало шаблон недавнего предшественника, Генри Киссинджера, хотя выбранное поле деятельности было едва ли столь же благодатным, как нива Ближнего Востока. Но, по крайней мере, первоначально, предзнаменования казались заманчивыми. Судя по всему, ни Британия, ни Аргентина воевать не хотели, не говоря уже о ведении дорогостоящей кампании на море и в воздухе. Да и дело-то, если разобраться, выглядело этаким смехотворным: суверенитет над почти никому ненужной группой островов где-то на задворках земной географии. Хотя в Америке признавали неправой Аргентину, мало кто в Вашингтоне верил, что британцы не пойдут на значительный компромисс для предотвращения военных действий. В конце-то концов, они столько лет вели переговоры по поводу передачи островов Аргентине.

«Боинг» 707 Хэйга, оснащенный спальными местами, письменными столами, радиотелефонами, фотокопировальными

аппаратами и переполненный радужными надеждами политиков, поднялся в небо ночью в среду, 7 апреля, взяв курс в направлении Лондона. В чреве самолета разместилась сравнительно небольшая по численности команда, возглавляемая Эндерсом и включавшая в себя Дэйвида Гомперта, заместителя Иглбергера как «европейского» представителя. Вернон Уолтерз присоединился к компании позднее. Хэйг настаивал на недопущении в свиту сотрудников прессы. Он был пока только подмастерьем, и ему лишь предстояло выучиться манипулировать СМИ с такой же легкостью, как удавалось это Киссинджеру.

Британцы ни в коем случае не обрадовались гостю. В Уайтхолле уже шептались об «американском вероломстве», да и вообще любой «справедливый» переговорщик по вопросам чистого принципа выглядел подозрительно. Миссия Хэйга всецело вызвала одобрение Коста Мендеса, но Тэтчер соглашалась на посредничество и переговоры только при обязательном принятии во внимание резолюции 502 и на условиях готовности Хэйга «поддерживать усилия до конца». Дабы расставить все точки над «и», кабинет объявил об установлении запретной зоны в радиусе 200 морских миль (370 км) вокруг Фолклендских островов, начиная со следующего понедельника, — примерно тогда, как рассчитывали, в данном ареале появится «Спартан». Запрет на судоходство был наложен, пока самолет Хэйга находился в воздухе.

* * *

К тому моменту британский военный кабинет набрал обороты. Совещания на Даунинг-стрит начинались каждое утро в 9.30 (или в Чекерсе в большинстве случаев в выходные). К тому времени Министерство обороны раскладывало по полочкам свои последние отчеты о состоянии оперативного соединения, а Министерство иностранных дел успевало просмотреть телеграммы, в том числе и сообщения конца прошлого дня из США. Заседание открывалось докладом самого Левина, сопровождавшимся комментариями Нотта, презентацией Пимом переговорной позиции. Затем наступал черед общего обсуждения. Решения рассылались по Уайтхоллу задолго до ланча, после чего высокопоставленные гражданские служащие собирались вновь, дабы проконтролировать выполнение распоряжений и приготовить материалы для следующего дня. Сущность механизма заключалась в плотности

его рабочего процесса. Количество участвующих учреждений сводилось до минимума, не вовлеченные в оборот напрямую структуры оставались в стороне, вследствие чего приобретали особую значимость связующие функции Паллисера. Ближе к концу войны некоторые члены ощущали начало этакого уплотнения артерий системы, что обычно выражается в предоставлении слишком большой власти секретариату кабинета министров. Однако в таком положении военный кабинет обладал большей гибкостью и располагал реальной полнотой власти. Как обнаружил в свое время Черчилль, правление с помощью маленького, всесильного кабинета есть сущее благословение для премьер-министра, однако, если Вестминстер и Уайтхолл и будут мириться с ним в дни войны, воссоздать нечто подобное в мирное время возможным не представляется.

Другим ключом к успеху военного кабинета как инструмента правления служила военная командная структура. Центральным институтом командования британских вооруженных сил выступает комитет начальников штабов, возглавляет который начальник штаба обороны в Министерстве обороны. В случае войны данный орган тесным образом вплетен в ткань военного кабинета, действуя фактически как военная исполнительная власть. Лич представлял отправку оперативного соединения как в первую и основную очередь дело главного вида ВС — соединение являлось конвенциональным сдерживающим средством ВМС в поддержку дипломатии. Мобилизация военных кораблей, торговых судов и морских пехотинцев оставалась его делом. 2-й и 3-й батальоны Парашютного полка [ранее оба они входили в состав 5-й пехотной бригады. — *Прим. ред.*], отряд полка «Блюз-энд-Ройялс» и «Харриеры» КВВС были приданы оперативному соединению. [Помимо частей и подразделений британской армии, приданных 3-й бригаде коммандос Королевской морской пехоты, речь здесь идет об истребителях-бомбардировщиках вертикального взлета «Харриер» GR.3 из 1-й (истребительной) эскадрильи Королевских военно-воздушных сил, которые 3, 4 и 5 мая перелетели с авиабазы Сент-Моган, расположенной в английском графстве Корнуолл, на авиабазу Уайдиуэйк на острове Вознесения. Этот авиаотряд возглавлял командир 1-й эскадрильи КВВС винг-коммандер (wing commander, аналог армейского подполковника) Питер Тед Скуайр. 6 и 7 мая шесть «Харриеров» вместе с восемью пилотами и группой технического обслуживания были погружены на

контейнеровоз «Атлантик Конвейор» и 8 мая отплыли на нем с острова Вознесения в Южную Атлантику, чтобы присоединиться у Фолклендов к основным силам Оперативного соединения 317. Три (затем четыре) самолета были временно оставлены в Уайдиуэйке для несения там службы ПВО. После того как их сменили истребители «Фантом» FGR.2 из 29-й эскадрильи КВВС, переброшенные на остров Вознесения из Англии (с авиабазы Конингсби), оставшиеся четыре «Харриера» GR.3 из 1-й эскадрильи совершили, дозаправляясь в воздухе, авиаперелет к Фолклендам, где присоединились к отряду Скуайра, базировавшемуся с 18 мая на авианосце «Гермес» (две машины сделали это 1 июня, а две других — 8 июня). — *Прим. ред.*] Руководил его действиями командующий флотом в Нортвуде, сэр Джон Филдхауз. Остальным видам войск, в особенности Королевским военно-воздушным силам, отводилась роль обеспечения тыловой поддержки.

Когда эскадры вышли в море и направились на юг, а перспектива ведения войны на суше для Британии возросла, следовало ожидать расширения командной структуры. В случае надобности она могла и сужаться. Начальники штабов встречались каждым утром после возвращения Левина с заседания военного кабинета, быстро обсуждали решения и оценивали обстановку на случай появления каких-то новых стратегических возможностей. К тому моменту Левин обычно уже успевал связаться по телефонной линии с Филдхаузом. Никто и не пытался скрывать факта, что нужды операции как бы оттесняли на запасные рельсы начальников штабов, в том числе даже Лича. Так, например, увидеть в Нортвуде такую высокопоставленную фигуру среди военных, как генерал Ричард Трант [генерал-лейтенант Ричард («Дик») Брукинг Трант (1928–2007) занимал в 1982 г. должность начальника Юго-Восточного округа и отвечал за действия сил быстрого реагирования британской армии вне рамок НАТО; когда генерал-майор Джереми Мур был назначен командующим наземными войсками на Фолклендах, Трант заменил его при адмирале Филдхаузе в качестве заместителя по сухопутным силам (с 21 мая 1982 г.). — *Прим. ред.*], случалось только ближе к концу апреля. Надо отдать должное Нотту, что, несмотря на давление на его ведомство извне, он на всем протяжении конфликта оставлял командный механизм простым — цепочка кабинет–Левин–Филдхауз.

Структуру, правда, отличал один недостаток: она демонстрировала склонность скрывать от военного кабинета природу военных

сомнений в отношении эффективности операции. Оценка оперативного риска — дело сложное, а уж передача этих знаний министрам, у которых есть иные интересы и ставки, задача, посильная далеко не каждому. Премьер-министр, подстрекаемая Личем, фактически приказала начальникам штабов отправляться на войну даже без предварительной встречи с ними. Любые оговорки, которые могли бы прозвучать со стороны сэра Майкла Битема от военно-воздушных сил и сэра Эдвина Брамалла от сухопутных войск, — а кое-какие соображения у них, как известно, имелись, — никогда не стояли на повестке дня кабинета. Задача высокопоставленных офицеров состояла в выполнении приказа по отправке в плавание оперативного соединения. Некоторые из таких сомнений высказывались лишь позднее, когда соединение набрало постоянный темп.

Многие из этих конфликтующих между собой течений сливались в весомый груз и ярмом ложились на плечи Джона Нотта. Рапорты Левина рассматривались как документы, могущие служить образцом политико-военных взаимоотношений. Стремлением авторов отчетов являлось доведение до сведения вышестоящих лиц определенных данных и, безусловно, информации о риске, но одновременно преследовалась и цель вселить в них уверенность. Если какие-то обстоятельства выглядели сомнительно, премьер-министр не уставала переспрашивать вновь и вновь: «А вы уверены, что справитесь с этим?» Левин отвечал с выигрышной миной того, кто знает дело и умеет убедить окружающих: «Да, премьер-министр». В начале истории похода оперативного соединения среди членов как военного, так и полного кабинета бытовало мнение, что, если ВМС придется драться, победа будет достигнута легко. В результате, когда начальники штабов впервые предстали с докладами перед военным кабинетом в Министерстве обороны через неделю после выхода в море оперативного соединения, министры были просто обескуражены предостережениями в отношении возможного ущерба и потерь, известиями о силе аргентинского военно-морского флота и в особенности расчетами на предполагаемый 50-процентный урон у «Си Харриеров». Новости на совещании вполне можно назвать отрезвляющими, если не подавляющими. По иронии судьбы, как раз таки считавшиеся «голубями» Уайтлоу и Пим, опираясь на свой прошлый военный опыт, заверили коллег, что не все действительно обстоит так плохо, ибо начальники штабов всегда настроены мрачно перед сражениями.

* * *

Изначальная скрытая уверенность военного кабинета в своих силах, несомненно, сыграла роль в первом ответе Британии Хэйгу и его миссии. 8 апреля Хэйг привез с собой только три темы, долженствующие стать доминантой всей переговорной фазы: отвод войск обеими сторонами, переходное управление и долгосрочное урегулирование. Последний пункт заимствовал оптом и в розницу ряд замыслов из многочисленных переговоров по Фолклендским островам в прошлом. Американцы совершенно откровенно не понимали сути британской позиции, что вызывало беспокойство в Лондоне.

Для начала команду Хэйга ввел в курс дела Пим в Министерстве иностранных дел. Затем, в 6 часов вечера, они пересекли Даунинг-стрит для встречи с миссис Тэтчер. Затем был дан рабочий обед, на котором среди прочих присутствовали Нотт, Левин и Акленд. Если миссис Тэтчер показалась американцам театрально бескомпромиссным политиком, — безусловно, куда в большей степени, нежели Министерство иностранных дел, — то британцы со своей стороны сочли американский подход несогласованным. В более широких обменах мнениями, в том числе и сразу после обеда, Хэйг проявил излишнюю неуклюжесть своим нажимом на обстоятельство нежелания Америки допустить ссоры двух союзников и войны между ними, а также настойчивыми просьбами к Британии предоставить ему пространство для маневра. В несколько более приватной обстановке — особенно в разговорах непосредственно с миссис Тэтчер — он намекал на обязанность говорить жестко, дабы произвести впечатление на аргентинцев и, похоже, заодно и на собственную команду.

Ответ военного кабинета не допускал сомнений. Страна готова к возвращению за стол переговоров, как только Аргентина начнет уважать требования резолюции 502. Между тем Британия настаивала на своих правах в соответствии со статьей 51 устава ООН. Со своей стороны британцы старались утопить Хэйга в подробностях ужасов зимы в Южной Атлантике и разговорами о том, что надо спешить. В ту ночь он отправился спать, сокрушенный непристуиностью британских позиций, в чем признался американскому послу в ходе сделанной по пути остановки в Бразилии.

Только прибыв в Буэнос-Айрес, команда Хэйга осознала весь размах стоявшей перед ней задачи. Огромные толпы манифестантов, созванных с тактическим расчетом оппозиционны-

ми газетами, заполняли Пласа-де-Майо. Броские заголовки, транспаранты и «настенная живопись» — все кричали взахлеб: «Смерть свинье Маргарет!» и «Прощай, королева, да здравствует Аргентина». Плакаты изображали миссис Тэтчер с черной пиратской повязкой на глазу. Длинные языки на улицах соревновались друг с другом в пошлой остроте шуток в отношении ее пола. Из динамиков радиоприемников и с телевизионных экранов потоком лилась пропаганда, прерывавшая плановые программы действующими на подсознание сообщениями: «Мальвинские острова — наши». В определенный момент Хэйгу пришлось выбираться из президентского Каса-Росада на вертолете, дабы избежать контакта с толпами снаружи.

Хэйгу пришлось убедиться в наличии и у Галтьери благоразумия не намного большего, чем у толпы. Хунта, совершенно очевидно, оторопела от быстроты и силы военной реакции со стороны британцев. Но правители Аргентины не желали поверить, что это не просто блеф. Раньше они склонялись перед выводами оказавшейся неточной дипломатической разведки, а теперь не желали открыть глаза перед правдоподобными военными прогнозами. Сколько бы государственный секретарь США ни убеждал членов хунты, что британцы вовсе не собираются шутить, все без толку — ему не верили.

Хэйг потратил четыре часа на беседу с Коста Мендесом и дважды встречался с Галтьери, в процессе чего американцы испытали сначала некое благоговение, а потом и тревогу в отношении объемов поглощаемого президентом виски. Хэйг увез с собой нечто не намного большее впечатления, создавшегося в результате общения с Коста Мендесом, что аргентинцы могут отвести войска в обмен на отход британцев при условии некоего символического изменения статуса островов. Аргентинцы понимали, что британцы вряд ли согласятся уступить суверенитет до переговоров, но непременно хотели видеть свой флаг развевающимся над Фолклендскими островами.

Такая внешняя готовность проявлять гибкость дала Хэйгу возможность построить первый фрагмент будущего здания. Если бы в данное время он только нашел способ оттянуть решение вопроса суверенитета, то оставалось лишь придумать пристойную аргументацию для вывода аргентинских войск, чтобы те не выглядели проигравшими, а заодно объяснить разворот британской армады без риска создать в Британии впечатление, будто Буэнос-Айрес

нажил на агрессии дивиденды. Иначе говоря, перед новым стартом долгосрочных переговоров на приемлемых для обеих сторон основах Хэйгу пришлось бы создать временную администрацию Фолклендских островов. Задача эта, на первый взгляд такая прямая и незатейливая, как-то ускользала от умов всех прочих посредников по Фолклендам. Вновь и вновь поднимал голову момент долгосрочного суверенитета. Между тем американцы не улавливали и истинного желания обоих спорщиков отвратить надвигающуюся военную грозу. «Как два подростка, которых распирает желание подраться, — высказался один из помощников Хэйга, — они не разойдутся до тех пор, пока не брызнет кровь».

Самолет Хэйга устремил нос в сторону Лондона ночью в воскресенье, 11 апреля, и сидевший в нем штаб госсекретаря США досадливо сетовал на «диктаторские замашки», довлеющие над поведением спорщиков. Хэйг пребывал в мрачном настроении. В радиотелефонном разговоре с Рейганом, конфузливым образом просочившемся за пределы круга посвященных, они строили предположения, утолила ли бы миссис Тэтчер жажду «возмездия», доведись британцам пустить на дно какой-нибудь аргентинский корабль. В Белом доме уже откровенно сомневались, мудро ли продолжать жертвовать американским престижем в этом, по всей видимости, безнадежном деле. И все же Хэйг упорно шел вперед. Когда в 5.40 утра в понедельник, 12 апреля, его самолет приземлился в Хитроу, биологические часы госсекретаря вконец испортились, а между тем никто не прибыл в аэропорт встречать гостя. Наскоро сколоченная эскадра автомобилей отвезла его с командой в отель «Черчилль» для отдыха перед совещанием с военным кабинетом.

Целый день разговоров в Лондоне немногое добавил к пониманию Хэйгом британской позиции. Пим зародил в его душе робкую надежду на возможное согласие Британии на совместную администрацию на островах и принятие постановки суверенитета как темы на повестку дня последующих переговоров. Но первым номером шла резолюция 502. Никакой четкой границы по датам долгосрочного решения, никакого доступа Аргентины на острова в переходный период, и пусть торжествует принцип самоопределения. Самым оптимистичным из сказанного Пимом стало предположение в отношении «травмы вторжения», каковая, может статься, смягчит былую непримиримость жителей островов. Но и сей далекий мираж некстати развеяла миссис Тэтчер, заметив,

что именно теперь чувства островитян к Аргентине навряд ли потеплеют.

Команда Хэйга поддерживала на тот момент постоянную связь с Буэнос-Айресом, где в текущий понедельник проходила встреча аргентинского кабинета. Как предлагал Хэйг, там обсуждали последние условия временной администрации. К его полному недоумению, Коста Мендес сообщил о требовании своего правительства в отношении четкой временной границы передачи суверенитета: этим перечеркивались все договоренности, увезенные Хэйгом с собой из Буэнос-Айреса. Для команды Хэйга происходящее перестало быть челночной дипломатией и превратилось в сцены из жизни обитателей дурдома.

Уже не впервые американцы ощутили неспособность Коста Мендеса представлять свое правительство. Хэйг отложил вылет из Лондона и вновь встретился с миссис Тэтчер во вторник утром. Может быть, хоть у нее есть некий запас гибкости? Единственной уступкой со стороны премьера стала замена status quo ante [латинское выражение status quo ante означает «положение, существовавшее прежде», до некоего события (в данном контексте — до оккупации Фолклендов Аргентиной). — *Прим. пер.*] на «опознаваемо британскую администрацию» и, по крайней мере, приглушение требования Лондона о непременном главенстве желаний населения островов. В то же самое время военный кабинет начал проявлять нетерпение в отношении явно садившегося на мель посредничества Хэйга. Британия искала поддержки Америки. Пим многозначительно заметил на пресс-конференции, что уверен, «США не смогут остаться нейтральными в выборе между демократией и диктатурой». Пусть не явно, путь тихо, но пошел слушок, будто королева теперь менее увлечена идеей встречи со «справедливым» президентом Рейганом во время его предполагаемого в июне государственного визита.

Хэйг же вернулся в Буэнос-Айрес через Вашингтон, оценивая положение как «исключительно трудное и опасное». Он повидался с Рейганом и сообщил тому об отсутствии подвижек к сближению с обеих сторон. Несмотря на по-прежнему сильное сопротивление со стороны Эндерса и Киркпатрик, Хэйг считал, что пришло время пригрозить Буэнос-Айресу, заявив, что США окажут полную поддержку Британии в случае отказа аргентинцев уважать резолюцию 502. Рейган согласился, а потому вторая неделя челночной жизни вновь занесла Хэйга в Аргентину, где

он собирался показать всем большую дубинку. Теперь Галтьери почти не сомневался в отношении серьезности намерений американцев. Он даже позвонил Рейгану перед прилетом Хэйга, дабы заверить президента США в своем «желании мирного решения» и выразить надежду, что Вашингтон не бросит своего нового союзника. И все же Галтьери сам сделался пленником, припертым к стенке, с одной стороны, коллегой из ВМС, убежденным в близости крупного триумфа его вида вооруженных сил, а с другой — иностранным министром, который, похоже, проигрывал один сет в покере за другим. С того момента и далее он превращался во все в большей степени жалкую фигуру.

Коста Мендес взбесил американцев. Будучи адвокатом, он перепрыгивал с одного на другое, то шел на принцип — по всей видимости, желая выслужиться перед военными, — то мертвой хваткой цеплялся за какие-то мелкие подробности. Какой высоты должен быть флагшток? Как будут называться наблюдатели? Каковы будут очертания свободного от войск сектора при их отводе? Посредники начали все тверже осознавать, что проведенные в его обществе часы, по всей вероятности, потрачены зря. Даже «три марионетки» от каждого вида вооруженных сил Аргентины — контр-адмирал Бенито Мойя от ВМС, бригадир-майор Хосе Мирет от ВВС и бригадный генерал Эктор Иглесиас от сухопутных войск, — присутствовавшие на заседаниях вместе с Коста Мендесом, никак не добавляли темпа всему действу. На самом деле из-за запрошенных ими переводчиков процесс и вовсе шел с черепашьей скоростью (Коста Мендес вел переговоры по-английски). Совершенно очевидно, что решающим был голос адмирал Анайи. Без него согласие Коста Мендеса являлось ничем.

Мысли Хэйга на том этапе стали постепенно складываться в некую схему, получившую помпезное название плана из пяти пунктов. Затея подразумевала отвод войск обеими сторонами, действие до декабря администрации под тремя флагами, восстановление линий коммуникаций с материком, а в новом году — переговоры по долгосрочному урегулированию и консультации по установлению точки зрения населения. План разумным образом размежевал разногласия между обеими сторонами, но этим все не кончалось. Уверенность в способности Хэйга добиться от Лондона согласия на принятие конца года в качестве пограничного срока действия переходной администрации отсутствовала (а что потом?). Не мог он гарантировать и Буэнос-Айресу твердой уве-

ренности, что в конце года Аргентина сколько-нибудь приблизится к получению суверенитета. Военные рабочие группы обсуждали план Хэйга до поздней ночи 17 апреля. Хоть какое-то желание пойти на компромисс выражали только военно-воздушные силы.

В воскресенье, 18 апреля, Хэйг лично разыграл главный козырь перед хунтой в полном сборе. Он говорил откровенно, как бы особо обращаясь к Анайе, предупреждая, что Британия настроена решительно, она не блефует, а Соединенные Штаты не могут допустить войны между двумя своими друзьями. Госсекретарь подчеркнул, что Вашингтон не устраивает падение правительства Тэтчер. Аргентине придется вступить в переговоры с реалистичными требованиями, опираясь, как на основу, на резолюцию 502, или США встанут на сторону Британии. Анайя демонстративно сохранял полнейшее спокойствие. Он стоял на тех же позициях: у британцев кишка тонка, чтобы драться, демократии не выносят потерь, ну и, наконец, корабли британского оперативного соединения попросту не выдержат зимы в Южной Атлантике. Кроме всего прочего Анайя, за счет сведений, полученных от своих отдельных агентов, знал о расколе в американской администрации: он не верил в полномочия Хэйга говорить о намерении Вашингтона «склониться» на сторону Британии. Идя на дерзкий жест, адмирал наклонился над столом и сказал Хэйгу прямо в лицо, что тот лжет. Хэйг был ошеломлен.

И все же хунта не отметала план Хэйга сходу. Как саркастически заметил один из американцев, это потребовало бы от них волевого решения. Вместо того они продолжили трудоемкий процесс военных консультаций. Британские министры называли Аргентину диктатурой, как бы ненароком проводя параллели между своей борьбой сегодня и войной против Гитлера и Муссолини. Определение не соответствовало истине. Аргентиной правила олигархия: слабая, нестабильная и чрезвычайно жестокая. Методы режима по подавлению оппозиции — «исчезновения» несогласных и казни без суда — были грубыми, трусливыми и неэффективными даже по стандартам соседних Чили и Уругвая. Конституция государства в том виде, в котором она существовала в действительности, удостоилась у профессора Файнера[1] определения как «прямое военное правление, установленное в результате государственного

[1] Профессор S. E. Finer (С. Э. Файнер), Man on Horseback («Всадник на коне»), Pall Mall. 1962 г.

переворота». Легитимность режима основывалась на претензиях членов хунты на роль защитников государства от внутренних беспорядков. Институты такой законности представляли советы военных — прямая параллель с «комитетами общественного спасения» охваченных революциями стран. Советы выступали в роли парламентов Аргентины — конклавов ее правящей элиты.

Перед такими структурами членам хунты и предстояло отвечать за любые компромиссы, предложенные ими Хэйгу. Состоявший из пятидесяти четырех человек совет армии во главе с председательствующим генералом Хосе Антонио Вакеро, начальником генерального штаба, встречался на совещаниях в выходные, по крайней мере, дважды. Галтьери заявил, что его солдаты «останутся на Мальвинских островах, пока живы». Если говорить о ВМС, Анайя тогда уже отозвал бесценный авианосец в Пуэрто-Бельграно, по всей видимости, из-за серьезных механических неполадок. Однако остальной флот находился в море, готовый отстоять честь ВМС — славных избавителей Мальвинских островов. Похоже, ни у кого из высших командиров не возникали сомнения относительно способности их формирований нанести неприемлемый урон британскому оперативному соединению. Между тем любая ответственность на иерархической вертикали исчезла, поскольку каждый из участников хунты спешил обеспечить личные тылы. Будут созываться из раза в раз консультативные совещания, вскидываться руки, сторонники жесткой линии будут формировать фракции, умеренных заставят умолкнуть. Так что же теперь, хунта пойдет на попятный? Разве не они говорили: «Мальвинские острова — наши?» Разве не у них превосходство в воздухе? А подлодки, ракеты «Экзосет», 8000 чел., окопавшихся вокруг Порт-Стэнли? Так чего же ради торговаться о суверенитете?

Такие рассуждения отправляли дипломатию прямиком на кладбище. К понедельнику, 19 апреля, Хэйг осознал, что имеет дело с режимом, попросту неспособным на какие-то связанные единые решения, не говоря уж о готовности придерживаться их. Галтьери будет соглашаться с какими-то моментами, потом выйдет на балкон Каса-Росада, окунется в омут рукоплесканий толпы, откроет рот и... обнаружит вдруг, что от всего открестился. По Буэнос-Айресу вдоль и поперек гуляли слухи: вторжение осуществлял один Анайя, Лами Досо против, он в опале, Галтьери напивается до бессознательного состояния. Невероятно, но Хэйг

продолжал сражаться. Он выработал с Коста Мендесом некую программу, каковую понимал как «донную линию» Аргентины: совместная англо-аргентинская администрация под надзором США, совместный совет островов, решение вопроса суверенитета в ООН к концу года. Пункты эти были сформулированы в «плане» Коста Мендеса. Однако на деле все покрывал туман сомнения. Как далеко должно отступить оперативное соединение? Не будет ли право свободного въезда на острова граждан Аргентины неприемлемым для Британии? И что означает на деле «совместный суверенитет»? Когда самолет Хэйга уже готовился к вылету, на команду госсекретаря обрушился сбивчивый поток сообщений от Коста Мендеса. Можно пойти и на другие уступки. Нет, никаких больше уступок. Коста Мендес может предложить варианты. А хунта может отозвать их.

Новые предложения Коста Мендеса по телеграфу передали в Лондон в 9 часов вечера понедельника. Прошло уже более двух недель со времени выхода в море оперативного соединения, и новости из Буэнос-Айреса вызывали нескрываемую враждебность у военного кабинета. Ни один из новых ингредиентов аргентинского дипломатического варева не заслуживал принятия. Единственным фактором, помешавшим британцам высказать свое неприкрытое «фэ» Хэйгу, стало нежелание военного кабинета выступить в роли инициаторов окончательного развала его дипломатии. Хэйгу позвонили во время остановки для заправки в Каракасе, где госсекретарь поднялся с койки, дабы «ввести в курс дела» венесуэльского министра иностранных дел, и сообщили об отсутствии надобности лететь в Лондон. Ничего нового он там не услышит.

Челнок дипломатии Хэйга был обречен замереть в Вашингтоне. Кризис вокруг Фолклендских островов полностью вывел его из прочего политического оборота на двенадцать суток, за время которых госсекретарь США с командой покрыл расстояние в 32 965 миль (т.е. более 53 000 км), — своего рода рекорд. На домашнем фронте сопротивление его миссии все возрастало. «Нью-Йорк Таймс» озаглавила редакционную статью словами: «Побудь дома, Эл Хэйг» [Эл (Al) — уменьшительная англоязычная форма имени Александер (Alexander), однако ее можно интерпретировать и как испанский артикль «эль» (el), намекая на излишнее увлечение госсекретаря Александера Хэйга латиноамериканской проблемой. — *Прим. пер.*]. В ней говорилось, что

для применения кипучей энергии госсекретаря есть-де кризисы и побольше. Вдобавок к этому Северная Америка, а в особенности восточное побережье США, переживала необычайный подъем пробританских симпатий. Британский посол в Вашингтоне, сэр Николас Хендерсон, развернул политическую Фолклендскую пиар-кампанию, не менее изощренную, чем та, которую вел в ООН сэр Энтони Парсонз. Хендерсон был неутомим. Каждое утро в своем помятом костюме и с непокорными волосами он появлялся то на одном, то на другом канале американского телевидения, играя роль воплощенной европейской добропорядочности и надежности. В городе, где имидж — все, он сумел создать для Британии образ небогатого гордеца в стоптанных башмаках, готового заложить и их ради торжества справедливости и правосудия. О многом говорила, казалось, уже сама по себе причуда с оперативным соединением.

Хендерсону удалось откупорить старинную, ставшую почти замшелым атавизмом эмоциональную жилку, связывавшую Британию с Соединенными Штатами. Она не имела ничего общего ни с НАТО, ни с Европой, ни с судьбой политики Рейгана в Латинской Америке. Как признался Хендерсону с некоторым подтекстом один сенатор, плевать мне на то, кто прав, а кто не прав с теми Фолклендскими островами. «Но знаете, почему я за вас? — задал он риторический вопрос и сам же ответил: — Потому что вы британец». Когда Хендерсон ежедневно обивал пороги кабинетов Капитолийского холма, лоббируя сенаторов и конгрессменов, да любого из желающих выслушать, он неизменно вызывал те же энтузиазм и восторженность, что царили в Британии со стороны людей, страстно желающих видеть у власти правительство — какое угодно правительство, — готовое всеми силами дать бескомпромиссный ответ на любой враждебный выпад в мире. По данным опроса Лу Харриса на 29 апреля, выяснилось, что 60 процентов американских граждан голосуют за Британию и только 19 — за Аргентину. Тем временем штаб Хэйга осел в Вашингтоне, чтобы оценить обстановку и выработать окончательный вариант предложений для спасения государственного секретаря от унижения, а Фолклендские острова — от войны.

7

ОБРЕТЕНИЕ ЮЖНОЙ ГЕОРГИИ

Командиры составляющих частей британского оперативного соединения, сходившихся по плану на острове Вознесения в конце второй недели апреля, имели приказы военного кабинета обеспечить ряд отдельных моментов. Коммодор Клэпп и бригадир Томпсон, находившиеся на борту «Фирлесса», ломали голову над «возвращением Фолклендских островов». Томпсона и его планирующую ячейку — группу «R» — особым образом проинструктировали относительно задачи сосредоточиться исключительно на действиях на суше, поскольку сражения в небе и на море будут разворачиваться и выигрываться до их прибытия.

Для достижения соответствующих условий сэр Джон Филдхауз и адмирал Вудвард располагали, помимо трех атомных подводных лодок, уже следовавших в Южную Атлантику, самым мощным ядром эсминцев и фрегатов, которые только могла позволить себе послать в море Британия. Возглавляли их три ракетных эсминца типа 42 — «Глазго», «Шеффилд» и «Ковентри» — и два ракетных фрегата типа 22 — «Бриллиант» и «Бродсуорд», — которые вышли из Гибралтара вместе с другими судами, участвовавшими в учениях «Спрингтрейн», курсом на остров Вознесения. Ну и наконец — авианосная группа из «Инвинсибла» и «Гермеса». Корабли Вудварда начали путь на юг на рекордной скорости в 25 узлов, но скоро сбавили обороты. Как стало очевидным, никакого прока от спешки не будет, и надо ждать, пока подтянется авианосная группа. Даже и тогда, невзирая ни

на какие фантазии британской прессы о мнимой возможности покрыть расстояние до Фолклендских островов за две недели, отсутствовал и самый крошечный шанс для боевых кораблей следовать на юг без сопровождения танкеров, которые шли с крейсерской скоростью всего в 15 узлов.

Командир 1-й флотилии, или КПФ [по-английски — FOF1, аббревиатура от Flag Officer Flotilla 1 (или Flag Officer First Flotilla, флаг-офицер первой флотилии). — *Прим. пер.*], как обычно именовался адмирал Вудвард, к моменту отправки в поход в воды Южной Атлантики снискал репутацию крайне динамичного и блистательного офицера. Он излучал энергию и напор, фонтанировал идеями в манере, восхищавшей всех, кто знал его многие годы. «Совершенно потрясающий парень, — решительно подытожил командир одного из фрегатов его флотилии и добавил: — У Сэнди свободный ум». Командуя субмариной, а позднее эсминцем типа 42 [речь идет об эсминце УРО «Шеффилд», командиром которого Дж.Ф. Вудвард (тогда еще кэптен) был в 1976–1978 гг. — *Прим. ред.*], он, не жалея себя, трудился ради интересов подчиненных, однако некая внешняя сухость часто отталкивала от него людей, и если говорить о близких друзьях, их насчитывалось вокруг него, пожалуй, совсем немного. Один из его капитанов, восхищавшийся им, считал Вудварда в глубине души застенчивым человеком, каковые свойства тот маскировал порой за жесткой манерой речи и поведения. В отличие от большинства своих офицеров Вудвард, сын банковского служащего из Корнуолла, происходил из семьи, не имевшей в прошлом военно-морских традиций. Математик и шахматист, он продвигался по служебной лестнице исключительно за счет интеллекта, быстроты мышления, личной притягательности. Если он и в самом деле страдал от неуверенности в себе, посторонние едва ли замечали это. Оперативное соединение находилось под командованием поразительно умного морского офицера, преисполненного решимости к великим свершениям, предстоявшим ему самому и командам кораблей. Критика, обрушившаяся на адмирала за действия на протяжении последовавших недель, происходила в значительной мере из-за соображений как раз якобы излишней самоуверенности.

В воскресенье, 11 апреля, Вудвард принимал командиров кораблей на борту «Гламоргана». На совещании перед ланчем он предложил офицерам высказать соображения относительно

дальнейшего развития событий и, естественно, о том, как действовать перед лицом аргентинской угрозы, если дело дойдет до боя. Многие разделяли мнение командира «Глазго», кэптена Пола Ходдинота: все горели желанием показать свои способности и возможности их кораблей, но полагали, что после некой вооруженной демонстрации сил — вероятно, после первой стычки с аргентинскими ВМС — противник сразу же выразит готовность договориться. Командир «Ковентри», кэптен Дэйвид Харт-Дайк, упирал на особенную угрозу со стороны неприятельской авиации, но полагал, что противник не рискнет выйти из порта. Другие офицеры считали, что с политической точки зрения у аргентинских ВМС нет предлога отказаться от битвы, поскольку сами их командиры довели народ до экстаза навязчивой идеей захвата Фолклендских островов. Самому адмиралу столкновение с формированиями аргентинских ВМС представлялось вполне вероятным, к тому же его беспокоила угроза со стороны имевшихся у неприятеля двух современных дизельных подлодок типа 209 западногерманского производства, а кроме того — опасность налетов с воздуха. Большинство офицеров позднее признавали, что на данной стадии очень и очень недооценили аргентинские военно-воздушные силы. «Мы беспокоились, но не так, как следовало бы, — говорил один капитан, корабль которого серьезно пострадал от атак авиации. — Мы недооценили их воли наносить удары и проводить решительные атаки». Пусть Вудвард осознавал размеры и мощь военно-воздушных сил неприятеля, составляя свое мнение о них в апреле, он пользовался данными разведки из Лондона, по которым выходило, что противник располагает лишь одним самолетом «Супер-Этандар», способным вести огонь ракетами АМ 39 «Экзосет», которых у аргентинской авиации имеется всего пять единиц. [На самом деле, согласно контракту, заключенному в сентябре 1979 г., Франция должна была поставить Аргентине 14 самолетов «Супер-Этандар», 28 авиационных ракет АМ 39 «Экзосет», несколько запасных двигателей, а также другие запчасти и различное сопутствующее оборудование на общую сумму 160 млн долларов США. В октябре 1981 г. в Аргентину прибыли пять первых «Супер-Этандаров», которые поступили на вооружение 2-й ударной эскадрильи аргентинской морской авиации, и до марта 1982 г. пилоты этих машин успели налетать на них примерно по 100 часов. 31 марта в связи с предстоящими военными действиями аргентинцы установили на своих пяти

«Супер-Этандарах» ракеты «Экзосет» (на каждый самолет было получено от французов только по одной такой ракете), а затем в течение 15 дней проводили тактические учения во взаимодействии с эскадренными миноносцами «Сантисима Тринидад» и «Эркулес», относящимися к тому же типу 42, что и британские эсминцы УРО класса «Шеффилд». — *Прим. ред.*]

Угроза со стороны надводного флота казалась и в самом деле очень большой. «Когда приходится противодействовать собственным системам оружия, трудно испытывать чувство превосходства» — так выразил свое мнение по данному вопросу один офицер. Аргентинцы располагали по крайней мере шестью эсминцами и фрегатами, оснащенными ракетами «Экзосет» класса «корабль-корабль». Прежде чем авианосная группа вышла из Портсмута, капитаны встретились на борту «Инвинсибл» для проведения конференции с участием директора военно-морской тактической школы в Форт-Саутуик. Они обсудили некоторые детали в отношении функциональных возможностей аргентинских вооруженных сил. «Экзосет» против «Экзосет», — глубокомысленно проговорил капитан «Инвинсибла» Джереми Блэк. — М-да. Это не радует». Конечно, команды британских субмарин сделают все от них зависящее и возьмут на мушку неприятельский флот, но британцы считали вполне возможным шанс на прорыв аргентинцев в случае должной целеустремленности и напора. Вудварду не нравились очертания заявленной Лондоном 200-мильной (370-километровой) запретной зоны на море вокруг Фолклендских островов, действие режима которой вступало в силу на следующий день, 12 апреля. Политики и начальники штабов начертили простой круг. Вудвард же предпочел бы иметь куда более широкий ареал к востоку от островов, дабы обеспечить себе больше простора на море и избавиться от страшного для британцев кошмара — вражеского авианосца, дрейфующего себе на безопасном расстоянии за чертой в 200 морских миль (370 км) и преспокойно отправляющего оттуда самолеты атаковать британские цели.

Ни один корабль в британском оперативном соединении — за исключением двух фрегатов УРО типа 22, оснащенных ракетами ближнего радиуса «Си Вулф», — не располагал средствами для активного противодействия ракетам «Экзосет». Многие корабли полагались единственно на «соломку», за счет которой в небе создавались сбивавшие с толку радары помехи, да еще на вертолеты, взлетавшие по тревоге в случае возникновения опас-

ности быть атакованными неприятелем и таскавшие за собой радиолокационные ловушки. С самого начала Вудвард надеялся защититься от ракет за счет уничтожения применявших их кораблей или летательных аппаратов до момента запуска или же — на дистанции, на которой бы авианосцы оказались неуязвимыми для вражеского огня. В случае прорыва аргентинского ВМС Вудвард предполагал со всей возможной поспешностью отвести авианосцы в восточном направлении, дабы заставить противника при слишком быстром и далеком выдвижении оторваться от танкеров поддержки, когда две британские «ударные группы» постараются навязать аргентинским кораблям бой и уничтожить их. Одна будет состоять из трех эсминцев УРО типа 42, а вторая — из эсминца УРО «Гламорган» и двух фрегатов УРО типа 21.

Основной груз в деле обеспечения противовоздушной обороны возлагался на «Си Харриеры». Но на той стадии данные летательные аппараты оставались совершенно непроверенными. По сравнению с «Фантомами» и «Миражами», многим военно-морским офицерам они представлялись чем-то не намного лучшим детской игрушки, как, впрочем, и «Инвинсибл» казался лишь тенью славы «Арк Ройяла» [название «Арк Ройял» (Ark Royal, «Королевский ковчег») в разное время в истории носили пять британских военных кораблей, здесь же, очевидно, имеется в виду четвертый из них, авианосец класса «Одейшес», состоявший на вооружении Королевских ВМС с 1955 до 1979 г. (с момента постройки он был способен нести пятьдесят самолетов, а после реконструкции 1967–1970 гг. — тридцать восемь). — *Прим. ред.*] и могучих тяжелых авианосцев. Больше того, и тех «Си Харриеров» наличествовала лишь жалкая кучка. Всего в мире существовали тридцать два палубных самолета марки «Си Харриер». Если они закончатся, заменять их нечем. Помимо более чем скромной авиагруппы, следующим слоем противовоздушной обороны флота — «внутренним корпусом», как говорили в ВМС, — являлись эскадренные миноносцы типа 42 с их хваленными зенитными ракетами «Си Дарт». В ходе учений «Спрингтрейн» такая управляемая ракета, выпущенная с эсминца «Шеффилд», уничтожила мишень, двигавшуюся со скоростью 1500 миль в час (около 2778 км/ч) на дистанции 51 000 футов (15 300 м). Система являлась поводом большой гордости для Королевских ВМС, хотя за ней и ходила сомнительная слава далеко не самого надежного оружия. Ну а поскольку аргентинские ВМС тоже распола-

гали ракетами «Си Дарт», вряд ли следовало ожидать, будто от неприятельских летчиков укрылась одна очень крупная слабость этого комплекса: сконструированный для противодействия высоко летающим советским летательным аппаратам и ракетам, он не мог поражать мишени на малых высотах. Если аргентинские самолеты станут атаковать с бреющего полета, единственной защитой кораблей окажутся зенитные ракетные комплексы «Си Вулф», установленные только на двух судах, ну а дальше — только ствольные средства ПВО. Корабли Вудварда были оснащены только горсткой 40-мм зенитных пушек «Бофорс» и 20-мм автоматических зениток «Эрликон», считавшихся у кораблестроителей этакими пережитками старины — ручными насосами на зеленой лужайке у дома в сельской местности.

Больше того, флот Вудварда не располагал системой дальнего радиолокационного обнаружения. В этом смысле кораблям приходилось идти в бой фактически менее защищенными, чем любая эскадра Королевских ВМС после 1954 г., когда появилось ДРЛО. Обзорный локатор, радар типа 965, установленный на большинстве кораблей оперативного соединения, устарел на поколение и пользовался печальной известностью терять эффективность в условиях штормовой погоды. А сильного волнения как раз и следовало ожидать в Южной Атлантике в мае. По признанию одного капитана, когда корабли проследовали остров Вознесения, у него стала крепнуть уверенность в том, что британское правительство какими-то тайными путями все же обеспечило доступ к средствам ДРЛО либо за счет применения летательных аппаратов с чилийскими опознавательными знаками, либо с помощью американцев. Офицер этот попросту не мог поверить в возможность отправки морского соединения на войну с противником, располагающим значительными силами боевой авиации, без обеспечения флота системами ДРЛО.

Многие моменты, связанные с развертыванием и функциональными возможностями боевой группы ВМС, поражают загадочными парадоксами, разобраться с которыми загодя не пытались ни Нортвуд, ни Уайтхолл. После окончания войны большинство высших офицеров британской армии и КВВС изо всех сил старались подчеркнуть факт выражения ими поддержки оперативному соединению первоначально лишь как некоему сдерживающему средству — демонстративному шагу. Их вполне удовлетворяла уверенность Королевских ВМС в способности бри-

танских кораблей «постоять за себя» в Южной Атлантике. Однако в решающие первые дни апреля никто, похоже, не озадачивал себя трезвым расчетом в отношении трудностей ведения крупной войны в Южной Атлантике, не говоря уж о десантной операции — высадке войск. Только теперь — когда флот уже полным ходом шел на юг, — в Лондоне начали шевелить мозгами в отношении открывавшихся впереди стратегических вариантов. Многие политики продолжали верить, будто одной демонстрации сил в Южной Атлантике или, в худшем случае, установления блокады хватит, чтобы заставить аргентинцев одуматься. Пусть некоторые высшие военно-морские офицеры по-прежнему верили, что конфронтация никогда не перерастет в войну, в глубине души они не сомневались — одна лишь блокада никогда не заставит аргентинцев отступить, коль скоро добиться этого не удалось на переговорах. Адмирал Вудвард и практически всего его капитаны прослеживали очевидную цепочку шагов на пути словно бы неизменно ступающего вверх по лестнице британского правительства: сначала просто выдвижение в Южную Атлантику, затем установление блокады, возвращение Южной Георгии и с тех пор все крепнущий нажим на аргентинские корабли и летательные аппараты до тех пор, пока не разгорится полнокровная война. Если же дойдет до высадки британского десанта, тут, по личным предложениям высокопоставленных военно-морских офицеров в Лондоне, ударной группе Вудварда предстоит сначала уничтожить 30 процентов боевой авиации противника, лишь после чего можно будет отправить на берег 3-ю бригаду коммандос.

И тем не менее, для достижения всех целей, для ведения войны в Южной Атлантике против неприятеля, обладавшего наличествовавшей у аргентинцев мощью, соединение Вудварда было чрезвычайно слабо вооружено. Нехватка вооружения и в особенности ствольной артиллерии на современных британских кораблях являлась темой дебатов на протяжении многих предшествующих лет. Некоторые эксперты считали, что при разработке конструкции кораблей судостроительным управлением ВМС в Бате во главу угла ставились скорость, в жертву каковой приносилась способность судов нести мощное оружие. В эпоху, когда важность тенденции на повышение качества условий труда и быта человека в британском обществе стала принимать несколько гипертрофированные формы, британские военные корабли строились с расчетом предоставления довольно высо-

кого комфорта командам. Вследствие этого соединение вроде отправленной в Южную Атлантику ударной группы смогло не только выйти в море, но и оставаться там на протяжении месяцев. Однако ценой за рост удобств становилось уменьшение вооружения. Огромные радиолокационные антенные решетки, установленные на мачтах современных кораблей, создавали хроническую проблему избыточной массы оборудования, размещаемого в верхней части судна, разрешить которую по-настоящему удовлетворительно так никогда и не удавалось.

Отправка адмирала Вудварда в Южную Атлантику с особой задачей бросить вызов неприятельской авиации и надводному флоту была до крайности отважным предприятием — куда более рискованным и серьезным, чем могли представить себе британские политики и британская публика. Некоторые военно-морские офицеры и многие специалисты в области обороны вместе с планирующими органами пребывали в состоянии глубокой тревоги. На всем протяжении истории Королевских ВМС моряки неизменно демонстрировали выучку и мастерство, не знавшие себе равных в мире. Однако технологические и технические пробелы вновь и вновь приводили к катастрофам. Адмирал Битти в Ютландском сражении, адмирал Холленд на «Худе» и линкор «Принс оф Уэлс», адмирал Филипс с соединением «Z» — все выходили в море, лучась уверенностью и преисполненными храбрости, унаследованными в полной мере адмиралом Вудвардом и его поколением моряков, но терпели ужасные поражения, порожденные техническим несовершенством судов перед лицом противника. [Ютландское морское сражение 31 мая — 1 июня 1916 г. считается неопределенным по исходу, однако британский «Гранд Флит» (Grand Fleet, Большой флот) адмирала сэра Джона Рашуорта Джеллико потерял в нем больше кораблей и людей, чем германский Флот открытого моря адмирала Рейнхарда Шеера. Вице-адмирал сэр Дэйвид Ричард Битти возглавлял в этой битве часть «Гранд Флита», а именно 1-ю и 2-ю эскадры линейных крейсеров. Британский вице-адмирал Ланселот Эрнест Холленд погиб на линейном крейсере «Худ», потерянном 24 мая 1941 г. в бою с немецким линкором «Бисмарк» в Датском проливе. Тогда же был поврежден линкор Королевских ВМС «Принс оф Уэлс» («Принц Уэльский»), потопленный позднее, 10 декабря 1941 г., в Южно-Китайском море (у восточного побережья Малайи в районе Куантана) японской авиацией. В тот день японцы также

отправили на дно линейный крейсер «Рипалс», входивший, как и «Принс оф Уэлс», в состав британского Соединения «Z», командир которого, адмирал сэр Томас Спенсер Вон Филлипс, держал флаг на линкоре и погиб вместе с ним. — *Прим. ред.*]

Но опасения вовсе не оставались уделом солдат и гражданских лиц на берегу. Прежде чем флот Вудварда двинулся дальше на юг от острова Вознесения, один опытный капитан почувствовал себя обязанным написать в Англию другу, имевшему доступ к премьер-министру, и настоятельно просить передать ей, насколько велика опасность, поджидающая соединение впереди. Вот его мнение: «Меня крайне беспокоила ошибочность ее решения послать нас в поход. Я расценивал эту войну как крайне рискованную и считал необходимым убедиться в том, что политики отдают себе отчет в том, во что впутываются. Знакомясь с информацией, поступавшей по каналам связи из СК на протяжении тех недель, мы понимали, что воинственность некоторых из наших политиков куда как перекрывает мнение армейских и морских специалистов о наших возможностях».

* * *

12 апреля субмарина «Спартан» прибыла в район Фолклендских островов для подкрепления делом заявления о незыблемости границ британской запретной зоны. Тем временем на острове Вознесения команды кораблей Вудварда загружали запчасти и военное снаряжение из огромных запасов, созданных за счет полетов на аэродром транспортных самолетов Королевских военно-воздушных сил. На следующие три месяца остров Вознесения, крохотная скала застывшей лавы, обитаемая по большей части американскими специалистами в области коммуникаций, превратился в ключевую базу крупнейшей после 1945 г. операции британских служб тыла. Из всех факторов, беспокоивших британских командиров, наиболее чувствительным на всем протяжении войны оставалось завораживающее своим гигантским размахом расстояние между театром военных действий и родными берегами. Пагубность любых бедствий и напастей, связанных с поврежденными судами, с потерпевшими кораблекрушение людьми или со сломавшимися летательными аппаратами, сразу же кратно умножалась, поскольку до ближайшего верного источника поддержки оставалось более 3000 миль (около 6000 км).

Первая группа кораблей для выдвижения в Южную Атлантику отправилась в путь в самом спешном порядке. Уже не позднее 6 апреля стартовал процесс планирования возвращения Южной Георгии [эта военная операция получила кодовое наименование «Паракет» (Paraquet), представлявшее собой вариант произношения английского слова «паракит» (parakeet) — длиннохвостый попугай, однако в британском оперативном соединении ей дали неофициальное название «Паракват» (Paraquat) — в честь популярного гербицида, эффективно уничтожающего сорные растения, но при этом весьма ядовитого для людей и животных. — *Прим. ред.*]. На острове Вознесения эсминец УРО «Антрим», фрегат «Плимут» и танкер «Тайдспринг» подобрали майора Гая Шеридана, роту «М» 42-го отряда коммандос [командиром этой роты был капитан Кристофер Джон Нанн. — *Прим. ред.*], майора Седрика Делвза с его эскадроном «D» из 22-го полка САС и 2-я секция Специального лодочного эскадрона (СБС) [все вышеперечисленные подразделения, а также не упомянутые здесь 2-я и 5-я группы передовых наблюдателей-корректировщиков огня военно-морских сил из 148-й батареи («Мейктила») 29-го артиллерийского полка коммандос (в каждой такой группе насчитывалось 5 чел., в том числе один офицер), образовали десантный отряд майора Королевской морской пехоты Джеймса Мориса Гая Шеридана (всего 250 чел.), выделенный для участия в операции «Паракет» и отправленный на Южную Георгию в составе Объединенной оперативной группы 317.9 (Combined Task Group 317.9), которую возглавил командир эсминца «Антрим» кэптен Брайан Гилмор Янг. — *Прим. ред.*]. Они немедленно отплыли в южном направлении на рандеву с «Эндьюрансом».

На остальных кораблях Вудварда шли короткие, но интенсивные учения, нацеленные главным образом на действия «ударных групп» против приближающихся надводных сил неприятеля. Ввиду отсутствия вблизи авианосцев, средства для тренировок и совершенствования противовоздушной обороны не имелось. Да у команд большинства кораблей просто бы и не осталось времени на подобные упражнения, поскольку военный кабинет в Лондоне крайне беспокоился и спешил выдвинуть британские силы как можно дальше вглубь Южной Атлантики в качестве аргумента в незавершенном процессе дипломатии. Вудварду приказали отправить основные силы соединения — три эсминца УРО типа 42 и фрегаты УРО «Бриллиант» и «Арроу» — для занятия

позиции, равноудаленной примерно на 1000 миль (1800 км) от Буэнос-Айреса, Южной Георгии и Порт-Стэнли. Поставленным под начало отважного командира «Бриллианта», кэптена Джона Кауарда, им предписывалось выступать немедленно в режиме радарного и радиомолчания.

Прежде чем отпустить их, Вудвард лично посетил каждый корабль на вертолете. Он выступил перед офицерами и старшинами в офицерских кают-компаниях, а перед рядовым составом в обеденных помещениях. Он честно говорил о перспективах вступления в настоящую войну. Однако, очень стремясь вдохновить людей и заразить их уверенностью в победе, адмирал в своих оценках, похоже, принизил силы и возможности неприятеля, точь в точь, как и в противоречивом газетном интервью на «Гермесе» почти ровно две недели спустя. «Наши ребята в состоянии прочитать «Боевые корабли Джейна» [имеется в виду капитальный ежегодный справочник по корабельному составу военно-морских флотов мира, выпускаемый с 1898 г. в Великобритании под названием «Все боевые корабли мира» (All the World's fighting ships), а с 1922 г. до настоящего времени — «Боевые корабли Джейна» (Jane's Fighting Ships); основателем и первым главным редактором этого издания был англичанин Джон Фредерик Томас Джейн (1865–1916). — *Прим. ред.*] точно так же, как и он сам, — прокомментировал позднее один офицер, — и им совсем не нравится, когда их держат за идиотов». Другой заметил: «Он пытался быть человечным, но напрасно». Несколько недель спустя, когда после первых же налетов с воздуха стали очевидными ключевые слабости оперативного соединения, лейтенант Тинкер с горечью писал брату: «... Военно-морской флот считал, что-де мы британцы, а они латиносы, и будто бы этим все сказано. И адмирал говорил нечто такое же на телетрансляции в оперативном соединении...» Столь откровенно высказывались лишь некоторые из военнослужащих в составе оперативного соединения, но у многих в душе таились скверные предчувствия.

Группа «Бриллианта» отправилась на выполнение задачи и вышла на предписанную ей позицию 15 апреля. Тем временем 14 апреля «Гламорган» повернул на север для соединения с приближавшимися авианосцами. Затем последовала передышка на якорных стоянках у острова Вознесения, в ходе чего суда приняли на борт большое количество припасов и эскадрон «G» 22-го полка САС. Прошла также и серия важных совещаний. 16 апреля, ког-

да к острову подошел «Фирлесс», Вудвард высадился на нем для встречи с Клэппом, Томпсоном и штабом 3-й бригады коммандос.

Путь движения морских пехотинцев на юг не был усеян розами. Больше недели они трудились в поте лица, прорабатывая те или иные варианты десантной операции. Ни Нортвуд, ни Министерство обороны не дали им особенно ценных сведений в отношении аргентинской диспозиции на островах, но зато не поскупились на массу бестолковой информации в отношении размеров вражеского гарнизона. По существовавшим на тот момент данным, силы противника насчитывали там по меньшей мере 8000 чел. Для 3-й бригады коммандос, даже усиленной, как запланировано, 2-м батальоном Парашютного полка, перспектива штурма Фолклендских островов при неприятельском численном превосходстве более чем два к одному казалась все в большей степени рискованной, если не безрассудной. Да и планировать совместные действия с Королевскими ВМС оказалось делом непростым. Разумные военно-морские офицеры соглашались, что штабная работа никогда не являлась коньком в их роде войск. Деспотичная командная структура, необходимая на боевом корабле в море, плохо согласуется с военным подходом, построенным на необходимости предоставления командирами максимума свободы своему штабу, дабы тот представил ряд альтернативных вариантов достижения цели. Военно-морские штабы привыкли в большей степени получать от командира задачи, выраженные в следующих выражениях: «Вот то, чего я хочу. Организуйте выполнение».

В мирное время штаб коммодора Клэппа, командовавшего кораблями десанта, довольствовался штатом из всего четырех человек. Численность спешно нарастили перед отплытием «Фирлесса», но, само собой разумеется, назначали в него офицеров из тех, кто оказался в распоряжении в данный конкретный момент. Им никогда прежде не доводилось действовать как одной команде. Штаб КМП засел за подготовку планов высадки почти совершенно отдельно от штаба Клэппа. Когда же морские пехотинцы закончили, наконец, с прикидками, Клэппу и командиру «Фирлесса» Ларкену пришлось круто менять схемы, чтобы добиться учета в расчетах сложностей, встающих перед военно-морским звеном. Ларкену, высокому и сухощавому подводнику, совершенному католику по взглядам, в изрядной мере интересующемуся искусством, предстояло сыграть важную роль в деле превраще-

ния лелеемых и желаемых «совместных действий» в действительно совместные. Его личное обаяние и ценное умение прислушиваться к мнению других людей неизмеримым образом посодействовали конечному успеху морской десантной операции.

Плодом этих совместных трудов на пути к острову Вознесения стали сорок шесть страниц анализа ситуации с одиннадцатью приложениями, в каковых обрисовывались условия и варианты высадки амфибийного десанта в Южной Атлантике. Томпсону очень бы хотелось взять на Южную Георгию всю бригаду, отчасти для гарантии захвата первой цели оперативного соединения, но, что, пожалуй, особенно важно, из соображений сделать остров этакой репетиционной площадкой для бригады и базой для развертывания дальнейших операций против неприятеля на Восточном или на Западном Фолкленде. Томпсон не скрывал нежелания идти на риск прямого штурма Фолклендских островов. «Нам предоставлялась одна-единственная попытка, понимаете? Тут нельзя было, как при Дьеппе, где попробовали, но не получилось. Не получилось в этот раз, так получилось в другой. У нас же варианты отсутствовали, кроме одного — сделать сразу и правильно, одним махом». [Здесь упоминается известный эпизод Второй мировой войны — Дьеппский рейд 19 августа 1942 г., когда союзники в ходе операции под кодовым названием «Джубили» («Юбилей») произвели пробную высадку на хорошо укрепленном участке французского побережья у города Дьепп, рассчитывая проверить там прочность немецкой обороны и приобрести опыт, необходимый для организации в будущем полномасштабного вторжения через Ла-Манш. Высаженные войска — основная часть 2-й канадской пехотной дивизии, четыре отряда британских коммандос и небольшая группа американских рейнджеров — встретили упорное сопротивление немецкого гарнизона Дьеппа (около 1500 чел. из состава 302-й пехотной дивизии вермахта) и понесли большие потери. Их урон в живой силе составил 3623 чел. из 6086 (т.е. почти 60%), причем особенно пострадали канадцы, потерявшие 3367 чел. из своего 5-тысячного контингента (68%). Кроме того, Королевские ВВС потеряли 109 чел. (62 убитыми, 30 ранеными, 17 попавшими в плен) и безвозвратно утратили 106 самолетов, а Королевские ВМС, потеряв 550 чел. убитыми и ранеными, лишились одного эсминца и 33 десантных судов. Со стороны немцев, отражавших рейд на Дьепп, погибли 311 и получили ранения 280 военнослужащих

сухопутных сил, в то время как в воздухе было потеряно 48 самолетов Люфтваффе. — *Прим. ред.*]

На совещании 16-го Вудвард явно без очевидного восторга выслушал выкладки планировщиков морского десанта. Затем предложили штабу обдумать: первое — создание плацдарма на Западном Фолкленде, который войска будут способны оборонять в процессе строительства взлетно-посадочной полосы для приема транспортных самолетов «Геркулес» и истребителей «Фантом», второе — высадку на равнине Лафонии в южном секторе Восточного Фолкленда. Он улетал с «Фирлесса» в убеждении, что совещание прошло как надо, пусть бы на нем и высказывались некоторые бесполезные идеи. Как бы там ни было, за спиной у себя на корабле управления адмирал оставил разозленный до крайности штаб бригады коммандос. «Мы чувствовали себя этакой кучкой маленьких мальчиков под строгим взглядом школьного директора», — высказался один из них. Адмирал обратился к Юэну Саутби-Тейлуру с такими словами: «Так и что вы там знаете о Фолклендских островах, мой мальчик?» Он почти презрительно остановил Вива Роу, офицера разведки, когда тот начал доклад о воздушной угрозе со стороны противника: «Не вижу надобности сосредоточиваться на всем этом». В оправдание адмиралу нужно сказать, что он получил о военно-воздушных силах неприятеля одни и те же данные с 3-й бригадой коммандос. Предложение о строительстве взлетно-посадочной полосы выдавало его серьезную озабоченность зависимостью оперативного соединения от авианосцев. В стиле Вудварда было вбрасывать идеи, чтобы стимулировать дискуссию. Как полагал адмирал, в данном случае он как раз и проделал нечто подобное. Однако, пусть манера его и не вызывала особого неприятия у коллег и друзей, она раздражала группу офицеров Королевской морской пехоты, уже и так озабоченных не вполне радужными перспективами выполнения вероятных задач.

Группа «R» бригадира Томпсона проработала всю ночь, дабы приготовить разбор в соответствии с требованиями адмирала. На следующее утро, 17 апреля, они полетели на «Гермес» для участия в совещании под председательством сэра Джона Филдхауза, прибывшего по воздуху из Нортвуда с генерал-майором Муром для последнего обсуждения деталей с Вудвардом и Томпсоном перед тем, как те продолжат путь в южном направлении. Почти сотня офицеров военно-морских и сухопутных сил столпи-

лись в совещательной комнате, чтобы послушать Филдхауза. Тот начал с внушительного заявления о целях и задачах: правительство, сказал он, очень жестко настроено в отношении освобождения Фолклендских островов любыми возможными средствами — «без ограничений». Если не сработает дипломатия, действиям оперативного соединения будет оказана абсолютная политическая поддержка. Затем он кратко коснулся следующей фазы. Ударная группа продолжит движение на юг для установления блокады, развернет боевые действия на море и в воздухе и проведет разведывательную операцию, необходимую для подготовки высадки десанта. После этого присутствующие на совещании разделились на отдельные группки офицеров армии и флота и принялись обсуждать особые проблемы. Тут морских пехотинцев ждало одно большое разочарование: в конечном счете стало ясно, что им не придется задействовать «Гермес» даже как временную платформу перед последним шагом высадки. Однако командующий с пониманием выслушал просьбу Томпсона предоставить ему время для соответствующих подготовки и проб, отчего сложилось впечатление, будто он расположен к решению послать на Южную Георгию всю бригаду целиком. Филдхауз уехал на аэродром, оставив за собой всецело взбодрившийся штаб бригады. Они начали осознавать, что жизненно важные стратегические решения о том, когда и где десанту предстоит ступить на берег, будут приниматься не Вудвардом на «Гермесе», а скорее Филдхаузом в Нортвуде. Вудварду отводилось руководство операциями на море. Он не получит полномочий заставить 3-ю бригаду высаживаться на Лафонии, где коммандос боялись оказаться под жестокими ударами боевой авиации врага. Но командующий пока открыл офицерам оперативного соединения не все карты. С начала и до конца конфликта Филдхауз пребывал в твердой уверенности о крайней важности со всей возможной поспешностью выдвинуться к жизненно значимым целям, и наиболее всего к Порт-Стэнли. С политической точки зрения Южная Георгия представлялась объектом значительным, однако неуместным в стратегическом плане. Следовало нейтрализовать ее как источник угрозы перед решающим штурмом Фолклендских островов, но — если, конечно, аргентинцы не нарастили резко численности гарнизона там — с задачей вполне могли справиться малые подразделения морской пехоты и САС, в соответствии с намеченными планами. После войны Томпсон согласился — мнение

Филдхауза было вполне оправданным. И все же потребность в увеличении контингента войск для сражения за Восточный Фолкленд становилась все очевиднее. Войск Томпсона хватит для высадки и обеспечения берегового плацдарма. Но позднее их придется усилить. Обсуждался вопрос отправки 5-й бригады. В случае расширения объема операции до дивизионного уровня командиром стал бы генерал-майор Джереми Мур.

Штаб морского десанта уже обжился на якорной стоянке острова Вознесения, проведя там немало времени в дискуссиях и ожидании прибытия «Канберры» и с ней всего личного состава и военного снаряжения. По одним только соображениям тылового обеспечения ближайшей из возможных дат британской высадки назначали 14/15 мая. К огромному облегчению морских пехотинцев, вследствие совещания 17 апреля на острове Вознесения, задача Клэппа и Томпсона снижалась — им вменялось в ответственность не «возвращение Фолклендских островов», а планирование «высадки с прицелом на возвращение Фолклендских островов», каковая концепция несколько раскрепощала командование бригады и сил обеспечения. Вместо принятия на свои плечи груза невероятной по тяжести проблемы выработки способа выиграть всю целиком кампанию против аргентинцев, десантники теперь получили свободу сосредоточивать усилия на начальном и строго ограниченном шаге: высадиться и закрепиться на береговом плацдарме на островах. Беспокоиться о дальнейшем они будут, когда придет время, хотя вопрос об ответственности в части планирования дальнейших наступательных действий вырастет впоследствии в один из самых болезненных во всей кампании.

18 апреля Вудвард и его ударная боевая группа простились с морскими пехотинцами на острове Вознесения и отправились тягаться с аргентинским ВМС. В случае провала дипломатии в ближайшие недели все надежды британцев возлагались на поэтапную, или ступенчатую эскалацию военных действий на море Королевскими ВМС. Штаб адмирала на текущей стадии, похоже, всецело сконцентрировался на данном процессе, а не на проспектах будущей высадки десанта. Основные причины разногласий и трений между офицерами ударной группы и морского десантного контингента проистекали из плохо скрываемого убеждения первых в том, будто, когда десант окажется на суше, основные трудности кампании останутся позади. Солдат, ответ-

ственных за планирование операции в тяжких климатических и почвенных условиях Фолклендских островов, подобное отношение жутко раздражало. И все же, в сути своей, ВМС были правы. Предстоявшие десанту испытания не являлись чем-то непредвиденным и неоценимым. Несмотря на все достоинства аргентинской армии, имелись оправданные основания рассчитывать на качество и высокий уровень подготовки личного состава британских войск, пославших в Южную Атлантику лучшие свои части и подразделения, каковое обстоятельство рано или поздно обещало послужить решающим фактором на поле боя. В отношении же результата войны на море возникало куда больше сомнений. «Я надеюсь, присутствующие здесь понимают, — говорил Филдхауз на острове Вознесения, — что сегодня мы пытаемся сделать самое сложное дело со времен Второй мировой войны». На данной стадии, однако, даже в Королевских ВМС царило оптимистическое настроение относительно шансов достигнуть целей — не в пример мнению, сложившемуся у офицеров всего месяцем позднее. И уж совсем немногие личные страхи и опасения по поводу предстоящих испытаний в Южной Атлантике попали в поле зрения или были услышаны политиками и высокопоставленными гражданскими служащими.

* * *

В первые полмесяца после отправки в плавание оперативного соединения, когда главнейшей головной болью военного руководства стали моменты обеспечения тыла, военный кабинет мог до времени спокойно отстраниться от этой части кампании и посвятить себя дипломатии. Но ближе к концу апреля пришло время представить политикам нечто более сложное из области способов реализации решений в рамках избранного ими курса. Сэр Теренс Левин безмерно восхищался премьер-министром, но осознавал, что некоторые из ее коллег совершенно не разбирались в делах армии и флота, а потому все выкладки приходилось представлять им в максимально упрощенном виде.

Первая политико-военная дилемма касалась правил применения силы. Королевские ВМС никогда не ленились снабжать капитанов пачками инструкций в части обстоятельств, в которых разрешалось открывать огонь по противнику. В мирное время упор делался, естественно, на принципы самообороны. Однако какими

же правилами следует руководствоваться по отношению к аргентинским кораблям и летательным аппаратам теперь, когда оперативное соединение двигалось на юг, наполовину уже в состоянии войны, но пока наполовину в мире? Когда вражеские самолеты «Боинг» 707 начали слежку за соединением адмирала Вудварда [во время Фолклендского конфликта аргентинцы задействовали три самолета-разведчика «Боинг» 707 из состава 1-й военно-транспортной авиагруппы, базировавшиеся в Буэнос-Айресе (в международном аэропорту Эсейса), Эль-Паломаре и Комодоро-Ривадавии; в частности, одна из этих машин совершила 24 апреля облет британского судна ледовой разведки «Эндьюранс» и кораблей Объединенной оперативной группы 317.9 (кроме танкера «Тайдспринг»). — *Прим. ред.*], тот испросил разрешения для командиров кораблей отдавать приказы стрелять на поражение. Левин вышел с предложением к военному кабинету. Политики поначалу опешили — Министерство иностранных дел закатало глаза от ужаса. По-прежнему предпринимались титанические усилия для достижения дипломатического урегулирования. Помимо риска ошибочного опознавания цели, столь откровенно воинственный акт грозил нанести серьезный ущерб делу Британии, ведь «Боинги» не представляли прямой угрозы флоту. Левин терпеливо объяснил кабинету, что «безобидные» летательные аппараты способны направить в район нахождения оперативного соединения аргентинские подлодки, которые, естественно, вызывали опасение у ВМС. Разрешение поступило только незадолго до подхода кораблей к запретной зоне и вылилось в одну неудачную попытку сбить «Боинг» с помощью ракеты «Си Дарт».

Большие трудности вызывали маневры подводных лодок. Двухсотмильная (370-километровая) запретная зона в море устанавливалась в целях предоставления британским АПЛ ареала, достаточно ограниченного для возможности фактического патрулирования в нем, но, в то же время не сковывавшего их движения. В день своего выхода в район в виду Порт-Стэнли субмарина «Спартан» заметила аргентинский десантный корабль «Кабо Сан-Антонио», занятый постановкой мин у гавани. Данные об этом немедленно отправились в Нортвуд. Атаковать? Военный кабинет счел судно противника не боевым кораблем, к тому же уже находившимся в МЗЗ, а не пытавшимся прорваться в нее. Вдобавок к этому существовало некое нежелание раньше времени обнаруживать факт присутствия подлодки. Ожидалась рыбка

побольше. В действительности все эти формальности попросту маскировали неготовность правительства пустить ко дну аргентинский корабль на столь ранней фазе войны. Понадобилось известное давление, дабы вынудить правительство спустя десять дней позволить подлодкам патрулировать воды за пределами МЗЗ, по направлению к аргентинскому берегу. Когда, однако, политики преодолели начальные сомнения, степень свободы, данной оперативному соединению в плане права открывать огонь, не могла не вызывать уважения. Проект правил применения силы от сэра Теренса Левина, проведенный через препоны при содействии наполовину постоянного комитета чиновников в секретариате кабинета министров, в конечном счете предоставил капитанам широчайшие полномочия. Сам документ, в сочетании со способностью выжать из военного кабинета согласие одобрить его, послужил поводом для величайшего восхищения Левином со стороны Нортвуда и оперативного соединения.

И все же другие спорили о возможности военно-морской блокады островов как об альтернативном варианте высадке или — как об операции, развернутой предварительно. Блокада выглядела привлекательно для ряда политиков, в том числе для Джона Нотта, которого крайне беспокоил риск штурма перед лицом вражеского противодействия и последующей за ним войны на суше в очень трудных климатических условиях. Блокада освобождала от необходимости перебрасывать десант на юг с острова Вознесения, по крайней мере, на какое-то время, как бы тормозя этим неизбежный следующий политический шаг на пути к открытой войне. И даже победа на суше грозила Британии огромными расходами на гарнизон в будущем, когда закончатся бои. На самом деле Министерство обороны не менее чем Министерство иностранных дел жаждало договорного разрешения конфликта вокруг Фолклендских островов. Но Левин с его коллегами из разных видов вооруженных сил не допускали двусмысленности. Опасность понести потери из-за скверной погоды и от действий неприятеля снимала для них с обсуждения вариант с блокадой.

Первым спорным стратегическим моментом стала для членов военного кабинета операция на Южной Георгии. Остров лежал на расстоянии 800 миль (около 1500 км) от главной цели — 800 миль постоянно взволнованного холодного моря и опасности со стороны вражеских подлодок. Остров, по сути, не представлял

значения для процесса захвата Фолклендов, и засевший на нем противник, скорее всего, сдался бы автоматически после крушения основной аргентинской обороны. Отправка Томпсона с целой бригадой на Южную Георгию казалась этаким отвлечением внимания от генеральной линии, напрасной тратой сил, какой бы желанной репетицией перед захватом более крупного объекта она ни сулила послужить для морских пехотинцев. С другой стороны, использование только небольшого отряда, погрузившегося на борт «Антрима» и «Плимута», представлялось слишком рискованным. Британцы проиграли бы дважды, покажи они несостоятельность или прояви неспособность достигнуть победы в такой небольшой операции в Южной Атлантике с самого начала боевых действий. Едва ли не весь штаб ВМС, включая Лича и Филдхауза, высказывался против данного варианта.

Решение развивать наступление против закрепившегося на Южной Георгии неприятеля, как и многие другие решения в ходе кампании, диктовалось в первую очередь политическими соображениями. На протяжении двух недель, прошедших после выхода оперативного соединения в море, британская публика все активнее требовала действий. Политика Буэнос-Айреса оставалась бескомпромиссной. В Вашингтоне задавались вопросом, готова ли на деле Британия на настоящее столкновение. Бывший глава ЦРУ, адмирал Стэнсфилд Тернер, высказал по телевидению мнение о вполне реальной возможности для Британии потерпеть поражение. Британской дипломатии остро требовались военные акции для демонстрации неослабевающей решимости довести дело до конца. Для политиков в военном кабинете Южная Георгия казалась способной дать значительный выигрыш на скромную ставку. Группа «Антрима» получила приказ продолжать продвижение с целью захвата острова.

* * *

14 апреля отдельная эскадра, возглавляемая кэптеном Брайаном Янгом на фрегате «Антрим», встретилась с «Эндьюрансом» в тысяче миль (1800 км) к северу от Южной Георгии [таким образом, Объединенная оперативная группа 317.9 под командованием кэптена Б. Г. Янга увеличилась до четырех кораблей. — *Прим. ред.*]. Британцы полагали найти на унылом, покрытом ледниками острове лишь малый аргентинский гарнизон. Субма-

рина «Конкерор», вышедшая из Фаслейна 4 апреля, отправилась прямо к острову, чтобы провести разведку для группы «Антрима». Поскольку поступили сведения о наличии в данном ареале айсберга размером 35 на 15 миль (56 на 24 км) и высотой 500 футов (150 метров), лодка пробиралась в прибрежные воды крадучись. Ее командир доложил об отсутствии признаков присутствия в зоне патрулирования аргентинских военно-морских сил. Затем субмарина повернула и пошла курсом в северо-западном направлении, чтобы выйти на позицию, с которой могла вступить в боевые действия в запретной зоне или оказать поддержку операции по захвату Южной Георгии, либо выступить против аргентинского авианосца в случае его появления. Данные, полученные от «Конкерора», подтвердились в результате пятнадцатичасового вылета одного из «Викторов» КВВС [имеется в виду стратегический самолет-разведчик «Виктор» (Victor B (SR).2), созданный на базе одноименного стратегического бомбардировщика производства британской авиастроительной компании Хэндли Пейдж. — *Прим. ред.*], чей экипаж также сообщил об отсутствии противника на пути к Южной Георгии.

21 апреля с кораблей Янга увидели первые айсберги и в условиях очень скверной погоды снизили скорость приближения к острову. Капитан вызвал на мостик офицеров морской пехоты и САС, чтобы те лично полюбовались на бесчинство разбушевавшейся стихии. И все же вертолеты «Уэссекс» [имеются в виду средние многоцелевые вертолеты «Уэссекс» (Wessex) производства британской компании Уэстленд; в операции «Паракет» участвовали три машины, представлявшие две версии этого летательного аппарата — один противолодочный (HAS.3), базировавшийся на эсминце «Антрим», и два транспортно-десантных (HU.5), а именно звено «С» 845-й эскадрильи военно-морской авиации, размещенное на танкере КВФ «Тайдспринг»; вертолеты последнего типа, вооруженные каждый двумя пулеметами калибра 7,62 мм и четырьмя противотанковыми ракетами AS-11, были способны, помимо двух пилотов, перевозить по 16 чел. десанта или по 8 раненых на носилках. — *Прим. ред.*] с корабля поднялись в воздух и через снежную бурю понесли к берегу горный взвод эскадрона «D» 22-го полка САС под командованием двадцатидевятилетнего капитана «Грин Хауардз» Джона Хэмилтона [все офицеры, служившие в САС, одновременно числились в различных полках британской армии, в частности, капитан

Гэйвин Джон Хэмилтон состоял в Собственном Принцессы Александры Уэльской Йоркширском полку «Грин Хауардз» (название Green Howards — «Зеленые хауардцы» — этот полк, наследник 19-го пешего, носил с 1920 г. в память о прозвище, данном ему еще в XVIII веке и происходившем от фамилии сэра Чарлза Хауарда, его полковника в 1738–1748 гг., и от зеленого отличительного цвета отделки мундира). — *Прим. ред.*]. Перед тем вертолет доставил на борт «Антрима» ученого из команды Британской антарктической службы (БАС), сумевшего не даться в руки аргентинцам на протяжении трех недель их оккупации Южной Георгии [это был директор БАС доктор Ричард Ло. — *Прим. ред.*]. Человек этот высказывался всецело против предполагаемого района десантирования САС высоко на леднике Фортуна, где сама погода выступала худшим врагом человека. Лейтенант Боб Вил, военно-морской офицер с большим знанием данной местности, придерживался того же мнения. Однако другой эксперт в Англии, весьма хорошо знакомый с Южной Георгией, полковник Джон Пикок, считал Фортуну проходимой и подходящей, и его совет передали на «Антрим». САС не признает существования преград, недоступных для одоления решительным людям. После одной неудачной попытки, когда снег вынудил вертолеты вернуться на корабли, Хэмилтон со своими людьми и огромным запасом снаряжения высадился на острове для рекогносцировки и подготовки к десантированию основных сил Королевской морской пехоты. Одному дозору САС предстояло действовать вокруг Стромнеса и Хусвика, другому — продвигаться по суше в направлении к Литу, а третьему — разведать возможный подход для высадки морского десанта в бухте Фортуны.

С самого момента, когда бойцы САС ушли в ревущую бурю, поглощенные тайной покрытого снегом глетчера, они столкнулись с беспощадным врагом — стихией. «Морская пена забивала подающие лотки пулеметов, — писал потом один унтер-офицер. — Во второй половине первого дня три капрала, занимавшиеся разведкой местности среди расселин в леднике, проходили по 500 метров за четыре или пять часов...» От попыток тянуть сани, каждые с почти 100 кг груза военного снаряжения, пришлось отказаться из-за белой мглы — порывов снежной бури, делавших невозможным любое продвижение. «К счастью, теперь мы подошли близко к выступу на леднике и сумели спрятаться от атак ветра в расселине...» Бойцы принялись ставить палатки.

Одну из них тут же выдрало из рук и унесло ветром в дальние снежные дали. Шесты остальных стихия вырвала за какие-то секунды, но люди забирались внутрь под материал и заставляли палатки держаться, опираясь на их стенки телами. Каждые сорок пять минут приходилось выползать наружу и убирать снег, заносивший вход, дабы не оказаться полностью похороненными. Им довелось иметь дело с нисходящими ветрами, дувшими со скоростью свыше 100 миль в час (более 160 км/ч). К 11 часам утра следующего дня, 22-го числа, физическое состояние личного состава стало ухудшаться с заметной быстротой. Командиру горного взвода САС пришлось рапортовать о неспособности удержать занимаемую позицию и запросить разрешение на возвращение.

Первый из двух приблизившихся к леднику вертолетов «Уэссекс» HU.5 неожиданно попал в выброс белой мглы. Пилот потерял ориентацию в пространстве, машина стала падать, он попытался поднять ее рядом с землей, но хвостовой пропеллер ударил в снег. Вертолет перевернулся и остался лежать грудой металла на снегу. Пришел второй «Уэссекс». С большим трудом экипажу потерпевшего катастрофу летательного аппарата и всем бойцам САС удалось погрузиться на него, бросив, однако, все снаряжение. Не прошло и нескольких секунд с момента подъема, как новый клок белой мглы накрыл «Уэссекс». Машина тоже рухнула на ледник.

В Лондоне стрелки часов показывали около 3 часов пополудни. Фрэнсис Пим поднимался на борт «Конкорда», чтобы вылететь в Вашингтон с новым ответом британцев на мирные предложения Хэйга. Левин, с тревогой ожидавший новостей от вооруженных сил о первой крупной операции в рамках кампании по освобождению Фолклендских островов, получил сообщение с «Антрима». Разведывательная партия попала в серьезную переделку на берегу. Два вертолета, посланные для вывоза личного состава, потерпели аварию, потери неизвестны. Для начальника штаба обороны этот момент стал одним из самых мрачных на протяжении всей войны. Теперь ему — после всех усилий вселить в души членов военного кабинета уверенность в полнейшей компетенции военных, которые знают дело, — приходилось идти через Уайтхолл и докладывать обстановку премьер-министру. Вторая половина того дня стала почти траурной для Даунинг-стрит.

Но спустя час Левин получил известия о спасительном чуде. Совершив отважный полет, настоящий подвиг, за который он впоследствии удостоился ордена «За выдающиеся заслуги», лейтенант-коммандер Йэн Стэнли посадил вертолет «Уэссекс» HAS.3 [этот противолодочный летательный аппарат с эсминца «Антрим», пилотируемый Йэном Стэнли, имел собственное имя «Хамфри» («Humphrey»). — *Прим. ред.*] на леднике Фортуна. Там он обнаружил уцелевшими всех военнослужащих с потерпевших аварию вертолетов. Пилот поднял сильнейшим образом перегруженную машину с семнадцатью людьми в ней, довел «Уэссекс» до «Антрима» и посадил тяжелый вертолет на мокрую палубу. Донельзя вымотанных и страшно замерзших пассажиров увели вниз, в кают-компанию и в медицинский пункт для оказания экстренной помощи.

До катастрофы оставался не шаг и не полшага, а лишь какой-то миллиметр. Между тем разведка не продвинулась ни на йоту. Вскоре после полуночи, в следующие сутки, 23 апреля, все пришлось начинать сначала. 2-я секция СБС с успехом произвела высадку с вертолета в северной оконечности долины Сорлинг. Между тем пятнадцать человек из лодочного взвода эскадрона «D» на пяти надувных моторных лодках «Джемини» отправились к острову Грасс в пределах видимости аргентинских баз [эту группу возглавлял командир 17-го (лодочного) взвода САС, капитан Парашютного полка Тимоти Уильям Бёрлз. — *Прим. ред.*]. На протяжении лет САС тщетно пыталась выпросить более надежную замену 40-сильным навесным моторам, служившим силовыми установками «Джемини». Один из катеров потерпел аварию из-за выхода двигателя из строя, и трое бойцов очутились наедине со стихией, не будучи в силах ничего поделать перед лицом ее бесчинства. Та же судьба постигла и вторую лодку. Команда дрейфовала во мгле немилосердной ночи Южной Атлантики несколько часов до тех пор, пока сигнал с маячка катера не засекли на «Уэссексе». Людей подняли на борт вертолета. Три оставшихся катера, связанные вместе, достигли подхода к берегу острова Грасс, но в самом начале второй половины дня им пришлось докладывать об осколках льда, круживших в воздухе под действием ветра и пробивавших надувные секции их посудин. Партия СБС в долине Сорлинг оказалась не в состоянии продвинуться на местности. Людей пришлось вывозить вертолетом и на следующий день перебрасывать в Морейн-

Фьорд. Все эти действия позволили, однако, составить мнение о скромных размерах аргентинского гарнизона на берегу. Тем не менее такое начало войны никак не заслуживало звания вдохновляющего, пусть некоторое облегчение и приносило невероятное везение, каковое позволило британцам выйти из целой череды неудач с потерей на данной стадии всего одного катера «Джемини».

24 апреля эскадры достигла куда более скверная новость: похоже, в данном ареале появилась подлодка противника. Британцы уже знали об облетах острова аргентинскими транспортниками С-130 «Геркулес», а значит неприятелю, как следовало предполагать, было известно о присутствии британских сил в районе Южной Георгии. Кэптен Янг приказал рассредоточить корабли, отведя танкер КВФ «Тайдспринг» с ротой «М» 42-го отряда коммандос примерно на 200 миль (370 км) в северном направлении. Казалось, понадобятся несколько суток, прежде чем удастся, наконец, должным образом завершить разведку и приступить к генеральному штурму. Больше того, сколько-нибудь значительные шаги не представлялись возможными до прибытия дополнительных вертолетов. Той ночью на усиление к «Антриму» подошел фрегат типа 22 под названием «Бриллиант», которому пришлось на полных парах лететь через высокую волну с места дислокации, где он находился вместе с эсминцами типа 42. Корабль привез на себе два многоцелевых вертолета «Линкс». Кэптен Янг со своим формированием вновь приблизился к берегу для новых высадок разведывательных партий САС и СБС. И вот тут удача вдруг самым поразительным образом соблаговолила повернуться лицом к британцам.

Рано утром 25 апреля «Уэссекс» HAS.3 с «Антрима» с помощью РЛС засек неопознанный объект вблизи аргентинской базы в Грютвикене. «Эндьюранс» и «Плимут» тут же подняли свои «Уоспы» [звено из двух легких многоцелевых вертолетов «Уосп» HAS.1 под командованием лейтенант-коммандера Джона Энтони Эллербека базировалось на «Эндьюрансе» и один такой же вертолет — на «Плимуте»; вооружение «Уоспа» состояло из одной легкой торпеды «Стинг Рэй» калибра 324 мм и весом 267 кг, или двух противотанковых ракет AS-12. — *Прим. ред.*]. Три вертолета обнаружили аргентинскую дизельную подлодку «Санта-Фе» класса «Гуппи», направлявшуюся из залива Камберленд, и атаковали ее глубинными бомбами и торпедами. «Уосп» с «Плиму-

та» выпустил ракету AS-12, которая пробила боевую рубку субмарины, в то время как «Линкс» с «Бриллианта» обрушил на цель огонь пулеметов. Казалось невероятным, как после такого расхода дорогостоящих боеприпасов британцами «Санта-Фе» вообще удалось удержаться на плаву. Лодка получила сильнейшие повреждения и тотчас же повернула в направлении Грютвикена, где ранее высадила подкрепления для гарнизона, теперь насчитывавшего 140 чел. [аргентинское подкрепление, доставленное подлодкой «Санта-Фе» капитана корвета Орасио Альфредо Бикайна, возглавлял капитан корвета Луис Карлос Лагос; вместе с ним в Грютвикен прибыли 11 техников и противотанковый отряд из 1-го батальона морской пехоты (9 чел. с ручными гранатометами AT-1 «Бантам» шведского производства), которые присоединились к уже находившимся на Южной Георгии подразделениям — сводному взводу из роты «А» 1-го батальона морской пехоты и небольшой группе «бусос тактикос». — *Прим. ред.*]. Там субмарина выбросилась на берег рядом с базой Британской антарктической службы. Команда в спешке переправилась на берег в поисках безопасного укрытия.

На борту «Антрима» тут же состоялось совещание — запросили распоряжений из Лондона. Основное ядро Королевской морской пехоты по-прежнему находилось на расстоянии 200 миль от острова. Между тем становилось очевидным полное замешательство в рядах противника на берегу. Кэптен Янг, майор Шеридан из морской пехоты и майор Седрик Делвз, командовавший эскадроном «D» 22-го полка САС, испытывали дружную решимость использовать преимущество. Тут же сколотили смешанную роту из всех имевшихся в распоряжении на борту «Антрима» солдат — морских пехотинцев, бойцов САС и СБС. Набралось семьдесят пять человек. [Кроме эскадрона «D» 22-го полка САС и 2-й секции СБС, в эту «сводную ротную группу» (Composite Company Group) входили: тактический штаб майора Шеридана, одно минометное отделение морской пехоты (с 81-мм минометами L16A1), 10 морских пехотинцев из корабельных отрядов и две группы (2-я и 5-я) передовых наблюдателей-корректировщиков огня военно-морских сил из 148-й батареи АИР (артиллерийской инструментальной разведки) 29-го полка коммандос Королевской артиллерии. Майор Гай Шеридан разделил эти десантные силы на три взвода, первый из которых, включавший всех имевшихся в наличии морпехов, возглавил капитан Крис Нанн (чья рота «М» остава-

лась на танкере «Тайдспринг»), второй был образован из бойцов СБС, а третий — из оставшихся людей эскадрона САС под командой майора Седрика Делвза. — *Прим. ред.*] Они принялись в спешке вооружаться и готовиться к высадке на тесной жилой палубе эсминца. В начале второй половины дня корабли открыли по предполагаемым аргентинским позициям ураганный огонь, который корректировал с «Уоспа» артиллерийский офицер [капитан Крис Браун из 148-й батареи АИР, возглавлявший 5-ю группу передовых наблюдателей-корректировщиков огня военно-морских сил. — *Прим. ред.*]. В 2.45 пополудни, действуя под общим командованием майора Шеридана, первые британские солдаты высадились с вертолетов на острове и приступили к продвижению на Грютвикен. [Взвод морских пехотинцев капитана Нанна, при котором находился и майор Шеридан со своим штабом, произвел высадку с вертолетов на поросшей травой равнине Хестерлеттен (в трех милях южнее Грютвикена), чтобы затем наступать оттуда в сторону поселения. Другая штурмовая группа (мобильный и горный взводы САС и 2-я секция СБС), возглавляемая майором Делвзом, была переброшена вертолетами с «Плимута» и «Эндюранса» в район Коричневых гор (Brown Mauntain, севернее Хестерлеттена), на возвышенную позицию, удобную для ведения прикрывающего огня. — *Прим. ред.*] Далее наступил момент этакого фарса — на пути атакующие встретили группу людей, чьи головы в вязаных шлемах типа «балаклава» просматривались на линии горизонта. Противник открыл огонь из пулеметов и применил противотанковые управляемые ракеты MILAN [название этих разработанных во Франции переносных ПТРК — противотанковых ракетных комплексов (или пусковых установок ПТУР — противотанковых управляемых ракет) является аббревиатурой словосочетания Missile d'Infanterie Léger Antichar (в переводе с французского — легкая противотанковая ракета). — *Прим. ред.*], но ничего не помогло — скоро его смяла толпа «морских слонов». Наступающие очутились на позиции, с которой виднелось селение, где из нескольких окон уже показались белые тряпки.

Когда бойцы САС проложили себе путь к строениям, совершенно ошалевший аргентинский офицер сообщил им: «Вы только что прошли через мое минное поле!» Старший сержант САС Лофти Галлахер воздел на флагшток прихваченный им с собой «Юнион Джек». В 5.15 пополудни по местному време-

ни комендант аргентинского гарнизона, лейтенант Альфредо Астис, официально капитулировал [на самом деле аргентинские силы (129 моряков и морских пехотинцев), сдавшиеся 25 апреля в Грютвикене, возглавляли капитаны корвета Луис К. Лагос и Орасио А. Бикайн, в то время как лейтенант корабля Альфредо И. Астис со своей группой из 14 коммандос и «бусос тактикос» находился в Лите, где и капитулировал утром 26 апреля. — *Прим. ред.*]. Он был непростым военнопленным, поскольку к нему накопилось немало вопросов в ряде государств, желавших прояснить обстоятельства исчезновения своих граждан, очутившихся под стражей в Аргентине несколько лет тому назад. [Наряду с другими преступлениями, Альфредо Игнасио Астиса обвиняли в похищении и убийстве в 1977 г. семнадцатилетней Дагмар Ингрид Хагелин — шведской гражданки, рожденной в Аргентине, а также двух французских католических монахинь, Алис Домон и Леони Дюке. После того как 26 апреля 1982 г. лейтенант корабля Астис сдался британцам на Южной Георгии, Франция и Швеция пытались добиться от Великобритании его экстрадиции, однако эти просьбы не были удовлетворены, и пленного аргентинского офицера репатриировали на родину. — *Прим. ред.*] Британии в конечном счете пришлось вернуть его в Буэнос-Айрес без снятия допроса. С некоторым вздохом облегчения и не без известной брезгливости военнослужащие Королевских ВМС занялись погрузкой на корабли длинной колонны грязных, дурно пахнущих и хмурых пленников. На следующее утро, после ультимативного обращения по радио ночью, сдался без сопротивления маленький гарнизон противника, дислоцированный на берегу в Лите. Сборщиков металлолома, деятельность которых и послужила поводом для разыгравшейся драмы, тоже взяли под стражу для репатриации — отправки на материк [в общей сложности на Южной Георгии британцы взяли в плен 151 военнослужащего (включая экипаж подводной лодки «Санта-Фе») и интернировали 39 гражданских лиц. — *Прим. ред.*].

Британский триумф стал полным, когда вертолет засек слабый аварийный сигнал из района оконечности залива Стромнесс. Туда отправили спасателей, которые нашли и вывезли вертолетом трех бойцов САС, потерпевших бедствие на патрульном катере «Джемини» и унесенных стихией в ранние утренние часы 23 апреля. Они выгребли на берег, когда между ними и Атлантическим океаном оставалось всего несколько сотен метров

суши. Итак, на этом небольшом чуде завершилось освобождение британцами Южной Георгии. Первая операция в кампании за Фолклендские острова закончилась без потерь с британской стороны. Пострадали два аргентинских моряка с подводной лодки «Санта-Фе» — один был серьезно ранен при обстреле 25 апреля, а другой погиб на следующий день в результате несчастного случая [первой из этих жертв был стюард, тяжело раненный в ногу, которую затем ампутировал судовой врач подлодки, а второй — суб-офицер 1-го класса Феликс Оскар Артусо, по недоразумению застреленный 27 апреля британским часовым и похороненный с военно-морскими почестями на кладбище Грютвикена. — *Прим. ред.*].

Новости об успехе операции тотчас же передали в Лондон. Чувство облегчения переросло в настоящую эйфорию. Всего двумя днями ранее миссис Тэтчер лично посетила Нортвуд, дабы выслушать отчет Филдхауза и его штаба, а также пережить с ними болезненные волнения из-за неудач САС и СБС. Постоянные подбадривающие замечания премьер-министра в адрес штаба произвели глубочайшее впечатление. Простота задач и полная решимость видеть их выполненными стали благоприятной вестью для военных, привыкших считать политиков трусливыми перестраховщиками.

Воскресные новости вызвали у публики ощущение величайшего триумфа, достигнутого теперь, как раз тогда, когда его так ждали. Ведь британский народ убедили считать оперативное соединение несокрушимым. В результате, когда миссис Тэтчер вышла в компании Джона Нотта на ступени Даунинг-стрит и обратилась к ожидавшим там репортерам со словами «Радуйтесь, радуйтесь же!», призыв ее прозвучал поразительным образом жестко и едва ли не неподобающе — все же это было фактически заявление о начале войны. И тем не менее слова премьера являлись возгласом женщины, испытывавшей огромное облегчение. Первая стадия игры чуть не закончилась катастрофой.

Эйфория охватила не один только Лондон. 26 апреля на борту флагмана «Гермес» адмирал Вудвард дал редкое интервью корреспонденту оперативного соединения, заявив в нем со всей основательностью: «Южная Георгия — лишь аперитив. Теперь за ней последует мощный выпад. Моя ударная группа в прекрасной форме и готова атаковать. Это разминка перед большим матчем, каковой, по моему мнению, закончится нашим победным

маршем». Британцам говорили, продолжал он, будто аргентинцы на Южной Георгии «крутые парни, а они тут же выбросили полотенце. Мы отрежем войска на Фолклендских островах так же, как отрезали их на Южной Георгии». Впоследствии Вудвард отрицал изрядную часть моментов интервью, будто бы перевранного британской прессой. Но многие его офицеры слишком хорошо знали манеру адмирала, всегда особенно стремившегося вселить во всех максимально возможную уверенность в способностях оперативного соединения к великим свершениям.

Так или иначе, теперь, наконец, ударная группа находилась в положении, позволявшем ей приступить к прямым действиям против аргентинских войск на Фолклендских островах и в море вокруг них. Оставив район Южной Георгии, «Плимут» и «Бриллиант» на большой скорости соединились с Вудвардом, привезя с собой бойцов САС и СБС, необходимых для разведывательных операций на островах. 24 апреля состоялась встреча авианосцев с эсминцами УРО типа 42. Трое суток спустя ударная группа образовала боевой строй. Фрегаты «Бродсуорд» и «Бриллиант», оснащенные ЗРК «Си Вулф», взяли на себя роль «голкиперов» в ближнем охранении вокруг «Инвинсибла» и «Гермеса», каковую и сохранили на протяжении большей части продолжительности кампании. Эсминцы типа 42, как целевого назначения корабли ПВО, заняли передовые позиции в радиолокационном дозоре, прикрывая западный фланг флота, наиболее близкий к противнику.

Каждый день по мере того, как флот миля за милей шел на юг, постоянно слушая новости о спотыкающемся о камни процессе дипломатии по «Всемирной службе», команды тренировались до изнеможения, в сотый раз проверяя снаряжение и особенно упирая на подготовку к борьбе за живучесть корабля. На большинство матросов, молодых людей, отрезвляющим образом действовала не склонная к улыбкам рутина шестичасовых вахт после шестичасового отдыха, заполнения формуляров с текстами завещаний и страховых контрактов, надевания противогазов и спасательных жилетов, участия в постоянных полетах на вертолетах для обеспечения прикрытия оперативному соединению, приготовления к бою ракет, установки взрывателей на снарядах. Все действовавшие в мирное время ограничения были отметены прочь вместе с гирями, висевшими на ногах сонмищами бюрократических закорючек. Корабли получили возможность идти на

всех парах. В прошлом их силовые установки не раз страдали от низкокачественного топлива, теперь же, когда раз в два или три дня суда сходились для дозаправки в море с танкерами сопровождения, то неизменно получали только самое лучшее. За танкерами спешили корабли снабжения с грузами едва-едва завершивших процесс прохождения испытаний ракет «Си Скьюа», предназначенных для вооружения вертолетов, действующих с фрегатов [британская противокорабельная ракета «Си Скьюа» (Sea Skua, «Морская птица большой поморник»), имела длину 2,5 м, общий вес 145 кг, вес боеголовки 30 кг, скорость полета 0,85 Маха и дальность пуска 15 км. — *Прим. ред.*]. Требования о поставке запасных частей и всевозможного военного имущества исполнялись с необычайной быстротой.

Потоки разведданных и тактической информации передавались на корабли по системам связи и за счет парашютных сбросов. Поступали приблизительные сведения о боеспособности и численности ВВС противника: разведка оценивала угрозу в возможные четыре волны летательных аппаратов в день при шести ЛА в каждой. Частота налетов будет снижаться по мере течения времени из-за роста проблем с поддержанием материальной части в рабочем состоянии. Вудварда, как бы там ни было, больше тревожили сложности с содержанием своих летательных аппаратов. Традиционно операции с участием авианосцев строятся на пятидневных передышках для отдыха и приведения в нормальное состояние материальной части после каждых пяти суток интенсивных полетов. Но при всего двух кораблях и двадцати самолетах надеяться на такой вольготный график не приходилось. Придется действовать на полную катушку все время, пока в том будет потребность. Но сколько, сколько в действительности? Он считал, что максимум возможного — тридцать суток.

Основные данные относительно функциональных возможностей войск Аргентины и вероятной тактики поступали от главных тренеров и поставщиков оружия — французов и американцев. В первые дни операции начальник штаба обороны направил личные просьбы о помощи в предоставлении сведений равновеликим коллегам в Париж и в Вашингтон и получил оттуда целые тома информации. И все же, в общем и целом, нарисованная разведкой картина по-прежнему оставалась неполной и неточной. Не заменяли — нет не заменяли — выводы аналитиков старых добрых внедренных агентов в самой Аргентине. Один из тех,

кто управлял британской машиной войны, описывал страстное желание командования иметь «каких-нибудь ребят, которым можно было бы попросту сунуть пачку песо и сказать, мол, сигайте через стену военно-морских доков, а потом расскажите нам, что там происходит».

Дебаты на флоте все в большей степени сосредотачивались на обсуждении лучших способов уклониться от вражеских ракет «Экзосет». Управление по военным действиям на море отправило в распоряжение флота толстую кипу материалов по данной теме, где содержалась уйма данных, каковые капитаны сочли во многом противоречивыми. Рекомендовалось повернуть корабль носом или кормой, дабы сделать его наименьшей по площади мишенью. Но вот незадача, как применять свое вооружение из подобной позиции? Сошлись на целесообразности открывать огонь по ракете из всего наличествующего вооружения в надежде если не уничтожить ее, то хоть сбить с курса. Но и из чего тогда стрелять «соломой»? Наиболее эффектной мерой противоборства «Экзосет», как признавали почти все, станет полностью автоматизированная система выброса «соломы». Однако один старший офицер бесцеремонно и враз развалил эту радужную мозаику замечанием о том, что активируемая компьютером система начнет самозабвенно палить по чайкам, не задумываясь о крайней ограниченности запасов «соломы» — всего по семь полных зарядов на каждый британский корабль. А засечь маленькую ракету на экране РЛС будет непростым делом. Возник и другой момент, начисто ломавший тактику, предписываемую в нормальных условиях. Для противодействия русским сверхзвуковым ныряющим ракетам доктрина диктовала кораблю выпустить заряд «соломы» и оставаться в пределах своей схемы ложной цели. В случае необходимости отразить «Экзосет» считалось правильным как можно быстрее выйти из схемы ложной цели.

* * *

Для военнослужащих ВМС контраст между бытом в мирных и военных условиях не являлся таким поразительным, как для солдат сухопутных сил. Однако традиционный комфорт и политес на бортах кораблей в море куда-то испарился. Обивочные материалы, призы, картинки и прочие украшения пришлось либо убрать подальше, либо выбросить. На судах Королевско-

го вспомогательного флота матросы укрепляли огневые точки мешками с картошкой. Ударная группа начала ощущать на себе «прелести» зимы в Южной Атлантике. День за днем корабли шли через волнующийся океан, зарываясь то носами, то кормой в огромные волны, вода хлестала по баковым надстройкам, башням и ПУ ракет, капли дождя и разносимые порывами ветра брызги то и дело скрывали из виду соседние суда, морось и туман снижали видимость до считаных кабельтовых. На отдыхе после вахты парни, на протяжении шести часов бросаемые от переборки к переборке и словно бы танцующие в попытке получше расставить ноги, чтобы как-то приладиться к качке, мечтали о малом — поспать, съесть чего-нибудь и, может статься, черкнуть письмецо домой. 23-го группа потеряла первый «Си Кинг», павший жертвой беспощадной погоды, а вместе с ним и первого бойца [этот вертолет «Си Кинг» НС.4 упал в море, когда занимался снабжением кораблей в плохих погодных условиях. — *Прим. ред.*]. Молодые командиры, до того знавшие лишь великую радость от вверенной им власти над кораблем, стали ощущать тяжкий груз ответственности. «Впервые чувствовалось одиночество командования, — рассказывал один из них. — Мне до чертиков хотелось поговорить с кем-нибудь, кем-то чужим, с другим капитаном, который мог бы дать совет или ободрить. Не осталось времени проверять людей, дабы убедиться, все ли делается правильно. Приходилось полагаться на каждого — надеяться на то, что он сделает положенное. Все эти нажитые в мирное время привычки отдавать приказы словами вроде «Не будете ли вы добры сделать то-то и то-то?» исчезли, мы говорили просто: «Выполнять».

Некоторые, однако, находили создавшиеся затруднения следствием чего-то вычурно гротескного — какой-то нелепости. «Порой ситуация представлялась абсолютно идиотской, — писал лейтенант Дэйвид Тинкер с «Гламоргана». — Вот мы здесь и сейчас, в 1982 году, ведем колониальную войну на другом конце мира. 28000 чел. собираются драться за какой-то отвратительный кусок земли, населенный 1800 чел...» И все же подавляющее большинство товарищей Тинкера считали, что справедливость на их стороне. Компания унтер-офицеров и старшин на фрегате «Аргонот» [HMS Argonaut («Аргонавт»). — *Прим. пер.*] дружно открыла рот, когда один из них — обычно человек довольно молчаливый — вдруг торжественно возвестил: «Нам надо разо-

браться с этим делом, чтобы дети наши смогли ходить всюду в мире с гордо поднятой головой...» На жилых палубах юноши, прослужившие в ВМС без году неделю, спрашивали себя: «Ну и как я это выдержу?» Еще полмесяца назад они по большей части и не представляли себе, где расположены Фолклендские острова. Нигде не прослеживался некий разительный переход от всего лишь игры мускулами военно-морских сил — демонстрации намерений — к осознанию неизбежной вероятности войны в Южной Атлантике, только все сгущались сомнения, шаг за шагом таяли надежды на дипломатическое урегулирование.

На большинстве кораблей перед входом в границы полностью запретной зоны (ПЗЗ), вступившей в силу 1 мая, прошли церемонии посвящения. Вудвард поведал капитанам, что предполагает урон среди кораблей. В Лондоне сэр Теренс Левин, имевший опыт конвойной службы по снабжению Мальты, когда урон превышал половину судов в колоннах, предупредил правительство о перспективах потерь. И все же людям, где бы те ни находились, — на воде или на суше, в командирских каютах или в тесных жилых отсеках, — было трудно примириться с мыслью о реальной близости перспективы настоящей трагедии. «Я легко себе представлял, что какие-то корабли получат повреждения, — признавался капитан фрегата. — Но в мозгу как-то не выстраивался образ тонущих, на самом деле идущих ко дну судов».

8

ПРОВАЛ МИССИИ

Когда откричишь ты: «Британия, правь!»,
когда отпоешь «Боже-боже, храни королеву»,
Когда ртом своим ты устанешь презренного бура разить...

Киплинг, Рассеянный нищий

Освобождение Южной Георгии прозвучало таким отчаянно необходимым сигналом для британского общественного мнения. По мере того, как кризис вступил в третью неделю своего здравствования, Тэтчер не оставила нации пищи для вопросов в отношении яркости своей политики, но росли и росли сомнения в плане того, к чему вся эта яркость приведет. Оперативное соединение, совершенно очевидно, никак не приближалось к изначально поставленной цели: запугать неприятеля и заставить его пойти на попятный или по крайней мере принудить к уступкам за столом переговоров. Допущение, служившее для многих основанием для одобрения отправки соединения, а именно то, что оружие применяться не будет, теперь вот-вот грозило вовсе исчезнуть из расчетов.

Бульварная пресса, за одним лишь несомненно храбрым исключением в лице «Дэйли Миррор», продолжала гнать материалы с неистовой накачкой военной истерии. «Двойное замыкание Хэйга», — вопила «Дэйли Мейл» с нескрываемым злорадством. «Ни шагу назад», — требовала «Экспресс». «Сан» в ответ на мирные предложения, не стесняясь в выражениях, рекомендовала: «Воткни это своей хунте!» [Данный слоган британская газета

«Дэйли Мейл» поместила на выпущенных ею майках с изображением баллистической ядерной ракеты «Поларис». — *Прим. ред.*] Пресса страстно желала этакой старой доброй морской битвы, и с пылом ее в этом вопросе равнялись по силе лишь подозрения в отношении заговоров, которые плетет Министерство иностранных дел, дабы лишить всех пира страстей. «Пора прекратить войну политики», — настаивала огорченная «Дэйли Стар». Похоже, расстояние от места предполагаемого столкновения до Британии и невероятность потерь среди гражданского населения дома одни уже вызывали безрассудное нежелание даже помышлять о мире. В определенный момент на Даунинг-стрит так взволновались, что стали побуждать корреспондентов-лоббистов убедить редакторов осознать степень риска, грозящего оперативному соединению.

Нет особо убедительных свидетельств того, будто эта воинственная экзальтация и в самом деле отражала настроения публики. Отправка в плавание оперативного соединения, безусловно, снискала одобрение широкой общественности, однако на тот момент экспедиция не подразумевала объявления войны Аргентине. Хотя «Сан» уже в день выхода соединения в море заявляла: «Это — война!», газеты вроде «Обзервер», «Файненшл Таймс» и «Санди Таймс», как казалось, соглашались принять данный шаг правительства только в разрезе стремления к чему-то противоположному. В соответствии с мнением «Санди Таймс», контрвторжение на острова грозило стать «кратчайшим путем к кровавой катастрофе». «Файненшл Таймс», вообще не находившая поводов для поддержки отправки оперативного соединения, углублялась в сугубо экономические материи. Если говорить о серьезной прессе, лишь «Телеграф» и «Таймс» заявили себя как завзятые энтузиасты экспедиции. «Гардиан» твердо выступала против на всем протяжении истории.

Косвенные свидетельства и прямые опросы укрепляли как минимум во впечатлении о двойственности отношения публики. Визитеры, навещавшие области служилого сообщества, представителям которого предстояло платить настоящую цену за войну, находили тамошний народ в неуверенности по поводу целесообразности рассчитываться жизнями за торжество в таком деле. «За оперативное соединение, но против войны» — суммировались симпатии и антипатии опрошенных там на местах в начале мая. В серии опросов MORI, выполненной для «Экономиста», отчетливо звучал вопрос, стоит ли вообще возвращение Фолклендских

островов пролития крови британских солдат. До момента, когда кровь и в самом деле пролилась, когда начали погибать моряки и солдаты, когда вступили в игру другие эмоции, «нет» отвечало незначительное большинство. Казалось, страна солидаризировалась с кабинетом и уверовала, будто Британию вовлекли в большую игру — крупный блеф. Как видите, похоже, далеко не один адмирал Анайя размышлял в подобном ключе.

Пессимизм в отношении судьбы миссии Хэйга осложнял дело, мешая достижению мирного урегулирования. Первый момент носил политический характер. Вначале Майкл Фут сам подначивал правительство, но потом, когда события стали все увереннее выходить на военные рельсы, собственная воинственная риторика попросту не оставила ему пространства для маневра. Изо всех сил стараясь призвать к усилению деятельности в ООН и выбить больше времени на переговоры, он на всем протяжении конфликта не мог отделаться от сковывавшей его причастности к отправке оперативного соединения. Теневой кабинет Фута, где Денис Хили и в особенности Питер Шор рекомендовали держаться твердой позиции, отличался большим или меньшим единством, чего никак не скажешь о партии лейбористов в целом. Фут удалил Тама Далиэлла и Эндрю Фолдза из своей сидевшей на правительственной скамье команды за противодействие поддержке, оказываемой теневым кабинетом оперативному соединению. Тони Бенн, с самого начала ярый оппонент всей операции, развернул бескомпромиссную кампанию против Фута, в чем опирался на помощь председателя партии лейбористов, мадам Джудит Харт. Конгресс тред-юнионов тоже пошел на попятный, призывая правительство не вступать в военные действия. Будущий вожак новой Социал-демократической партии, Рой Дженкинз, примечательным образом хранил молчание. Видные фигуры партии центра, как Ширли Уильямс и Дэйвид Стил, как было известно, испытывали крайнюю озабоченность в отношении перспектив войны.

Но нельзя сказать, будто места сосредоточения сомневающихся ограничивались станом левых политиков. Тридцать три члена парламента от лейбористов, голосовавших против организатора своей партии позднее в мае, ни в коем случае не подвизались исключительно на нивах левого поля партии. Ведущие телевизионной программы Би-би-си «Панорама» сумели выставить в неблагоприятном свете тори в связи с оперативным

соединением. Смысл позиции недовольных выражался преимущественно в содержательном письме лорда Уигга в «Таймс»: «Я не испытываю уверенности в отношении импровизированных военных авантюр, предпринимаемых для достижения сомнительных целей». В результате одного из выборочных опросов общественного мнения в Уайтхолле удалось составить представление о том, что большинство высокопоставленных гражданских служащих возражали против отправки оперативного соединения, в том числе — в таких ключевых учреждениях, как Министерство иностранных дел, Министерство финансов и секретариат кабинета министров. Если какой-то посторонний человек, читая желтую прессу, делал вывод, будто всю Британию захлестнул всеобщий порыв ностальгической страсти по военно-морской славе, он рисковал впасть в большую ошибку. Как нельзя считать и сторонников отправки в поход оперативного соединения единодушно выступавшими за очистку Фолклендских островов от аргентинцев. Многим действо это представлялось в буквальном смысле блефом — способом усиления позиции на переговорах, где аргентинской стороне в конечном счете будут сделаны существенные уступки в обмен на предоставление жителям Фолклендских островов максимально широких прав, — больших чем те, которые могут обеспечить одни лишь экономические санкции. Коль скоро блеф воспринимался именно как таковой и в Буэнос-Айресе, таким людям приходилось делать болезненный выбор: должен ли флот с позором повернуть домой или же продолжать поход и вступать в настоящую войну? Большинство склонялись к последнему, но в сильных и тяжких сомнениях скорее от безвыходности, чем в патриотическом экстазе.

Как уже упоминалось в предыдущей главе, все подобные соображения находили отражение и в поступках военного кабинета, каковому приходилось сопротивляться принятию стратегических и тактических решений, одобрения которых из раза в раз желало командование оперативного соединения. Все эти решения — в части правил применения силы, блокады и захвата Южной Георгии — по крайней мере, вплетались в канву последнего аргумента в понимании Тэтчер, то есть неизбежной войны. Между тем военный кабинет тоже принимал некое противоречивое для себя участие в действе под названием поиски мира. По мере того как уходил в историю апрель, доминирующим моментом сего процесса стали так страшившие кабинет

разногласия между премьером и новым министром иностранных дел, Фрэнсисом Пимом. Затянувшаяся миссия Хэйга, за которую так старательно цеплялся Пим, начинала раз за разом больше раздражать миссис Тэтчер. Уайтлоу все чаще и во все большей степени ощущал себя в роли этакого «переводчика», доводившего до премьера точку зрения Министерства иностранных дел. Тэтчер все сильнее действовала на нервы привычка Пима занимать в военном кабинете «голубиную» позицию, поддерживаемую должностными лицами его ведомства, но потом охранять свой политический фланг в парламенте за счет нередко чрезвычайно жестких «ястребиных» высказываний. «Она бы уважала его больше, высказывай он хоть иногда свои истинные чувства заднескамеечникам», — заметил позднее один министр. Тэтчер не могла удержаться от мести. По вторникам ВиОЮА проводил коллективные доклады для полного кабинета. Как-то премьер-министр попросила Пима выступить на этом более широком форуме в защиту одного противоречивого решения, против которого он особенно отважно выступал в военном кабинете.

Полет Пима на «Конкорде» в Вашингтон на встречу с Хэйгом в четверг, 22 апреля, стал последней попыткой совместить «непреложные» принципы Британии и условия аргентинского пакета, выработанные в предыдущие выходные. Британские должностные лица называли это «дезинсекцией». Единственная уступка, которую Пим увозил с собой, ограничивалась согласием на подъем на островах в течение переходного периода иных флагов, наряду с британским, и готовностью обсуждать вопрос суверенитета после вывода аргентинских войск. Ни о каких фиксированных сроках перехода управления островом к Аргентине речь не шла вовсе, как и об этакой «ползучей передаче суверенитета». К тому же при любых договоренностях стороны должны были учитывать соображения местного населения.

Пим немедленно приступил к четырехчасовому заседанию с Хэйгом в Министерстве иностранных дел. В результате оба переговорщика не пришли ни к чему существенному, если не считать понимания того, как далеки они от достижения сколько-нибудь приемлемого компромисса. На самом деле по временам оба чувствовали себя заложниками взаимной непримиримости британцев и аргентинцев. Следующим утром Пим завтракал с советником Рейгана по вопросам национальной безопасности, Уильямом Кларком, в Белом доме в качестве акта демонстрации срочной

необходимости для Британии американской поддержки. Ближе высокопоставленного делегата к президенту не допустили, тот продолжал пренебрегать вопросом, вызывая смятение в Министерстве иностранных дел США. На заключительном заседании в британском посольстве посредники вновь приступили к вопросу, пытаясь найти какой-то гибкий момент в британской позиции, дабы появился смысл представлять ее Буэнос-Айресу.

Пим возвратился в Лондон поздней ночью в пятницу — «Конкорд» способствовал облегчению трудного дела «челночной дипломатии». На следующий день глава МИДа докладывал военному кабинету свое мнение: из переговоров выжато все возможное и теперь надо готовиться принять условия, которые на следующей неделе пришлет Хэйг. Жизненно важным моментом проекта договора являлось предложение американского присутствия на островах как гарантии от чрезмерного господства там Аргентины. Будут соблюдены интересы и учтены желания населения островов и установлен длительный переходный период. Как министр иностранных дел, Пим считал такую сделку вполне в интересах Британии как в плане возможности уйти от войны, так и для сохранения добрых взаимоотношений с остальной Латинской Америкой. Он бы рекомендовал пойти на принятие подобных условий.

Миссис Тэтчер отреагировала враждебно. Возвращение Пима совпало с самым разгаром висевшей на ниточке операции по освобождению Южной Георгии. Он предлагал уступки и компромисс по отношению к тому самому противнику, с которым храбро бьются ее мальчики (так она упорно называла солдат). Похоже, в особенности расстраивало премьера впечатление, создававшееся благодаря Пиму у Хэйга, будто «Британия может принять соглашение, построенное на таком каркасе», и что стоит сказать об этом Аргентине. Пропасть между премьер-министром и министром иностранных дел становилась все глубже и шире.

* * *

27 апреля Хэйг отправил окончательный пакет предложений — «Хэйг 2» — в Лондон и Буэнос-Айрес. В нем содержались исключительно некие смягченные варианты решений на хорошо знакомые темы: поэтапный совместный отвод войск, надзор США, Британии и Аргентины за выполнением условий, участие Аргентины в делах «традиционного местного управления» (в основе

своей противоречивая концепция) и длительные сроки переговорного процесса «с учетом интересов обеих сторон и желания жителей». Переходный период будет ограничиваться пятилетним сроком. Хунта отозвалась отказом на предложение Хэйга лично представить пакет предложений в Буэнос-Айресе. Военный кабинет из Лондона настаивал, что не даст ответа до тех пор, пока не услышит реакции хунты.

Механизмы принятия решений в хунте окончательно развалились. В теории высшим правящим органом являлся кабинет, возглавляемый Галтьери и Коста Мендесом, но за этим фасадом стояла стена непримиримости ВМС. Адмирал Анайя взирал на Коста Мендеса с презрением, а Галтьери считал битой картой — жалким политиком, готовым ползать на брюхе перед американцами. Адмирал испытывал жуткую боль по поводу потери Южной Георгии. Не пожелав поверить предостережениям Вашингтона в отношении намерений британцев, Анайя теперь обвинял американцев в трюкачестве и заявлял, будто те старались «сбить с толку и дезориентировать» аргентинцев и помочь британцам вывести флот на боевые позиции. В действительности же представляется вероятным, что отправка подкреплений в Грютвикен на борту «Санта-Фе» имела место в результате как раз информации о целях британцев, переданной американцами Буэнос-Айресу в тщетной надежде склонить хунту к согласию. Беспечное нежелание Вашингтона разглядеть и понять аргентинский характер поистине не знало границ.

Недоверие Анайи к аргентинской дипломатии вновь подтвердило свою основательность. Единственной структурой, на которую, как считал Коста Мендес, он мог полагаться в плане поддержки, являлась Организация американских государств (ОАГ). Уж ее-то точно не сможет подговорить или подкупить Британия со своими друзьями. ОАГ опиралась на Межамериканский договор о взаимной помощи 1947 г. (Пакт Рио-де-Жанейро), в соответствии с которым государства Америки обязывались оказывать помощь друг другу в случае возникновения военной угрозы откуда-то извне континента. Буэнос-Айрес традиционно держался особняком в организации, демонстрируя, по мнению других стран, заносчивость этнических европейцев по отношению к не таким чистым в расовом отношении партнерам к северу от Аргентины. Теперь Аргентине понадобилась помощь ОАГ. Возникал вопрос: пожелают ли остальные простить и забыть?

Поначалу ОАГ довольно медленно реагировала на просьбу Аргентины созвать заседание по Фолклендским островам. Когда же 26 апреля депутаты, наконец, собрались для обсуждения вопроса, Коста Мендес тут же осознал отсутствие шанса набрать большинство в две трети голосов, необходимое для развертывания действий против Британии. Потому он стал добиваться принятия резолюции с требованием отвода оперативного соединения, поддерживая заявление предостережением о будто бы вынашиваемых британскими войсками планов вот-вот высадиться на «аргентинской территории». Тут ему в последнюю минуту неожиданно помогло вмешательство Хэйга, до той поры разумно предоставлявшего ОАГ самостоятельно улаживать разногласия по данному вопросу. На сей раз Хэйг напрямую обрушился на Аргентину из-за совершенной ею агрессии, заметив, что договор 1947 г. неприменим к данному конфликту и, в сущности, потребовал от ОАГ не лезть под ноги и не мешать Вашингтону претворять в жизнь усилия на пути мирного урегулирования. Во время его выступления царила непроницаемая холодная тишина. Вот как прокомментировал речь Хэйга один чиновник ОАГ: «Все выглядело так, будто он думал, что Нобелевская премия мира от него уже на расстоянии вытянутой руки» [намек на страстное желание Александра Хэйга сравняться с одним из своих предшественников Генри Киссинджером, занимавшим пост государственного секретаря США в 1973–1977 гг. и получившим Нобелевскую премию мира за участие в подписании Парижских мирных соглашений 1973 г. — *Прим. ред.*].

Только в среду, 28 апреля, после того как вариант «Хэйг 2» отбыл в Буэнос-Айрес, ОАГ в конечном счете проголосовала за резолюцию по Фолклендским островам. К полному огорчению Коста Мендеса, в документе не содержалось ни слова об отводе британских войск. ОАГ выступала за заключение перемирия и, еще сильнее ухудшая позицию Аргентины, рекомендовала обеим сторонам уважать резолюцию ООН 502. Такого реверанса в сторону Британии аргентинский министр иностранных дел не ждал. Один из чиновников Министерства иностранных дел довольно метко заметил, что тот засуетился вокруг предложений Вашингтона «как общипанный цыпленок». Коста Мендес попросил разъяснений со стороны Хэйга в части его новых предложений (вполне резонная просьба, учитывая туманность пунктов пакета) и времени на консультации. По всей видимости, разде-

ляя мнение Анайи относительно наличия у Хэйга сильнейших интересов в предотвращении любой войны, глава аргентинского МИДа вздумал потянуть время. Пока же американцы развернули и не столь открытое давление на Галтьери через Шлаудемана в Буэнос-Айресе, но в конечном счете хунта высказалась против пакета «Хэйг 2». Коста Мендесу пришлось признать, что предложения «не вписываются в требования Аргентины касательно... признания суверенитета и формы временного управления». Иначе говоря, никакого прогресса в части какого бы то ни было из основных вопросов не произошло. Отказ Аргентины от принятия предложений Хэйга обрек его «челнок» на погибель.

Провал Хэйга был крайне унизительным для госсекретаря. Его посредничество совершенно откровенно смахивало на попытки имитировать челночную дипломатию Генри Киссинджера на Ближнем Востоке в начале 1974 г., но параллель оказалась неподходящей по ряду аспектов. В отличие от ситуации на Ближнем Востоке конфликт вокруг Фолклендских островов еще не перешел в фазу открытых военных действий. Непримиримость мнений на местах оказалась чрезвычайно высокой в обеих странах, к тому же, по всему видно, в них явно отсутствовало стремление к урегулированию, способному отвратить кровопролитие. И тем и другим моментом США управлять не могли, как отсутствовали у Хэйга и приманки для сторон по образу и подобию тех, которыми вымостил свой путь между Каиром и Тель-Авивом Киссинджер. Впоследствии аргентинцы отзывались о давлении главы МИД США как о грубом и наносившим ущерб гордости хунты.

К тому же Хэйгу как переговорщику не хватало искушенности. Ни он, ни его команда не заслужили уважения аргентинских экспертов: самым сведущим считался Вернон Уолтерз, который, по крайней мере, говорил по-испански и, как рассказывают, мог похвастаться наличием «друзей-собутыльников» среди высших офицеров. Вдобавок к этому слишком большими оказывались расстояния, также мешавшие «челноку» успевать набирать на переговорах обороты, позволявшие делу катиться как по маслу. Не благоприятствовали достижению компромисса и этнические характеры представителей обоих государств. Один из членов челночного штаба Киссинджера, находившийся в курсе подробностей миссии Хэйга, указывал на то, что Киссинджер сумел «нажить капитал» на «торгашеских инстинктах» двух соседних

семитских народов. Подобных традиций не существовало ни среди потомков англосаксов, ни испанцев и, конечно, между ними. Британцы не видели, почему они должны уступать, руководствуясь «принципом», а аргентинцы — «гордостью».

Хэйг проявил громадную личную стойкость на всем протяжении тяжкого испытания и поразил всех искренним нежеланием постигать то, почему два разумных правительства не могут разрешить возникшие между ними недоразумения. И все же зачастую выдержка изменяла ему. Как-то госсекретарь посетовал на то, что хунта есть не более чем «шайка бандитов». Штаб его мечтал о настоящем режиме с «каудильо» во главе — о сильной личности в Буэнос-Айресе, способной, по крайней мере, принимать решения. В какой-то другой момент отчаяния Том Эндерс обратился с вопросом к послу Шлаудеману: «И что выходит из наших особых взаимоотношений с аргентинцами?» Шлаудеман отозвался предельно лаконично: «Какие особые взаимоотношения?» Одной разделяемой позиции антикоммунизма, как Эндерс мог бы убедиться на примерах Юго-Восточной Азии, тут было маловато. Американцам не удалось ни постичь место Фолклендских островов в политической душе британцев, ни уяснить себе пределов возможного для военных олигархий Латинской Америки. Посредничество Хэйга стало смелой по замыслу, но ничего не менявшей на деле сюжетной линией в драме под названием Фолклендская война.

* * *

Совпадение ключевых моментов переговоров по Фолклендским островам с явными всплесками военной деятельности показывало, по мнению некоторых, что британский военный кабинет сам оркестровал одни или другие события. Прямых свидетельств этого, однако, нет, а члены военного кабинета безоговорочно отметают подобную возможность. На самом деле многих глубоко и неприятно поражала растянутость обоих процессов. Ударная группа Вудварда в конечном счете сосредоточилась у границ МЗЗ лишь в середине четвертой недели с момента выхода в море. И вот из Нортвуда пришел незамедлительный приказ: «Всецело приготовьтесь к ведению войны к полуночи, 29 апреля».

Только в пятницу, 30-го, состоялась непродолжительная дискуссия на заседании Совета национальной безопасности

в Вашингтоне, после которой Рейган согласился с точкой зрения Хэйга об отсутствии целесообразности в продолжении отказа от поддержки Британии. В последующем заявлении Рейган продолжал выражать непонимание значимости «этого маленького и чрезвычайно холодного куска земли». Тем не менее теперь он выражал готовность ввести военные и экономические санкции против Аргентины (от поставок вооружения США фактически отказались с момента наложения эмбарго Картера) и предложить «материальную» помощь Британии. Потрясенный Галтьери в Буэнос-Айресе говорил визитерам: «Я испытываю крайнее огорчение по отношению к Рейгану, которого считал другом».

Британская пресса заходилась в конвульсиях экстаза. «Янки — огромное спасибо!» — кричала «Сан» [здесь британский таблоид использовал игру слов, заменив известное выражение «thanks a million» («огромное спасибо», или «миллион благодарностей») на «yanks a million». — *Прим. пер.*]. «Таймс» реагировала с большей сдержанностью: «Настоящий друг — друг в нужде». На Даунинг-стрит раздался вздох облегчения. Дополнительная помощь приобрела скорее символическое, чем реальное значение. По распоряжению Каспара Уайнбергера американские танкеры и транспортные самолеты уже и раньше в течение какого-то времени тайно посещали остров Вознесения. Теперь они могли, по крайней мере, проделывать это официально. Среди поставок находились ракеты класса «воздух-воздух» «Сайдуиндер» [разработанные в США ракеты AIM-9L «Сайдуиндер» (Sidewinder) состояли на вооружении КВВС и военно-морской авиации Великобритании (в частности, ими были оснащены самолеты «Харриер» и «Си Харриер»). — *Прим. ред.*] и ракеты класса «воздух-поверхность» «Шрайк» [во время Фолклендской войны ракетами американского производства AGM-45A «Шрайк» (Shrike), предназначенными для подавления РЛС противника, оснащались британские стратегические бомбардировщики «Виктор»; каждая такая ракета имела длину 3,048 метра, вес 176 кг (включая боеголовку весом 66 кг) и максимальную дальность пуска 40 км. — *Прим. ред.*], самолеты-заправщики, позволявшие освободить летающие танкеры «Виктор» для действий в операциях НАТО, горючее и боеприпасы. Наверное, самым ключевым моментом в помощи американцев выступала радио- и радиотехническая разведка, а также оборудование для радио- и радиорелейной связи. Когда война закончилась, британские начальники штабов

крайне высоко отзывались о действиях американского главы объединенного КНШ в Вашингтоне, генерала Дэйвида Джоунза, со всей готовностью реагировавшего на каждую просьбу из Лондона. В одном случае, когда сэр Теренс Левин был вынужден лично позвонить по телефону Джоунзу и попросить о срочной поддержке в части выделения определенных коммуникационных каналов для британцев, не успел Левин приступить к разговору, как генерал заверил его: «Знаю-знаю, о чем попросите, считайте, что уже сделано». Какие бы пустопорожние разговоры ни возникали на ниве американской политики вокруг войны в Южной Атлантике, поддержка военных США отличалась безусловной щедростью и играла жизненно важную роль. К услугам Британии предоставлялись американские электронные объекты на юге Чили, да и сами чилийцы поддерживали тесные контакты с Лондоном на всем протяжении войны за счет постоянных пересылок военных атташе между двумя столицами. Чего Америка не поставила британцам, так это самолетной системы дальнего радиолокационного обнаружения воздушных целей и наведения, знаменитой АВАКС. Но поступи США иначе, они бы оказались непосредственно вовлеченными в конфликт, пусть бы отсутствие АВАКС и являлось главнейшим затруднением для британцев в течение войны. Америка могла подать Британии пальто и даже пришить несколько пуговиц, однако войну в Южной Атлантике оперативное соединение вело самостоятельно.

9

ВОЙНА НА МОРЕ

> Гений Нельсона позволял ему основательно взвесить последствия любого решения. Однако гений этот работал на основе точных практических данных... Он чувствовал, что знает, как будут развиваться действия флота. Джеллико [адмирал, командовавший в 1916 г. британским Гранд Флитом. — *Прим. пер.*] не знал. Не знал никто.
>
> *Уинстон Черчилль, Мировой кризис, по поводу Ютландской битвы*

В 4.23 утра в воскресенье, 1 мая, после решения Британии сделать следующий шаг от морской запретной зоны (МЗЗ) к полной запретной зоне (ПЗЗ), одиночный бомбардировщик «Вулкан» 101-й эскадрильи КВВС из состава Ударного командования атаковал аэродром Порт-Стэнли. [Речь идет о первом из воздушных рейдов, проведенных британцами во время Фолклендской войны в рамках операции «Блэк Бак» (Black Buck, «Черный олень»), для участия в которой из Англии, с авиабазы Уэддингтон, на атлантический остров Вознесения, на аэродром Уайдиуэйк, перелетели 5 стратегических низковысотных бомбардировщиков «Вулкан» (Vulcan B.2) из состава 44-й, 50-й и 101-й эскадрилий КВВС, объединенные в отряд под командованием скуодрон-лидера (майора авиации) Аластэра Монтгомери. Кроме того, с английской авиабазы Мархэм туда же были переброшены 20 самолетов-заправщиков «Виктор» (Victor K.2) из 55-й и 57-й эскадрилий КВВС. Операция «Блэк Бак 1» началась 30 апреля в 22.53 по местно-

му времени, когда с аэродрома Уайдиуэйк поднялись в небо два «Вулкана» с бортовыми номерами XM 598 и XM 607, обслуживаемые соответственно экипажами из 50-й и 101-й эскадрилий. Вскоре после взлета у первого (ведущего) самолета разгерметизировалась кабина, поэтому ему пришлось вернуться назад. Второй бомбардировщик (дублер) благополучно преодолел расстояние в 6250 км, дозаправляясь в воздухе с помощью группы из девяти «Викторов», отбомбился по аэродрому Порт-Стэнли и благополучно возвратился на остров Вознесения (по времени вся операция заняла 15 часов 45 минут). Аргентинские операторы РЛС «прозевали» рейд одинокого «Вулкана», а вызванная из Рио-Гальегос пара истребителей «Мираж» III-EA под командой майора Хосе Санчеса (секция из сводной эскадрильи 8-й истребительной авиагруппы ВВС Аргентины) прибыла к Порт-Стэнли уже после того, как британский бомбардировщик покинул воздушное пространство над Фолклендами. — *Прим. ред.*] Экипажи повидавших виды летательных аппаратов провели немало тренировок в подготовке к боевому применению наряду с другими бомбардировщиками, наскоро переоборудованными для несения не ядерных, а обычных боеприпасов, на мысе Рат, несмотря на протесты общества защиты природы в отношении ущерба гнездующимся морским птицам. Пилот, флайт-лейтенант [flight lieutenant — воинское звание в британских КВВС, соответствующее капитану в сухопутных войсках. — *Прим. ред.*] Мартин Уидерз, совершил достойный пера поэта полет с острова Вознесения, потребовавший семнадцать заправок в воздухе на пути туда и обратно [кроме командира, флайт-лейтенанта Уильяма Фрэнсиса Мартина Уидерза, в состав экипажа «Вулкана» XM 607 входили: флаинг-офицер, или лейтенант авиации Питер Льюис Тейлор (второй пилот), флайт-лейтенанты Гордон Кэрни Грэм (штурман), Роберт Деннис Райт (штурман-оператор), Хью Прайор (офицер-электронщик) и Ричард Джон Рассел (бортинженер). — *Прим. ред.*]. На подлете к цели он снизил высоту до бреющего, чтобы уменьшить риск обнаружения самолета аргентинскими РЛС, затем поднялся до 10 000 футов (3000 метров) для бомбового удара. [Примерно в 480 км от Фолклендского архипелага «Вулкан» снизился до 90 метров, а после того как на расстоянии 60 км от цели его аппаратура засекла сигналы радаров противника, самолет поднялся на высоту 3000 метров, удобную для бомбометания. Когда до Порт-Стэнли оставалось 16 км,

офицер-электронщик Хью Прайор засек аргентинскую РЛС, пытавшуюся взять «Вулкан» на сопровождение, однако экипаж бомбардировщика применил систему РЭП, и аргентинцы не смогли справиться с мощными радиопомехами. — *Прим. ред.*] Еще в трех милях (5,5 км) от берега он сбросил двадцать одну 1000-фунтовую (454-килограммовую) «железную» бомбу и развернулся, ложась на обратный курс [бомбометание было произведено в 4.46 по местному времени. — *Прим. ред.*]. Одна бомба угодила во взлетно-посадочную полосу, выворотив песок и щебенку, тогда как оставшиеся легли ровной чередой за пределами цели [сброшенные поперек ВПП, тысячефунтовые бомбы упали двумя ровными рядами, причем одна бомба, взорвавшись, проделала воронку в центре взлетной полосы, а другая образовала огромный кратер на самом ее краю. — *Прим. ред.*]. В КВВС никогда не верили в способность лишить возможности пользоваться ВПП взлетавшие с коротким разбегом аргентинские транспортники «Геркулес» и самолеты-штурмовики «Пукара», однако они могли сделать ее непригодной для реактивных самолетов с высокими характеристиками, в случае если противник удлинил полосу для приема таких машин. Больше того, теперь британцы как бы говорили аргентинцам — война пришла к вам.

В тот же день в темноте ударная группа Вудварда, состоявшая из тринадцати кораблей, вошла в пределы ПЗЗ. Палубные команды авианосцев уже готовили к следующим вылетам «Си Харриеры». «Инвинсибл» с его более современной РЛС и меньшей авиагруппой создавался как корабль ПВО с задачей в первую очередь вести боевое патрулирование в воздухе — служить прикрытием флоту [на авианосце «Инвинсибл» базировались 8 самолетов «Си Харриер» (Sea Harrier FRS.1) 801-й военно-морской эскадрильи лейтенант-коммандера Найджела Дэйвида Уорда и 11 противолодочных вертолетов «Си Кинг» (Sea King HAS.5) 820-й военно-морской эскадрильи лейтенант-коммандера Ралфа Джона Стюарта Уайкс-Снейда. — *Прим. ред.*]. Двенадцати «Си Харриерам» на борту «Гермеса» отводилась роль штурмового формирования [кроме 12 «Си Харриеров» 800-й военно-морской эскадрильи лейтенант-коммандера Эндрю Доналдсона Олда, на «Гермесе» также базировались 9 противолодочных вертолетов «Си Кинг» 826-й военно-морской эскадрильи лейтенант-коммандера Дагласа Джона Смайли Скуайера. — *Прим. ред.*]. С первыми признаками рассвета ударная группа, возглавляемая лейте-

нант-коммандером Энди Олдом, командиром 800-й эскадрильи [800-я эскадрилья Военно-морской авиации (ВМА) имела в своем составе 16 пилотов, в том числе 6 прикомандированных летчиков 899-й эскадрильи ВМА (включая командира последней, лейтенант-коммандера Нила Уайнелла Томаса). — *Прим. ред.*], поднялась с палубы «Гермеса», построилась над расположением флота, после чего развернулась в направлении берегов Фолклендских островов. Приходилось соблюсти очень тонкий баланс между необходимым запасом топлива и бомбами — полезной нагрузкой. Только высокая степень уверенности Вудварда в своих силах в первом столкновении позволила ему подогнать авианосцы на дистанцию 70 миль (около 130 км) от берега для отправки в небо самолетов.

«Си Харриеры» полетели на малой высоте и с большой скоростью. Три самолета предназначались для атаки базы противника в Гуз-Грине, четыре — для удара по РЛС и другим объектам противовоздушной обороны в Стэнли, а оставшиеся пять нацеливались на ВПП и прочие мощности. [В 8.25 утра 1 мая три «Си Харриера» 800-й эскадрильи ВМА — машины лейтенант-коммандера Родни («Рода») Винсента Фредериксена, лейтенанта Мартина Хэйла и лейтенанта Эндрю Невилла Макхарга, объединенные в группу с позывным «Тартан», — сбросили бомбокассеты BL –775 на аргентинскую авиабазу «Кондор» в Гуз-Грине, уничтожив там один легкий самолет-штурмовик IA-58 «Пукара» (бортовой номер A-517) из Мальвинской аэромобильной эскадрильи 3-й штурмовой авиагруппы (пилот этого штурмовика, лейтенант Даниэль Антонио Юкич, сумел оторвать свою машину от земли, но сразу же попал под «дождь» кассетных бомбочек и погиб). Две другие «Пукары», оставшиеся на летном поле, были так сильно повреждены, что уже не подлежали восстановлению. Наземный персонал авиабазы «Кондор» потерял 7 чел. убитыми и 13 ранеными. Систему ПВО в Порт-Стэнли атаковали на своих «Си Харриерах» лейтенант-коммандеры Энтони («Тони») Роналд Видавски Огилви, Гордон («Горди») Уолтер Джеймс Батт и Нил Уинелл Томас и лейтенант Королевских ВМС Клайв Роналд Уэллзли Моррелл (группа с позывным «Ред», т.е. «Красный»), тогда как самолеты лейтенант-коммандеров Энтони («Энди») Доналдсона Олда и Майкла («Майка») Стивена Блиссета, флайт-лейтенантов КВВС Дэйвида Генри Спенсера («Мога») Моргана, Эдварда («Теда») Генри Болла и Энтони Роберта («Берти») Пен-

фолда (четыре «Си Харриера», объединенные в группу с позывным «Блэк», т.е. «Черный») нанесли удары по взлетно-посадочной полосе аэропорта и другим объектам инфраструктуры. — *Прим. ред.*]. «ПВО противника разбудил «Вулкан», — рассказывал Олд. — Когда мы подлетели, все выглядело точь-в-точь, как будто бы внизу шло шоу с бенгальскими огнями в Ночь Гая Фокса» [«Ночь Гая Фокса», известная также как «Ночь костров» и «Ночь фейерверков», — традиционное для британцев празднование, ежегодно устраиваемое в ночь на 5 ноября в память о провале «Порохового заговора» — покушения на жизнь английского короля-протестанта Якова I Стюарта; этот праздник обычно сопровождается фейерверками и сожжением чучела одного из главных заговорщиков, дворянина-католика Гая Фокса (именно Фокс собирался в ночь на 5 ноября 1605 г. поджечь фитиль, ведущий к заполненному порохом помещению под Палатой лордов в Лондоне, и взорвать находившегося в зале монарха вместе с членами обеих палат парламента, но был арестован, не успев осуществить задуманное). — *Прим. ред.*]. Трассы зениток мчались к штурмовикам, когда те неслись через обложенное тучами небо, ревя моторами над аэродромом, сбрасывали бомбы и ложились на обратный курс. Пилоты не видели признаков стрельбы ракетами в них, но оказавшись в безопасности над морем, Олд произвел перекличку: «Золотая секция, в порядке? Красная секция? Синяя?» [В Королевских военно-воздушных силах, Военно-морской авиации и Корпусе армейской авиации Великобритании любая эскадрилья (squadron) подразделялась на три или четыре звена, а каждое звено (flight) — на две секции (sections), имевшие в своем составе по два или три летательных аппарата. — *Прим. ред.*] Одна машина получила зенитный снаряд в хвост. Олд отправил ведомого на обеспечение ближнего охранения «подранку», и все они поспешили к авианосцам, радуясь, что уцелели. Приземлились экипажи на последнем топливе, откинули фонари кабин и, вскидывая ввысь руки с точащими большими пальцами, сигнализировали командованию на мостике — «все как надо». Вскоре после приема «Харриеров» авианосная группа развернулась в восточном направлении, чтобы увеличить расстояние между кораблями и противником, тогда как оружейники принялись перевооружать самолеты ракетами «Сайдуиндер». Вудвард ожидал немедленного ответа неприятеля, пусть хотя бы и ради одного вопроса национальной гордости.

Между тем адмирал послал три корабля — эсминец «Гламорган» и фрегаты «Арроу» и «Алакрити» — с приказом приступить к артобстрелу выявленных аргентинских позиций вокруг Порт-Стэнли. В начале второй половины того дня, следуя за «Гламорганом» с его огромными боевыми вымпелами, суда на большой скорости приблизились на 12 миль (22 км) к низкому, затянутому туманной дымкой побережью и открыли стрельбу по квадратам, медленно проходясь туда и обратно в условиях сильного волнения. Резкие звуки выстрелов корабельной артиллерии, сделавшиеся привычными потом, в последующие недели, эхом раскатывались над просторами моря. Действия эти вовсе не являлись цепочкой не связанных между собой драматических инцидентов, они предпринимались с целью проведения намеренной провокационной стратегии. Британцы считали аргентинцев обладавшими в достатке волей и разумом для развертывания не менее расчетливого контрнаступления. С самого момента пересечения оперативным соединением границы ПЗЗ его старшие офицеры ожидали столкновения с координированным противодействием в воздухе и на море. «Мы предполагали бой на поверхности, — признавался один из них, — и чем скорее, тем лучше».

В 1.25 пополудни, когда группа судов как раз закончила артобстрел из района в виду Порт-Стэнли, с запада показались быстро приближавшиеся точки — четыре «Миража» III. [Авторы, работавшие над своей книгой о Фолклендской войне «по свежим следам», когда многие детали этого вооруженного конфликта еще не были известны, допускают ошибку, приписывая авианалет 1 мая 1982 г. на три британских боевых корабля у побережья Восточного Фолкленда аргентинским «Миражам» — многоцелевым истребителям Mirage III-EA производства французской авиастроительной компании Дассо-Бреге, купленным Аргентиной у Франции (всего было приобретено 19 таких самолетов — двенадцать в 1972 г. и семь в 1978–1980 гг.). На самом деле эсминец «Гламорган» и фрегаты «Алакрити» и «Арроу» были атакованы вовсе не четырьмя «Миражами» III, а штурмовым звеном из трех многоцелевых истребителей «Даггер» (IAI M-5 Dagger). В 1978–1980 гг. 39 машин данного типа, представлявших собой копии французского многоцелевого истребителя (или истребителя-бомбардировщика) «Мираж» 5, Аргентине продал Израиль, где они производились без лицензии под названием «Нешер» (в переводе с иврита — «Орел»). В ходе Фолклендской войны аргентинские ВВС

задействовали 19 «Даггеров» 6-й истребительной авиагруппы (ИАГ) коммодора Томаса Родригеса, из них 9 самолетов 1-й аэромобильной эскадрильи «Лас Авутардас Сальвахес» (I Escuadron Aeromovil Las Avutardas Salvajes, «Дикие гуси») майора Карлоса Наполеона Мартинеса базировались на военно-морской авиабазе «Альмиранте Кихада» в Рио-Гранде, на острове Огненная Земля (в 700 км от Порт-Стэнли), а 10 самолетов 2-й аэромобильной эскадрильи «Ла Маринете» (II Escuadron Aeromovil La Marinete, чье название происходит от женского имени, имеющего в основе латинское слово marinus, морской) — на аэродроме в Сан-Хулиане, на побережье провинции Санта-Крус (в 787 км от Порт-Стэнли). В начале Фолклендской войны эскадрилью «Ла Маринете» возглавлял майор Хуан Карлос Сапольски, которого позже сменил вице-коммодор (vice-comodoro, аналог подполковника ВВС США) Луис Доминго Вильяр. В атаке 1 мая приняли участие три «Даггера» из 2-й эскадрильи, используемые в данном случае как истребители-бомбардировщики. Эти самолеты, составлявшие звено с позывным «Торно» (Escuadrilla Torno, «Прялка»), пилотировали капитан Норберто Рубен Димельо (лидер), лейтенант Густаво Энрике Агирре-Фагет и первый лейтенант Сесар Фернандо Роман. Они вылетели в 15.45 из Сан-Хулиана, неся каждый по две 500-фунтовые (227-килограммовые) осколочно-фугасные авиабомбы (не считая стандартного артиллерийского вооружения в виде двух 30-мм пушек). Еще шесть «Даггеров» той же эскадрильи (три пары сопровождения из Сан-Хулиана) обеспечивали прикрытие штурмовой тройки, имея в своем арсенале по две управляемые ракеты «Шафрир» (класса «воздух-воздух»). Такой же набор оружия нес на своих пилонах «Даггер» первого лейтенанта Хосе Л. Ардилеса из 1-й эскадрильи 6-й ИАГ (истребитель с бортовым номером С-433), который в 15.54 вылетел из Рио-Гранде в составе пары (секции с позывным «Рубио» — seccion Rubio), посланной на подкрепление девятки из 2-й эскадрильи, но был вынужден выполнять задание в одиночку, поскольку ведущий самолет звена вскоре вернулся назад из-за технической неисправности. Что касается восьми истребителей «Мираж» III-ЕА, составлявших сводную эскадрилью 8-й ИАГ, то четыре из них базировались в Комодоро-Ривадавии (на юге провинции Чубут, в 890 км от Порт-Стэнли) под началом командира авиагруппы, коммодора (comodoro, аналога полковника ВВС США) Карлоса Наполеона Корино и майора Карлоса Альберто Луны (позже май-

ора Уго Хуана Паэса), а четыре других — в Рио-Гальегос (на юге провинции Санта-Крус, в 806 км от Порт-Стэнли) под командой майора Хосе Санчеса. Хотя 1 мая «Миражи» из Рио-Гальегос тоже совершали вылеты к Фолклендам, в атаках на британские корабли они не участвовали (воздушный бой, в котором один «Мираж» был сбит, а другой поврежден, происходил не у Восточного Фолкленда, а к северу от острова Пеббл). — *Прим. ред.*] В боевых рубках кораблей оперативного соединения небольшие группки людей, примостившись у круглых янтарных экранов, получили сигнал СВЧ «цель с запада» и принялись внимательно следить за приближением вражеских самолетов к трем кораблям группы, осуществлявшей артобстрел. «Си Харриеры» группы боевого патрулирования (БП) в воздухе приступили к снижению с набором скорости для перехвата. Британские летчики испытывали гигантскую веру в собственные летательные аппараты — они высоко оценили «Харриеры» задолго до всех прочих военных. Однако в ходе обсуждений будущих боев в процессе путешествия на юг пилоты сошлись во мнениях, что самым опасным противником станет более быстрый «Мираж». Израильтяне сполна продемонстрировали способности этой машины. Если бы «Миражи» попытались завязать воздушный бой, «Си Харриерам» следовало использовать уникальную способность менять угол наклона сопел двигателей, резко тормозить ими и так же резко разгоняться. Достаточно продержаться так минуты три-четыре до тех пор, пока «Миражи» не исчерпают лимит запаса горючего для возвращения на далекие базы. Затем, когда «Миражи» лягут на возвратный курс, тут уж из дичи в охотника превратятся «Харриеры».

«Миражи» сближались с производившей артобстрел группой слишком близко, не позволяя кораблям применить против них свое главное вооружение. Дэйвид Тинкер так писал домой с борта «Гламоргана»: «Королевские морские пехотинцы на верхней палубе... бросились к «Эрликонам», совершенно открытые там, они стреляли по «Миражам», когда те пролетали мимо: «Ну давайте, засранцы, дайте же мне добраться до вас». ... Мы в темпе врубили наши газотурбинные установки, и те выплюнули огромные клубы дыма... Нет, шума особого не было — много шипения и да-да-да-да. Мы все рванули в ангары или распростерлись на палубе в касках, зажав уши пальцами. Так мы ничего не видели, но зато все хорошо слышали. Сначала крики: «авиация, авиация!» по селектору, буханье — это мы били «соломой», шипе-

ние — 16 ракет с «соломой», а потом да-да-да-да с самолетов, бух-бух — бомбы падали за кормой, поднимая фонтаны воды (нам казалось, в нас попали), затем опять шипение, когда мимо нас прошли ракеты...» По одной 1000-фунтовой бомбе упало у каждого борта квартердека «Гламоргана» [в действительности это были 227-килограммовые бомбы, сброшенные аргентинскими «Даггерами» звена «Торно». — *Прим. ред.*]. «Это нас всех очень напугало», — довольно сухо заметил командир корабля. Эсминец получил небольшие повреждения ниже ватерлинии. Между тем фрегату «Арроу» досталось в верхней плоскости — от огня авиационных пушек пострадали надстройки и дымовая труба [в нее попало до 11 снарядов. — *Прим. ред.*], а один молодой матрос был ранен в руку. Когда все три судна на полных парах летели на восток, пулеметный огонь с направления от берега нанес ущерб вертолету на «Алакрити». Между тем «Харриеры» достигли первых и вполне впечатляющих успехов. «Миражи» не рискнули на воздушные дуэли. Когда те легли на возвратный курс, британские пилоты нагнали и уничтожили две машины. А третью, к большой радости преследователей, сбили собственные аргентинские средства ПВО. [Здесь авторы вновь ошибаются. В реальности все три «Даггера» звена «Торно», совершившие под командой капитана Димельо штурмовой налет на британские корабли, благополучно вернулись в Сан-Хулиан, хотя пара «Си Харриеров» преследовала их на протяжении 130 км (эта британская секция отвернула назад, когда на помощь самолетам Димельо пришла одна из прикрывающих пар «Даггеров», ведомая капитаном Гильермо Адольфо Донадилье). Однако в 16.40 над Восточным Фолклендом был сбит одиночный «Даггер» из 1-й эскадрильи 6-й ИАГ, перехваченный парой «Си Харриеров» из 800-й эскадрильи ВМА. Пилот аргентинского истребителя, первый лейтенант Хосе Леонидас Ардилес (кузен известного аргентинского футболиста Освальдо Ардилеса), выпустил ракету «Шафрир» по машине лейтенанта Королевских ВМС Мартина Хэйла, но промахнулся, после чего на выходе из атаки проскочил британский самолет и на форсаже стал набирать высоту, что сделало его прекрасной мишенью для противника. Флайт-лейтенант КВВС «Берти» Пенфолд (офицер, приданный 800-й эскадрилье ВМА из 899-й эскадрильи), пилотировавший «Си-Харриер» с бортовым номером XZ455/12, поразил истребитель Ардилеса ракетой «Сайдуиндер» с дистанции 4,8 км. Аргентинский летчик не успел катапульти-

роваться и был убит. Другой воздушный бой произошел к северу от острова Пеббл, где около 16.10 два аргентинских «Миража» с бортовыми номерами I-015 и I-019, пилотируемые капитаном Густаво Архентино Гарсия-Куэрвой и лейтенантом Карлосом Эдуардо Пероной (истребители секции «Дардо» из сводной эскадрильи 8-й авиагруппы, которые в 15.45 вылетели из Рио-Гальегос, неся по две управляемые авиационные ракеты R.550 «Мажик») — сошлись на встречных курсах с парой британских самолетов «Си Харриер» из 801-й эскадрильи ВМА, патрулировавших на высоте 3440 метров. Пилотами этих «Си Харриеров», имевших номера XZ452/007 и XZ453/009, были соответственно флайт-лейтенант КВВС Пол Стивен Бартон (офицер 899-й эскадрильи ВМА, приданный 801-й эскадрилье) и лейтенант Королевских ВМС Стивен Роберт Томас. Ракета «Сайдуиндер», выпущенная Бартоном, попала в самолет Перона и сбила его, однако аргентинский летчик спасся благодаря своевременному катапультированию. Спустя несколько секунд другая ракета той же модели, которую выпустил лейтенант Стив Томас, взовалась под хвостом «Миража» капитана Гарсия-Куэрвы. Хотя у аргентинского истребителя были пробиты топливные баки и повреждено управление, Гарсия-Куэрва еще мог его пилотировать и поэтому решил не катапультироваться, а идти на вынужденную посадку в Порт-Стэнли. Поначалу он сбросил баки, чем насторожил операторов РЛС аргентинской ПВО. Затем на подходе к аэродрому летчик отстрелял ракеты и окончательно убедил расчеты 35-мм зенитных установок «Скайгард» (спаренных орудий «Эрликон» CDF-002, совмещенных со станцией радиолокационного наблюдения и слежения за воздушными целями) из батареи аргентинского 601-го дивизиона зенитной артиллерии в том, что они имеют дело с атакующим британским самолетом. Зенитчики больше не раздумывали и, выпустив по «Миражу» три очереди снарядов, моментально сбили его (возможно, кроме армейских зенитных установок, к падению аргентинского истребителя оказались также причастны 30-мм морские пушки, выставленные вдоль города Порт-Стэнли и стрелявшие по самолету со своих огневых позиций). В результате этого трагического инцидента, произошедшего в 16.15, капитан Гарсия-Куэрва погиб, став жертвой «дружеского огня». — *Прим. ред.*] Вторая половина того дня стала моментом торжества для экипажей судов. Моряки в оперативных рубках, занятые слежением за вражескими радиосообщениями,

слышали испанскую речь пилотов и наблюдали за импульсами, исчезавшими с экранов радаров по мере того, как взрывались «Миражи». Затем группа противолодочного эскорта — фрегаты «Ярмут» и «Бриллиант» со своими «Си Кингами» — засекла эхолокаторами два приближавшихся на большой высоте вражеских бомбардировщика «Канберра», опять-таки с запада. [На самом деле в том налете участвовали не две, а три «Канберры». Это было звено с позывным «Рифле» (Escuadrilla Rifle) капитана Альберто Абрахама Байгорри, поднявшееся в небо в 16.20 с военно-морской авиабазы «Альмиранте Сар» в Трелью (провинция Чубут, в 1070 км от Порт-Стэнли). В общей сложности во время Фолклендской войны ВВС Аргентины использовали восемь двухместных тактических бомбардировщиков «Канберра» (Canberra Mk.62) британского производства, составлявших эскадрилью майора Рамона Пастора Виваса из 2-й бомбардировочной авиагруппы (Grupo 2 de Bombardeo). Все они базировались в Трелью, и с 1 мая по 14 июня 1982 г. совершили 54 вылета, в том числе 36 с целью бомбардировок (из них 22 ночных — против британских наземных сил). Два самолета эскадрильи были потеряны в ходе боевых действий: один (с бортовым номером B-110) уничтожен 1 мая в результате попадания авиационной ракеты «Сайдуиндер», а второй (с бортовым номером B-108) сбит 13 июня на высоте 12 км зенитной управляемой ракетой «Си Дарт», выпущенной британским эсминцем УРО «Эксетер». — *Прим. ред.*] Опасаясь атаки ракетами «Экзосет», моряки выпустили «солому». Несколькими секундами спустя «Си Харриер» сбил одну из «Канберр». [Этот аргентинский бомбардировщик, сбитый в 17.45 севернее Фолклендов ракетой «Сайдуиндер», записал на свой победный счет лейтенант Королевских ВМС Уильям Алан Кертис, пилот «Си Харриера» с бортовым номером XZ451/006 из 801-й эскадрильи ВМА. Оба члена экипажа «Канберры», лейтенант Эдуардо Хорхе Рауль де Ибаньес (пилот) и первый лейтенант Марио Иполито Гонсалес (штурман), катапультировались, но не были спасены и пополнили собой список погибших 1 мая. С их учетом в тот день погибло 5 офицеров и 7 прочих военнослужащих вооруженных сил Аргентины (всего 12 чел., из которых 8 стали жертвами британского воздушного налета на авиабазу «Кондор» в Гуз-Грине). — *Прим. ред.*] Другая повернула обратно.

Вторая половина дня перерастала в вечер, становилось темнее, а британцы с удивлением отмечали отсутствие новых попы-

ток атаковать их со стороны авиации противника. Ответ на брошенный врагу вызов оказался весьма скромным. Каждая сторона пробовала на прочность оборону другой, и для обеих столкновение принесло известное отрезвление. «Мы поняли, что у них серьезные намерения, — говорил командир «Гламоргана» кэптен Бэрроу. — Они умеют точно бросать бомбы». Этот случай оказался первым и последним, когда британцы пытались днем обстреливать берег из корабельных орудий. В 8.40 тем вечером «Гламорган» возвратился для продолжения бомбардировки, чтобы заверить неприятеля — нет-нет, не надейтесь, оперативная группа не ушла и не уйдет. Один из императивов уроков войны, как на суше, так и на море, состоял в том, что даже в эру РЛС ночь может стать лучшим временем для тех, кто умеет с толком использовать ее.

* * *

Теперь фокальная точка сражения сместилась примерно на 300 миль (более 550 км) в западном направлении, выйдя из-за черты ПЗЗ и приблизившись к аргентинскому берегу. Британцы ожидали от аргентинцев наступления с воздуха и с моря. В то время как умы личного состава команд судов занимали ведущие огонь «Миражи» над их головами, адмирал Вудвард с его штабом сосредоточивали помыслы на аргентинском флоте. Установление места дислокации и слежение за его главными частями являлось жизненно важным моментом для британского командования с самого начала противостояния. На протяжении недель до часа пересечения оперативным соединением пределов запретной зоны вопрос о том, насколько близко к аргентинскому берегу могут подходить британские подлодки в поисках неприятельского флота, стал пищей для шумных дебатов между военным кабинетом и начальниками штабов родов войск. Королевские ВМС желали бы установить различные источники угрозы со стороны надводного флота противника как можно скорее. Если бы британские субмарины остались в границах ПЗЗ, возникла бы очень серьезная опасность беспрепятственного приближения вражеских кораблей к оперативному соединению на дистанцию поражения. Политиков, казалось, особенно волновало, как бы выход британских подлодок в районы, на считаные километры удаленные от собственно аргентинских пределов, не спровоцировал какого-нибудь катастрофического происшествия раньше, чем правительство успеет

подготовиться к этому на дипломатическом поле. В последнюю неделю апреля военный кабинет, наконец, смягчился. 26 апреля правила применения силы подверглись расширению и включили в себя «оборонительный ареал» вокруг частей оперативного соединения. Атомная подводная лодка «Спартан» осталась в запретной зоне. «Конкерор» перебросили с северного участка в район к юго-западу от Фолклендских островов за границами запретной зоны. «Сплендид» приступила к патрулированию секторов к северу от нее. На данной стадии одной из главнейших задач британских АПЛ являлось обнаружение и уничтожение двух аргентинских субмарин типа 209 [речь идет о дизельных подводных лодках «Сальта» и «Сан-Луис», из которых только последняя тогда находилась в море. — *Прим. ред.*]. Считалось, что, по крайней мере, одна из них действует в пределах запретной зоны, каковой момент вызывал множество тревог у адмирала Вудварда и его штаба, как, впрочем, и у военного кабинета.

26 апреля командир АПЛ «Сплендид» [коммандер Роджер Чарлз Лейн-Нотт. — *Прим. ред.*] отправил важнейшее донесение в Нортвуд: он установил место нахождения аргентинской оперативной группы, состоявшей из двух эсминцев типа 42 и вооруженных «Экзосет» фрегатов, — формирование шло курсом на юг со скоростью 10 узлов. [Тогда в Южной Атлантике находились три оперативных группы ВМС Аргентины, составлявшие вместе Оперативное соединение 79 (Fuerza de Tareas 79) контр-адмирала Гуалтера Оскара Альяры. Основой Оперативной группы (ОГ) 79.1, возглавляемой капитаном корабля Хосе Хулио Сарконой, являлся авианосец «Вейнтисинко де Майо», имевший на борту восемь штурмовых самолетов A-4Q «Скайхок» (из 3-й истребительно-штурмовой эскадрильи ВМА под командой капитана корвета Родольфо Альберта Кастро-Фокса), шесть противолодочных самолетов S-2 «Трэккер» (четыре S2E и два S2A), три противолодочных вертолета S-61D «Си Кинг» и три многоцелевых вертолета «Алуэтт» III. Кроме того, в ОГ 79.1 входили эскадренный миноносец типа 42 «Эркулес», корветы «Друммонд», «Гранвилль» и «Геррико» и танкер «Кампо Дуран». Оперативная группа 79.2 капитана корабля Хулио Даниэля Чалулеу включала три эскадренных миноносца: «Сантисима Тринидад» (эсминец типа 42), «Комодоро Пи» (бывший «Перкинз», американский эсминец класса «Гиринг») и «Сеги» (бывший «Хэнк», американский эсминец класса «Аллен М. Самнер»), а также танкер

«Пунта Меданос». Оперативная группа 79.3 капитана корабля Эктора Элиаса Бонсо имела в своем составе крейсер «Хенераль Бельграно» (бывший «17 де Октубре» и «Феникс», крейсер класса «Бруклин» американской постройки), эскадренные миноносцы «Иполито Бушар» и «Пьедра Буэна» (бывшие «Бори» и «Коллет», американские эсминцы класса «Аллен М. Самнер») и танкер «Пуэрто Росалес». Первые две оперативные группы должны были действовать к северо-западу и северу от морской запретной зоны вокруг Фолклендских островов, а третья группа (ОГ.79.3) — к юго-западу и югу от этой зоны. Позже, с утра 1 мая, три корвета, ранее входившие в ОГ.79.1, были выделены в отдельную оперативную группу 79.4 под командованием капитана корабля Хуана Карлоса Кальмона (ей также придали танкер «Пунта Меданос», замененный в ОГ.79.2 танкером «Пунта Дельгада»). Всеми силами аргентинского военно-морского флота на Южно-Атлантическом ТВД руководил из своего штаба, размещавшегося на военно-морской базе Байя Бланка (в провинции Буэнос-Айрес), вице-адмирал Хуан Карлос Ломбардо. — *Прим. ред.*] Информация являлась поистине бесценной, ибо говорила об обнаружении основного источника опасности. Командир подлодки «Сплендид» получил распоряжение «вести» группу эсминцев. Как бы там ни было, главной заботой Нортвуда оставалось найти крейсер «Хенераль Бельграно», а сверх всего прочего — авианосец «Вейнтисинко де Майо». Через двадцать четыре часа после обнаружения субмариной «Сплендид» эсминцев ее командиру приказали бросить слежку за ними и выдвигаться на север для поиска авианосца, в то время как «Конкс» (так штаб подводников в Нортвуде величал «Конкерор») будет прочесывать ареал на юге.

Во второй половине дня 1 мая командир АПЛ «Конкерор», коммандер Крис Рефорд-Браун, доложил об обнаружении крейсера «Хенераль Бельграно» и двух вооруженных «Экзосет» эсминцев. Поначалу в Нортвуде расстроились — они-то хотели найти авианосную группу. Так где же она теперь? И сегодня существуют некоторые сомнения в отношении точной дислокации авианосца на тот момент. Представляется вероятным, что он находился в море, двигаясь на значительной дистанции к северу от крейсерской группы [сейчас уже достоверно известно, что 1 мая 1982 г. аргентинская Оперативная группа 79.1, включавшая авианосец «Вейнтисинко де Майо», маневрировала к северо-западу и северу от полной запретной зоны вокруг Фолклендов (как и оперативные

группы 79.2 и 79.4), а оперативная группа 79.3, возглавляемая командиром крейсера «Хенераль Бельграно», капитаном корабля Эктором Э. Бонсо, двигалась к ПЗЗ с юго-запада. — *Прим. ред.*]. Главное командование в Нортвуде и адмирал Вудвард сносились друг с другом по каналам связи. Соединение подлодок действовало под общим командованием адмирала Филдхауза, но, вполне понятно, Вудвард находился в курсе всех решений в отношении передвижений АПЛ. КПФ сказал Филдхаузу о желательности для него нанесения удара по «Хенераль Бельграно».

Впоследствии британский министр обороны, Джон Нотт, указывал на непосредственную угрозу, исходившую оперативному соединению Вудварда со стороны старого крейсера. Аргентинцы признают, что корабль обеспечивал наведение авиации — т. е. действовал в интересах военно-воздушных сил. Некоторые морские офицеры говорят, что критика решения атаковать данный корабль свидетельствует лишь о «сырости» носителей данного мнения, или о неспособности постигать реалии войны. Когда-нибудь через годы — если вообще когда-либо — мы все же узнаем, намеревался ли на самом деле адмирал Анайя уже на раннем этапе нанести надводными силами по противнику сосредоточенный удар, способный послужить причиной серьезного урона у британцев, но и повлечь за собой в процессе гибель всего аргентинского флота. Единственное неоспоримо — стратегическая необходимость для британцев разгромить воздушные и морские силы противника перед отправкой на сушу десанта. Для достижения данной цели жизненно важную роль играла способность как можно раньше ухватить удобный случай для устранения одного или более угрожающих моментов со стороны аргентинского надводного флота на поле боя. «Надо было начать в каком-то таком духе, показать, что вы знаете дело и настроены на победу», — вынужденно признался один старший британский командир. Сэр Теренс Левин отправился на заседание военного кабинета в Чекерсе утром в воскресенье, 2 мая, дабы попросить разрешение в рамках правил применения силы потопить крейсер «Хенераль Бельграно», находившийся примерно в 40 милях (74 км) к юго-западу от ПЗЗ.

Дискуссии в кабинете завертелись и закрутились, уходя в тему многих прошлых дебатов в части правил применения силы (хотя — очень примечательно — на сей раз в отсутствие Пима). Какова степень угрозы оперативному соединению? Есть ли возможность проследить, пока крейсер войдет в полностью запрет-

ную зону? Не стоит ли применить конвенциональные торпеды вместо наводящихся по проводам торпед «Тайгерфиш» с целью скорее нанести судну повреждения, чем потопить его? Следует ли оставить неприкосновенным корабли сопровождения, чтобы те поднимали на борт спасшихся? Всецело признавалось, что из двух крупных аргентинских кораблей предпочтительной целью стал бы авианосец. Однако Левин не оставил министрам места для сомнения: общее мнение в Нортвуде — крейсер «Хенераль Бельграно» необходимо вывести из строя немедленно. Никто из министров не возражал. Приказ был отдан до ланча.

Мы имели возможность понаблюдать процесс принятия ключевого решения в рамках описываемой конфронтации — поразительный подъем ставок в Южной Атлантике премьер-министром. Нетрудно понять энтузиазм командования Королевских ВМС в отношении нанесения удара по крейсеру, поскольку его уничтожение давало им важную победу — представляло собой уверенный шаг на пути установления господства в море вокруг Фолклендских островов. Но — как тогда, так и теперь — представляется поразительным, с какой готовностью кабинет миссис Тэтчер пошел на шаг, послуживший для Британии источником нанесения противнику первых в Фолклендской войне существенных потерь в живой силе. Позднее профессор Лоренс Фридмен написал, что, пусть удар по «Хенераль Бельграно» подарил Британии «важную военную победу, она, тем не менее, обратилась политическим поражением из-за важности, придаваемой международным сообществом внешнему стремлению к предотвращению эскалации конфликта. Любая военная акция, не являющаяся совершенно очевидно оборонительной по задачам, пусть бы и превентивная, вызывает озлобление»[1]. 2 мая миссис Тэтчер и военный кабинет «облачились в доспехи» для решительной и кровавой демонстрации Аргентине того обстоятельства, что захват Фолклендских островов вызовет ответные меры — меры крутые настолько, насколько потребуется для возвращения утраченной территории.

С 26 апреля крейсер водоизмещением в 13 645 тонн под эскортом двух эсминцев шел курсом из Ушуаи, имея на борту свыше 1000 чел. [Этот корабль был построен в Нью-Джерси (США) в 1935–1938 гг. как легкий крейсер класса «Бруклин» и с 3 октя-

[1] Foreign Affairs («Международные отношения»), осень 1982 г.

бря 1938 г. состоял в американском флоте под названием «Феникс» (USS Phoenix). Пережив налет японской авиации на Перл-Харбор 7 декабря 1941 г., он во время Второй мировой войны участвовал в боевых действиях в Индийском и Тихом океанах. Выведенный 3 июля 1946 г. из состава ВМС США, крейсер был продан в 1951 г. Аргентине за 7,8 миллиона долларов. В составе аргентинских ВМС он вначале назывался «17 де Октубре» (17 de Octubre, или «17 Октября»), а в 1956 г. получил наименование «Хенераль Бельграно» (General Belgrano). Генерал Мануэль Хосе Хоакин де Корасон де Хесус Бельграно (1770–1820), в честь которого назвали корабль, прославился в 1810–1816 гг. как один из героев борьбы за независимость Объединенных провинций Рио-де-Ла-Плата от Испании, в частности, командуя «Северной армией», он одержал победы над испанцами в сражениях при Тукумане (24–25 сентября 1812 г.) и под Сальтой (20 февраля 1813 г.). При длине 185,4 м, ширине 21 м и осадке 7,3 м, крейсер «Хенераль Бельграно» имел полное водоизмещение 13645 тонн и мог развивать скорость 32,5 узла (60 км/ч). Вооружение корабля составляли пятнадцать 152-мм пушек (в пяти башнях), восемь 127-мм пушек (по одной на башню), 44 зенитных орудия (28 калибра 40 мм и 16 калибра 20 мм) и две пусковые установки ЗРК «Си Кэт» британского производства (по 4 направляющих в каждой). Вместо двух вертолетов, помещавшихся в его ангарах, «Хенераль Бельграно» в день своей гибели нес на своем борту только один многоцелевой вертолет «Алуэтт» III. Экипаж по штату насчитывал 1138 чел., однако 2 мая 1982 г. на судне находилось 1093 чел. (1091 моряк и 3 гражданских лица). Командиром крейсера был капитан корабля Эктор Элиас Бонсо, одновременно возглавлявший Оперативную группу 79.3, а его старшим помощником — капитан фрегата Педро Луис Галаси. — *Прим. ред.*] «Конкерор» атаковал в 3 часа во второй половине дня 2 мая, в 35 милях (65 км) за пределами ПЗЗ, выпустив 8 торпед примерно с 2000 ярдов (1800 метров). Считается, что командир британской субмарины принял решение применить традиционные торпеды, а не имевшиеся на борту новейшие высокотехнологичные торпеды «Тайгерфиш», из-за недоверия к надежности последних. [При описании этой атаки авторы допустили ряд неточностей. Дело в том, что аргентинская Оперативная группа 79.3, следуя 2 мая 1982 г. к южной границе ПЗЗ, приближалась к Бердвудской банке (Burdwood Bank) — мелководному участку, где действия британской подводной лодки были бы затруднены,

поэтому командир «Конкерора» решил атаковать крейсер «Хенераль Бельграно» до того, как тот достигнет мелководья. На субмарине имелось пять торпедных аппаратов, три из которых британцы зарядили обычными торпедами Mk 8, предназначенными для уничтожения надводных судов, а остальные два — универсальными торпедами Mk 24 «Тайгерфиш» (Tigerfish — «Тигровая рыба»), способными поражать не только надводные, но и подводные цели. В 15.57 по местному времени АПЛ «Конкерор» выпустила с дистанции 1200–1300 метров от аргентинских кораблей четыре торпеды, из них три обычные — по крейсеру «Хенераль Бельграно» и одну универсальную — по эскадренному миноносцу «Иполито Бушар». Еще одна торпеда «Тайгерфиш» была оставлена в аппарате на случай контратаки со стороны аргентинских эсминцев. Из трех выпущенных торпед Mk 8 две поразили крейсер: одна ударила в левый борт, другая в корму, где взорвалась в машинном отделении, причинив огромные потери экипажу (ее взрыв, разрушив две кают-компании и зал отдыха, проделал 20-метровую дыру в главной палубе). Третья торпеда Mk 8 прошла мимо крейсера, тогда как торпеда Mk 24 попала в корпус эсминца «Иполито Бушар», но не взорвалась из-за технического дефекта взрывателя. — *Прим. ред.*] Затем лодка ушла на глубину, чтобы ускользнуть от расплаты, — все точно по уставу. Команда слышала два мощных взрыва — свидетельство попадания торпед в крейсер, а вскоре за ними последовали другие звуки детонирующей взрывчатки и ударные волны. Это эсминцы сопровождения бросали глубинные бомбы, причем, по всей видимости, наугад и очень далеко от цели, чтобы представлять сколь либо реальную угрозу для «Конкерора». Двадцать минут спустя после атаки коммандер Рефорд-Браун осторожно поднялся на перископную глубину в 11 милях (20 км) от противника. Первая торпеда угодила кораблю в левый борт, вторая — поразила в корму, вследствие чего погибли или оказались отрезанными от спасения 200 чел., силовая установка и системы связи были выведены из строя [по оценкам самих аргентинцев, жертвами британской торпеды, взорвавшейся в кормовом машинном отделении крейсера «Хенераль Бельграно», стали 274 чел. — *Прим. ред.*].

Некоторые военно-морские эксперты позднее высказывали удивление по поводу произошедшего — большой крейсер быстро накренился и начал тонуть после попадания всего лишь двух торпед. Возникают сомнения: а были ли задраены водонепро-

ницаемые двери? Что если неэффективно сработали службы по борьбе за живучесть корабля? Как бы там ни обстояло дело в действительности, командир «Конкерора» видел, как пораженное им судно все сильнее кренится на левый борт, быстро приближаясь краем к кромке воды, а команда лихорадочно карабкается по нему, стараясь достигнуть больших желтых спасательных плотов. Командир крейсера «Хенераль Бельграно», капитан Эктор Бонсо, отдал приказ покинуть корабль [этот приказ был отдан в 16.24 по местному времени, и в 17.00 крейсер затонул (координаты места его гибели — 54,24 градуса южной широты и 61,32 градуса западной долготы). — *Прим. ред.*]. Аргентинские ВМС понесли огромную утрату — лишились престижного судна. Трое адмиральских сыновей находились среди сотен людей, пытавшихся проложить себе путь к верхним палубам, вырываясь на волю из быстро наполнявшейся водой тьмы внизу. Некоторые старались спасти самое ценное и дорогое им — кассетные плееры, фотографии, памятные вещи. Команда не располагала огнезащитными средствами. Те, кого охватывало пламя, переживали страшные мученья. Среди разливающегося топлива и обломков люди старались добраться до шлюпок и вскарабкаться на борт. Сбившись в кучи на переполненных спасательных плотах, уцелевшие разговаривали, пели, молились на протяжении почти тридцати часов, прежде чем прибыла помощь. Похоже, аргентинский эскорт предпочитал гоняться за подлодкой «Конкерор» или спасаться самому, чем подбирать уцелевших моряков. Условия погоды в море начали стремительно меняться к худшему — приближалась буря. К моменту завершения спасательной операции мертвы были 368 членов команды «Хенераль Бельграно». [Согласно более точным данным, из 1093 чел., находившихся на аргентинском крейсере, погибли 323, в том числе двое гражданских. В живых остались 770 членов экипажа: спасенные 3–5 мая аргентинскими кораблями, они были доставлены в Ушуаю (363 чел. подобрал авизо «Франсиско де Гурручага», 273 — эсминец «Пьедра Буэна», 70 — полярный транспорт «Байя Параисо» и 64 — эсминец «Иполито Бушар»). — *Прим. ред.*] Только на следующий день, в 1 час пополудни по лондонскому времени, когда слухи уже циркулировали по Буэнос-Айресу, когда печатались сообщения в британских газетах, командир АПЛ «Конкерор» сумел послать в Лондон официальное подтверждение об уничтожении крейсера «Хенераль Бельграно».

Потопление аргентинского крейсера и первоначальные превышающие реальность сведения о людских потерях глубоко поразили воображение моряков британского оперативного соединения и вызвали шок у обывателей всюду в мире. Многие офицеры и матросы выражали удовлетворение фактом устранения одного из источников угрозы для их кораблей. В тесной кают-компании «Инвинсибла» офицеры радовались и, сжимая кулаки, словно бы взбивали ими воздух. Так они выражали ликование. Но потом реакция изменилась — наступило осознание случившегося. Почти всех потрясли размеры трагедии. «Я рассказывал команде моего корабля сухо и прозаично, как только мог, — вспоминал командир британского эсминца. — Все это походило на этакую смесь ужаса и неверия. Но чего, безусловно, не было — гордости». Очень многие испытали ошеломление из-за решения правительства потопить крейсер, находившийся за пределами ПЗЗ. Чего же ради устанавливать географические границы, в пределах которых подлежат уничтожению любые неприятельские корабли, а потом проводить атаки в море за этой чертой? Пусть даже Британия формально имела право поступить таким образом? Высказывается мнение, будто, не нанеси «Конкерор» удар немедленно, «Хенераль Бельграно» ушел бы на мелководье, простирающееся в тех краях довольно далеко в Атлантический океан, и так ускользнул бы от подлодки. Трудно, однако, поверить, что оперативное соединение всерьез очутилось бы в рискованном положении, если бы британцы воздержались от атак до предупреждения о расширении ПЗЗ. Когда бы не другие события, быстро последовавшие за уничтожением «Хенераль Бельграно», сильные дипломатические позиции Британии были бы поколеблены, а поддержка со стороны союзников оказалась бы под угрозой.

* * *

Следующий день, 3 мая, обещал стать хорошим для ударной группы Вудварда. В начале второй половины дня в районе боевого патрулирования примерно в 60 милях (111 км) к востоку от Порт-Стэнли РЛС эскадренного миноносца «Ковентри» засекла надводную цель, о чем сообщили на «Гермес». Вертолет «Си Кинг», отправленный с флагмана для проверки информации, подвергся обстрелу с двух 700-тонных аргентинских патрульных судов, «Альферес Собраль» и «Комодоро Сомельера» [по класси-

фикации, принятой в ВМС Аргентины, суда «Альферес Собраль» (Alferez Sobral) и «Комодоро Сомельера» (Comodoro Somellera), носившие имена двух аргентинских военных — исследователя Антарктики альфереса (прапорщика) Хосе Марии Собраля (1880–1961) и коммодора Антонио Сомельеры (1812–1889), относились к авизо (aviso); оба они были построены в США во время Второй мировой войны (первое в 1944 г., второе в 1945 г.) как океанские спасательные буксиры класса «Сотойомо» и до их продажи в 1972 г. Аргентине служили в американских ВМС под названиями «Сэлиш» (Salish) и «Катавба» (Catawba); полное водоизмещение каждого такого авизо, имевшего длину 43,6 м, ширину 10,3 м и осадку 4 м, составляло 848 тонн, а вооружением ему служили одна 40-мм зенитная пушка «Бофорс» и два 20-мм зенитных орудия «Эрликон». — *Прим. ред.*]. Эсминцы «Глазго» и «Ковентри» отправили в полет свои «Линксы», вооруженные пока не опробованными ракетами «Си Скьюа», в спешном порядке доставленными для применения оперативному соединению, когда то двигалось на юг от острова Вознесения. Лейтенант-коммандер Алан Рич [на самом деле лейтенант-коммандера Рича из 815-й эскадрильи ВМА, пилота вертолета «Линкс» с эсминца «Ковентри», звали не Алан, а Элвин Арнолд. — *Прим. ред.*] захватил мишень радаром «Си Спрей» и выпустил ракету. «Си Скьюа» вывалилась из вертолета, включился мотор, и она пошла прямо к «Комодоро Сомельера», продолжавшему изрыгать огненные трассы. Последовала слепящая вспышка, раздался взрыв, и патрульный катер начал тонуть. Второй корабль получил сильнейшие повреждения. [В действительности, как выяснилось позже, авизо «Комодоро Сомельера» (бортовой номер А-10) тогда вообще не пострадал, а оба британских вертолета «Линкс» HAS.2 из 815-й военно-морской эскадрильи, совершившие боевые вылеты с эсминцев «Ковентри» и «Глазго», последовательно, с 20-минутным интервалом, нанесли удары по одному и тому же аргентинскому судну — авизо «Альферес Собраль» (А-9), при этом их пилоты, наведенные на цель вертолетами «Си Кинг», ошибочно считали, что атакуют разные корабли. Каждый «Линкс» выпустил по две управляемые ракеты «Си Скьюа», попадания которых причинили «Альфересу Собралю» серьезный ущерб (в частности, одна из ракет, выпущенных вертолетом лейтенант-коммандера Элвина А. Рича, угодила в находившуюся на судне фибергласовую моторную лодку, переранила расчет 20-мм

зенитного орудия и вывела из строя радиоантенну, а обе ракеты вертолета с «Глазго» попали в капитанский мостик, полностью разрушив его). Восемь членов экипажа, в том числе командир авизо, капитан корвета Серхио Рауль Гомес-Рока, были убиты и еще восемь ранены. «Альферес Собраль» лишился электроэнергии, радио, радара и компаса, и для его экипажа единственным средством навигации послужило направление волн во время атаки. Тем не менее, поврежденному судну, командование которым принял лейтенант корабля Серхио Басан, удалось избежать гибели. Авизо был обнаружен аргентинским вертолетом S-61N (гражданским аналогом «Си Кинга»), который эвакуировал с него всех раненых. Наконец, 5 мая «Альферес Собраль» с помощью гражданского траулера «Мария Алехандра» смог добраться до базы в Пуэрто-Десеадо, доставив туда тела моряков, погибших 3 мая (52 чел. из его экипажа остались в живых). — *Прим. ред.*] Оба вертолета развернулись в направлении к их «родным» эсминцам. Кэптен Дэйвид Харт-Дайк, командир «Ковентри», выбежал на полетную палубу из боевой рубки, спеша поздравить возвращающийся экипаж. Алан Рич, пораженный разрушительной мощью только что примененного им оружия, не мог сдержать охватившую его нервную дрожь. Все же прежде солдатам не приходилось видеть жестокое лицо войны.

Военный вторник, 4 мая, начался в 4.30 пополуночи с очередного рейда «Вулкана», оказавшегося менее успешным, чем налет предшественника [в операции «Блэк Бак 2» был задействован тот же самый «Вулкан» с бортовым номером XM 607, который участвовал в первом рейде, однако на сей раз его обслуживал экипаж из 50-й эскадрильи КВВС под командой скуодрон-лидера Джона Рива. — *Прим. ред.*]. Бомбардировщик не попал во взлетно-посадочную полосу [в ходе этой бомбардировки у западной оконечности ВПП были ранены два аргентинских солдата. — *Прим. ред.*]. Позднее тем же утром три «Си Харриера» отправились в очередной полет против Гуз-Грина [все эти самолеты были из состава 800-й эскадрильи ВМА, базировавшейся на авианосце «Гермес»; их пилотировали лейтенант-коммандер Горди Батт (начальник атакующей группы), лейтенант Ник Тейлор и флайт-лейтенант КВВС Тед Болл. — *Прим. ред.*]. Вторым самолетом, заходившим на цель, управлял лейтенант Ник Тейлор [лейтенант Королевских ВМС Николас Тейлор пилотировал «Си Харриер» с бортовым номером XZ450/50 — тот самый, на

котором 20 августа 1978 г. был совершен первый испытательный полет данной модели. — *Прим. ред.*]. Машина угодила под зенитный огонь наводимой по РЛС установки, расположенной за чертой аэродрома [эта аргентинская зенитная установка «Скайгард» (Skyguard, «Небесный страж») из двух спаренных 35-мм пушек «Эрликон» принадлежала 601-му дивизиону зенитной артиллерии. — *Прим. ред.*], и спикировала к земле. Тейлор не катапультировался [останки павшего британского офицера аргентинцы похоронили с воинскими почестями на краю летного поля, ставшего местом его гибели. — *Прим. ред.*]. Так был потерян первый «Си Харриер». Даже летательные аппараты высочайшего класса не могут атаковать охраняемые зенитками наземные цели на бреющем полете и рассчитывать обойтись без царапины. Общее количество «Си Харриеров», имевшихся в составе оперативного соединения, сократилось на пять процентов.

На кораблях команды несли дозорные вахты в условиях второй степени боевой готовности [вторая степень боевой готовности — «желтая тревога» в ПВО. — *Прим. пер.*]. Как и часто в середине утра, обзорные РЛС улавливали ложные сигналы, говорившие о приближении летательных аппаратов — аномальное распространение, как это называется на языке специалистов. На нескольких кораблях моряки в оперативных рубках обсуждали проблему по СВЧ-телефонам. «Ковентри» переговаривался с «Шеффилдом», который занял обычную позицию «Ковентри» в юго-западном углу оперативного соединения, примерно в 40 милях (74 км) к югу от Порт-Стэнли, так как в РЛС 965 корабля Харт-Дайка возникли технические неполадки. Наступила внезапная тишина. Дэйвид Харт-Дайк повернулся к стоявшему рядом офицеру службы ПВО и проговорил: «У «Шеффилда» проблемы со связью. Самое время для этого!» Затем они услышали чей-то неопознанный голос в сети, который бесстрастно произнес: «Поражен «Шеффилд». Было 10 часов утра [в реальности эсминец «Шеффилд» подвергся ракетной атаке после 11 часов. — *Прим. ред.*]. С «Гермеса» командирам «Арроу» и «Ярмута» приказали немедленно выяснить ситуацию и доложить о случившемся. Запросили молчавший «Шеффилд»: «Как-нибудь доложите обстановку». В район дислокации судна отправили вертолет, а «Глазго» послали принять на себя функции радиолокационного дозора на жизненно важном и уязвимом участке. Стали поступать все более сбивающие с толку сообщения. С «Ярмута» доносили о летящей за

ним ракете. На обоих фрегатах утверждали, что видели дорожки торпед. С «Глазго» подняли вертолет «Линкс» и сбросили противолодочные торпеды Mk 46, которые тут же настроились на противолодочную приманку на буксире «Ярмута» и «Арроу». По всем оперативным соединениям объявили полную боевую тревогу. Но пока никто ничего не знал, что же в действительности произошло с «Шеффилдом», почему тот окутан поднимающимся вверх облаком черного дыма. Атакован вражеской подлодкой? Или это всего лишь внутренний взрыв? Затем «Линкс» с «Шеффилда» доставил на борт «Гермеса» начальника оперативной части и офицера ПВО. Они и рассказали Вудварду о постигшей их судно катастрофе.

Погода в то утро выдалась спокойной, а видимость была необычайно хорошей. Кэптен Сэм Солт, сорокадвухлетний подводник [Джеймс Фредерик Томас Джордж Солт (1940–2009), носивший прозвище «Сэм», впоследствии дослужился до звания контр-адмирала. — *Прим. ред.*], отец которого погиб на субмарине во время Второй мировой войны, а крестным был «Рэд» Райдер, заслуживший «Крест Виктории» в Сен-Назере [коммандер (с 1948 г. кэптен) Роберт Эдвард Дадли Райдер (1908–1986) был награжден «Крестом Виктории» за мужество и умелое руководство британскими морскими силами, принимавшими участие в специальной операции «Чэриот» (Chariot, «Колесница») 28 марта 1942 г. — рейде коммандос и Королевских ВМС на Сен-Назер, французский порт в устье Луары, служивший во время Второй мировой войны базой кригсмарине (военно-морского флота нацистской Германии); в результате этого рейда британцам удалось вывести из строя до конца войны док Луи Жубер Лок — единственный сухой док на побережье Атлантики, способный принимать крупнейший немецкий линкор «Тирпиц». — *Прим. ред.*], находился в своей каюте. Невысокий, лысеющий Солт пользовался популярностью в Королевских ВМС. Командование «Шеффилдом» он принял в Момбасе в январе. Команда корабля находилась на тот момент в море уже пять месяцев, и судно прошло «тридцать тысяч миль без неполадок в силовой установке», как любил не без гордости заметить Солт. После такого большого срока в походе моряки страдали от неизбежного дефицита припасов: пиво и шоколад — любимый моряками «орешек» — кончились, а жареную картошку давали раз в два дня. Но боевой дух и настроение в команде находились на высоте, поскольку после долгих месяцев совместной службы моряки сроднились друг с другом.

Все в Королевских ВМС прекрасно знали о недостатках эсминца типа 42. В начале ввода в жизнь программы постройки этих кораблей их по экономическим причинам уменьшили в размерах, сократив в длину на 30 футов (9 метров). В результате получился не самый удачный по форме корпус, особенно при сильном волнении. Но куда серьезнее другое — как и в случае многих современных британских военных кораблей, при проектировании эскадренного миноносца УРО типа 42, чтобы поддерживать баланс веса оборудования, размещаемого в верхней части судна, и сохранить устойчивость, пришлось пожертвовать мощью вооружения. Любой командир эсминца хотел бы иметь для ближнего боя «Си Вулф», но корабли типа 42 оснащались для защиты от авиации на бреющем полете только зенитными ракетными комплексами «Си Дарт», печально известными неспособностью поражать цели на малых высотах. В начале Фолклендской войны у британской публики повсеместно бытовало убеждение, будто эсминцы и фрегаты станут оказывать совместное противодействие налетам вражеской авиации так, как делали это эскортные суда во время Второй мировой. Как мы уже отмечали, ключевым свойством современных британских боевых кораблей являлось наличие на каждом разнородного арсенала средств для отражения ими рейдов авиации, направленных против себя, тогда как полноценно защитить от атак с воздуха другие корабли они в большинстве случаев не могли. Потому «Шеффилд», как и прочие суда оперативного соединения, перед лицом нападения вражеских самолетов был вынужден полагаться только на собственные возможности.

Офицер ПВО «Шеффилда», лейтенант-коммандер Ник Бато, распоряжался в боевой рубке, когда РЛС засекла какой-то объект, по всей видимости, приближавшийся с запада летательный аппарат. Бато оповестил вахтенного офицера на мостике, лейтенанта Питера Уолпола. Находившийся за пультом управления ракетами лысеющий коротышка, главный старшина по имени Адамсон, принялся с помощью клавиатуры вводить данные в компьютер АБИУС IV [аббревиатура АБИУС расшифровывается как «автоматизированная боевая информационно-управляющая система». — *Прим. пер.*], стремясь захватить цель. Командиров британских кораблей предупредили о вероятности атак с воздуха ракетами «Экзосет», которые могли выпускаться на максимальной дистанции в 45 миль (83,3 км) с летательных

аппаратов на средних высотах. Обнаруженный РЛС объект находился куда ближе и шел много ниже. Он мог бы оказаться возвращавшимся «Си Харриером» или, вероятно, «Миражом», либо «Скайхоком», идущим на задание с бомбами. Находившийся на мостике Уолпол неожиданно увидел на горизонте дым. При подготовке британцев учили, что после обнаружения объекта — советского летательного аппарата — до попадания в цель выпущенной им ракеты должны пройти двадцать минут. В сложившейся обстановке с момента засечки цели в боевой рубке прошло меньше двух с половиной минут. Уолпол и очутившийся с ним на мостике лейтенант Королевских ВМС Брайан Лэйшон, пилот «Линкса» с «Шеффилда», одновременно поняли, что за предмет движется в их направлении: «Бог мой, так это же ракета!»

Через пять секунд летевшая со скоростью 680 миль в час (около 1560 км/ч) «Экзосет» ударила в середину корпуса судна, по словам Солта, «с коротким, высоким, невыразительным звуком». С тех пор строились и строятся догадки о том, будто детонировал только неизрасходованный метательный заряд в ракете, однако Солт и его парни уверены — взорвалась сама 363-фунтовая (165-килограммовая) боеголовка. Ракету выпустил один из двух самолетов «Супер-Этандар» французской постройки, входивших в эскадрилью из всего четырнадцати таких машин, часть которых продавец уже отгрузил аргентинцам. [Во время Фолклендской войны аргентинцы имели только пять одноместных ударно-штурмовых самолетов «Супер Этандар», которые состояли во 2-й ударной военно-морской эскадрилье капитана фрегата Хорхе Луиса Коломбо и размещались на военно-морской авиабазе «Альмиранте Кихада» в Рио-Гранде (провинция Тьерра дель Фуэго, или Огненная Земля). 4 мая в 9.45 утра с вышеуказанной авиабазы на охоту за британскими кораблями вылетела пара «Супер-Этандаров», несущих по одной крылатой ракете АМ 39 «Экзосет». Ведущий самолет имел бортовой номер 0752/3-А-202, а ведомый — номер 0753/3-А-203. Пилотом первого (с позывным «Арьес») был капитан корвета Аугусто Сесар Бедакаррац, заместитель командира 2-й ударной военно-морской эскадрильи, пилотом второго (с позывным «Бойна») — лейтенант корабля Армандо Рауль Майора. Они выполняли приказ аргентинского Командования военно-морской авиации, получившего информацию о противнике от капитана корвета Эрнесто Прони-Лестона, пилота разведывател-

ного самолета SP-2H «Нептун», который еще в 5.07 вылетел из Рио-Гранде на поиски британских ВМС и уже три раза (в 7.50, 8.14, 8.43) обнаруживал их суда с помощью бортовой радиолокационной станции. В 10.45 его радар зафиксировал еще три цели (одну большую и две средние), после чего соответствующие координаты были переданы двум «Супер-Этандарам», которые ранее (в 10.04) осуществили дозаправку в воздухе, получив по 1000 кг топлива с самолета-заправщика КС-130, пилотируемого вице-коммодором Энрике Хосе Пессаной. В 10.50 машины Бедакарраца и Майоры снизились до 160 метров (520 футов), чтобы уточнить координаты, полученные от «Нептуна» Прони-Лестона, однако ничего в указанном месте не обнаружили. Продолжив поиск, «Супер-Этандары» пролетели еще 40 км (25 миль) со скоростью 900 км/ч, затем снова снизились до 150 метров и включили на 30 секунд свои бортовые РЛС. После недолгого сканирования на экранах радаров обозначились две цели. Оба аргентинских пилота ввели данные целеуказания в бортовые вычислители крылатых ракет «Экзосет» и в 11.04 произвели пуск с расстояния от 32 до 48 км (от 20 до 30 миль) до британских кораблей. Ракета, выпущенная капитаном корвета Бедакаррацем, поразила эсминец «Шеффилд», а «Экзосет» с самолета лейтенанта Майоры, нацеленная на фрегат «Ярмут», была перехвачена РЛС этого корабля, успевшего поставить пассивные помехи в виде облака дипольных отражателей, которое навело на себя ракету, и та, в конце концов, упала в море, когда у нее закончилось топливо. После пуска ракет аргентинские «Супер-Этандары», снизившись до высоты 30 метров, выполнили разворот на обратный курс и без дозаправки совершили полет до Рио-Гранде, где приземлились в 12.04. — *Прим. ред.*]. Захватив цель с дистанции около 6 миль (11 км), ракета взорвалась в 8 футах (2,4 м) над ватерлинией на второй палубе, вблизи расположенного впереди машинного помещения, оставив раскол в корпусе шириной 10 на 4 фута (3 на 1,2 м). [Из других источников следует, что активная радиолокационная головка самонаведения ракеты «Экзосет» захватила «Шеффилд» на дальности 12–15 км. На конечном участке траектории высота ее полета снизилась с 15 до 3 метров над уровнем моря. На эсминце ракету заметили всего за 6 секунд до попадания, и командир британского корабля лишь успел отдать команду «укрыться». Ракета пробила 10-мм обшивку борта эсминца под надстрой-

кой главного командного пункта на высоте 1,8 метра выше ватерлинии, пролетела через камбуз и проникла в машинное отделение. Взрыв остатков ракетного топлива вызвал пожар топливных цистерн, который вскоре охватил всю среднюю часть корпуса корабля. Его распространению способствовали падение давления пара и выход из строя генераторов электроэнергии, питавших пожарные помпы, а также возгорание отделки внутренних помещений из синтетических материалов, надстроек корабля из легких алюминиево-магниевых сплавов и оболочек электрокабелей, горевших как порох. Помещения очень быстро наполнились густым ядовитым дымом, и вскоре создалась угроза взрыва ракетного и артиллерийского боезапаса. — *Прим. ред.*] Взрывная волна сорвала с петель водонепроницаемые двери в переборках и разнеслась вперед и назад от мостика. Она вырвала трапы, переломала снаряжение, и почти тут же нижние палубы начал заполнять едкий черный дым.

Солт очутился на мостике через считаные секунды после взрыва, обнаружив, что силовая установка не действует, как не функционирует и главная сеть селекторной связи. Тотчас же стало ясно — необходимо срочно эвакуировать нижние палубы, чтобы спасти людей от дыма. Поскольку личный состав корабля находился в основном на вахте, потери, по счастью, оказались небольшими. Если бы была объявлена боевая тревога, люди бы толпой повалили через центральный проход как раз в момент попадания ракеты. Многие из погибших сразу после взрыва нашли смерть на камбузе, где готовили ужин, или же оказались запертыми в компьютерном помещении под оперативной рубкой. Команды ликвидации последствий нападения противника тут же приступили к попыткам купировать пожар, дабы ограничить распространение дыма и огня, разгоравшегося в области попадания, но большинство водонепроницаемых дверей закрыть было нельзя. Передвигаться между носовой и кормовой частями корабля под верхней палубой не представлялось возможным. Жар становился нестерпимым. Но что всего хуже, взрыв повредил водопроводные сети корабля, а потому бороться с огнем оказывалось фактически нечем. Когда оглушенные и черные от копоти моряки собрались на верхней палубе, они попробовали запустить переносной газотурбинный насос. Цепь стартера сломалась. Пришлось опускать за борт слабые ручные насосы — в ход шли даже ведра. Солт с большим трудом выбрался с задымленного мостика,

поскольку ступеньки снаружи на закрывавшем его металлическом кожухе отсутствовали. Многие из команды сумели подняться наверх с нижних палуб благодаря противогазам. На корабле находилось всего восемь дыхательных кислородных аппаратов. С их помощью некоторые решительные парни начали прокладывать себе путь обратно вниз, дабы дать бой огню.

Но было жарко, слишком жарко, да и дым не позволял ничего рассмотреть. Люди на верхней палубе чувствовали жар через подошвы ботинок и видели пар, поднимавшийся от бортов корабля. Передняя надстройка жутким образом нагрелась. Подошел фрегат УРО «Арроу», его командир вступил в разговор с Солтом по дуплексному портативному радиотелефону, спрашивая, чем можно помочь в тушении огня, но ситуация уже стала безнадежной. Трое моряков в надувной моторной лодке «Джемини» с борта «Шеффилда» попытались направить воду в пробоину в борту корпуса. Солт очень перепугался за них, когда рядом фрегат «Ярмут» неожиданно выстрелил из противолодочной минометной установки и известил о замеченных торпедных дорожках. Нахождение в данном ареале субмарины не подтверждено, однако британцы, потрясенные трагедией «Шеффилда», вовсе не хотели пытать счастья узнать, ложными или нет были засеченные эхолокатором шумы. Солт посмотрел на часы и решил, что те сломались. С момента попадания ракеты прошло, как казалось, всего минут двадцать. Однако стрелки не врали — миновали четыре часа. Около сорока пострадавших, в основном обожженных и наглотавшихся дыма, вывезли с корабля. Густой дым, валивший из корпуса, сменил цвет с черного на белый, и на короткий момент капитану с командой показалось, будто они начинают одерживать верх в борьбе за спасение корабля. Но жар внизу по-прежнему был ужасным. Чрезвычайно смелый старшина, пробившийся в чрево корабля, исчез в клубах дыма. Больше его не видели — вероятно, бедняга задохнулся. Огонь распространялся на отсек, где хранились ракеты «Си Дарт». Стало очевидно — на какой бы риск ни шла команда, корабль все равно будет непригоден к дальнейшим боевым действиям.

Пока фрегаты гонялись за то появлявшимися, то исчезавшими сигналами, вероятно исходившими от субмарины, становилось все очевиднее — оперативное соединение находится под прямой угрозой со стороны противника. Солт принял горькое решение покинуть «Шеффилд». Лейтенант-коммандер Пол

Будерстоун подвел «Арроу» к терпящему бедствие судну, и моряки принялись перепрыгивать с борта на борт, тогда как других на лебедке поднимали в зависший «Си Кинг» [фрегат УРО «Арроу» принял на свой борт 224 моряка с «Шеффилда». — *Прим. ред.*]. Наконец осталась только горстка людей, находившихся в двух единственных точках, пригодных для обитания: на баковой надстройке и на вертолетной палубе. Солт, черный с ног до головы, как и его команда, неожиданно почувствовал, что чертовски промок и замерз. Кэптена вместе с его первым лейтенантом, Майком Норманом, и судовым механиком, Бобом Раули, подняли на борт «Си Кинга» и доставили на «Гермес», располагавшийся примерно в 30 милях (55 км) в восточном направлении. Двадцать один человек погиб [по другим данным, 4 мая 1982 г. экипаж «Шеффилда», насчитывавший перед атакой 281 чел., потерял 20 чел. убитыми и 26 ранеными. — *Прим. ред.*].

«Шеффилд» продрейфовал трое суток прежде, чем Солт вновь ступил на его палубу. Утром 9 мая судно взял на буксир «Ярмут», чтобы, как надеялись, оттащить остов в Южную Георгию, а уже оттуда транспортировать домой. Ранним утром 10 мая, находясь на краю ПЗЗ в условиях волнующегося моря, корабль вдруг принялся резко крениться, после чего перевернулся и затонул. «Все говорят, будто современные военные корабли рассчитаны на одно попадание, — с грустью заметил Сэм Солт. — Но никто не задумывался о применении такого «одноразового» судна на расстоянии 8000 миль от дома. Это куда хуже, чем угодить в аварию на машине. Тут теряешь все и, конечно же, постоянно задаешь себе вопрос: «Что я мог сделать для предотвращения этого?»

* * *

Трудно переоценить воздействие гибели «Шеффилда» на личный состав британского оперативного соединения. Солдаты и офицеры в одинаковой степени испытывали состояние шока, глубокого разочарования и подавленности, ибо один-единственный самолет противника, выстрелив дешевой — £300 000 — и ни в коем случае не сверхсовременной ракетой, летящей на предельно малой высоте над поверхностью моря, смог пустить ко дну британский боевой корабль, целевым образом предназначенный служить для нужд противовоздушной обороны. Столь

удручающе подействовал на людей даже не сам факт уничтожения судна, — большинство осознавали неизбежность потерь на войне, — а сделанное вдруг открытие: техника их отнюдь не совершенна. Тут же последовали жесткие обсуждения случившегося. Почему «Шеффилд» не выпустил заряд «соломы»? Потому что команда не считала опасность ракетной угрозой. В будущем любое судно должно будет применять «солому» даже при лишь предположительной ракетной атаке. Оставалось загадкой, как же «Ярмут» избежал попадания АМ 39 «Экзосет», выпущенной вторым «Супер-Этандаром» из атакующей пары.

«Шеффилд» не смог задействовать систему подачи воды для тушения огня из-за повреждений от взрыва по причине того, что ранее капитанам предписывалось применять ее как нечто целое, дабы упростить заливание водой отсека с боеприпасами при возникновении чрезвычайной ситуации. Отныне все пожарные насосы надлежало использовать отдельно. Но что делать со смертоносной опасностью воспламенения кораблей? Пластиковая изоляция кабелей проводки загорелась и внесла свою лепту в распространение облака токсичного дыма, охватившего «Шеффилд», неадекватные аварийные насосы, длинные узкие коридоры, тянущиеся через весь корабль и обеспечивающие доступ к машинным отделениям и к другим механическим узлам. Незамедлительно снабдить команды судов огнезащитными костюмами вместо обмундирования из искусственного волокна, оказавшегося пугающе горючим, возможным не представлялось. Люди с ностальгией вспоминали стальные корабли Второй мировой войны, выдерживавшие множественные попадания, но не загоравшиеся, тот же эсминец класса «Флетчер», переживший пять таранивших его камикадзе в 1945 г., но так и не вспыхнувший. Командование отдало распоряжение поставить по возможности как можно более частые дымовые заграждения на всем протяжении ареала, занимаемого оставшимися кораблями флота, закрыть горизонтальные проходы, а кроме того — чаще отправлять вертолеты с ложными ракетными целями на облет авианосцев, фрегатов и эсминцев.

Что еще можно было сделать? Единственное, пожалуй, — начать воспринимать войну как чертовски опасную штуку? «Мы стали понимать, что война вещь отвратительная и на ней действительно убивают. Мы неожиданно почувствовали себя уязвимыми и очень-очень разозлились на аргентинцев», — рассказывал один молодой офицер. Возможно, отчасти повинен в случившемся весь

целиком британский подход к противостоянию в Южной Атлантике, ведь до уничтожения «Шеффилда» личный состав оперативного соединения, как и их соплеменники на родине, почти не испытывали вражды к противнику. Если сами британцы не ненавидели аргентинцев, им оказывалось непросто поверить, что аргентинцы в свою очередь могут ненавидеть англичан до крайней степени — до готовности пойти на многое в стремлении убивать их.

Правда гибели «Шеффилда», как признавал едва ли не каждый на флоте, состояла в том, что британцы жили в условиях некой вымышленной реальности, где война представлялась чем-то искусственным. Нет-нет, задачи свои они выполняли серьезно, но не хватало каких-то последних граммов напряжения, осторожности, всегдашней собранности, которые ощущаются только в обстановке настоящей опасности — причем опасности тебе самому, а не кому-то абстрактному. После гибели «Шеффилда» основные силы оперативного соединения никогда уже не будут действовать так близко к берегу. С того момента перед адмиралом Вудвардом возникла неразрешимая дилемма: целью его служило соблазнить аргентинцев на битву, но как со стратегической, так и с политической точки зрения он не имел права подвергнуть себя риску потерять хотя бы один авианосец, выдвинув его на позиции под нос неприятелю.

«После «Шеффилда» сделалось очевидным, что любая попытка достигнуть превосходства в воздухе будет сопряжена с опасностью лишиться авианосцев», — говорил один из старших капитанов оперативного соединения. — Это стало поворотным пунктом в том смысле, что убедило Сэнди Вудварда в необходимости соблюдать дистанцию». Позднее Вудвард и сам признавался, что на протяжении трех суток после потери эсминца пребывал в состоянии глубокой подавленности. Всякий раз, когда он не находился на командном пункте на борту «Гермеса» или не беседовал по шифрованной телефонной связи с адмиралом Халлифаксом, начальником штаба в Нортвуде, командир часами лежал на койке и прокручивал в мозгу возможные тактические варианты. Вудвард говорил, что за более чем три месяца, проведенных на море, прочитал всего три книги. В отличие от своих подчиненных он не находил для себя возможным пойти и расслабиться на часик-другой вечером, сидя перед телеэкраном и смотря видео. Осознание собственного долга как «человека, нанятого выполнить работу», крепко вцепилось в его естество,

пока адмирал вновь и вновь размышлял, как лучше справиться с заданием — изыскать способ решить хитрую головоломку, как покончить с угрозой с воздуха, но не дать ей покончить с ним. Совещаясь с командирами кораблей по радиосвязи в отношении следующих шагов, адмирал послал сигнал всем своим подчиненным: «Мы еще будем терять корабли и людей. Но мы победим».

6 мая два находившихся в патрульном полете «Си Харриера» неожиданно исчезли с экрана РЛС. На судах сочли, что машины столкнулись и рухнули в море [эти «Си Харриеры» 801-й эскадрильи ВМА с бортовыми номерами XZ452/007 и XZ453/009 пилотировали соответственно лейтенант-коммандер Джон Эдвард Эйтон-Джоунз (приданный офицер из 899-й эскадрильи) и лейтенант Уильям Алан Кертис; вероятно, при столкновении, случившемся в условиях плохой видимости, оба морских летчика погибли, не успев катапультироваться (официально они числятся «пропавшими»). — *Прим. ред.*]. Ударная группа недосчитывалась теперь 15 процентов сил прикрытия с воздуха, а военно-морской штаб пришел в ярость, узнав о том, что находившиеся при флоте корреспонденты успели сообщить об этом миру... с санкции Министерства обороны. 7 мая Британия распространила полную запретную зону — уничтожению подлежал любой вражеский боевой корабль, застигнутый в море на дистанции свыше 12 миль (около 22 км) от аргентинского берега. Теперь британцы располагали всем морским пространством, необходимым им для ведения боевых действий. Атомные подводные лодки «Спартан» и «Сплендид» патрулировали на возможно близкой дистанции от побережья — «искали клиентов». Однако после потопления крейсера «Хенераль Бельграно» в перископах британских субмарин ни разу не появился ни один неприятельский боевой корабль. АПЛ занимались новым и крайне важным делом: устроившись вблизи аргентинских авиабаз, они использовали электронное снаряжение, эхолокаторы и приборы визуального наблюдения для оповещении о взлетах самолетов, отправлявшихся в направлении Фолклендских островов.

* * *

Основной кулак оперативного соединения следовал по своей ежедневной, проложенной с севера на юг и с юга на север «беговой дорожке» на почтительном удалении от островов к востоку. Ночью корабли приближались для обстрела вражеских позиций на побе-

режье. Всегда, когда позволяла погода, «Си Харриеры» прочесывали огнем аэродромы и позиции РЛС. Но теперь они отказались от атак на малых высотах — слишком непозволительным был риск потерь. Вместо того летчики «метали бомбы» — освобождались от полезной нагрузки на подлете к цели, а потом поворачивали назад на максимальном расстоянии от очагов вражеской обороны. От них не ждали способности сделать непригодными для использования противником взлетно-посадочных полос, к тому же на малых высотах многие бомбы проявляли строптивость и не взрывались, как, впрочем, позднее и аргентинские. Часто вылеты вообще предпринимались с целью подразнить неприятеля и соблазнить его на ответные действия. «Си Харриеры» висели над Порт-Стэнли на высоте 20000 футов (6000 м), выше рабочего потолка вражеских зенитных ракет «Роланд». Один пилот даже наблюдал, как ракета с хвостом пламени летела в его направлении, но затем словно захлебнулась и стала падать примерно с 18000 футов (5400 м). Адмиралу не приходилось особенно беспокоиться об опасности перегрузить работой экипажи самолетов и команды авианосцев. Зачастую вылеты отменялись, и летчики просто по очереди часами сидели в своих кабинах на полетной палубе, готовые в любой момент отправиться в полет, если обложная облачность неожиданно немного рассеется. Проходили дни, а противник не появлялся.

9 мая Вудвард прибег к новой тактике. Помимо «Си Харриеров», оружием дальнего радиуса действия выступали также два оставшихся эсминца УРО типа 42 («Ковентри» и «Глазго») с их ракетами «Си Дарт» с дальностью огня до 40 миль (74 км) [каждый эскадренный миноносец типа 42 имел одну пусковую установку ЗУР «Си Дарт» с двумя направляющими, а весь боезапас таких ракет, полагавшийся кораблю данного класса, составлял 22 единицы. — *Прим. ред.*]. Как ожидалось, действуя в паре с фрегатом УРО типа 22 («Бриллиант» или «Бродсуорд»), вооруженным «Си Вулф» для «латания дыры», вызванной «слепотой» «Си Дарт» к целям на малых высотах [на каждом британском фрегате типа 22 размещалась одна пусковая установка «Си Вулф» с общим боезапасом из 36 ЗУР, способная выпускать по шесть ракет (вместо двух у ПУ «Си Дарт») и поражать ими воздушные цели на минимальной высоте в 5 м (на 25 м ниже, чем «Си Дарт). — *Прим. ред.*], один эскадренный миноносец типа 42 сможет нанести в пределах дальности оружия чувствительный урон воздушному движению у неприятеля [такие комбинированные пары, составленные из

одного эсминца типа 42 и одного фрегата типа 22, британцы назвали «комбо» (combo). — *Прим. ред.*].

Соответственно «Ковентри» и «Бродсуорд» приблизились на 12 миль (22 км) к Порт-Стэнли. Фрегат оснащался более эффективной доплеровской РЛС 997/98, в меньшей степени, чем прочие такого рода системы у британцев подверженной «засветке» и способной выявлять цели вблизи от суши. Ранним утром на британских кораблях засекли идущий курсом на Стэнли военно-транспортный самолет «Геркулес» — один из ночных челноков, с помощью которых разочарованный военно-морской штаб пытался ослабить удавку блокады. Транспортник сопровождала пара «Скайхоков». «Ковентри» выпустил «Си Дарты» с почти предельной дальности 38 миль (70 км). Ракеты в «Геркулес» не попали, но одна взорвалась внизу под «Скайхоками». Поначалу британцы решили, что попросту промазали. Затем увидели, как «Скайхоки» пропали с экрана радиолокатора. Пилоты почти наверняка катапультировались [в действительности оба пилота одноместных штурмовиков А-4С «Скайхок», сбитых 9 мая 1982 г., лейтенанты Хорхе Эдгардо Каско и Хорхе Рикардо Фариас, погибли; их самолеты с бортовыми номерами С-313 и С-303 входили в число пятнадцати «Скайхоков» 4-й истребительной авиагруппы (Grupo 4 de Caza) аргентинских ВВС, базировавшейся в Сан-Хулиане (провинция Санта-Крус); по данным аргентинцев, эти две машины потерпели крушение в условиях плохой погоды северо-восточнее Саут-Джейсона — небольшого острова из группы Джейсон (Себальдес), лежащей к северо-западу от Западного Фолкленда (остатки одного «Скайхока» позже нашли на вышеупомянутом острове). — *Прим. ред.*]. Вскоре после того «Ковентри» вновь отправил в полет «Си Дарт» по засеченной РЛС цели в 13 милях (24 км) от судна. Оранжевое облако вспыхнуло на месте только что взорвавшегося вертолета «Пума» [это был вертолет «Пума» SA 330L с бортовым номером AE 505 из состава аргентинского 601-го батальона армейской авиации, сбитый в 16.10 над проливом Шуазёль (при этом все трое членов его экипажа погибли). — *Прим. ред.*]. Впервые в ракетную эру Королевские ВМС били залпами не по учебным мишеням.

В то утро, т. е. 9-го, флайт-лейтенант КВВС Дэйвид Морган, сидевший за штурвалом «Си Харриера» из 800-й эскадрильи, обнаружил 1400-тонный аргентинский траулер «Нарвал» [построенный за 20 лет до Фолклендской войны, «Нарвал» имел водоизмещение 1398 брутто-регистровых тонн и принад-

лежал «Южноамериканской компании рыболовства и экспорта» (Compañia Sudamericana de Pesca y Exportacion) из Байя-Бланки; в 1982 г. его гражданским шкипером был капитан Нестор Леонардо Фабиано. — *Прим. ред.*]. Десятью сутками ранее один из фрегатов Королевских ВМС [фрегат УРО «Алакрити». — *Прим. ред.*] перехватил это подозрительное судно, мотавшееся позади британской ударной группы [«Нарвал» с 26 апреля патрулировал в северо-западной части морской запретной зоны вокруг Фолклендов, выдавая себя за канадский рыболовный траулер. — *Прим. ред.*], и предупредил о необходимости немедленно покинуть ареал. Однако траулер не ушел и, вполне очевидно, собирал разведданные [9 мая РЛС эсминца «Ковентри» засекла его местонахождение в 60 милях к юго-востоку от Восточного Фолкленда, после чего с авианосца «Гермес» на охоту за «Нарвалом» были высланы два «Си Харриера» 800-й эскадрильи ВМА, пилотируемые лейтенант-коммандером Г. У. Дж. Баттом и флайт-лейтенантом Д. Г. С. Морганом. — *Прим. ред.*]. Морган запросил приказ на атаку и получил разрешение. Он отбомбился по «Нарвалу» и обстрелял его [в этой атаке вместе с Дэйвидом Морганом участвовал также лейтенант-коммандер Королевских ВМС Горди Батт; оба британских «Си Харриера» сбросили на аргентинский шпионский траулер по одной 1000-фунтовой бомбе (при этом бомба Моргана упала в море, а бомба, сброшенная Баттом, поразила цель, но не взорвалась) и вели по нему огонь из 30-мм авиационных пушек. — *Прим. ред.*], в то время как в район незамедлительно отправилась группа морских пехотинцев на двух вертолетах в сопровождении третьего [абордажную партию, переброшенную к траулеру «Нарвал» на вертолетах «Си Кинг», составляла одна из секций СБС. — *Прим. ред.*]. Через несколько минут они взяли на абордаж поврежденный и дрейфующий траулер. Некоторые из членов команды уже садились в спасательную шлюпку, другие в страхе стояли на палубе, подняв вверх руки, а иные прятались внизу. Из тридцати аргентинцев на борту один погиб [матрос Омар Альберто Рупп. — *Прим. ред.*], а двенадцать получили ранения. Среди пленных британцы обнаружили офицера аргентинских ВМС [этим офицером был капитан корвета Хуан Карлос Гонсалес-Льянос. — *Прим. ред.*], вступившего на борт корабля, когда 22 апреля тот в разведывательных целях отправлялся в путь из порта Мар-дель-Плата. Взятый на буксир, «Нарвал» пошел ко дну на следующие сутки [поврежден-

ный траулер затонул во время шторма; британцы оказали медицинскую помощь раненым членам его команды и 2 июня отправили всех пленников с «Нарвала» в Уругвай, откуда их репатриировали в Аргентину. — *Прим. ред.*].

В тот день, 10-го, фрегат УРО «Алакрити» неожиданно обнаружил чужой корабль в Фолклендском проливе [к северу от островов Суон. — *Прим. ред.*] и открыл огонь. Первый же залп вызвал огромный взрыв — предположительно детонировал запас горючего. 3900-тонный военный транспорт «Исла де лос Эстадос» немедленно пошел ко дну. [Согласно британским данным, «Алакрити» выпустил по «Исла де лос Эстадос» 15 снарядов из своей 4,5-фунтовой (114-мм) пушки, и аргентинское судно, которым управлял капитан дальнего плавания Тулио Нестор Панигади, взорвалось после семи попаданий, воспламенивших на нем груз горючего и боеприпасов. Из находившихся на борту транспорта 24 чел. (15 членов команды и 7 военнослужащих, представлявших все три вида вооруженных сил и береговую охрану Аргентины) спаслись только двое — капитан корвета Алоис Эстебан Пайярола и матрос торгового флота Альфонсо Лопес. — *Прим. ред.*] «Алакрити» продолжил прочесывание протоки — цель состояла частично в нанесении беспокоящих ударов по противнику, а частично в разведке обороны и минных полей, которые могли бы прикрывать подступы.

Между тем два эскадренных миноносца УРО типа 42 посменно действовали вблизи берега. 12 мая «Глазго» отправился на задание с «Бриллиантом» в другой паре «22–42». Эсминцу пришлось обстреливать побережье при нависшим над ним очень плотным и низким облаком, каковое крайне затрудняло определение мест, куда ложатся снаряды. Неожиданно появились четыре «Скайхока», шедшие на бреющем в направлении к кораблям. Самолеты разделились на пары, взяв каждая себе в качестве цели одно из британских судов. «Бриллиант» выпустил залп ракет «Си Вулф». Два вражеских летательных аппарата взорвались тут же. Третий упал в море. Четвертый скрылся за горизонтом. [12 мая в 12.20 с авиабазы Рио-Гальегос, где были развернуты 24 одноместных штурмовых бомбардировщика А-4В «Скайхок» аргентинской 5-й истребительной авигруппы вице-коммодора Эрнесто Дюбурга (две эскадрильи, каждая из которых подразделялась на три звена по четыре машины), взлетела четверка самолетов данного типа, составлявшая звено с позывным «Кунья» (Escuadrilla Cuña, т.е.

«Клин»). Эти машины с бортовыми номерами С-206, С-208, С-228 и С-246 пилотировали соответственно лейтенант Марио Виктор Ниволи, лейтенант Хорхе Рубен Ибарлусеа, альферес (прапорщик ВВС) Альфредо Хорхе Альберто Васкес и первый лейтенант Мануэль Оскар Бустос (начальник звена). Целью их бомбовой атаки являлась британская «комбо» из двух кораблей УРО — эсминца «Глазго» и фрегата «Бриллиант». При отражении авианалета два «Скайхока» (С-208 лейтенанта Ибарлусеа и С-246 первого лейтенанта Бустоса) были уничтожены в 13.45 зенитными ракетами «Си Вулф», выпущенными с «Бриллианта», а третий (С-206 лейтенанта Наволи) сильно поврежден такой же ракетой и в итоге рухнул в воду. Все трое аргентинских пилотов погибли. — *Прим. ред.*] Новая система с полным на то правом могла праздновать триумф. Но спустя час появилась вторая волна атакующих. [Вторую волну атаки на эсминец «Глазго» и фрегат «Бриллиант» составляло звено с позывным «Оро» (Escuadrilla Oro, т.е. «Золото») из 5-й ИАГ, взлетевшее с авиабазы Рио-Гальегос в 12.30. Оно включало четыре штурмовых бомбардировщика А-4В «Скайхок», которыми управляли капитан Антонио Франсиско Селайя (начальник звена), первый лейтенант Фаусто Гавацци, лейтенант Хуан Хосе Аррарас и альферес Гильермо Альберто Деллепьяне. Фактически в бомбовом налете участвовали только три машины из четырех, поскольку штурмовик первого лейтенанта Гавацци, имевший бортовой номер С-248, был в 14.25 по ошибке сбит над Гуз-Грином «дружеским огнем» ПВО аргентинской авиабазы «Кондор» (при этом пилот «Скайхока» погиб). — *Прим. ред.*] Для «Си Дарт» они шли слишком низко. Моряки решили воспользоваться ЗРК «Си Вулф», но к неприятному удивлению наводчиков, система «сбросила» и отказалась стрелять. Когда орудия «Бофорс» и зенитные пулеметы на палубе открыли огонь, три бомбы оторвались от «Скайхоков», ударились о воду и, подпрыгнув, перескочили через «Бриллиант». Четвертая бомба угодила в «Глазго», пробив его борт как раз над ватерлинией, прошила корпус и вылетела с другой стороны в море, не взорвавшись. Эсминец спасло какое-то невероятное чудо — первый из ряда подобного рода эпизодов, ждавших британцев в ближайшем будущем. Однако корабль начал черпать воду. Его пришлось отослать на восток для временного ремонта прежде, чем отправлять домой в Англию.

Несмотря на первоначальный успех «Бриллианта» с применением «Си Вулф», команда его нажила и неприятный опыт —

и это только первый вкус проблем, с которыми предстояло столкнуться. Система конструировалась с целью противодействовать одиночному приближающемуся объекту. Компьютер оказался сбит с толку и потерял ориентацию, когда пришлось иметь дело сразу с четырьмя самолетами одновременно. Интенсивная подстройка «Си Вулф» техническим персоналом кораблей в следующие недели позволила шаг за шагом повысить надежность оружия. Однако, как справедливо выразился один британский командир, «война стала первым фронтовым испытанием для этих ракет». Ценой сбоя системы ПВО оказался выход из строя второго из трех эсминцев типа 42 в соединении Вудварда, за что аргентинцы заплатили вполне посильной для них потерей трех «Скайхоков» [с учетом самолета, уничтоженного 12 мая «дружеским огнем» у Гуз-Грина, 5-я ИАГ аргентинских ВВС потеряла в тот день четыре «Скайхока». — *Прим. ред.*]. Третью волну штурмовиков, прилетевших позднее во второй половине дня, встретил в воздухе боевой патруль «Си Харриеров». Аргентинцы прекратили сближение и повернули домой.

* * *

На всем протяжении войны на каждом корабле в оперативном соединении сталкивались со случаями резких подъемов и падений боевого духа. Приход почты или успех в действиях против неприятеля могли вызвать прилив возбуждения и радости в кают-компаниях и жилых помещениях, тогда как неудачи, как, скажем, нанесение повреждений «Глазго», на часы, а порой на дни превращали моряков в замкнутых и молчаливых личностей. Люди очень волновались о своих семьях на родине и о том, как могут сказываться плохие известия на них, оставшихся там далеко дома. Моряки проклинали дикторов и газетных фотографов, если казалось вдруг, что новости и снимки, которые увидят близкие в Британии, вызовут у них страх или принесут боль. Командиры кораблей чувствовали целесообразность идти на все, дабы придумать особые поводы для возвращения бодрости подчиненным. Те здорово страдали из-за отсутствия любимого ими жареного картофеля. Из-за гибели «Шеффилда» все промышленные агрегаты для приготовления этого блюда на камбузах приказали отключить как возможные источники риска в случае возникновения чрезвычайной обстановки. После тяжелой недели один

командир неожиданно стал свидетелем резкого подъема настроения у команды вследствие данного ей разрешения включить печи на день и приготовить большой запас картофельных долек. Действия ударной группы в начале активной стадии похода вбили в сознание каждого матроса жизненную важность находиться в готовности к исполнению своих обязанностей в бою в любой час и миг — днем или ночью. На всем протяжении недель курсирования, качки и болтанки в серых неприветливых водах вблизи Восточного Фолкленда энергию и нервы личного состава пожирали не атаки противника, а угроза нападения с его стороны. Команды операторов эхолокаторов сменялись каждые пятнадцать минут, дабы все в них всегда слушали сигналы с особым вниманием. Киты и какие-то непонятные процессы в глубине морской становились источниками постоянных тревог — мнимого обнаружения подлодок, сопровождавшегося сбросом глубинных бомб, стрельбой из противолодочных установок, запуском торпед. Теперь представляется почти не подлежащим сомнению, что в какой-то момент аргентинская субмарина и в самом деле сближалась с оперативным соединением и производила атаку, не увенчавшуюся успехом из-за неполадок с торпедами. «Действительная военная составляющая всего этого дела не страх или испуг, а напряжение, — писал лейтенант Тинкер. — В первую неделю флот действовал близко к берегу и постоянно находился под угрозой налетов с воздуха. У некоторых нервы натянулись до предела, в особенности у тех в оперативном помещении, откуда собственно и ведется война...»

Сближение с сушей для обстрела берега или для высадки отрядов войск особого назначения ночью требовало большого усердия от экипажей судов. Медленно подходить в виду суши под порой ожесточенным, хотя и неточным огнем аргентинских 105-мм и 155-мм орудий, стоять на постоянном взводе на боевых постах и не спать на протяжении многих часов темноты — все это изматывало. Дым от выстрелов 4,5-дюйм. (114-мм) пушек тянуло на корабли, тогда как звук постоянных взрывов гулко отдавался в помещениях, где за пультами управления и экранами РЛС работали моряки. Только люди в машинном отделении не слышали ничего, кроме рева силовой установки. «Особых эмоций никто не чувствовал, ведь стреляли в какого-то невидимого на берегу, — рассказывал офицер эсминца. — Все складывалось бы по-иному, и мы бы чувствовали себя иначе, будь мишенью

какое-нибудь судно». Как этакие золушки, когда приближался рассвет, обстреливавшие сушу корабли спешили уйти подальше от нее в спасительные далекие воды, после чего начиналась утомительная и надоедающая рутина по пополнению боеприпасов, обычно привозимых снабженческим судном. К тому раз в два дня добавлялись дозаправки в море. У большинства кораблей возникали технические проблемы того или иного характера, особенно обострявшиеся в условиях ужасной погоды. Одной из самых тщательно охраняемых военных тайн являлась история с «Инвинсиблом», который на протяжении недель передвигался только на одном гребном винте — разбитый редуктор не позволял ввести в действие другой винт. На фрегатах типа 22 станции РЛС сопровождения целей для «Си Вулф» не имели защитных колпаков, как на эсминцах типа 42, а потому вода и соль оказывали отвратительное воздействие на оборудование. В большинстве своем личный состав команды современного боевого корабля отлично вышколен, и всем им пришлось сполна продемонстрировать свои навыки и умение на Фолклендских островах. «Никто не ждал каких-то великих подвигов от неких гениев. Нет, полагаться приходилось на обычных людей, которые бы делали то, что от них ожидается», — делился откровениями командир одного из фрегатов. Если рассуждать категориями морской выучки, тем, как поставлено дело в обеспечении тыла, в обращении с кораблем, тут британскую кампанию в Южной Атлантике с полным основанием можно считать триумфом Королевских ВМС: «Поход показал, что мы правильно учили наших людей».

* * *

И все же, если говорить о стратегическом положении, позволившем бы создать условия для десантной высадки, к середине мая британское оперативное соединение оказалось явно неспособным добиться этого своими действиями. 16-го два «Си Харриера» с «Гермеса» своими бомбами и огнем 30-мм пушек повредили аргентинский транспорт снабжения «Рио Каркаранья» [этим мобилизованным контейнеровозом, имевшим водоизмещение 8482 брт (брутторегистровых тонн), управлял капитан гражданского флота Эдгардо Адольфо Делль'Эличине, которому в качестве военно-морского координатора помогал капитан корвета Даниэль Эдуардо Робело; пару «Си Харриеров» из 800-й эскадрильи ВМА, атаковавшую

16 мая (в 13.30) в заливе Порт-Кинг транспорт «Рио Каркаранья», возглавлял лейтенант-коммандер Горди (Гордон Уолтер Джеймс) Батт; в результате авианалета аргентинское судно получило столь серьезные повреждения, что экипажу пришлось выбросить его на берег и, покинув борт, спасаться бегством. — *Прим. ред.*], а также атаковали второе судно в заливе Фокс-Бэй вблизи одноименного поселения на Западном Фолкленде, заплатив за это небольшим повреждением хвостового оперения одного из самолетов [16 мая в заливе Фокс-Бэй два «Си Харриера» из 800-й эскадрильи ВМА (бортовые номера XZ500/30 и ZA191/18), пилотируемые лейтенант-коммандером Энди (Эндрю Доналдсоном) Олдом и лейтенантом Саймоном Харгривзом, нанесли повреждения аргентинскому транспорту «Байя Буэн Сусесо» — судну канадской постройки водоизмещением 3838 брт, которым командовал капитан гражданского флота Освальдо Марселино Ньелья (в качестве военно-морского координатора при нем находился капитан корвета Эктор Энрике Жуковски); во время этой атаки хвостовая часть самолета Харгривза незначительно пострадала от огня зенитной артиллерии. — *Прим. ред.*]. Словом, был обычный день ударной группы, с удовлетворением встреченный газетными статьями и репортажами в электронных СМИ в Британии. Однако в ту же ночь один пилот «Си Харриера» писал: «Начинает создаваться ощущение, что и в октябре мы еще будем тут». Прошло более двух недель с момента входа соединения Вудварда в пределы ПЗЗ, но, несмотря на небольшие успехи, на постоянные удары по противнику с моря и с воздуха, основные силы ВМС и ВВС Аргентины по-прежнему оставались на своих базах. Наступала зима, погода не обещала улучшений, а дипломатическое давление на Британию возрастало. Время играло не на руку оперативному соединению. Фрегаты проходили насквозь через весь Фолклендский пролив, ведя огонь по береговым позициям, постоянно стараясь привлечь к себе внимание неприятеля. Ночь за ночью морские артиллерийские наблюдатели отправлялись на вертолетах «Линкс» поближе к берегу, откуда корректировали огонь кораблей. Эсминцы типа 42 делали все от них зависящее для срыва воздушного сообщения у противника до тех пор, пока цена не стала слишком высокой.

В результате всех усилий удалось уничтожить горстку небольших судов и по крайней мере семь или, предположительно, девять вражеских летательных аппаратов [фактически с 1 до 12 мая аргентинцы лишились двенадцати летательных аппара-

тов, из которых пять были потеряны 1 мая и семь (шесть самолетов и один вертолет) — 9 и 12 мая. — *Прим. ред.*], за каковые достижения Британия заплатила потерей одного из самых современных кораблей противовоздушной обороны, серьезным повреждением другого такого же, утратой трех «Си Харриеров» и четырех вертолетов «Си Кинг», потерянных от несчастных случаев и вражеского противодействия [как и два «Си Харриера» из трех, все четыре потерянных британцами вертолета стали жертвами аварий, не связанных с воздействием противника: первый из них, «Си Кинг» HC.4 из 846-й эскадрильи ВМА с авианосца «Гермес», упал в море 23 апреля (при этом один человек погиб), второй и третий (противолодочные «Си Кинги» HAS.5 из 826-й эскадрильи ВМА, базировавшиеся на «Гермесе») — соответственно 12 и 17 мая (в обоих случаях обошлось без человеческих жертв) и четвертый, «Си Кинг» HC.4 из 846-й эскадрильи ВМА, — 19 мая, в ходе перевозки отряда САС с «Гермеса» на десантный корабль «Интрепид» (тогда из 30 чел., находившихся на борту этого вертолета, погиб 21, в том числе 18 бойцов САС, два военнослужащих 601-й партии наведения тактической авиации и один член экипажа). — *Прим. ред.*]. Один старший офицер, когда впоследствии его спрашивали о причинах, почему Королевские ВМС оказались столь обескураживающим образом уязвимыми перед налетами вражеской авиации, совершенно лишенными средств защиты от летающих на предельно малой высоте над поверхностью моря ракет, ответил просто: «У русских нет «Экзосет». — Далее он добавил: — Эта война показала нам, как опасна для нашей обороны излишняя приверженность ориентации на шаблонные сценарии ведения боевых действий». Соединение Вудварда нанесло лишь малую толику планового ущерба противнику, без чего Королевским ВМС не представлялось возможным создать условия для начала десантной операции. По высказывавшемуся многими сухопутными офицерами мнению, руководству ВМС следовало бы предвидеть опасный вариант отказа неприятеля вступать в боевые действия на предложенных британцами условиях. И тогда, не говоря уж о настоящем, попадалось немало людей, находивших очевидным основательность позиции аргентинцев, каковые только выигрывали и ничего не проигрывали, придерживая авиацию до возникновения единственной нетерпимой угрозы их делу — высадки десанта.

Так как же поступить теперь? В Нортвуде, на Даунинг-стрит, на борту «Гермеса» — везде вновь и вновь взвешивались те или иные варианты. На протяжении всего периода противостояния военный кабинет поразительным образом почти ничего не слышал о разнообразных расчетах военно-морских стратегов и тактиков, обсуждаемых в Южной Атлантике. В Лондоне очень четко улавливали такие моменты, как количество потопленных кораблей, но ничего не знали о парах «22–42» или о том, как непросто приладиться к капризным «Си Вулф», либо о нюансах дислокации авианосцев. Во флоте на море сложилась сильная и смелая фракция тех, кто выступал за вывод всего оперативного соединения в районы к западу от Фолклендских островов, чтобы там оно представляло собой вызов противнику, не принять который тот бы не смог. Они же предлагали сделать воздушную блокаду действительно эффективной за счет пресечения еженощных челночных рейсов с «Геркулеса». Вудвард внимательно изучил данное предложение и отверг его. К западу от Фолклендских островов, на дистанции примерно в 500 км от континентального берега Аргентины, оказывался слишком велик риск продолжения атак ракетами «Экзосет» с воздуха, не говоря уж о даже более сокрушительных бомбардировках. Потеря авианосца стала бы предвозвестницей катастрофы. «Си Вулф» и «Си Дарт» и в самом деле доказали свою способность сбивать вражеские летательные аппараты. Но, если посмотреть на показатели их работы в реальных условиях, ни один здравомыслящий офицер не рискнет делать ставку на их надежность, когда на кону стоит безопасность флота. Обе системы показали себя крайне уязвимыми при перегрузках. «Си Харриеров», зарекомендовавших себя действительно результативными, было до смешного мало.

Члены оперативного соединения, от старших офицеров и до простых матросов, выступали за расширение подходов: налеты бомбардировщиков «Вулкан» на континентальные авиабазы противника или — более разумное — отправки туда команд диверсантов из Специальной воздушной службы. Как считалось, Аргентина получила пока только пять из заказанных четырнадцати «Супер-Этандаров», приспособленных для запуска ракет «Экзосет». Если уничтожить их, а заодно и существенное количество штурмовиков «Скайхоук» и истребителей «Мираж», ситуация коренным образом изменится в пользу Королевских ВМС. Да-да, старый спор о «снятии белых перчаток», который при куда более

высоких ставках кипел у американцев, когда те всерьез обсуждали вторжение в Северный Вьетнам в разгар войны в Индокитае. И все же сложность проведения успешной бомбовой атаки или рейда САС ставила всю затею под большой вопрос. При всем при том, несмотря на решительное стремление британского правительства к возвращению Фолклендских островов, оно всеми силами старалось избежать расширения конфликта. С самого начала генеральный прокурор представил военному кабинету свое мнение: никакая из форм британского нападения на континентальную территорию Аргентины не впишется в рамки статьи 51 устава Организации Объединенных Наций, подтверждавшей право Британии на самооборону. И пусть отряды британской разведки действовали на континенте в ходе Фолклендской войны, — как показал миру конфузливый факт посадки вертолета «Си Кинг» в Чили 16 мая [на самом деле 18 мая. — *Прим. ред.*], — нападения на авиабазы противника никогда не получали одобрения в верхах и не предпринимались. Британскому оперативному соединению приходилось отражать угрозу с воздуха на поле боя вокруг Фолклендских островов и нигде более.

Теперь уже и Нортвуд вынужденно признавал неспособность соединения Вудварда создать твердые предварительные условия для десантной операции. Парни Томпсона, все еще обретавшиеся на острове Вознесения, не могли высаживаться на берег при достигнутой на данный момент степени превосходства в воздухе. Неприятель сохранил свои военно-воздушные силы, которые являли собой на самом деле куда большую угрозу, чем считалось изначально, когда оперативное соединение ставило паруса и покидало родные воды. И все же с политической точки зрения для правительства не представлялось возможным отказаться от операции в Южной Атлантике. Демонстрация силы не дала желаемого эффекта — не заставила аргентинцев отступить. Теперь все указывало в сущности на необходимость удвоить ставки, сделанные до сих пор. Правительство и начальники штабов родов войск отбросили в сторону стратегические правила ведения операций с применением морских десантов. Они решили дать старт высадке на Фолклендских островах и заставить аргентинцев зашевелиться.

10

ОЧИСТИТЬ ПАЛУБЫ ПЕРЕД БОЕМ

Недолго, но жарко молилась творцу
Дружина его удалая
И молча смотрела в лицо мертвецу,
О завтрашнем дне помышляя.

Чарлз Вулф, На погребение английского генерала сэра Джона Мура [цит. по переводу И. И. Козлова. — *Прим. пер.*].

Понедельник, 2 мая, дата потопления «Хенераль Бельграно», был неприсутственным днем для служащих в Британии, и миссис Тэтчер оставалась в Чекерсе. Только к вечеру Джон Нотт собрал, наконец, пресс-конференцию, дабы объявить об атаке на аргентинский крейсер. Пока министр обороны отвечал на вопросы, пришли известия о том, что «Хенераль Бельграно» не просто подвергся удару, но пошел ко дну, причем погибли несколько сотен человек. Как и остальные участники военного кабинета, Нотт считал конвенциональные торпеды способными лишь повредить корабль и вывести его из строя, в то время как фрегаты сопровождения имели возможность поднять на борт всех пострадавших. Теперь он очевидно находился не в своей тарелке. Одно дело установить запретную зону, а другое... для собравшихся репортеров случившееся представлялось чем-то несоразмерным — безусловным актом агрессии. Тактический триумф,

совершенно очевидно, начинал обращаться дипломатической катастрофой.

Черта, разделявшая марш на войну и грациозные пируэты танца переговоров, никогда не бывала такой широкой. Ничего не зная о событиях в Южной Атлантике, Фрэнсис Пим предыдущим вечером, в воскресенье, ужинал с сэром Энтони Парсонзом и генеральным секретарем ООН Пересом де Куэльяром в Нью-Йорке. Когда Америка наконец-то встала на сторону Британии, а флоту вот-вот предстояло схватиться с противником, военный кабинет почти полностью доверил Пиму вести переговорный процесс так, как тот считает нужным. Если американцы не смогли вернуть Фолклендские острова под британское управление, представлялось совершенно невозможным, что кто-то иной — разве только какое-нибудь латиноамериканское государство — сумеет сделать это. Миссис Тэтчер была готова признать, что Британии в любом случае не следует показывать, будто она отказалась от мира, а потому под сильным давлением оппозиции премьер уступила желанию Пима испробовать путь примирения через ООН. Учитывая все заявленные требования Британии, Тэтчер и на секунду не верила в реальность результата подобного хода.

Скрупулезный и сдержанный международный гражданский служащий, де Куэльяр по-прежнему прочно стоял на ногах как генеральный секретарь. Его видение ООН отличалось меньшей претенциозностью, чем у предшественников. Он осознавал «потолок» организации и риск навредить ее и без того пошатнувшейся репутации в случае неразумно смелых попыток бросаться в авантюры, которых побаиваются и сторонятся даже великие державы. «Оперативная группа» по Фолклендским островам возникла при его председательстве в начале кризиса и действовала под руководством одного из помощников — пакистанца Рафи Ахмеда. Де Куэльяр настаивал — Ахмед должен лишь приготовить несколько возможных амплуа для ООН в этом деле на случай, если понадобится сыграть какую-то из предполагаемых ролей. Но ООН ни при каких условиях не стоит вмешиваться в игру на поле, где тщетно пытался довести до победного конца свое предприятие Хэйг: взаимоотношения с Вашингтоном действительно не отличались радужностью.

Теперь, когда Хэйг, видно по всему, проиграл, генеральный секретарь мог выползти из-под панциря. Дабы посодействовать Парсонзу и его аргентинскому визави, Энрике Росу (сменившему

Рока), де Куэльяр набросал нечто на одном листе бумаги, скромно окрестив получившееся «соображениями». Пунктов насчитывалось всего три: отвод войск, переходная администрация и долгосрочное урегулирование — то же самое Хэйг привозил в Лондон месяцем ранее. Как бы там ни было, видимую легкость такого возвращения к истокам и фундаментам омрачили существенные сложности — воскресная новость, вопросы о которой громкими голосами задавали за стенами ООН журналисты дипломатам, пока те выступали. Речь идет о соперничающей мирной инициативе земляка де Куэльяра, президента Перу Белаунде Терри.

Кроме того, в те необычайные первые выходные мая случилось еще нечто — Хэйг, как оказывается, вовсе не собирался сдаваться и хватался за воздух, пытаясь удержать призрак в руках. Сознавая, что любое открытое участие американцев будет непродуктивным, госсекретарь США предпочел действовать не напрямую. Он от чистой души подарил весь план с потрохами Белаунде Терри. Перу славился как давний и ближайший друг Аргентины в латиноамериканском стане, поскольку обе страны объединяла враждебность по отношению к Чили, и некоторые сотрудники в штабе Хэйга высказывали мысль о целесообразности использовать в роли посредника «латиноамериканского собрата», а не Вашингтон. Вот Белаунде Терри и отправил «план из 7 пунктов» в Буэнос-Айрес. Схема представляла собой слабо замаскированную версию варианта «Хэйг 2» — «Хэйг в пончо» — без каких-то дополнительных составляющих, если не считать участия в переходной администрации латиноамериканцев. Де Куэльяр в Нью-Йорке испытал смущение и досаду. Отныне и до десантной высадки в Сан-Карлосе три недели спустя, каждый мучительный шаг на переговорах по Фолклендским островам был неизменно сопряжен с конфликтом честолюбивых устремлений различных миротворцев.

На заседании военного кабинета во вторник 4 мая, за которым последовало еженедельное собрание полного кабинета по вопросам Фолклендских островов, доминировали разговоры о том, как снизить ущерб, нанесенный уничтожением крейсера «Хенераль Бельграно». Сообщения с выражением озабоченности потоком текли в Лондон как от друзей, так и от врагов. Хэйг заявил комитету в Конгрессе, что потопление крейсера «сыграло на руку продолжению спора». В ЕЭС Италия и Ирландия высказались за снятие санкций против Аргентины по истечении дня

17 мая. В ООН отмечались заметное охлаждение и отход от Британии. В особенности подвергалась критике атака, проведенная за чертой объявленной запретной зоны. Общественный спикер Аргентины, Хорхе Эррера Вегас, избранный таковым за свое владение английским, не замедлил лишний раз продемонстрировать остроумие: «Британия умеет поднимать волну, но законы ее, безусловно, не волнуют». В Буэнос-Айресе Галтьери официально заявил перуанскому послу, что после потери крейсера он просто не может отстаивать идею каких-то уступок в плане аргентинского суверенитета на островах.

В аргентинских источниках особо остро прослеживается уверенность в том, будто британцы своими действиями намеренно саботировали перуанский план. Они упирают на то, что бомбардировки Порт-Стэнли в предыдущий день самым драматическим образом ужесточили позицию Буэнос-Айреса в отношении уступок, тогда как Галтьери, по всей видимости, был готов принять план Белаунде Терри в тот самый вечер, когда президенту сообщили об участи, постигшей «Хенераль Бельграно». И все же трудно верится, будто хунта, в том числе и Анайя, решилась согласиться фактически, можно сказать, на такую же формулу мира, как та, которую привозил в Буэнос-Айрес Хэйг. Но с другой стороны как будто бы правомочно видеть в Анайе того члена хунты, чей род войск больше других проигрывал от продолжения конфликта: его надводный флот со всей поспешностью скрылся в порту и не показывал носа оттуда. В действительности адмирал не один раз, а дважды побуждал хунту отвергнуть предложения Белаунде Терри, а затем ответить отказом и де Куэльяру. Вполне хватает свидетельств того, что на всем протяжении вооруженного противостояния на море Анайя считал себя вполне способным выиграть кампанию войны на истощение против британского флота.

По иронии судьбы именно в Лондоне происшествие с «Хенераль Бельграно» вдохнуло новую жизнь в процесс поиска мира. Прежде связывающие правительство доводы Пима о целесообразности для Британии продолжать оттягивать на себя «одеяло» мирного урегулирования неожиданно вновь показались уместными. В результате на вторничном заседании военного кабинета Хендерсону в Вашингтоне поручили как можно скорее открыть обсуждение перуанского варианта с Хэйгом, пусть бы и пришлось снять того с вечернего рейса в Нью-Йорк и вернуть на базу ВВС

Эндрюс. В Лондоне после сокрушительного подтверждения превосходства Британии — лишняя демонстрация того, какая стена скрывала от общественного мнения всю остроту риска для флота в текущей ситуации, — многие чувствовали себя взбудораженными. «У нас все катится даже слишком уж гладко, — говорил в те времена один из членов военного кабинета. — Мы выглядим здоровяком, который задирает слабого». Выступая перед палатой общин, Пиму пришлось заявить: «Мы не ищем способа унизить Аргентину на поле брани».

Не успела прозвучать мысль о вероятном военном унижении Аргентины, как любые рассуждения об этом стали совершенно неуместными. В 9 часов вечера во вторник, многозначительным до трагичности тоном, ставшим в те дни визитной карточкой заявлений Министерства обороны, исполняющий обязанности офицера по связям с общественностью, Йэн Макдоналд, сообщил по телевидению о потере эсминца «Шеффилд» и о гибели «Си Харриера» над Гуз-Грин. Всегда нерешительное Министерство тут же поспешило подвергнуть корректуре трансляцию из расположения оперативного соединения, откуда ободряющим тоном сообщали о счастливом спасении большинства членов команды. Вместо этого Макдоналд провозгласил: «Существует вероятность каких-то потерь, понесенных при этом. Но подробности нам сейчас пока неизвестны».

Когда новость просочилась в палату общин, члены парламента ринулись в помещение, дабы послушать разъяснения Нотта о потерях и полюбоваться на ошеломленную миссис Тэтчер рядом с ним. Похоже, только крайние левые испытывали гнусное злорадство по поводу случившегося. Хвастливый тон и самоуверенность, царившие в руководстве по поводу кампании до сих пор, мигом испарились. Неожиданно сомнение охватило все стороны: оно оказалось настолько сильно, что миссис Тэтчер совершенно нетипично для себя велела Левину отправляться на телевидение и успокоить страхи, взбудоражившие общественность. Газеты, восторженность которых по поводу войны до сих пор не ведала границ, вдруг узнали ее цену. «Дэйли Мейл» поместила первую страницу в черную рамку. На Даунинг-стрит премьер-министр поразила собственный штаб всплеском эмоций в отношении полученного известия. Она всегда говорила им, что больше всего страшится услышать о гибели одного из кораблей. Теперь такое случилось, и она была очевидно потрясена. В такие

моменты на всем протяжении войны она будет подниматься к себе наверх и сама писать письма с соболезнованиями родителям погибших в боях военнослужащих.

Потеря «Шеффилда» повлекла за собой усиление, а не снижение энтузиазма военного кабинета в отношении дипломатии. Впервые со 2 апреля Тэтчер ощутила потребность заручиться поддержкой полного кабинета. В среду, 5 мая, он собрался на чрезвычайную сессию и заслушал мрачные выводы по поводу обстановки, сложившейся на войне. Флот оказался несомненно уязвимым перед лицом низколетящих ракет и, хотя считалось, будто у Аргентины осталось всего три единицы «Экзосет», никто не мог утверждать это безоговорочно. К тому же, как считалось, по крайней мере одна вражеская подлодка безнаказанно действовала где-то в непосредственной близости от места расположения флота. На Левина обрушились вопросы. Каковы были наши меры противодействия «Экзосет»? Почему их столь решительным образом не хватило? Почему флот так приблизился к островам? Не следует ли отвести авианосцы? Вновь и вновь повторялось извечное: уверен ли он, что высадка удастся? Левин спокойно шел по минному полю вопросов, умело скрывая то, какую травму нанесла потеря «Шеффилда» военно-морскому ведомству. Десант, передвигавшийся на борту лайнера «Канберра», по-прежнему оставался на острове Вознесения. В распоряжении руководства все так же наличествовали разные варианты. Вудвард, конечно же, пересмотрит свою стратегию. Левин выражал уверенность в способности военно-морских сил достигнуть поставленных целей. Однако политики неожиданно принялись оглядываться по сторонам в поисках выхода: их вера в ВМС поколебалась.

Как 2 апреля, миссис Тэтчер вновь обходила стол в кабинете, по ходу дела выслушивала мнения и записывала имена высказывавшихся. Аргументы Пима, прежде бывшие досадными препятствиями на пути славы, теперь казались многим лучом надежды. Все то и дело поминали Перу. А если принять переходную администрацию третьей стороны? Удастся ли скормить палате общин туманные ссылки на самоопределение в долгосрочной перспективе? Будет ли сбалансированный отвод войск тем, что они и подразумевали с самого начала? Кабинет Тэтчер оставался примечательным образом единым на всем протяжении войны. В отличие от военного кабинета у членов его почти

отсутствовала пища для внутренних раздоров и было, безусловно, мало оснований не соглашаться с коллективно представляемым им мнением военного кабинета. С самого начала министры горой стояли за оперативное соединение, а потому теперь дружно развернулись в сторону плана Белаунде Терри, каковой заслуживал принятия в принципе. Отклонились от общей линии только два министра — лорд-канцлер, лорд Хейлшем, и министр по вопросам охраны окружающей среды, Майкл Хеселтайн. Оба считали политический риск уступок куда перевешивающим любой военный. Все знали, что честолюбивый Хеселтайн надеется в будущем заполучить лидерство в партии. Миссис Тэтчер с подозрением относилась к его мотивам теперь, точно так же, как не верила в истинные побуждения Пима, когда тот выступал против в военном кабинете.

На следующий день в палате общин премьер-министр к большому удовлетворению оппозиции заявила, что правительство дало «очень конструктивный ответ» на перуанские предложения. Теперь она могла пренебречь параллельными «соображениями» ООН, в общих чертах доведенными до нее Парсонзом. «Если они будут приемлемыми и внушающими доверие, их надо уточнить применительно к временному графику и поступательному контролю за развитием событий». И все же теперь премьер не отмахивалась от ООН со своей обычной прежде решимостью. Пим подчеркнул факт восстановления им командных позиций путем высказывания симпатий в адрес рекомендации Дэйвида Оуэна и Дениса Хили по поводу согласия на попечительство ООН — большая уступка со стороны британцев. Как выразился Пим, «это — возможность, и в итоге она может оказаться весьма и весьма приемлемой». «Хенераль Бельграно» и «Шеффилд» готовились превратиться в настоящие жертвы, принесенные на алтарь мирного процесса. Наконец-то голуби в Министерстве иностранных дел получили шанс отправиться в полет.

Они уже парили гордой стайкой, когда хунта свалила их хорошим зарядом дроби. Уничтожение «Шеффилда» необычайно повысило боевой дух. Агенты вели лихорадочные поиски возможности закупить «Экзосет» где-нибудь на черном рынке. Коста Мендесу велели потянуть время. План Белаунде Терри, как заметил тот, слишком уж походит на схему Хэйга. Аргентина сочла нужным отдать предпочтения в переговорном процессе не Лиме, а ООН в Нью-Йорке, где, как она считала, в конечном

счете удастся найти более твердую опору своему делу. Из всех ошибок в расчетах, допущенных Коста Мендесом, эта оказалась самой катастрофической. Если бы в тот четверг он выбрал вариант Белаунде Терри, глава МИДа Аргентины приобрел бы больше, чем мог мечтать в феврале и, вероятно, спас бы жизнь своего правительства. Пим пришел в ярость. Выступая в палате общин в четверг вечером, он заявил, что, если бы не хунта, «прекращение огня могло наступить бы уже через несколько часов». На вопли своих «заднескамеечников» он ответил только: «Если одна фаза дипломатических усилий и закончена... другая фаза уже началась и идет в Нью-Йорке».

Теперь министры начали понемногу оправляться от перенесенного удара и возвращать себе утраченную браваду. Они уверяли себя и друзей в том, будто принятие предложений Белаунде Терри являлось для них лишь хитрым расчетом, вполне оправдавшим себя. Они-де прибегли к этому для отвода глаз, дабы показать добрую волю на пути достижения мира. И все же им не удавалось скрыть факта — они были ошеломлены, а в планах войны ближе к концу недели все пошло вкривь и вкось. Соединение потеряло еще два «Си Харриера». Угроза со стороны субмарин никуда не подевалась. А тем временем противник придерживал свои военно-воздушные силы, каковые оставались в полном порядке и представляли очевидную опасность. В то время как министры наполовину всегда боялись мира и отзыва флота, наполовину они принимали такую вероятность развития событий. Теперь надежды на мир казались похороненными, а ценность победы стремительно поднималась.

* * *

Переговорная фаза в последние полмесяца оказалась особенно удручающей. 8 мая в Чекерсе военный кабинет принял критическое по важности решение войны: отправить десант на юг с острова Вознесения, несмотря на совершенно очевидное отсутствие господства на море и в воздухе. Связанные с этим риски послужили причиной новых и неожиданных трений и альянсов среди ответственных за войну министров. Прежде всего, речь идет о споре Нотта с Пимом по поводу правил применения силы — интересы оборонительного порядка и международных отношений неожиданно сблизились. Ноттом владело вполне понятное

беспокойство за дела, с тех пор как оперативное соединение снялось с якорей у острова Вознесения. Как и ряд высокопоставленных представителей в его штабе, министр обороны осознавал — поворот обратно после этого окажется совершенно нетерпимым с политической точки зрения. Если же соединение продолжит движение, связанная с высадкой опасность будет огромной. Даже победа грозила обороне Британии крупными сложностями в плане обеспечения тыла в Южной Атлантике, что, конечно, никак не вписывалось в тонкую стратегию Нотта в отношении ВМС. Нотт, хотя и принимал резонность возражений начальников штабов, всегда оставался горячим приверженцем не десантной операции, а блокады и любого урегулирования, которое смогло бы сделать конфликт международным и предотвратить необходимость проведения в дальнейшем политики «отстаивания крепости».

Как часто случается в военных кризисах, характер действий политика в ходе них обусловливает скорее его личность, чем политическая позиция. Так и Уильям Уайтлоу, посещаемый кошмарными видениями Идена и Суэца, вдруг стал демонстрировать больше задиристости — готовности поддержать военных. Вновь и вновь он не уставал повторять: «Нельзя нам оставлять все наполовину сделанным — пусть парни заканчивают работу». Премьер-министр, убежденная в отсутствии альтернативных вариантов, выражала ту же неумолимость. Она заставляла Левина искать ответы на вопросы, по всей видимости, почти не спала, но казалась неутомимой, если не считать коротких моментов, когда неожиданно выглядела совершенно измученной и обесточенной.

Между тем переговорное решение, как и всегда, никак не давалось, словно бы все время выскальзывая из рук. 8 мая наметились сроки высадки — по всему осуществить ее предстояло в один из дней «в окне» 18–22 мая, и стремление к миру до известной степени утратило темпы. Под шум бурных потоков челночной дипломатии, рев двигателей «Конкордов», носивших чиновников туда и сюда через океан, под несмолкаемый треск телефаксов, выплевывавших рулоны бумаги с планами из 5 пунктов, на заливных лугах площади Организации Объединенных Наций потихоньку вызревало решение. Движения Переса де Куэльяра и скрытного Рафи Ахмеда напоминали фильм, прокручивавшийся в замедленном режиме. Ахмед, как высказался

один его коллега, являл собой «тот вид дипломата, благословением для которого были вечные международные переговоры и никогда не начинающаяся война». Связь, занимавшая обычно часы, теперь, казалось, растягивалась на сутки. «Соображения для обсуждения» и «ожидаемые ответы» заняли место предложений и встречных предложений. Как мыслилось Тэтчер, самые благородные принципы усохнут от жажды в таком-то месте.

Начало инициативы де Куэльяра ободряющим не назовешь. В предыдущую неделю из-за неожиданного предложения Перу вышел фальстарт. Теперь усилия генсека вызвали раздражение Хэйга. В Вашингтоне сочли, что вмешательство ООН пустило под откос перуанский план. Спикер Министерства иностранных дел США назвал соображения де Куэльяра «любительщиной», а роль ООН «типично деструктивной». За спиной у Хэйга маячил и другой bête noire [в переводе с французского — «черный зверь», что в переносном смысле означает символ беды, но здесь, скорее, источник раздражения. — *Прим. пер.*] в лице Джин Киркпатрик, чьи продолжающиеся контакты с эмиссарами Галтьери, бригадир-майором Хосе Миретом в Буэнос-Айресе, бригадным генералом Мигелем Мальеа-Хилем в Вашингтоне и Энрике Росом в Нью-Йорке, сыпали соль на раны, оставленные провалом его миссии. 11 мая Хэйг отреагировал тайной посылкой обратно в Буэнос-Айрес Вернона Уолтерза с заданием лично проверить, не осталось ли там места для вашингтонской дипломатии. Уолтерз повидался со всеми членами хунты и вернулся со вполне предсказуемым известием: пусть Хэйг теперь надавит на Тэтчер точно так же, как он ранее давил на них.

Де Куэльяра неприятно поразили новости о вклинении Вашингтона в спор, поскольку возникала опасность соблазна для Буэнос-Айреса стравить двух посредников между собой. По штаб-квартире ООН поползли слухи о некоем заговоре, будто бы спланированном Уолтерзом (как-никак бывшим сотрудником ЦРУ). В Британии пресса тори вновь стала укореняться в убеждении, что Министерство иностранных дел собирается надуть всех, лишив народ шанса на военный успех. Даже угроза отмены давно ожидавшегося визита папы римского в Британию и вероятное исключение из участия в Кубке мира не позволяли пригасить их задор. Тэтчер уступила под напором доводов Пима о том, что надо испробовать «все коридоры для переговоров», однако она во все большей степени задавалась вопросом — зачем? Конечно, следо-

вало добиться возобновления санкции ЕЭС, и не стоило создавать впечатление, будто Британии наплевать на генерального секретаря ООН или даже рисковать получить вето Совета Безопасности в отношении высадки. Однако аргентинская стратегия, совершенно очевидно, состояла в затягивании переговоров и изматывании оперативного соединения, а миссис Тэтчер отказывалась играть какую бы то ни было роль в этой пьесе. В определенный момент она шла спать с намерением принять какой-то компромисс, но просыпалась твердо уверенная: нет и нет, это даст еще один козырь противнику. Как не видела премьер никакого смысла в тщете Министерства иностранных дел и в ссылках Пима на «наши долгосрочные взаимоотношения с Латинской Америкой».

Конфликт между душой и разумом крайне портил настроение миссис Тэтчер. Штормовые дебаты в палате общин в четверг, 13 мая, разозлили ее и в конечном счете взбесили, когда ее предшественник, Эдвард Хит, позволил себе серию комплиментов, направленных в адрес Пима за его усилия на путях достижения мира. Ничто так наглядно не иллюстрирует натянутость взаимоотношений между премьером и министром иностранных дел, как ее сердитая реакция на эти замечания. Пим тем не менее закончил день в еще более растрепанных чувствах, после того как его «изжарили живьем» парламентарии задних скамей на заседании своего Комитета 1922 [имеется в виду британский парламентский орган, в котором состояли рядовые депутаты нижней палаты от партии консерваторов; созданный в 1923 г., он был назван Комитетом 1922 в честь всеобщих выборов предшествующего года. — *Прим. ред.*] в связи с претворением в жизнь инициативы ООН. Как и нередко в прошлом, контакт миссис Тэтчер с партийными «заднескамеечниками» поддерживался в работоспособном состоянии усилиями незаменимого личного парламентского секретаря, Йэна Гау. Державшиеся жесткого курса члены парламента—тори знали, что их слова придутся по душе премьеру, когда предупреждали Пима о недопустимости возвращения к уступкам вроде предлагаемых Белаунде Терри. Глава британского МИДа вышел из палаты с еще звеневшими у него в ушах криками «Не сдаваться!». Все там, должно быть, походило на совещание военного совета Галтьери месяцем раньше.

Тогда как внутреннее давление вело Британию в направлении все более крайней и жесткой позиции, Аргентина в какое-то

время заколебалась, готовая к компромиссу в переговорном процессе. В среду, 12-го числа, нажим со стороны Уолтерза в Буэнос-Айресе и де Куэльяра и Роса в Нью-Йорке выдавил из хунты личную записку с предложением о крупной уступке: четкая временная граница в вопросе передачи суверенитета более не служила непременным условием урегулирования. Аргентина, значилось там, будет только «договариваться в отношении признания ее суверенитета». Аргентинские делегаты в США поняли намек и появились в утренних новостях по телевидению и на пресс-конференциях с известием: «Суверенитет больше не является непременным условием». Трудно сказать, насколько весомы были заявления в действительности. Почти те же уступки аргентинцы предлагали Хэйгу в начале его миссии, но потом дезавуировали их. Кроме того, Аргентина на данном этапе ставила на переходную администрацию, сделавшую бы любое возвращение к британскому правлению немыслимым за счет возможности для Буэнос-Айреса наводнить острова аргентинскими поселенцами. С толку еще больше сбивали публичные клятвы Галтьери о том, что, невзирая ни на какое урегулирование, «аргентинский стяг над Мальвинскими островами никогда не будет спущен». Гигантский по размаху митинг оппозиции в ту же самую неделю предупреждал хунту: «возвращение Мальвинских островов — законно, но осуществлялось правительством грязными методами. Если оно попытается предать народ в вопросе Мальвинских островов, это будет двойным обманом». Никто, кому довелось прочитать данное заявление в Нью-Йорке или в Лондоне, не мог питать никаких иллюзий на успех переговоров.

Баталии четверга в палате общин в конечном счете истощили терпение Тэтчер на путях дипломатии. Парсонз в Нью-Йорке — одна из фигур в Министерстве иностранных дел, с которым премьер, похоже, поладила, — высказывал мнение о своевременности представления позиции Британии когерентно на бумаге. Тэтчер со всей поспешностью вызвала в Лондон его и Хендерсона и созвала военный кабинет для выработки, по ее намерению, последнего предложения Британии. В пятницу адмирал Филдхауз представил военному кабинету диспозицию кораблей и живой силы для операции «Саттон» — высадки десанта в районе Сан-Карлоса, назначенной на выходные 21–22 мая. Миссис Тэтчер твердо осознавала, что не в праве позволить полусонной мирной инициативе ООН шарахаться туда и сюда по Атлантике

тогда, когда вот-вот в полный голос заговорят пушки оперативного соединения. Надлежало решить вопрос за несколько дней. Хендерсон и Парсонз отобедали с Аклендом в клубе «Гаррик» в субботу, 15-го, дабы подготовить почву для фактического отказа Британии от дипломатии в вопросах Фолклендских островов.

Состоявшееся на следующий день в Чекерсе совещание военного кабинета памятно его участникам по-разному — то как «ровно в полдень миссис Тэтчер с МИДом» [«Ровно в полдень миссис Тэтчер с МИДом» — очевидно, аллюзия с американским фильмом 1952 года High Noon («Ровно в полдень») — классическим вестерном режиссера Фреда Циннемана с Гэри Купером и Грейс Келли в главных ролях. — *Прим. пер.*], то как «ужасающая коррида». Премьер-министр сделала первый выпад в обращении к шотландским тори в Перте в пятницу: «Я бы не исполнила своего долга, как подобает, если бы не предупредила вас в простых и ясных выражениях, что... договорное урегулирование может оказаться недостижимым». В самом начале заседания Парсонзу пришлось приложить усилия, дабы заострить внимание премьер-министра на необходимости по крайней мере очистить палубы перед боем с максимальной пользой для себя. Бесспорно, тот час стал для Парсонза лучшим. Словоохотливый, прямой и лишенной той мягкости, так ненавистной миссис Тэтчер в дипломатах, он позволил себе вести с ней спарринг на условиях, на которые мало кто отваживался. «Премьер-министр, — осмеливался Парсонз прервать ее, — если мне будет позволено довести мою мысль до конца, вы, вероятно, согласитесь со мной». Он старательно обходил опасные фразы вроде «будущие добрые взаимоотношения Британии требуют...», используя такие любимые Тэтчер обороты, как «в интересах Британии было бы...».

Речь его так поразила миссис Тэтчер, что та позднее попросила Парсонза присоединиться к ее штабу на Даунинг-стрит, чтобы присматривать за его бывшим ведомством, несмотря на давние и прочные симпатии этого дипломата к партии лейбористов.

Задача Парсонза в Чекерсе состояла в создании такого пакета вариантов, который бы посеял в сознании де Куэльяра убежденность в наличии по-прежнему серьезного настроя у Британии относительно достижения мирного урегулирования. Варианта, который бы не стал катастрофическим для правительства с политической точки зрения, если вдруг Аргентина примет его, но и не казался заведомо бескомпромиссным в случае если, как

и ожидалось, Буэнос-Айрес отвергнет его. Иначе говоря, это был последний раунд в дипломатической игре, которую вела миссис Тэтчер в тандеме с игрой военной. Предложения едва ли содержали меньше уступок, чем перуанский план, хотя в данной редакции особый упор делался на механизмы обеспечения гарантий британским интересам, отчего схема выглядела более жесткой. Присутствовало тут и предложение о взаимном отводе войск, временные графики и контроль за которым излагались скрупулезно в мелких подробностях. Вместо возвращения британского губернатора предполагалось поставить администратора ООН с его персоналом. Более строгий момент — управление Фолклендскими островами в переходный период должно осуществляться «в соответствии с традиционно действующими законами и практикой». Предлагались всего три наблюдателя от Британии и три от Аргентины. Дальнейшие переговоры рекомендовалось вести «без предрассудков» и завершить «в атмосфере безотлагательности» к концу года. Южная Георгия из списка исключалась. В основном программа предполагала «узнаваемое британское управление» и подразумевала крупный компромисс со стороны Буэнос-Айреса. С другой стороны, Британия передавала формальный суверенитет ООН и в долгосрочной перспективе соглашалась на «ползучую утрату суверенитета». Буэнос-Айрес, безусловно, получал некую награду за свою агрессию.

Вряд ли стоило ожидать от аргентинских вождей принятия такого пакета на данной стадии. Нападение, которое пока дало им известный выигрыш, связывало их и заставляло требовать большего. Парсонз положил план себе в портфель и отвез в Нью-Йорк, где вручил де Куэльяру с просьбой обеспечить как можно более быстрый ответ из Аргентины. Хунта очутилась в роли заложницы собственной пропаганды и решила отходить на жесткие позиции. Рос известил де Куэльяра о желании своего правительства отвода всех войск на их «обычные базы»; и пусть ООН распоряжается единолично без участия местных или британцев; на протяжении переходного периода на острова смогут приезжать аргентинские граждане; переговоры по суверенитету должно завершить к концу года, а иначе пусть вопрос передается на рассмотрение всей Генеральной Ассамблеи ООН, где Аргентина имела все шансы заручиться поддержкой большинства.

Такой вариант — фактическое отклонение британских предложений — стимулировал отчаянную возню лоббистов «на подножке последнего вагона» в Нью-Йорке. Как говорят, Рос в личном плане крайне огорчился реакцией хунты. Де Куэльяр раззявил рот, поняв, что упустил момент — время вышло. Миссис Киркпатрик и ее говорящий по-испански заместитель, Хосе Сорсано, провели встречи с аргентинскими эмиссарами — коммерсантами и дипломатами, равно как и с офицерами — в попытке убедить и помочь договориться. Сорсано сказал Мирету и Мальеа-Хилю прямо в лицо, что британцы «вышибут из вас кишки». Те ответили только холодным «нет». Миссис Киркпатрик пребывала в убеждении, что война на суше закончится катастрофой для взаимоотношений США с Южной Америкой. Она очень опасалась справедливости подтекста ранее сделанного Коста Мендесом открыто заявления Хэйгу: «Если будет война, то вина в том ваша». Похоже, аргентинец говорил не только от имени своей страны, но и от лица всего континента.

* * *

Во вторник, 18 мая, начальники штабов официально представили схему операции «Саттон» военному кабинету. По словам одного из присутствующих, она являла собой «классику британской военной истории». Каждый из глав видов вооруженных сил описывал участие своего рода войск и, что важнее, излагал личные оценки степени предстоящего риска. Любопытно заметить, руководство сухопутных сил и КВВС предсказывало более значительные потери в кораблях, нежели Королевские ВМС. На самом деле сэр Эдвин Брамалл ожидал даже большего урона в материальной части флота, чем оказалось в конечном счете. Однако тщательная режиссура Левина вновь принесла дивиденды. Не отрицая слабых мест британских ВМС, проявившихся в ходе кампании, в особенности в плане обеспечения прикрытия с воздуха, начальники штабов выразили полную уверенность в способности войск выполнить задачи, поставленные перед ними правительством. Позднее план десантной высадки в Сан-Карлосе предъявили полному кабинету — тогда-то члены его впервые услышали о готовившемся. Никто всерьез не верил в нечто способное предотвратить войну.

На следующий день военный кабинет — скорее с чувством облегчения, чем удивления, — получил ответ аргентинцев на

британские предложения. Соответственно из Нортвуда находившемуся на борту «Гермеса» Вудварду отправился приказ продолжать подготовку к выполнению операции «Саттон» по своему собственному разумению. С этого момента отказ от десантной операции потребовал бы отдельного решения — на самом деле неожиданная уступка Буэнос-Айреса грозила смешать оперативному соединению все карты. Члены военного кабинета твердо сошлись на необходимости отозвать все ранее предложенные британцами на переговорах уступки. Британия не могла позволить себе риска услышать призыв к прекращению огня посередине операции на основании того, что-де «вот еще немного, шаг или два и все будет хорошо».

Приготовили «Белую книгу» — называемую должностными лицами в большей степени «красно-бело-синей» [аллюзия с государственным флагом Соединенного Королевства и круглой трехцветной эмблемой, украшающей самолеты и вертолеты британских вооруженных сил. — *Прим. пер.*] — для обнародования в четверг, когда премьер-министр выступит с обращением к парламенту. Объявление ею о провале мирного процесса встречалось либо с облегчением, либо с разочарованием, однако сопротивления почти не отмечалось. Ознакомившись с «Белой книгой», Майкл Фут выразил искреннее уважение к ее составителям. Как он выразился, правительственная позиция была «честной и внушительной». Зачитав публично список отозванных уступок перед своими «заднескамеечниками» и едва ли оставив им время на изучение материала, миссис Тэтчер подавила в зародыше любой мятеж на этой палубе. Палуба действительно была очищена — все готово для войны.

«Белая книга» по вопросу Фолклендских островов завершила мирный процесс в плане возможного для британцев компромисса. Документ, как представлялось, полностью подтверждал обоснованность мнения премьер-министра о тщетности любых переговоров, которые никогда не заставят аргентинцев очистить от своего присутствия острова, и о том, что любые уступки есть опасная игра. Правительство рисковало не выполнить обещаний, данных при отправке оперативного соединения в плавание, вследствие чего под угрозой оказывалось политическое заявление, олицетворяемое вышедшим в море соединением. «Белая книга» также являлась оправданием позиции Министерства иностранных дел, указывавшего на необходимость для

Британии продемонстрировать желание попробовать решить дело миром. Британские предложения нельзя назвать некими бескомпромиссными или намеренно провоцировавшими отказ Аргентины. Пережив полтора длинных месяца трудных поисков мирного решения, Британия вступила в войну на суше с реальными преимуществами. Санкции и эмбарго против неприятеля остались не снятыми (ЕЭС временно возобновила свои 17 мая), и поддержка европейских государств стояла за ней прочной стеной. Масштабную карательную акцию Британии очевидно благословила и ООН. Аргентина осталась почти без друзей и практически не получила помощи даже от латиноамериканских соседей. Учитывая баланс военных преимуществ в Южной Атлантике, такое положение никак нельзя считать чем-то малозначительным. Дипломатия продемонстрировала свое бессилие в деле предотвращения войны после отплытия оперативного соединения. Данный момент ни в коем случае не являлся пустым звуком в симфонии ожидавшего ее успеха.

11

ОПЕРАЦИЯ «САТТОН»

Операция по десантной высадке с целью возвращения Фолклендских островов...

Из приказа по 3-й бригаде коммандос. Май 1982 г.

В первые дни мая партии из эскадрона «G» САС и из СБС начали высаживаться с вертолетов и быстроходных надувных лодок на землю Фолклендских островов, имея своей задачей оценить численность, состояние и дислокацию аргентинских войск. [Одну из первых групп Специальной воздушной службы, высаженных на Фолклендах в рамках операций, которые британские передовые силы начали проводить с 1 мая 1982 г., возглавлял капитан Валлийской гвардии Олдуин Джеймс Глендиннинг Уайт, чей дозорный отряд, или патруль (четыре человека) из состава эскадрона «G» 22-го полка САС устроил наблюдательный пост в районе Порт-Стэнли, на возвышающемся над городом хребте Бивер, чтобы выслеживать аргентинские вертолеты 601-го батальона армейской авиации. Группа Уайта выполняла свое опасное задание в течение 25 дней (до 25 мая), причем ей удалось обнаружить в 30 км к западу от Порт-Стэнли, в седловине между горами Кент и Эстансия, запасную ночную посадочную площадку вертолетов противника, и сообщить о ней на авианосец «Гермес». В результате 21 мая в 8.00 эта посадочная площадка была атакована с воздуха парой «Харриеров» GR.3 из 1-й (истребительной) эскадрильи КВВС, пилотируемых скуодрон-лидером Джереми («Джерри») Джеймсом Пуком и флайт-лейтенантом

Марком Уильямом Джеймсом Хэйром, которые огнем 30-мм пушек сильно повредили два стоявших там транспортных вертолета — «Чинук» CH-47 и «Пума» SA-330L («Чинук» стал жертвой флайт-лейтенанта Марка Хэйра, а «Пуму» обстреляли и вывели из строя оба британских пилота). Поврежденные аргентинские вертолеты остались на той же позиции, где 26 мая их уничтожил с помощью бомбокассет BL-775 скуодрон-лидер Джерри Пук. — *Прим. ред.*] «Я могу тут же ответить вам, какие берега подходят для высадки бригады, — говорил бригадир Джулиан Томпсон военно-морскому штабу в середине апреля, — но пока я не узнаю, какой именно противник там засел, я не могу сказать, какой участок изберу». Выработать план высадки десанта до получения исчерпывающих данных разведки возможным не представлялось. Высадка не могла стартовать без предоставления ударной группой Вудварда судов для отправки на острова отрядов войск специального назначения. Гигантские атомные подлодки водоизмещением в 4000 тонн — каждая размером с эсминец типа 42 — не могли подойти близко к берегу, а Нортвуд припозднился с мобилизацией хотя бы одной из меньших по размерам дизельных субмарин класса «О», идеально подходивших для действия в специальных операциях. В результате подводная лодка «Оникс» прибыла в район боевых действий только 28 мая, проведя в плавании целый месяц. Предложение командиров САС забрасывать партии бойцов на острова при помощи прыжков с большой высоты с открытием парашюта на малых высотах отклонили как слишком опасное.

Прежде чем военно-морские вертолеты «Си Кинг» из Йовилтона погрузились на авианосцы, командиру 846-й эскадрильи, лейтенант-коммандеру Саймону Торнуиллу, случилось поговорить с другом из Королевского авиационного НИИ в Фарнборо. «Слушай, а может, ты захочешь получить несколько комплектов новых ППНВ?» — спросил тот. Да, Торнуилл хотел. Очень хотел. В обстановке чрезвычайной спешки четыре вертолета подверглись переоборудованию для использования самых современных американских пассивных приборов ночного видения. Пилоты наскоро прошли подготовку, налетав несколько часов над равниной Солсбери. Теперь, находясь в море на «Гермесе», вертолетчики на оснащенных ППНВ «Си Кингах» продемонстрировали способность совершать полеты в полной темноте, но при этом с ювелирной точностью. ППНВ суждено было стать реша-

ющим британским оружием той войны. В начале мая вертолеты ночами скользили в двадцати футах (шести метрах) над поверхностью моря и над побережьем Фолклендских островов, высаживая там группы разведчиков. Солдаты уходили в горы, нагруженные огромной ношей, чтобы успеть до рассвета обеспечить себе «лежки» и затаиться на скрытых позициях. Шесть команд СБС сосредотачивались главным образом на подборе береговых участков десантирования. Восемь дозоров САС по четыре человека в каждом разворачивались так: три на Западном Фолкленде, один вокруг Дарвина, один выше Блафф-Коув и три вокруг Порт-Стэнли, где, как уже становилось очевидным, сосредоточивались основные силы неприятеля. «Мы начали с контурной карты Фолклендских островов, — рассказывал Джулиан Томпсон, — и разбрасывали бойцов войск специального назначения как при выстреле из дробовика, дабы посмотреть, что они найдут там».

«Теперь Фолклендские острова превратились в игровую площадку для всех, — лаконично высказывался офицер САС ближе к концу войны. — Но поначалу это походило на высадку на темной стороне Луны. Мы совершенно не знали, чего ожидать». В противоположность популярной мифологии, британцы не добыли никаких ценных разведданных у населения Фолклендских островов в период аргентинской оккупации. Теперь британские команды — часто замерзая, неизменно промокая, — часами без движения лежали на тщательным образом замаскированных позициях среди торфяников и дернистого луговика, наблюдая, как солдаты противника занимаются своим делом в окопах и на огневых точках. Неприятель представлялся ленивым, апатичным и безразличным к военной рутине, неохотно слушающимся офицеров и очень страдавшим от погоды. У аргентинцев наличествовало некоторое количество отборных бойцов из войск специального назначения. Однако в строевой пехоте служили почти исключительно призывники, причем некоторым уже подошел срок демобилизации, вместо чего их оставили служить в гарнизоне Фолклендских островов. Многие из них были неграмотными индейцами, некоторые прошли всего двух- или трехмесячную подготовку. Их основным стрелковым оружием являлась автоматическая винтовка FN, превосходившая по огневой мощи британскую SLR [в реальности бельгийская 7,62-мм автоматическая винтовка FN 50–64, состоявшая на вооружении аргентинской пехоты, превосходила британскую 7,62-мм самозарядную винтовку L1A1 по скорострельности (у первой она дости-

гала 650–700 выстрелов в минуту, а у второй практический темп стрельбы составлял 40 выстрелов в минуту), однако уступала ей по прицельной дальности (250 метров против 550). — *Прим. ред.*]. Универсальные пулеметы аргентинской армии практически не отличались от тех, что находились в распоряжении британских морских пехотинцев и парашютистов. У аргентинцев имелось предостаточно приборов ночного видения — куда больше и лучшего качества, чем у десантных частей оперативного соединения. Американцы готовили офицеров, наживших значительный опыт ведения контрповстанческих действий. Однако сверх всего войскам генерала Марио Менендеса не хватало подготовки и дисциплины, в том числе привычки к стирке одежды, смене белья, поддержания обмундирования в сухом состоянии, заботы о товарищах, каковые моменты стали вторым естеством британцев. «Это не те дела, на которые обращают внимания мачо», — заметил один военнослужащий Королевской морской пехоты, человек в Латинской Америке бывалый. И все же следить за физическим и душевным состоянием людей, вынужденных жить на голых склонах холмов и гор Фолклендских островов, было жизненно важным. Уже тогда, пусть британцы и не приступали к высадке, солдаты противника не чувствовали себя счастливыми — их плохо кормили, они не очень-то понимали, зачем им Мальвинские острова, да к тому же страдали от нехватки экипировки для нормальной жизни в тамошних условиях.

Аргентинцы нехотя вели патрулирование территории между поселениями пешими дозорами и с вертолетов. Неприятель поставил сильные гарнизоны в Дарвине и Гуз-Грине, а также разместил существенные по численности силы на острове Пеббл, в поселении Фокс-Бэй и в Порт-Хауарде на Западном Фолкленде. Основные части противника сосредоточивались вокруг Порт-Стэнли. Развертывание войск на островах губернатором, генералом Менендесом, следует назвать очень разумным. Столица являлась жизненно важным объектом, и, дабы упрочить положение, он начал укреплять ближайшие горы. Генерал не мог рассчитывать оказать противодействие высадке в любом месте, где британцы предпримут штурм. Однако, располагая внушительным парком вертолетов, — «Чинуков», «Пум» и «Хьюи», — обладал возможностью перебрасывать стратегический резерв в угрожаемые точки и разворачивать быстрые контратаки против бригады коммандос, где бы та ни сошла на берег.

* * *

Вот так выглядела диспозиция основных аргентинских войск[1]:

Вокруг Порт-Стэнли под началом командира 10-й бригады генерала Хофре
3-й, 4-й, 6-й, 7-й, 25-й полки (приблизительно по 1000 чел. в каждом)
5-й батальон морской пехоты (около 600 чел.)
3-й артиллерийский дивизион (30 × 105-мм, 4 × 155-мм орудий)
Эскадрон бронемашин из 12 единиц бронеавтомобилей «Панар»
181-я рота военной полиции и разведки [в действительности это были две отдельные роты — 181-я рота военной полиции и 181-я рота разведки. — *Прим. ред.*]
601-й зенитный дивизион
Вертолетная часть [601-й батальон армейской авиации. — *Прим. ред.*] — 2 транспортно-десантных вертолета «Чинук», 9 многоцелевых «Хьюи» UH-1H [название «Хьюи» (Huey) вертолеты данной модели носили в США, тогда как в Аргентине для их обозначения использовалось первоначальное наименование — «Ирокез» (Iroquois). — *Прим. ред.*], 2 ударных Аугуста A-109A [в аргентинских ВВС эти машины получили название «Ирундо» (Hirundo — «Ласточка»). — *Прим. ред.*] и 3 транспортно-десантных «Пума»

В Гуз-Грин
12-й полк и рота 25-го полка
Подразделение 601-го зенитного дивизиона
3 × 105-мм орудия
Подразделения военно-воздушных сил

На Западном Фолкленде под началом командира 3-й бригады генерала Параля [в действительности этот бригадный генерал носил фамилию не Параль (Paral), а Парада (Parada). — Прим. ред.]
8-й полк
9-я инженерная рота (в Фокс-Бэй)
5-й полк
9-я инженерная рота (в Порт-Хауарде)
120 военнослужащих военно-морской авиации на острове Пеббл [Ниже приводится более точное распределение арген-

[1] Данные неполные, но самые точные из имевшихся в распоряжении на момент подготовки книги к публикации.

тинских войск на Фолклендах в первой половине мая 1982 г., основанное на источниках, опубликованных после первого издания книги М. Хастинга и С. Дженкинса. — *Прим. ред.*]

Объединенное командование Мальвинского военного гарнизона со штаб-квартирой в Порт-Стэнли/Пуэрто Архентино: командующий гарнизоном — бригадный генерал Марио Бенхамин Менендес, военный губернатор Фолклендских/Мальвинских островов; начальник штаба — бригадный генерал Америко Даэр (штатный командир 9-й моторизованной пехотной бригады); начальник I отдела штаба (личного состава) — подполковник Альфредо Франсиско Андухар; начальник II отдела штаба (разведывательного) — полковник Франсиско Серво; начальник III отдела штаба (оперативного) — полковник Исидро Бонифасио Касерес; начальник IV отдела штаба (тылового обеспечения) — полковник Архентино Роберто Гонсалес; офицер связи с ВВС — коммодор авиации Гильермо Висенте Мендиберри; офицер связи с ВМС — капитан корабля морской пехоты Хуан Карлос Моэреманс; командующий ВВС на Мальвинах — бригадир Луис Гильермо Кастельяно; командующий ВМС на Мальвинах — контр-адмирал Эдгардо Арольдо Отеро.

Армейская группа «Пуэрто-Архентино» (Agrupacion Ejercito Puerto Argentino) на позициях вокруг Порт-Стэнли /Пуэрто-Архентино: командующий — бригадный генерал Оскар Луис Хофре, командир 10-й механизированной пехотной бригады «Теньенте Хенераль Николас Лавалье» из состава 1-го армейского корпуса; заместитель командующего — полковник Феликс Роберто Агиар, начальник штаба 10-й механизированной пехотной бригады.

Сектор «Оро» (Oro, «Золото»): 3-й механизированный пехотный полк «Хенераль Мануэль Бельграно» (командир — подполковник Давид Убальдо Комини); прикрывал южные пляжи и возможные места высадки вертолетных десантов. Следует сразу отметить, что все дислоцированные на Фолклендах пехотные полки аргентинской армии, номинально считавшиеся механизированными или моторизованными, не имели ни бронетранспортеров, ни автотранспорта, то есть практически представляли собой обычную, или, по американской терминологии, «легкую» пехоту.

Сектор «Асеро» (Acero, «Сталь»): 6-й механизированный пехотный полк «Хенераль Хуан Хосе Виамонте» (командир — подполковник Хорхе Альперин) — прикрывал подступы к Порт-

Стэнли /Пуэрто Архентино с юго-запада и юга; стрелковая рота «С» этого полка была позже переведена в резерв и заменена ротой «А» 1-го пехотного полка «Лос Патрисиос».

Сектор «Плата» (Plata, «Серебро»): 7-й механизированный пехотный полк «Коронель Педро Конде» (командир — подполковник Омар Хименес) на горе Лонгдон и гребне Уайрлесс-Ридж/Кордон де ла Радио; прикрывал левый фланг Внешней зоны обороны, развернувшись фронтом на север.

Сектор «Кобре» (Cobre, «Медь»): военная авиабаза «Мальвинас» (начальник — коммодор Эктор Луис Дестри) в Порт-Стэнли/Пуэрто-Архентино, где базировались пять учебно-боевых самолетов «Аэрмакки» MB-339A из 1-й штурмовой эскадрильи (капитана корвета Карлоса Альберто Мольтени) 4-й эскадры военно-морской авиации (24 и 25 апреля на авиабазу «Мальвинас» прибыли четыре «Аэрмакки», один из которых разбился 3 мая в результате аварии, но 14 мая к трем оставшимся самолетам присоединились еще две машины, перелетевшие на Фолкленды из Аргентины), 12 вертолетов 601-го батальона армейской авиации (9 многоцелевых UH-1H «Ирокез», два ударных A-109A «Ирундо» и один транспортно-десантный «Чинук» CH-47C), два многоцелевых вертолета Белл 212 из 7-й авиагруппы и один транспортно-десантный вертолет «Пума» SA-330L военно-морской префектуры (пограничной охраны).

Сектор «Виктория» (Victoria, «Победа»): 25-й пехотный «специальный» полк (командир — подполковник Мохамед Али Сейнельдин) из состава 9-й моторизованной пехотной бригады 5-го армейского корпуса; отвечал за оборону северо-восточных пляжей.

Сектор «Бронсе» (Bronce, «Бронза»): 5-й батальон морской пехоты (командир — капитан фрегата Карлос Уго Робасио) на горе Тамблдаун/Серро Дестарталадо и горе Уильям/Серро Гильермо; защищал юго-западные подступы к городу Порт-Стэнли/Пуэрто Архентино.

Части и подразделения 10-й механизированной пехотной бригады: 10-й разведывательный бронекавалерийский эскадрон «Коронель Исидоро Суарес» (командующий — капитан Родриго Алехандро Солоага), не имевший боевой техники, кроме двух разведывательных бронемашин «Панар» AML-90, приданных бронетанковой группе майора Алехандро Доминго Карульо; 10-й батальон тылового обеспечения (командир — подполковник Хосе Антонио Триас); 10-я механизированная инженерная рота

(командир — майор Карлос Роберто Маталон); 10-я механизированная рота связи (командир — майор Хуан Карлос Томатис).

Подразделения армейского подчинения: команда Конно-гренадерского полка «Хенераль Хосе Франсиско де Сан-Мартин» (группа из 10 чел. при двух пулеметах); стрелковая рота «А» («Буэнос-Айрес») 1-го пехотного полка «Лос Патрисиос» (командир — капитан Умберто Уго Паскуалетти); 601-я рота коммандос майора Марио Луиса Кастаньето; 602-я рота коммандос майора Альдо Рико (вместе с эскадроном специальных сил Национальной жандармерии и Группой специальных операций ВВС 601-я и 602-я роты коммандос составляли Группу Специальных сил Мальвинского военного гарнизона); 601-й батальон армейской авиации (командир — подполковник Хуан Карлос Скарпа); отряд 601-й авиаремонтной роты (командир — капитан Карлос Антониоли); команда (неполный взвод) 601-й группы связи; отряд 602-й роты радиоэлектронного противодействия (РЭП) под командой первого лейтенанта Эдуардо Томаса Доманико; отряд 601-го батальона разведки (командир — подполковник Рауль Монтес); 601-я инженерная рота (командир — майор Хорхе Луис Амаро Этьенот); 601-й дивизион ПВО под командой подполковника Эктора Любина Ариаса (16 зенитных установок сдвоенных 35-мм пушек, не считая еще двух ЗУ, откомандированных в Гуз-Грин); батарея «В» 602-го смешанного дивизиона ПВО под командой первого лейтенанта Карлоса Леонидаса Регальдини (6 зенитных установок сдвоенных 35-мм пушек, 3 сдвоенных 20-мм зенитных орудия, одна пусковая установка ЗРК «Роланд» и три ПУ ЗРК «Тайгеркэт»).

Бронетанковая группа (Agrupacion Blindada), или сводный эскадрон разведывательных бронеавтомобилей «Панар» AML-90 под командой начальника 10-го РБКЭ (разведывательного бронекавалерийского эскадрона), майора Алехандро Доминго Карульо (12 бронемашин, в том числе восемь из 181-го разведывательного бронекавалерийского отряда 5-го армейского корпуса, две из 9-го РБКЭ 9-й моторизованной пехотной бригады и две из 10-го РБКЭ 10-й механизированной пехотной бригады).

Подразделения из 1-го армейского корпуса: батарея «В» 101-го дивизиона ПВО «Теньенте Хенераль Пабло Ричьери», возглавляемая офицером дивизионного штаба, майором Хорхе Альберто Монхе, и батарейным командиром, первым лейтенантом Алехандро Эмилио Инфантино (1-й и 2-й взводы, всего 8 одинарных 30-мм зенитных пушек).

Части и подразделения из 3-й механизированной пехотной бригады 2-го армейского корпуса: 3-й артиллерийский дивизион подполковника Мартина Антонио Бальсы (батареи «A» и «B» первых лейтенантов Луиса Антонио Кабальеро и Хулио Сесара Навоне — по шесть 105-мм гаубиц OTO Melara, батарея «C» первого лейтенанта Эмилио Энрике Ипаррагирре, затем с 26 мая первого лейтенанта Эктора Тессея — восемь 105-мм гаубиц OTO Melara, включая две приданные из 4-го воздушно-десантного артиллерийского дивизиона, батарея «D» первого лейтенанта Луиса Альберто Диффунсио — две 155-мм гаубицы L33, взятые из батареи «C» 101-го артиллерийского дивизиона «Теньенте-хенераль Бартоломе Митре», к которым 13 июня добавилась третья, взятая из 121-го артиллерийского дивизиона); 3-я рота связи (командир — майор Луис Энрике Робага); 3-я санитарная рота 3-го батальона тылового обеспечения (командир — подполковник Мигель Анхель Андраде).

Части и подразделения из 4-й воздушно-десантной бригады 3-го армейского корпуса: 4-й воздушно-десантный артиллерийский дивизион подполковника Карлоса Альберто Кеведо, включавший огневые батареи «A», «B» и «C» первых лейтенантов Карлоса Альберто Чанампы, Карлоса Альберто Эспиндолы и Хорхе Мануэля Сересо (соответственно шесть, шесть и пять 105-мм гаубиц OTO Melara), из которых батарея «A» позже была откомандирована (21 мая последовал приказ об отправке четырех ее орудий в Гуз-Грин и присоединении двух оставшихся гаубиц к батарее «C» 3-го артиллерийского дивизиона).

Части и подразделения из 5-го армейского корпуса: 181-й разведывательный бронекавалерийский отряд (два взвода по 4 бронеавтомобиля «Панар» AML-90, включенные в состав бронетанковой группы майора Алехандро Доминго Карульо; командиры взводов «Агила» и «Кобра» — суб-лейтенанты Густаво Адольфо Таманьо и Фернандо Педро Черколес); отряд 181-го батальона связи (вместо батальонного командира, подполковника Альфредо Франсиско Андухара, одновременно занимавшего должность начальника I отдела штаба Объединенного командования Мальвинского военного гарнизона, отряд возглавлял его заместитель, майор Хулио Хосе Мария Ферро); 181-я рота военной полиции (командир — майор Роберто Эдуардо Берасай); 9-й батальон тылового обеспечения (неполного состава) из 9-й моторизованной пехотной бригады (командир — майор Хуан Луис

Роланди); неполный взвод из 9-го артиллерийского дивизиона 9-й моторизованной пехотной бригады (командир взвода — сублейтенант Эриберто Джандиното); группа из 9-й роты связи 9-й моторизованной пехотной бригады.

Мальвинский военный госпиталь, переведенный в Порт-Стэнли /Пуэрто Архентино из Комодоро-Ривадавии (начальник — майор медицинской службы Энрике Марио Себальес).

Силы поддержки морской пехоты: рота «Н» 3-го батальона морской пехоты «Альмиранте Элеасар Видела» (без 1-го взвода и части взвода тяжелого оружия, находившихся на острове Пеббл /Борбон); батарея «В» полевого артиллерийского батальона МП под командой лейтенанта фрегата Марио Рубена Абадаля (шесть 105-мм гаубиц OTO Melara); зенитный батальон МП (командир — капитан корвета Эктор Эсекиэль Сильва); амфибийная инженерная рота МП (командир — капитан корвета Луис Аристидес Менгини); пулеметная рота батальона коммандос МП (27 пулеметов калибра 12,7 мм, командир роты — лейтенант фрегата Серхио Андрес Дачари).

Подразделение Национальной жандармерии: эскадрон Специальных сил (начальник — команданте Хосе Рикардо Спадаро).

Наземные части ВВС на Мальвинах: команда управления и контроля из 1-й воздушной бригады; Группа специальных операций из 7-й воздушной бригады (командир — вице-коммодор Эстебан Луис Корреа); 2-я группа раннего обнаружения и наведения из 10-й воздушной бригады; 1-я эскадрилья (дивизион) зенитной артиллерии под командой майора Уго Альберто Майорано (3-я батарея первого лейтенанта Оскара Умберто Спата с военной авиабазы Мар-дель-Плата — 3 зенитных установки сдвоенных 35-мм пушек, 1-я батарея первого лейтенанта Альберто Эдуардо Дальвеса с военной авиабазы Рио-Гальегос — 9 сдвоенных 20-мм зенитных орудий «Рейнметалл», расчет пусковой установки зенитных ракет SAM 7 советского производства под командой первого лейтенанта Хайме Энрике Угарте); эскадрилья наземной охраны военной авиабазы «Мальвинас» (командир — капитан Альфредо Освальдо Риварола — до 4 мая, затем капитан Нельдо Педро Мена).

Всего в армейской группе «Пуэрто Архентино» насчитывалось около 8000 чел.

Армейская группа «Побережье» (Agrupacion Ejercito Litoral, на позициях вне района Порт-Стэнли, со штаб-квартирой в посе-

лении Гуз-Грин /Прадера дель Гансо): командующий — бригадный генерал Омар Эдгардо Парада, командир 3-й механизированной пехотной бригады из состава 2-го армейского корпуса; заместитель командующего — полковник Орасио Освальдо Чимено, начальник штаба 3-й механизированной пехотной бригады.

Войска на острове Восточный Фолкленд /Соледад:

Сектор «Пломо» (Plomo, «Свинец»). Оперативно-тактическая группа «Мерседес» (Fuerza de Tareas Mercedes) в районе поселений Дарвин и Гуз-Грин /Прадера дель Гансо: 12-й механизированный пехотный полк «Хенераль Хуан Антонио Альварес де Ареналес» (командир — подполковник Итало Анхель Пьяджи): штабная рота (командир –капитан Арнальдо Рауль Буомпадре), стрелковые роты «А» (командир –первый лейтенант Хорхе Антонио Манреса) и «С» (командир — первый лейтенант Рамон Хосе Дуасо-Фернандес); 3-й взвод стрелковой роты «С» 8-го пехотного полка «Хенераль Бернардо О'Хигинс» из 9-й моторизованной пехотной бригады, охранявший военную авибазу «Кондор» в Гуз-Грине (командир взвода — суб-лейтенант Гильермо Рикардо Алиага); стрелковая рота «С» 25-го пехотного полка из 9-й моторизованной пехотной бригады (вместо первого лейтенанта Карлоса Даниэля Эстебана, возглавлявшего с 15 мая боевую команду «Гуэмес» в Порт-Сан-Карлосе, ротой командовал лейтенант Роберто Нестор Эстевес); 3-й взвод батареи «В» 601-го дивизиона ПВО под командой суб-лейтенанта Клаудио Оскара Брагини (две зенитные установки спаренных 35-мм пушек «Эрликон»); группа саперов из 9-й инженерной роты; батарея зенитной артиллерии ВВС (шесть установок спаренных 20-мм зенитных орудий, командир — лейтенант Дарио Антонио дель Валле Валацца), отвечавшая за противовоздушную оборону военной авиабазы «Кондор» в Гуз-Грине. Из полевой артиллерии в распоряжении подполковника Пьяджи вначале имелась только одна безоткатная 105-мм гаубица «ОТО-Мелара», приданная роте «А» 12-го пехотного полка, и лишь 23 мая, через два дня после высадки британских войск в Сан-Карлосе, к ней добавились еще два таких же орудия, принадлежавших батарее «А» 4-го воздушно-десантного артиллерийского дивизиона 4-й воздушно-десантной пехотной бригады под командой первого лейтенанта Карлоса Альберто Чанампы. На военной авиабазе «Кондор» (начальник — вице-коммодор Вильсон Росьер Хосе Педросо) с 29 апреля базировалась Мальвинская аэромобильная эскадрилья майора Мигеля

Мануэля Наварро — 12 легких штурмовиков IA-58 «Пукара», которые еще 2 и 9 апреля перелетели на Фолкленды с авиабазы Пуэрто-Санта-Крус (все эти самолеты были из состава 3-й штурмовой авиагруппы, дислоцирующейся на авиабазе «Реконкиста» недалеко от города Санта-Фе — административного центра одноименной аргентинской провинции). После первомайского налета британских «Си Харриеров» на базу «Кондор» в Мальвинской эскадрилье «Пукар» осталось только девять боеготовых машин (4 и 9 мая шесть из них перебазировались на вспомогательный аэродром «Кальдерон» на острове Пеббл /Борбон, где в ночь на 15 мая их вывели из строя британские диверсанты). Помимо самолетов, на аэродроме у Гуз-Грина размещались вертолеты С-47 «Чинук» и Белл-212 из состава Мальвинской вертолетной эскадрильи, которой командовал майор Оскар Хосе Посе Ортис де Росас (количество машин в этом отряде постоянно менялось, так как они периодически перелетали с ВАБ «Кондор» на авиабазу «Мальвинас» в Порт-Стэнли, в Порт-Хауард или в другие места на Фолклендах).

Боевая команда «Гуэмес» (Equipo de Combate Güemes), переброшенная 15 мая на двух вертолетах «Чинук» из Гуз-Грина в Порт-Сан-Карлос (командир — первый лейтенант Карлос Даниэль Эстебан): отделение штабной роты, отделение роты обслуживания и взвод огневой поддержки 12-го механизированного пехотного полка «Хенераль Хуан Антонио Альварес де Ареналес» с двумя 81-мм минометами и одной 105-мм безоткатной гаубицей, которая 15 мая была придана боевой команде «Гуэмес» и, выдвинутая на полуостров Фаннинг-Хед, поставлена на одноименной высоте, господствующей над входом в залив Сан-Карлос-Уотер (расчет этой гаубицы насчитывал 4 чел., а весь взвод поддержки, которым командовал суб-лейтенант Хосе Альберто Васкес, — 20 чел.); 1-й взвод стрелковой роты «С» 25-го пехотного полка (командир взвода — суб-лейтенант Оскар Роберто Рейес). БК «Гюэмес» получила свое название в честь одного из героев Войны за независимость Аргентины, генерала Мартина Мигеля де Гюэмеса (1785–1821).

Боевая команда «Солари» (Equipo de Combate Solari) на горе Кент: стрелковая рота «В» 12-го механизированного пехотного полка «Хенераль Хуан Антонио Альварес де Ареналес» (командир БК «Солари» — офицер полкового штаба капитан Эдуардо Нестор Корсилья, командир роты «В» — первый лейтенант Игна-

сио Бенхамин Горрити) с одной 105-мм гаубицей и одним 81-мм минометом.

Оперативно-тактическая группа «Монте Касерос» (Fuerza de Tareas Monte Caseros) на горе Уолл и горе Челленджер: 4-й механизированный пехотный полк «Коронель Мануэль Фрага» (командир — подполковник Диего Алехандро Сориа) из 3-й механизированной пехотной бригады: штабная рота (командир — лейтенант Луис Оскар Гарсия), стрелковые роты «B» (командир — первый лейтенант Карлос Альберто Арройо) и «C» (командир — капитан Эдуардо Умберто Марпеган).

Войска на острове Пеббл /Борбон:

Военно-морская авиационная станция (вспомогательный аэродром) «Кальдерон»: наземную охрану станции обеспечивал 1-й взвод роты «H» 3-го батальона морской пехоты «Альмиранте Элеасар Видела» (командир — лейтенант корабля Рикардо Даниэль Марега), усиленный четырьмя 75-мм безоткатными орудиями и пулеметной группой из ротного взвода тяжелого оружия. На станции базировались четыре учебно-тренировочных самолета (легких штурмовика) T-34C-1 «Турбо Ментор» 4-й штурмовой эскадрильи 1-й эскадры военно-морской авиации (командующий — лейтенант корабля Хосе Мария Перейра-Досо, он же начальник военно-морской авиастанции «Кальдерон») и один легкий транспортный самолет «Скайвэн» военно-морской префектуры. 4 мая на аэродром «Кальдерон» перелетела с военной авиабазы «Кондор» группа из пяти легких штурмовиков IA-58 «Пукара», возглавляемая капитаном Рикардо Антонио Грюнертом, а 9 мая — еще один такой же штурмовик, за штурвалом которого сидел капитан Роберто Артуро Вила (в ночь на 15 мая эти шесть «Пукар» Мальвинской аэромобильной эскадрильи были уничтожены или повреждены британскими диверсантами из эскадрона «D» 22-го полка САС).

Войска на острове Западный Фолкленд /Гран-Мальвина:

Оперативно-тактическая группа «Япею» (Fuerza de Tareas Yapeyu, названная в честь аргентинского города Япею — места рождения генерала Хосе Франсиско де Сан-Мартина, национального героя Аргентины) в поселении Порт-Хауард: 5-й пехотный полк «Хенераль Феликс де Оласабаль» (командир — полковник Хуан Рамон Мабраганья); 3-я инженерная рота (командир — майор Хосе Луис Альварес); взвод 3-й санитарной роты 3-го батальона тылового обеспечения под командой майора медицинской

службы Луиса Хасинто Реале; отделение 3-й роты связи (все части и подразделения ОТГ «Япею» — из 3-й механизированной пехотной бригады 5-го армейского корпуса).

Сектор «Уранио» (Uranio, «Уран»). Оперативно-тактическая группа «Реконкиста» (Fuerza de Tareas Reconquista) в поселении Фокс-Бэй /Байя Сорро: 8-й пехотный полк «Хенераль Бернардо О'Хиггинс» из 9-й моторизованной пехотной бригады (командир — подполковник Эрнесто Алехандро Репосси); 9-я инженерная рота из 9-й моторизованной пехотной бригады (командир — майор Оскар Минорини-Лима).

Всего в армейской группе «Побережье» — около 2700 чел., из них около 1000 в Гуз-Грине и Дарвине (включая БК «Гуэмес» в Порт-Сан-Карлосе и БК «Солари» на горе Кент), около 800 в Порт-Хауарде и около 900 в Фокс-Бэй.

Штабы в Нортвуде и на «Фирлессе», занимавшиеся планированием операции, видели три очевидных варианта развертывания десантной высадки. Первое: вдвигаться в залив Стивели на Западном Фолкленде — самое осторожное действие, поскольку данное место находилось дальше всего от позиций аргентинцев. Второе: обеспечить ареал для высадки на Восточном Фолкленде — тоже в отдалении от противника: на самой ранней стадии предметом обсуждения служили Сан-Карлос и Блафф-Коув. Третье — и самое привлекательное — высадиться как можно ближе к главной цели, то есть к Стэнли. Поскольку от прямого штурма столицы отказались как от невероятно опасного варианта, ближайшим местом для высадки представлялся залив Беркли севернее. Солдаты отрицательно восприняли альтернативу в виде залива Стивели, поскольку в данном случае попирались основополагающие законы военного дела, гласившие о необходимости сосредоточения сил против главной цели — «все равно, что высадиться в Англси для наступления на Кардифф» [приблизительно то же самое, как собирать силы для наступления на Петербург в Одессе. — *Прим. пер.*], как ядовито подметил Томпсон. Залив Стивели остался на повестке дня в основном из-за одержимости Вудварда постройкой взлетно-посадочной полосы, позволявшей снять нагрузку с авианосцев, кроме того, по-прежнему сохранялась вероятность получить санкцию военного кабинета на высадку лишь на Западном Фолкленде. Сан-Карлос вызывал возражения почти по тем же причинам — он, как среди прочих указывал и начальник гене-

рального штаба, сэр Эдвин Брамалл, располагался очень далеко от Порт-Стэнли. В планирующих органах прекрасно осознавали насущную потребность в наибыстрейшем проведении кампании после приказа высадить десант. Погода и гигантские трудности в части тылового обеспечения грозили заметно ослабить бригаду коммандос, если операция растянется на многие недели.

Под жарким солнышком острова Вознесения штаб на «Фирлессе» колдовал над семью вариантами высадок в трех разных местах. Учитывая все сложности и стратегические дилеммы, значительно превышавшие нормальный в военном деле уровень, работа эта навалилась на штаб бригады воистину тяжким грузом. Каждый день Томпсон подолгу разговаривал по зашифрованной телефонной линии с Нортвудом. Разведка закончила оценки численности войск противника на островах и сошлась на более 10 000 чел. Становилось очевидным — британцам потребуется больше войск. Томпсону предстояло получить дополнительный батальон — 2-й парашютный, к тому же к отправке в поход готовилась 5-я пехотная бригада. Задача Томпсона состояла в осуществлении первых шагов — в высадке и захвате плацдарма там, где, по общему мнению, не стоит ожидать сухопутного вражеского противодействия. Затем к морским пехотинцам на береговом плацдарме присоединится 5-я бригада, и тогда генерал-майор Джереми Мур вступит в командование всем соединением уже дивизионного уровня. До тех пор пока не будет принято однозначное решение послать в бой десант, Мур счел нужным оставаться в Нортвуде. «Интрепид», сестринский корабль «Фирлесса», в спешном порядке возвращался в боевой строй и отправлялся на остров Вознесения, дабы повысить численность судов для высадки и послужить как дополнительный вертолетоносец. 12 000-тонные десантные корабли в прошлом подвергались критике за большие команды — по 600 чел. — и ограниченную способность брать на борт войска и перевозить их в течение длительных периодов. Однако британцы не располагали другими специализированными средствами для амфибийных штурмовых операций, имевшими бы огромные заполняемые водой доки, способные превращаться в плавучие бухты для десантных барж и малых катеров, а также целевого назначения десантные оперативные рубки и полетные палубы. Без таких кораблей вооруженная высадка на Фолклендских островах была в буквальном смысле немыслимой.

Ближе к концу апреля сделалось понятным: если военное руководство хочет осуществить высадку полнокровного и усиленного морского десанта, «временное окно» для отправки войск на берег придется сдвинуть. Новые сроки установили «в вилке» между 19 мая и 3 июня. Командование крайне перепугалось в отношении надежности поддержания секретности, когда на доске объявлений на борту «Фирлесса» среди прочих приказов вывесили и предполагаемые даты отправления корабля с острова Вознесения. Тотчас же на флоте ввели цензуру в отношении содержания писем. Между тем части 3-й бригады коммандос по очереди покидали «Канберру» и десантные корабли для тренировок с целью попрактиковаться и отработать детали высадки, а также поупражняться в стрельбе боевыми патронами. На самих судах шла гигантская по масштабам «перетасовка». Всевозможные предметы снабжения перебрасывались на борт вертолетами с перегруженного аэродрома, принимавшего теперь более трех сотен авиарейсов в день — и это по сравнению с обычными пятью в год. Огромное количество снаряжения и боеприпасов перераспределялось между кораблями в попытке провести инвентаризацию всего того, что в такой спешке загрузили в Англии, и ради наведения порядка, дабы отныне и впредь военное имущество «размещалось тактически», давая возможность забирать его после высадки без лишней сутолоки и неразберихи. Саймон Торнуилл и его пилоты очень беспокоились из-за необходимости постоянно совершать полеты, «съедавшие» вертолеты — понижавших ресурс их надежности, так необходимой для ведения боевых действий в ходе кампании. На данной стадии все планирование 3-й бригады коммандос основывалось на обеспечении способности батальонам передвигаться по Фолклендским островам «лягушачьими прыжками», то есть по воздуху. Позднее Томпсон признавал, что он и штаб серьезнейшим образом недооценили степень нагрузки на вертолеты в деле переброски жизненно важного снабжения и боеприпасов. Для транспортировки живой силы летательных аппаратов останется крайне мало. Комбриг просил Нортвуд прислать побольше вертолетов, побольше бронетехники, побольше пушек. Так или иначе нехватка вертолетов будет острейшим образом ощущаться на всем протяжении кампании.

Офицеры, ответственные за планы высадки морского десанта, день и ночь трудились в переполненных людьми тесных стальных пещерах «Фирлесса», отбрасывая все лишнее и выис-

кивая лучшие варианты. Майор Родерик Макдоналд, подтянутый, умный и наделенный воображением командир подразделения Королевских инженеров [речь идет о 59-м отдельном инженерном эскадроне коммандос, входившем в состав 3-й бригады коммандос КМП. — *Прим. ред.*], старался смоделировать схему аргентинской обороны, основываясь на методах, каковыми воспользовались бы на месте противника его бойцы, доведись им прикрывать те же позиции. Но в таком подходе крылись определенные слабости и ограничения.

«Почему нельзя высадиться там?» — с удивлением спросил офицера военно-морского штаба старший артиллерийский офицер, этакий выслужившийся из рядовых папочка по имени Майк Холройд-Смит, показывая на карту.

«Заминировано», — коротко ответил тот.

«Откуда нам это известно?» — поинтересовался Холройд-Смит.

«Ну... просто если бы мы защищали эту позицию, то поставили бы тут мины», — объяснил моряк.

«Если исходить из этого, — заметил артиллерист, — тут должно быть заминировано все вокруг».

Сколько-нибудь точные разведданные с островов по-прежнему текли тоненькой струйкой, не в последнюю очередь потому, что группы САС и СБС на берегу — иногда по двенадцать дней подряд сидевшие без пополнения снабжения или вовсе без контакта с кораблями — не располагали мощностями для «импульсных передач», позволявших бы передавать длинные сообщения в эфире за какие-то считаные секунды. На Фолклендских островах британским командам приходилось ограничиваться короткими выходами на связь и пользоваться ключом, дабы избежать риска обнаружения аргентинцами с их превосходной современной аппаратурой перехвата. Случались и перебои со связью. Парни Томпсона изрядно рассердились, открыв однажды факт создания КВВС сверхсекретной разведывательной ячейки на острове Вознесения, которая не передавала полученные данные никому, резервируя информацию только для экипажей «Вулканов». Один из примеров проявления старой как мир проблемы «местничества» родов войск.

Примечательно и то, как мало планирующие органы морского десанта знали о замыслах Нортвуда или о деятельности ударной группы. «Думаю, у Джулиана темно и нерадостно на

душе, — писал в дневнике офицер морской пехоты. — Пусть нам скажут что-то одно. Допустим: «Вперед, выполнить задачу» или «Собирайтесь по домам». Офицеры десанта отчаянно жаждали четких инструкций. Но откуда им было взяться в условиях, когда ситуация находилась в политическом и дипломатическом тупике? 22 апреля на острове Вознесения произошел незапланированный «шухер», когда Томпсона неожиданно спросили, сможет ли бригада приготовиться к отплытию в течение шести часов или, если нет, хотя бы к следующему утру. Все мероприятия по подготовке тут же свернули, начали в спешке собирать личный состав с берега, готовить корабли к выступлению. В ту же ночь, опять без всяких объяснений, тревогу отменили. По всей видимости, Лондон замышлял использовать, но потом отложил в сторону новый инструмент для усиления дипломатического давления. «Шухер» возымел некий побочный эффект со значительными последствиями в будущем: пришлось отказаться от испытания установок ракет «Рэйпир» класса «земля-воздух». Все необходимые подстройки и исправления пришлось делать потом, после высадки на Фолклендских островах. И все же командование десантников и сам адмирал Вудвард с этаким просто-таки мистическим образом свято верили в способность ЗРК «Рэйпир» послужить надежным щитом перед лицом налетов вражеской авиации в первые несколько часов после высадки на сушу.

В условиях монотонных буден на якорной стоянке у острова Вознесения службу скрашивали звучавшие иногда ложные тревоги. 25 апреля «шухер» подняли из-за вероятности присутствия в данном ареале неприятельской подлодки. С тех пор каждую ночь основные части оперативного соединения выходили в море и часами в темноте кружили вокруг острова. Также поспешно по тревоге отправили фрегат для преследования аргентинского торгового судна, маячившего поблизости в районе дислокации флота. Какое-то время ввиду берегов острова крутился русский разведывательный корабль, и целые процессии советских самолетов наблюдения летали туда и сюда над британскими кораблями, каковой момент вызывал серьезные опасения в отношении передачи данных Буэнос-Айресу, хотя после войны аргентинские офицеры всех рангов упорно отрицали получение какой-то информации из Москвы. 27 и 28 апреля 45-му отряду коммандос пришлось в буквальном смысле изрядно попотеть на жаре, целых двое суток карабкаясь по лишенным растительности ска-

лам в попытках выловить партию вражеских диверсантов, как доносили, высадившихся на острове. Опасность какого-то саботажа на острове Вознесения неизменно оставалась источником беспокойства для британцев. Примерно в то же время, но в другом важном для морских операций британцев месте, на Гибралтарской скале, жизнь разнообразили сходные сообщения.

На кораблях у острова Вознесения дни проходили в постоянных физических упражнениях, занятиях по стрельбе из ручного огнестрельного оружия, проверках снаряжения, слушании лекций и ознакомлении с видеоматериалами о Фолклендских островах и живущих там людях, а в свободное время — в приеме солнечных ванн вокруг бассейнов и просмотрах кровавых боевиков. «Канберра», несомненно, была куда комфортабельнее, чем любой войсковой транспорт, но на четвертую неделю плавания и она превратилась в унылую тюрьму. По судну во множестве циркулировали слухи. В каждом уголке корабля эхом отдавались лязг затворных механизмов и громкие выкрики команд, топот ног на палубах и трапах. Основная вещательная система внутри судна разносила всюду металлический, с упорством робота повторяющий одни и те же слова голос: «Команду к вертолетам! Команду к вертолетам! Отставить травить за борт баланду!» Положенное круизному лайнеру оборудование, предназначенное для обеспечения комфорта и развлечений, с судна по большей части сняли перед выходом в море из Саутгемптона. Каждый час живые и бодрые звуки «Лиллибуллеро» доносились из-под сотен дверей кают, возвещая о начале выхода в эфир выпуска последнего информационного бюллетеня «Всемирной службы», сообщавшего о спотыкающемся процессе дипломатии и о деятельности ударной группы. Все это, казалось, происходило на другой планете. Штаб бригады вряд ли сильнее полюбил адмирала Вудварда, когда в процессе борьбы за выбор места для высадки получил довольное резкое сообщение. «Площадь Фолклендских островов всего 4500 квадратных миль [12173 кв. км. — *Прим. ред.*] и там только 10000 аргентинцев, то есть примерно по два на квадратную милю, — нетерпеливо вещали с «Гермеса». — Какие еще трудности?»

Трудность, или проблема Томпсона, обдумывая которую он сломал себе всю голову, состояла в том, что он — всего лишь бригадир — нес ответственность за действия, важные для Британии настолько, что она в тот момент возлагала на них все свои надеж-

ды. Провал обещал стать абсолютным. Второго шанса никто не даст. Между тем вера комбрига в отношении умения Королевских ВМС руководить операцией и принимать решения все уменьшалась. Уже в первые дни мая становилось очевидным, что ударной группе на юге не удалось покончить с вражеской угрозой с воздуха. Ни на одном этапе кампании никто официально не объявлял Томпсону, что обещание ВМС достигнуть господства в небе выполнено не будет. Но он со своим штабом, раз за разом мрачнея от новостей, осознавал истинное положение дел. «Если бы кто-нибудь должным образом оценил масштабы угрозы с воздуха, сомневаюсь, что наверху вообще дали бы старт всему предприятию», — высказывался позднее один офицер из окружения комбрига. К 7 мая Нортвуд уже с нетерпением ждал отправки десанта в поход с острова Вознесения. Пять относительно тихоходных снабженческих кораблей вышли в море 30 апреля. Томпсон настоятельно требовал времени для обучения только прибывшего на пароме «Норланд» 2-го батальона Парашютного полка высадкам из десантных катеров. Он получил несколько дополнительных часов. 8 мая в Чекерсе военный кабинет отдал приказ десантной группе отправляться на юг с острова Вознесения. В 10 часов вечера они отправились в плавание, взяв курс на Южную Атлантику. До окончательного распоряжения подготовиться к десантированию на сушу оставалось более десяти суток. Однако с того самого момента, когда корабли оставили позади остров Вознесения, мало кто на борту сомневался, придется или нет морской пехоте высаживаться на берег.

Первостатейным участком высадки выступала северная оконечность залива Беркли, выше Порт-Стэнли. Некоторые из командиров подразделений мало радовались данному обстоятельству: план десантирования казался сложным, базирующимся основополагающим образом на способности обеспечить высоты над якорной стоянкой с помощью переброс сил вертолетами. Если какой-то неожиданный момент нарушит распланированное течение действий, — более всего, если погода не позволит подниматься в воздух, — аргентинцы получат шанс захватить горы и легко развернуть внушительную контратаку с их расположенной рядом базы. Некоторые офицеры как будто бы пришли к убеждению о приемлемости риска, поскольку считали аргентинцев слишком некомпетентными в подобного рода вопросах и неспособными быстро выдвинуться против британ-

цев. Если бы схема высадки в заливе Беркли сработала, бригада коммандос очутилась бы в одном шаге от Порт-Стэнли, что сулило завершение войны в течение недели. Все данные, поступавшие от команд САС о состоянии дел у противника и о его поведении, единодушно говорили: «Стоит только поднажать, как они дрогнут». Те же самые доводы приводились и в поддержку замысла высадиться дальше на севере, в ареале Кау-Бэй — Волонтир-Бэй, для какого случая штабы также провели детальное планирование.

Штаб морского десанта потратил немало часов на обсуждение плюсов высадки в заливе Сан-Карлос, ближе к западу, на противоположной стороне острова. Длинная узкая бухта словно бы двумя пальцами уходила вглубь суши. У кончика одного находилось небольшое селение Порт-Сан-Карлос. У второго — поселок Сан-Карлос, а на другой стороне, в селении Эйджэкс-Бэй [Эйджэкс — английское произношение имени Аякс, носимого одним из героев «Илиады» и служившего с 1767 до 1988 г. наименованием для восьми разных кораблей британского военно-морского флота; небольшое поселение Эйджэкс-Бэй (Ajax Bay), лежащее на западном берегу залива Сан-Карлос-Уотер, ранее называлось Порт-Албемарл (в испанском варианте — Пуэрто-Санта-Эуфемия) и было переименовано в 1950 г., получив новое название в честь легкого крейсера Королевских ВМС «Эйджэкс» (HMS Ajax), который в начале Второй мировой войны останавливался на Фолклендах и 13 декабря 1939 г. вместе с двумя другими легкими крейсерами (британским «Эксетером» и новозеландским «Акиллесом») сражался в эстуарии Ла-Платы против немецкого тяжелого крейсера «Адмирал граф Шпее». — *Прим. ред.*], располагался заброшенный комбинат по замораживанию овечьих туш. Против Сан-Карлоса говорила его удаленность от Порт-Стэнли, к тому же близко оказывался сильный вражеский гарнизон, дислоцированный в 13 милях (20,9 км) к югу, в поселках Дарвин и Гуз-Грин. Да и берега не назовешь идеальными для высадки большого количества людей и имущества. Кроме того, существовала опасность, что, коль скоро залив вполне очевидно годился как возможная точка для десантирования, аргентинцы заминировали подходы с моря. К тому же поблизости имелись высоты, откуда неприятель — расположись он там — мог бы простреливать британские позиции губительным огнем.

Однако решающим послужило обстоятельство получения защищенной якорной стоянки, максимально удаленной от расположения аргентинской артиллерии. В военно-морском штабе крайне беспокоились, поскольку разведка доносила о вероятном факте минирования противником залива Беркли и, вероятно, так же и залива Кау-Бэй. На всем протяжении последней недели апреля и первой — мая планировщики на «Фирлесс» постоянно сносились с Нортвудом, докладывая о своих разработках. В Британии же к концу апреля мнения начальников штабов сошлись на Сан-Карлосе, как, пожалуй, на самом верном варианте. Армия приняла доводы Королевских ВМС. Однако, стараясь, вероятно, не мешать развитию штабной мысли на «Фирлессе», выводы эти предпочли не доводить до сведения Томпсона и Клэппа и дать им составить свое мнение. 8 мая Клэпп наконец послал сообщение в Нортвуд, попросив подтверждения относительно признания верности замысла руководства морского десанта и закономерности выбора Сан-Карлоса, поскольку становилось крайне важным «определиться» в моментах оперативного планирования. Нортвуд немедленно выразил согласие. Пусть будет залив Сан-Карлос-Уотер на противоположном берегу Восточного Фолкленда, удаленный от Порт-Стэнли на 50 миль (80 км).

От СБС поступали донесения о полном отсутствии противника вокруг Сан-Карлоса. Время от времени туда заглядывали дозоры, а на высоте Фаннинг-Хед, у входа в залив Сан-Карлос-Уотер, располагался аргентинский аванпост, просматривавший окрестности [высоту Фаннинг-Хед, находившуюся на одноименном полуострове, называют также высотой 234. — *Прим. ред.*]. Следовало «ликвидировать» позицию до наступления часа «Ч». Бойцы СБС не обнаружили признаков минных полей на берегу, как не отмечали никаких попыток ставить минные заграждения на море. Те самые высоты, угрожавшие кораблям при входе на якорную стоянку, обещали послужить великолепной защитой, когда суда оказались бы на месте. Перелетев через гребень гряды, экипажам вражеских самолетов пришлось бы в считаные доли секунды выбирать цель и готовиться к ее поражению. Пусковые установки зенитных ракет «Рэпир» можно было бы поставить на пиках возвышенностей — так, как указывали компьютеры главного в Британии научного ведомства по вопросам РЛС в Малверне. К тому же выгоды узкого, похожего на норвеж-

ский фьорд залива Сан-Карлос-Уотер состояли в том, что он представлял крайние трудности для проникновения вражеских субмарин и не позволял противнику применять ракеты «Экзосет». Как во время войны, так и после нее в военных кругах Британии существовало немало людей, убежденных в целесообразности для десанта избрать более смелый подход и развернуть штурм вражеских позиций вокруг Порт-Стэнли. Но куда девать основополагающую доминанту политики в той войне? Решающим моментом выступали потери — их сведение к минимуму. Только так окончательная победа выглядела достойной того, чтобы стремиться к ней. Оглядываясь на прошлое, можно сделать вывод: выбор залива Сан-Карлос-Уотер на роль места высадки десанта превосходным образом оправдался. Адмирал Филдхауз, коммодор Клэпп, бригадир Томпсон и его штаб — в особенности Юэн Саутби-Тейлур — самым неоценимым образом поспособствовали делу достижения победы своими разумными оценками и проницательными решениями.

Военный кабинет уже проинформировали о планах высадки. 27 апреля официальное представление стратегии десанта в Сан-Карлосе сделали на Даунинг-стрит Мур и Филдхауз. Для наглядности военные использовали карты. Объяснили причины отношения Королевской морской пехоты к варианту с заливом Беркли, как и основания отказаться от него в пользу Сан-Карлоса. Министры интересовались вещами, называемыми начальниками штабов родов войск «очевидными вопросами», то есть спрашивали о расстоянии до цели, о прикрытии с воздуха и в особенности об опасности отправки «Канберры». На все был готов четкий и исчерпывающий ответ. Единственной лакуной в совещании, о чем позднее вспомнили, оказался никак не обсуждавшийся момент: а что будут делать войска после того, как окажутся на твердой земле? На данной стадии войны на море оставались надежды выиграть ее до наступления дня высадки в Сан-Карлосе. Операция «Саттон» заключалась в организации переброски сухопутных сил на берег. В итоге «сошлись на мысли о том, что войска просто пойдут вперед и победят». По заявлениям членов военного кабинета, выступление военных на совещании произвело на них глубокое и всестороннее впечатление. Премьер-министр так расчувствовалась, что лично поздравила Левина: «Ваши парни здорово поработали над этим с прошлого раза, как я посмотрю».

* * *

10 мая вертолеты отвезли командиров частей 3-й бригады коммандос с войсковых транспортных судов на «Фирлесс» для участия во встрече командирской группы. Около шестидесяти офицеров военно-морских сил, армии и Королевской морской пехоты собрались в кают-компании послушать рассказ Томпсона о предстоящем. Место выбрали — Сан-Карлос. Сроки пока оставались открытыми. Комбриг подчеркнул, что решение в отношении всего предприятия — «да» или «нет» — по-прежнему остается за военным кабинетом. Однако они здесь, на местах, до тех пор пока не поступят точные установки, будут настраиваться на день «Д» в какую-то дату после 19 мая. Первыми вместе с 40-м и 45-м отрядами коммандос высадятся два парашютных батальона, тогда как 42-й отряд коммандос останется в резерве на борту «Канберры». У некоторых участников встречи брови поднялись от удивления — «Канберра» пойдет с ними к самому берегу?! Вместе с тем гигантский корабль нес на борту множество важного военного имущества, а кроме того, его пребывание в заливе Сан-Карлос-Уотер считалось более безопасным, нежели на открытом рейде. Огромная вера в возможности зенитных ракетных комплексов «Рэйпир» и в способность ВМС защитить корабли на якорной стоянке пока не поколебалась. К тому же не представлялось реальным перебросить бригаду с палубы на палубу — передислоцировать ее на десантные корабли — до самого последнего времени перед высадкой из-за ужасной тесноты на них. Кроме того, как подсчитали в штабе, если даже случится худшее и «Канберра» пойдет ко дну в заливе Сан-Карлос-Уотер, она не затонет, а просто «сядет на пузо» в мелкой заводи, и верхние палубы окажутся над поверхностью воды. Потери в живой силе будут ограниченными.

Задача судов морского десанта и их команд состояла в обеспечении высадки бригады. После того, в соответствии с указаниями из Нортвуда, сухопутным частям разрешалось выдвигаться с берегового плацдарма только «настолько, насколько будет безопасно, разумно и целесообразно», а пока ожидать подхода 5-й пехотной бригады. Отправка той из Саутгемптона на борту лайнера «QE2» намечалась на 12 мая.

На протяжении недель до штурма не стихали громкие дебаты относительного того, насколько напористо должны действовать британские войска специального назначения на берегу. Под-

полковник Майкл Роуз, великолепный и прямодушный офицер, возглавлявший силы 22-го полка САС, фонтанировал идеями, точно этакая стратегическая ЭВМ для обработки текста. Сорокадвухлетний обладатель диплома Оксфорда по философии, политике и экономике, пасынок романиста Джона Мастерса, немного «ястребиный» во внешности — вполне сгодившийся бы на роли крепких парней в Голливуде — таким был этот командир спецназа. Офицер Колдстримского гвардейского полка, послуживший в рядах САС во множестве точек мира, Роуз тигриной походкой следовал по совещательным помещениям «Фирлесса», заостряя внимание на каждом интересующем его моменте и нередко комментируя аспекты планирования. Как и коллегу из СБС, этого солдата страшно угнетала необходимость обретаться в каюте надстройки корабля управления, когда его бойцы действуют в составе ударной группы, с «Гермеса» и с разных фрегатов. Однако превосходная спутниковая связь САС позволяла ему поддерживать ежедневный контакт как с эскадронами, так и с базой в Британии. В один момент в штабах обсуждалась возможность отправки переодетых солдат САС в Порт-Стэнли, как можно представить, для нападения на неприятельскую штаб-квартиру. Однако риск позорного фиаско, похоже, пересиливал искусы потенциальных военных приобретений. САС, как могли, старательно собирали информацию о происходившем на высотах вокруг города.

* * *

Существовала сильнейшая обеспокоенность по поводу угрозы со стороны аргентинских самолетов-штурмовиков, особенно в момент десантирования британцев на сушу и создания берегового плацдарма. По сложившемуся мнению, значительное количество самолетов базировалось в районе взлетно-посадочной полосы на острове Пеббл, на севере Западного Фолкленда. В ночь 11 мая команда эскадрона «D» САС из восьми человек с лодками-каноэ высадилась на Западном Фолкленде с оснащенного ПППВ вертолета [эта была группа из состава 17-го (лодочного) взвода капитана Тимоти Уильяма Бёрлза. — *Прим. ред.*]. Следующий день они провели в засаде, поджидая темноты. Но с ее приходом погода испортилась настолько, что воспользоваться каноэ не представлялось возможным. Пришлось ждать еще сутки. Затем

диверсанты неслышно пересекли узкую протоку и пробрались на лодках к острову Пеббл. На следующий день они вновь затаились, высматривая передвижения аргентинцев вокруг поселения и на аэродроме с близкой, но тщательно замаскированной позиции. Наблюдения подтвердили факт присутствия гарнизона по крайней мере из сотни человек и существенного числа вражеских летательных аппаратов [на авиастанции «Кальдерон» располагалось 18 чел. личного состава аргентинской военно-морской авиации (в том числе 6 офицеров-пилотов 1-й штурмовой эскадрильи) и 89 военнослужащих морской пехоты (усиленный 1-й взвод 3-го батальона МП), а вместе с персоналом ВВС и военно-морской префектуры на острове Пеббл могло находиться до 150 аргентинцев. — *Прим. ред.*].

Ночью 14 мая команда наметила район высадки десанта [место высадки (Филлипс-Коув), выбранное капитаном Тимоти Бёрлзом и его разведчиками из лодочного взвода, находилось на расстоянии 6 км от аргентинского вспомогательного аэродрома (морской авиастанции) «Кальдерон». — *Прим. ред.*] и вывела на него два вертолета «Си Кинг» с «Гермеса» с сорока пятью бойцами эскадрона «D» под началом майора Седрика Делвза, а также команду передовых наблюдателей-корректировщиков огня военно-морских сил капитана Криса Брауна из 148-й батареи 29-го артиллерийского полка коммандос [непосредственное руководство штурмовым отрядом САС, задействованным в специальной операции «Прелим» (Prelim, «Вступительный экзамен»), то есть в диверсионном рейде на остров Пеббл, осуществлял командир 19-го (горного) взвода капитан Гейвин Джон Хэмилтон, которому также подчинялись 16-й (мобильный) и 18-й (воздушный) взводы эскадрона «D»; в качестве средства огневой поддержки рейдовая команда Хэмилтона взяла с собой один 81-мм миномет (по две мины к нему нес при себе каждый боец отряда); спецназовцы были вооружены американскими штурмовыми винтовками M16 калибра 5,56 мм и подствольными гранатометами M203 калибра 40-мм, у многих из них, кроме того, имелись 66-мм легкие противотанковые гранатометы M72, а двадцать военнослужащих горного взвода, помимо личного оружия и боеприпасов, несли с собой заряды со взрывчаткой. — *Прим. ред.*]. В предшествующие годы морская огневая поддержка все в большей степени рассматривалась как нечто излишнее. К моменту начала Фолклендской кампании 148-й батарее, обреченной на расфор-

мирование указом Министерства обороны, оставалось жить всего три месяца. А теперь мастерство личного состава стало вдруг этаким ключом к успеху всех действий. Передовыми наблюдателями служили исключительно подготовленные как коммандос офицеры войск специального назначения. Крис Браун уже пережил высадку на Южной Георгии и эпизод с вынужденной посадкой его вертолета на Восточном Фолкленде после обмена огнем с неприятельским боевым кораблем. В ту ночь 14 мая, за считаные минуты до прибытия на остров Неббл вместе с эскадроном «D», он спокойно вызывал на аргентинские позиции огонь поддерживавших операцию фрегатов ВМС [в действительности огневую поддержку участникам рейда оказывал один только эсминец «Гламорган», в то время как фрегат «Бродсуорд» использовался в качестве эскортного корабля при авианосце «Гермес», маневрировавшем в пределах 60-километровой зоны от побережья острова Неббл. — *Прим. ред.*].

Диверсанты высадились с опозданием из-за беспощадного ветра и отказались от плана осуществления контакта одного взвода с гражданскими лицами в селении [в ночь на 15 мая (в 00.45) отряд капитана Хэмилтона высадился на площадке у Филлипс-Коув с двух транспортно-десантных «Си Кингов» 846-й эскадрильи ВМА, после чего горный и воздушный взводы эскадрона «D» выдвинулись к аргентинскому аэродрому, ведомые разведчиками из лодочного взвода (мобильный взвод был оставлен в резерве). — *Прим. ред.*]. Вместо того бойцы заняли подходы на случай необходимости противодействовать аргентинской контратаке, тогда как оставшиеся спецназовцы начали быстро передвигаться среди вражеских самолетов, устанавливая на них подрывные заряды. [В нападении на аргентинский аэродром, начавшемся в 2.15, участвовал только горный взвод САС, тогда как воздушный взвод прикрывал эту атаку, а эсминец «Гламорган» обстреливал западную оконечность взлетной полосы из двух своих 4,5-дюймовых пушек (этот артогонь в сторону возможной контратаки аргентинцев направлял капитан Крис Браун, начальник 5-й команды передовых наблюдателей-корректировщиков огня военно-морских сил из 148-й батареи Королевской артиллерии). К иллюминации, произведенной огнем эсминца, присоединились разрывы мин, выпускаемых единственным британским минометом. Из-за нехватки времени атакующие бойцы горного взвода сначала дырявили самолеты очередями из пулеметов,

выстрелами из винтовок M16, подствольников M203 и 66-мм гранатометов, но когда поняли, что аргентинцы отвечают вяло и без какого-либо эффекта, стали устанавливать на самолеты заряды взрывчатки. Все нападение продолжалось 15 минут, а еще через четверть часа, в 2.45, все взводы САС, составлявшие отряд капитана Г. Дж. Хэмилтона, соединились в месте сбора и, забрав с собой миномет, двинулись к Филлипс-Коув настолько быстро, насколько могли идти двое раненых бойцов. Добравшись к 5.30 утра до посадочной площадки, они погрузились на вертолеты и с рассветом вернулись на авианосец «Гермес». — *Прим. ред.*] Аргентинцы, расположившиеся на покатом склоне холма среди навесов для стрижки овец не более чем в километре от аэродрома, отреагировали, когда британцы уже приступили к отходу. Диверсанты двигались в направлении «Си Кингов» под грохот детонирующей взрывчатки и вражеских боеприпасов, когда аргентинцы применили дистанционно управляемое оружие. Раздавшийся рядом взрыв осыпал всю партию комьями земли и легко ранил двух бойцов [по другим данным, одному из британцев, капралу Дэйви, попала в ступню шрапнель, разлетевшаяся при взрыве аргентинских боеприпасов, складированных на аэродроме, а второй, капрал Банкер, был легко ранен при дистанционном подрыве заряда, заранее заложенного аргентинцами вдоль центрального отрезка взлетной полосы (этот заряд приказал подорвать лейтенант корабля Рикардо Д. Марега, возглавлявший наземную охрану морской авиастанции «Кальдерон». — *Прим. ред.*]. Не слишком решительная контратака противника быстро захлебнулась, как только британцы застрелили возглавлявшего ее офицера [аргентинские источники не подтверждают факт гибели или ранения какого-либо из своих офицеров. — *Прим. ред.*]. Команда добралась до кораблей, полностью уничтожив одиннадцать аргентинских самолетов, не потеряв убитыми никого, и ушла на 29 узлах в девятибалльный шторм. [В ночь на 15 мая на аэродроме «Кальдерон» были полностью уничтожены пять летательных аппаратов — два легких штурмовика IA-58 «Пукара» из Мальвинской аэромобильной эскадрильи 3-й штурмовой авиагруппы ВВС Аргентины (бортовые номера A-502 и A-520), два учебно-боевых самолета T-34C-1 «Турбо Ментор» 4-й штурмовой эскадрильи 1-й эскадры ВМА (бортовые номера 1-A-401 и 1-A-408) и один легкий транспортный самолет «Скайвэн» военно-морской префектуры (бортовой номер PA-50). Повреждения

разной степени тяжести получили шесть летательных аппаратов — четыре «Пукары» (бортовые номера А-523, А-529, А-552 и А-556) и два «Ментора» (бортовые номера 1-А-411 и 1-А-412). Следует отметить, что все выведенные из строя самолеты тоже оказались безвозвратно потерянными, поскольку аргентинцам не удалось их эвакуировать и отремонтировать. После рейда британских диверсантов на остров Пеббл в Мальвинской аэромобильной эскадрилье майора Наварро остались только три исправных штурмовика «Пукара», однако уже 15 мая она получила пополнение в виде звена с позывным «Покер», перелетевшего на Фолкленды с авиабазы Пуэрто-Санта-Крус (это звено из четырех «Пукар» возглавлял вице-коммодор Саул Эдгардо Коста); в итоге на авиабазе «Кондор» вблизи поселка Гуз-Грин были размещены семь легких штурмовых самолетов, шесть из которых к 21 мая находились в боеготовом состоянии. — *Прим. ред.*] Так состоялась классическая операция САС, или, по словам одного из офицеров, «операция, шанс проделать которую нам не представлялся со Второй мировой». Вследствие рейда на остров Пеббл боевой дух десанта значительно поднялся — успех стал свидетельством того, на что способна небольшая группа отлично тренированных британцев в действиях против куда больших по численности сил аргентинцев.

* * *

13 мая, в ходе совещания на борту «Фирлесса» в 900 милях (1667 км) от Порт-Стэнли, Джулиан Томпсон отдал командирам последние приказы по «Саттон» — «операции, связанной с возвращением Фолклендских островов...». Британские офицеры исполнились волнения и ожидания, испытывая по большей части такие же нетерпение и желание действия, как и их солдаты. «Мне страшно повезло, — писал в дневнике командир 45-го отряда коммандос подполковник Эндрю Уайтхед. — Ничего подобного никто не затевал со времени Суэца...» Британцев по-прежнему очень беспокоила угроза с воздуха. Подполковник Хью Пайк, командир 3-го батальона Парашютного полка, писал: «Основная забота в настоящее время — уязвимость флота перед налетами авиации, и всем, как я полагаю, станет много легче, когда неделя закончится». Но никто не сомневался — «3-я бригада коммандос прорубит окно». Уайтхед отмечал: «Никто не видел

более увлеченных, рвущихся в бой и мотивированных людей». В кинозале на «Канберре» заполнившая его аудитория из взволнованных молодых парней, рассевшихся на стульях, устроившихся в проходах и столпившихся у входов и между рядами, жадно внимала рассказам офицеров разведки, обрисовывавших известные диспозиции противника на Фолклендских островах и показывавших изображения ставших уже хорошо знакомыми летательных аппаратов, танков и орудий.

Толстый налет сентиментальности покрывал многие аспекты жизни военных. При отходе на юг морские десантники испытывали искреннее смятение, слушая, как оркестр коммандос играет сбор на полетной палубе «Канберры» или как гремит «Правь, Британия!», да не раз и не два, а регулярно по вечерам, или как на борту грузового судна «Элю» исполняют торжественную увертюру «1812 год» [оркестровое произведение русского композитора П.И. Чайковского. — *Прим. ред.*] в сопровождении зениток «Бофорс», выполняя задумку любившего шутку капитана корабля. Бойцам крайне импонировала — тешила их гордость — возможность принять участие в последней, сумасбродной, нелепой имперской авантюре. Какие бы речи ни толкали дипломаты в Лондоне и Нью-Йорке, в бригаде теперь больше не сомневались — приказ на десантирование обязательно поступит. Они быстро сбросили наросшую было на них за пять недель в море шкуру скуки и неизбывной рутины. Парни с огромным сосредоточением трудились над приготовлением военного снаряжения, покрывали камуфляжем каски, стягивали металлические каркасы выкладки, паковали запасы шоколада — любимого «орешка».

15 мая гражданских лиц на борту корабля, в том числе корреспондентов прессы, несколько отрезвили, официально зачитав им правила действительной военной службы, в соответствии с которыми они тоже обязывались подчиняться законам армейской дисциплины. Через огромные окна «Канберры» — безжалостно затемняемые по вечерам и ночам с момента оставления судном рейда у острова Вознесения — морские пехотинцы с ностальгией взирали на необычайную панораму, словно бы с помощью машины времени бросая взгляд на реалии «Жестокого моря» [«Жестокое море» (The Cruel Sea) — британский художественный фильм о Второй мировой войне, показывающий борьбу Королевских ВМС с немецкими подводными лодками во время «Битвы за Атлантику» (он был снят в 1953 г. на Илингской сту-

дии режиссером Чарлзом Френдом). — *Прим. ред.*]. Суда десанта зигзагами резали поверхность моря, уходя за горизонт, а силуэты фрегатов сопровождения едва просматривались через стену дождя. Даже большие десантные корабли здорово раскачивались в штормовом открытом море, но десант давно уже привык к качке, потому страдавших от морской болезни находилось немного. Прогулочные палубы «Канберры», по которым на протяжении пяти недель командиры безжалостно гоняли отделения, заставляя ежедневно пробегать по пять — десять миль (по 8–16 км), теперь до блеска драили тугие струи дождя. Неуклюжие десантные корабли, нагруженные техникой, орудиями и прочим военным имуществом, тяжело вздымались на гребнях и рушились с них вниз, точно усталые вагонетки «русских горок». Сверху на надстройках каждого судна, прячась за щитками и переборками, несли боевую вахту подле «Бофорсов», «Эрликонов», пулеметов и ПУ ракет «Блоупайп» облаченные в теплую одежду, капюшоны и огнезащитные накидки расчеты зенитчиков. Зачастую в великие моменты истории участвующие в них люди осознают лишь значимость событий, свидетелями которых стали непосредственно. Сотни солдат на кораблях в Южной Атлантике, начиная от адмирала и заканчивая рядовым матросом, брались вести дневники. С момента отправки с острова Вознесения они осознавали факт своего участия в одном из величайших драматических действ британской послевоенной истории. Некоторые в глубине души затаили страх перед предстоящим событием. Однако они являлись составляющей профессионального войска — возможно, наилучшим образом тренированного и экипированного из всех, которые только отправляла в поход Британия со времен последней большой войны. Им выдали самое дорогое и качественное из предлагаемого за деньги арктическое обмундирование и спальные мешки, состав пайков рассчитывали ученые с учетом фактора экстремальных условий предстоящих жизни и деятельности, оружие прошло сотни проверок, а подразделения стали единым целым за многие годы совместной службы. Нет ничего удивительного в таком подъеме настроений и в том рвении, которые испытывали солдаты и офицеры, получившие наконец шанс испытать себя, — проверить свои силы и доказать основательность их убежденности в собственной способности разгромить противника.

«Удачи и да пребудет с вами Господь», — заключил подполковник Малком Хант последний инструктаж шести сотен моло-

дых людей из 40-го отряда коммандос, собравшихся нестройною толпою в главном салоне «Канберры». В утро последнего воскресенья перед высадкой, посреди церковной службы в зале кинотеатра в громкоговорителях зазвучало: «Воздух! Желтая тревога! Расчеты ПВО по местам!» Через несколько секунд с мостика сообщили о вражеской активности в небе над ударной группой, дальнейшие подробности — по ходу дела. Собравшиеся продолжили распевать «За тех, кому грозит опасность в море». Было просто невозможно не исполниться глубоких трогательных чувств в такой момент.

* * *

18 мая командование морского десанта связалось с «Гермесом». В обмене сообщениями никто из ВМС не сказал ни слова по поводу разочарований из-за неудачи в связи с невозможностью одержать победу в воздухе. Бригадира Томпсона уведомили относительно уверенности Вудварда в способности кораблей обеспечить местное превосходство в воздухе над береговым плацдармом. «Харриеры» будут нести постоянное боевое патрулирование в небе на всем протяжении светлого времени суток.

В тот день британская авиация в районе получила так остро необходимое ей подкрепление: контейнеровоз «Атлантик Конвейор» доставил из Британии пополнение в количестве двенадцати «Харриеров». Теперь те перелетали на палубы авианосцев. Четыре из них являлись самолетами «Харриер» GR.3 из 1-й эскадрильи КВВС, а остальные — «Си Харриерами» из наскоро сформированной 809-й военно-морской эскадрильи. [В действительности на контейнеровозе «Атлантик Конвейор» были доставлены с острова Вознесения не двенадцать, а четырнадцать самолетов — шесть истребителей-бомбардировщиков «Харриер» GR.3 (бортовые номера XV789, XZ963, XZ972, XZ988, XZ989, XZ997) из 1-й (истребительной) эскадрильи КВВС винг-коммандера Питера Теда Скуайра и восемь «Си Харриеров» из 809-й военно-морской эскадрильи, которую возглавлял лейтенант-коммандер Тимоти («Тим») Джеймс Генри Гедж (эти 8 машин еще 30 апреля — 2 мая перелетели на остров Вознесения с базы ВМА в Йовилтоне). 18 мая четыре «Си Харриера» 809-й эскадрильи (бортовые номера XZ499/99, ZA176/76, ZA177/77 и ZA194/94) перебазировались на авианосец «Гермес», присоединившись там

к десяти «Си Харриерам» 800-й эскадрильи ВМА, а остальные четыре самолета 809-й эскадрильи (бортовые номера XZ458/007, XZ491/002, XZ174/000 и ZA190/009) перелетели на авианосец «Инвинсибл», где к тому времени размещались семь «Си Харриеров» 801-й эскадрильи ВМА. Что касается шести «Харриеров» Королевских военно-воздушных сил, то все они переместились с контейнеровоза «Атлантик Конвейор» на «Гермес» (четыре из них сделали это 18 мая, пятый — 19 мая и шестой — 20 мая), доведя общее количество самолетов на этом авианосце до двадцати. При «Харриерах» 1-й эскадрильи КВВС состояли восемь пилотов: винг-коммандер Питер («Пит») Тед Скуайр (командир эскадрильи), скуодрон-лидеры Джереми («Джерри») Джон Пук, Питер В. Харрис и Роберт («Боб») Даглас Айвсон, флайт-лейтенанты Джеффри («Джефф») Уильям Гловер, Марк Уильям Джеймс Хэйр, Энтони («Тони») Харпер и Джон Рочфорт. — *Прим. ред.*]. Пилоты для последней были собраны со всего мира — Хью Слейд из Австралии, Билл Ковингтон из Аризоны, Ал Крейг из Германии [вместе с восемью «Си Харриерами» 809-й эскадрильи ВМА в Южную Атлантику прибыли восемь пилотов: лейтенант-коммандеры Тимоти («Тим») Джон Генри Гедж, Хью Слейд, Дэйвид («Дэйв») Брейтуэйт и Алаздэр («Ал») Крейг, лейтенанты Королевских ВМС Уильям («Билл») Ковингтон и Дэйвид («Дэйв») Остин, флайт-лейтенанты КВВС Стивен («Стив») Браун и Джон Лиминг. — *Прим. ред.*]. С ними прибыли и двадцать четыре человека из так остро необходимой команды обслуживания. На следующий день подтянулись еще четыре GR.3, совершившие один из самых примечательных в истории перелетов одноместных машин с дозаправкой в воздухе из Британии через остров Вознесения. Общий парк «Харриеров» достиг тридцати пяти единиц.

Вудвард решил «обобрать» собственную группу, выделив максимальное число фрегатов — всего семь судов — для обеспечения огневой поддержки с моря и противовоздушной обороны десанту на протяжении последних самых важных часов его нахождения в море и первых — на суше. Двум фрегатам типа 22 — «Бродсуорду» и «Бриллианту» — с их системами «Си Вулф», очевидно, предстояло сыграть жизненно важную роль. Командир «Бриллианта» Кауард считал ракеты способными послужить действительно эффективным прикрытием только при очень плотно сомкнутых рядах конвоя — образно выражаясь, до разме-

ров коробки из-под штиблет по сравнению с нормами построения на флоте. Тогда, как решил Вудвард, конвой и пойдет «коробкой для штиблет».

Осталась последняя проблема. Нельзя было посылать на штурм в Сан-Карлос целую бригаду на «Канберре». Чтобы уменьшить риск, следовало распределить личный состав между кораблями. И даже в этом случае начальники штабов предупредили военный кабинет о необходимости приготовиться к возможным потерям — утрате одного или даже двух подразделений в ходе захода на десантирование и в процессе высадки. Погодные условия в Южной Атлантике делали крупную операцию по переброске с палубы на палубу 1800 чел. в открытом море делом едва ли не немыслимым. Из штаба коммодора Клэпа в Нортвуд сообщили, что единственным реальным способом считают отвод кораблей в Южную Георгию или в относительно спокойные воды где-то южнее Восточного Фолкленда, дабы там устроить пересадку солдат, затем выйти в море прямым курсом на Сан-Карлос. Предложение вызывало беспокойство. В Нортвуде отозвались решительным «нет». Как-нибудь надо перебросить людей с палубы на палубу в открытом море, но использовать для этого драгоценные вертолеты, налетавшие уже немало часов, не разрешили. Утром 19-го, к ужасу морских пехотинцев, они получили распоряжение с «Фирлесса» приготовиться к леерной переброске — по одному человеку по канату между кораблями. Наверное, приказ этот следует считать одним из самых удивительных в ходе всей кампании, и, к счастью, реализовывать его не пришлось. В тот день произошло маленькое чудо. Южная Атлантика перестала штормить и ограничилась терпимой качкой. Десантные корабли высвободили свои LCU — большие десантные катера, способные нести по сотне человек каждый [аббревиатура LCU расшифровывается как Landing Craft, Utility — десантный катер общего назначения. — *Прим. ред.*]. Один за другим они причаливали к расположенным внизу дверям кухни «Канберры». Длинные вереницы нагруженных оружием и снаряжением морских пехотинцев начали пересадку через столовые лайнера. Отяжеленные грузом, они спрыгивали с корабля на катер и, продуваемые ветром и осыпаемые брызгами, терпеливо ждали, пока он наполнится, дабы отвести их к стоявшим примерно в километре оттуда штурмовым кораблям. Один парень не рассчитал с прыжком и угодил в море

между лайнером и LCU. Две напряженные минуты сотни глаз вцепившихся в перила солдат наблюдали за отчаянными попытками спасти его — не дать бортам судов раздавить человека в лепешку. Наконец бедолагу подняли на борт — насквозь промокшего и совершенно обалдевшего, но целого и невредимого. Ближе к вечеру гигантская операция по переброске личного состава между судами с успехом завершилась. Десант изготовился к броску.

В тот же день Вудвард получил от Филдхауза разрешение отдать бригаде коммандос приказ высадиться на Фолклендских островах по своему собственному разумению. Более всего теперь командир соединения нуждался в плохой — самой только возможно скверной — погоде, дабы лучше замаскировать процесс подхода кораблей к островам. Делать прогнозы для оперативного соединения приходилось специалистам на бортах кораблей, как говорится, на глазок, поскольку Аргентина, понятное дело, не транслировала для них метеосводки. И вот «меты» на «Гермесе» сообщили КПФ, что, по их мнению, завтра, 20-го, надо ожидать семидесятипроцентной вероятности «полного мрака». Затем, как есть основания предполагать, наступит период прояснения. Как некогда Эйзенхауэр накануне дня «Д», так теперь и Вудвард один отвечал за решение, на которое, как он точно знал, возлагала надежды нация. Джулиан Томпсон предпочитал вступить в Фолклендский пролив в сумерках, чтобы дать бойцам максимальное количество часов темноты для достижения наибольшего успеха в ходе выполнения поставленных задач. Но в ВМС ключевым моментом считали последнюю фазу движения по морю. После спора между коммодором Клэппом и бригадиром Томпсоном стороны выработали компромисс. Час «Ч» сдвигался на шесть часов назад, чтобы флот смог воспользоваться темнотой в процессе захода для десантирования. Затем Вудвард отдал приказ к выступлению ночью, рассчитывая произвести высадку на заре в пятницу, 21 мая.

На десантных кораблях морские пехотинцы и парашютисты сгрудились в столовых и в проходах, в кладовых и в каютах. Простор для движения и возможности расположиться поудобнее отсутствовал, кто-то устраивался отдохнуть на выкладке, кто-то чистил оружие, писал письма, читал пламенные истории о войне — одна из добровольно выбранных культурных диет на протяжении долгого путешествия на юг. Молодые офицеры в ску-

ченных каютах проедали глазами карты и размышляли над приказами, а те кто постарше, всматривались в лица молодых и в тысячный раз в истории думали о том, какие, в сущности, пацаны идут на войну. Коки делали все возможное в стремлении накормить «гостей», в несметных количествах оккупировавших их корабли и выстраивавшихся в очереди с котелками, получавших порции и исчезавших в темноте среди себе подобных, рассевшихся то тут то там по углам и закоулкам. На освещенных причудливо-мистическим светом танковых палубах морские пехотинцы колдовали над своей техникой, ставили на станки пулеметы и крепили брезент. Проходили последние инструктажи, на которых офицерам впервые показывали сделанные с воздуха снимки аэродрома Порт-Стэнли со скучающей в одиночестве воронкой — следом работы «Вулкана». Зазвучали ядовитые комментарии по поводу «эффективности» воздушной блокады, и это после постоянных рассказов «Всемирной службы» о смелых налетах «Харриеров» и артиллерийских обстрелах с моря. В ту ночь при умеренном волнении одиннадцать кораблей конвоя, сопровождаемые мощным эскортом, пересекли границу полностью запретной зоны. Личный состав урывал любой часик сна на полу каюты или на горах ящиков, устраиваясь рядом с оружием. Укладываясь, они уже знали о глупой, нелепой трагедии: вертолет «Си Кинг», перевозивший крупную партию САС на корабль десанта «Интрепид», столкнулся с альбатросом, останки которого затянуло в двигатель, который тут же заклинило. Машина рухнула в море с двадцатью двумя военнослужащими на борту, в том числе с двадцатью бойцами САС. Все они утонули до того, как кто-то успел прийти им на помощь. [В действительности 19 мая 1982 г. при аварийном падении транспортно-десантного вертолета «Си Кинг» HC.4 (с бортовым номером ZA294) из 846-й эскадрильи ВМА погибли 18 военнослужащих САС (7 из эскадрона «D», 5 из эскадрона «G», 2 из обслуживающего персонала 22-го полка САС и 4 из группы связистов 264-го эскадрона связи, приданной эскадрону «G»), а также двое военнослужащих 603-й партии наведения тактической авиации — флайт-лейтенант Гарт У. Хокинз, ставший первой и единственной безвозвратной потерей личного состава КВВС в ходе Фолклендской войны, и капрал Королевского корпуса связистов Даглас Ф. Маккормик. Из троих членов экипажа «Си Кинга» погиб один (капрал Майкл Д. Лав) и двое сумели спастись. Всего на борту рухнувше-

го в воду британского вертолета находилось 30 чел., из которых уцелели только 9 (они успели выскочить через открытую боковую дверь, прежде чем машина скрылась под волнами). Следует отметить, что М. Хастингс и С. Дженкинс, вероятно, по причине отсутствия у них соответствующей информации в период работы над книгой, не сообщают подробностей о другом вертолете «Си Кинг», уничтоженном в то время на территории Чили. Этот вертолет 846-й эскадрильи ВМА с бортовым номером ZA290, пилотируемый лейтенантом Королевской морской пехоты Ричардом Хатчингзом, взлетел в ночь с 17 на 18 мая с авианосца «Инвинсибл», чтобы перебросить команду бойцов из эскадрона «G» САС на остров Огненная Земля, где объектом их наблюдения или, возможно, диверсии должна была стать аргентинская военно-морская авиабаза «Альмиранте Кихада» в Рио-Гранде (по другим источникам, он имел задание высадить две группы спецназа — одну на Огненной Земле, а другую на юге провинции Санта-Крус, в районе авиабазы Рио-Гальегос). В условиях плохой погоды Хатчингз не смог доставить спецназовцев в назначенное место и высадил их в районе Магелланова пролива, на берегу залива Байя Инутиль в чилийской (западной) части Огненной Земли. Затем он должен был утопить свою машину, чтобы сохранить тайну операции, однако этот план сорвался, и ему пришлось совершить посадку на пляже возле Агуа Фреска, на расстоянии около 20 км (11 морских миль) к югу от чилийского города Пунта-Аренас. Там британский пилот и два других члена экипажа подожгли в ночь с 18 на 19 мая свой летательный аппарат и спустя несколько дней сдались чилийским властям (в Чили им оказали хороший прием, поскольку тогдашнее правительство генерала Аугусто Пиночета занимало пробританскую позицию). Когда бойцы САС, уже проникшие на территорию Аргентины (возможно, это были две отдельно действующие разведгруппы), услышали об уничтожении вертолета, они прервали свою миссию и отправились назад в Чили (согласно некоторым данным, спецназовцев, находившихся на Огненной Земле, в конце мая подобрала британская подводная лодка «Оникс»). На их поиски командование аргентинской 11-й механизированной пехотной бригады выделило специальный отряд из 20 чел., сопровождаемый офицерами контрразведки. 4 июня два британских «туриста» были обнаружены при попытке пересечь границу возле небольшой шахтерской деревни. Одному из

них удалось бежать, а другого, имевшего при себе новозеландский паспорт, аргентинцы задержали, однако вместо того, чтобы отослать пленника в Буэнос-Айрес, бригадный генерал Оскар Энрике Герреро, возглавлявший 11-ю механизированную пехотную бригаду и аргентинский гарнизон в Рио-Гальегос, приказал отпустить его (вероятно, он сделал это под дипломатическим давлением). — *Прим. ред.*] Таких больших единовременных потерь формирования САС не несли с 1944–1945 гг. В большинстве своем погибшие успели до того пережить аварии вертолетов на Южной Георгии и поучаствовать в великолепном рейде на остров Пеббл. Для парней из 3-й бригады коммандос наступил никем не объявленный траур. И все же природа людей на войне позволяет им быстро отдаляться мыслями от трагедии тех, кого унесло несчастье, которое, может статься, завтра выпадет и на их долю.

* * *

20 мая команды на судах поднялись задолго до рассвета, позавтракали и разошлись по боевым постам. Тогда аргентинские военно-воздушные силы не успели еще продемонстрировать свою внушительную ударную мощь. Тем не менее все знали, что самая опасная фаза десантной операции началась в дневные часы, когда эскадры приближались к Сан-Карлосу. Командованию очень бы хотелось, чтобы противник как можно дольше оставался в неведении о цели их движения. До второй половины дня они следовали курсом на юго-запад, в направлении самого Порт-Стэнли. Только приблизившись к берегу Восточного Фолкленда, флот резко повернул на запад, в сторону Фолклендского пролива — водного прохода между двумя островами.

С первым проблеском рассвета они узрели вокруг себя лишь плотный густой туман. Предсказатели не ошиблись. Вступив в четверг в этом бело-сером мраке на мостик «Фирлесса», кэптен Джереми Ларкен, чью голову покрывали каска и огнезащитный капюшон, отдал целый ряд сжатых и точных распоряжений на суда колонны. «Канберре» неоднократно говорили перестать травить за борт. Теперь они опять этим занимаются, — проговорил он твердо. — Скажите, пусть прекратят». Плавающий мусор мог стать опасным ориентиром для неприятельского корабля или летательного аппарата разведки — отличный шанс засечь

конвой по оставленному им следу. Всего где-то в километре-полутора впереди показался «большой белый кит», торжественно вздымавшийся на поверхностью моря на очередном вираже зигзага. Собирались вроде бы покрасить лайнер в серый цвет еще тогда на стоянке, когда находились на острове Вознесения, но казалось, не хватит времени или краски. Теперь уже точно было поздно — судно представляло собой отличную мишень для самолета-штурмовика. Вокруг лайнера в тумане проглядывали серые силуэты фрегатов и десантных кораблей, державших курс в направлении Восточного Фолкленда. Шли со скоростью всего 11 узлов, равняясь на самое тихоходное судно. «Скажите канонирам смотреть в небо, — проговорил Ларкен, бросив взгляд через отверстия в ограждении из мешков с песком на позиции артиллерии ПВО и на расчеты у «Бофорсов». — Они на самом-то деле отличные парни, но в семнадцать с половиной труднее всего бывает сосредоточиваться на деле». Медленно текли часы. Метеорологи предупредили о возможном в любой момент прояснении. Более всего напряжения на мостике добавляли короткие донесения, приходившие туда время от времени по двусторонней оперативной связи: «Два «Скайхока» только что поднялись с Рио-Гальегос, курс такой-то, скорость такая-то. Предположительное время прибытия в ваш квадрат во столько-то». «Четыре «Миража» направляются в вашу сторону, дистанция сто шестьдесят миль, время прибытия во столько-то». Британские подлодки и разведка САС отслеживали движения на аргентинских авиабазах на материке и постоянно поставляли данные командованию соединения. Вражеские самолеты целый день крутились где-то совсем рядом с флотом, возникая на краешках экранов РЛС в оперативных рубках, но, по какому-то необычайному везению, так и не засекли или по крайней мере не попытались атаковать британские корабли.

Большинство британских капитанов не верили, что их судов не заметили. На мостике фрегата «Аргонот» кэптен Кит Лайман смотрел на компании корабельных гардемаринов, поваров и связистов на постах у пушек «Бофорс» и семнадцати «Эрликонов» и пулеметов. «Я не мог поверить, что нам тут все так запросто сойдет с рук. Не покидала мысль: идем в ловушку? Не будет ли как с японцами на Окинаве, когда тоже дали спокойно подойти близко, а уж потом мы нахлебались будь здоров?» Генерал-майор Мур послал десанту пожелание доброй удачи,

содержавшее, как казалось некоторым, неуместные напоминания о грустных прецедентах: «Красные и зеленые береты [т. е. британские парашютисты и морские пехотинцы. — *Прим. ред.*] отлично показали себя на Суэце. Я верю, они отлично покажут себя и в Сан-Карлосе». Джулиан Томпсон бездеятельно сидел в каюте командира «пассажиров» на «Фирлессе», даже на беглый взгляд, казалось, донельзя вымотанный постоянным напряжением. Он думал о невероятной уязвимости плавучих мишеней вокруг, например об «Элке» с 2000 тоннами боеприпасов на борту. Комбриг страшно злился на себя из-за того, что, потратив множество усилий на рассредоточение подразделений бригады, даже не подумал о штабе, собранном целиком в одном месте, — на «Фирлессе». Если всех выведут из строя разом, кто тогда и как будет направлять действия бригады? Теперь, однако, было уже слишком поздно. Офицеры молча сочувствовали командиру, но ничего не могли поделать для успокоения его страхов.

А в более чем ста милях восточнее Вудвард с авианосцами курсировал своей привычной уже «беговой дорожкой». Позднее адмирал говорил «о борьбе с собой, о попытках заставить не брать в советчики собственные страхи». Много раз на протяжении войны он ловил себя на мысли, что не может постичь того, как адмиралы Второй мировой многие годы подряд выносили стресс ведения боевых действий с неприятелем, имея в море сотни кораблей. С каждым этапом кампании, с тех пор как ударная группа отправилась в поход на юг из Гибралтара, количество вариантов развития событий, имевшихся в распоряжении британцев, неуклонно сокращалось. Теперь их не осталось ни одного. Если Нортвуд, военный кабинет или сам адмирал не воспользовались правом отдать десанту приказ поворачивать до 6 часов вечера того дня, значит решено — битве на суше быть. А уж взяв старт, они были обязаны выиграть гонку. На мгновение в темных глубинах сознания Вудварда зашевелилась неприятная мысль, заставившая его задать вопрос самому себе: как же идти домой в Англию, если провалюсь? Однако командирам, занесшим меч для битвы, не должно размышлять о подобных вещах. Высадка будет успешной.

Многие из солдат не получали прямого приказа к действию — они просто осознавали, что достигли момента, после которого пойдут вперед, если только их не догонит команда остановиться. Подполковник Херберт Джонс находился среди бойцов своего

2-го парашютного батальона на пароме «Норланд». Он попросил морского связиста просигналить соседям на «Бродсуорд»:

«Приказ получили?»

«Да, — отозвались с Бродсуорда. — А вы нет?»

Несколькими минутами спустя фрегат сблизился с паромом и произвел выстрел из сигнальной пушки, заряженной вынужденно коротким сообщением:

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
ОПЕРАЦИЯ «САТТОН»

ООГ [Объединенная Оперативная Группа. — *Прим. ред.*]
317.019N май 190230 Гр.
Кораблям приготовиться к высадке десантов
1. День «Д» — 21 мая 82 г.
2. Час «Ч» — май 82 г. 210639 Гр.
3. Тотчас же обеспечить подвоз боеприпасов на передовую
4. Приступить к действию

Бойцы внизу готовили к бою гранаты, проверяли оружие, запихивали патроны в пулеметные ленты, дремали или разговаривали. Когда свет начал меркнуть, они поняли — первый из крайне рискованных моментов миновал благополучно. Познакомившись с истинной мощью неприятельских военно-воздушных сил в следующие дни, они стали хорошо представлять себе, от какой беды уберегла их судьба 20 мая. Если бы распогодилось хоть на час, и противник устроил серию налетов вроде тех, которые разворачивал уже назавтра, у десанта осталось бы совсем мало шансов избежать катастрофы. Зенитные ракетные комплексы «Си Вулф» и ствольная артиллерия ПВО на кораблях уничтожили бы какую-то часть самолетов, но многим другим удалось бы прорваться точно так же, как получилось 21 мая. Потеря одного или более десантных кораблей послужила бы огромным политическим ударом в самом начале сухопутной фазы кампании.

Но тогда... тогда наступил момент, когда британцы пожинали плоды отваги и счастливого неведения истинного положения дел — не знали способностей вражеских военно-воздушных сил. Тем временем пока парни на десантных кораблях в большинстве своем урывали немногие часы для сна, уверенность капитанов в удаче начинала постепенно расти. «С атмосферой все вроде бы было в порядке, — говорил Джереми Ларкен. — Похоже, затея выгорит». Они имели шансы проскочить. Около 10 часов вечера на

большинстве кораблей бойцы получали походный ужин — бифштексы на «Канберре», жаркое на некоторых других кораблях, где царила страшная теснота. Затем воины начали готовиться: раскрашивать себя перед битвой черным камуфляжным кремом, дабы «придать лицу устрашающий вид», закрывать огромные рюкзаки берген и надевать каски. На десантных кораблях проводники вели роту за ротой через джунгли проходов, люков и трапов к танковым палубам. Когда морские пехотинцы и парашютисты пробирались через боевые посты моряков, те напутствовали солдат: «Задайте им там трепку, братишки». На танковых палубах царила почти полная темнота, немного рассеиваемая лишь тусклым светом красных ламп наверху. Тонкая цепочка красных фонариков, словно гирлянда с лампочками на рождественской елке, обозначала проход между «Вольво» и «Ленд Роверами», ведший в док, где, выбросив призывно сходни, стояли десантные катеры. Бойцы спустились туда, расселись на холодной стальной палубе, ожидая, когда док наполнится водой.

На каждом из десантных кораблей на четыре LCU и четыре меньших LCVP погружались подразделения первой волны высадки — всего два батальона с восемью единицами бронетехники двух взводов полка «Блюз-энд-Ройялс» [Район высадки первой волны британского морского десанта у селения Сан-Карлос получил название «Блю Бич» (Blue Beech, «Синий пляж»), при этом 40-й отряд коммандос КМП высаживался с «Фирлесса» на участке «Блю Бич 1» (севернее Сан-Карлоса), а 2-й батальон Парашютного полка десантировался с «Норланда» и «Интрепида» на «Блю Бич 2» (южнее Сан-Карлоса). — *Прим. ред.*]. Вдруг наступил нервный момент — зазвучала воздушная тревога. Скорчившиеся, притиснутые друг к другу в корпусах десантных катеров люди только тихо ругались, проклиная судьбу из-за невеселого шанса очутиться запертыми как в клетке в доке перед лицом атаки вражеской авиации. Но вот тревоге дали отбой. Огромная сходня в корме опустилась, под десантными катерами зажурчала вода — начиналось заводнение дока. Затем катера вошли в Фолклендский пролив возле устья залива Сан-Карлос-Уотер. Небольшая навигационная ошибка привела к опозданию — нарушению графика. Задержка с пересадкой 2-го батальона Парашютного полка с «Норланда» на LCU еще увеличила отставание. Но вот маленькая флотилия под руководством Юэна Саутби-Тейлура начала свой путь в темноту в тишине, наруша-

емой только монотонным урчанием двигателей десантных катеров да «бух-бум» артобстрела с моря, предпринятого для отвлечения внимания противника — корабельная артиллерия била по его позициям на Западном Фолкленде и на высоте Фаннинг-Хед к северу от Порт-Сан-Карлоса (у самого входа в залив Сан-Карлос-Уотер). Туман полностью рассосался, в чистом небе над головами засияло солнце. Было жутко холодно и многие дрожали, с интересом поглядывая на вспышки выстрелов и на острые очертания гор Восточного Фолкленда, думами о которых многие жили последние недели. Парни тихо переговаривались друг с другом, жевали неизбывный «орешек» и получше устраивались с рюкзаками, боеприпасами и оружием при себе между ящиками с минометными гранатами.

Южнее крупная партия из состава эскадрона «D» САС уже вступила в действие, поливая огнем пулеметов, минометов и ракет MILAN аргентинский гарнизон в Дарвине. Атакующие вышли на позиции после крайне напряженного форсированного марша, как мулы нагруженные выкладкой и дополнительными боеприпасами. Один из тех парней позднее вспоминал: «Такого крутого рывка я не припомню за всю свою службу в САС». Уже потом аргентинский командир в Гуз-Грин признавался, что решил, будто его атакует подразделение размером с батальон. Тем временем «Гламорган» выполнял другой отвлекающий маневр — обстреливал ареал севернее залива Беркли, где первоначально британцы и предполагали осуществить высадку. Как раз в тот день исполнилось пятьдесят командиру эсминца, кэптену Майку Бэрроу, и когда тот вошел в оперативную комнату поздно ночью после 126-го выстрела артиллерийского «салюта», то нашел там всех своих офицеров, встретивших его пением «С днем рожденья».

Другие отвлекающие операции проводились в ключевых местах вокруг Восточного и Западного Фолкленда.

* * *

Первыми бойцами, вступившими в действие тем утром, оказались тридцать два человека из Специального лодочного эскадрона Королевской морской пехоты и команда САС, вооруженные великолепным новеньким американским 60-мм минометом малой массы и возглавляемые молодым лейтенантом в компа-

нии с капитаном морской пехоты по имени Род Белл [в рейде на Фаннинг-Хед участвовала 3-я секция СБС под командой лейтенанта, которого в британских источниках называют «Роджер Ф.»; на вооружении этого подразделения состояли: один 60-мм миномет M224, двенадцать универсальных пулеметов L7A2, два 40-мм гранатомета M203, семь автоматических винтовок M16A1, пять автоматических карабинов Кольта CAR-15 (последние были у двух бойцов минометного расчета и троих радистов) и две снайперские винтовки L42A1; в ходе операции группу спецназа морской пехоты, насчитывавшую 28 чел., сопровождали капитан Родерик (Род) Белл, один из офицеров-переводчиков 3-й бригады коммандос КМП, имевший при себе самозарядную винтовку L1A1, и двое артиллеристов из 148-й батареи АИР, вооруженных 9-мм пистолетами-пулеметами L2A3 «Стерлинг», — капитан Джозеф Хью Макманнерс, начальник 1-й команды передовых наблюдателей-корректировщиков огня военно-морских сил, и его помощник, бомбардир Николас (Ник) Аллин (их обоих придали 3-й секции СБС, чтобы корректировать стрельбу 4,5-дюймовых орудий эсминца «Антрим»). — *Прим. ред.*]. Сын чиновника из ООН, Белл рос в Коста-Рике и превосходно говорил на местном испанском [по другим данным, капитан Родерик Белл родился в Уругвае. — *Прим. ред.*]. Целью британцев являлось принудить к капитуляции состоявший из двадцати человек аргентинский гарнизон в Фаннинг-Хед, прикрывавший подходы к заливу Сан-Карлос-Уотер [этот отряд, принадлежавший к аргентинской боевой команде «Гуэмес», занимал наблюдательный пост на высоте 234 (она же Фаннинг-Хед); его возглавлял суб-лейтенант 25-го пехотного полка Оскар Роберто Рейес, в распоряжении которого находился взвод поддержки из 12-го механизированного пехотного полка «Хенераль Хуан Антонио Альварес де Ареналес» — всего 20 чел. с двумя 81-мм минометами и одной 105-мм безоткатной гаубицей (командир взвода поддержки, суб-лейтенант Хосе Альберто Васкес, замененный 17 мая в качестве начальника наблюдательного поста суб-лейтенантом Рейесом, находился в Порт-Сан-Карлосе); остальная часть БК «Гуэмес» (42 чел.), включавшая 1-й взвод стрелковой роты «С» 25-го пехотного полка, отделение штабной роты и отделение роты обслуживания 12-го механизированного пехотного полка, располагалась в Порт-Сен-Карлосе под началом первого лейтенанта Карлоса Даниэля Эстебана. — *Прим. ред.*]. Ранее ночью вертолет «Уэс-

секс» III с борта «Антрима» [это был противолодочный «Уэссекс» HAS.3 под именем «Хамфри», пилотируемый лейтенант-командером Йэном Стэнли. — *Прим. ред.*] прочесал Фаннинг-Хед с помощью тепловизионного ПНВ, каковой, уловив тепло тел, показал наличие живых существ на объекте. Экипаж установил неприятельские позиции и вернулся на «Антрим» для передачи собранных данных партии СБС.

В 11 часов вечера морские пехотинцы отправились с эсминца на вертолетах в район высадки десанта, намеченный в непосредственной близости от высоты Фаннинг-Хед [по другим источникам, бойцы 3-й секции СБС были собраны на борту эсминца «Антрим» около часа ночи по местному времени, но оба вертолета «Уэссекс» из 737-й военно-морской эскадрильи оказались слишком перегружены, поэтому первая (разведывательная) группа десантников покинула корабль с некоторым запозданием и в 1.30 (после 10-минутного перелета на «Уэссексе») высадилась в назначенном месте в 3000 м к юго-востоку от высоты Фаннинг-Хед; чтобы перебросить туда всю десантную партию СБС, понадобились еще три переброски по воздуху, после чего британские спецназовцы собрались на исходной позиции примерно в 2500 м от позиции аргентинского отряда суб-лейтенанта Оскара Роберто Рейеса. — *Прим. ред.*]. Они имели среди экипировки много самого разного специального снаряжения, в том числе 12-вольтные аккумуляторы для переносного транслятора. Личный состав Специального лодочного эскадрона Королевской морской пехоты, не овеянный такой же громкой славой, как парни из Специальной воздушной службы, предназначался и готовился прежде всего для действий в прибрежных зонах на каноэ или как аквалангисты, для ведения разведки или диверсионных операций. Как и САС, таких бойцов легко опознать на поле боя по более длинным волосам, своеобразному обмундированию и снаряжению, а также по автоматическому оружию американского производства. Они страшно гордятся собственной крутизной, которой не уступают САС, как и окружающим их ореолом таинственности, хотя где-то в душе у них, возможно, проскальзывает ревность и очевидные признаки соперничества с более известной структурой. Однако в ближайшие годы оба элемента спецназа в большей степени сближались и работали вместе, а бойцы в них узнали коллег и научились уважать их.

Спрыгивавшие с вертолетов во мрак морские пехотинцы с шапочками «балаклава» на головах несли с собою внушитель-

ный арсенал огневых средств из двенадцати пулеметов общего назначения. Бойцы во главе с сержантами, оснащенными тепловизионными ПНВ, растянулись по холмам колонной, приступая к 6-мильному маршу к Фаннинг-Хед. Они без труда выбрались на гряду примерно в 700 ярдах (640 м) над вражеской позицией. Артиллерийский офицер-корректировщик [капитан Джозеф Хью Макманнерс. — *Прим. ред.*] начал вызывать огонь с «Антрима», тогда как пулеметчики СБС открыли по противнику губительную стрельбу [в 2.15 по местному времени 3-я секция СБС приблизилась к аргентинской позиции на высоте Фаннинг-Хед на расстояние около 900 м, после чего британцы открыли по противнику огонь из 60-мм миномета (было выпущено около двадцати мин, но без особого эффекта), а в 2.30 эсминец «Антрим» по наводке капитана Дж. Х. Макманнерса начал обстреливать аргентинцев из двух 4,5-дюймовых орудий. — *Прим. ред.*]. Они видели, как аргентинцы, бросив 105-мм безоткатное орудие, кидаются в стороны в поисках укрытия. Род Белл и один доброволец из СБС начали длительное и опасное путешествие ползком с горы, таща с собой мегафон и аккумуляторы. В 200 ярдах (183 м) от неприятеля Белл стал по-испански предлагать им сложить оружие. Однако быстро сообразил, что из-за сильного ветра голос его не слышен. Командовавший операцией офицер СБС по рации сообщил Беллу, что, по его мнению, противник готовится к переходу в контратаку. Белл и другой боец из морских пехотинцев распростерлись на земле склона, в то время как британцы вновь открыли ожесточенный огонь по неприятелю у них над головами. Защитники позиции отвечали без особого энтузиазма. Затем обе стороны предпочли ждать наступления рассвета. Шестеро аргентинцев сдались и провели британцев к трем другим, лежавшим раненными. Остальные солдаты, охранявшие аванпост, попросту исчезли [после бегства с высоты Фаннинг-Хед суб-лейтенант Рейес и остатки его отряда в течение трех недель скитались в районе Сан-Карлоса, занимаясь ради выживания похищением овец и охотой на бакланов, и 8 июня сдались британскому патрулю из 40-го отряда коммандос. — *Прим. ред.*]. Все они были из 12-го и 25-го полков, чьи подразделения дислоцировались в Дарвине и Гуз-Грине. Они стерегли позицию трое суток без поступления продовольствия и в поисках еды убивали овец. Один потерял несколько пальцев ног из-за обморожения. У некоторых при себе имелось кое-что из британского снаряже-

ния, захваченного на базе Королевской морской пехоты в Муди-Бруке после вторжения на острова. Позиция на высоте Фаннинг-Хед была подавлена в этаком слегка водевильном духе. Командир СБС позднее клялся, что в дальнейшем поостережется смешивать операцию по обеспечению выполнения военной задачи с попытками пропаганды в гуманных целях — для захвата вражеских солдат живыми.

* * *

Первые бойцы британских войск из состава основного десанта начали выходить на берег ниже селения Сан-Карлос несколько минут спустя после 4 часов утра в пятницу, 21 мая. 2-й батальон парашютистов припозднился почти на час [согласно другим данным, он высадился на участке «Блю Бич 2» в 4.15 по местному времени. — *Прим. ред.*]. Сходни десантных катеров упали в 30 ярдах (27 м) от края каменистого и покрытого галькой берега. Парням пришлось побарахтаться в воде прежде, чем начать длинное путешествие через тьму, преодолевая один за другим ручейки и болотца, разбросанные тут и там, словно заплатки на пути к горам Суссекс, — к позиции, которую им предстояло занять и охранять с целью прикрытия подходов со стороны поселка Гуз-Грин. Десантники не встретили вражеского противодействия, и головные отделения батальона достигли заданной точки вскоре после первых проблесков рассвета [головным подразделением 2-го парашютного батальона, первым совершившим 8-километровый марш от места высадки «Блю Бич 2» до намеченного рубежа в горах Суссекс, была рота «С» (патрульная) под командой майора Роджера Дагласа Дженнера. — *Прим. ред.*].

Всего через несколько минут после высадки 2-го батальона Парашютного полка, в нескольких сотнях ярдах дальше на север, у северной оконечности селения, на суше вслед за «Скорпионами» и «Симитарами» из состава полка «Блюз-энд-Ройялс» [это были два «Скорпиона» и два «Симитара» 3-го взвода эскадрона «В». — *Прим. ред.*] появились первые бойцы 40-го отряда коммандос [40-й отряд коммандос КМП высадился на участке «Блю Бич 1» в 4.25 по местному времени. — *Прим. ред.*]. Их встретила кучка грязных, небритых и нечесаных мужчин — принимающая партия СБС, находившаяся в данном районе уже несколько дней [это был патруль из 3-й секции СБС, высаженный 17 мая с фре-

гата «Бриллиант» на побережье залива Миддл-Бэй, к северу от высоты Фаннинг-Хед, и затем обследовавший окрестности поселений Порт-Сан-Карлос и Сан-Карлос. — *Прим. ред.*]. В то время как роты «А» и «В» зачищали и обеспечивали местность выше и ниже селения, бойцы роты «С» принялись взбираться по отвесному склону и, прикрываемые кустами, продвигаться к двухэтажному белому дому, спеша отыскать местного старосту, Пэта Шорта. Рядом с лейтенантом Полом Алленом, командиром 7-го взвода, шагал лейтенант морской пехоты Джон Термен, прослуживший свой срок на Фолклендских островах и помолвленный с дочерью губернатора, Рекса Ханта. Термен постучал в дверь. Пэт Шорт открыл ее и воскликнул: «Так это же британцы!»

Обменявшись с ним короткими фразами, десантники установили факт отсутствия аргентинцев в данном ареале, но все равно занялись обычным обеспечением участка: два взвода двинулись перебежками по поросшей травой тропе между небольшими группами зданий, поднимая с постели владельцев и вкратце объясняя им обстановку. Многие, как и сам Пэт Шорт, проснулись от звука приближавшихся десантных катеров и грома артобстрела с моря. Оказывается, они уже несколько дней ждали появления британцев — Шорт всегда считал Сан-Карлос вероятным местом высадки. В поселке проживали человек тридцать — пастухи и сельскохозяйственные рабочие, как и в большинстве сельских общин на Фолклендских островах. В этакой своеобразной манере, свойственной многим жителям отдаленных островов, они почти или вовсе не удивились необычайному спектаклю, разыгравшемуся на их глазах. «Мы знали, кто-нибудь придет рано или поздно», — проговорила миссис Моника Мэй, предлагая кофе спасителям, которые никак не могли поверить происходившему. Трудно всерьез воспринимать рассказы о зверствах аргентинцев, когда узнаешь, к примеру, о двух полуголодных солдатах противника, проходивших через Сан-Карлос во время пешего патрулирования и не тронувших в поселке ни лавок, ни домов. Морские пехотинцы оставили жителей Фолклендских островов в их халатах, сгрудившимися вокруг ламп на столах в кухнях, и отправились занимать заданные оборонительные позиции, чтобы обеспечить прикрытие южных подступов с направления из Гуз-Грина. С первыми проблесками рассвета бойцы в большинстве своем принялись окапываться там, где находились, тогда как небольшая горстка вышла на рубежи наблюдения дальше

на высотах. Когда рассвело, на флагшток около дома Пэта Шорта парни из роты «С» 40-го отряда коммандос воздели «Юнион Джек». К ночи фотоснимки, запечатлевшие сей исторический момент, разошлись по всему миру.

На другой стороне узкого залива 45-й отряд коммандос без происшествий занял брошенный рефрижераторный комбинат в Эйджэкс-Бэй и вскоре приступил к рытью оборонительных позиций на склоне холма выше [участок берега у поселения Эйджэкс-Бэй, где с транспортного судна «Стромнесс» в 7.45 был высажен 45-й отряд коммандос КМП, имел кодовое обозначение «Ред Бич» (Red Beach, «Красный пляж»). — *Прим. ред.*]. 3-й батальон Парашютного полка, высаживавшийся очень поздно из-за накопившихся задержек, пересел на десантные катера с «Интрепида» и уже скоро находился на пути к берегу, чтобы сойти на сушу далее к северу, у поселения Порт-Сан-Карлос [3-й батальон парашютистов, составлявший вместе с 45-м отрядом коммандос вторую волну британских десантных сил, высаживался в 7.30 с десантного корабля «Интрепид» у Сэнди-Бэй, севернее поселка Порт-Сан-Карлос, на участке под кодовым названием «Грин Бич 1» (Green Beach 1, «Зеленый пляж 1»). К юго-востоку от Порт-Сан-Карлоса, на участке «Грин Бич 2», где над фьордом возвышался выступ, именуемый «Шишка» (The Knob), британцы высадку десанта не производили. — *Прим. ред.*]. Когда побережье было обеспечено, десантные корабли, «Канберра», «Норланд» и все сопровождавшие их суда передвинулись ближе к суше из Фолклендского пролива, чтобы расположиться на якорях в центре залива Сан-Карлос-Уотер. Британцы взяли самый крупный из одиночных «барьеров» в ходе кампании по освобождению Фолклендских островов. Отвага, везение, превосходное планирование и морская выучка позволили 3-й бригаде коммандос выйти на сушу практически без потерь. В конце концов, после всех неудач, преследовавших Королевские ВМС в предыдущие недели, они достигли большого успеха в совместной операции родов войск, доказав: флот — путь даже лишь тень былых штурмовых армад Второй мировой — способен высадить крупный морской десант на занятом врагом побережье в 8000 миль (15 000 км) от родной земли. Это замечательное, по меркам современной войны, достижение как бы говорило: британцы пришли и останутся.

12

САН-КАРЛОС

И так целый день раздавался гром битвы
Средь гор у холодного зимнего моря.

Теннисон, Королевские идиллии

По аргентинским данным, опубликованным после войны, первым, кто позвонил в ставку утром 21 мая и доложил о замеченных двух британских кораблях, занятых высадкой войск, стал молодой армейский лейтенант, находившийся на позиции вблизи Сан-Карлоса. [Очевидно, имеется в виду первый лейтенант Карлос Д. Эстебан, возглавлявший боевую команду «Гуэмес», однако, вопреки утверждению авторов книги, вышеупомянутый офицер не обращался напрямую в штаб генерала Марио Б. Менендеса. Когда около 7.10 утра часовые донесли Эстебану о появлении британских кораблей в заливе Сан-Карлос-Уотер, тот, согласно правилам субординации, первым делом связался по рации со штабом в Гуз-Грине и сообщил тревожную новость командиру оперативно-тактической группы «Мерседес» подполковнику Итало А. Пьяджи, который, в свою очередь, доложил о случившемся аргентинскому командованию в Порт-Стэнли. — *Прим. ред.*] В штабе ему не поверили. Согласно предвоенным выводам специалистов из военно-морских сил Аргентины, Сан-Карлос считался «неподходящим» местом для успешной высадки десанта. 20 мая в оперативный отдел генерала Менендеса поступали донесения о передвижениях британских кораблей, причем делались предположения в качестве цели и о Сан-Карлосе, однако

данное обстоятельство списали на отвлекающий маневр. Но в ВМС решили отреагировать на сигнал лейтенанта и отправили проверить ситуацию пилота морской авиации на одиночном «Аэрмакки» [этот учебно-боевой самолет «Аэрмакки» MB-339A (с бортовым номером 4-A-115) из 1-й штурмовой эскадрильи 4-й эскадры ВМА Аргентины пилотировал лейтенант корабля Оуэн Гильермо Криппа. — *Прим. ред.*]. Около 10 часов утра аргентинец засек британский вертолет, летевший вдоль горной гряды над Сан-Карлосом, и стал заходить для атаки. Затем, когда «Аэрмакки» пролетел над вершиной, летчик в нем в удивлении увидел перед собой «... весь английский флот...».

* * *

Пока не вступившие в дело британские военные корабли вышли на заданные позиции где-то за час до рассвета 21 мая. Когда стало светать, моряки и солдаты на боевых постах у «Бофорсов» и на полетных палубах и мостиках с любопытством уставились на низкие коричневые и желтые горы дальше на берегу. На якорной стоянке все внимание обращала на себя гигантская белая туша «Канберры», а на суше, хорошо различимые в траве, виднелись сотни морских пехотинцев и парашютистов, занятые рытьем окопов и подготовкой оборонительных позиций. Многие гражданские лица из команды «Канберры», мужчины и женщины, расхаживали по прогулочным палубам, собирались маленькими стайками под спасательными шлюпками и с удивлением разглядывали все вокруг. Тысячи людей, впервые увидевших Сан-Карлос, — небольшие гроздья домов с белыми стенами и красными крышами, — сочли место похожим на Пембрукшир или на какой-то уголок на севере Шотландии. «Будто на летних каникулах в Уэстерн-Айлс», — писал один офицер с «Бродсуорда». «Как в Соединенном Королевстве, не так ли?» — пробормотал молодой капитан морской пехоты из 40-го отряда коммандос, занятый рытьем окопа с участием скорее мешавшего, чем помогавшего ему Макса Хейстингза.

Начинался хороший ясный денек, стальная синева моря лишь немного волновалась. На полетных палубах десантных кораблей команды спешно снимали с фиксаторов лопасти винта первого из «Си Кингов», который поднялся в небо, чтобы приступить к выполнению одной из самых срочных задач дня: доставке двенадцати пусковых установок «Рэйпир» с генераторами, РЛС

слежения и расчетами на вершину горы, выбранной для этой цели компьютером в Малверне. Десантные катеры челноками сновали между судами и берегом, рассекая воду носами и поднимая волну. Далеко в вышине, почти или вовсе не видимые невооруженным глазом, несли вахту «Си Харриеры». «Мы понятия не имели, чего ожидать», — признавался лейтенант-коммандер, шотландец Энди Олд, тихий, крайне опытный тридцатисемилетний командир 800-й эскадрильи. Далеко внизу на берег уже выезжали машины, призванные обеспечивать жизненно важную связь. В селении Сан-Карлос между домов квохтали любимые британской армией походные «керосинки». Дети из селения с открытыми от удивления глазами провожали тарахтевшие над головами вертолеты, а взбудораженные гуси перелетали с места на место, пытаясь где-нибудь найти спокойное место. Непрерывно гавкали вылезшие из конур овчарки. Неторопливые жители Фолклендских островов из всех сил старались помочь десанту. На своих тракторах с прицепами они разъезжали туда сюда и свозили солдатам с берега огромные рюкзаки, боеприпасы, саперное снаряжение и прочее военное имущество. Иногда раздавались выстрелы и взрывы, говорившие о том только, что прислуга орудий и минометов выпускала несколько снарядов для «пристрелки». Когда вышло солнце, тысячи людей как на суше, так и на море охватила какая-то радость, удовлетворение от сделанного.

Но первая неудача дня вот-вот готовилась заявить о себе. Высадка 3-го батальона Парашютного полка в Порт-Сан-Карлосе совершенно выбилась из графика. Когда в 7 часов утра солдаты, подгоняемые мыслью об опоздании, нетерпеливо шлепали по воде к берегу, уже рассвело. Встречающая команда из СБС сообщила парашютистам об отсутствии в данном ареале противника. Но буквально тут же из головных взводов доложили о крупной группе аргентинцев, всего из сорока двух человек, быстро отходившей из селения в восточном направлении. Командир 3-го батальона парашютистов, Хью Пайк, немедленно приказал минометчикам и пулеметному взводу огневой поддержки начать обстрел неприятеля. Британцы принялись было палить по врагу, но тот находился уже слишком далеко и, совершенно очевидно, улепетывал без оглядки, посему Пайк не счел разумным посылать солдат в преследование. Жители в селении рассказали, что те солдаты пришли с высоты Фаннинг-Хед накануне днем и заночевали в сараях, где хранилась овечья шерсть.

При отступлении они побросали немало снаряжения, в том числе форму и знаки отличия, отобранные у морских пехотинцев майора Майка Нормана в Стэнли семью неделями ранее.

Пайк сообщил на «Фирлесс» о благополучной высадке, послав соответствующий световой сигнал «индийская конопля». Но в бригаде ожидали сигнала «потерянная овца» — подтверждения об отсутствии в селении неприятеля и об обеспечении позиции. К большому удивлению парашютистов, они заметили «Си Кинг» с подвесным грузом, спокойно летевший по направлению к аргентинцам. На первой стадии войны на суше работала теория, в соответствии с которой считалось целесообразным посылать легкие вооруженные вертолеты сопровождать тяжелые грузовые машины. Потому компанию «Си Кингу» составляли две «Газели». [Эти вертолеты «Газель» АН.1 с бортовыми номерами XX 411 и XX 402 принадлежали звену «С» («Чарли») Воздушной эскадрильи 3-й бригады коммандос КМП и носили собственные наименования — соответственно «Чарли Икс-рэй» (Charlie X-ray, «Чарли Рентгеновский луч») и «Чарли Гольф» (Charlie Golf). Третья «Газель» звена «С», имевшая бортовой номер XX 412 и наименование «Чарли Янки» (Charlie Yankee), тогда еще оставалась на танкодесантном корабле КВФ «Сэр Галахад», где ее готовили к вылету. Следует иметь в виду, что две «Газели» взлетели с палубы «Сэра Галахада» в 8 часов утра 21 мая с заданием разведать места для размещения пусковых установок зенитных ракет «Рэйпир» батареи «Т» 12-го полка ПВО Королевской артиллерии. Выбрав две подходящих позиции, они приступили ко второй фазе своей миссии, заключавшейся в сопровождении и прикрытии вертолета «Си Кинг», пилотируемого лейтенантом Королевских ВМС Рэем Харпером. Этот «Си Кинг», поднявшийся в небо с лайнера «Канберра», должен был доставить на берег значительный груз минометных снарядов, а также разведывательную партию из батареи «Т». Его встреча в воздухе («рандеву») с первой «Газелью» (XX 411), которую пилотировал сержант Королевской морской пехоты Энди Эванс, произошла около 8.40, после чего оба вертолета направились в сторону Порт-Сан-Карлоса, не предполагая, что у этого населенного пункта располагаются основные силы аргентинской боевой команды «Гуэмес» (42 чел.) под командой первого лейтенанта Эстебана. Вторая «Газель» (XX 402), пилотируемая лейтенантом Королевской морской пехоты Кеном Фрэнсисом, немного запоздала и появилась над посе-

лением, когда аргентинцы уже сбили «Чарли Икс-рэй». — *Прим. ред.*] Пайк и его ребята не имели доступа к радиосети вертолетчиков и потому не могли предупредить пилотов. В совершенном бессилии как-то помочь они лишь наблюдали за быстро разворачивавшейся на их глазах трагедией. Похоже, на большом вертолете первыми заметили противника, поскольку он сбросил груз и в спешке нырнул за горизонт. Через несколько минут выстрелы ручного огнестрельного оружия задели «Газель». Машина рухнула в море совсем рядом с причалом Порт-Сан-Карлоса. Вторая «Газель» устремилась вперед, по всей видимости, для преследования аргентинцев. Через несколько секунд она была сбита и упала в море [в действительности совершила аварийную посадку на воду и затонула только первая из подбитых британских «Газелей» (бортовой номер XX 411), тогда как вторая «Газель» (номер XX 402) была поражена огнем стрелкового оружия с земли через 5 минут после гибели первого вертолета и разбилась о склон холма возле бухты Клам-Крик, в одной миле к востоку от поселения Порт-Сан-Карлос. — *Прим. ред.*]. Аргентинцы здорово разозлили британцев стрельбой по барахтавшимся в воде экипажам [на самом деле в воде залива под вражеским огнем оказались только два британских вертолетчика с одной «Газели» — той, которую подбили первой; по этому экипажу стреляли из автоматического оружия солдаты аргентинской боевой команды «Гуэмес», а именно 1-й взвод стрелковой роты «С» 25-го пехотного полка, располагавший двумя универсальными пулеметами FN MAG. — *Прим. ред.*]. Трое из четырех вертолетчиков погибли. Четвертый получил серьезные ранения. [Из экипажа «Газели» с номером XX 411 («Чарли Икс-рэй»), затонувшей в заливе примерно в пятидесяти ярдах (45,7 м) от причала, был смертельно ранен пилот, сержант Королевской морской пехоты Эндрю (Энди) Питер Эванс. Второй вертолетчик, сержант КМП Эдгард (Эдди) Роджер Кэндлиш, сам тоже раненый, сумел доставить Эванса по воде на надутом спасательном жилете к Порт-Сан-Карлосу, преодолев вплавь, частью под вражескими пулями, расстояние около 500 ярдов (457 метров), и вытащить своего товарища на пляж к группе местных жителей. Последние отнесли Эванса в поселок, где за его ранами начали ухаживать повариха Тора Алазиа и школьная учительница Сьюзен Маккормик, однако состояние сержанта было безнадежным, и он вскоре скончался (с момента ранения Энди Эванс прожил всего 20 минут). Что касается «Газели» номер XX 402 (под именем

«Чарли Гольф»), то оба члена ее экипажа, лейтенант КМП Кеннет (Кен) Дэйвид Фрэнсис (пилот) и младший капрал КМП Бретт Патрик (Пат) Гиффин (наблюдатель), погибли вместе со своим вертолетом, врезавшимся в склон холма вблизи бухты Клам-Крик. — *Прим. ред.*] Аргентинцы преспокойно отошли на восток. [Авторы не упомянули о том, что позже над аргентинским отрядом появилась еще одна «Газель» из звена «С» Воздушной эскадрильи 3-й бригады коммандос — машина с бортовым номером XX 412 (под именем «Чарли Янки»), чей экипаж составляли капитан КМП Робин Макейг-Джоунз и капрал КМП Рой Флеминг. Первый лейтенант Эстебан решил, что этот вертолет собирается навести на новые позиции боевой команды «Гюэмес» огонь британской корабельной артиллерии, и приказал обстрелять его из пулеметов и винтовок. Получив серьезные повреждения, «Газель» была вынуждена вернуться на «Сэр Галахад». — *Прим. ред.*]

* * *

И вот впервые заявились с визитом посланцы военно-воздушных сил противника. Две пары самолетов-штурмовиков «Пукара» приблизились к колонне 2-го парашютного батальона, все еще продвигавшегося на горы Суссекс, на высоту около 1000 футов (более 300 м). [21 мая аргентинцы задействовали четыре «Пукары» из состава Мальвинской аэромобильной эскадрильи, базировавшейся на ВАБ (военной авиабазе) «Кондор» в Гуз-Грине. Они были объединены в звено с позывным «Тигре» (Escuadrilla Tigre, «Тигр»), первую секцию которого составляли штурмовики с бортовыми номерами А-531 и А-509, пилотируемые капитаном Хорхе Альберто Бенитесом (командиром звена) и лейтенантом Нестором Франсиско Брестом, а вторую секцию — штурмовики с номерами А-532 и А-511, которые пилотировали командир секции лейтенант Хуан Луис Мичелоуд (офицер из семьи с французскими корнями, чья фамилия Micheloud по-французски произносится как Мишлу) и майор Карлос Антонио Томба (доброволец, служивший на ВАБ «Кондор», но не состоявший в Мальвинской аэромобильной эскадрилье). — *Прим. ред.*] Первый летательный аппарат неожиданно взорвался. Среди снаряжения партии САС, возвращавшейся с боевого диверсионного рейда на Гуз-Грин, нашлась превосходная американская ручная ПУ ракет «Стингер» класса «земля-воздух». Так «Стингер» записал себе

на счет одну «Пукару», в то время как ракета с корабля уничтожила второй. [Утром 21 мая, около 10.00, ракетой, выпущенной наводчиком ПЗРК (переносного зенитного ракетного комплекса) FIM-92A «Стингер» из 18-го (воздушного) взвода эскадрона «D» 22-го полка САС, был сбит легкий штурмовик IA-58 «Пукара» с бортовым номером A-531, причем его пилот, капитан Хорхе А. Бенитес, успел катапультироваться и остался жив (к 19.00 он вернулся «своим ходом» на авиабазу «Кондор»). Согласно аргентинским источникам, «Пукара» Бенитеса в одиночку вылетела в зону высадки морского десанта и не участвовала в атаке с воздуха, проведенной тремя другими самолетами звена «Тигре» на позиции британских парашютистов в окрестностях Дарвина. Сбитие корабельным ЗРК второй «Пукары» аргентинские источники не подтверждают — по их данным, штурмовик лейтенанта Нестора Ф. Бреста (бортовой номер A-509) выпустил по позициям противника свои НАРы — неуправляемые авиационные ракеты LAU-68 калибра 2,75 дюйма (70 мм), а затем по приказу командования перелетел в Порт-Стэнли на военную авиабазу «Мальвинас». — *Прим. ред.*] Следующая пара выпустила реактивные снаряды с восточного направления, целя в бойцов роты «B» 2-го батальона Парашютного полка, после чего ретировалась, не нанеся никому урона. [Этот безрезультатный налет осуществили не два, а три штурмовика «Пукара», после чего майор Томба получил приказание направиться к авиабазе «Мальвинас» и, вылетев туда, кружил в окрестностях Порт-Стэнли, пока к нему не присоединился самолет лейтенанта Мишелоуда. Затем обе «Пукары» были посланы на восток к новому объекту — холму Бомбилья, где предполагалось присутствие вражеских вертолетов, однако ничего там не обнаружили. Тогда они вылетели к побережью в районе Сан-Карлоса, где британский фрегат «Ардент» обстрелял их из 4,5-дюймовых пушек и выпустил по ним две зенитные ракеты (ЗУР «Си Кэт»), которые в цель не попали. Возвращаясь к ВМБ «Кондор», Мишелоуд и Томба получили задание атаковать еще один объект — дом местного жителя на холме Дроун-Хилл, в 10 милях (16 км) к юго-востоку от Дарвина, используемый патрулями САС в качестве наблюдательного пункта. Летчики разрушили его ракетами LAU-68 и, доложив на базу о результатах своей атаки, были посланы дальше на юго-восток, чтобы разведать и, в случае необходимости, уничтожить другой наблюдательный пост, однако на этом пути их обнаружила РЛС британско-

го фрегата «Бриллиант». На перехват пары «Пукар» был тотчас отправлен патруль из двух самолетов «Си Харриер», пилотируемых лейтенант-коммандерами Найджелом Дэйвидом Уордом из 801-й эскадрильи ВМА и Аласдэром Крейгом из 809-й эскадрильи ВМА. Найджел «Шарки» (Sharky, т.е. «Акула») Уорд на своем «Си Харриере» с бортовым номером XZ492/23 сумел перехватить штурмовик майора Карлоса А. Томбы (номер А-511) и сбить его огнем 30-мм пушек (по одним источникам, это произошло в 10.00, по другим — в 10.15). Майор Томба успел катапультироваться и впоследствии был подобран аргентинским вертолетом Белл-212 (номер Н-85) из 7-й воздушной эскадры, доставившим его на базу «Кондор». Лейтенант Хуан Л. Мичелоуд избежал участи Томбы и, уйдя от противника, посадил свой самолет на авиабазе «Мальвинас» в Порт-Стэнли. Позже, в 16.00, две исправные «Пукары» Мальвинской эскадрильи, еще остававшиеся на ВАБ «Кондор» (А-533 лейтенанта Мигеля Анхеля Хименеса и А-516 лейтенанта Мигеля Антонио Крусадо), были тоже переведены на ВАБ «Мальвинас», где приземлились в 16.45. — *Прим. ред.*] Между тем одиночный «Аэрмакки» — почти безусловно первый самолет-разведчик морской авиации из Порт-Стэнли — атаковал снабженческое судно КВФ «Форт-Остин» в устье якорной стоянки. Бомбы и близко не попали в цель. «Форт-Остин» в спешке отошел в более безопасное место и вновь бросил якорь среди десантных кораблей в глубине бухты. Тем утром все за исключением двух военных кораблей, прикрывавших десант, дислоцировались в Фолклендском проливе, западнее и северо-западнее заводи Сан-Карлос-Уотер. Между тем угроза со стороны подлодок принимала все более грозные очертания в умах адмирала Вудварда и коммодора Клэппа. Они пока не видели, какой урон способны нанести открыто стоящим кораблям аргентинские военно-воздушные силы. На якорной стоянке дважды звучала воздушная тревога, но оба раза оказалась ложной. Затем, часа через два после рассвета, над Фаннинг-Хед появился второй «Аэрмакки», нацелившийся на «Аргонот», фрегат класса «Леандр» [в действительности утром 21 мая британские корабли атаковал только один самолет «Аэрмакки» МВ-339А (бортовой номер А-4–115), пилотом которого был лейтенант корабля Оуэн Гильермо Крипна; за атаку фрегата «Аргонот» этот офицер получил высшую военную награду Аргентины — Cruz al Heroico Valor en Combate (Крест за героическую доблесть в бою). — *Прим. ред.*]. Машина зашла для ата-

ки на такой малой высоте, что командир летного отряда корабля на какой-то момент предположил, будто та нырнула в море. Под запоздалым огнем автоматического оружия с фрегата самолет выпустил четыре ракеты [это были неуправляемые авиационные ракеты «Зуни» (Zuni) калибра 5 дюймов (127 мм). — *Прим. ред.*] и вышел из боевого соприкосновения. Ракеты пролетели мимо, но пушечным огнем задело в грудь главного старшину, ранило двух матросов на корме и пробило здоровенную дыру в решетке обзорного локатора 965. Как и многие команды тем утром, ребята с «Аргонота» оказались неприятно поражены результатом такого немилосердного контакта с противником. «Ну и великолепный денек выдался — дьявольски прекрасный, — качал головой унтер-офицер ВМС Тэфф Джоунз, говорливый уилтширец с девятнадцатилетним опытом службы в Королевских ВМС. Он находился среди стрелков из пулеметов системы Брэн на посту наведения над мостиком. — Ведь мы даже не видели этот «Аэрмакки», пока он не шарахнул по нам. Всех слегка встряхнуло — мало приятного смотреть, как оттаскивают раненых внизу и все такое...» Кэптен Кит Лаймэн, крепкий седоволосый мужчина сорока четырех лет, отец которого послужил в Королевских ВМС в обе мировые войны, а дед был ветераном Ютландской битвы и даже — Боксерского восстания [речь идет о восстании китайских националистов-ихэтуаней («боксеров») против иностранцев и местных христиан в Китае в 1900–1901 гг.; в его подавлении участвовали воинские и военно-морские контингенты восьми держав — Японии, России, Германии, Великобритании, Франции, США, Италии и Австро-Венгрии. — *Прим. ред.*], находился в оперативной рубке и фактически не видел атаки, пока та не закончилась. «Тут я понял, что вести бой надо не оттуда — я должен был быть там, откуда бы видел происходящее». Лаймэн, как и большинство командиров кораблей, начиная с того дня, перебрался на мостик и там следил за разворачивавшимися событиями.

Тут-то аргентинские военно-воздушные силы и принялись за работу засучив рукава. «Открыли настежь врата ада, — писал офицер с «Бродсуорда». — Небо наполнилось самолетами, главным образом «Миражами» и «Скайхоками», и битва пылала более шести часов». По всей линии берега офицеры свистели в свистки и выкрикивали: «Воздух! Воздух!», а солдаты мчались к своим орудиям и окопам. В салонах «Канберры» парни из 42-го отряда коммандос втискивались телами в палубы среди матросов

команды, в то время пулеметчики и вооруженные «Блоупайп» товарищи бросались к установкам на верхних палубах, не желая остаться в стороне в такой заварухе. Когда на высоте 50 футов (15,2 м) ринулся в атаку первый вражеский самолет, для Королевских ВМС пришла пора поучаствовать в самой большой для них битве с окончания Второй мировой.

Не прошло и часа с начала осуществлявшихся волнами налетов, как сделалось очевидным — целями служат корабли, а не живая сила на берегу. Морские пехотинцы и парашютисты принялись палить в противника, выпуская со своих позиций в небо тысячи винтовочных и пулеметных выстрелов. «Симитары» и «Скорпионы» полка «Блюз-энд-Ройялс» старались поразить летательные аппараты с холма около селения Сан-Карлос. Специалист из САС по применению «Стингеров» погиб в аварии вертолета 19 мая, но военнослужащий, стрелявший в «Пукару», был так окрылен прошлым успехом, что устроился на возвышенности и выпустил целых пять ракет в заходившие на атаку «Скайхоки», однако, к своему полнейшему разочарованию, ни разу так и не попал в цель. Глубокое огорчение постигло и солдат, применявших главное британское зенитное оружие пехоты, ручные ПУ ракет «Блоупайп», дюжины которых ушли в небо «за молоком» в тот день. «Блоупайп» оказались совершенно неэффективными против пересекающих линию нацеливания, а не приближавшихся к стреляющему ЛА.

Однако десантники остались по большей части зрителями событий, происходивших в тот день. Битву вели экипажи кораблей. Они стояли на боевых постах на верхних палубах в касках и огнезащитных накидках, в заправленных в толстые белые носки брюках, выполняя свой долг у зениток «Бофорс» и пулеметов общего назначения, с ручными пулеметами Брэн, с винтовками, даже с 66-мм реактивными противотанковыми гранатометами. Многие были молоды — двое матросов рядом с унтер-офицером ВМС Джоунзом на «Аргоноте» не достигли еще и восемнадцати и прослужили на море по шесть месяцев. И все же с самого начала стало ясно — исход борьбы будет зависеть преимущественно от усилий команд. В оперативных рубках под палубами моряки склонялись над экранами РЛС, отслеживая сигналы оборудованием, стоившим миллионы фунтов стерлингов, однако вблизи от берега ловить самолеты радарами представлялось делом едва ли не совершенно бесполезным: мешали горы, и противник появлялся на дисплеях за считаные секун-

ды до штурмовки. Все сосредоточилось на физических навыках и энергии военнослужащих на палубах, ведущих огонь из вверенного им оружия. Важным считалось не только уничтожить неприятельский летательный аппарат. Трассы очередей, огненные хвосты ракет, вспышки разрывов снарядов вокруг и впереди мешали пилотам целиться, порой с фатальными результатами.

«Антрим» выпустил несколько ракет «Си Слаг» [эсминец «Антрим» с 1970 до 1984 г. был оснащен корабельным ЗРК «Си Слаг» Mk 2 (GWS.2 Sea Slug), принятым на вооружение в 1965 г.; зенитные управляемые ракеты этого комплекса, имевшие длину 6,1 м, диаметр 0,41 м и размах крыльев 1,44 м, весили 2384 кг (включая 91-кг боеголовку); при максимальной дальности пуска 32 км, они развивали скорость 2200 км/ч и поражали цели на высоте до 20 км; при идеальных условиях точность попадания в цель у «Си Слаг» составляла 92% — выше, чем у любого современного ей ЗРК. — *Прим. ред.*] за считаные секунды до того, как бомбы и ракеты противника упали рядом с ангаром и поразили судно в корму с левого борта. Бомбы не взорвались, но одна прошла через запасник ракет «Си Слаг» с подающей системой и повредила зенитные пусковые установки. [Первый налет на эсминец УРО «Антрим» совершили два многоцелевых истребителя М-5 «Даггер» с бортовыми номерами С-404 и С-407 (под управлением соответственно капитана Норберто Рубена Димельо и лейтенанта Карлоса Хулио Кастильо) из 2-й эскадрильи 6-й ИАГ, составлявшие секцию с позывным «Леон» (Leon, «Лев»). Они вылетели в 09.45 с аэродрома в Сан-Хулиане и в 10.25 атаковали британский корабль, обстреляв его из 30-мм пушек и сбросив две 1000-фунтовые (454-кг) осколочно-фугасные бомбы Mk 17, которые не взорвались (каждый «Даггер» нес по одной такой бомбе). В 12.30 оба аргентинских истребителя благополучно возвратились в Сан-Хулиан. В 10.31 «Антрим» подвергся новой атаке с воздуха — ее произвели три «Даггера» из 1-й эскадрильи 6-й ИАГ, взлетевшие в 9.45 с военно-морской авиабазы «Альмиранте Кихада» в Рио-Гранде (провинция Тьерра дель Фуэго). Эти самолеты с бортовыми номерами С-437, С-418 и С-435, составлявшие звено с позывным «Перро» (Perro, т.е. «Собака» или «Пёс»), пилотировали капитан Карлос Альберто Морено, лейтенант Эктор Рикардо Вольпони и майор Карлос Наполеон Мартинес. Хотя две 1000-фунтовые бомбы, сброшенные ими, тоже не взорвались, кораблю были нанесены повреждения. В «Антрим» угодили несколько

30-мм снарядов и одна 1000-фунтовая бомба Mk17, которая пробила борт, прошла несколько отсеков и застряла в погребе для ракет ЗРК «Си Слаг». Тем не менее эсминцу пришлось покинуть зону высадки десанта для разоружения бомбы и проведения экстренного ремонта. Аргентинское звено «Перро» избежало попаданий зенитных снарядов и нескольких ЗУР. Ему удалось уйти и от британского воздушного патруля из состава 800-й эскадрильи ВМА. Лейтенант Королевских ВМС Мартин Хэйл пытался преследовать «Даггеры» на своем «Си Харриере», но не смог их догнать. Сбросив подвесные топливные баки (ПТБ), самолеты звена «Перро» так быстро набрали скорость, что головка наведения ракеты AIM-9L «Сайдуиндер», выпущенной Хэйлом, не успела захватить цель, и ракета упала в море с недолетом. В 11.45 все три аргентинских истребителя вернулись на базу в Рио-Гранде. — *Прим. ред.*] Бойцы на соседних кораблях как завороженные смотрели на фонтаны воды, поднимавшиеся вокруг «Антрима». Со все возрастающим ужасом они наблюдали, как бомбы падают в воду все ближе к «Норланду», судам LSL [аббревиатура LSL означает Landing Ship Logistic — корабль снабжения, однако фактически суда данного типа могли использоваться как десантные и танкодесантные. — *Прим. ред.*] и — что самое страшное — к «Канберре». Для огромной белой мишени, пулеметы которой строчили почти безостановочно, казалось просто невозможным избежать ущерба. Главный военно-морской офицер на борту лайнера, кэптен Крис Берн, заслужил огромное уважение за непоколебимые юмор и храбрость, с которыми отражал вражеские атаки и по ходу дела объяснял что к чему тысячам перепуганных мужчин и женщин на нижних палубах. Поступать подобным образом всегда было и оставалось в традициях несколько эксцентричных военно-морских офицеров в моменты кризиса.

Британцы с суеверным страхом и восхищением воспринимали отчаянную отвагу аргентинских летчиков, заходивших для штурмовки на самоубийственно малых высотах, а потом исчезавших среди вспышек мчавшихся к ним, рассекая небо позади, зенитных ракет «Си Кэт» [британский ЗРК «Си Кэт» (Sea Cat, «Морской кот»), принятый на вооружение Королевских ВМС Великобритании в 1962 г., был модифицирован в 1970-х годах; во время Фолклендской войны его версия GWS-22 с системой наведения огня MRS-3 и радаром типа 903 размещалась на авианосце «Гермес», вертолетно-десантных кораблях-доках «Фирлесс» и «Интрепид», эсминцах

класса «Каунти» (по две ПУ на корабль) и фрегатах класса «Линдер» и «Ротсей» (по одной ПУ), а более совершенная версия GWS-24 с итальянской системой наведения огня Аления Орион RTN-10X и радаром типа 912 — на фрегатах типа 21 (по одной ПУ); при длине 1,48 м и диаметре 0,22 м зенитные управляемые ракеты «Си Кэт» весили 68 кг (из них 18 кг приходилось на боеголовку), развивали скорость 0,8 Маха и поражали воздушные цели на расстоянии от 500 до 5000 м. — *Прим. ред.*], «Блоупайп» и «Рэйпир». Если проводить сравнения среди трех видов вооруженных сил у противника, ВВС казались наиболее мотивированными и с полной отдачей включившимися в битву. «Нам бы следовало сообразить, что нации, способной дать миру первоклассных гонщиков «Формулы-1», вполне по силам вырастить и чертовски хороших летчиков», — сардонически заметил судовой врач с «Арроу» между налетами. «Бриллианту» досталось от «Миражей» — снаряды их пушек взорвались, осыпая осколками всех внутри ангара и раня нескольких членов команды. [В 10.35 фрегат «Бриллиант» был атакован тремя истребителями «Даггер» (с бортовыми номерами С-412, С-415 и С-434) из 2-й эскадрильи 6-й ИАГ, вылетевшими из Сан-Хулиана. Эти самолеты, объединенные в звено с позывным «Сорро» (Zorro, «Лис»), пилотировали капитан Рауль Анхель Диас, лейтенант Густаво Энрике Агирре-Фагет и капитан Хорхе Карлос Деллепьяне. Поскольку на всех трех «Даггерах» отказали электросбрасыватели 1000-фунтовых бомб, их пилотам пришлось ограничиться обстрелом фрегата из 30-мм пушек. Корабль получил свыше 20 попаданий в правый борт. Один из снарядов попал в боевую рубку и ранил осколками трех человек. Другой оказался в баталерке и уничтожил хранившиеся там запасы спиртного. — *Прим. ред.*] Другие бойцы с винтовками и пулеметами на верхних палубах получили ранения во втором заходе — с правого борта. Болл, наводчик зенитной установки «Си Вулф», наконец-то сумел захватить и вести приближавшийся «Мираж» по телеэкрану. Он добился взрыва ракеты под левой плоскостью самолета — великолепно для ручного ведения. [Вышеуказанный эпизод произошел, когда фрегаты «Бродсуорд» и «Аргонот» были атакованы в заливе Сан-Карлос тремя самолетами М-5 «Даггер» из 1-й эскадрильи 6-й ИАГ, составлявшими звено с позывным «Ньянду» (Ñandu, испаноязычный вариант названия американского страуса нанду). Эти истребители с бортовыми номерами С-409, С-428 и С-436 вылетели в 9.44 из Рио-Гранде и в 10.32 атаковали британские корабли

в районе полуострова Фаннинг-Хед, причем два из трех аргентинских пилотов, капитан Карлос Альберто Роде и лейтенант Педро Игнасио Беан, выбрали своей целью фрегат «Аргонот», а третий, капитан Роберто Эрнесто Жанетт, — фрегат «Бродсуорд». Ни одна из трех 1000-фунтовых бомб, сброшенных звеном «Нанду», не попала в цель, однако «Бродсуорд» получил около 40 попаданий снарядов 30-мм пушек. Впрочем, повреждения, ненесенные тогда британскому фрегату, оказались незначительными, и никто из его экипажа не пострадал. В то же время зенитная управляемая ракета «Си Вулф», выпущенная с «Бродсуорда» (по другим источникам — «Си Кэт» с «Аргонота»), сбила «Дагтер» лейтенанта Беана, имевший бортовой номер С-428 (его пилот погиб, хотя и успел катапультироваться). — *Прим. ред.*] Однако коммодор Клэпп и его штаб на «Фирлессе» все больше мрачнели — слишком уж много слабостей выказывали «Си Вулф». Близко у берега помехи от земной поверхности оказывали самое скверное воздействие на РЛС сопровождения целей этих ЗУР. «Мы даже не представляли себе, сколь сильным образом будут отражаться помехи на работе «Си Вулф» вблизи суши», — признавался Клэпп позднее. Успех или неуспех в противостоянии кораблей и самолетов зависели теперь от визуально наводимого оружия и «Харриеров».

* * *

На всем протяжении боев последующих недель многие из большинства жизненно важных сражений гремели далеко от британцев на якорной стоянке. Лишь изредка видели они пикирующие «Си Харриеры», неотступно преследовавшие неприятельские «Скайхоки» и «Миражи», и спешащих улизнуть аргентинских пилотов, наскоро освобождавшихся от бомб и скрывавшихся за склонами. С самого начала британцы создали три зоны дежурства ВВС в воздухе: одну к северу от островов, вторую над Западным Фолклендом и третью над южной оконечностью Фолклендского пролива. С первыми проблесками света пара «Харриеров» поднималась в небо над каждым из этих секторов, чтобы своевременно засечь вражеские летательные аппараты с помощью визуального наблюдения или с подачи РЛС кораблей — в первый день чаще всего «Бриллианта». Ранним утром 21-го южный воздушный патруль [два самолета «Харриер» GR.3 из 1-й эскадрильи КВВС, пилотируемые скуодрон-лидером Джерри Пуком и флайт-лейтенантом

Марком Хэйром. — *Прим. ред.*] достиг легкого успеха — заметил и уничтожил огнем пушек вертолеты «Чиную» и «Пума» [21 мая эти два вертолета, атакованные на посадочной площадке между горами Кент и Эстансия, были сильно повреждены (выведены из строя) снарядами 30-мм авиационных пушек и только 26 мая окончательно уничтожены кассетными бомбами. — *Прим. ред.*]. На протяжении остальной части дня с британских авианосцев каждые двадцать минут поднималась в небо пара самолетов, сменявших друг друга в районе боевого патрулирования, иногда летчики прощупывали море на дальних дистанциях — не появятся ли аргентинские надводные корабли, спешащие к плацдарму.

В первые дни, когда британцам довелось повидать у себя над головой несколько волн аргентинских штурмовиков, основной добычей «Си Харриеров» становились вражеские самолеты, возвращавшиеся от Сан-Карлоса после атаки. Командир 899-й эскадрильи [лейтенант-коммандер Нил Томас. — *Прим. ред.*] и его старший пилот, лейтенант-коммандер Майк Блиссет, как раз оттоняли от якорной стоянки два «Скайхока», когда неожиданно заметили приближавшуюся новую волну и вышли из боевого соприкосновения для атаки более важных целей. Они сбили четыре А-4. [На самом деле два британских пилота из 899-й эскадрильи ВМА одержали тогда по одной воздушной победе. В 13.05 лейтенант-коммандер Майкл Стивен Блиссет на своем «Си Харриере» с бортовым номером XZ496/27 перехватил в небе над островом Западный Фолкленд (в окрестностях поселения Шартр) и сбил ракетой AIM-9L «Сайдуиндер» одноместный штурмовой самолет А-4С «Скайхок» с бортовым номером С-325, пилотируемый первым лейтенантом Даниэлем Фернандо Манцотти. Аргентинский пилот катапультировался, но с такой высокой скоростью, что его организм не выдержал давления (труп первого лейтенанта Манцотти был найден только 24 мая). Тогда же начальник Блиссета, лейтенант-коммандер Нил Уайнелл Томас, управлявший «Си Харриером» XZ492, сбил ракетой «Сайдуиндер» другой штурмовик А-4С «Скайхок» (бортовой номер С-309), пилот которого, лейтенант Нестор Эдгардо Лопес, погиб вместе со своей машиной. Оба сбитых «Скайхока» 4-й истребительной авиагруппы принадлежали к звену с позывным «Пато» (Pato, т.е. «Утка»), вылетевшему в 11.25 из Сан-Хулиана и первоначально состоявшему из трех машин (С-310 командира звена, капитана Эдуардо Даниэля Альмоньо, С-309 лейтенанта Нестора Э. Лопеса и С-325 первого лейтенанта Даниэля Ф. Ман-

цотти). При дозаправке в воздухе к этому звену присоединился четвертый «Скайхоу» (С-304), пилотом которого был капитан Хорхе Освальдо Гарсия (лидер секции с позывным «Рондо», оставшийся без своего ведомого, альфереса Херардо Гильермо Исаака). Завершив дозаправку в 12.54, вся четверка самолетов звена «Пато» устремилась в сторону залива Сан-Карлос, но по пути туда, над Западным Фолклендом, ее засек радар британского фрегата «Бриллиант». Перехваченные парой «Си Харриеров» 899-й военно-морской эскадрильи с авианосца «Гермес», аргентинские «Скайхоки» немедленно избавились от своих бомб и пытались уйти от противника, используя преимущество в скорости, однако сделать это смогли только два штурмовика (капитанов Альмоньо и Гарсии), которые в 14.10 возвратились в Сан-Хулиан. — *Прим. ред.*] Двумя часами позднее лейтенант Клайв Моррелл и флайт-лейтенант Джон Лири [очевидно, здесь имеет место ошибка или опечатка, и фамилию Лири (Leery) надо заменить на Лиминг (Leeming). — *Прим. ред.*] — им было суждено стать самыми результативными летчиками войны — сбили по одной машине каждый. Первый с помощью «Сайдуиндер», а второй — пушечным огнем со 100 ярдов (91 м). [В том эпизоде в 15.12 были сбиты два аргентинских палубных штурмовика A-4Q «Скайхоу» (бортовые номера 3-А-307 и 3-А-314) из 3-й истребительно-штурмовой эскадрильи Командования ВМА, временно перебазировавшейся с авианосца «Вейнтисинко де Майо» на военно-морскую авиабазу «Альмиранте Кихада» в Рио-Гранде (провинция Тьерра дель Фуэго, или Огненная Земля). Эти одноместные самолеты, управляемые капитаном корвета Альберто Хорхе Филиппи и лейтенантом фрегата Марсело Густаво Маркесом, а также «Скайхоу» с бортовым номером 3-А-312, пилотируемый лейтенантом корабля Хосе Сесаром Аркой, составляли первую секцию звена с позывным «Табано» (Tabano, «Слепень»), вторая секция секция которого включала три штурмовика с бортовыми номерами 3-А-306, 3-А-305 и 3-А-301 (их пилотами были лейтенанты корабля Бенито Итало Ротоло, Карлос Альберто Лакур и Роберто Херардо Сильвестер). Каждый из «Скайхоков» нес по четыре 500-фунтовые (227-кг) осколочно-фугасные бомбы Mk 82 «Снейкай» (Snakeye, «Змеиный глаз»). Вылетев из Рио-Гранде в 14.10, первая секция звена «Табано» в 15.01 атаковала в заливе Сан-Карлос британский фрегат «Ардент», уже поврежденный в ходе двух авианалетов, предпринятых аргентинскими ВВС в 14.00 и в 14.40. Отбомбившись по этому кораблю и обстреляв его

из 30-мм пушек, тройка «Скайхоков» стала уходить, но была перехвачена над Фолклендским проливом, в районе острова Суон, британским воздушным патрулем 800-й эскадрильи ВМА с авианосца «Гермес». Лейтенант Королевских ВМС Клайв Роналд Уэллзли Моррелл, пилот «Си Харриера» с бортовым номером XZ457/14, сбил ракетой «Сайдуиндер» штурмовик Филиппи (3-А-307) и повредил огнем 30-мм пушек самолет Арки (3-А-312). Капитан корвета Альберто Х. Филиппи удачно катапультировался и, проведя ночь у приютившего его местного фермера Тони Блейка, присоединился к аргентинским силам. В то же время лейтенант корабля Хосе С. Арка, дотянув на своем поврежденном «Скайхоке» до военной авиабазы «Мальвинас» в Порт-Стэнли, не смог приземлиться на взлетно-посадочной полосе, поэтому был вынужден покинуть самолет и катапультироваться над морем у мыса Пембрук, в трех километрах от аэродрома. Он «приводнился» на расстоянии 800–1000 м от берега, после чего вертолет «Ирокез» из 601-го батальона армейской авиации, пилотируемый капитаном Альберто Альфредо Свендсеном, подобрал летчика и доставил его в Порт-Стэнли. Таким образом, в тот день на долю британского пилота Клайва Моррелла фактически приходятся две воздушные победы, поскольку «Скайхок» Арки тоже пополнил список безвозвратных потерь аргентинской авиатехники. Третий штурмовик из секции капитана корвета Филиппи, перехваченной в 15.12 в окрестностях острова Суон, был атакован флайт-лейтенантом КВВС Джоном Роджером Лимингом на «Си Харриере» XZ500/30 (Лиминг, прибывший 18 мая на авианосец «Гермес» в составе звена 809-й эскадрильи ВМА, летал 21 мая на машине из 800-й эскадрильи). Пораженный 30-мм снарядами авиационных пушек, аргентинский самолет с бортовым номером 3-А-314 взорвался в воздухе, а его пилот, лейтенант фрегата Марсело Г. Маркес, погиб. Между тем вторая секция звена «Табано», вылетевшая из Рио-Гранде в 14.25, произвела в 15.15 последний налет на фрегат «Ардент», окончательно выведя этот корабль из строя (он затонул в 4.30 утра 22 мая). — *Прим. ред.*] В тот день «Си Харриеры» претендовали на уничтожение еще одного летательного аппарата [очевидно, речь идет о поврежденном «Скайхоке», упавшем в море у мыса Пембрук (его пилот, лейтенант корабля Хосе Сесар Арка, катапультировался после неудачной попытки посадить самолет в аэропорту Порт-Стэнли). — *Прим. ред.*], а уцелевшие аргентинские пилоты поспешили домой, преисполненные глубочайшего чувства уважения к британским

летчикам-истребителям. [В общей сложности 21 мая британские пилоты «Си Харриеров» добились десяти воздушных побед. Кроме шести уже упомянутых выше аргентинских самолетов (одной «Пукары» и пяти «Скайхоков»), были сбиты четыре многоцелевых истребителя М-5 «Даггер». В 14.35 над островом Западный Фолкленд, недалеко от Тил-Ривер-Инлет, лейтенант-коммандер Фредериксен на «Си Харриере» с бортовым номером XZ455/12 (из 800-й эскадрильи ВМА) сбил при помощи ракеты «Сайдуиндер» аргентинский «Даггер» (бортовой номер С-409), отставший от трех других истребителей того же типа. Лейтенант Эктор Уго Луна, пилот сбитого самолета, принадлежавшего к секции «Либра» (Libra) 1-й эскадрильи «Лас Авутардас Сальвахес» 6-й истребительной авиагруппы, сумел успешно катапультироваться и позже был подобран. В 14.58 жертвами британских летчиков стали сразу три «Даггера» 2-й эскадрильи «Ла Маринете» 6-й ИАГ, составлявшие звено с позывным «Ратон» (Raton). Они вылетели на задание из Сан-Хулиана в 14.00, но над заливом Сан-Карлос их перехватил патруль 801-й эскадрильи ВМА — два «Си Харриера» с бортовыми номерами ZA175 и ZA190/009, которые пилотировали соответственно лейтенант-коммандер Найджел Дэйвид Уорд и лейтенант Королевских ВМС Стивен Роберт Томас. Последний сбил ракетами «Сайдуиндер» два «Даггера» (бортовые номера С-403 и С-404), чьи пилоты, капитан Гильермо Адольфо Донадилье и майор Хусто Густаво Альберто Пьюма, успели катапультироваться. «Шарки» Уорд «завалил» ракетой «Сайдуиндер» третий «Даггер» (С-407), пилот которого, первый лейтенант Хорхе Даниэль Сенн, тоже удачно катапультировался. Между тем еще три «Даггера» 2-й эскадрильи 6-й ИАГ, объединенные в звено с позывным «Лауча» (Laucha) — самолеты с бортовыми номерами С-410, С-421 и С-415, пилотируемые майором Луисом Альберто Путой, первыми лейтенантами Сесаром Фернандо Романом и Марио Мигелем Кальехо, вылетели в 14.05 из Сан-Хулиана и в 14.53 два из них атаковали двумя бомбами и артиллерийским огнем фрегат «Бриллиант», тогда как третий истребитель (первого лейтенанта Кальехо) совершил налет на неизвестный британский корабль (вероятно, эсминец «Антрим»). Особого успеха эти атаки не имели, однако звену «Лауча», в отличие от звена «Ратон», удалось избежать перехвата и в 16.40 благополучно вернуться на базу. — *Прим. ред.*] На всем протяжении войны, когда бы британский пилот ни слышал характерный звук в шлемофоне, — «акустический сигнал», свидетель-

ствовавший о «близости цели» в виде неприятельского летательного аппарата, — уничтожение было почти наверняка гарантированным. Он нажимал на кнопку и слышал «писк», говоривший о захвате объекта ракетой. Затем наблюдал за дымящимся следом AIM-9L «Сайдуиндер», змеей скользившей по небу, неумолимо приближаясь к вражескому ЛА. Потом слепящая вспышка — взорвавшийся «Мираж» или «Скайхок». Всегда, когда «Сайдуиндер» захватывал цель, вражеский летательный аппарат бывал уничтожен. Из двадцати семи ракет этой марки, израсходованных во время войны, двадцать четыре нашли поживу. Техника работала превосходно. На большой высоте «Мираж» мог самым драматичным образом перелетать «Си Харриер». К тому же британские летчики с большим уважением относились к маневренности «Скайхока». Но знание аргентинцев о слабых местах британской противовоздушной обороны, прежде всего комплексов «Си Дарт», заставляло неприятельских пилотов идти на штурмовку на бреющем. Традиционных воздушных дуэлей между истребителями не отмечалось — аргентинцы не пытались вести в небе бои самолет против самолета. Для этого им попросту не хватало горючего. «Врожденная» способность «Харриеров» к резкому сбросу скорости за счет поворота сопел — о чем много говорилось в прессе, когда речь шла о воздушных боях, — неактуальна как тема. Происходила всегонавсего борьба между идущим на перехват «Харриером» с его великолепными возможностями разгона и вражеским самолетом, виляющим и ныряющим в попытках ускользнуть от преследования. Когда «Сайдуиндер» отправлялась в полет, толчка или встряски не чувствовалось — только этакое «вв-вуш-ш-ш». Если противник включал форсажную камеру для увеличения скорости и отрыва, он лишь становился более яркой мишенью для самонаводящейся ракеты или гарантировал себе аварию из-за нехватки горючего для обратного пути домой. Воздушный бой с самого начала и до конца превращался в полностью одностороннее дело. Нежелание или неспособность неприятеля вести «собачью драку», возможно, добавляет немного незаслуженных очков к летно-тактическим характеристикам «Си Харриера». «Бой выглядел точно так, как мы себе его представляли, как наставляли нас на инструктаже и как вообще учили, — рассказывал Энди Олд. — Мне казалось, будто я все это уже делал, если только не считать стрельбы ракетой, ну и — всех обычных ограничений в мирное время, запретов на полеты на бреющем, которые мы просто дружно выбросили в форточку».

Британцы очутились перед лицом серьезной проблемы, связанной с недостаточно быстрым обнаружением атакующих самолетов противника. Субмарины, усиленные прибытием 16 мая атомной подлодки «Вэлиент», вместе с разведкой, действовавшей на континентальной территории Аргентины, посылали донесения о взлетах авиации противника, и самолет представлялось возможным отслеживать на протяжении большей части полета, проходившего для экономии горючего на высоте около 19000 футов (5890 м). Но по крайней мере в 50 милях (92,6 км) от Фолклендских островов «Скайхоки» и «Миражи» круто пикировали почти до уровня поверхности моря и исчезали с экранов британских РЛС наблюдения — они шли на бреющем и возвращались домой с полосами налипшей соли на плоскостях и фюзеляже. Вот где решающим образом сказывалось отсутствие у флота средств раннего обнаружения воздушных судов противника. Аргентинские самолеты приближались к целям, прячась в складках местности, выныривая из-за гор и холмов и, появившись внезапно, сразу же заходили для атаки. Британцы из раза в раз не успевали засечь штурмовые волны неприятеля до самого последнего момента. Вновь и вновь — коль скоро «Си Харриеры» могли находиться в районе боевого патрулирования всего не более двадцати минут за вылет — вражеским летательным аппаратам удавалось прорваться, особенно когда пары БП в воздухе оказывались связанными действиями где-то еще. Пилоты авиагрупп с «Гермеса» и «Инвинсибла» делали все от них зависящее для недопущения вражеского прорыва. Они показывали себя куда лучше, чем мог бы представить себе любой офицер военно-морских сил. Но их отчаянно не хватало. Только в первый день морская авиация оказывала противодействие двенадцати отдельным налетам с участвовавшими в них всего семьюдесятью двумя летательными аппаратами. Нет ничего удивительного, что многим удалось выйти к цели и быть перехваченными только на обратном пути к родным аэродромам.

* * *

Ближе к полудню в тот день, 21 мая, покалеченный «Антрим» медленно вполз в укрытие — узкий залив Сан-Карлос-Уотер, а с «Фирлесса» указали «Аргоноту» занять место у входа в бухту. «Уэссекс» с военврачом из ВМС с «Канберры» на борту приблизился к «Аргоноту» для сбора раненых в первой атаке, и фрегат начал

разворачиваться под ветер, чтобы вертолетчики смогли поднять к себе людей — машина слишком тяжела для посадки на этом судне. Неожиданно с юга появилась волна «Скайхоков». «Уэссекс» развернулся и опустился на берег. «Аргонот» выпустил «Си Кэт» и тут же угодил ею в одиночный летательный аппарат, который упал в бухту Фэннинг [в действительности 21 мая ни один «Скайхок» не был сбит ракетой «Си Кэт»; очевидно, речь идет об аргентинском истребителе М-5 «Даггер» лейтенанта Хорхе И. Беана (С-428), сбитом в 10.32, но на уничтожение того самолета претендует не только ЗРК «Си Кэт» фрегата «Аргонот», но и ЗРК «Си Вулф» фрегата «Бродсуорд». — *Прим. ред.*]. Затем шесть «Скайхоков» сбросили бомбы прямо на корабль. [На самом деле в атаке на «Аргонот» участвовали не шесть, а пять аргентинских штурмовиков А-4В «Скайхок» из 5-й истребительной авиагруппы. Три из них (машины с бортовыми номерами С-215, С-224 и С-240), пилотируемые первым лейтенантом Альберто Хорхе Филиппини, альфересом Рубеном Матео Воттеро и лейтенантом Висенте Луисом Аутьеро, составляли звено с позывным «Лео» (Esquadrilla Leo), которое вылетело на задание из Рио-Гальегос в 12.30, тогда как два других (с номерами С-239 и С-222), управляемые лейтенантами Карлосом Энрике Оссесом и Фернандо Робледо, принадлежали к звену «Орион» (Escuadrilla Orion), покинувшему авиабазу Рио-Гальегос в 13.33. Поскольку ведущий самолет звена «Орион» (С-255 первого лейтенанта Мариано Анхеля Веласко) вышел из строя, два оставшихся «Скайхока» были присоединены к звену «Лео» и вместе с ним атаковали в 14.33 британский фрегат УРО «Аргонот». Сбросив на британский корабль 1000-фунтовые бомбы и обстреляв его из 30-мм пушек, пятерка «Скайхоков» возвратилась на авиабазу Рио-Гальегос. — *Прим. ред.*] Невероятно, но те падали в воду и, отскакивая от поверхности, перелетали через судно. Всех на верхней палубе основательно искупало. Как завороженный, Тэфф Джоунз следил за черным предметом, проносившимся у него над головой, — «чуть не причесала меня». Он заметил семнадцатилетнего матроса, которого бомбардировка застала в момент выхода с камбуза с чайником и несколькими пластиковыми кружками. Тот попытался одновременно рвануться вверх по лестнице, не разбить чайник и не уронить кружки, веером разлетевшиеся по палубе. «Я не забуду это зрелище всю жизнь», — признавался капитан Лаймэн, следя с мостика за приближением заходивших для атаки «Скайхоков». Из всех десяти бомб восемь

упали в море вокруг «Аргонота», подняв огромные фонтаны воды, на миг ослепившие канониров у их орудий [в действительности каждый из пяти «Скайхоков», атаковавших фрегат «Аргонот», нес по одной 1000-фунтовой бомбе Mk 17, то есть всего на корабль было сброшено пять осколочно-фугасных авиабомб, две из которых попали в цель, но не взорвались. — *Прим. ред.*]. Две угодили в корабль. Одна попала в котельное отделение прямо над ватерлинией, ударила, попала в переборку, вызвала взрыв котла, искорежила пароподводящие трубы, отчего машинное отделение наполнилось горячим паром. До того корабль шел на полной скорости, а тут машина встала как мертвая. Просто поразительно, но десять человек из команды в машинном отделении уцелели.

Вторая бомба упала впереди ниже ватерлинии, прошила топливный бак, за ним отсек с ракетами «Си Кэт», из коих по крайней мере три взорвались, но сама не детонировала. Два матроса из расчета, застигнутые бедой рядом с ракетами, погибли мгновенно, а само помещение склада затопила разлившаяся солярка. Когда слетела дверь подъемника «Си Кэт» сразу впереди мостика, снизу повалил белый дым. Корабль продолжал идти в сторону берега, не слушаясь рулей. Связь прекратилась. Кэптен Лаймэн послал матроса на нос, дабы тот сбросил якорь, и тут же начал получать сообщения от команды борьбы за живучесть судна. «На установление деталей происходившего с судном понадобилось больше времени, чем можно себе представить», — рассказывал он. В столовой в носовой части над складом боеприпасов пылал пожар — горели скатерти и плавились алюминиевые ящики. Один из машинистов, Хатауэй, проложил себе путь в данный отсек с дыхательным аппаратом и около двадцати минут боролся с огнем. Пилот вертолета «Уосп» с «Ярмута», увидев бедственную ситуацию на «Аргоноте», по собственной инициативе посадил машину на полетную палубу фрегата и принялся загружать раненых. Вспомогательные дизель-генераторы корабля по-прежнему питали током основные оружейные системы, и моряки быстро приготовили к боевой работе установку «Си Кэт» в носовой части судна. Лаймэн передал на «Фирлесс»: «Мы можем держаться на плаву и вести бой, но двигаться неспособны». С началом сумерек из залива Сан-Карлос вышел фрегат «Плимут» и принялся кружить вокруг поврежденного корабля, готовый защитить его от дальнейших налетов с воздуха. Когда совсем стемнело, «Плимут» подошел к «Аргоноту» и взял его на буксир, чтобы оттащить

в относительно спокойный Сан-Карлос, хотя на борту судна по-прежнему оставались две неразорвавшиеся бомбы.

Пока «Аргонот» сражался за свое спасение, самолеты последней в тот день волны налета обрушились на «Ардент», 3250-тонный фрегат типа 21, оказывавший огневую поддержку с моря в самой южной оконечности позиции флота, экраном прикрывавшего высадку. [Первый удар по «Арденту» нанес в 14.00 штурмовик А-4В «Скайхоук» 5-й ИАГ (бортовой номер С-204) под управлением капитана Пабло Маркоса Рафаэля Карбальо — один из самолетов звена с позывным «Мула» (Mula), вылетевшего в 11.30 с авибазы Рио-Гальегос. Изначально звено «Мула» состояло из четырех самолетов, однако один «Скайхоук» (С-250), пилотируемый первым лейтенантом Карлосом Эдуардо Качоном, не успел дозаправиться в воздухе и повернул назад, а другой (С-231), управляемый лейтенантом Карлосом Альфредо Ринке, уже находясь над Западным Фолклендом, получил приказ возвратиться назад из-за утечки топлива в одном из его ПТБ. Пилот третьего «Скайхока» с бортовым номером С-214, альферес Леонардо Сальвадор Кармона, принял неопознанное судно, обнаруженное им в заливе Порт-Кинг, за британский транспорт, и в 12.55 сбросил на него 1000-фунтовую бомбу Mk 17, после чего лег на обратный курс и благополучно вернулся на базу. В реальности он атаковал аргентинский контейнеровоз «Рио Каркаранья», поврежденный британской авиацией и брошенный собственной командой еще 16 мая (лидер звена «Мула», капитан Пабло Карбальо, слишком поздно опознал это судно и сообщил соответствующую информацию своему ведомому Карбоне, когда тот уже успел отбомбиться). В итоге рейд к заливу Сан-Карлос продолжил только «Даггер» капитана Карбальо. Он сбросил свою 1000-фунтовую бомбу на фрегат «Ардент», но промахнулся и, выйдя из атаки под огнем зенитной артиллерии британского корабля, возвратился к 14.30 в Рио-Гальегос. Второй авианалет на «Ардент» совершили в 14.40 два «Даггера» (бортовые номера С-418 и С-436) звена с позывным «Куэка» (Cueca) из 1-й эскадрильи 6-й ИАГ, пилотируемые капитаном Орасио Мир-Гонсалесом и лейтенантом Хуаном Доминго Бернхардтом, и такой же истребитель М-5 «Даггер» (номер С-429) из секции «Либра» той же эскадрильи, пилотируемый капитаном Игиньо Рафаэлем Роблесом (второй самолет секции «Либра», под управлением первого лейтенанта Эктора Уго Луны, отстал от группы и в 14.47 был перехвачен и сбит «Си Харриером» над

островом Западный Фолкленд). Обнаружив фрегат «Ардент» в заливе Грантем, тройка «Даггеров» прорвалась к нему, невзирая на сильный зенитный огонь, повредивший один самолет. Бомба, сброшенная капитаном Мир-Гонсалесом, отрикошетировала от воды и ударила в кормовую часть фрегата, но не взорвалась. Однако через несколько мгновений в «Ардент» угодила 500-фунтовка лейтенанта Бернхардта, заряд которой не пропал даром. Взрыв разрушил вертолетный ангар, уничтожив корабельный вертолет «Линкс» (бортовой номер XZ244). Погибли или получили ранения несколько моряков. Фрегат атаковал и капитан Роблес, однако он успеха не добился. В 15.55 все три аргентинских самолета благополучно вернулись на свою базу в Рио-Гранде. В 15.01 фрегат «Ардент» был атакован первой секцией звена «Табано» из 3-й истребительно-штурмовой эскадрильи ВМА — тремя штурмовиками A-4Q «Скайхоу», за которыми в 15.14 последовала вторая секция, тоже состоявшая из трех «Скайхоков». Две 500-фунтовые бомбы, сброшенные ведущим первой секции, капитаном корвета Альберто Хорхе Филиппи, попали в корму корабля, уничтожили пусковую установку ЗРК «Си Кэт» и вызвали многочисленные пожары. В результате бомбовых ударов, нанесенных аргентинскими самолетами (сначала «Даггерами» 6-й ИАГ ВВС, затем «Скайхоками» военно-морской авиации), «Ардент» получил фатальные повреждения, вынудившие команду оставить корабль. — *Прим. ред.*] Две 1000-фунтовые бомбы ударили в корму, вывели из строя все жизненно важные системы и оставили огромные зияющие пробоины, куда попала другая бомба, отчего запылала вся кормовая часть корабля. Двадцать четыре человека погибли и тридцать получили ранения. Несмотря ни на какой героизм и противодействие врагу, в ходе которого заведующий корабельным буфетом отважно вел по самолетам огонь из пулемета общего назначения, когда отказало все прочее оружие, отсутствовала любая, даже самая малая возможность спасти «Ардент». Вертолетчики на своих машинах окружили корабль и принялись вылавливать уцелевших из воды и поднимать на борт оставшихся 200 чел. из команды, сгрудившихся на баковой надстройке в своих «одноразовых» защитных костюмах. «Ярмут» поспешил сблизиться с фрегатом борт к борту и закончил спасение команды с уже объятого пламенем и дымом корабля. Командир фрегата, коммандер Алан Уэст, рассказывал, как со слезами на глазах, подобно многим из моряков команды, отдал приказ покинуть судно. Однако, где бы и ког-

да ни велась война, ни один корабль тех же габаритов не мог бы вынести таких повреждений и остаться на плаву.

Уже наступила темнота, а раненых все еще доставляли на борт «Канберры» и помещали в операционные помещения на корабле. 42-й отряд коммандос отправили на сушу во второй половине дня на соединение с 3-м батальоном Парашютного полка около Порт-Сан-Карлоса. Хотя на борту лайнера имелись какие-то военные припасы и снаряжение, роль его заключалась преимущественно в обеспечении медицинской поддержки. Многие из команды судна очень радовались его чудесному спасению во время вражеских атак в тот день. Однако в большинстве своем люди испытали глубокий шок — они и отдаленно не могли себе представить ничего подобного, когда выходили в плавание из Саутгемптона. До сих пор не ясно, стремились ли аргентинцы потопить «Канберру», но попросту не попали в нее, как казалось некоторым на ее палубах, или, как утверждают пилоты противника, им особым образом приказали не касаться лайнера. В любом случае ему очень повезло в тот день. Находившийся на борту «Фирлесса» штаб 3-й бригады коммандос больше всего радовался факту прошедшей без потерь высадки и отсутствию у неприятеля стремления атаковать войска, занятые накапливанием снаряжения и прочего военного имущества на берегу. Процесс шел медленно, поскольку вертолетам приходилось прятаться за горизонтом в ходе налетов вражеской авиации. Между тем не отмечалось и никаких признаков попыток командования аргентинских сухопутных войск развернуть контратаку или хотя бы перебросить подразделения вертолетами и создать сосредоточение для наступления на береговой плацдарм. Теперь на суше находилось уже 4000 чел. У британцев немного отлегло от сердца, ибо любой здравомыслящий военный командир понимал всю степень крайней уязвимости десанта именно в течение самых первых часов высадки. Если генералу Менендесу недоставало воли или средств воспользоваться обстановкой, когда британцы находились в наиболее опасном положении, теперь появлялись все основания надеяться на справедливость донесений САС с утверждениями о неготовности противника к решительным действиям и о его некомпетентности.

Становилось ясно, чего стоит более всего бояться в будущем оперативному соединению — наиболее уязвимыми оказались корабли в море, понесшие чувствительный урон при защите берегового плацдарма. Один фрегат пошел ко дну, а четыре других

получили повреждения. «К концу дня, — писал в дневнике высокопоставленный офицер морской пехоты, — аргентинцы определенно пробили брешь в обороне слишком слабо вооруженного эскорта. Если бы световой день длился дольше и если бы неприятель продолжал свои атаки, он имел шанс добраться до наших десантных кораблей, как надо предполагать, с катастрофическими для нас последствиями». Морской офицер с «Фирлесса» высказался так: «Некоторые пребывали в весьма удрученном состоянии в тот вечер. Иные из нас слишком поздно осознали масштабы нанесенного нам ущерба. Мы слишком высоко о себе мнили. И вот теперь приходилось пересматривать взгляды и избавляться от заблуждений». Энди Олд и прочие пилоты «Си Харриеров» с «Гермеса» делали максимум от них зависящего, и все же в ту ночь настроение их было мрачным. «Мало, мало мы сбиваем», — сокрушенно качали они головами. Аргентинские военно-воздушные силы буквально задавили британскую оборону массой за счет одной только численности. Совершенно неизбежно приходилось ожидать новых неприятельских визитов. А если еще и бомбы начнут взрываться?

В ту ночь, когда адмирал Вудвард поговорил по телефону с коммодором Клэппом, а позднее долго беседовал с адмиралом Халлифаксом, начальником штаба в Нортвуде, были сделаны основательные выводы и приняты необходимые решения. Первое, аргентинцы, по счастью, сами отвлекались от атак на жизненно важные транспортные суда снабжения, предпочитая разделываться с эскортом, по той причине, вероятно, что его корабли оказывались первыми в поле зрения летчиков в те немногие секунды, остававшиеся на выбор и захват цели после появления самолетов из-за гор. Вудвард считал огромным подспорьем страх противника перед британскими ракетными системами, более всего перед «Си Дарт», вынуждавший неприятельских пилотов заходить на атаку с бреющего полета: так они не успевали толком прицелиться, а бомбам не хватало времени для постановки на боевой взвод. Представлялось, однако же, жизненно важным снизить риск для главнейших транспортов снабжения за счет отвода таких судов, кроме двух или трех, непосредственно находящихся под разгрузкой. К тому же казалось просто-таки самоубийственным оставлять военные корабли в Фолклендском проливе — следовало убрать их оттуда в способный послужить укрытием залив Сан-Карлос.

Возможно, наиболее серьезную дискуссию вызывали опасения по поводу боевых качеств зенитных ракетных комплексов «Рэй-

пир». В ВМС возлагались огромные надежды на способность пусковых установок «Рэйпир» надежно прикрыть десант после высадки. И все же, когда после огромных усилий со стороны экипажей «Си Кингов» — таскавших неуклюжие грузы в перерывах между вражескими налетами с воздуха — комплексы «Рэйпир» разместили на берегу, восемь ПУ дали сбои в тот первый день. Долгое соседство с морской солью во время плавания пошло во вред чувствительной электронике. Доставка запасных частей с кораблей выливалась в крайне трудное дело. Случались неожиданные неполадки, как тенденция ломаться сделанных из слабоватого металлического сплава креплений, вследствие чего ракеты сваливались на землю. Прошел уже почти год с тех пор, как расчеты тренировались на стрельбах с боевыми боеприпасами. При визуальном ведении цели на поле боя, особенно если объект проходил ниже их позиции, у зенитчиков уходило некоторое время на подстройку. 21 мая из десяти запущенных ракет «Рэйпир» три попали в цель. Однако при таких результатах оружия оно никак не могло считаться панацеей против атак авиации, как рассчитывали некоторые оптимисты. Адмирал Вудвард не без раздражения отреагировал с «Гермеса»: «Я уверен, что подразделения с «Рэйпир» делают все от них зависящее. Однако их вчерашняя работа совершенно неудовлетворительна. Пусть пошевеливаются быстрее, пока противник не влепил им по головам». Данное высказывание только усилило раздражение сухопутных сил в отношении КПФ. Все надежды на обеспечение прочного прикрытия оперативно-тактической группе казались поразительным образом вывернутыми наизнанку — выходит, напрасно адмирал так сильно полагался на способность зенитных ракет «Рэйпир» защитить корабли перед лицом атак с воздуха.

Однако высшее командование оперативного соединения — начальник штаба обороны в Уайтхолле, сэр Джон Филдхауз в Нортвуде и адмирал Вудвард на «Гермесе» — отошло ко сну в ту ночь все же с до некоторой степени радужной мыслью: если уж у британцев выдался пугающий денек, то неприятелю досталось куда сильнее. По их оценкам, противник потерял двадцать летательных аппаратов. Потом, правда, планку опустили до шестнадцати, но в любом случае военно-воздушные силы такой численности не могли позволить себе нести столь существенные потери ежедневно. Касаемо же фрегатов, именно их в составе оперативно-тактической группы вполне хватало. Потерянные и поврежденные корабли представлялось возможным заменить другими. Между тем, после сильнейше-

го напряжения, царившего на протяжении последних сорока восьми часов, когда само будущее операции висело в воздухе, удалось достигнуть главного — превосходным образом произвести высадку. Отныне надлежало только запастись выдержкой и наступать. «Никогда даже не думал о возможности проигрыша, — признавался Джулиан Томпсон, — ибо знал, что за нами есть политическая воля». Однако напряжение тех дней было крайне высоко.

В то время как командование обсуждало тактику завтрашнего дня, моряки на покалеченных кораблях трудились всю ночь, спеша произвести ремонт и вернуть суда в строй. «Аргонот» шел на буксире за «Плимутом» к якорной стоянке, а команда выкачивала воду из затопленных отсеков и старалась запустить машину. Неожиданно, без всякой видимой причины выключилась система аварийного электропитания — все прекратило работу. На корабле наступила необычайная тишина. Едва-едва дотащившись до места, судно бросило якорь. При свете факелов мотористы изучали дизельные генераторы. Оказалось, что когда бомба пробила топливный бак, внутрь начала поступать вода, загрязнившая механизмы двигателей солью. Моряки под началом главного военного техника флота Эрена со всем тщанием и долготерпением принялись разбирать узлы и приводить генераторы в порядок. Другие заделывали временными заплатками дыры в борту корабля, «забивая их матрасами и прочей ерундой, точь-в-точь как делали команды Второй мировой», по оптимистичному замечанию Кита Лаймэна. Когда умолк постоянный рокот генераторов и вентиляторов, под звуки которых моряки жили и днем и ночью, «люди вдруг стали шептаться, точно находились в соборе. Все, казалось, достигли предела. Команда была совершенно вымотана после семидесяти двух часов боевой работы». Офицер-водолаз, молодой лейтенант по имени Питер Морган, взял на себя чертовски неприятную и опасную задачу — спустился в залитый соляркой склад боеприпасов в носовой части, где лежали тела оружейников и убившая их неразорвавшаяся бомба. Тридцать минут спустя он появился на поверхности и доложил о том, что бомба лежит прямо на нескольких боеготовых ракетах «Си Кэт».

Аварийное питание на корабле удалось восстановить как раз перед первыми проблесками рассвета. Команда находилась на пределе от усталости и к тому же сознавала, что самые опасные проблемы остались неразрешенными. Лаймэн счел местоположение

«Аргонота» на якорной стоянке слишком удаленным — «мы знали, что они вновь пожалуют» — и попросил подтянуть фрегат дальше вглубь залива. После довольно продолжительной паузы появились, наконец, три десантных катера под командой беззаботного Юэна Саутби-Тейлура. Лаймэн направлял действия LCU жестами с мостика, и вот три катера взяли «Аргонот» на буксир и медленно оттащили фрегат вглубь расположений десантных кораблей, где тот и бросил якорь. Вскоре затем парочка деловитых саперов из Королевских инженерных войск [конкретно — из 49-го эскадрона, специализирующегося на обезвреживании боеприпасов. — *Прим. ред.*] поднялась на борт и попросила отвести их к бомбам. Уоррент-офицер [warrant officer — промежуточное звание между сержантским/старшинским и офицерским. — *Прим. пер.*] Джон Филлипс и штаб-сержант Джим Прескотт занялись работой с помощью ракетного ключа и примерно через час обезвредили заряд в котельном отделении за счет контролируемого взрыва. «Все вроде нормально», — известили они команду корабля, с напряжением ожидавшую результатов на верхних палубах. Бомбу в корме удалили и в самом-то деле легко. Но другая, остававшаяся в передней части судна, лежала неудобно, не позволяя саперам подступиться к ней. Оставался один вариант — заделать внешнее отверстие в борту корабля ниже ватерлинии, выкачать воду из оружейного склада, а затем уже заниматься обезвреживанием бомбы. Кэптен поблагодарил саперов, которые отправились заниматься другими делами с тем же непробиваемым спокойствием и невозмутимым видом, как и при появлении на корабле. «Аргонот» пережил целую сагу продолжительностью в неделю, понадобившуюся для устранения ущерба, в то время как на палубе вверху члены команды исправно вставали на боевые посты около зениток для отражения новых вражеских налетов. Лаймэн уведомил коммодора по десантным операциям о неготовности судна передвигаться своим ходом. Однако старый добрый стальной корабль сохранил способность «держаться на плаву и драться». В ближайшие дни «Аргонот» не сидел без дела.

* * *

Утро субботы вновь выдалось ясным и безоблачным. На стоявших на якорной стоянке судах расчеты зениток находились в полной боевой готовности, ожидая появления врага у своих орудий, пулеметов и пусковых установок, готовясь услышать в громкого-

ворителе: «Воздух! Красная тревога!» [Красная тревога — сигнал «воздушное нападение неизбежно». — *Прим. пер.*], в то время как челночные перевозки снаряжения и снабжения вертолетами и десантными катерами продолжались. Один «Си Харриер» с «Гермеса» засек кильватерную струю вражеского патрульного катера в районе к югу и атаковал его пушечным огнем. Пилот видел, как команда в отчаянии выбросила судно на прибрежную отмель. [Речь идет о судне Военно-морской префектуры (аргентинской береговой охраны) «Рио Игуасу» (GC-83 Rio Iguazu), которым командовал субпрефект (subprefecto, эквивалент лейтенанта корабля аргентинских ВМС) Эдуардо Адольфо Ольмедо. 22 мая этот 81-тонный пограничный катер западногерманской постройки (тип Z-28 компании Blohm und Voss), чья команда насчитывала 15 чел., перевозил из Порт-Стэнли в Гуз-Грин две безоткатные 105-мм гаубицы «OTO-Мелара». Согласно приказу от 21 мая бригадного генерала Омара Э. Парады, командующего армейской группой «Побережье», к ОТГ «Мерседес» должны были присоединиться четыре таких орудия, состоявших на вооружении 1-го и 2-го взводов батареи «А» 4-го воздушно-десантного артиллерийского дивизиона 4-й воздушно-десантной пехотной бригады (вместе с ними из Порт-Стэнли в Гуз-Грин отправлялся и батарейный командир, первый лейтенант Карлос А. Чанампа). Две из вышеупомянутых гаубиц и боеприпасы к ним решили доставить к месту назначения морским путем, погрузив их на катер береговой охраны «Рио Игуасу», однако по пути это судно было обнаружено противником и в 8.25 утра 22 мая атаковано в бухте Баттонс-Бэй, в северной части залива Шуазёль, патрульной парой «Си Харриеров» из 800-й эскадрильи ВМА, пилотируемых лейтенант-коммандером Родом Фредериксеном и лейтенантом Мартином Хэйлом. Британские летчики обстреливали «Рио Игуасу» из 30-мм авиационных пушек, на что команда катера отвечала огнем двух кормовых 12,7-мм пулеметов «Браунинг». Аргентинцы даже смогли повредить один «Си Харриер» (этого меткого попадания добился капрал Хосе Рауль Ибаньес), однако их катер был серьезно поврежден, и в итоге его пришлось выбросить на прибрежные скалы. В перестрелке с «Си Харриерами» на судне погиб один из пулеметчиков, второй капрал (cabo segundo) Хулио Омар Бенитес, а еще трое морских пограничников получили ранения. На следующий день, 23 мая, два вертолета Белл-212 из Мальвинской вертолетной эскадрильи (бортовые номера H-83 и H-85), базировавшиеся на аэродроме Гуз-Грина,

подобрали раненых членов команды «Рио-Игуасу», а также тело второго капрала Бенитеса, и высадили на судно партию ремонтников, которая починила обе находившиеся там гаубицы (фактически только одна из них имела существенные повреждения). Снятые с «Рио-Игуасу» орудия и боеприпасы были доставлены вертолетами в Гуз-Грин. — *Прим. ред.*] Два С-130 под эскортом шести «Миражей» появились над Западным Фолклендом, но британцы не смогли вступить в бой с противником. [В реальности 22 мая аргентинские военно-транспортные самолеты С-130 не высылались к Фолклендским островам, однако в ночь на 23 мая такой рейс совершил один транспортник С-130 (бортовой номер TC-66), который вылетел в 00.15 из Комодоро-Ривадавии с 15-тонным грузом и в 4.00 приземлился на авиабазе «Мальвинас» в Порт-Стэнли. Забрав там на борт, среди прочего, тринадцать раненых военнослужащих, он снова поднялся в воздух в 4.18, взял курс на материк и в 6.30 утра 23-го числа вернулся в Комодоро-Ривадавию. Согласно аргентинским источникам, в ходе обоих перелетов, до Фолклендов и обратно, эскорт истребителей его не сопровождал. — *Прим. ред.*] По мере того как часы тикали, день шел, напряжение стало спадать. Толстые облака сгустились над авиабазами в Аргентине. К тому же становилось очевидным, что неприятельские ВВС зализывают раны после полученной накануне внушительной трепки. Британцы попробовали новую тактику, основанную на продолжении веры в комбинацию «Си Вулф» и «Си Дарт», отправив пару «22–42» из «Бродсуорда» и «Ковентри» на северо-запад как «большую ракетную ловушку», если пользоваться словами адмирала. Расчет строился на идее связать «Скайхоки» и «Миражи» на дальних подступах. Комплексу «Си Вулф» предстояло обеспечить защиту от атак на бреющем полете. Однако в ту субботу два корабля прождали врага напрасно. Пала ночь, а аргентинцы так и не появились.

Под покровом темноты британцы дали старт некоторой жизненно важной передислокации. «Гламорган» выступил с целью занять место поврежденного «Антрима» в заслоне судов сопровождения. К огромному облегчению тех, кто находился как на море, так и на суше, «Бриллиант» проводил вон из залива большого белого кита по имени «Канберра» вместе с цепочкой кораблей снабжения. Некоторые командиры возражали, указывая на находившиеся на борту лайнера грузы, однако жизненно важного военного имущества там фактически не осталось. Потеря «Кан-

берры» или даже нанесение ей серьезного ущерба послужили бы катастрофическим ударом по престижу британцев, каковое обстоятельство не оправдало никакие военные преимущества дальнейшего ее пребывания в Сан-Карлосе. Врачебная команда — медики и хирурги — расположились на берегу, на территории заброшенного рефрижераторного завода в Эйджэкс-Бэй. Коммодор Клэпп и адмирал Вудвард сошлись на целесообразности снизить до абсолютного минимума разгрузку кораблей на якорной стоянке на протяжении дневного времени. Такое решение оказалось серьезным ударом по замыслам 3-й бригады коммандос, ибо вся схема планирования у нее основывалась на условии постоянного функционирования служб тыла бригады по доставке снабжения в Сан-Карлос. Вместо того сосредоточивать необходимое имущество начали в районе селения Эйджэкс-Бэй, где представлялось возможным максимально быстро осуществлять доставку снаряжения и прочих грузов с помощью плавучих понтонов НИИ военных инженерных средств. Каждую ночь колонна кораблей снабжения отправлялась на якорную стоянку и на протяжении нескольких часов осуществляла разгрузку, заканчивая ее и снимаясь с места перед рассветом для отхода в более безопасное открытое море — к востоку от места дислокации ударной группы. Данная процедура радикальным образом удлиняла процесс доставки материалов, вызывая глубокое разочарование у членов штаба 3-й бригады коммандос, которые досадовали на командование Королевских ВМС, принявшее важное решение без учета мнения морских пехотинцев. Однако понять позицию ВМС легко. К тому же военно-морской штаб полагал, что начальство сухопутных сил значительным образом осложняет проблемы, поскольку само не знает, что ему нужно в первую очередь — каковы приоритеты в данный момент.

* * *

На какой-то короткий момент утром в воскресенье, когда вновь выдался ясный и яркий денек, иные из моряков на якорной стоянке стали подумывать, будто военно-воздушные силы противника сочли за благо отказаться от дальнейшего наступления. День начался для британцев удачно. «Си Харриеры» подловили один вертолет «Хьюи» и два вертолета «Пума», уничтожив все три [в действительности в 10.30 утра 23 мая вблизи Шаг-Коув-Хауса на острове Западный Фолкленд вместе с двумя транспортно-десант-

ными вертолетами SA 330L «Пума» 601-го батальона армейской авиации был уничтожен не вертолет «Хьюи» (точнее «Ирокез», поскольку аргентинцы именно так называли данный тип ЛА), а другая боевая единица того же 601-го батальона — ударный вертолет Аугуста A-109A «Ирундо», который на земле расстреляли снарядами 30-мм авиационных пушек два британских «Си Харриера» из 800-й эскадрильи ВМА с «Гермеса» (бортовые номера ZA192/92 и ZA191/18, пилоты — флайт-лейтенанты ВВС Дэйвид Морган и Джон Лиминг); что касается двух вертолетов «Пума», то один из них рухнул на землю, пытаясь уклониться от атаки «Си Харриера» флайт-лейтенанта Моргана (весь экипаж этого аргентинского ЛА спасся), а другой, находясь на земле, был обстрелян все тем же Морганом из 30-мм пушек и получил серьезные повреждения (вскоре, в то же утро, его окончательно добили пушечным огнем два «Си Харриера» с авианосца «Инвинсибл», пилотируемые лейтенант-коммандерами Тимоти Геджем и Дэйвидом Брейтуэйтом, командиром и старшим офицером 809-й эскадрильи ВМА). — *Прим. ред.*], а «Линкс» с борта фрегата «Энтилоуп» [фрегат «Энтилоуп» (HMS Antelope, «Антилопа»), прибывший в зону боевых действий в Южной Атлантике вместе с фрегатом «Эмбюскейд» (HMS Ambuscade), был направлен в Фолклендский пролив для замены фрегата «Ардент», выведенного из строя 21 мая и затонувшего в 4.30 утра 22 мая. — *Прим. пер.*] повредил ракетой «Си Скьюа» неприятельское грузовое судно [имеется в виду ранее поврежденный контейнеровоз «Рио Каркаранья», который с вернувшейся на него командой вышел в море из Порт-Кинга; обнаруженный 23 мая вертолетом «Линкс» с фрегата «Аргонот», он сумел уклониться от его атаки (система наведения ракет «Си Скьюа» не смогла распознать цель на фоне высокого берега), однако затем был вторично атакован, на этот раз «Линксом» с фрегата «Антелоуп», и, получив два попадания ракет «Си Скьюа», потерял управление, а его команда эвакуировалась на сушу (впоследствии это дрейфующее без экипажа судно село на скалы). — *Прим. ред.*]. «Бриллиант» и «Ярмут» поймали в ловушку и заставили выброситься на отмель аргентинский снабженческий корабль «Монсунен» [на борту «Монсунена» находилось 14 военнослужащих: три офицера ВМС (в том числе командир судна, лейтенант корабля Хорхе Альберто Гопсевич-Каневари), девять моряков и два пехотинца (первый сержант и рядовой), составлявшие расчет пулемета MAG. — *Прим. ред.*]. Но потом «Скайхоки» и «Миражи» возоб-

новили налеты на военные корабли. «Было страшновато, — писал офицер с «Бродсуорда», — но, оглядываясь назад, некоторые вещи кажутся по-своему комичными. «Си Кэт» гонялись за тремя «Миражами», и когда казалось, будто все, сейчас достанут, они вдруг словно выдохлись и упали в воду, как бывает в мультиках о Томе и Джерри. Другие ракеты и огонь из «Бофорс» при попытках сбить самолет накрыли склон холма, разогнав пасшихся там коров и подняв тучи пыли...» Бойцы 45-го отряда коммандос, окопавшиеся выше селения Эйджэкс-Бэй, от души ругали зенитчиков за пальбу почти по позициям морской пехоты.

Наступило время ланча, когда «Линкс» с борта «Энтилоуп», возвращавшийся после проверки состояния дел с атакованным утром вражеским кораблем, теперь уже уходившим ко дну, неожиданно заметил над Фолклендским проливом приближавшиеся с севера четыре «Скайхока». [Данный налет совершило в 13.30 звено с позывным «Нене» (Nene, «Мальчуган») из 5-й истребительной авиагруппы ВВС Аргентины, вылетевшее в 12.00 с авиабазы Рио-Гальегос, — четыре штурмовика А-4В «Скайхок» с бортовыми номерами С-228, С-240, С-242 и С-239, пилотируемые соответственно капитаном Пабло Маркосом Рафаэлем Карбальо, альфересом Уго Эдгардо Гомесом, первым лейтенантом Лусиано Гуаданьини и лейтенантом Карлосом Альфредо Ринке. Из этой четверки самолетов, каждый из которых нес по одной 1000-фунтовой бомбе, собственно к звену «Нене» принадлежали только первый и четвертый, тогда как второй и третий были из звена с позывным «Труэно» (Trueno, «Гром»). Поднявшись в небо в 12.00, пилоты штурмовиков С-240 и С-242 получили приказ соединиться со звеном «Нене», поскольку машина лидера звена «Труэно», майора Уго Анхеля Дель Валье Палавера, как и третий самолет из звена «Нене», по техническим причинам не смогли принять участия в миссии, для которой изначально выделялись шесть «Скайхоков». — *Прим. ред.*] Те исчезли за Фаннинг-Хед и разделились на пары. Первая зашла на штурмовку с востока, и артиллерия корабля открыла по ним огонь. Пилоты, похоже, струхнули и развернулись прочь. Выпущенная с «Энтилоуп» ракета «Си Кэт» нагнала один самолет. [По другим данным, британская зенитная ракета, выпущенная не с корабля, а с земли (то есть не «Си Кэт», а, возможно, «Рэйпир»), взорвалась под правым крылом самолета капитана Маркоса Карбальо (ведущего пары), и тот, прервав атаку, решил вернуться на базу. Когда

он пролетал над Гуз-Грином, британцы выпустили по нему еще одну ракету «земля-воздух», которая прошла мимо совсем рядом с кабиной аргентинского «Скайхока». Второй самолет первой секции, управляемый альфересом Уго Гомесом, сбросил на фрегат «Энтилоуп», стоявший в северной части залива Сан-Карлос, вблизи маленького острова Фаннинг, свою 1000-фунтовую бомбу, но ее заряд не сработал, поэтому особого ущерба кораблю она не нанесла. — *Прим. ред.*]. В тот момент с севера в атаку ринулись другие «Скайхоки». Первый промчался над «Энтилоуп» и устремился к «Бродсуорду». Бомба ударила в корму большого фрегата. И снова взрыва не произошло [речь идет об атаке альфереса Гомеса, чей самолет относился не ко второй, а к первой паре (секции) звена «Нене». — *Прим. ред.*]. Второй летательный аппарат наткнулся на заградительный огонь с «Энтилоуп» [на самом деле это был первый самолет второй секции (или третий в звене «Нене») — «Скайхок» с бортовым номером С-242 под управлением первого лейтенанта Лусиано Гуаданьини. — *Прим. ред.*]. Подбитая 20-мм снарядами «Эрликонов», машина едва не врубилась в корабль, на скорости 400 миль в час (643 км/ч) столкнувшись с кормовой мачтой. Моряки на палубе услышали громкий треск. «Скайхок» развалился, и обломки упали в море с левого борта судна [при этом погиб пилот аргентинского штурмовика, первый лейтенант Л. Гуаданьини; в реальности остается неясным, какое из британских средств ПВО сбило его «Скайхок» (на данный успех претендуют ЗРК «Си Вулф» с фрегата «Бродсуорд», ЗРК «Си Кэт» с фрегата «Энтилоуп» и наземные комплексы — ЗРК «Рэйпир» и ПЗРК «Блоупайп»). — *Прим. ред.*]. Одновременно корабль развернуло от попадания бомбы, врезавшейся в корму с правого борта. Спустя несколько секунд другой «Скайхок» зашел под углом с левой стороны и попотчевал «Энтилоуп» вторым 1000-фунтовым «гостинцем» в область внизу рядом с мостиком. Хотя бомба не взорвалась, она пролетела дальше в кают-компанию для унтерофицерского состава, где убила стюарда и ранила двух фельдшеров. [Эту бомбовую атаку провел на своем штурмовике лейтенант Карлос А. Ринке. Избежав попадания зенитных ракет, он к 15.30 вернулся в Рио-Гальегос вместе с двумя другими уцелевшими «Скайхоками» звена «Нене». Вскоре после этого налета над заливом Сан-Карлос появилось звено «Табано» из 3-й истребительно-штурмовой эскадрильи ВМА — три штурмовика A-4Q «Скайхок», которые пилотировали капитан корвета Родольфо Альберто

Кастро-Фокс (командующий эскадрильей), капитан корвета Карлос Мария Субисаррета и лейтенант Марко Аурелио Бенитес. В 13.45 они атаковали британские фрегаты «Бродсуорд», «Ярмут» и «Энтилоуп», но без какого-либо видимого успеха. При возвращении звена в Рио-Гранде погиб в результате несчастного случая капитан корвета Субисаррета. Когда во время посадки на шасси его самолета загорелась шина, этот летчик решил катапультироваться, опасаясь взрыва неиспользованных авиабомб, однако разбился насмерть, так как парашют не полностью раскрылся. Между тем «Скайхок» Субисарреты остановился сам по себе и даже не получил повреждений. Следует отметить, что штурмовик первого лейтенанта Лусиано Гуаданьини оказался не единственным аргентинским самолетом, потерянным в тот день. Вторым был истребитель М-5 «Даггер» из звена с позывным «Пуньяль» (Puñal, «Кинжал») 1-й аэромобильной эскадрильи 6-й ИАГ, сбитый в 16.00 ракетой «Сайдуиндер», которую выпустил лейтенант Королевских ВМС Мартин Хэйл, пилот «Си Харриера» с бортовым номером ZA194/94. Тогда патруль 801-й эскадрильи ВМА, состоявший из двух самолетов (лейтенант-коммандера Энди Олда и лейтенанта Мартина Хэйла), перехватил два «Даггера» над островом Пеббл. Ведомый аргентинский истребитель лейтенанта Эктора Рикардо Вольпоне (бортовой номер С-437) был сбит и рухнул в море в бухте Хорсшу (останки его погибшего пилота аргентинцы потом нашли в западной части залива Элефант-Бэй), а другой «Даггер» (С-435), пилотируемый лидером звена «Пуньял» майором Карлосом Н. Мартинесом (командиром 1-й аэромобильной эскадрильи «Лос Авутардес Сальвахес»), сумел спастись и к 16.20 вернулся в Рио-Гранде. Британская авиация, со своей стороны, совершила 23 мая шесть воздушных налетов на аргентинские наземные объекты: военную авиабазу «Кондор» в Гуз-Грине (два «Си Харриера» в 11.00), Порт-Хауард на Западном Фолкленде (два «Харриера» GR.3 в 13.00), военную авиабазу «Мальвинас» в Порт-Стэнли (два «Харриера» в 13.55 и три «Си Харриера» в 20.30) и взлетно-посадочную полосу военно-морской авиастанции «Кальдерон» на острове Пеббл (два «Харриера» в 16.30 и 17.25). Боевых потерь она не имела, однако один «Си Харриер» (бортовой номер ZA192/92), который вместе с тремя другими самолетами 800-й военно-морской эскадрильи должен был в 20.30 участвовать в бомбардировке ВАБ «Мальвинас», по неизвестной причине (вероятно, от детонации боеприпасов) взорвался сразу после старта с авианосца «Гер-

мес» и упал в море. Его пилот, лейтенант-коммандер Горди (Гордон Уолтер Джеймс) Батт, погиб в этой катастрофе. — *Прим. ред.*]

Фрегат «Энтилоуп» успешно маневрировал перед лицом следующей волны атаки, а затем сблизился с «Бродсуордом» в поисках укрытия, чтобы команда смогла оценить размеры ущерба, нанесенного кораблю. В 2.30 пополудни судно поковыляло в заводь Сан-Карлос-Уотер вместе с покалеченным «Аргонотом». Предстояло перво-наперво заняться проблемой бомб. Штабсержант Прескотт и уоррент-офицер Филлипс прилетели для устранения ситуации на втором фрегате. Большую часть команды корабля отправили на баковую надстройку, оставив лишь самый минимум на опасной работе. Больше часа люди боролись с бомбой, сброшенной первым «Скайхоком». Моряки продрогли на ледяном северном ветру и в конечном счете получили приказ перейти на корму, под защиту полетной палубы. По трансляции с мостика передали, что группа ликвидаторов собирается применить новый метод обезвреживания. Прескотт и Филлипс детонировали небольшой заряд, а потом подошли проверить получившиеся результаты. Бомба взорвалась самопроизвольно, когда они как раз направлялись к ней. Прескотта, похоже, ударило дверью, выбитой взрывной волной, и убило на месте. Филлипс получил сильнейшую рану в руку, но смог вернуться на верхнюю палубу вместе с двумя матросами «Энтилоуп», выделенными в помощь саперам. Противопожарная команда уже бросилась на борьбу с огнем. Огромное сияние распространялось от центра корабля, откуда валил дым и каскадами разлетались на ветру искры. Исполненные великой храбрости, все рулевые десантных катеров на якорной стоянке устремились на помощь покалеченному кораблю и принялись снимать с него уцелевших.

Командира фрегата, кэптена Ника Тобина, вместе с четырьмя другими моряками, сумевшими спуститься с мостика, спас подошедшей с носовой части катер LCVP. Через несколько минут после завершения эвакуации якорную стоянку встряхнула серия взрывов боеприпасов. Многие с соседних судов сделали снимки в самый подходящий момент, и позднее получившиеся фотографии стали едва ли не наиболее поразительными свидетельствами происходившего на той войне. Командам на кораблях оставалось только молча смотреть, как гибнет очередное судно их соединения. К следующему утру фрегат с переломанным хребтом медленно осел в воду, последними исчезли корма и нос. Вот и все — на месте корабля плава-

ли лишь несколько спасательных жилетов и матросские фуражки. Спектакль, который посмотрели с начала и до конца тысячи людей на берегу и на воде, закончился. Прежде они не видели тонущего корабля. Теперь все на своем опыте убедились, насколько горькой и дорогостоящей стала борьба за Фолклендские острова.

«В то время мы чувствовали себя наиболее отвратительно, — делился воспоминаниями командир ракетно-артиллерийской боевой части одного эсминца. — Мы задавались вопросом: как долго сможем продолжать таким вот образом. Мы старались показывать храбрость и уверенность матросам, но сами были глубоко поражены, с какой скоростью фактически даром теряем корабли. Впереди нам уже мерещилась перспектива пата. Сколько еще удастся выдержать?» Адмирал Вудвард с «Гермеса» провел с капитанами срочное тактическое совещание по телефону засекреченной связи. Урон противника оценивался в семь самолетов, однако и этого было мало. Командир «Инвинсибла» кэптен Блэк и командир «Бриллианта» кэптен Кауард советовали адмиралу подтянуть ближе к берегу авианосцы, возможно на дистанцию до 50 миль (92,6 км), чтобы увеличить время пребывания «Харриеров» на боевом дежурстве в воздухе. Тогда в районе патрулирования смогли бы находиться четыре пары летательных аппаратов, а не две или три. До конца войны вопрос дислокации авианосцев служил пищей для дебатов в оперативном соединении — многие офицеры флота и морской пехоты в Сан-Карлосе будут считать целесообразным использовать их на значительно меньшей дистанции. Вудвард на самом деле крепко обдумал данное обстоятельство. Он по-прежнему твердо держался мнения о первоочередности задачи сохранения прежде всего «Гермеса» и «Инвинсибла». Потеря одного или обоих авианосцев сулила обернуться настоящей катастрофой для флота. Аргентинцы уже сполна продемонстрировали ударную мощь и выказали решимость сделать положение ударной группы все более рискованным. Кэптен Дэйвид Харт-Дайк, командир эсминца УРО «Ковентри», предложил передислоцировать его корабль значительно дальше на запад, в направлении материкового берега Аргентины, дабы предоставить «Си Дарт» реальный шанс показать себя против отправляющихся на штурмовку вражеских самолетов. Но и это Вудвард счел слишком опасным. Если случится нечто скверное, эсминец очутится слишком далеко и не получит должной помощи. Снова придется использовать пару «22–42» в районе севернее Западного Фолкленда.

24 мая «Бродсуорд» и «Ковентри» провели в районе боевого патрулирования целый день, но снова напрасно. Волны неприятельских самолетов, мчавшиеся по направлению к Сан-Карлосу, не дали кораблям возможности открыть огонь. «Ковентри» получил разрешение сбить висевший в небе неприятельский самолет-разведчик «Боинг» 707. Но к разочарованию расчета, створки «Си Дарт» не пожелали открыться. К моменту, когда их все же заставили сработать с помощью молотка, летательный аппарат очутился за пределами дистанции поражения.

В 10.15 утра 24-го числа «Скайхоки» достигли попадания в десантные корабли «Сэр Галахад» и «Сэр Ланселот» одной и двумя бомбами соответственно. Ни одна из трех не взорвалась. [Согласно аргентинским источникам, в этом авианалете участвовало звено с позывным «Нене» (Escuadrilla Nene) — три штурмовика А-4В «Скайхок» из 5-й ИАГ (бортовые номера С-214, С-237 и С-204), которые пилотировали вице-коммодор Мануэль Аугусто Марьель, лейтенант Марио Фернандо Рока и первый лейтенант Эктор Уго Санчес. Они вылетели с авиабазы Рио-Гальегос в 9.11 утра и, достигнув залива Сан-Карлос, атаковали в 10.15 британские суда в районе мыса Хоспитал-Пойнт. Лейтенант Рока, избрав своей целью танкодесантный корабль «Сэр Галахад», точно сбросил на него 1000-фунтовую бомбу, которая, однако, не взорвалась, а вице-коммодор Марьель и первый лейтенант Санчес проделали то же самое в отношении танкодесантного корабля «Сэр Ланселот», причем заряды их бомб также не сработали. Выйдя из-под зенитного огня британцев, все три аргентинских «Скайхока» в 12.10 благополучно вернулись в Рио-Гальегос. В то же утро бомбардировке с воздуха подвергся еще один британский танкодесантный корабль — «Сэр Бидайвер», который был атакован в заливе Сан-Карлос четырьмя аргентинскими «Даггерами» из 1-й эскадрильи 6-й ИАГ, объединенными в звено с позывным «Асуль» (Azul, «Синий»). Вылетев в 10.00 из Рио-Гранде, эти многоцелевые истребители с бортовыми номерами С-436, С-417, С-431 и С-418, пилотируемые капитаном Орасио Мир-Гонсалесом, лейтенантом Хуаном Доминго Бернхардтом, капитаном Карлосом Альберто Маффейсом и капитаном Игинью Рафаэлем Роблесом, в 11.02 сбросили на «Сэр Бидайвер» три 1000-фунтовых бомбы, но ни одна из них не взорвалась. На обратном пути звено «Асуль» было перехвачено над Фолклендским проливом британским «Си Харриером», который обстрелял «Даггеры» капитанов Маффейса и Роблеса из 30-мм пушек, но попаданий

не добился. Уйдя от преследования, вся четверка аргентинских истребителей в 12.00 возвратилась на свою базу в Рио-Гранде, причем два самолета (лейтенанта Бернхардта и капитана Маффейса) имели повреждения от зенитного огня противника. Еще один налет аргентинцы провели в 11.30 силами звена «Ягуар» (Jaguar) из 4-й ИАГ — трех штурмовиков А-4С «Скайхок», вылетевших в 10.00 из Сан-Хулиана. Достигнув залива Сан-Карлос, пилоты этих машин, имевших бортовые номера С-324, С-318 и С-305, первый лейтенант Хосе Даниэль Васкес, альферес Гильермо Анхель Мартинес и лейтенант Хорхе Альберто Боно, сбросили на британский фрегат «Арроу» (по другим данным — на танкодесантный корабль «Сэр Галахад») шесть 500-фунтовых авиабомб, которые упали в воду рядом с судном. При возвращении звено «Ягуар» пересекло Западный Фолкленд и уже над морем, к северу от острова Сент-Джордж, «Скайхок» С-305 лейтенанта Боно, испытывавший нехватку топлива, упал в море (его пилот погиб). Остальные два штурмовика дозаправились в воздухе от воздушного танкера КС-130 и к 13.00 вернулись в Сан-Хулиан. — *Прим. ред.*] Корабли уже наполовину разгрузили, и никаких жизненно важных запасов на них не оставалось, однако потеря судов грозила радикальным образом ограничить гибкость действий десанта. По мнению некоторых морских офицеров, преимущественно гражданские команды с борта убрали с неприличной поспешностью. Эвакуировать судно можно было бы и тогда, когда начнется работа по обезвреживанию бомб. Так или иначе эпизод с поражением десантных судов послужил очередным шокирующим моментом для людей, расположенных вокруг залива.

Однако в тот день у британцев стало появляться ощущение обретения ими верного средства по борьбе с налетами с воздуха. После первоначальных трудностей зенитные ракетные комплексы «Рэйпир», что называется, вошли в возраст зрелости. Страшно довольные расчеты этих ЗРК, устроившиеся у замаскированных РЛС слежения на высотах, претендовали на уничтожение трех летательных аппаратов противника. Прислуга зениток «Бофорс» с «Фирлесса» — еще на два, «Си Харриеры» — на другие три из всего двенадцати, участвовавших в атаке. «Бродсуорд» навел Динди Олда и лейтенанта Дэйвида Смита на звено из четырех «Миражей» V, приближавшихся в точке севернее острова Пеббл [в действительности это аргентинское звено с позывным «Оро» («Золото»), имело в своем составе не четыре, а три многоцелевых

истребителя М-5 «Даггер» из 2-й эскадрильи 6-й ИАГ — машины с бортовыми номерами С-419, С-410 и С-430 под управлением соответственно капитана Рауля Анхеля Диаса, майора Луиса Альберто Пуги и лейтенанта Карлоса Хулио Кастильо. Вылетев в 10.24 из Сан-Хулиана, они в 11.04 (по другим данным — в 11.15) были перехвачены над заливом Элефант-Бэй, к северу от острова Пеббл, патрулем британской 800-й эскадрильи ВМА, включавшим два «Си Харриера» — XZ457/14 лейтенант-коммандера Энди (Энтони Доналдсона) Олда и ZA193/93 лейтенанта Королевских ВМС Дэйва (Дэйвида Александера Биртона) Смита. — *Прим. ред.*]. Заметив «Си Харриеры», пилоты «Миражей», как и обычно, сбросили бомбы и подвесные топливные баки, после чего развернулись в направлении дома. Британские истребители спикировали для набора жизненно важной скорости при погоне за более быстрыми аргентинскими самолетами — как и в случае со многими боевыми столкновениями войны, этот бой проходил на высоте 500 футов (152 м). Олд интенсивно маневрировал в погоне за ускользающими машинами до тех пор, пока не услышал «акустический сигнал» и не выпустил две ракеты. Тщетно пытаясь сблизиться и срубить из пушек третий летательный аппарат, он радировал Смиту: «Этот не достану, а ты?», и как раз в тот момент «Сайдуиндер» с самолета Смита пролетел мимо командира. Два вражеских истребителя взорвались, а третий рухнул вниз, теряя хвост и часть стабилизатора [лейтенант-коммандер Энди Олд сбил ракетами «Сайдуиндер» два аргентинских «Даггера» с бортовыми номерами С-419 и С-430, причем пилот первого, капитан Рауль А. Диас, успел катапультироваться и впоследствии был подобран из воды, а пилот второго, лейтенант Карлос Х. Кастильо, погиб. Лейтенант Дэйв Смит поразил «Сайдуиндером» истребитель под номером С-410, чей пилот, майор Луис А. Пуга, избежал гибели, благодаря своевременному катапультированию. — *Прим. ред.*]. Олд связался с оператором РЛС на «Бродсуорде» для сверки по экрану: «Проверь на шесть часов — мы только что искупали три «Миража». «Замечательно, — отозвались с «Бродсуорда». — Итого пока восемь на сегодня». «Ну стало быть на сегодня все, — подал голос Смит. — Можем возвращаться и мы». Подумав, Олд подытожил: «Да, он, пожалуй, прав. Они не могут позволить себе терять машины такими темпами».

Пилоты были измотаны, страшно измотаны из-за необходимости проводить в кабинах по шесть часов кряду. «Дорогой пилот

«Харриера», — писала дама из Скантorпа, пославшая авиагруппе «Гермеса» фруктовый пирог, — надеюсь, вы живы и сможете прочитать мое письмо...» В боях с применением ракет класса «воздух-воздух» они не потеряли ни одного летательного аппарата, но в предыдущую ночь один пилот плюхнулся в море в пяти милях (9,26 км) впереди по курсу авианосца, когда осуществлял ночной вылет. Всего соединение лишилось четырех самолетов, ставших жертвами несчастных случаев, и трех, сбитых зенитным огнем с земли. [Здесь авторы приводят неточные цифры. На самом деле в списке летательных аппаратов, утраченных британским Оперативным соединением 317 с начала Фолклендской войны до 24 мая 1982 г., значились четыре «Си Харриера» FRS.1 и один «Харриер» GR.3, т. е. всего пять машин, из которых только две относились к боевым потерям («Си Харриер» лейтенанта Королевских ВМС Николаса Тейлора и «Харриер» флайт-лейтенанта КВВС Уильяма Гловера, сбитые зенитным огнем 4 и 21 мая). В результате аварий или несчастных случаев к тому времени были потеряны не четыре, а три самолета (все — «Си Харриеры»), и лишь 29 мая к ним добавился четвертый «Си Харриер» из 801-й эскадрильи ВМА (бортовой номер ZA174/000), который в тот день соскользнул за борт авианосца «Инвинсибл» и утонул в море, однако его пилот, лейтенант-коммандер Майк (Майкл) Бродуотер, успел благополучно катапультироваться. После 24 мая аргентинцам удалось уничтожить средствами ПВО еще три британских самолета — два «Харриера» и один «Си Харриер», сбитые 27 мая, 30 мая и 1 июня. Таким образом, за всю войну британцы потеряли девять «Си Харриеров» и «Харриеров» (шесть и три соответственно), из них пять (в том числе три «Харриера» 1-й эскадрильи КВВС) — от боевого воздействия противника. — *Прим. ред.*] Когда с наступлением ночи пилоты выбирались из машин, то бывали слишком утомлены даже для того, чтобы послушать по трансляции вечерний доклад командира о текущей обстановке и о произошедших за день событиях. Летчики жили в своем собственном мире, состоявшем из взлетов по тревоге, патрулирования в небе и посадок. Иногда позволяли себе баночку пива, но и то только те, кто не включался в списки для полетов по тревоге ночью. В остальном они спали да посещали инструктажи утром за два часа до взлета. «Обычно мы питали склонность исключать все плохое, поскольку нельзя было позволить мыслям о нем отразиться на качестве боевой работы, — говорил лейтенант-коммандер Дэйвид Брей-

туэйт, летавший в составе 809-й эскадрильи с борта «Инвинсибла». — Мы сознавали только, что холодно, что устали. Поначалу все немного боялись, но даже и это скоро пропало. Надо быть внимательным — вот что важно». Бригады техобслуживания добивались поразительных результатов — 80 процентов эксплуатационной годности парка. И это в условиях, когда в сутки каждый «Си Харриер» или «Харриер» совершал в среднем по шесть девяностоминутных боевых вылетов! [Следует отметить, что с 21 до 25 мая 1982 г. три десятка «Си Харриеров» и «Харриеров» Оперативного соединения 317 совершили около 300 вылетов (в среднем на каждую машину приходилось в день по два вылета). Для сравнения, аргентинская авиация, более чем вдвое превосходившая британскую по количеству самолетов, провела за тот же срок только 180 вылетов. — *Прим. ред.*] Британцы располагали лишь горсткой пилотов, но среди них находились только самые опытные летчики во всей морской авиации. Такие люди демонстрировали тенденцию добиваться высоких результатов, высочайшей эффективности в бою, отчасти из-за способностей, а отчасти — если прислушаться к шутливому замечанию Энди Олда — «потому, что мы научились угадывать, когда и где произойдет нечто, и старики из пилотов добивались таких дежурств для себя».

* * *

На всем протяжении войны аргентинцы испытывали огромные затруднения из-за скверной координации собственных войск. Отвечавшему за действия военно-воздушных сил командиру, бригадиру Эрнесто Креспо [бригадир Эрнесто Орасио Креспо возглавлял «Южные военно-воздушные силы» (Fuerza Aerea Sur), т. е. все части аргентинских ВВС, базировавшиеся на юге Аргентины. — *Прим. ред.*], ВМС или армия официально сообщили о британской высадке в Сан-Карлосе не ранее 10 часов утра 21 мая, то есть через два часа после того, как об этом стало известно командованию других родов войск. Он вообще отправил в полет первые машины по собственной инициативе, когда услышал какие-то отрывочные данные о неких действиях британцев в заливе. Контр-адмирал Хуан Хосе Ломбардо, размещавшийся в Порто-Бельграно, намеревался осуществлять функции общего руководства операциями аргентинских сухопутных, морских и воздушных сил в противостоянии вокруг Фолклендских островов,

как делал сэр Джон Филдхауз в британском стане. Однако когда обстановка в войне для Аргентины осложнилась, взаимодействие между видами вооруженных сил значительно ухудшилось. Армия и ВВС все с меньшей охотой терпели руководство военно-морского офицера, особенно когда корабли ВМС без толку простаивали в портах. Похоже, командование аргентинскими ВМС отправило в воздушные рейды против британского флота свои «Супер-Этандары» и прочие машины даже без консультаций с начальством военно-воздушных сил. После войны в ВМС утверждали, будто помешательство на престижных целях заставляло пилотов ВВС атаковать британские военные корабли вместо куда более важных транспортников, хотя военно-воздушные силы в свою очередь валят все на плохую работу разведки по предоставлению им данных, а также на вынужденную необходимость наносить удары по первым попавшимся на глаза объектам в районе Сан-Карлоса.

Более всего в тактическом плане британцы боялись, что аргентинцы начнут посылать в рейды самолеты-бомбардировщики с сопровождением, но ничего подобного так и не случилось. Даже небольшие эскорты для отвлечения внимания пилотов «Харриеров» могли бы заметным образом поднять результативность боевых вылетов вражеской авиации против британцев в Сан-Карлосе. Но аргентинцам, располагавшим только двумя самолетами-заправщиками С-130 «Геркулес», попросту не хватало ресурсов для обслуживания эскортов. Командиры военно-воздушных сил, с ужасом подсчитывая потери, перенаправляли летательные аппараты с их собственных баз на другие аэродромы, дабы не допустить осознания личным составом истинных масштабов урона. Некоторые летательные аппараты с баками, поврежденными зенитным огнем с кораблей, доползали домой только присосавшись к самолету-заправщику. После войны в аргентинских источниках утверждалось, будто бы из всех 223 летательных аппаратов, числившихся на балансе военно-воздушных сил, только восемьдесят одна машина располагала оборудованием для дозаправки в воздухе и боевым радиусом для участия в полетах против британцев в Сан-Карлосе с материка — «Миражи» III и V [«Миражами» V здесь названы многоцелевые истребители «Дагтер» израильского производства, являвшиеся нелицензионными копиями французских самолетов данного типа. — *Прим. ред.*], «Канберры» и некоторые из версий «Скайхока». Аргентинцы признали факт потери 41 процента этих самолетов, действовавших как ударная сила фронтовой авиации,

т. е. тридцати четырех машин, что значительно меньше британских подсчетов. Вдобавок к этому «Аэрмакки» и «Пукары» продолжали действовать из Порт-Стэнли и Гуз-Грина. О степени неэффективности британской воздушной блокады говорит то обстоятельство, что между 1 мая и 14 июня аргентинцы доставили на Фолклендские острова 435 тонн грузов и вывезли 264 раненых. По данным по ударной авиации, действовавшей с материка, на протяжении этого же временного отрезка планировались 505 боевых вылетов, выполнялись 445, но засчитаны были 302. Аргентинцы не скрывали глубины своего разочарования в отношении мощи британской ПВО в районе якорной стоянки. С течением времени «Харриеры» все чаще обращали в бегство волны вражеских штурмовиков прежде, чем те успевали приблизиться к островам. Натиск и целеустремленность пилотов противника начали уменьшаться буквально на глазах. Хотя в те времена британцы не осознавали произошедшего в битве перелома.

* * *

Между тем обстановка на якорной стоянке вызывала озабоченность у британцев. В условиях продолжавшихся противником налетов с воздуха наращивание запасов военных материалов службой тыла шло с удручающей медлительностью. Одни из важнейших и поучительнейших уроков войны состоят в том, что даже самые близкие к реальности учения в мирное время не заставляют службы тыла работать на полную катушку, не показывают того, насколько уязвимы войска на поле боя перед проблемами со снабжением. Движение кораблей только в темное время суток радикальным образом сокращало мощность потока военных грузов, поступавших на сушу. От «концепции дрейфующей службы тыла», о которой договорились на острове Вознесения, прошлось отказаться перед лицом угрозы с воздуха. Корабли с находившимся на них крайне необходимым на берегу снаряжением и прочим имуществом прятались далеко в открытом море. Ночной конвой приводил их обратно только после непростой процедуры обмена сигналами с ударной группой. В ВМС с неприятным удивлением открыли вдруг, что, например, жизненно важные генераторы ЗРК «Рэйпир» работают на бензине, а топлива на якорной стоянке и так всегда хронически не хватало. Сложности вновь послужили пищей для роста напряженности между «Гермесом» и бригадой комман-

дос. Многие морские офицеры в частном порядке или официально вопрошали о том, чем занимается десант. Почему он продолжает сидеть на плацдарме? Почему ВМС ежедневно приходится отражать налеты, в то время как кампания на берегу буксует на месте?

Каждый день бригадир Томпсон проводил много времени на спутниковом терминале в Эйджэкс-Бэй. Прождав соединения несколько часов, он говорил с Нортвудом. В каждой беседе комбригу задавали одни и те же вопросы. Чем он занят? Когда наконец двинется? Томпсон же понимал дело так: его задача оборонять плацдарм и ждать прибытия генерал-майора Мура и 5-й бригады. Однако тем временем приоритеты быстро смещались. Общественное внимание в Британии целиком концентрировалось на битве в воздухе и на море, в каковой на долю Королевских ВМС выпадали столь суровые испытания. Военный кабинет и Нортвуд все в большей степени проявляли нетерпение в отношении отсутствия признаков активности войск, достижений британского оружия, дабы как-то оправдать потерю кораблей и гибель людей. Они считали крайне необходимым для британцев побыстрее взять верх над аргентинцами, причем приступить к этому без промедления. «Испытываем неоправданное давление из Соединенного Королевства, — записал офицер штаба бригады в дневнике 25-го числа. — Они недооценивают фактора угрозы с воздуха и демонстрируют тенденцию не считаться с ней. Довод ВМС в том, что они-де уже получили свое и теперь наша очередь». Томпсон каждый день терпеливо объяснял Нортвуду, что его вертолеты полностью задействованы на перевозке пайков, боеприпасов и оружия и на вывозе пострадавших. Не хватало средств передвижения для наступления на Порт-Стэнли хотя бы силами одного батальона. «И все же я убежден, что нас заставят выступить, невзирая ни на какие доводы», — писал тот же штабной офицер. Но беспокойство проявляли не только в Нортвуде. Многим морским пехотинцам и парашютистам до смерти надоело затянувшееся сидение поблизости от якорной стоянки и участие в качестве зрителей в битве на истощение, победить в которой Вудвард, как помнится, надеялся до высадки десанта на берег. «Мне казалось, что мы должны были наступать и вступить в боевой контакт с противником, — говорил один командир морской пехоты. — В психологическом плане плохо, когда нет соприкосновения. Неправильно, что аргентинцев никто не трогает, если не считать нескольких ударов «Харриеров».

В штаб-квартире бригады среди кустарника близ дома старосты поселка Сан-Карлос, где среди камуфляжных палаток и припаркованных «Вольво» мирно играли дети, бригадир Томпсон 24-го числа созвал командиров частей на группу «О». Пока те потягивали горячий суп из термосов, комбриг убеждал подчиненных обуздать нетерпение. Сначала надо довести до конца разгрузку кораблей и только потом высвобождать вертолеты для переброски живой силы. В данное время, в силу необходимости держать командование в курсе относительно дислокации войск неприятеля, приоритетными являлись разведывательные действия СБС и САС на имеющихся в распоряжении вертолетах. Между тем комбриг сказал офицерам: смотрите на восток, готовьтесь к выступлению в направлении к Порт-Стэнли. Бойцам САС надлежало как можно скорее обеспечить жизненно важные высоты — район горы Кент, чтобы за спецназом последовали главные силы. О Гуз-Грине речь вообще не заходила. Недовольные исходом совещания, но понимавшие затруднения комбрига, командиры разошлись по вертолетам и отправились обратно в расположения подразделений, размышляя, чем бы таким занять личный состав и не дать ему изнывать от безделья.

* * *

В ту неделю в заливе Сан-Карлос-Уотер происходила странная битва с этаким специфическим характерным для нее ритуалом. Из всех двадцати четырех часов суток шестнадцать приходилось на темное время, когда люди на берегу мало что могли поделать, кроме как спать и говорить. Строгие правила светомаскировки не позволяли ни готовить еду, ни читать, ни работать. В Порт-Сан-Карлосе многие из десантников перебрались в дома в селении и жили там в относительном комфорте. Однако для расположившихся в Эйджекс-Бэй, в поселении Сан-Карлос и на горах Суссекс условия быта отнюдь не отличались изысками. Спали они в чертовски холодных и сырых землянках, радуясь шансу как-нибудь ночью посушить одежду в сарае для стрижки овец. На рассвете каждого дня после традиционного построения — команды «в ружье!» — до того, как окончательно рассеется сумрак утра, в расположении рот раздувались сотни «керосинок», на которых готовился чай и овсянка с яблочными хлопьями.

В каждой воинской части высылались дозоры и выставлялись караулы на господствующих позициях, чтобы днем и ночью про-

сматривать занимаемый ареал. Как-то во второй половине дня бойцы из 40-го отряда коммандос взяли в плен среди скал выше Сан-Карлоса аргентинского морского офицера. Почти не оставалось сомнений в целях его деятельности — он собирал разведданные для предстоящих налетов авиации. [Этим разведчиком был капитан корвета Данте Хуан Мануэль Камилетти, офицер аргентинской морской пехоты из Амфибийных сил поддержки (Fuerza de Apoyo Anfibio), переброшенный из Порт-Стэнли в западную часть острова Восточный Фолкленд вместе с десятью морскими пехотинцами из Амфибийной группировки коммандос (Agrupacion Comandos Anfibios). Доставленные к месту назначения на двух вертолетах «Ирокез», Камилетти и его бойцы были высажены на землю утром 24 мая, вскоре после рассвета, и, продвинувшись к высоте Чата-Хилл, находящейся в 50 км к западу от Порт-Стэнли, устроили там свою базу. Потратив день на безуспешные поиски британских разведывательных патрулей, они ночью достигли высоты Бомбилья-Хилл, однако наблюдения, проводившиеся ими 25 мая, также не принесли положительного результата. Затем Данте Камилетти повел свою группу к холму Монтевидео, рассчитывая использовать его в качестве наблюдательного пункта, но решил вернуться после того, как во время переправы аргентинских коммандос через речку Рио-Сан-Карлос прямо над ними пролетел британский «Харриер». Устроив временную базу на холме Терсер-Корраль, капитан корвета 26 мая разделил свой патруль на две команды и приказал одной из них, возглавляемой суб-офицером Мигелем Анхелем Басуальдо (всего 6 чел.), вернуться назад в Порт-Стэнли с важной информацией (при прохождении через Тил-Инлет один из членов команды Басуальдо, старший капрал Хуан Карраско, был захвачен в плен британцами, тогда как остальные пять морских пехотинцев смогли избежать подобной участи и 30 мая встретились с бойцами 602-й роты аргентинских коммандос). С другой партией, включавшей старшего капрала-санитара Хесуса Альберто Перейру, первого капрала Пабло Альварадо и двух вторых капралов (Омара Алехандро Лопеса и Педро Селестино Верона), Камилетти покинул Терсер-Корраль и двинулся на запад к Монтес-Вердес (Зеленым горам), чтобы оттуда наблюдать за действиями противника вблизи поселка Сан-Карлос. Ночью он разослал своих людей с заданием отслеживать обстановку вокруг британского берегового плацдарма, а сам продолжил марш в одиночестве. На рассвете его обнаружил в укрытии под скалой и взял в плен прочесывающий местность

патруль из состава 40-го отряда коммандос. — *Прим. ред.*]. Происшествие стало желанным проблеском света во мраке ежедневной рутины — рытья новых окопов для упрочения позиции, сидения за радиопередатчиками, разгрузки пищевого довольствия и боеприпасов. «После первого дня, когда мы поняли, что они нами не интересуются, сложилась какая-то комичная обстановка, — признавался двадцатипятилетний военнослужащий из 45-го отряда коммандос, уроженец Ноттингема по имени Кевин Пристли. — Когда начинались налеты, мы восклицали, кричали друг другу, мол, смотри-смотри, а порой все подразделение вскакивало от волнения. Мы смотрели на часы и говорили: «Пора, пора уже смотреть высший пилотаж». Новости, пойманные в радиосетях по приемнику или услышанные во «Всемирной службе», распространялись от одного бойца к другому. Случайная бутылочка виски или блок сигарет, «перепавшие» с какого-нибудь транспортного судна снабжения, ценились высоко. Никто из бойцов особо не убивался по поводу дискомфорта и холода самих по себе, но стойкое ощущение, будто на протяжении всех тех дней десантники превратились в просто-напросто зрителей великой трагедии, разворачивавшейся там на якорной стоянке, порождало разочарование и скуку. Они радовались точно сумасшедшие, когда взрывался вражеский самолет, и громко ругались, если начинал тонуть корабль. К глубочайшему огорчению служб тыла, отчаянно призывавших беречь боеприпасы, десантники самозабвенно палили из винтовок и пулеметов и задействовали ПЗРК «Блоупайп», если атакующие оказывались более или менее близко.

В отличие от положения в самом конце войны многие солдаты испытывали некое чувство фантастичности происходивших вокруг событий: шоу с горящим британским боевым кораблем, пылающим прямо перед твоими глазами, напоминало этакую войну по телевизору — войну из кинофильма, а не нечто испытанное лично. Только раз на всем протяжении воздушной битвы бойцы на берегу у Сан-Карлоса действительно очутились в роли настоящего объекта налета. С последними мгновениями света в сгущающихся сумерках над селением Сан-Карлос на бреющем вдруг прошла пара «Скайхоков». [Вероятно, речь идет об авианалете, предпринятом аргентинцами во второй половине дня 27 мая. В нем участвовали два штурмовика А-4В «Скайхок» из 5-й истребительной авиагруппы (бортовые номера С-207 и С-212, пилоты — капитан Пабло Маркос Рафаэль Карбальо

и лейтенант Карлос Альфредо Ринке), принадлежавшие звену с позывным «Покер». Это звено вылетело в 15.00 из Рио-Гальегос в составе трех самолетов, но из-за нехватки топлива третий «Скайхок» (С-239, пилотируемый альфересом Леонардо С. Кармоной) был вынужден в 16.45 вернуться на базу. Остальные две машины, несшие по четыре 500-фунтовые авиабомбы, достигли Сан-Карлоса и сбросили свой смертоносный груз на позиции 40-го отряда коммандос. Получив повреждения от зенитного огня, они в 18.30 возвратились в Рио-Гальегос. — *Прим. ред.*] Словно в замедленной съемке солдаты в страхе наблюдали как приторможенные парашютами бомбы неспешно и с достоинством дрейфуют в направлении позиций 40-го отряда коммандос. И все же от прямых попаданий погибли только двое да еще троих ранило. Случай показал полезность рытья глубоких окопов и недостатки бомб на мягком и топком грунте Фолклендских островов.

Между тем по ту сторону водоема, у поселения Эйджэкс-Бэй, три других «Скайхока» сбросили двенадцать бомб на район МТО бригады, убив шесть человек, ранив двадцать семь и послужив причиной крупного пожара на складе боеприпасов тяжелого оружия 45-го отряда коммандос. [Вышеописанную бомбовую атаку провели 27 мая самолеты из аргентинского звена с позывным «Трухо» (Truco) — два штурмовика А-4В «Скайхок» 5-й ИАГ (бортовые номера С-218 и С-228, пилоты — первый лейтенант Мариано А. Веласко и лейтенант Карлос Э. Оссес), несшие по четыре 500-фунтовые авиабомбы (третий «Скайхок» лейтенанта Фернандо Робледо не принял участия в миссии из-за технических неполадок). Вылетев в 15.30 из Рио-Гальегос, они отбомбились по заброшенному рефрижераторному заводу в Эйджекс-Бэй, где британцы устроили склад боеприпасов, и стали уходить из-под интенсивного зенитно-артиллерийского огня, однако над заливом Сан-Карлос-Уотер самолет первого лейтенанта Веласко, пораженный снарядами 40-мм зенитных пушек «Бофорс» одного из британских десантных кораблей («Интрепида» или «Фирлесса»), получил серьезные повреждения. Примерно в 17.00 пилот поврежденной машины был вынужден катапультироваться вблизи Порт-Хауарда, на Западном Фолкленде, и его «Скайхок» пополнил собой список летательных аппаратов, потерянных аргентинцами в той войне (самого Веласко подобрали через три дня, 1 июня). Оставшийся штурмовик лейтенанта Оссеса благополучно долетел до базы Рио-Гальегос, где приземлился в 18.00. — *Прим. ред.*] За время

царства темноты здоровые занимались разгребанием завалов и доставкой найденных там раненых на пункт первой помощи, на территории которого тоже находились две неразорвавшиеся бомбы, в то время как вокруг взрывались минометные гранаты, ракеты MILAN и боеприпасы для ручного огнестрельного оружия. Крайне обеспокоенный бригадир Томпсон посетил данный ареал. Весь план действий бригады строился на функционировании плавучей службы тыла. Но налеты вражеской авиации вынудили морскую пехоту устроить огромный склад в Эйджэкс-Бэй, который, однако, оказался удручающее уязвимым перед лицом все тех же атак авиации. Куда было деваться? Таковой вопрос задавал себе в отчаянии Томпсон. Он знал ответ — никуда. Сухопутным силам крайне повезло, что противник, нагнав шороху на британцев, больше Эйджэкс-Бэй не атаковал.

Как ни парадоксально, командам кораблей жизнь на протяжении большинства из двадцати четырех часов каждых суток казалась куда более комфортабельной и безопасной, чем для бойцов на берегу. Попивая джин в теплой кают-компании в предвкушении как всегда превосходного на Королевском военно-морском флоте ужина, кучка офицеров откровенно обсуждала события истекшего дня и прикидывала шансы пережить завтрашний. Очутившись в одиночестве в каютах, усталые командиры кораблей докладывали казавшейся нескончаемой процессии ведомственных начальников о состоянии машины, расходе боеприпасов и положении со снабжением. Успеют ли они сделать ночной рейд для пополнения запасов в море и своевременно вернуться в район боевого патрулирования, дабы быть наготове, когда рассветет? Какие там известия принесут о бравом матросе Смите или Джоунзе, лежащем раненым в лазарете в селении Эйджэкс-Бэй или на борту госпитального судна «Уганда»? Можно ли как-то усилить установку «Бофорс»? Или лучше бросить все силы на починку доставляющего хлопоты кормового конденсатора, водоприемник которого забивают настырные водоросли? У старших офицеров на воде оставалось куда меньше времени на сон, чем у коллег с берега, поскольку свет горел, а люди в часы ночного мрака трудились с той же отдачей, как и днем. Порою ночью даже те, кто урывал часик-другой сна на своей койке, просыпались от лязга «свайного молота» по корпусу судна — то взрывались в воде «пугала», предназначенные для противодействия возможным происка со стороны вражеских диверсантов-аквалангистов. На протяжении всей

войны команды несли усиленную боевую вахту — шесть часов на посту и шесть на отдыхе, если, конечно, не приходилось подниматься по тревоге и бежать к оружию. Более всех доставалось связистам. На корабле управления «Фирлесс» за период войны было принято и отправлено 100000 сообщений— всего миллион в размноженном виде. По подсчетам одного офицера, за тот же промежуток времени на мостик поступило около 5000 вызовов.

Бойцы поднимались задолго до утра, завтракали как следует — до боевой тревоги все манипуляции на камбузе прекращались, а все стулья и свободные предметы закреплялись. Когда выход на посты по тревоге стал обычным делом, на многих кораблях она объявлялась с помощью громкоговорителя, а не пронзительным гудком. Голос в динамике не так действовал на нервы, как душераздирающий вой сирены. Даже и в темноте большинство личного состава не трудились снимать белые огнезащитные накидки, но на отдыхе и за едой отбрасывали капюшоны за спину, а с рассветом попросту натягивали на голову и надевали рукавицы. Затем капитаны выступали с ежедневным утренним обращением к командам судов. «С добрым утром, — так обычно начинал Джереми Ларкен с «Фирлесса» свое типичное приветствие. Повсюду на судне более тысячи военнослужащих, многие из которых за целый день не видели естественного света, напрягали слух, дабы уловить голос командира среди урчания вентиляторов и сопения кондиционеров, рокота машины и постоянного движения — звука каких-то команд, звонков телефонов и топота ног снующих туда и сюда людей. — Денек довольно пасмурный, хотя и не настолько, насколько бы нам того желалось. Мне бы хотелось предупредить как команду корабля, так и наших гостей о том, насколько громкий звук производит бомба, когда взрывается в воде. От этого «кашляет» система вентиляции, из переборок вылетают заглушки и уплотнения, ну и так далее. Я просто настраиваю вас на возможность чего-нибудь такого, чтобы вы, когда услышите большой бум, не думали, будто наступает конец света...»

В кают-компании около динамиков гурьбой толпились летчики. Помощник командира эвакуированного LSL тыкал в клавиши пианино, точно подбирая какую-то непонятную мелодию. Кэптен Ларкен продолжал описывать ситуацию и давать ориентировку на день: «... «Бродсуорд» будет сегодня заводилой, а «Плимут» — голкипером. «Рэйпир» нынче в отличной форме, у нее ушки на макушке, а посему будем надеяться на хороший денек...»

Когда над полем боя забрезжил рассвет, над местом последнего пристанища «Энтилоуп» продрейфовала маленькая желтая спасательная шлюпка. Верхние настройки каждого боевого корабля напоминали установки для съемок некой эпической батальной кинодрамы о сражении в Атлантике. Молодые бойцы с суровыми лицами стояли за листами железа и мешками с песком у пулеметов в рукавицах, шапочках-«балаклавах» и касках. «Все сетуют на современную молодежь, — сказал как-то утром капитан «Арроу». — Пошли бы и посмотрели на этих парней». При этом он указал на семнадцати- и восемнадцатилетних стрелков «Эрликонов» на крыльях мостика. Данное справедливое замечание всего лишь в тысячный раз в истории доказывало, что даже молодые люди, когда на них возлагалась большая ответственность, почти всегда превосходно справлялись с задачами. В тот самый момент испытания для британцев те, кто постарше, искренне радовались, когда видели, как хорошо знали дело вчерашние подростки. Людьми помоложе, как и всегда, руководило чувство верности товарищам, кораблям и частям, оно доминировало в их мыслях и отражалось на поведении в бою.

«Я полагаю, что боевой дух скорее повышается, нежели снижается, — высказывал мнение военврач в ранге лейтенанта Королевских ВМС с фрегата «Арроу» утром 25-го числа. — Люди становятся злее, делаются более агрессивными по отношению к неприятелю». Главный старшина флота, находившийся на боевом посту в команде по борьбе за живучесть корабля, говорил: «После 1945 г. была одна теория. Теперь же мы жили реальностью, а будут делаться ошибки, преподаваться уроки, все так, как в последний раз. Парни малость боялись из-за потерь. Дело не в кораблях — их можно заменить. Дело в людях». Затем прозвучала первая боевая тревога дня, а командир по трансляции напутствовал команду корабля: «Не забудьте, ребята, когда они явятся, надо задать им трепку». Война полна клише, поскольку только клише могут подходить к драматическому действу в определенные острые моменты.

* * *

На 25 мая в Аргентине приходится главный праздник страны. Британцы с самого начала знали, что противник постарается из кожи вон вылезти, но достойно отметить дату. Но когда закружились над кораблями волны вражеских самолетов, ПВО отозвалась

на вызов неприятеля вполне достойным образом. Два «Миража», преследуемые «Харриерами» и изгоняемые из Фолклендского пролива, были сбиты ракетами «Си Дарт» с «Ковентри», которому в тот раз выпало дежурить в пикете с «Бродсуордом». «Ковентри» позднее записал себе на счет третий летательный аппарат, на другой претендовал расчет ЗРК «Рэйпир», а еще на один — зенитчики «Ярмута». [Жертвой ракеты «Си Дарт» стал штурмовик А-4В «Скайхок» из 5-й ИАГ (бортовой номер С-244, пилот — капитан Уго Анхель Дел Валье Палавер), принадлежавший к первой секции звена с позывным «Марте» (Marte). Вместе со «Скайхоком» лейтенанта Даниэля Эдуардо Гальвеса (С-250) он в 8.00 покинул авиабазу Рио-Гальегос и в 9.00, пролетая над Дарвином, получил повреждения от «дружеского огня» с земли (в результате пилоты «Скайхоков» приняли Дарвин за Порт-Сан-Карлос, после чего Палавер сбросил бомбы и обстрелял из пушек судно, стоявшее у пристани, а Гальвес атаковал группу домов (при этом аргентинские зенитные орудия молчали, так как их расчеты разобрались в ситуации, но пехотинцы продолжали вести по самолетам огонь из стрелкового оружия). Оставшись без авиабомб, оба «Скайхока» вернулись в Фолклендский пролив и затем взяли курс на северо-запад, однако в 9.30 штурмовик капитана Палавера был сбит севернее острова Пеббл зенитной управляемой ракетой «Си Дарт», выпущенной с эсминца УРО «Ковентри» (пилот погиб). Самолет лейтенанта Гальвеса в 11.00 возвратился в Рио-Гальегос. Вторым летательным аппаратом ВВС Аргентины, сбитым в тот день при помощи ЗРК «Си Дарт», оказался штурмовик А-4С «Скайхок» 4-й ИАГ (бортовой номер С-304, пилот — капитан Хорхе Освальдо Гарсия), который в 11.03 вылетел из Сан-Хулиана в составе звена «Торо» (Toro, «Бык»), включавшего четыре «Скайхока» (пилотами трех других машин, имевших бортовые номера С-319, С-312 и С-302, были соответственно лейтенант Рикардо Лусеро, лейтенант Даниэль Альберто Пареди и альферес Херардо Гильермо Исаак). В 12.25 эти самолеты, оснащенные 500-фунтовыми бомбами, достигли залива Сан-Карлос и произвели под сильным огнем средств ПВО атаку на британские военные суда. При этом «Скайхок» лейтенанта Лусеро, избравшего своей целью десантный корабль «Фирлесс», был сбит либо зенитной ракетой, выпущенной с земли (на его поражение претендуют ЗРК «Рэйпир» и ПЗРК «Блоупайп»), либо ЗУР «Си Кэт» с эсминца «Ярмут». Удачно катапультировавшегося пилота подобрали британские

моряки с «Фирлесса». Остальные три штурмовика атаковали фрегат типа 21 (по-видимому, «Эйвенджер»). Самолет капитана Гарсии, лидера звена «Торо», был поврежден зенитным огнем и на обратном пути, в 12.45, сбит к северо-востоку от острова Пеббл ракетой «Си Дарт» с эсминца «Ковентри». Гарсия смог катапультироваться в воду, но не выжил (аргентинские спасатели не смогли его найти). — *Прим. ред.*] Боевой дух у бойцов на якорной стоянке воспарил в небеса.

Затем аргентинцы нанесли самый болезненный двойной удар за все время кампании. В 2 часа пополудни команда расположившегося на обычной позиции к северу от острова Пеббл эсминца «Ковентри» пребывала в отличном настроении после уничтожения трех [на самом деле двух. — *Прим. ред.*] летательных аппаратов противника — вполне похвальное достижение для установки «Си Дарт». Командир судна, элегантный и энергичный кэптен Дэйвид Харт-Дайк, обсуждал мысль о целесообразности оставить данный ареал после достигнутого успеха, чтобы избежать риска сделаться мишенью целенаправленной атаки, однако решил пока ничего не менять. Он и команда испытывали подъем из-за утренней удачи и надеялись записать себе на счет новые победы. Когда прозвучал сигнал о приближении вражеской авиации, капитан объявил тревогу и все заняли боевые посты. «Ковентри», сопровождаемый примерно в полумиле (926 м) за кормой «Бродсуордом», шел на маршевых двигателях «Тайн» со скоростью 12 узлов, но начал разгоняться. Только система наведения «Си Дарт» засекла цель, как тотчас же потеряла ее. «Да где же они, черт их подери? — вопрошал Харт-Дайк, сидевший на высоком стуле в оперативной рубке, пристально вглядываясь в экран радиолокатора перед собой. — Не вижу я их». Затем появились два «Скайхока», двигавшиеся со стороны острова Пеббл на высоте корабельной палубы. [Эти два аргентинских штурмовика А-4В «Скайхок» 5-й ИАГ (бортовые номера С-225 и С-214), пилотируемые капитаном Маркосом Карбальо и лейтенантом Карлосом Ринке, принадлежали к звену с позывным «Вулькано» (Vulcano), третий самолет которого (альфереса Леонардо Кармоны) по техническим причинам не смог принять участие в миссии. Вылетев из Рио-Гальегос в 14.00, они предприняли воздушную атаку на британские корабли в 15.20. — *Прим. ред.*] Весь арсенал автоматического оружия на эсминце загрохотал разом в ответ на пушечный огонь «Скайхоков». Самолеты

словно бы дрогнули от огня «Ковентри» и вильнули в сторону — в направлении «Бродсуорда».

На фрегате включили «Си Вулф». Компьютер установки проанализировал приближавшиеся мишени, находившиеся слишком близко друг к другу для точного распознавания одной, приступил к вычислениям и выбору объекта для поражения, но... нашел задачу слишком сложной для электронного решения. Ракетный комплекс попросту выключился. Команда «Бродсуорда» дружно распласталась на палубе, только зенитчики остервенело били из всех стволов. Как завороженные, все ждали неизбежного. Потом в области кормы раздалось громкое «Бамц!». Одна-единственная бомба ударила с правого борта корабля и рикошетом отскочила в полетную палубу, уничтожив вертолет «Линкс», но не взорвавшись [не нанеся фрегату «Бродсуорд» сколько-нибудь серьезных повреждений, аргентинские «Скайхоки» капитана Карбальо и лейтенанта Ринке в 17.00 вернулись на свою базу в Рио-Гальегос. — *Прим. ред.*].

При заходе второй пары «Скайхоков» «Си Вулф» принял-таки решение о том, кого атаковать. [Эта пара штурмовиков А-4В «Скайхок» 5-й ИАГ (бортовые номера С-212 и С-207, пилоты — первый лейтенант Мариано Анхель Веласко и альферес Хорхе Нельсон Баррионуэво) составляла секцию звена «Сеус» (Zeus, «Зевс»), вылетевшего на боевое задание из Рио-Гальегос в 14.00. Третий самолет звена (С-204 лейтенанта Карлоса Энрике Осседа) повернул назад после 240 морских миль (444,5 км) полета и не участвовал в атаке, проведенной в 15.20 «Скайхоками» № 1 и № 2. — *Прим. ред.*] Однако к полному разочарованию наводчика, когда тот приготовился произвести запуск, «Ковентри» очутился перед носом «Бродсуорда». Харт-Дайк отдал приказ о резком повороте на правый борт, чтобы сделать корабль наиболее неудобной мишенью для атакующего штурмовика, и ожидал маневра со стороны «Бродсуорда». Стрелять из установки «Си Вулф» оказалось невозможно.

Тем временем «Си Дарт» сделала выбор, пошла к цели, но... не попала в нее. 4,5-дюймовая пушка «Ковентри» палила без остановки, и все автоматическое оружие тоже было введено в действие. «Скайхоки» успешно отбомбились слева с носа эсминца [проведя успешную атаку на эсминец «Ковентри», оба штурмовика секции «Цейс» возвратились в 16.21 на авибазу Рио-Гальегос. — *Прим. ред.*]. Из четырех сброшенных 1000-фунтовых бомб одна упала за кормой, остальные пробили левый борт, пролетели глубоко в чре-

во корабля и взорвались, нанеся ему смертельную рану. Когда на короткое время потерявший сознание Харт-Дайк пришел в себя, вокруг валялись обломки и валил черный дым. Одна бомба взорвалась прямо под оперативной рубкой со стороны кормы, убив на месте девять человек в машинном отделении и посеяв хаос в помещениях выше. «Всюду вокруг я видел людей в огне, горевших точно свечки», — вспоминал Харт-Дайк. Ему сильно опалило лицо, а на руках виднелась лишенная кожи плоть. Поначалу он думал выбраться через левую сторону, но об этом не могло быть и речи. Левого борта не существовало. Он оказался в веренице людей, бросавшихся из стороны в сторону в поисках выхода. Кэптену на миг вспомнились дом, дети и жена. Затем он кое-как вышел из двери с правого борта и по изогнутой и переломанной лестнице поднялся на мостик. Всюду горело и поднимался густой черный дым. Харт-Дайк как-то добрался до левого крыла мостика и опустился на четвереньки — так было легче дышать. Он спросил, действует ли главная внутренняя система оповещения. Она не работала. Кэптен приказал помощнику по вооружению, лейтенант-коммандеру О'Коннеллу: «Разверните корабль и полным ходом на восток». «Слушаюсь, сэр», — тут же отозвался О'Коннелл и помчался исполнять распоряжение капитана, но когда в сознании у Харт-Дайка несколько прояснилось, он понял, насколько нелепый приказ отдал. Корабль уже сильно кренился на левый борт, машина стояла, электричество отключилось.

Хотя и с трудом, кэптен перебрался на правый борт и увидел команду, уже покидающую судно — парни помогали друг другу надеть «одноразовые» костюмы и без лишних слов грузились на спасательные плоты. Никто не кричал, не вопил. Харт-Дайк сделал несколько шагов по все круче кренящемуся борту корабля, шагнул вниз и очутился в воде. На протяжении путешествия на юг один старшина как-то подошел к нему и подарил открытку с текстом молитвы Святого Иосифа, пообещав кэптену, что если тот будет иметь ее при себе, вернется домой целый и невредимый. И вот теперь черного от гари и обожженного его вытаскивал на спасательный плот все тот же старшина Берк, не без удовлетворения приговаривавший: «Вот видите, сэр, она действует». Но к своему ужасу, они заметили, что плот тянет к кораблю. Они буквально проехались по еще не остывшему стволу 4,5-дюймового орудия, и в конечном счете плот продырявил кончик ракеты «Си Дарт» на пусковой установке. Харт-Дайк вновь очутился в воде, а многие его

матросы карабкались по корпусу гибнущего эсминца и цеплялись за надстройки. Затем над головами начали появляться вертолеты. Все имевшиеся в распоряжении вертолеты «Си Кинг» и «Уэссекс» перенаправили из Сан-Карлоса к месту дислокации «Ковентри». Некоторые из членов экипажей на лебедках спускались в воду спасать раненых. Одна машина села на раскаленный докрасна корпус «Ковентри», чтобы подобрать больше людей. Члены команды Харт-Дайка помогли капитану взобраться в «Уэссекс», высадивший его затем на «Бродсуорде». Всего удалось спасти 283 чел. Девятнадцать — погибли. В ванне в каюте командира «Бродсуорда» — верх комфорта, даже роскоши по меркам фрегатов типа 22 и предмет постоянных шуток на флоте — Харт-Дайк неожиданно осознал, как жутко промерз. Ноги посинели. Члены команды фрегата раздевали и купали в ванне всех уцелевших, прежде чем перенаправить на снабженческое судно «Форт-Остин» для предстоящего им в итоге путешествия в Британию. На кораблях на якорной стоянке у Сан-Карлоса оказывалось все больше — слишком много — потерпевших кораблекрушение моряков. Утрата «Ковентри», третьего выведенного из строя эсминца ПВО типа 42, стала чувствительным ударом для соединения, в немалой степени и по причине возникновения изрядных сомнений в эффективности ракетных систем флота. Холод создавал огромные затруднения для наводчиков, которые оказывались подчас неспособными проследить за движением ракеты, ибо яркое пятно от горящего топлива скрывала конденсированная на дисплее влага. Как «Си Дарт», так и «Си Вулф» сбивали вражеские самолеты, но, похоже, никак не могли претендовать на звание действительно эффективного средства защиты даже для вооруженных ими кораблей, не говоря уж о всем оперативном соединении. А ведь аргентинцы еще не закончили с атаками в тот день.

* * *

Адмирал Вудвард никогда не сомневался, что аргентинцы постараются воспользоваться любой возможностью возобновить налеты на авианосную группу с применением «Экзосет», и он ничуть не ошибся. Противник верно рассудил, что основная сила оборонительного прикрытия вокруг британской ударной группы сосредоточивалась на западном фланге, ближе всего к материку. 25 мая два «Супер-Этандара» из второй штурмовой эскадрильи взмыли

в небо с авиабазы Рио-Гальегос и отправились на север, дозаправились в небе от других «Этандаров» и приступили к поиску жизненно важных мишеней — «Инвинсибла» и «Гермеса». [На самом деле пара аргентинских «Супер-Этандаров», составлявшая секцию с позывным «Мина» (Mina), вылетела в 14.34 не из Рио-Гальегос, а из Рио-Гранде, где базировались тогда самолеты 2-й штурмовой эскадрильи ВМА. Взяв курс на северо-восток, эти два штурмовика (бортовые номера 3-А-203 и 3-А-204, пилоты — капитан корвета Роберто Курилович и лейтенант фрегата Хулио Эктор Матео Барраса) в 15.45 провели скрытную дозаправку в воздухе, но не от других «Супер-Этандаров», а от летающего танкера КС-130. — *Прим. ред.*] Задание было весьма важным, поскольку самолеты несли две из всего трех оставшихся у аргентинцев авиационных «Экзосет». Похоже, отчаянные усилия, предпринятые с целью приобретения в ходе войны новых ракет, провалились. Аргентинцы не сумели найти на рынке хотя бы съемных топливных баков, которых им хронически не хватало. В 110 милях (203,7 км) к северу-северо-востоку от Фолклендских островов «Этандары» развернулись на юг. Их РЛС позволили быстро установить местонахождение ударной группы, расположенной в 70 милях (129,6 км) на северо-востоке от островов.

Противник находился еще на расстоянии около 30 миль (55,5 км) к северу, когда его приближение засекла РЛС 992 фрегата типа 21 «Эмбюскейд», о чем с судна немедленно уведомили командование соединения. Судьба одной из двух ракет так никогда и не была установлена, но несколько человек с мостика «Эмбюскейда» видели дымовой след второй «Экзосет» и красное сияние в области выхлопного сопла. Корабль открыл огонь из 4,5-дюймового орудия, «Эрликонов» и пулеметов общего назначения. А кроме того, с каждого британского боевого корабля выпустили заряды радиолокационных помех — в обиходе, «соломы». Как считается, экипаж вертолета «Линкс» применил активную ловушку.

Но у 13000-тонного контейнеровоза «Атлантик Конвейор», расположенного примерно в двух милях (3,7 км) с правого борта от «Эмбюскейда», никакой «соломы» не имелось. Ракета довольно резко сменила курс в середине полета, устремившись в сторону от военных кораблей — в том числе и от «Инвинсибла» — и ударила в надстройки «Конвейора» с левого борта. [«Супер-Этандары» капитана корвета Куриловича и лейтенанта фрегата Баррасы произвели пуск двух ракет «Экзосет» в 16.20 (по другим источни-

кам — в 16.32) с дистанции 48 км от цели, которую аргентинские пилоты идентифицировали как авианосец «Гермес». И-за выпущенных британцами дипольных отражателей и тепловых ловушек головки обеих ракет потеряли цель. «Экзосеты» легли в галс, но затем одна из них нашла и поразила контейнеровоз «Атлантик Конвейор», находившийся в 5–6 км от первоначального объекта атаки. Позже аргентинцы стали утверждать, что именно это грузовое судно, а не авианосец, являлось главной целью их заранее спланированной акции. Возвращаясь на базу, «Супер-Этандары» секции «Мина» в 16.50 снова дозаправились в воздухе от КС-130 и без всяких проблем вернулись в Рио-Гранде. — *Прим. ред.*] Прогремел взрыв и тут же разгорелся страшный пожар. С «Эмбюскейда» спустили на воду баркас и вместе с тремя другими фрегатами поспешили на сближение с терпящим бедствие судном для снятия уцелевших. Жизненно важный груз корабля в виде «Харриеров» переправили на авианосцы неделей раньше. Однако на контейнеровозе по-прежнему оставались десять вертолетов «Уэссекс» и четыре огромных «Чинука», равно как и палаточное имущество для всего десанта. На один из «Чинуков» успели к тому времени установить винт и по просто-таки исключительному везению летательный аппарат поднялся в воздух. По плану, «Конвейору» как раз в следующую ночь предстояло следовать к Сан-Карлосу и разгрузиться там. Однако не прошло и часа после взрыва «Экзосет», как вертолеты на корабле, на которые возлагались все надежды британцев на прорыв с берегового плацдарма, превратились в пылающие обломки. Множество моряков и технического персонала КВВС попрыгали за борт и погрузились на спасательные плоты и в шлюпки. Одним из последних корабль покинул капитан, поразительно яркий человек, морской волк по имени Йэн Норт, столь любимый всеми «Кэптен Бердс-Ай» [прозвище «Кэптен Бердс-Ай» («Captain Birdseye») можно интерпретировать как «Орлиный глаз» — образ «классического» морского капитана с бородой и отеческим взглядом, изображенный на этикетке морепродуктов. — *Прим. пер.*]. Он подплыл к одному спасательному плоту в оранжевом «одноразовом» спасательном костюме, но плот был уже переполнен. В сгущавшихся сумерках Норт отправился в направлении следующего. Больше его никто никогда не видел. Как и еще одиннадцать человек. Потеря «Чинуков», способных перевозить каждый разом восемьдесят бойцов, стала крайне болезненным ударом по стратегическим планам кампании бри-

танцев и еще одной пощечиной Королевским ВМС [авторы забыли отметить, что британский контейнеровоз «Атлантик Конвейор», пораженный аргентинской ракетой «Экзосет» 25 мая 1982 г., затонул только 30 мая, унося на дно шесть вертолетов «Уэссекс» HU.5 из 848-й эскадрильи ВМА (бортовые номера XS480, XS495, XS499, XS512, XT476 и XT483), один вертолет «Линкс» HAS.2 из 815-й эскадрильи ВМА (номер XZ700) и три вертолета «Чинук» HC.1 из 18-й эскадрильи КВВС (номера ZA706, ZA716 и ZA719). — *Прим. ред.*]. С тех пор авианосцы Вудварда редко приближались к Сан-Карлосу ближе чем на 200 миль (370 км). Продолжительность БП в воздухе силами «Харриеров» сократилась из расчета на машину еще больше.

Только пользуясь возможностью оглянуться на прошлое и принимая во внимание тяжелые раздумья у командования и рядовых на флоте, можно предположить, будто Вудвард и команды судов его соединения видели в 25 мая некий поворотный пункт войны на море. Но так или иначе с тех пор, за единственным исключением 8 июня, аргентинские военно-воздушные силы осмеливались лишь «покусывать» британские корабли. Одна треть штурмового парка погибла, а с ними и многие лучшие летчики. Точь-в-точь, как немцы при вторжении на Крит в 1941 г., вот-вот собиравшиеся отказаться от продолжения операции и неожиданно обнаружившие, что отступают британцы [речь идет о воздушно-десантной операции «Меркурий» 20–31 мая 1941 г., когда немцам, хотя и с чувствительными потерями, удалось высадиться на Крите и захватить этот остров, несмотря на численное превосходство его защитников — британских, австралийских, новозеландских и греческих войск. — *Прим. ред.*], командование оперативного соединения начало медленно осознавать: пусть полученные ею раны болезненны, противнику досталось и того больше. Естественно, британцы понимали, что иногда везет, а иногда нет: так, в сутки их захода на высадку десанта в Сан-Карлосе погода подарила им бесценное преимущество. Однако в следующую неделю небо было необычайно чистым для этого времени года в Южной Атлантике. Соответственно в данной ситуации выигрывали неприятельские пилоты. Если бы в жизненно важные первые несколько суток высадки небо покрывали густые облака, британцам, возможно, удалось бы добиться победы на Фолклендах, заплатив лишь малую толику действительной цены. Между тем им на руку играло одно очень важное обстоятельство — бомбы противника редко взрывались. Совершенно не подле-

жит сомнению тот факт, что страх перед «Си Дарт» заставлял летчиков заходить на штурмовку на бреющем. Однако аргентинцам было бы достаточно чуть-чуть подработать детонаторы в бомбах, как те стали бы срабатывать при соприкосновении с целью. Позднее аргентинцы к своей немалой досаде узнали, что американские производители бомб располагали соответствующими инструкциями по улучшению качества их действия, однако не предоставили документацию покупателю из-за введенного США эмбарго. Аргентинцы рассматривали право получить данные сведения как часть пакета послепродажного обслуживания.

Британцы выиграли битву за Сан-Карлос — решающую схватку войны — в последний момент, когда кампания повисла на волоске, благодаря отваге капитанов судов и их команд, а также — выдающимся достижениям пилотов «Си Харриеров». «Харриеры» записали себе на счет тридцать одно — и самое бесспорное тридцать одно — уничтожение из всего 109 сбитых вражеских летательных аппаратов по состоянию на конец войны [в действительности британцы за время Фолклендской войны уничтожили, принудили к крушению или захватили ровно 100 аргентинских летательных аппаратов (75 самолетов и 25 вертолетов), из которых 28 машин (25 самолетов и 3 вертолета) приходятся на долю «Си Харриеров» и «Харриеров»; если же считать только ЛА, считающиеся воздушными победами британских пилотов, то таковых было 23 (в том числе 1 самолет, поврежденный ракетой «Сайдуиндер», а затем ставший жертвой «дружеского» зенитного огня, и 1 вертолет, разбившийся при попытке уклонится от атаки «Си Харриера»). — *Прим. ред.*]. Вдобавок к этому «Харриеры» внесли неоценимый вклад в дело за счет разгона и обращения в бегство атакующих волн противника даже до того, как тот успевал зайти на штурмовку. Как бы там ни было, ни у кого не повернется язык назвать адекватным оружие, каковым пытались защитить свои корабли Королевские ВМС. К концу войны «Си Дарт» принадлежали восемь, «Си Вулф» — пять, а «Си Кэт» — шесть побед [по более точным оценкам, корабельными ЗРК «Си Дарт» были достоверно сбиты семь аргентинских самолетов (плюс два предположительно), ЗРК «Си Вулф» — два самолета (плюс один совместно с «Си Кэт») и ЗРК «Си Кэт» — один самолет (плюс один совместно с «Си Вулф» и два совместно со средствами ПВО наземных сил). — *Прим. ред.*]. И все же несостоятельность и неадекватность каждой из систем самым прямым образом повинна в повреждении «Глазго» и потере

«Ковентри», а также — пусть и не столь прямо — в прочем уроне, понесенном соединением от атак с воздуха. Никакие оборонительные средства на войне не показывают себя идеальным образом, но то, с чем британцы отправились в битву в Южной Атлантике, безусловно, не оправдало никаких надежд. «Мы слишком быстро и глубоко забрались в ракетную эру», — печально подытожил один кэптен после сражения при Сан-Карлосе. Выиграть в ней удалось, но победа досталась дорогой ценой.

Хотя события недели только расширили пропасть во взаимоотношениях между воинами в заливе Сан-Карлос-Уотер и адмиралом Вудвардом, посылавшим раздражающие распоряжения из расположенной далеко-далеко оперативной рубки «Гермеса», критикам трудно выдвинуть флотскому начальству обоснованные обвинения в неправильном обращении с имеющимися ресурсами. Адмирал Вудвард уж точно не обязан отвечать за техническое несовершенство Королевских ВМС. Учитывая обстановку, в которой он очутился к 25 мая, решение максимально оградить от опасности драгоценные авианосцы, конечно, не заслуживает определения «героическое», но оно было очевидным образом верным. Враждебность и скептицизм обосновывались большой разницей между владевшей им ранее заносчивой самоуверенностью и осторожными действиями в реально сложившемся незавидном положении, плюс к тому его талантом разочаровывать людей, знавших его не слишком хорошо. В конце того дня, однако, оперативно-тактическая группа Вудварда смогла с успехом доминировать в районе вокруг Фолклендских островов перед лицом аргентинских ВМС и ВВС. Достижениями этими Британия в изрядной мере обязана командиру соединения, как, разумеется, и личному составу доверенного адмиралу флота. Одним только проектировщикам-кораблестроителям Королевских ВМС, как бы ни оправдывали их главы этого вида вооруженных сил, нечем особо похвастаться в плане своего вклада в битву за Сан-Карлос.

*

Однако все эти размышления суть результат взгляда в ретроспекции. 25 мая в Сан-Карлосе британцы ни в коем случае не наслаждались радужными мыслями о скорой победе, а, скорее, пребывали в состоянии глубокого разочарования. Больше того, события дня лишили Лондон последних крупиц терпения в отно-

шении темпов прогресса подготовки наступления с берегового плацдарма.

Тех, кто восхищался бригадиром Джулианом Томпсоном и его методами ведения боевых действий на Фолклендских островах, вероятнее всего, шокировало открытие, что на момент окончания войны ответственная за принятие решений группа лиц в Лондоне — как политики, так и начальники штабов родов войск — отзывались о комбриге совсем нелестно. Похоже, они верили, будто в период с 21 по 25 мая он позволил своим бойцам бесцельно прохлаждаться на береговом плацдарме, в то время как противник оказывал на британцев такое сильное давление. В первую очередь, правительство во все большей степени тревожил риск шагов Организации Объединенных Наций — решительного требования об установлении режима прекращения огня, вследствие чего в руках британцев остался бы лишь береговой плацдарм в районе Сан-Карлоса. Пусть закоперщики военного предприятия единодушно объясняли причины той спешки позднее, в те времена никто из них не поставил в известность касательно причин такого внезапного нажима на командиров с целью активизировать действия ни Томпсона, ни Вудварда. Вторым и в равной мере весомым фактором выступал императив роста нетерпения в обществе, вызванного увеличением потерь у оперативно-тактической группы. Некоторые британские командиры, в том числе Вудвард, после войны довольно тепло отзывались в отношении отсутствия у руководства чрезмерного «стремления хвататься за руль машины с заднего сиденья» в ходе кампании. И все же Томпсон оказался перед лицом жесткого давления — подталкивания и побуждения его к движению с самого момента высадки в Сан-Карлосе. Вновь нельзя не отметить очевидного факта: на офицера в сравнительно невысоком звании возлагали чрезмерно большую ответственность. Ему пришлось бы отвечать за катастрофу, грозившую сухопутным силам в случае преждевременного выступления с плацдарма. Если говорить о самой большой слабости у британцев на всем протяжении кампании, то лежала она в области командования и управления действиями войск, во взаимоотношениях и взаимопонимании (или отсутствии оного) между начальством таких отличных друг от друга составляющих оперативного соединения на море и на суше. При всех достижениях современных технологий, возникало множество неполадок со связью. Обоюдного доверия между различными видами воо-

руженных сил — как в Британии, так и в Южной Атлантике — и в самом-то деле сильно не хватало. Важная информация, находившаяся в распоряжении начальников штабов в Лондоне, никогда не стала предметом достояния Томпсона в Южной Атлантике. Если начальники штабов дома всегда ожидали от 3-й бригады коммандос немедленного выступления с берегового плацдарма сразу после высадки, никто из находившихся в Сан-Карлосе об этом тогда и не догадывался. Заявления в Лондоне о том, будто Джереми Мур всегда особо подчеркивал важность быстрого проведения сражения для достижения преимущественного положения перед неприятелем, возможно, обоснованы, однако реалии сложившейся на месте обстановки делали осуществление такой задачи крайне трудным делом. В противовес мнению Уайтхолла, нет сколь-либо существенных оснований считать, будто, находись Мур в Сан-Карлосе в период с 21 по 25 мая, он смог бы добиться большего при точно таких же ресурсах в его распоряжении. Один из начальников штаба отзывался о данном периоде как о «худшем за всю войну... Они в нетерпении ждали от нас каких-то решительных действий». И все же никто из старших офицеров, находившихся на берегу в первые несколько суток после высадки, не считал для Томпсона реально возможным выступить ранее, чем тот в действительности перешел в наступление.

Теперь всем в мире известно: аргентинцы так и не контратаковали десант на береговом плацдарме, не нанесли удара по британцам, продвигавшимся по Восточному Фолкленду, они даже не отправили боевых дозоров для нападения на противника в Сан-Карлосе. Однако в те времена угроза подобного рода действий со стороны противника казалась вполне и вполне реальной. Напористые и компетентные командиры с воображением в любой армии буквально автоматически проявили бы какую-то подобную инициативу. Существовала также серьезная озабоченность в отношении аргентинских легких штурмовиков «Пукара». Никто не простил бы Томпсону, если бы он потерпел крупную неудачу из-за недооценки возможностей неприятеля, как произошло с другими офицерами двумя неделями спустя, когда «Сэр Галахад» бросил якорь у Фицроя. О всей степени серьезности снабженческих трудностей той первой недели после высадки говорит тот факт, что в определенный момент в медицинском пункте едва не закончилась анестезия. Возникали сложности даже с обеспечением пайками личного состава формирований

бригады в районе якорной стоянки. Нет сомнения — отчасти проблема проистекала от скверной организации вертолетного движения, каковая оставалась в ведении крайне перегруженного и растянутого штаба соединения. Впрочем, более весомой причиной выступало расстояние — небольшая оперативно-тактическая группа находилась на конце чрезвычайно длинной линии коммуникаций и не просто пребывала там, а вела войну, располагая опасным минимумом снаряжения и ресурсов.

Тем временем, после шокирующих потерь Королевских ВМС в первые дни после высадки, в Нортвуде и в Уайтхолле наступил период острого нервозного беспокойства. Огромное общественное и дипломатическое давление заставляло отбрасывать в сторону все ссылки на трудности, испытываемые Томпсоном. Правительство отчаянно нуждалось в каких-то телодвижениях, дабы создать ощущение достигнутого британцами успеха.

Томпсону и его штабу приходилось переделывать планы, полагаясь на более скромные мощности для обеспечения продвижения войск, в том числе — обходиться без сгоревших на «Атлантик Конвейоре» трех вертолетов «Чинук», поднимавших каждый впятеро больше «Си Кинга». Неожиданно комбрига вызвали на спутниковый терминал в Эйджэкс-Бэй. В Нортвуде не слушали отчетов бригадира — ему говорили, что он должен делать. Командование в Британии считало жизненно важной необходимостью при первом же удобном случае ввести десант в боевое соприкосновение с аргентинцами. Очевидным шагом виделось наступление на Гуз-Грин — базу противника, расположенную всего в 13 милях (24 км) южнее Сан-Карлоса. Томпсон возражал, так как считал Гуз-Грин совершенно неуместной целью со стратегической точки зрения: когда падет Стэнли, аргентинцы в Гуз-Грине сдадутся без боя, чего едва ли стоило ожидать при противоположном варианте. Он-то планировал оставить небольшой заслон, чтобы блокировать любую попытку аргентинцев сделать вылазку из Гуз-Грина, каковая казалась маловероятной в свете действий или, точнее, бездействия неприятеля до сего момента, в то время как сосредоточить основные силы на выдвижении к горе Кент — жизненно важной позиции для броска к Стэнли. Генерал Дик Трант, ставший заместителем Филдхауза в Нортвуде, пока генерал Мур находился отрезанным от мира в плавании на «QE2», не запрещал комбригу наступать в направлении горы Кент частью сил и даже приветствовал решение как вполне разумное, но Гуз-Грин

британцам предстояло взять — взять обязательно. На самом деле в жестком разговоре между Нортвудом и Сан-Карлосом прозвучало предложение заменить Томпсона, если тот не начнет действовать немедленно, более сговорчивым командиром.

После четырех дней почти постоянно плохих новостей в Лондоне жаждали ощутимой победы. Не важно какой, главное — весомой политически, а раз так, то сгодится и Гуз-Грин. Томпсон тут же созвал командиров. 2-му батальону Парашютного полка поручалось осуществить «рейд» на Дарвин и Гуз-Грин. Между тем 45-му отряду коммандос и 3-му батальону парашютистов предстояло прорываться с берегового плацдарма в походном порядке, или, как говорили в морской пехоте, в темпе «йомп» — «пешедралом». Коль скоро вертолетов для переброски личного состава в направлении к Порт-Стэнли по воздуху не имелось, солдатам приходилось тащиться по замерзшим торфяникам и болотам Восточного Фолкленда на своих двоих. Командиры подразделений открыли рты. Один, по крайней мере, отказывался верить, что такое вообще возможно. Конец всем надеждам на быстрые «лягушачьи прыжки» по острову на вертолетах. Офицеры высказывали опасения относительно того, как бы от таких маршей люди не вымотались прежде, чем вообще достигнут поля боя.

Услышав 24-го числа об отсутствии планов скорого выдвижения с плацдарма, Хью Пайк приказал бойцам 3-го батальона Парашютного полка приступить к интенсивному патрулированию местности. Теперь его словно бы застали врасплох — многие парни промокли и попросту устали. Однако существовала гордость — гордость солдат, не знавших значения слова «невозможно». В 1 час пополудни 27 мая 3-й батальон парашютистов бодрым шагом отправился по пересеченной местности к Тил-Инлет, неся на себе гигантскую поклажу.

«Нам предстояло выиграть три битвы, — написал в дневнике командир 45-го отряда коммандос, подполковник Эндрю Уайтхед. — С неприятелем, с ужасной местностью и с неадекватностью наших служб обеспечения тыла». С первыми проблесками рассвета 27 мая его бойцы погрузились в десантные катера, дабы те доставили их в Порт-Сан-Карлос. В среднем при них находилось по 50 кг снаряжения на брата. Так морские пехотинцы начали свой исторический марш через остров, в то время как 2-й батальон парашютистов шагал к Гуз-Грину.

13

ГУЗ-ГРИН

Концепция массированных парашютных десантов, модная в период своей юности в годы Второй мировой войны, устарела в пределах одного поколения. И все же в любой армии мира и сегодня парашютно-десантные войска являются элитой. Их окружает ореол особой мужественности, напористости и уверенности в собственных силах — предмет недоверия и ревности со стороны представителей других частей. В британской армии «малиновая машина» — парашютный корпус — никогда не пользовалась всеобщей популярностью. Критики считают содержание парашютных формирований нерентабельным, ибо десантникам вряд ли когда-нибудь придется прыгать с парашютами и вступать в бой с ходу в настоящей войне. Некоторые прямо обвиняют корпус во взятом им на вооружение безответственном и прямолинейном подходе к боевому применению и припоминают «Кровавое воскресенье» в Лондондерри как классический случай того, как не надо заниматься миротворчеством. [Название «Кровавое воскресенье» (англ. Bloody Sunday, ирл. Domhnach na Fola) получили события, произошедшие 30 января 1972 г. в районе Богсайд североирландского города Дерри (Лондондерри). В тот день солдаты 1-го батальона Парашютного полка британской армии под командованием подполковника Дерека Уилфорда расстреляли демонстрацию местных жителей, пришедших на марш Ассоциации в защиту гражданских прав Северной Ирландии. В результате 13 гражданских лиц, включая шестерых несовершеннолетних и одного священника, были убиты, а еще 14 получили ранения (один из них скончался от ран спустя четыре с половиной месяца

после «Кровавого воскресенья»). Первое официальное расследование, проведенное в 1972 г., возложило ответственность за произошедшее на демонстрантов, признав, что парашютистам пришлось открыть огонь с целью самозащиты, в ответ на выстрелы из толпы. Такая трактовка не устроила пострадавших и родственников убитых, и они требовали повторного рассмотрения обстоятельств инцидента. Лишь в 1998 г. британское правительство согласилось на проведение нового расследования. Оно продолжалось 12 лет, став самым долгим из всех следствий, проводившихся в Великобритании, и в июне 2010 г. комиссия под руководством лорда Марка Сэвилла признала, что «стрельба британских солдат по демонстрантам не имела законных оснований». Премьер-министр Соединенного Королевства Дэйвид Кэмерон 15 июня 2010 г. извинился за «Кровавое воскресенье» от имени государства. — *Прим. ред.*] В 1974 г. скептикам с успехом удалось добиться расформирования 16-й парашютной бригады — общевойскового формирования воздушного десанта. Некоторые уже надеялись на роспуск вслед за тем трех боевых батальонов Парашютного полка[1]. Однако образ красных беретов в общественном и политическом сознании слишком велик и значим. Даже в эпоху солдат мирного времени многие высокопоставленные офицеры поневоле осознают ценность части — иногда бывает, что нужна именно она и никакая больше, поскольку надо попытаться сделать невозможное. В воскресенье 4 апреля хоккейная команда 2-го батальона парашютистов сражалась в финальном матче за кубок полка, когда посреди игры появился человек, коротко сообщивший офицерам команды: «Сбор группы «О» в четыре часа».

Они вернулись и закончили игру победой. В начале вечера тридцать пять полных ожидания молодых людей собрались в бюро подготовки батальона в Олдершоте, чтобы послушать батальонного командира. Подполковник Херберт Джоунз, называемый всеми «Эйч» [это прозвище Джоунза происходит от ини-

[1] Британский пехотный батальон (в том числе парашютный) состоит из примерно шести сотен человек, обычно организованных в штабную и четыре стрелковых роты — «A», «B», «C», «D». Стрелковая рота — около девяносто человек — в свою очередь подразделяется на штаб и три взвода по тридцать человек в каждом. Взвод состоит из штаба и трех стрелковых отделений по восемь бойцов в каждом. Вдобавок к этому в батальоне имеется рота поддержки, состоящая из противотанкового, минометного и пулеметного взводов. Батальоном командует подполковник, майоры возглавляют роты, а лейтенанты — взводы, тогда как отделения действуют под началом капралов или младших капралов. В отряде коммандос Королевской морской пехоты на одну стрелковую роту меньше, а коль скоро звания в морской пехоте выше по разряду, чем в армии, ротами командуют капитаны.

циала его имени Herbert, то есть от латинской буквы H, название которой в английском языке звучит как «эйч». — *Прим. пер.*], поспешил в расположение части из отпуска во Франции, как только узнал о кризисе. Батальон готовился вот-вот отплыть на шесть месяцев в Белиз. Теперь же из уст командира звучал так страстно желаемый десантниками приказ вышестоящего начальства: им предстояло изменить планы и ждать отправки на Фолклендские острова в составе оперативного соединения.

Люди, начавшие готовиться к войне с той ночи, подобно их коллегам из 3-го батальона Парашютного полка, уже находившимся в море, являлись, пожалуй, одними из самых лучших солдат в британской армии. Многие ротные командиры в обоих батальонах, как майор Джон Кросленд из роты «B», ранее служили в САС и поучаствовали в боевых действиях в Дофаре [Дофар — юго-западная провинция Омана, где в 1970–1976 гг. по приглашению султана Кабуса находились под видом британских военных инструкторов группы бойцов, а затем и целые подразделения САС (с 1971 г. там были полностью развернуты эскадроны «B» и «G» 22-го полка), которые успешно помогали оманским правительственным силам бороться с отрядами «оду» — мятежников из Фронта освобождения Дофара (ФОД) и Народного фронта освобождения оккупированных территорий Персидского залива (НФООТПЗ). — *Прим. ред.*]. Майор Дэр Фаррар-Хокли, тридцатипятилетний командир роты «A», с его выдающейся челюстью и страстной преданностью вооруженным силам, являлся сыном полковника-коменданта Парашютного полка и мужем дочери другого генерала. [Чарлз Дэр Фаррар-Хокли (род. 2.12.1946), зачисленный в Парашютный полк в 1967 г., служил офицером на Мальте, Кипре и в Северной Ирландии, воевал в 1982 г. на Фолклендах, командуя ротой «A» 2-го батальона Парашютного полка, затем, произведенный в подполковники, командовал в 1984–1986 гг. 3-м батальоном парашютистов, а в 1989–1991 гг., уже как бригадир, — 19-й пехотной бригадой (позже он дорос до звания генерал-майора и в 1996–1999 гг. возглавлял 2-ю дивизию британской армии). Его отец, сэр Энтони Херитейдж Фаррар-Хокли (1924–2006), ветеран, служивший во время Второй мировой и Корейской войн в Глостерширском полку и командовавший в 1960-х годах 3-м парашютным батальоном в Адене и Радфане, занимал в 1977–1983 гг. почетную должность полковника-коменданта (colonel-commandant) Парашютного полка,

имея звание генерал-лейтенанта и с 1979 г. — полного генерала. В тот период он последовательно командовал Юго-восточным военным округом в Англии (в 1977–1979) и союзными силами НАТО в Северной Европе (в 1979–1982), а также был генерал-адъютантом королевы (в 1981–1983). — *Прим. ред.*] Заместитель командира батальона майор Крис Кибл, этакий седой великан, словно бы нависающий на вас крепостной башней, поступил в Королевский Английский полк в 1963 г. по окончании Школы Дуэ [католическая Школа Дуэ (Douai School) — независимое (негосударственное) учебное заведение для мальчиков, которое в 1903 г., после принятия во Франции антиклерикального закона 1901 г., было переведено из французского города Дуэ в английское селение Вулхэмптон (в графстве Беркшир), где эта школа до своего закрытия в 1999 г. располагалась в аббатстве Дуэ, принадлежавшем общине монахов-бенедиктинцев (членов ордена Св. Бенедикта). — *Прим. ред.*], а в 1971 г. перевелся в парашютную часть. Он находил воздушных десантников «куда более профессиональными, чем большинство пехотных формирований. В обычном пехотном батальоне всегда есть предел того, что вы можете сделать. Философия Парашютного полка состоит в том, что нет ничего, чего бы вы не могли сделать. Границ просто нет».

2-й батальон Парашютного полка использовал последние дни перед погрузкой на суда для организации скороспелых батальонных учений и — начала интенсивной программы приготовления к битве. Увлеченность «Эйча» Джоунза военным делом всегда выходила за пределы профессиональных обязанностей. Как сказал Крис Кибл, «он возрос на солдатской философии». Представитель процветающего семейства землевладельцев из областей к юго-западу от Лондона, «Эйч», брат которого служил офицером в военно-морских силах, поступил в Девонширско-Дорсетский полк после Итонского колледжа и перевелся в парашютисты в 1980 г. В сорок два года в нем сохранилось еще что-то мальчишеское, живой характер, шарм и подкупающая улыбка, вдруг будто бы ни с того ни с сего озарявшая его лицо. «Он был в какой-то мере нетерпимым — не выносил дураков, — вспоминал Кибл. — Но имел привычку бывать правым. Настоящий вожак».

Джоунз истово верил в сбалансированный батальон со специалистами своего дела и снаряжением, пригодным для решения задач максимально широкого спектра, тогда как Кибл подчеркивал, что решающим фактором для части на поле боя являет-

ся «способность развивать натиск». Командир сомневался в действенности пулеметов, имевшихся в распоряжении 2-го парашютного батальона, и запасся дюжиной американских реактивных гранатометов М79. Как до, так и после погрузки на паром «Норланд» бойцы особенно старательно отрабатывали действия в рамках медицинской подготовки и процедур обращения с ранеными. Доктор Стив Хьюз, офицер, заведующий медчастью батальона [Стивен Джеймс Хьюз имел звание капитана Королевского медицинского корпуса армии. — *Прим. ред.*], служил в армии всего полтора года, однако не поленился произвести специальное изучение статистических данных потерь, где говорилось о самых распространенных ранениях на поле боя. Парни практиковались в обмене особыми навыками. Они выработали полностью альтернативный вариант тактического штаба, принять немедленное командование которым на поле боя мог в случае выхода из строя Джоунза майор Кибл. Они потратили £120 из фонда части для покупки по своей инициативе пластиковой модели человеческой руки и по дороге на юг практиковались на ней в нахождении вен, наложении жгутов и постановке капельниц.

«Все время нас не покидало такое ужасное беспокойство, что мы пропустим спектакль», — признавался Кибл. «Эйч» полетел вперед, чтобы догнать десантную группу уже на острове Вознесения. Когда «Норланд» дымил на юг, парашютисты ежедневно докучали капитану просьбами прибавить ходу, допытывались у него, а нельзя ли выбрать какой-нибудь курс покороче. Затем, когда в верхах начались все эти идущие вокруг да около дебаты о предположительных точках высадки, десантники с нетерпением отбрасывали варианты самого дальнего от противника места: «Почему нам просто не прийти прямо к ним и не задать ублюдкам хорошую трепку?» Парашютисты никак не ожидали шанса для полка получить видное место в плане участия в кампании: «По всему складывалось, что лучшее отдадут коммандос. Мы радовались возможности не отстать».

* * *

В первые дни после десантной высадки в Сан-Карлосе бойцы 2-го парашютного испытали разочарование, и им пришлось изрядно претерпеть от дискомфорта условий быта на горах Сассекс. Холод и сырость — куда более сильные, чем на прибрежном

участке — переносились бы легче, веди батальон активные боевые действия. Но отправлять передовые дозоры в направлении Дарвина запрещалось, поскольку на данном участке действовал эскадрон «D» 22-го полка САС.

Как выразился Кибл, начальство сказало только: «Зато можно с пользой потренироваться». Бойцы становились свидетелями боев в воздухе и время от времени открывали огонь по аргентинским «Скайхокам» и «Миражам», проносившимся мимо при заходе на штурмовку судов на якорной стоянке. Парни готовили себе еду и попеременно сушили обмундирование и ботинки. Но рота «B» все равно потеряла семерых из-за траншейной стопы, да и другим доставалось несладкой жизни. «Наш потенциал потихоньку снижался, — рассказывал Кибл. — «Эйчу», по вполне понятным причинам, не терпелось заняться каким-то настоящим делом. В то время как аргентинцы крушили корабли, десант сидел на месте как вкопанный. Во второй половине четвертого дня «Эйч» без обиняков заявил: «Мы не выигрываем, а проигрываем».

Утром 23 мая 2-й парашютный получил оповещение из 3-й бригады коммандос: батальон, за исключением приблизительно одной роты, которая останется на позициях на горах Суссекс, выступит сегодня ночью для развертывания «крупномасштабного рейда» против расположений аргентинских войск в Дарвине и Гуз-Грине. Несмотря на отчаянное желание оставить горы Суссекс, «Эйч» и его офицеры вовсе не пришли в восторг от предложенного плана. Вести наступление на хорошо укрепленные неприятельские позиции с самого очевидного направления — северного — при лишь минимальной поддержке казалось делом крайне опасным, если не сказать больше. Нельзя ли высадить подразделение или по крайней мере отдельные составляющие по морю и воздуху для атаки с юга? Бригада тут же ответила отказом. Вертолетов для подобного мероприятия не хватало, а использовать десантные катера не представлялось возможным по навигационным соображениям. Во второй половине дня 24 мая рота «D» возглавила длинный марш для обеспечения оставшимся подразделениям батальона позиций у Камилла-Крик-Хауса, расположенного в 11 милях (17,7 км) вниз по дороге [рота «D» майора Филипа Нима включала 10-й, 11-й и 12-й стрелковые взводы (24, 28 и 26 чел. соответственно), которыми командовали лейтенанты Шон Уэбстер, Кристофер Чарлз Уоддингтон

и Джеймс Энтони Барри (последний был офицером Королевского корпуса связистов, приданным 2-му батальону Парашютного полка); вместе с группой управления (ротным штабом) она насчитывала 90 чел. — *Прим. ред.*]. В 7 часов вечера Крис Кибл и его парни, остававшиеся на Суссексе, хмуро наблюдали, как остальные бойцы 2-го парашютного снимаются с позиций в сгущающихся сумерках. Затем, буквально минуту спустя, из бригады сообщили, что нелетная погода не позволяет своевременно перебросить для поддержки наступления артиллерию. От проведения операции отказались. Успевшая отойти далеко рота «D» зашагала обратно по горам, тогда как другие с мрачным настроением вернулись в траншеи. «Я двадцать лет ждал этого часа, — не скрывая ярости, признавался «Эйч», — а теперь кто-то там в е... й морской пехоте взял и все отменил».

День 26 мая уже перевалил за половину, когда Джоунза опять срочно вызвали в группу «О» бригады. В конце концов 2-й батальон Парашютного полка отправлялся в Гуз-Грин. В те горячие сорок восемь часов бригадир Томпсон вновь пытался убедить Нортвуд по спутниковой связи в целесообразности лишь прикрывать южный выступ, в то время как сосредоточить силы на броске в направлении к Стэнли. Не убедил. Генерал Трант приказал 3-й бригаде коммандос наступать на Гуз-Грин. Некоторые из высокопоставленных офицеров в Англии позднее выражали полнейшее удивление тем, почему бригадир Томпсон не послал на задание два батальона, но, похоже, они лишь демонстрируют известную истину, что задним умом все крепки. Имевшиеся в распоряжении в Сан-Карлосе разведданные говорили о наличии у аргентинцев на данном участке лишь слабого батальона. Выдвижение даже одной-единственной британской части с поддержкой к Гуз-Грину само по себе представлялось крайне трудной задачей, а по мнению Томпсона — совершенно бессмысленным со стратегической точки зрения предприятием. Во второй половине дня на совещании группы «О» в Сан-Карлосе решили на сей раз отправить для выполнения операции 2-й парашютный батальон целиком — примерно 450 бойцов [фактически 2-й батальон Парашютного полка насчитывал 582 чел., из которых 446 числились в пяти боевых ротах (по 90 чел. в стрелковых ротах «A», «B» и «D», 53 в патрульной роте «C» и 123 в роте огневой поддержки), 100 — в штабной роте, 23 — в батальонном штабе и 33 — в подразделении тылового обеспечения. — *Прим. ред.*]. То

есть предстояло наступление батальонного уровня, однако Томпсон по-прежнему намеревался отвести эту воинскую часть после выполнения задачи. Он слишком сильно нуждался в бойцах для операции на главном направлении, чтобы позволить себе роскошь держать батальон на юге. Поддержку 2-му парашютному, по плану, оказывали три 105-мм орудия — всего половина артиллерийской батареи, поскольку перебросить нечто больше на огневые позиции в районе Камилла-Крик-Хауса с имеющимися в распоряжении вертолетами не представлялось возможным. [Для огневой поддержки 2-го батальона парашютистов были выделены три «легких орудия» (Light Guns) калибра 4,14 дюйма (105 мм), на каждое из которых имелось по 320 снарядов, и 83 артиллериста (полтора взвода под командой лейтенанта Марка Эвана Уэринга) из 8-й батареи («Альма») 29-го артиллерийского полка коммандос. Эта батарея, возглавляемая майором Энтони («Тони») Джоном Райсом, имела прозвище Black Eight («Черная восьмерка»). Кроме расчетов трех ее пушек, при 2-м парашютном батальоне состояли: саперный разведывательный взвод лейтенанта Клайва Ралфа Ливингстоуна из 59-го отдельного инженерного эскадрона коммандос (20 чел.) и отряд уоррент-офицера 2-го класса Смита из 43-й батареи 32-го полка управляемого оружия Королевской артиллерии (12 чел. с двумя ПЗРК «Блоупайп»). Вместе с этими приданными подразделениями 2-й батальон Парашютного полка представлял собой боевую тактическую группу численностью 697 чел. — *Прим. ред.*] Майк Холройд-Смит, старший артиллерийский офицер 3-й бригады коммандос, намекнул «Эйчу», что может поспособствовать устремлениям Джулиана Томпсона избежать операции по взятию Гуз-Грина, если командование 2-го батальона парашютистов будет настаивать на выделении в поддержку пехоте большего количества стволов. По крайней мере удастся отложить операцию. «Я никогда ничего не откладываю», — коротко отозвался на это «Эйч».

Кибл, правда, запросил какие-нибудь легкие танки вроде «Скорпионов» и «Симитаров» для обеспечения поддержки операции пехоты. Но бензина для них остро не хватало, и — что еще важнее — в штабе сомневались в их способности нормально действовать на такой местности. По тем же причинам отказали и в гусеничных машинах «Вольво», на которых батальон мог хотя бы перевозить тяжелое оружие. Как нетрудно себе представить, минометный взвод был не в состоянии тащить на себе все

восемь стволов вместе с боеприпасами. Решили взять всего два, а остальным бойцам предстояло нести мины. [Во 2-м батальоне Парашютного полка рота огневой поддержки, которой командовал майор Хью Даглас Дженнер (старший брат майора Роджера Дагласа Дженнера), включала противотанковый взвод капитана Питера Кетли (22 чел. и 8 противотанковых ракетных комплексов MILAN), минометный взвод капитана Молдуина Стивена Генри Уорзли-Тонкса (44 чел. и восемь 81-мм минометов, из которых при Гуз-Грине использовались только два), пулеметный взвод лейтенанта Томаса Питера Хьюго Листера (21 чел., 6 универсальных пулеметов), штурмовой пионерный взвод сержанта Белла (24 чел.), приданный пулеметному взводу для переноски боеприпасов, и отделение снайперов сержанта Хеда (12 чел.). Всего в роте насчитывалось 123 чел. — *Прим. ред.*] Однако ВМС гарантировали артиллерийскую поддержку с фрегата «Арроу» — тот один располагал фактически огневой мощью целой батареи 105-мм орудий. С первыми лучами солнца 28-го числа парашютисты могли рассчитывать на помощь «Харриеров». У «Эйча» не осталось времени на отдание официальных приказов до выступления с горы Суссекс. Делать это приходилось во время сосредоточения у Камилла-Крик-Хауса на следующий день. Между тем самым срочным и приоритетным моментом являлись свежие разведданные о противнике на позициях у Дарвина. Подполковнику предстояло провести последние часы перед началом марша батальона на борту корабля десанта «Интрепид», выслушивая донесения дозоров САС, действовавших в районе Дарвина и Гуз-Грина с момента за неделю до начала высадки.

«Эйч» вышел с командного пункта бригады ниже поселка Сан-Карлос вместе со старшим офицером ее штаба, Джоном Честером. «Прошу прощения, полковник, что вам так долго е... ли мозги со всем этим делом», — начал Честер [у британцев принято в обиходе, обращаясь к подполковнику или упоминая о нем в разговоре, называть его полковником (colonel вместо lieutenant colonel). — *Прим. ред.*]. «Джон, жизнь слишком коротка, чтобы еще беспокоиться о таких вещах», — бросил в ответ «Эйч» и направился к вертолету.

2-й парашютный приступил к выдвижению с горы Суссекс в 8 часов вечера того дня, и снова головной шла рота «D». Бойцы оставили все лишнее и взяли только необходимое для боя. Однако они нагрузились рассчитанными на сорок восемь часов спе-

циальными арктическими пайками и тащили на себе буквально тонны дополнительных боеприпасов и иного военного снаряжения, при этом особенно трудно приходилось роте поддержки и медицинскому персоналу. Взвод инженерной разведки из 59-го эскадрона, воинов которого по воздуху доставили на Суссекс для взаимодействия с батальоном, запасся заимствованным и выпрошенным где только можно снаряжением, тогда как их собственное осталось лежать на десантном судне «Сэр Ланселот», с которого высадили всех для обезвреживания неразорвавшейся бомбы.

Бойцы тащились длинными вереницами, то и дело спотыкаясь и проклиная темноту, скалистую почву и дернистый луговик, переходя через ручьи и раскиданные вокруг точно заплатки болотца. «Но то была отличная ночка, — вспоминал Дэр Фаррар-Хокли. — Мы чувствовали, что наконец-то чем-то занялись». Во 2-м парашютном мало размышляли о стратегической ценности наступления на Гуз-Грин. Они знали только, что им дали задание, позволившее оставить горы Суссекс. За два часа хода до Камилла-Крик восточнее колонны стали время от времени падать вражеские снаряды. Воронки, встреченные десантниками на пути их следования, свидетельствовали о том, что в течение ночи аргентинцы били и по этому участку, однако, по счастью, фугасы рвались далеко от батальона. Бойцы смертельно устали, а также понесли одну серьезную потерю: офицер передового поста наведения авиации, пятидесятичетырехлетний скуодрон-лидер из КВВС, которого, как все считали, вообще нельзя было отправлять в такой поход, совершенно выбился из сил. Обязанности его пришлось взять на себя командиру противотанкового взвода, капитану Питеру Кетли.

Около 3 часов пополуночи в небо взлетела красная ракета — рота «D» сигнализировала: Камилла-Крик-Хаус обеспечен. «Эйч» велел всему батальону, за исключением бойцов в боевом охранении, остановиться в постройках и отдохнуть там на протяжении остатка ночи. Четыре сотни измотанных мужчин повалились кто где в комнатах и коридорах заброшенного дома и в окружавших его сараях, дабы подремать и прийти в себя до рассвета, трясясь от холода в отсутствие спальных мешков и даже одеял.

Спустя три часа рассвет позволил установить, что батальон расположился в крайне удачном месте, в этаком углублении, невидимый ни с какой стороны противнику с расстояния более 500 ярдов (457 м). Некоторые офицеры выражали озабоченность

крайней скученностью личного состава подразделений на занимаемой позиции, однако «Эйч» пребывал в уверенности относительно безопасности — засечь их визуально неприятель не мог. Командир радовался возможности дать людям как следует отдохнуть днем и высушить одежду перед ночным боем. В какой-то момент парашютисты слушали новостной бюллетень «Всемирной службы» Би-би-си из Лондона и узнали от корреспондента, что 2-й батальон Парашютного полка находится в 5 милях (8 км) от Дарвина (см. след. главу). Известие шокировало, а потом разозлило весь батальон, но больше всех командира. Джоунз тут же приказал батальону как можно шире рассредоточиться и начать окапываться, готовясь к обороне перед лицом налета вражеской авиации или артиллерийского обстрела, каковые считал практически неизбежными. Роберту Фоксу, находившемуся при части корреспонденту Би-би-си, «Эйч» высказал ставшей позднее притчей во языцех угрозу подать в суд на министра обороны, если кто-нибудь из парней погибнет в предстоящей битве. Известно, что аргентинский гарнизон в Дарвине и Гуз-Грине получил рано утром 28 мая подкрепления, переброшенные вертолетами из состава стратегического резерва генерала Менендеса из района горы Кент. [В действительности первое подкрепление аргентинская оперативно-тактическая группа «Мерседес» получила ближе к полудню 28 мая. В нем числилось 84 чел., объединенных в отряд под командой первого лейтенанта Карлоса Даниэля Эстебана (3-й взвод и небольшая часть 1-го и 2-го взводов стрелковой роты «А» 12-го пехотного полка, ранее располагавшиеся на горе Кент, и остатки боевой команды «Гюэмес», эвакуированные из района Сан-Карлоса). Собранные утром на ипподроме в Порт-Стэнли, эти бойцы в 11.00 получили окончательный приказ погрузиться на транспортные вертолеты армейской авиации (одну «Пуму» и шесть «Ирокезов») и отправиться в Гуз-Грин. Под эскортом двух ударных вертолетов А-109А «Ирундо» отряд Эстебана благополучно долетел до места назначения и высадился в нескольких сотнях метров к югу от Гуз-Грина. Второе подкрепление прибыло к ОТГ «Мерседес» вечером 28-го числа, уже перед самыми сумерками. Это была возглавляемая капитаном Эдуардо Нестором Корсильей боевая команда «Солари» (стрелковая рота «В» 12-го пехотного полка, прозванная «Ла Флорида», всего около 100 чел. под командой первого лейтенанта Игнасио Бенхамина Горрити), которую доставили от горы Кент и выса-

дили южнее Гуз-Грина восемь транспортных вертолетов (одна «Пума», шесть «Ирокезов» и один «Чинук»). — *Прим. ред.*]. Бригадир Томпсон и офицеры 2-го парашютного батальона убеждены, что сообщение Би-би-си в тот день оказало непосредственное влияние на ход боя в следующие сутки. Аргентинцы, несомненно, ждали гостей.

Рота «С» заметила готовность противника к атаке, как только попыталась продвинуться и разведать местность [во 2-м батальоне Парашютного полка рота «С», возглавляемая майором Роджером Дагласом Дженнером, являлась патрульной (дозорной) и включала только два взвода — патрульный (капитана Пола Рэймонда Фаррара) и разведывательный (лейтенанта Колина Спенсера Коннора); оба взвода имели в строю по 24 чел., а вся рота, вместе с группой управления, насчитывала 53 чел. — *Прим. ред.*]. По британцам открыли огонь, и тем пришлось отказаться от своего намерения. Около полудня дозор южнее Камилла-Крик-Хауса заметил приближавшийся к нему синий «Ленд Ровер». Бойцы подпустили машину к занимаемой позиции и, выпрыгнув как из засады, стремительно бросились к ней. После короткого обмена выстрелами, десантники захватили в плен трех находившихся в автомобиле аргентинских военнослужащих, в том числе одного раненого сержанта, прежде чем те успели воспользоваться рацией. Среди пленных оказался офицер, командовавший разведывательным взводом противника [это был командир взвода разведки 12-го пехотного полка лейтенант Карлос Марсело Моралес, который, как и трое его подчиненных, угодил в плен днем 27 мая; с британской стороны в захвате этих разведчиков участвовали патруль капрала «Таффа» Эванса из разведывательного взвода роты «С» 2-го парашютного батальона и передовая партия наведения авиации, возглавляемая капитаном Питером Кетли (к 14.20 обе команды вернулись вместе с четырьмя пленными аргентинцами в Камилла-Крик-Хаус). — *Прим. ред.*]. По полученным от него сведениям получалось, что гарнизон Дарвина куда сильнее и больше, чем слабый батальон, как рассчитывали в бригаде, и усилен в ожидании нападения. [В действительности перед сражением 28 мая 1982 г. численность всех аргентинских сил, дислоцировавшихся в районе Дарвина и Гуз-Грина, достигала 1093 чел., из которых 643 принадлежали к сухопутным войскам, составлявшим оперативно-тактическую группу «Мерседес» подполковника Итало

Анхеля Пьяджи. В штабе, штабной роте и стрелковых ротах «А» и «С» 12-го пехотного полка «Хенераль Хуан Антонио Альварес де Ареналес» насчитывалось 439 военнослужащих (28 офицеров, 72 унтер-офицера и 339 солдат), в стрелковой роте «С» 25-го пехотного полка — 78 (4 офицера, 13 унтер-офицеров и 61 солдат), в 3-м взводе стрелковой роты «С» 8-го пехотного полка «Хенераль Бернардо О'Хиггинс» — 37 (офицер, 5 унтер-офицеров и 31 солдат), в команде 9-й инженерной роты — 11 (унтер-офицер и 10 солдат), в отряде батареи «А» 4-го воздушно-десантного артиллерийского дивизиона — 45 (3 офицера, 7 унтер-офицеров и 35 солдат), в 3-м взводе батареи «В» 601-го дивизиона ПВО — 33 (офицер, 8 унтер-офицеров и 24 солдата). Кроме 7,62-мм универсальных пулеметов FN MAG, имевшихся в пехотных подразделениях, на вооружении ОТГ «Мерседес» находились три 105-мм безоткатные гаубицы «ОТО-Мелара», две зенитные установки спаренных 35-мм пушек (с 2000 снарядов), один 120-мм миномет, два 81-мм миномета и один 12,7-мм пулемет «Браунинг». Основная линия обороны, протянувшаяся поперек перешейка от высоты Дарвин-Хилл до руин Бока-Хауса (по гребню Дарвин-Ридж), была изначально поручена капитану Хорхе Антонио Манресе и его роте «А» 12-го пехотного полка. Эта укрепленная позиция защищала Дарвин и Гуз-Грин от нападения с северной стороны. Разведывательный взвод лейтенанта Карлоса Марсело Моралеса патрулировал и следил за местностью дальше к северу — до Камилла-Крик-Хауса, иногда используя в качестве базы корраль к югу от Бернтсайд-Хауса. Рота «С» 12-го пехотного полка под командой первого лейтенанта Рамона Хосе Дуасо-Фернандеса прикрывала подступы к Гуз-Грину с юга, со стороны острова Лафония, 3-й взвод роты «С» 8-го пехотного полка, возглавляемый суб-лейтенантом Гильермо Рикардо Алиагой, прикрывал побережье залива Салинас, на западной стороне перешейка, а рота «С» 25-го пехотного полка (под командой лейтенанта Роберто Нестора Эстевеса) оставалась в здании школы, находившемся севернее самого поселка Гуз-Грин, к востоку от аэродрома (военной авиабазы «Кондор»). Для замены стрелковой роты «В», развернутой на горе Кент как боевая команда «Солари», подполковник Пьяджи приказал сформировать в качестве резерва сводный взвод, набранный из личного состава штабной роты 12-го пехотного полка. Командование этим взводом принял суб-лейтенант Эрнесто Орландо Пелуффо (заместитель команди-

ра взвода огневой поддержки стрелковой роты «А» 12-го полка). Имевшаяся в распоряжении Пьяджи саперная команда из 9-й инженерной роты оборудовала минные поля к югу от развалин Бока-Хауса, на пляже Салинас, у северного края аэродрома и по обе стороны узкого заливчика к северу от школьного здания. Еще одно минное поле было установлено между высотой Миддл-Хилл и гребнем Коронейшн-Ридж. К 27 мая в дислокации подразделений ОТГ «Мерседес» произошли некоторые изменения: стрелковая рота капитана Манресы выдвинулась на север к гребню Коронейшн-Ридж, перекрывавшему перешеек на уровне мыса Коронейшн-Пойнт и высоты Миддл-Хилл, а ее место на главной линии обороны занял сводный взвод суб-лейтенанта Пелуффо (около 40 чел.). Первый лейтенант артиллерии Карлос Альберто Чанампа наметил возможные цели для трех своих гаубиц, которым уже в ночь с 26-го на 27 мая пришлось вступить в дело. Следует также упомянуть, что 27 мая зенитчики суб-лейтенанта Клаудио Оскара Брагини из 3-го взвода батареи «В» 601-го дивизиона ПВО добились успеха при отражении воздушной атаки на Гуз-Грин, предпринятой двумя самолетами британской 1-й эскадрильи КВВС. Огнем своих 35-мм пушек они сбили один «Харриер» GR.3 (бортовой номер XZ988), пилот которого, скуодрон-лидер Боб (Роберт Даглас) Айвсон, сумел катапультироваться и через три дня был подобран вертолетчиками из авиаэскадрильи 3-й бригады коммандос морской пехоты (второй «Харриер», пилотируемый флайт-лейтенантом Марком Хэйром, благополучно вернулся на авианосец «Гермес»). — *Прим. ред.*] «Какого черта тут делала САС?» — зло проворчал «Эйч», необоснованно ругая спецназ. Эскадрон «D» покинул район раньше, чем неприятель перебросил туда подкрепления.

Около 4 часов пополудни пребывавшие в мрачном настроении, но все также уверенные в себе офицеры 2-го парашютного полукругом, сидя на корточках, окружили подполковника Джоунза. «Эйч» назвал план «наступлением силами батальона с целью взятия Дарвина и Гуз-Грина, подразделяющимся на шесть фаз и проводимым в ночное время тихо и в дневное с большим шумом». Рота «С» — патрульная — разведает последние 4 мили (6,4 км) до исходной позиции и обеспечит ее. Затем роты «А» и «В» будут наступать на юг через аргентинские расположения, нацеливаясь на взятие под контроль соответственно восточной и западной сторон перешейка [стрелковую роту «А»

майора Чарлза Дэра Фаррар-Хокли составляли 1-й, 2-й и 3-й взводы (26, 26 и 27 чел. соответственно) под командой сержанта Теренса («Теда») Эрвинга Барретта, лейтенанта Марка Эндрю Коэ и 2-го лейтенанта Гая Уоллиса, а стрелковую роту «B» майора Джона Гарри Кросленда — 4-й, 5-й и 6-й взводы (28, 27 и 28 чел. соответственно), которыми командовали лейтенанты Эрнест Зигфрид Хокинг, Джеффри Роналд Уэйгхелл и Клайв Чапмэн; с учетом групп управления в обеих ротах числилось по 90 чел. — *Прим. ред.*]. Рота «D» продвинется через порядки роты «B» во второй фазе, а затем в свой черед через нее пойдет «B», задача каковой — атака на Бока-Хаус. Целью ставился прорыв всех внешних позиций противника ночью, лишь для штурма самих селений отводилось дневное время, дабы максимально снизить риск для гражданского населения. Лейтенант Королевских ВМС Джон Термен предоставил подробное описание местности, по которой предстояло наступать. Никто и слова не сказал об удобной возможности показать себя, предоставившейся десантникам, ибо в том не было нужны. Совершенно неожиданно для себя 2-й батальон Парашютного полка оказался перед лицом необходимости вести первую классическую битву в рамках кампании по возвращению Фолклендских островов — и на самом деле первую для британских войск акцию против крупных формирований противника со времен войны в Корее. С самого момента поступления в полк любой солдат и офицер проникался мужеством героев Брюневаля, Мервиля и гордился отважной битвой до последнего парней Джона Фроста за Арнемский мост. [Брюневаль, Мервиль и мост в Арнеме — места трех британских воздушно-десантных операций периода Второй мировой войны. Первая из них (операция «Байтинг», представлявшая собой успешный рейд отряда из 120 коммандос под командой майора Парашютного полка Джона Даттона Фроста с целью уничтожения радара в Брюневале, на севере оккупированной немцами Франции) была проведена 27–28 февраля 1942 г., вторая (атака 9-го парашютного батальона подполковника Теренса Отуэя против немецкой батареи в Мервиле, на побережье Нормандии) — 6 июня 1944 г., и третья (операция «Маркет-Гарден», включавшая, в числе других задач, взятие и удержание моста через Рейн в голландском городе Арнем) — с 17 по 26 сентября 1944 г. Со стороны британцев в захвате и последующей обороне северной стороны Арнемского моста участвовал 2-й парашютный батальон, которым командо-

вал все тот же Дж. Д. Фрост, тогда уже подполковник. В Арнеме этот батальон, отрезанный от остальных войск британской 1-й воздушно-десантной дивизии, четыре дня противостоял частям 9-й танковой дивизии СС «Хоэнштауфен» и понес тяжелые потери (к началу операции он насчитывал 745 военнослужащих, из которых 20 сентября, к моменту сдачи, осталось в строю не более 100 чел., полностью израсходовавших свои боеприпасы). В числе парашютистов, сдавшихся немцам 20-го числа, был батальонный командир Фрост, раненный в ноги осколками минометного снаряда (освободившись из плена в марте 1945 г., он продолжал после войны служить в британской армии и в 1961 г. дорос до звания генерал-майора). Хотя мост в Арнеме бойцам 2-го парашютного удержать не удалось, они проявили в борьбе за него незаурядное мужество. — *Прим. ред.*] Каждое следующее поколение десантников-парашютистов автоматически наследует желание равняться на отважных предшественников. Трудно не испытать волнения при мысли о том, как бойцы 2-го парашютного, ведомые подполковником Джоунзом, безоговорочно готовым продемонстрировать всю безграничность способностей батальона, выступали в ту ночь с позиций у Камилла-Крик-Хауса, чтобы дать бой предупрежденному и готовому к встрече врагу.

«Никогда не участвовал ни в чем подобном», — честно признался Роберт Фокс из Би-би-си «Эйчу».

«Так ведь и я нет», — в тон ответил тот.

У «Эйча» еще нашлось несколько минут на инструктаж командира группы артиллерийской поддержки, лейтенанта Марка Уэринга, которого с тремя 105-мм пушками и расчетами 8-й батареи 29-го полка коммандос Королевской артиллерии в темное время суток челноками доставили на позиции вертолеты 846-й эскадрильи. В распоряжении для транспортировки орудий и боеприпасов — ночью, в полной мгле — имелось всего двенадцать «Си Кингов». В свете донесений о поступлении подкреплений к аргентинской стороне Уэринга снабдили 960 снарядами из расчета 320 на ствол. Всего за какие-то минуты перед переброской из Сан-Карлоса лейтенанту пришлось заменить одного из канониров, раненного в руку в ходе кратковременного налета «Скайхоков». В долине, где располагались пушки, солдаты трудились всю ночь — укрепляли оборону, натягивали маскировочные сети и готовили боеприпасы. Все знали, когда рассветет, от расчетов орудий будет зависеть очень многое.

В 6 часов вечера рота «С» приступила к продвижению в направлении к намеченной исходной позиции под то и дело начинавшим лить дождем. В течение следующих трех часов бойцы осторожно прощупывали путь, возглавляемые саперами 59-го эскадрона, которым доставалась, наверное, самая ответственная работа в сухопутных войсках на всем протяжении войны. Им приходилось выполнять свои задачи по пояс в воде ручьев и речушек, в темноте, дабы убедиться, что три моста между Камилла-Крик-Хаузом и стартовой (исходной) линией очищены от мин, затем трястись от холода мокрыми, вместе с пехотой ожидая подхода штурмовых рот. Оставшиеся подразделения батальона выступили в 10 часов вечера, предварительно проверив оружие и получив в мерзлой траве приказы на взводном и ротном уровне. Когда парашютисты продвигались, души их согревали выстрелы орудий — велась огневая поддержка с моря. Аргентинцы прощупывали беспокоящим огнем сектора на направлении их выдвижения, но, к счастью, били далеко от парашютистов. В 2.35 пополуночи рота «А» пересекла исходную линию в классическом пехотном порядке — два взвода впереди, один сзади. Парни Дэра Фаррар-Хокли быстро и бесшумно следовали к первому объекту — Бернтсайд-Хаусу. Им оставалось пройти около 500 ярдов (457 м), когда окопавшийся там неприятель открыл огонь [этим противником был один из патрулей разведывательного взвода аргентинского 12-го пехотного полка. — *Прим. ред.*]. Парашютисты ответили фонтаном свинца из универсальных пулеметов, затем вышли к зданию и пустили в ход винтовки и гранаты. Противник бежал, оставив двух мертвецов. Внутри, скованные страхом, лежали четверо гражданских британцев, из них две немолодые женщины [кроме хозяина дома, мистера Моррисона, в Бернтсайд-Хаусе находились его жена, мать и один из друзей семьи. — *Прим. ред.*]. Солдаты вновь получили законный повод пройтись по адресу разведки. Считалось, что в Бернтсайд-Хаус одни только аргентинцы, потому-то его и нещадно поливали пулеметным огнем. К великому счастью, пострадала только собака, лишившаяся зуба.

«Затем мы подождали, когда по небу справа у нас впереди перестанут проноситься яркие и впечатляющие трассы, — писал лейтенант Клайв Ливингстоун, командовавший саперным отрядом. — Все время мы старались не попасть под непрямой огонь противника, не добавлявший никакого удобства. Послед-

него стало еще меньше, когда полил дождь». Рота «В», приступившая к выходу со стартовой позиции через сорок пять минут после роты «А», почти сразу же натолкнулась на пулеметную точку противника, каковую отделение капрала Марджерисона подавило огнем из автоматического оружия и гранатами. Затем бойцы Джона Кросленда приступили к продолжительному этапу боя, названному в батальоне «канавной войной», — к упорному прокладыванию себе пути на юг по компасному азимуту и зачистками по пути одной за другой вражеских позиций [эти позиции занимали аргентинские пехотинцы капитана Манресы, а именно рота «А» 12-го пехотного полка, включавшая два неполных стрелковых взвода (1-й и 2-й), которыми командовали соответственно лейтенант Алехандро Гарра и суб-лейтенант Густаво Малакальса, и взвод поддержки, возглавляемый суб-лейтенантом Марсело Раулем Коломбо. Весь 3-й стрелковый взвод суб-лейтенанта Марсело Мартина Бракко и небольшое число солдат 1-го и 2-го взводов находились на горе Кент вместе с боевой командой «Солари», но еще до начала сражения за Гуз-Грин их доставили по воздуху в Порт-Стэнли и присоединили к остаткам боевой группы «Гюэмес» первого лейтенанта Карлоса Даниэля Эстебана (таким образом, был образован сборный отряд из 84 чел., который уже в разгар боя 28 мая, между 11 часами утра и полуднем, перебросили на вертолетах в район Гуз-Грина). Многие солдаты роты «А» принадлежали к воинственному клану индейцев гуарани, однако все они были необстрелянными новобранцами, и ночной бой оказал на них шокирующее воздействие. Неудивительно, что молодые аргентинские призывники из передового (1-го стрелкового) взвода суб-лейтенанта Гарры дрогнули под натиском британской роты «В» 2-го парашютного батальона. В 4.30 утра, еще в темноте, они по приказу капитана Манресы вышли из соприкосновения с противником и отступили в глубину гребня Коронейшн-Ридж, оставив позади себя оба 81-мм миномета и одну безоткатную гаубицу. Сперва эти пехотинцы отошли к холму Коронейшн-Хилл, где собрались вокруг резервного взвода роты «А» (2-го стрелкового взвода суб-лейтенанта Малакальсы), при котором находился заместитель ротного командира, лейтенант Орасио Муньос-Кабрера. Приведя в порядок отступившие отделения, капитан Манреса отправил их на юг, к главной линии обороны, тогда как меньшая часть его роты под началом Муньоса-Кабреры должна была удержи-

вать высоту Коронейшн-Хилл и выигрывать время, а затем тоже отойти на основную позицию — к гребню Дарвин-Ридж и высоте Дарвин-Хилл. — *Прим. ред.*]. То была битва командиров отделений, требовавшая быстрых, беспощадных и отважных действий — инициативы малых групп бойцов. У 2-го парашютного это получалось просто-таки замечательно. И все же теперь, после двух часов с начала боя, сложности становились все очевиднее. «Дела шли отлично, но только медленно», — рассказывал Крис Кибл. Десантники получили чувствительный удар, узнав, что там в море у «Арроу» заклинило 4,5-дюйм. пушку, вследствие чего они лишились важнейшего средства огневого давления. Командиры расчетов пушек и минометов с тревогой поглядывали на убывающие запасы боеприпасов. Стрелковые роты не взяли с собой 2-дюйм. минометы — «ошибка, которую я больше не повторю», как говорил Дэр Фаррар-Хокли, — а потому подсвечивать поле боя могли только за счет скудного запаса ручных ракет «Шермулли». Где-то вскоре после начала операции загорелось скопление можжевельника примерно посредине поле боя и пылало на протяжении часов. Сделалось светлее, однако удушливый дым не добавлял счастья парашютистам.

В то время как рота «B» постоянно сталкивалась с вражеским противодействием, рота «A» к 5.30, не встречая сопротивления, подошла ко второму объекту, Коронейшн-Пойнту, господствовавшему над Дарвином. Дэр Фаррар-Хокли по рации доложил обстановку подполковнику и попросил разрешения развивать натиск. «Эйч», находившийся в нескольких сотнях метров далее в тылу на направлении, пролегавшем по центральной оси перешейка, отнесся к показавшемуся ему излишне оптимистичным донесению с известной долей скептицизма. На протяжении более тридцати минут, когда вокруг потихоньку рассеивалась драгоценная тьма, рота «A» стояла на месте, дожидаясь, пока «Эйч» доберется на передовую и встретится с командиром роты. Только после того он распорядился о продолжении продвижения. К тому моменту батальон вел бой уже пять часов, но потерь не понес. Единственной занозой в бок в остальном ровному плану стали незамеченные ротой «B» при продвижении позиции аргентинцев, которые принялись палить по парашютистам с тыла, вследствие чего роте «D», вместо продвижения через расположение роты «B», пришлось произвести зачистку. Однако «мы были уверены, что сумеем позавтракать в городе, являвшемся нашей

последней целью», — рассказывал Клайв Ливингстоун. Боевой дух находился на высокой отметке, даже у многих из тех, кому не пришлось спать на протяжении трех ночей.

Теперь, когда наступило утро, расклад сил в бою начал коренным образом меняться не в пользу британцев. Они очутились на открытой местности, где если и можно было спрятаться, только в ее складках, а между тем впереди находился очень хорошо подготовившийся к бою противник. Разведка донесла и особо подчеркнула факт отсутствия у аргентинцев на позиции средств защиты от атак сверху. На самом деле прикрытие над окопами наличествовало, а доклады о деморализованном и не желающем воевать гарнизоне казались преувеличенными. «Все это чушь, будто они не хотели сражаться, — недовольно признавался Кибл. — Еще как дрались». Противник обрушивал поразительный по мощности артиллерийский и минометный огонь на все роты парашютистов, развернутые на перешейке. Когда рота «А» начала продвигаться по открытой местности, оставив 3-й взвод для прикрытия против вражеской позиции в Дарвине, Дэр Фаррар-Хокли вдруг заметил движение на холме перед десантниками и закричал: «Засада! В укрытие!» как раз тогда, когда раздались очереди аргентинских пулеметов. Головной 2-й взвод смог хотя бы спрятаться в можжевельнике. 1-й взвод позади очутился открытым и тут же, естественно, попал в серьезную переделку. Капрал саперов Майкл Мелия погиб на месте. «Противник открыл по нам массированный огонь из средних пулеметов с дистанции около 400 метров, — писал Ливингстоун. — Становилось все светлее, что помогало неприятелю находить цели и вести очень результативный огонь. Хотя и нам было легче целиться, огневой напор с нашей стороны не шел ни в какое сравнение с массированным вражеским противодействием. Мы перестали стрелять — задача заключалась в выходе из-под обстрела при любой паузе, когда противник отвлекался и не сосредоточивал на нас все внимание. Два взвода не могли подавить оборону в окопах, доставлявших нам столько неприятностей. Понадобилось 45 минут для выхода из боевого соприкосновения за счет применения дыма и из-за перерывов в стрельбе...»

По оценкам роты «А», перед ней находились до сотни солдат противника, в том числе значительное количество снайперов и пулеметчиков [это были остатки стрелковой роты капитана Манресы (неполной роты «А» 12-го пехотного полка) и сводный

взвод суб-лейтенанта Пелуффо, занимавшие главную линию обороны на гребне Дарвин-Ридж. На левом (западном) фланге, позади Бока-Хауса, их позицию подкреплял стрелковый взвод суб-лейтенанта Алиаги (3-й взвод роты «С» 8-го пехотного полка), а на правом (восточном) фланге — стрелковый взвод под командой лейтенанта Эстевеса (1-й взвод роты «С» 25-го пехотного полка), переброшенный по приказу подполковника Пьяджи от здания школы к гребню Дарвин-Ридж. Хотя общая численность защитников основной оборонительной линии, перекрывавшей перешеек, не превышала 200 чел., следует иметь в виду, что сама эта укрепленная позиция представляла собой серьезное препятствие для британцев (она состояла из 23 опорных огневых точек, соединенных между собой траншеями). — *Прим. ред.*]. Даже аргентинские призывники могут показаться внушительной силой, если у них полным-полно боеприпасов и хорошо подготовленные позиции. Парашютистам же патронов остро не хватало, как и бывает часто у наступающей пехоты. Майор Фаррар-Хокли попробовал было вывести 1-й взвод на позиции для фланового удара. Но рота находилась под интенсивным обстрелом. Семнадцатилетний рядовой Таффен получил ранение в голову, и товарищи на протяжении четырех часов не давали ему потерять сознание и свалиться в кому. Рядового Брайана Уоррала ранили. Капралы Дэйв Эйболс и Стив Прайор поспешили ему на помощь. Они уже протащили его половину пути до укрытия под яростным пулеметным огнем, когда зацепило и Прайора. Вперед помочь Эйболсу бросился капрал Гэри Хардмэн. Вместе они почти дотащили Прайора до безопасного места — оставались считаные метры, — когда в голову ему угодила другая пуля. Они отнесли тело в спасительный овражек и отправились за Уорралом. Это всего лишь один из героических поступков, совершенных младшими унтер-офицерами 2-го парашютного в тот день.

Джон Кросленд, командир роты «В», выразился просто и лаконично: «До первых проблесков света мы определенно выигрывали. Когда рассвело, мы попросту уткнулись носами в землю». Самая большая проблема состояла в сохранении темпов наступления, чтобы не дать врагу намертво пришить парашютистов к земле. Подняться под огнем и двигаться непросто — это требует воли и мужества, особенно когда перед глазами есть пример в виде лежащих рядом раненых или погибших товарищей. Бойцов постоянно осыпала грязь и торф от взрывов

снарядов и минометных мин. У многих солдат не оставалось времени на эмоции и размышления. В умах господствовала мысль о необходимости уцелеть и двигаться. Некоторые бросали свои автоматы и подбирали аргентинские винтовки с большей дальностью и силой огня. В тылу зарокотали моторы легких вертолетов, начавших подвоз боеприпасов из Сан-Карлоса. Трудность состояла в доставке их на передовую и в транспортировке в тыл раненых.

В то время как рота «А» застряла на востоке, рота «В» майора Кросленда, действовавшая в направлении к западному берегу, вступила в длительный и ожесточенный бой с целью прорыва аргентинских позиций за разрушенным Бока-Хаусом. Оборона здесь готовилась для отражения возможной попытки британской высадки с моря, но оказалась не менее внушительной преградой на пути наступления с суши [со стороны аргентинцев оборонительную позицию южнее развалин Бока-Хауса, на высоте Бока-Хилл, занимал 3-й взвод стрелковой роты «С» 8-го пехотного полка под командой суб-лейтенанта Гильермо Р. Алиаги. — *Прим. ред.*]. Кросленд оставил 5-й взвод для обеспечения огневого прикрытия с высот, двинув вперед 4-й и 6-й взводы. И все же особенно сильно досталось от аргентинских пулеметчиков именно 5-му взводу. К моменту, когда этот взвод наконец отошел за вершину гряды в мертвую зону, трое бойцов получили ранения. Рядовой Стивен Иллингзуорт оттащил в безопасное место одного из них и находился уже на пути ко второму, когда его самого насмерть сразила пуля снайпера. Четверо парней из головного взвода Кросленда без проблем проползли на гребень горы выше Бока-Хауса, но там моментально очутились пришитыми к месту огнем противника. «Мы просто бесились, — рассказывал майор. — Не могли мы подобраться к их пулеметам по открытой местности, да и после пяти часов боя стали особенно дороги боеприпасы». Передовой артиллерийский наблюдатель Боб Эш [капитан Роберт Фредерик Эш из 29-й батареи 4-го полевого полка Королевской артиллерии, передовой артиллерийский наблюдатель при роте «В» 2-го парашютного батальона. — *Прим. ред.*] в ответ на просьбу вызвать огонь на врага огорченно отозвался: «У нас как раз закончились снаряды». Минометные гранаты тоже все вышли. Позади рот «А» и «В», рота «D» по-прежнему занималась зачисткой аргентинских позиций, обойденных на протяжении ночи, уничтожая и вылавливая смятенных и перепуганных враже-

ских солдат, мелькавших в зарослях кустов и можжевельника. [В ночном бою с аргентинским заслоном, которым командовал лейтенант Орасио Муньос-Кабрера, стрелковая рота «D» майора Филипа Нима потеряла 3 чел. убитыми и 2 ранеными, причем из троих погибших двое принадлежали к 10-му взводу (их сразила очередь из аргентинского 12,7-мм пулемета «Браунинг», обстрелявшего с близкого расстояния правый фланг взвода) и один — к 11-му взводу. В ту ночь среди бойцов 11-го взвода особенно отличились 25-летний младший капрал Гэри Дэйвид Бингли и 19-летний рядовой Барри Джеймс Грейлинг (пулеметчик), которые, выскочив из укрытия, атаковали аргентинское пулеметное гнездо, встретившее их огнем с дистанции 10 метров. Они успели застрелить двух солдат, составлявших расчет вражеского пулемета, однако последние пули, выпущенные из него, свалили обоих британцев. Младшему капралу Бингли пуля попала в голову, убив его наповал, в то время как рядовой Грейлинг получил пулевое ранение в бедро. За уничтожение пулеметного гнезда противника оба парашютиста были награждены британской Военной медалью, из них первый — посмертно (см. список награжденных в приложении С). — *Прим. ред.*] Противник беспрестанно прощупывал артиллерийским и минометным огнем наугад возможные места дислокации каждой роты на ареале британского наступления вплоть до позиции пушек.

Орудия не умолкали даже тогда, когда на них сыпались аргентинские снаряды. «Батарея стреляла почти безостановочно, — писал Марк Уэринг, — и под маскировочными сетями вскоре начали накапливаться настоящие горы стреляных гильз и пустых ящиков — такого количества мы никогда раньше не видывали. Становилось все труднее и труднее поддерживать боевую работу трех орудий. Из-за мягкости грунта сошники станин все глубже проваливались в почву». «Харриеры» с авианосцев на море не могли подняться в небо из-за тумана, но зато уже вскоре после рассвета появились два аргентинских легких штурмовика «Пукара» и принялись заходить для атаки артиллерийской позиции британцев. [Это были две из трех «Пукар» звена с позывным «Науэль» (Nahuel), вылетевшего из Порт-Стэнли (с военной авиабазы «Мальвинас», где тогда размещалась Мальвинская аэромобильная эскадрилья) в 8.30 утра 28 мая. Один из них, имевший бортовой номер А-532, пилотировал лейтенант Роберто Федерико Симбаро, а другой, с бортовым номером А-533, — первый лейтенант Уго Эдуар-

до Арганьярас. Самолет с бортовым номером А-537, управляемый лидером группы, капитаном Роберто Артуро Вилой, по-видимому, не участвовал в атаке на позицию британской артиллерии у ручья Камилла-Крик, однако в 9.20 на базу вернулись все три штурмовика звена «Науэль». Позже, в 10.15, британцы, наступавшие на Гуз-Грин, снова подверглись воздушному налету аргентинских штурмовиков. В нем участвовали две «Пукары» Мальвинской аэромобильной эскадрильи (бортовые номера А-533 и А-532), составлявшие секцию с позывным «Багре» (Bagre). Пилотами этих машин, вылетевших в 9.30 с авиабазы «Мальвинас», были соответственно капитан Рикардо Антонио Грюнерт и лейтенант Альсидес Тадео Руссо, которые использовали в атаке ракеты и 20-мм пушки. — *Прим. ред.*] Команда ПВО с «Блоупайпами» [прислуга двух ПЗРК из 43-й батареи 32-го полка управляемого оружия Королевской артиллерии. — *Прим. ред.*] обстреляла ракетами один летательный аппарат, когда тот приблизился. Пилот отвернул и выпустил свои ракеты по пустому месту в долине западнее от пушек. Второй самолет тоже куда-то подевался. Однако пока артиллеристы предпринимали все возможные меры, чтобы продолжать стрельбу, фрегату «Арроу» в море пришлось отойти с огневой позиции. Этот корабль обеспечивал поддержку на протяжении двух часов после начала рассвета — долгое время после того, как ему полагалось сняться с места и уйти на якорную стоянку в Сан-Карлосе. Но теперь поступил приказ на отход. Огневой поддержки с моря 2-му парашютному больше ждать не приходилось.

К 8.30 утра положение батальона сделалось и вовсе незавидным. Ни одной из стрелковых рот явно не удалось прорваться по открытой местности и покончить с тупиковым положением, в котором парашютисты очутились по милости аргентинцев [со стороны защитников позиции на хребте Дарвин-Ридж отличился ротный старший сержант Хуан Карлос Коэльо, помогавший капитану Манресе поддерживать боевой дух солдат роты «А» 12-го пехотного полка (тяжело раненный 28 мая, он удостоился впоследствии награждения аргентинской «Медалью за доблесть в бою»); когда лейтенант Роберто Нестор Эстевес, командир 1-го взвода роты «С» 25-го пехотного полка, был смертельно ранен, корректируя стрельбу 105-мм гаубиц, его радист, рядовой Фабрисио Эдгар Карраскулль, продолжал направлять огонь артиллерии до тех пор, пока сам не был убит. — *Прим. ред.*]. Использование конвенциональных тактических маневров оказывалось

невозможным. Бойцы лежали или скрючившись сидели на корточках по всей длине перешейка. Некоторые ползали между убитыми и ранеными, собирая оставшиеся у тех боеприпасы. В роте «С» некоторые, похоже, решили махнуть рукой на все и начали готовить чай под минометным огнем. Подполковник «Эйч» Джоунз, залегший рядом с Дэром Фаррар-Хокли, отчаянно искал способа увеличить точность стрельбы поддерживающей артиллерии — на характер полета снарядов очень влиял гулявший по холмам сильный ветер. Срочно требовался какой-то выход. «Дэр, — проговорил подполковник, — придется тебе заняться этим делом». Фаррар-Хокли начал выдвигаться с шестнадцатью десантниками, включая своего заместителя, капитана Кристофера Дента. Майор не знал, что в момент начала подъема на гору к его небольшому отряду присоединился батальонный адъютант, капитан Дэйв Вуд [его полное имя — Дэйвид Александер Вуд. — *Прим. ред.*]. Крис Дент упал замертво сразу и покатился вниз по склону. Капрал Дэйв Хардмэн и капитан Вуд погибли несколькими секундами спустя. Младший капрал Тул, прижавшийся к земле рядом с Фаррар-Хокли, произнес без обиняков: «Сэр, если вы сейчас же не унесете отсюда ноги, то уносить придется вас». Они поползли туда, откуда пришли.

Немного ниже они встретили Тони Райса, командира артиллерийской батареи. «Слава Богу, вы быстро, — начал он. — Полковник сам пошел прошвырнуться». Х. Джоунз выявил позицию пулемета, который, как считал, сумел бы заставить замолчать. Схватив свой автомат «Стерлинг», в компании сержанта Барри Нормана и младшего капрала Бересфорда он отправился в смелое и рискованное предприятие в направлении огневой точки [аргентинское пулеметное гнездо, которое решил лично атаковать подполковник Херберт Джоунз, занимала группа капрала Освальдо Фаустино Ольмоса из 1-го взвода роты «С» 25-го пехотного полка. — *Прим. ред.*]. Но не прошло и нескольких секунд, как в тыльную сторону шеи его ударила пуля, прилетевшая откуда-то с более высокой позиции за спиной. Она прошла дальше в тело. Смертельно раненный подполковник упал на землю. За какие-то считаные минуты битва за высоту Дарвин-Хилл унесла жизни командира батальона, капитана Дента, адъютанта Вуда и еще девятерых человек.

И все же, несмотря на смертельное ранение «Эйча», действия роты «А» принесли перелом в ситуацию на поле боя. Напором,

огнем из пулеметов и 66-мм гранатометов десантники брали вражеские позиции одну за другой. Капрал Эйболс выстрелил 66-мм гранатой в амбразуру долговременного огневого сооружения. За меткость он был вознагражден громким взрывом и последовавшей за ним тишиной [при этом взрыве получил смертельное ранение аргентинский пехотинец 12-го полка Хосе Луис Риос, которому приписывают роковой выстрел из винтовки, поразивший подполковника Херберта Джоунза. — *Прим. ред.*]. Там и тут стали появляться белые флаги. Пусть рота «А» все еще оставалась под минометным и артиллерийским обстрелом, центр линии сопротивления рухнул. Затем старший сержант из роты Фаррар-Хокли [этого ротного старшего сержанта звали Колин Прайс. — *Прим. ред.*] обратился к майору: «Сэр, похоже, командир умирает». Морфин, первичная перевязка и капельница в руку «Эйча» — все оказалось напрасным. Фаррар-Хокли видел, как шевелятся веки глаз, но больше раненый не делал никаких движений. Майор опустился на колено и держал руку подполковника, пока не стало ясно, что тот умер. Затем, говоря намеренно осторожно, дабы не переполошить весь батальон скверными известиями, он передал по рации Крису Киблу: «Думаю, вам лучше поспешить сюда немедленно» [по другим источникам, о смертельном ранении подполковника Джоунза майор Кибл узнал из кодового радиосообщения «Солнечный луч погас» (Sunray's down), переданного около 10.30 с места события сержантом Блэкберном, персональным радистом батальонного командира. — *Прим. ред.*]. Рота «А», в которой насчитывалось трое своих убитых, плюс еще два офицера из штаба батальона и один капрал из приданного саперного подразделения [имеются в виду подполковник Х. Джоунз, капитан Д.А. Вуд (батальонный адъютант) и капрал Королевских инженеров М. Мелия. — *Прим. ред.*], и двенадцать раненых, расположилась вокруг захваченной позиции, где находилось двадцать мертвых аргентинцев и семьдесят шесть пленных, из которых тридцать девять были ранены [по другим данным, в бою за Дарвин-Ридж из 92 участвовавших в нем аргентинских военнослужащих были убиты 18 (в том числе 6 из 1-го взвода роты «С» 25-го пехотного полка) и ранены 39. — *Прим. ред.*].

Как только в штабе батальона узнали о ранении «Эйча», в «авиакомпанию мал-мала» (teeny-weeny airways) — в эскадрилью морской пехоты в Сан-Карлосе — отправили запрос о присылке санитарного вертолета «Скаут». Поначалу оттуда ответили

отказом, но после второго, иначе сформулированного обращения, согласились выслать вертолет [всего за время сражения за Гуз-Грин авиаэскадрилья 3-й бригады коммандос КМП, базирующаяся в Эйджэкс-Бэй, выделила в помощь 2-му батальону Парашютного полка четыре вертолета (две «Газели» и два «Скаута»), предназначенные для доставки боеприпасов и эвакуации раненых. — *Прим. ред.*]. Точно в момент подлета «Скаута» к району Дарвина там заканчивала штурмовку «Пукара». [Этот самолет из Мальвинской аэромобильной эскадрильи (бортовой номер А-537) пилотировал лейтенант Мигель Анхель Хименес. Вместе с «Пукарой» лейтенанта Роберто Федерико Симбаро (бортовой номер А-532) штурмовик Хименеса составлял секцию с позывным «Сомбра» (Sombra, «Тень»), вылетевшую в 10.30 с авиабазы «Мальвинас». — *Прим. ред.*] Неприятельский самолет круто спикировал и открыл огонь по вертолету. На месте того образовался шар огня и дыма, из которого на землю посыпались обломки «Скаута». [Сбитый 28 мая (в 10.55) вертолет «Скаут» AH.1 из состава звена «В» авиаэскадрильи 3-й бригады коммандос морской пехоты имел бортовой номер XT629. Кроме вышеупомянутого «Скаута», аргентинские ВВС заявили об уничтожении на земле еще одного британского вертолета. Его приписали ведомому лейтенанта Хименеса, пилоту Роберто Ф. Симбаро, однако британцы никогда не подтверждали эту потерю. — *Прим. ред.*] Лейтенант Ричард Нанн, брат командира роты морской пехоты на Южной Георгии [Ричард Джеймс Нанн был братом капитана Кристофера Джона Нанна, возглавлявшего роту «М» 42-го отряда коммандос КМП. — *Прим. ред.*] и родич Дэйвида Констанса, офицера связи морской пехоты при 2-м батальоне парашютистов, совсем недавно зачищавшего аргентинский окоп в тылу у роты «В», погиб мгновенно, а второй член экипажа, сержант Билл Белчер, был тяжело ранен в обе ноги [аргентинский летчик Мигель А. Хименес, записавший на свой счет эту победу, нашел свою смерть в тот же день, когда на обратном пути от Гуз-Грина в Порт-Стэнли его штурмовик потерпел аварию и врезался в гору (остатки самолета Хименеса были найдены только в 1986 г.). — *Прим. ред.*].

Тем временем Крис Кибл спешил через перешеек принимать командование батальоном. Он быстро оценил сложившуюся боевую обстановку и тут же понял, что у роты «А», совершенно очевидно, «все в ажуре» — она выполнила задачу и пока на ее участке

беспокоиться не о чем. Но вот рота «B» по-прежнему продолжала лоб в лоб бодаться с аргентинцами на позиции за Бока-Хаусом. Требовалось нанести фланговый удар, чтобы восстановить темп боя. Перед смертью подполковник Джоунз приказал расчетам ПТРК MILAN и пулеметов роты поддержки выдвинуться с прежней позиции по оси перешейка для оказания помощи роте «B». И вот наконец они достигли позиции, с которой могли наносить удары по аргентинским опорным пунктам на дистанции 1500 ярдов (1372 м). Десантники открыли огонь из ПТРК MILAN с просто поразительным эффектом воздействия. Кибл посоветовался с Джоном Кростендом и приказал роте «D» обойти роту «B» вдоль береговой линии, двигаясь под прикрытием выступающей возвышенности вдоль моря. Они взялись за дело в темпе и, совершенно невидимые противнику, быстро обогнули Бока-Хаус. Наконец-то британцы получили возможность открыть по неприятелю массированный и сосредоточенный огонь. Пользуясь отвлекающими действиями роты поддержки и роты «B», в 11 часов утра бойцы роты «D» вскарабкались по склонам холма и принялись поливать аргентинцев огнем из универсальных пулеметов. Там и тут вражеские солдаты — вымотанные и оглушенные — начали выбираться из бункеров и сдаваться. Всего их насчитали девяносто семь. [Когда на позиции аргентинского 3-го взвода роты «C» 8-го пехотного полка после обстрела ее противотанковыми управляемыми ракетами MILAN появились белые флаги, британский ротный командир, майор Филип Ним, по рации приказал своим подчиненным прекратить огонь, после чего на высоту Бока-Хилл поднялся 12-й стрелковый взвод роты «D» под командой лейтенанта Джеймса Энтони Барри. На холме парашютисты обнаружили тела двенадцати аргентинских солдат, убитых ПТУРами (всего противотанковый взвод роты поддержки 2-го парашютного батальона выпустил по Бока-Хиллу три таких ракеты). Еще 15 аргентинцев, большей частью раненых, сдались в плен (в их числе оказался и командир взвода 8-го пехотного полка суб-лейтенант Гильермо Р. Алиага, получивший тяжелое ранение в голову). Остальные защитники Бока-Хилла (не более десяти бойцов) отступили в направлении поселка Гуз-Грин. — *Прим. ред.*]

Затем Кибл поговорил с Дэром Фаррар-Хокли и приказал ему с ротой наступать в направлении самого Гуз-Грина, пользуясь поддержкой роты «C». Майор ответил, что выполнить задание невозможно — слишком много потерь, а надо держать обо-

рону на высоте Дарвин-Хилл на случай возможной контратаки. Он мог предложить лишь один взвод. Рота «С» с 3-м взводом роты Фаррар-Хокли двинулась в путь в обход холма. В поселок Дарвин, откуда сбежали все гражданские лица, отправили патруль. Тот очистил район от немногочисленных защитников стрелковым оружием и гранатами.

2-й батальон Парашютного полка отважно и упорно сражался для выполнения своей первой задачи и раздавил скорлупу ореха аргентинского сопротивления. И все же перед ними оставался внушительный рубеж нетронутой обороны Гуз-Грина, подходов к нему и аэродрома. [К тому времени к оперативно-тактической группе «Мерседес» присоединились 84 чел. под командой первого лейтенанта Карлоса Д. Эстебана, переброшенные на семи вертолетах из Порт-Стэнли. После того как это подкрепление (пополнение для стрелковой роты «А» 12-го пехотного полка и остатки БК «Гюэмес») высадилось южнее Гуз-Грина, первый лейтенант Эстебан передал начальство над ним суб-лейтенанту Хосе Альберто Васкесу, а сам, как наиболее опытный из офицеров, состоявших в подчинении подполковника Пьяджи, организовал оборону Гуз-Грина силами наземного персонала авиабазы «Кондор», которому теперь пришлось выполнять роль пехоты. Между тем отряд Васкеса (весь 3-й взвод роты «А» 12-го пехотного полка, дополненный небольшим числом солдат 1-го и 2-го взводов) спешно выдвинулся к северу от поселка Гуз-Грин и расположился в здании школы. — *Прим. ред.*] Кибл приказал роте «С» развивать наступление вдоль восточного берега, в то время как роты «D» и «B» отправились в атаку через перешеек с запада. Клайв Ливингстоун рассказывал, как рота «С» продвигалась по направлению к одинокой вехе своего пути — зданию школы Гуз-Грина «под устрашающим сочетанием артиллерийского, минометного и пулеметного огня и под рвавшейся над головой шрапнелью зениток». «Укрытия почти или вовсе отсутствовали. Трудно верилось, что такой массированный огонь мог продолжаться долго. Но он продолжался». Возможно, самым смертоносным оружием, примененным врагом против британцев на данной стадии операции, стали управляемые по РЛС 35-мм зенитные орудия аргентинских военно-воздушных сил, стрелявшие с восточной оконечности селения Гуз-Грин, пока парашютисты медленно продвигались по направлению к ним [в действительности упомянутые здесь аргентинские зенитные орудия — две установки спа-

ренных 35-мм пушек «Эрликон» (ЗУ типа «Скайгард») — обслуживались армейскими зенитчиками (взводом суб-лейтенанта Брагини из 601-го дивизиона противовоздушной обороны), тогда как относившаяся к ВВС зенитная батарея, которой командовал лейтенант Валацца (начальник ПВО авиабазы «Кондор»), имела другое вооружение, а именно шесть установок спаренных 20-мм орудий производства германской фирмы «Рейнметалл». — *Прим. ред.*]. Как только бойцы начинали выходить за гребень гряды господствовавших над позициями аргентинцев высот, парашютистов встречал ураганный заградительный огонь. Крис Кибл находился на высоте, когда полоса зарослей можжевельника буквально взорвалась от выстрелов вражеских пушек. Он спокойно подумал: «Вот тут я и умру». Спускаясь вниз, майор зацепился комбинезоном за жердь ограды загона для крупного рогатого скота, потратив на попытки высвободиться немало драгоценных секунд. Кибл временно оказался вне возможности контактировать со стрелковыми ротами: «Помню, как думал, что теряю способность управлять боем. Нельзя сказать, будто бы я испугался, просто я ведь был главным, заместителем командира, старавшимся не дать погаснуть напору наступления». Те две минуты дались ему нелегко.

В то время как рота «B» обогнула аэродром широким крюком, чтобы приблизиться к Гуз-Грину с юго-запада, роты «C» и «D» соединились для совместного штурма здания школы. Защищавшие позицию аргентинцы дрались поначалу упорно, но потом вдруг неожиданно выбросили белый флаг. Один из младших офицеров роты «D», Джим Барри, пошел принять капитуляцию и был тут же сражен пулей насмерть. [На самом деле британцы увидели полотнище из белой ткани, развевавшееся рядом с флагштоком у взлетной полосы аэродрома, и решили, что какая-то часть аргентинцев намерена сдаться. 29-летний лейтенант Королевского корпуса связистов Джеймс Энтони Барри, командир 12-го взвода роты «D», выдвинулся вперед с отделением капрала Пола Стивена Салливана и оказался примерно в 100 ярдах (более 91 м) от того места, где виднелись белые куски материи. В то время как капрал Салливэн расположил пулеметный расчет своего отделения таким образом, чтобы, в случае необходимости, обеспечить взводному командиру огневое прикрытие, Барри и его радист, рядовой Найт, направились в сторону противника, занимавшего позицию недалеко от аэродромного флагштока. При их

приближении несколько аргентинцев поднялись во весь рост, держа винтовки над головой, однако суб-лейтенант Хуан Хосе Гомес-Сентурион, командир 2-го взвода роты «С» 25-го пехотного полка, быстро дал понять лейтенанту Барри, что никакой сдачи не будет. «Сукин сын! — крикнул он британскому офицеру в ответ на предложение сложить оружие. — У тебя две минуты, чтобы вернуться к своим линиям до того, как я открою огонь. Убирайся!» Когда Барри повернулся, чтобы уйти, неожиданно раздалась очередь из пулемета, выпущенная, по-видимому, пулеметным взводом парашютистов с высоты Дарвин-Хилл (этот взвод не предупредили о переговорах, и его бойцы видели на открытой местности одних только аргентинцев). Аргентинские пехотинцы, сидевшие в траншеях, открыли пальбу в упор, и лейтенант Барри был убит наповал. Прикрывавший парламентера расчет универсального пулемета из отделения капрала Салливана ответил огнем на огонь, но тут же сам Салливан и младший капрал Найджел Роберт Смит были убиты, а еще один британский солдат тяжело ранен. Этот инцидент вызвал некоторое смятение среди парашютистов 12-го взвода роты «D», внезапно лишившихся своего командира, однако сержант Джон Клиффорд Мередит, приняв на себя управление взводом, очень быстро восстановил порядок в его рядах. — *Прим. ред.*] Причина состояла, безусловно, в недоразумении — в тумане войны, а не в акте вероломства, — но взбешенные парашютисты принялись бить из 66-мм легких гранатометов LAW-72 и 84-мм гранатометов «Карл Густав» и поливать здание пулеметным огнем [эту огневую атаку произвели парашютисты 11-го стрелкового взвода лейтенанта Уоддингтона, причем, согласно более точным данным, они выпустили по зданию школы всего четыре 66-мм гранаты, из которых только одна попала в цель. — *Прим. ред.*]. Оно быстро занялось. Никто из уцелевших солдат противника не вышел оттуда. [В действительности, когда школьный комплекс был атакован силами сразу двух британских рот (точнее, 11-м стрелковым взводом лейтенанта Кристофера Чарлза Уоддингтона из роты «D» и патрульным взводом капитана Пола Рэймонда Фаррара из роты «С»), суб-лейтенант Хосе Альберто Васкес, офицер аргентинского 12-го пехотного полка, занимавший со своим отрядом двухэтажное здание школы, оставил его и отступил к поселку Гуз-Грин. Этот отход стал возможным благодаря эффективному огневому прикрытию со стороны двух зенитных

установок суб-лейтенанта Клаудио Оскара Брагини (спаренных 35-мм пушек «Эрликон»), которые в данном случае использовались как полевая артиллерия. — *Прим. ред.*]

2-й батальон Парашютного полка сжимал кольцо вокруг Гуз-Грина. Кибл передислоцировал минометы на новую позицию за высотой Дарвин-Хилл. Неприятельские зенитные орудия на аэродроме замолчали. Однако когда рота «D» перегруппировывалась после штурма здания школы, два «Скайхока» зашли на бомбежку и только чуть-чуть промахнулись, не попав по парашютистам. Через несколько минут два легких штурмовика «Пукара» атаковали напалмом и ракетами [на самом деле против британских парашютистов тогда действовали не «Скайхоки», а два учебно-боевых самолета MB-339A «Аэрмакки» из 1-й штурмовой эскадрильи 4-й эскадры военно-морской авиации, которые пролетали над полем сражения в северном направлении и атаковали роту «D» 2-го парашютного батальона. Одну из этих машин, имевшую бортовой номер 4-A-117, пилотировал командир эскадрильи, капитан корвета Карлос Альберто Мольтени, а другую, с номером 4-A-114, — лейтенант корвета Даниэль Энрике Мигель. Следом за ними, минут через десять, появились две «Пукары» Мальвинской аэромобильной эскадрильи, собиравшиеся нанести удар по позициям британских минометов, но в итоге тоже атаковавшие роту майора Филипа Нима. Согласно аргентинским источникам, как «Аэрмакки», так и «Пукары» в тот день использовали при атаках только ракеты класса «воздух-земля» и авиационные пушки. — *Прим. ред.*]. Смертоносная жидкость вспыхнула пожаром далеко от роты «D». Когда первый штурмовик пролетел мимо, отважный солдат Королевской морской пехоты [рядовой Рикки Шон Стрейндж из противовоздушного взвода 3-й бригады коммандос. — *Прим. ред.*] с ПЗРК «Блоупайп» вскочил, положил себе на плечо громоздкую трубу и выпустил снаряд. «Пукара» грохнулась на землю [на самом деле Стрейндж стрелял не в «Пукару», а в «Аэрмакки» (бортовой номер 4-A-114), к тому же ракета «Блоупайп», выпущенная морским пехотинцем в 17.00, не сбила аргентинский самолет, но вынудила его пилота, лейтенанта корвета Даниэля Энрике Мигеля, потерять ориентировку и врезаться в землю недалеко от роты «B» 2-го парашютного батальона (при этом крушении сам летчик погиб). — *Прим. ред.*]. Саперное отделение искупалось в авиационном топливе из разорванного бака самолета. Бензин

не загорелся только чудом. Но сапер Плант, после того как пуля прошла через его комбинезон, несколько минут не мог унять дрожи. Огнем из ручного стрелкового оружия солдатам рот «B» и «D» удалось свалить вторую «Пукару» [этот штурмовик «Пукара» из Мальвинской эскадрильи (бортовой номер A-555), принадлежал секции с позывным «Феникс»; он был сбит в 17.10, причем его пилот, лейтенант Мигель Антонио Крусадо, катапультировался и попал в плен к британцам (ведущий самолет той же секции, A-536, пилотируемый первым лейтенантом Хуаном Луисом Мичелоудом, получил повреждения от огня стрелкового оружия с земли, однако летчик смог благополучно довести его в 17.20 до авиабазы «Мальвинас» в Порт-Стэнли). — *Прим. ред.*].

Когда до Кибла, все еще находившегося под огнем на полосе можжевельника, донеслись звуки двигателей летательных аппаратов, он подумал: «Опять «Пукара», вот только их нам и не хватало». Затем майор услышал голос офицера, ответственного за огневую поддержку с моря: «У нас «Харриеры»!» Три британских истребителя-штурмовика промчались по небу и нанесли хирургически точный удар кассетными бомбами по позиции управляемых по РЛС зенитных пушек. Весь район расположения неприятеля скрыли сплошные взрывы — смерть и разрушения гуляли там повсюду. Неожиданно вышло и засияло солнце. В тот момент парашютисты подумали, что теперь-то аргентинцы понимают, как близко их поражение. За час до прихода темноты огонь стал стихать. Противник не был уничтожен, но находился в окружении. Когда наступили сумерки, усталые британские солдаты оказались вдруг перед лицом серьезной угрозы. К югу от Гуз-Грина приземлились аргентинские вертолеты — «Чинук» и шесть «Хьюи», — очевидно, высадившие подкрепления. [Имеется в виду стрелковая рота «B» 12-го пехотного полка, она же боевая команда «Солари» капитана Эдуардо Нестора Корсильи, переброшенная от горы Кент в неполном составе (без взвода сублейтенанта Селестино Мостейрина). В ее перевозке участвовали не семь, а восемь вертолетов 601-го батальона армейской авиации — один SA-330L «Пума», один CH-47 «Чинук» и шесть UH-1H «Ирокез». После высадки эта рота была направлена в поселок Гуз-Грин, где выполняла роль резерва. — *Прим. ред.*] Кибл тотчас же вызвал огонь артиллерии в данный квадрат и приказал роте «B» выдвинуться в южном направлении и развернуться для противодействия и блокировки возможной контратаки. К радо-

сти десантников, ничего подобного не произошло. Аргентинцы просочились в горы и были выловлены в последующие дни 2-м батальоном парашютистов и гуркскими стрелками.

А пока Кибл наконец-то впервые получил возможность оценить собственное положение. Он и его бойцы достигли безусловной победы, показали себя героями, но перед ними по-прежнему простирались внушительные оборонительные позиции неприятеля. У него под началом находился понесший значительные потери батальон чрезвычайно измотанных людей, которые, несмотря на подвоз боеприпасов «Газелью», почти исчерпали ресурсы для ведения огневой работы. Заместитель командира роты «В» [капитан Джон Янг. — *Прим. ред.*] лежал на склоне холма на грани смерти — требовалась немедленная эвакуация. На полковом пункте медицинской помощи, где не покладая рук весь день трудился Стив Хьюз, находился еще один тяжелораненый. Батальон отягощали десятки пленных, в том числе и получивших ранения. Если бы британцам пришлось разворачивать фронтальный штурм вниз по склонам в направлении к Гуз-Грину ночью или следующим утром, они рисковали понести урон на минном поле и на оборонительных позициях противника.

Кибл начал с приказа всем стрелковым ротам на отход обратно в мертвое пространство — за гребень гряды, господствовавшей на местности вокруг Гуз-Грина. Бойцы лежали на склоне подле оружия и молчали или говорили тихо, почти неслышно, как говорят абсолютно вымотанные люди. Было нестерпимо холодно, и скоро они начали дрожать от стужи, поскольку гигантские рюкзаки и теплые вещи лежали далеко оттуда в Сан-Карлосе. Десантники собрали раненых и убитых — тех, кого нашли, — ну и, конечно, принесли к месту своего отдыха тело подполковника Джоунза.

Кибл связался по рации с бригадой. Первым делом он попросил подкреплений. Джулиан Томпсон безоговорочно согласился отправить роту «J» из 42-го отряда коммандос для занятия позиции прикрытия южных подступов к Гуз-Грину [рота «J» (Juliet, «Джулиет») 42-го отряда коммандос КМП, возглавляемая майором Майклом Джоном Норманом, была сформирована из личного состава Военно-морской партии 8901. — *Прим. ред.*]. Затем Кибл спросил, надо ли действительно стирать с лица земли поселок. Томпсон ответил положительно. Кибл зачитал «список покупок», необходимых для дальнейших действий: еще три пушки, боепри-

пасы для всей батареи числом 2000 выстрелов, шесть оставшихся в тылу минометов батальона с боеприпасами к ним, РЛС «Симбелайн» для засечки стреляющих минометов. И пусть два «Вольво» BV 202 привезут побольше патронов к табельному оружию бойцам стрелковых рот. Для вывоза вышедших из строя солдат отправили вертолет «Уэссекс», пилот которого опрометчиво описал «круг почета» над Гуз-Грином, вызвав на себя ожесточенный огонь аргентинцев. Чтобы вывезти замерзавших раненых, капитан Джон Гринхол [офицер Королевского транспортного корпуса, служивший в 656-й эскадрилье армейской авиации. — *Прим. ред.*], выдающийся храбрец и виртуозный вертолетчик, прилетел на своем «Скауте» на передовые позиции парашютистов в полной темноте — ему дали посадку по зеленому маячку. Обычно организацией эвакуации раненых занимается адъютант, но Дэйв Вуд погиб. Обязанности его принял на себя полковой старший сержант Симпсон, которому и предстояло позаботиться об отправке вышедших из строя военнослужащих батальона числом в семнадцать убитых и тридцать пять раненых.

Пока бойцы занимались зализыванием ран, Кибл объяснял бригадиру свой план. Если батальону непременно надо драться за Гуз-Грин, пусть будет так. Однако он всеми фибрами души надеялся избежать этого. Сегодня десантники заставили умолкнуть оружие аргентинцев и окружили их. Каким бы нелегким ни было положение 2-го парашютного, неприятелю приходилось и того хуже. Оставалось только убедить в этом его командиров. Кибл попросил устроить демонстрацию потенциала британских огневых средств — пусть «Харриеры» приготовятся сотворить врагу ад на земле в 9 часов утра на следующий день, через два часа после рассвета. А тем временем, как предлагал майор, он попробует уговорить противника сдаться. Если затея удастся, будут спасены десятки жизней, возможно, все 112 гражданских лиц из числа местного населения, не могущих покинуть Гуз-Грин.

Ту ночь на перешейке можно назвать мрачной и жутковатой. Большинство бойцов пытались хоть как-то подремать без спальных мешков в пронизывающем холоде. Некоторые расположились в кажущихся привлекательным укрытием снарядных воронках и только утром обнаружили, что воронки не от снарядов, а от мин, и сами они находятся на минном поле, где, наступая на спрятанную под землей взрывчатку, гибли заблудившиеся коровы. Штаб роты распорядился переместить аргентинских

пленных в догорающий можжевельник, чтобы те не замерзли. Род Белл, переводчик морской пехоты, немало поразился видом сбившихся в кучки и истово молившихся солдат противника, освещенных пламенем от горящих растений. Верховодил ими раненный в ногу суб-лейтенант, получивший к тому же шрапнельную рану в глаз. Некоторые стояли на коленях, другие перебирали четки. Солдаты с обеих сторон, похоже, чувствовали себя счастливо уцелевшими под взмахами косы смерти. «Стрелять только, если на вас нападут», — приказал в ту ночь Кибл бойцам. Ночь прошла в тревожной тишине.

На следующий день, 29 мая, как только начало светать, Кибл приступил к претворению своего плана в жизнь. По его просьбе Род Белл отобрал двух пленных, старших унтер-офицеров. Их вывели на вершину склона гряды с белым флагом и с письмом, написанным по приказу Кибла Беллом по-испански. В нем аргентинского командира информировали о его незавидном положении: войска его в осаде, спасенья нет, но надо поступить гуманно и единственно правильным путем — организовать вывод гражданских лиц из Гуз-Грина. К тому же у него самого оставалось только два варианта — капитулировать или же быть разгромленным.

Пленные зашагали в направлении своих позиций, все отдаляясь от наблюдавших за ними издалека парашютистов. Вернулись они почти сразу же. Командир согласился на переговоры. Майор Кибл, офицер связи бригады майор Хектор Галлен, Род Белл, майор Тони Райс, командир артиллерийской батареи, отложили личное оружие и отправились в маленькую будку рядом с флагштоком на аэродроме в компании Роберта Фокса и Дэйвида Норриса — двух британских корреспондентов, участвовавших в операции 2-го парашютного батальона. Там в 8.30 утра вся группа встретилась с коммодором авиации Вильсоном Педросо и офицером аргентинских военно-морских сил. Стороны быстро достигли соглашения в отношении освобождении гражданских лиц. Затем дело коснулось тонкого вопроса капитуляции аргентинцев. Как ответил Педросо, — щеголеватый офицер в безупречно свежей форме, так непохожий на британских офицеров в их грязном и обтрепанном после боев обмундировании, — говорить о сдаче можно только на почетных условиях. «Если они сдадутся, пусть делают что захотят», — коротко бросил Кибл Беллу. Наконец Педросо заявил, что должен посоветовать-

ся со своим вышестоящим начальством, после чего отправился обратно в Гуз-Грин. Позднее, уже находясь в плену, он поведал Максу Хейстингзу о том, как в разговоре с генералом Менендесом последний нехотя предоставил ему право поступить по собственному усмотрению. [Вице-коммодор Педросо и подполковник Пьяджи не решились продолжать сопротивление, хотя майор Альберто Орасио Фронтера, заместитель командира 12-го пехотного полка, определял силы британцев, окружавших Гуз-Грин в ночь на 29 мая, примерно в 600 чел., а потому резонно считал, что против них вполне можно продержаться. Однако аргентинские старшие офицеры, возглавлявшие ОТГ «Мерседес» и авиабазу «Кондор», имели явно преувеличенное представление о численности неприятеля. Радиоперехваты британских переговоров, осуществленные аргентинцами до и во время сражения, создали у Пьяджи и Педросо неверное впечатление, что они имеют дело не с одним батальоном парашютистов, а с целой бригадой. Считая положение защитников Гуз-Грина безнадежным, они в итоге согласились на капитуляцию. В свою очередь, британцы тоже полагали, что против них действуют не одиннадцать взводов из трех пехотных полков, а гораздо более многочисленные аргентинские войска. — *Прим. ред.*]

Британцы ожидали принять капитуляцию восьмидесяти аргентинцев. Однако, к своему величайшему удивлению, увидели выходящий из Гуз-Грина контингент из более чем 150 чел. Пленные образовали этакое полое каре вокруг Педросо, расположившись чуть за чертой периметра роты «D». Аргентинский командир произнес короткую патриотическую речь. Он призвал солдат спеть государственный гимн. Затем, когда аргентинцы побросали оружие, Кибл направился к командиру, чтобы принять его пистолет, и в процессе заметил, что все солдаты вокруг него в форме ВВС. А где же остальные? Где армейский контингент? В тот момент ошалевшие от удивления британцы увидели внушительную колонну пеших, выходившую из Гуз-Грина и следовавшую в направлении к ним по трое в ряд. Более 900 аргентинских военнослужащих под началом подполковника Итало Пьяджи сложили оружие перед ротой «D». [По другим данным, армейский контингент, капитулировавший в Гуз-Грине 29 мая 1982 г., не превышал 800 чел. Перед сдачей аргентинцы сожгли знамя 12-го механизированного пехотного полка «Хенераль Хуан Антонио Альварес де Ареналес», чтобы оно не досталось британ-

цам в качестве ценного трофея. — *Прим. ред.*] Таким образом 2-й батальон Парашютного полка сумел вывести из игры группу войск противника, втрое превосходившую его по численности. Британцы похоронили 50 погибших аргентинцев, а 1200 чел. взяли как военнопленных. [В реальности с аргентинской стороны в боевых действиях 28–29 мая у Гуз-Грина приняли участие не более 300 военнослужащих, из которых, по самым скромным оценкам, 145 были убиты и ранены. Общее количество погибших составило 55 чел., в том числе 31 из 12-го пехотного полка, 12 — из стрелковой роты «С» 25-го пехотного полка, 5 — из стрелкового взвода 8-го пехотного полка, 6 — из военно-воздушных сил (в том числе двое из личного состава зенитной артиллерии ВВС) и один — из военно-морской авиации. По другим данным, аргентинцы потеряли 47 чел убитыми (в том числе 32 из 12-го пехотного полка) и 120 ранеными. Число нераненых пленных определяют по-разному — от 961 до 1007 чел. — *Прим. ред.*] То был необычайный триумф, состоявшийся во многом благодаря находчивости и предприимчивости майора Кибла в казалось бы в безнадежной обстановке. Бригадный генерал Томпсон рекомендовал утвердить Кибла на командовании батальоном, и многие бойцы 2-го парашютного изрядно огорчились, когда военно-бюрократическая машина в Британии сочла нужным не обратить внимания на представление Томпсона и по воздуху отправить нового командира, подполковника Дэйвида Чондлера. [Срочно вызванный из Англии сразу после гибели подполковника Херберта Джоунза, Дэйвид Роберт Чондлер перелетел на самолете-топливозаправщике VC10 на остров Вознесения, а оттуда на транспортнике С-130 «Геркулес» к Фолклендам. Когда С-130 сбрасывал свой груз, подполковник спрыгнул с парашютом в море, где его подобрал вертолет. Доставленный на борт авианосца «Гермес», Д. Р. Чондлер представился вице-адмиралу Дж. Ф. Вудварду, а затем отбыл в штаб генерал-майора Дж. Дж. Мура. В итоге через четыре дня после сражения при Гуз-Грине он смог присоединиться к 2-му батальону Парашютного полка и принять командование этой частью у майора Криса (Кристофера Патрика Бенедикта) Кибла. — *Прим. ред.*]

Когда в Сан-Карлосе узнали об обстоятельствах гибели подполковника Джоунза, все сошлись во мнениях — ничего другого и ожидать не приходилось. Он поступил как классический романтик, совершил героический жест, ведь для него Гуз-Грин

стал явным апогеем жизни солдата, к тому же Джоунз не мог видеть своих бойцов делающими нечто такое, чего не делал он сам. Некоторые офицеры, однако, считали отважный поступок «Эйча» на склонах Дарвин-Хилла довольно безответственным, ибо он забыл о возложенных на него жизненно важных обязанностях — об осуществлении командования батальоном на поле боя. Майор Кибл позднее указывал, что в тот конкретный момент, когда подполковник Джоунз отважился на фатальный шаг, его 2-й парашютный батальон оказался перед лицом большой проблемы — он утратил способность к тактическому маневру перед лицом подавляющего огневого превосходства противника. Переломить ситуацию немедленно — именно это и требовалось в том положении. И тогда, в те минуты, «Эйч» со своей тактической штабной командой являлся на высоте Дарвин-Хилл очень ценной для развития всего боя группой вооруженных людей. Командир стремился воспользоваться данным обстоятельством. Как подытожил Кибл: «Он попросту делал то, что должен был делать его батальон». Попытка прорыва почти в одиночку вполне вписывалась в принятые в британской армии поистине великие традиции руководством батальоном на поле боя. Чуткий, импульсивный и до конца преданный долгу солдат, отдавший жизнь за родину, превратился в национального героя и удостоился чести награждения крестом ордена Виктории посмертно. Трудно поверить, что, доведись «Эйчу» пройти через все снова, он поступил бы иначе. Возглавлявший наряду с ним длинные списки солдат батальона, награжденных за Гуз-Грин, майор Кристофер Кибл получил орден «За выдающиеся заслуги», а Дэр Фаррар-Хокли и Джон Кросленд — Военный крест.

Всего 2-й батальон Парашютного полка потерял семнадцать человек убитыми и тридцать пять ранеными — дорогая цена. [Собственные потери 2-го парашютного батальона составили 16 чел. убитыми и 33 ранеными. Кроме того, были убиты один саперный капрал из 59-го отдельного инженерного эскадрона коммандос (его авторы, по-видимому, засчитали вместе с погибшими парашютистами) и один пилот-вертолетчик Королевской морской пехоты, с учетом которого общее количество павших в тот день британцев достигало восемнадцати. Существует также свидетельство военно-морского врача, коммандера Рика Джолли, занимавшегося уходом за ранеными. По его оценке, в сражении за Гуз-Грин было ранено 64 британских военнослужащих. —

Прим. ред.] В то же время однако и поразительно малая, принимая во внимание продолжительность и ожесточенный характер той пусть скромной по размаху, но жаркой по характеру битвы. Знай десантники об истинной силе обороны, успей они завершить штурм в темноте при куда более сильной огневой поддержке, вполне возможно, им удалось проложить себе с боем путь в Гуз-Грин значительно быстрее и меньшей ценой. После войны высокопоставленные офицеры в Лондоне соединили голоса для выражения удивления по поводу того, что совместно с 2-м парашютным батальоном не отправили больше людей, не устроили одновременно какую-то отвлекающую атаку в тылу, перебросив туда некоторое количество войск на вертолетах. Неведение командования 3-й бригады коммандос в отношении действительной численности противника в Гуз-Грине являлось результатом очередных «неполадок связи» между Лондоном и Сан-Карлосом. Благодаря РИЭС, штаб разведки в Министерстве обороны располагал полным боевым расписанием войск генерала Менендеса. И все же никто и ничего не сказал об этих подробностях Томпсону. Небрежение или недоразумение грозило увенчать трагедией всю операцию. Если бы не великолепные боевые качества 2-го парашютного, британское предприятие в Гуз-Грине вполне рисковало закончиться тупиком или даже поражением. Настоящей мерой достижений батальона является тот факт, что 450 чел., только на поле боя осознавшие момент значительного превосходства неприятеля, — почти в четыре раза, — упорно продолжали идти вперед и одолевать его. [Насчет почти четырехкратного превосходства аргентинцев авторы явно «переборщили» и вообще запутались в цифрах. Даже если принять их данные о 50 убитых и 1200 пленных аргентинцах, получается, что соотношение противоборствующих сил составляло 450 к 1250, то есть 1 к 2,78. В реальности, если учитывать весь личный состав не только у аргентинских войск, но и у британской батальонной тактической группы (2-го батальона Парашютного полка, насчитывавшего вместе с приданными подразделениями 697 чел.), обороняющаяся сторона превосходила наступающую примерно в 1,8 раза. — *Прим. ред.*]

А пока парашютисты купались в победной эйфории. Их переполняла радость из-за отсутствия необходимости снова бросаться в бой. Кибл с солдатами вошел в селение и постучал в дверь первого же дома, где нашел старосту поселка, Эрика Госса,

с женой. «Не желаете ли чашечку чая?» — спросила миссис Госс. Британцы двинулись дальше и встретили остальных жителей, толпой валивших из церкви, где их держали. Страшно счастливые после пережитого, они обрушились на парашютистов, тиская их в объятиях и целуя. В последние часы перед капитуляцией аргентинцы совершили дикие акты вандализма в домах и разграбили собственность поселян. Кибл почувствовал сожаление из-за оказанной противнику чести почетной сдачи. Парашютистов крайне поразил тот факт, что на поле боя они взяли в плен лишь одного вражеского офицера. Похоже, большинство из них на всем протяжении сражения располагались где-то поближе к тылу.

В селении победители нашли грандиозное количество брошенных боеприпасов: привязанные к детским салазкам ракеты, емкости с напалмом, артиллерийские снаряды, минометные мины, гранаты и все прочее. Крупный рогатый скот шлялся без присмотра по окружающим поселок минным полям. Предстояло провести масштабные действия по разминированию территории и обезвреживанию взрывчатых веществ. Кибл связался с бригадой, а Томпсон в свою очередь с Лондоном. Только одни проблемы логистики и пленных осложняли возможность следования изначальному замыслу командования бригады вывести 2-й парашютный из Гуз-Грина после его обеспечения. Но, возможно, куда более важным обстоятельством — пусть об этом открыто и не говорилось — служило другое соображение. Теперь, после того как 2-й батальон Парашютного полка провел крупную операцию по завоеванию Гуз-Грина, с политической точки зрения казалось неоправданным просто уйти из поселка. Сошлись на том, что батальон останется в районе поля выигранной им битвы и будет отдыхать, довооружаться и «наводить порядок». Операция, которую в штабе 3-й бригады коммандос задумывали как лишь «крупный рейд», в итоге оказалась одной из самых значительных за время войны. Она стала демонстрацией аргентинцам абсолютной воли Британии к достижению победы, какой бы ценой и какой бы кровью ни пришлось заплатить за нее.

14

ПОЛИТИКА В ВОЙНЕ НА СУШЕ

Отказывающийся от переговоров во время битвы перескочит от сравнительно малого конфликта к куда большему тупику, заплатив еще более высокую цену.

Омар Брэдли, высказывание во время Корейской войны

«Мы будем двигаться и не просто двигаться, а двигаться быстро!» — пообещал начальник штаба обороны, сэр Теренс Левин, в одном из редких публичных высказываний 22 мая, в день после десантной высадки в Сан-Карлосе. Как и обстояло дело с большинством заявлений, звучавших из Уайтхолла на протяжении следующей недели, высокопоставленный чиновник скорее озвучивал благое намерение, чем делал обоснованное предсказание. Высадка как будто бы с новой силой сплотила военный кабинет. На тот момент инициатива совершенно очевидно находилась в руках командиров, осуществлявших непосредственное руководство в рамках операции. Объем сферы для принятия решений со стороны министров сократился, когда переговорный процесс повис в воздухе. Они могли только смотреть, слушать и ждать на обочине событий, но оставаясь в то же время пристальными наблюдателями. Сама по себе высадка десанта увенчалась феноменальным успехом. Ни один из коммандос морской пехоты не погиб в процессе выхода войск на сушу. Но, как

и в случае с изначально успешной мобилизацией сил и отправкой в плавание оперативного соединения, Левин задавался вопросом: а не станет ли для политиков успех как средство руководства к действию худшим наркотиком, чем провал? «Они буквально воспарили из-за этого», — говорил он потом. Затем настала очередь сражения с вражеской авиацией у Сан-Карлоса, а с ним пришла череда неудач на море, каковая, как казалось, обещала подставить под угрозу срыва всю операцию. Левин неожиданно нашел политиков погруженными в глубокое уныние.

«Для военного кабинета та неделя стала худшей за все время противостояния, — вспоминал позднее один министр. — Мы просто не могли понять, что за чертовщина там происходит. Мы теряли по кораблю в день, а на суше не делалось ровным счетом ничего». Парламентская сессия продолжалась, и депутаты жаждали новостей с мест боев буквально каждую минуту. Министры находились под непрестанным давлением общественности. Левин висел на телефоне с Филдхаузом, а Филдхауз постоянно теребил звонками Томпсона. Как и после гибели ушедшего на дно «Шеффилда», холодок напряженности вполз в взаимоотношения между политиками и военными. Уайтлоу заявлял, будто «вскакивал по ночам от кошмарных видений Суэца». Нотт стенал, жалуясь коллегам на начальников штабов, которые «все говорят о своем плацдарме, как будто бы у них нет никаких других целей, кроме как построить этот плацдарм». Слабые места операции «Саттон» неожиданно выступили на первый план и стали самоочевидными — то был план высадки, а не ведения кампании на суше. Левину то и дело приходилось отбиваться от настойчивых вопросов: почему авиации врага удается прорваться и наносить удары? Почему так важно дожидаться прибытия 5-й бригады? Не слишком ли ответственная задача возложена на Томпсона, ведь он всего лишь бригадир? Почему Мур так долго тащится туда? «Вот что случается, когда все отдается на откуп ВМС, — указывал один министр. — На суше они беспомощны». Доверие к Томпсону начало быстро разрушаться. Военный кабинет совершенно не желал знать о его сложных взаимоотношениях с Вудвардом и, похоже, ничего и никогда не слышал о пересмотре задач Томпсона на острове Вознесения, сводившихся только к обеспечению берегового плацдарма и ожиданию затем прибытия 5-й бригады. Генерал-майор Мур явно во все большей степени превращался в единственную надежду политиков. Уж он-то, конечно, оживит сонную жизнь в Сан-Карлосе

и поведет войска в направлении к Стэнли. Когда сделалось известным о сидении Мура «в плену» на борту «QE2», об отсутствии возможности для него прибыть на Восточный Фолкленд до конца месяца, министры пришли в состояние шока. Левина начали упрекать, почему он не организовал перевозку генерала по воздуху.

Давление отражалось и в противоречивых информационных утечках из военного кабинета в ходе течения дней первой недели после высадки. В первое воскресенье министры выразили Левину желание «как можно быстрее приступить к выступлению с плацдарма». Соответственно, с Даунинг-стрит уведомили прессу об ожидавшемся скоро — «буквально на днях» — наступлении на Порт-Стэнли. В понедельник, 23 мая, Нотт в ответ на откровенный натиск против своих командиров выступил с противоположными уверениями. «Не может идти и речи о том, чтобы давить на командование на месте и заставлять его выступать преждевременно», — известил он палату общин. После 25 мая, когда счет кораблям, потерянным оперативным соединением, составил пять единиц, Тэтчер сама повторяла ту же фразу на встрече с женщинами тори. И все же, по мере течения недели нетерпение росло — и росло со всех сторон. Члены парламента, журналисты и в особенности радио и телевидение, старавшиеся отвечать чаяниям жадно пожиравших их программы слушателей и зрителей, — все ждали быстрейших действий. За отсутствием их они пускались в рассуждения и высказывали предположения. Программа «Ночь новостей» Би-би-си превратилась в полуночный семинар, где эксперты в области обороны, некоторые из которых недавно вышли в отставку из частей, находившихся теперь на Фолклендских островах, строили возможные предположения относительно действий войск там, рисовали карты и моделировали ситуации. И все же почему, почему ничего не происходило? Чиновник из секретариата кабинета министров вспоминал: «В тот момент военный кабинет находился в состоянии, близком к панике — министры впадали в отчаяние не из-за ролей второго плана, которые им приходилось играть, а из-за невозможности скрыть разочарование, испытываемое ими по поводу, казалось бы, необъяснимого бездействия Томпсона».

Планы прорыва с берегового плацдарма на севере по направлению к Тил-Инлету и Порт-Стэнли и на юг — к Гуз-Грину обсуждались в военном кабинете в среду утром, и корреспондентов-лоббистов заверили: «Ждите скорых новостей о наступлении британских сухопутных сил». А уж те не поленились раззвонить

об этом. Как говорил позднее сэр Фрэнк Купер, беда заключалась только в наличии фактически всего двух направлений для наступления. Поскольку Гуз-Грин представлялся наиболее вероятным, новость, можно сказать, указывала путь. Утром следующего дня, 27 мая, радиокорреспондент Би-би-си, Кристофер Ли, получил подтверждение из уст высокопоставленного члена оперативного штаба, который поведал журналисту, что наступление уже идет, а потому он не видит необходимости сохранять тайну. Премьер-министр собиралась объявить об этом в палате общин во второй половине дня. Новость была озвучена в 1 час пополудни и разнеслась по всему миру. Тэтчер известила палату общин, что «британские войска начали продвижение с плацдарма в районе Сан-Карлоса». Любой, кто пристально следил за событиями, мог безошибочно предугадать направление атаки.

В то время 2-й батальон парашютистов еще шагал в направлении к месту ночного бивуака у Камилла-Крик. Должностные лица Министерства обороны, так остро не желавшие всполошить известиями аргентинцев из страха, как бы те не перебросили подкрепления на юг, теперь оказались в крайне сложном положении — слово, как известно, не воробей. Они его и не поймали. К вечеру в СМИ уже открыто высказывали предположения о цели наступления: задача ясна — взять Гуз-Грин, о чем в ту же ночь вещала зарубежная служба Би-би-си, волна которой принималась на Фолклендских островах.

Вновь британская военная и политическая машина продемонстрировала неспособность сохранять конфиденциальность — держать в тайне решения в ходе ожесточенной политической войны. Как высказался сэр Генри Лич: «Никто из нас не располагал каким-либо опытом современной войны в свете современных технологий СМИ». И все же операция в Гуз-Грин совершенно однозначно являлась результатом политического нетерпения. Как хунта в Буэнос-Айресе перед вторжением, британские политики после потерь 25 мая нуждались в известиях о неких успехах — слишком нуждались, чтобы помнить об осторожности, соблюдение каковой они так часто рекомендовали другим. При прессе, не ведавшей ни грамма самодисциплины и сдержанности, никак не скажешь, будто на домашнем фронте Британия показала себя высоко. О победе при Гуз-Грине сообщили фактически не ранее 10 часов вечера в пятницу. Парламент отправился на каникулы по поводу праздника Троицы, временно накормленный успехом.

* * *

Имея за спиной Гуз-Грин, премьер-министр вновь почувствовала жаркое дыхание международного давления. Узнав о предпринятой войсками Британии неделю назад высадке, Совет Безопасности ООН немедленно открыл дебаты. Парсонз отразил несколько попыток призыва к прекращению огня, высказанных рядом государств, в том числе Панамой, Японией и Ирландией. В конечном счете участники прений сошлись на принятии очередной резолюции (номер 505), каковая и прошла голосования в среду (26-го числа). Она не диктовала введения режима прекращения огня, а только призывала стороны к сотрудничеству с генеральным секретарем «с намерением положить конец текущим военным действиям». Резолюция также содержала обращение к генеральному секретарю с просьбой возобновить усилия на пути мира, «принимая во внимание подход, обозначенный в заявлении от 21-го мая». Первоначально фраза начиналась: «в соответствии с подходом...», но формулировку оспорил Парсонз, поскольку в таком виде документ предполагал бы согласие Британии на администрацию ООН, отчего Лондон отказался. Там не хотели позволить никаких намеков на возможность принудить Британию к возврату к компромиссам, на которые она соглашалась пойти до высадки десанта. Тогда Уганда выступила с предложением сойтись на варианте «принимая во внимание», и совет единодушно проголосовал за резолюцию. Она оставляла де Куэльяру всего семь дней на достижение установления режима прекращения огня — он решительно возражал против таких временных ограничений. «Совет Безопасности связывает мне руки», — ворчал генсек.

Вторая неделя пребывания оперативного соединения на Фолклендских островах открылась новыми голосами с призывами к Британии проявить сдержанность, или — по выражению Александера Хэйга — «великодушие победителя». Данный момент совпал с прибытием в Лондон папы римского Иоанна Павла и с серией страстных призывов к миру из уст понтифика. «Размах и ужас современных войн, — обратился он к собранию верующих в покрытом неизлечимыми ранами войны городе Ковентри [в 1940–1942 гг. английский город Ковентри, один из крупных центров авиационной промышленности Великобритании, 41 раз подвергался бомбовым налетам Люфтваффе (германских ВВС), что практически превратило его в руины; при этом

наиболее разрушительной оказалась самая первая бомбардировка, проведенная в ночь с 14 на 15 ноября 1940 г. (с 19.24 до 6.00) силами 437 немецких самолетов, которые сбросили на Ковентри 56 тонн зажигательных бомб, 394 тонны фугасных бомб и 127 парашютных мин, в результате чего в городе были уничтожены 4330 домов и три четверти всех фабрик и заводов, а также убиты 554 и ранены 865 чел. — *Прим. ред.*], — делает их совершенно неприемлемыми как средство разрешения противоречий между странами». Визит папы здорово разбавлял информационное поле с новостями о боях и вызвал фонтаны радости у католического сообщества Британии. Пусть все это казалось бесконечно далеким от сути вопроса, но тем не менее укрепляло ощущение, будто Британия сделала выбор и дальнейшее кровопролитие ничего не изменит.

Теперь, как и на всем протяжении конфликта, этакое застенчивое представление британской пропагандой войны как серии наполовину секретных триумфов сослужило интересам Британии скверную службу. Для военного кабинета и для аргентинцев борьба оставалась вполне равной — сбалансированной. В глазах командования на местах событий и в Нортвуде, концепция британского великодушия являлась совершенно неприемлемой в отношении битвы, выигрыш в которой вовсе не обязательно казался им гарантированным. И все же в народе, да и в мире считали, что «это только вопрос времени, пусть и чертовски длительного».

Во вторник, 1 июня, военный кабинет вновь встретился для обсуждения вариантов договорного урегулирования. Позднее в ту же неделю премьер-министру предстояло отбыть на саммит западных стран в Версаль, где Британия, как ожидалось, окажется под давлением в отношении мирного разрешения конфликта. В «синьке», или черновом плане Министерства иностранных дел, подготовленном командой Паллизера, рассматривались различные возможности некой переходной администрации и конституционные варианты договорного урегулирования. Снова «вагон с оркестром» Министерства иностранных дел катил по рельсам «интернационализации» спора. Дипломатические линии сместились в Вашингтон, дабы вынудить Хэйга и Рейгана надавить на премьер-министра в Версале. Согласились даже поручить лорду Шэклтону достать с полки пропыленный фолиант выводов его комиссии в 1975 г. и доработать их в части вопроса экономики островов.

В Аргентине партия войны в итоге изрядно растеряла спесь. Члены хунты по несколько дней не показывались на публике. Военно-воздушные силы, ошеломленные потерями первых дней после британской высадки в Сан-Карлосе, стали объектом жесткой критики общественности за то, что позволили британским войскам создать плацдарм и спокойно укреплять его. Изменился и тембр голоса официальной пропаганды, ежедневно пытавшейся убедить нацию в том, будто Аргентина выигрывает войну. После Гуз-Грина информационная политика стала все больше ориентироваться на подготовку народа к плохим, а не к хорошим новостям. В то же самое время хунта дала старт новому и отчаянному дипломатическому наступлению. Бригадир Мирет и адмирал Мойя, дипломатические «эксперты» хунты, вновь отправились из Буэнос-Айреса в Нью-Йорк с предложением о готовности Аргентины пойти на крупную уступку, где к ним присоединился приехавший из Вашингтона генерал Мальеа-Хиль. Теперь Аргентина изъявляла согласие принять версию последнего британского мирного плана — в сущности, отступить почти на 280 км — в обмен на установление над спорной территорией попечительства ООН. Мирет также обладал значительно расширенными полномочиями — данным ему директивой военных правом договариваться о разрешении ситуации с де Куэльяром, не прибегая к обращениям в Буэнос-Айрес за одобрением своих действий. На тот момент хунта почти списала Коста Мендеса со счетов. Снова местом сосредоточения деятельности аргентинцев сделались ООН и кабинеты Киркпатрик и Сорсано. Тут хунта вновь оказалась впутанной в междоусобную борьбу ключевых фигур внешней политики США.

Известия о серии выпадов между Хэйгом и Киркпатрик на предшествующей неделе просочились в прессу, сделавшись достоянием журнала «Ньюсуик». Посол при ООН обвинила Хэйга в «шашнях» с Лондоном, а сотрудников его ведомства назвала «бриттами в американской одежде». Она также добавила: «Почему бы не распустить Министерство иностранных дел США и не предложить формировать нашу политику британскому Министерству иностранных дел?» Не желая остаться в долгу, Хэйг прошелся (чего никогда не отрицал) по неспособности миссис Киркпатрик «в умственном и эмоциональном плане здраво рассуждать в отношении данного вопроса из-за ее тесных связей с латиносами». Разочарование Министерства иностранных дел

США в деятельности Нью-Йорка, ставившего целью возможный призыв Совета Безопасности к прекращению огня, особенно усугублялось тем обстоятельством, что Хэйг проталкивал очередной план мирного урегулирования для представления отправлявшемуся в конце недели на саммит в Версаль Рейгану. Со своей стороны Киркпатрик 31 мая провела в беседе с Рейганом сорок минут, умоляя его вынудить Британию прекратить готовящуюся кровавую баню в Порт-Стэнли. По ее уверениям, если такое случится, взаимоотношения Вашингтона с латиноамериканскими странами будут подорваны на многие годы. Больше того, она не хотела выступления США заодно с Британией в части наложения вето на призыв к прекращению огня в конце недели. Уже не в первый раз Британии приходилось столкнуться лицом к лицу с двумя соперничающими мирными инициативами, исходившими с противоположного берега Атлантического океана.

Первой выступала резолюция Совета Безопасности, выдвинутая и поддерживаемая Испанией и Панамой. Голосование по ней назначалось на пятницу, 4 июня. Она призывала обе стороны «немедленно прекратить огонь», а генерального секретаря — дать старт выполнению резолюций 502 и 505 «в полном объеме». Для Британии такое было уже чересчур. По выражению Парсонза, «здесь отсутствовала прямая и неразрывная связь» между прекращением огня и отступлением Аргентины, а потому образовывалось широкое поле для уверток. Еще более важно — ссылка на резолюцию 505 возрождала концепцию администрации ООН, позаимствованную из британской «Белой книги», но к тому времени уже дезавуированную Британией. Соответственно, Парсонз собирался прибегнуть к наложению вето. Но важность момента отказа Британии в поддержке резолюции перебивала экстравагантность удивившего всех поведения американской делегации. Несмотря на не прекращавшееся до последней минуты давление со стороны Киркпатрик и Эндерса, — мол, и британского вето вполне хватит, а посему незачем наживать неприятности из-за его дублирования? — Киркпатрик получила от Хэйга указание поддержать британское вето. В последнюю минуту Стессел в Вашингтоне неожиданно признал силу аргументов Киркпатрик. Хэйг дал одобрение в Париже, где начиналась Версальская встреча. Министру надо было выйти на разговор с Пимом, затем вернуться к Стесселу и, таким образом, обратно к Киркпатрик.

Сложный и неуклюжий процесс еще не завершился, когда США наложили свое вето на резолюцию. Затем Киркпатрик получила уведомление из Вашингтона, в котором ей предписывалось объявить, будто бы она воздержалась от вето, если бы ее известили своевременно. Что она и проделала. То было худшее из зол. Американцы ухитрились не вызвать удовольствия ни у кого и задеть всех. Самая хрусткая реплика Киркпатрик репортерам звучала впечатляюще: «Вы не понимаете, что происходит? Я сама не понимаю». Будто бы нарочно стремясь совсем посадить себя в лужу, никто из американских политиков, похоже, не уведомил о ситуации Рейгана до того, как тот оказался рядом с миссис Тэтчер в Версале во время следующего ланча. Она гордо молчала, пока толпа репортеров осаждала Рейгана, добиваясь от него объяснений подобным «шараханьям из стороны в сторону». Будучи в неведении относительно предмета вопроса, президент лишь произнес уклончивое: «Вы поймали меня далеко-далеко оттуда».

Второй инициативой являлся «план из пяти пунктов» от Рейгана, официально переданный Тэтчер в Версале 3 июня. Данная схема урегулирования, разработанная Министерством иностранных дел США в сотрудничестве с коллегами из внешнеполитического ведомства в Лондоне, представляла собой попытку рассматривать кризис Фолклендских островов в международном контексте. Цель состояла в привлечении неких государств как третьей стороны для миротворческой операции после отступления Британии и Аргентины. Уже шли переговоры с Ямайкой, Бразилией и, вероятно, с другими латиноамериканскими странами. Хэйг уверил британцев в готовности США в таких обстоятельствах тоже принять участие: важная гарантия против «ползучего аргентинского суверенитета» в глазах Лондона.

Разговоры о мире обнажили многие старые раны в военном кабинете. После взятия Гуз-Грина и прибытия генерала Мура с подкреплениями в виде 5-й бригады у министров создалось мнение, будто Порт-Стэнли падет от одного короткого и хлесткого удара. Однако командование сухопутных сил, как выяснялось, вновь связывали трудности тылового обеспечения в деле переброски живой силы и боеприпасов через Восточный Фолкленд. Когда британцы закрепились на позициях вокруг Стэнли, Левину оставалось утешаться только тем фактом, что, с переходом руководства войсками в руки Мура, министры не смогут больше

жаловаться на неадекватность уровня командования. Начальники штабов буквально утопили военный кабинет в тактических брифингах, объясняя, почему взятие очень хорошо охраняемого города без гражданских потерь и с минимальным уроном у военных выльется в продолжительную и до боли кропотливую операцию. «Полагаю, министры несколько устыдились из-за своего поведения после Сан-Карлоса», — заметил один чиновник, а некий министр из военного кабинета признался: «Мы учились на своем опыте: раньше мы ждали быстрой победы, но теперь стали с большей готовностью прислушиваться к советам военных».

В данном контексте новые шаги по направлению к мирному урегулированию не имели и малейшего шанса на успех. Безусловно, ведомственные интересы в предотвращении битвы за Порт-Стэнли вполне заслуживают права называться значительными: как Министерство иностранных дел, так и Министерство обороны наряду с начальниками штабов хорошо осознавали неизбежность тяжелых потерь в предстоящем сражении, а также степень ущерба, каковым в долгосрочной перспективе грозило оно любым надеждам на итоговое разрешение кризиса вокруг Фолклендских островов. Военная победа, казавшаяся недавно единственным путем к свету в конце тоннеля в фолклендском вопросе, теперь, похоже, сулила удлинить этот тоннель. Для министров вроде Нотта и Пима казалось приемлемым все, лишь бы не пришлось дислоцировать на спорной территории постоянный британский гарнизон и держать ухо востро перед неизбежными поползновениями аргентинцев с материка. Если Британия изъявляла готовность принять администратора ООН до начала войны на суше, не лучше ли будет согласиться на сей вариант теперь, дабы избежать дальнейших людских потерь?

Американский военный историк, Фред Икл (которому случилось служить заместителем секретаря в Пентагоне в пору Фолклендской войны), отмечал, что момент неизбежной победы или поражения часто есть самый иррациональный аспект любого конфликта[1]. Те, кто вот-вот проиграет, призывают свои войска предпочесть «погибнуть с честью», но не допустить стыда принятия поражения за столом переговоров (приказы обычно исходят из находящихся в безопасности штабов). Те же, кто стоит на пути к победе, убеждают своих в том, что «кровь наших павших на

[1] Every War Must End («Каждая война должна закончиться»), Колумбия, 1971 г.

войне» велит не давать никакой пощады врагу и отказать ему в какой бы то ни было возможности компромисса. Подобное применимо к ограниченной войне в той же мере, как и к глобальной. Отказывающийся от переговоров во время битвы, как заметил в ходе Корейской войны Омар Брэдли, «перескочит от сравнительно малого конфликта к куда большему тупику, заплатив еще более высокую цену». Точно следуя представленному выше мрачноватому сценарию действий, генерал Галтьери приказал своим войскам на Фолклендских островах «сражаться до последнего солдата». По его заявлению, сражению за Порт-Стэнли суждено было стать лишь одной из битв в долгой войне. Между тем 6 июня Сесил Паркинсон выступил по британскому телевидению и поведал зрителям, что «после высадки десанта в Британии произошла радикальная смена настроений». По его словам, «аргентинцам не будет места на этих островах или в тамошней новой администрации». Ни о каком вопросе совместного суверенитета не может быть и речи. «Мы должны приготовиться удержать вновь обретенное». Иначе говоря, пользуясь широко цитируемыми британской прессой словами сержанта-знаменщика, участвовавшего в боях за Фолклендские острова: «Если стоило воевать за них, то стоит и удерживать». Поступательное ужесточение позиции Британии по мере продолжения войны на суше вело ее к очередной неделе мучительной агонии и смертей. Оно в конечном счете не позволило достигнуть длительного решения проблемы Фолклендских островов, явившегося бы частью плодов победы.

15

ТРИУМФ НА ГОРЕ КЕНТ, ТРАГЕДИЯ В ФИЦРОЕ

«Высадка морского десанта — это вам не битва на европейской равнине».

Солдат Королевской морской пехоты в Фицрое

Победа 2-го батальона Парашютного полка при Гуз-Грине неизмеримо подняла моральный дух сухопутных сил. После многих дней проволочек они достигли очевидного успеха, заявив аргентинцам о своей совершенной готовности отвоевать у них Фолклендские острова любой ценой и любой кровью. Как бы там ни было, битва развеяла существовавшие у британцев надежды запугать и одолеть неприятеля с помощью лишь демонстрации военных мускулов. Тогда словно бы сложилась образцовая схема, применимая ко всем действиям на протяжении оставшегося периода войны: какую бы позицию ни занимали аргентинские защитники, для разгрома противника требовался упорный и последовательный натиск. Британское командование утратило весь энтузиазм в отношении шансов на успех подготовленного на скорую руку и проведенного без должной поддержки наступления на врага в Порт-Стэнли. Бригадир Томпсон и его штаб считали крайне важным обеспечить каждый батальон артиллерийским прикрытием с максимально возможным количеством боеприпасов — вероятно, около 500 выстрелов на каждое орудие. Ведение боев за Гуз-Грин несоизмеримо облегчилось бы, имей 2-й парашютный более силь-

ную огневую поддержку. Ошибку ни в коем случае нельзя было повторить. Но вертолет «Си Кинг» обладал способностью нести за раз не более 60 снарядов на ствол. Передвижение четырех батарей из шести артиллерийских орудий каждая вместе с боеприпасами через весь Восточный Фолкленд для битвы с противником на его основных позициях представляло собой огромную по сложности задачу. Это и в самом деле стало главной проблемой тылового обеспечения в течение оставшегося времени боевых действий, каковая только возросла с прибытием на поле сражения 5-й бригады.

Все планы, строившиеся до потери «Атлантик Конвейора» с его тяжелыми транспортными вертолетами «Чинук», полностью потеряли актуальность. Перспективой для 3-й бригады коммандос оставался длинный марш пешим порядком через Восточный Фолкленд в направлении к грядам возвышенностей, окружавших Порт-Стэнли. 45-й отряд коммандос, выступивший из Сан-Карлоса вместе с 3-м батальоном Парашютного полка 27 мая, упорно продвигался через холмы, бесчисленные ручьи и болотца по направлению к поселку Даглас. В 10 часов вечера того дня морские пехотинцы «повалились спать от усталости» после того, как покрыли более 13 миль (20,9 км) по отвратительной местности, при этом потери от вывихнутых лодыжек, растяжения жил и тому подобных случаев составили пятнадцать человек. Утром, когда после ночи на холмах под леденящим дождем промокшие бойцы приготовились продолжить движение, подполковник Уайтхед твердо намеревался к началу следующей ночи достигнуть какого-нибудь укрытия. Десантники оставили огромные рюкзаки и зашагали в боевом порядке, но отнюдь не налегке, а тяжело нагруженные оружием и боеприпасами. Возможно, самым ободряющим открытием, сделанным в процессе марша, стали продемонстрированные гусеничными машинами «Вольво» 202 — или «BV», как их все называли, — способности поразительно успешно преодолевать трудную местность. На каждый отряд их насчитывалась всего горстка, однако и тех хватало для транспортировки тяжелого оружия, основного снаряжения связи и отбившихся и отставших от своих формирований военнослужащих. Аналогичным образом показали себя и боевые разведывательные машины «Скорпион» и «Симитар», отправленные вместе с двумя пехотными подразделениями. С тех пор легкие танки покрывали поразительные расстояния, катаясь туда-сюда по острову и появляясь в расположении того или иного батальона, когда в них возникала потребность.

Бойцы шли в длинных колоннах, в 10 ярдах (9,1 м) друг от друга, а потому отряд коммандос растягивался по Восточному Фолкленду на 3 мили (4,8 км). Даже если в течение ночи удавалось высушить обувь, она вновь промокала утром через считаные минуты, когда солдаты шлепали в темноте через очередное болотце, преодолевали ручей или просто шагали под проливным дождем. Брезентовые лямки выкладки становились жестче и сильнее давили на плечи, спутанные мокрые волосы прилипали к черепам, мучительное напряжение трудных шагов по склонам с гранатами, оружием и пулеметными лентами поперек груди отражалось на лице каждого из воинов уже задолго до наступления вечера. В разговоре они по большей части использовали незатейливые слова и выражения вроде е...й дождь, е...е «вертушки», летавшие где-то там и не спешившие сюда, е...е «арджи» [argies (множественное число от argie) — англоязычное жаргонное прозвище аргентинцев. — *Прим. ред.*] и е...е Фолкленды.

Голым холмам не хватало богатства дикой природы, так украшающей нагорья Шотландии. Попадались гуси, иногда овцы или стада крупного рогатого скота, пугавшиеся звуков вертолетов и обращавшиеся в бегство. Иногда доводилось увидеть чарующие красотой реки, где, как говорили, водился лучший лосось в мире, — один молодой парашютист как-то утром руками поймал пятикилограммовую рыбину. Иногда просматривалось пустое далекое и приятное глазу побережье. Каждый ручей и холм носил какое-нибудь сугубо местное название — Долина Индейцев, Конский Выгул, Пещерка на Полпути, Холм Почтовый Ящик [первое из перечисленных названий, Ринкон де лос Индиос (Rincon de los Indios), является испаноязычным, а остальные три — Хорс Пэддокс (Horse Paddocks), Халфуэй Коув (Halfway Cove) и Леттербокс-Хилл (Letterbox Hill) — англоязычными. — *Прим. ред.*]. В глубине сердец бойцы испытывали огромную гордость от того, что вряд ли другие пехотинцы в мире смогли бы столько самоотверженно делать свою работу в таких условиях. Однако холод, длинные ледяные ночи, борьба с собой, чтобы заставить тело двигаться дальше после «600 секунд отдыха» каждый час, — ничего не добавляло счастья. Каждый день унтерофицеры считали себя обязанными подгонять бойцов все сильнее, стремясь побороть в некоторых тягу плюнуть на все и остаться на месте, когда другие идут. Все больше десантников не чувствовали себя в состоянии терпеть вздувшиеся мозоли, растянутые жилы

и вывихнутые лодыжки, «хотя это всего лишь плоть», как лаконично заключил полковой старший сержант из 45-го отряда коммандос. Самое худшее, — и не похожее на предыдущий опыт, — они даже и понятия не имели, когда все закончится. Пусть теперь всем совершенно очевидно — ждать нападения аргентинцев на марше не приходилось, да и битвы, когда та состоится, они выдержать не могли. В ту пору, однако, такой ясности еще не было.

45-й отряд коммандос достиг маленькой деревушки Даглас, где нашел обрадовавшихся их приходу жителей одних. Группа вражеских солдат отступила оттуда за день до прихода десантников. Уайтхеда тронула необычайная выдержка бойцов — «коммандос выглядели столь впечатляюще, что мое сердце было готово выпрыгнуть из груди от гордости за них». Однако после нескольких суток холода и сырости, проведенных с постоянно промоченными ногами, воинам для приведения себя в порядок потребовались тридцать шесть часов. Утром 30 мая они вновь пустились в путь, сопровождаемые местным тягачом с прицепом, на который погрузили часть тяжелого снаряжения. Вскоре после 8 часов вечера того дня десантники достигли первой цели: спрятавшихся под зелеными крышами домиков селения Тил-Инлет у одноименного узкого залива, или фьорда, врезавшегося глубоко в рельеф суши северо-восточного участка Восточного Фолкленда. 3-й батальон парашютистов, маршировавший из Сан-Карлоса обычно беспощадным темпом, каковым умением так гордится Парашютный полк, успел прибыть туда раньше морских пехотинцев: вступил в поселок ночью 29-го числа и вышел из него с последним светом дня 30-го. Ночью 31 мая, после достойного пера поэта броска, вымотавшего даже отменно тренированных парней Хью Пайка, 3-й парашютный батальон занял Эстансия-Хаус — одинокое скопление строений фермы в пределах видимости нижних склонов горы Кент [31 мая в засаду, устроенную британскими парашютистами к юго-востоку от горы Эстансия, попала команда старшего капрала-санитара Хесуса А. Перейры из состава разведывательного патруля капитана корвета Данте Камилетти — четверо бойцов Амфибийной группировки коммандос морской пехоты, ранее действовавших в районе Сан-Карлоса; в результате двое аргентинцев (Перейра и второй капрал Омар А. Лопес) были тяжело ранены, а двое других (первый капрал Пабло Альварадо и второй капрал Педро С. Верон) — взяты в плен. — *Прим. ред.*].

В ту ночь также удалось достичь одного из самых важных успехов войны. Эскадрон «D» 22-го полка САС вел патрулирование на верхних склонах горы Кент с начала мая, а с 27 мая нарастил силы для более широких действий. Спецназовцы повстречали и уничтожили несколько неприятельских дозоров, а теперь доносили, что на вершине противника мало или он вовсе отсутствует. Бригадир Томпсон со своим штабом немедленно принял меры для сбора максимально возможного количества вертолетов с целью переброски значительных по численности британских сил для обеспечения за собой горы, пока аргентинцы не проснулись, не осознали ее важность и не отправили больше войск для обороны. Если господствующие высоты останутся в руках противника, 3-я бригада коммандос окажется беспомощной на холмах перед ними и будет опаснейшим образом уязвимой перед артиллерийским огнем, корректируемым усилиями передовых наблюдателей.

В ночь 30 мая операцию по переброске морских пехотинцев к горе сорвали отчаянно неблагоприятные условия видимости, вынудившие головной «Си Кинг» повернуть и взять курс обратно на Сан-Карлос. Ближе к вечеру во второй половине дня 31 мая вертолеты приняли на борт передовые подразделения роты «К» 42-го отряда коммандос вместе с подполковником Ником Воксом и подполковником Майклом Роузом из САС [в этой переброске было задействовано звено из трех вертолетов «Си Кинг» 846-й эскадрильи ВМА. — *Прим. ред.*]. Учитывая риск перехвата неприятельской авиацией в начинающихся сумерках, — а лететь приходилось именно тогда, чтобы высадить первую волну до наступления темноты, — лейтенант-коммандер Саймон Торнуилл и лучшие пилоты на машинах с ППНВ отправились в бреющий полет на дистанцию в 40 миль (64,3 км) над территорией Восточного Фолкленда. Они заходили на атаку в неизвестность, в место, безоговорочно отдаленное от любых британских позиций, и на данной стадии казалось совершенно невероятным, что противник не отреагирует на чреватый столь большими бедами вызов собственной безопасности. Два вертолета первой волны шли отчаянно перегруженными.

Когда бойцы забирались на борт, туда прямо на них запихивали минометные мины, ракеты «Блоупайп» и тяжелое снаряжение, при этом все уминалось так, что становилось невозможным любое движение, не говоря уж о надежде быстро выбраться из

машины в случае аварии. Молодые морские пехотинцы без улыбок на погрубевших раскрашенных черным камуфляжем лицах испытывали совершенную уверенность — сразу же при высадке начнется бой. Земля неслась в 20 футах (6 м) под ними, когда «Си Кинги» подскакивали и ныряли среди гор и холмов, пугая коров и овец, обращая их в бегство, заставляя бросаться в разные стороны на раскинувшихся внизу унылых пустошах. Словно специально в духе тех, кто любит смаковать иронические клише войны, Макс Хейстингз обратился к подполковнику Роузу, стараясь перекричать рев двигателей вертолета, со словами, что-де невозможно предположить, будто аргентинцы не начнут обстреливать район высадки после десантирования первой волны. Роуз пожал плечами и ухмыльнулся: «Кто не рискует, тот не выигрывает».

Оба вертолета опустились на землю в двух милях (3,2 км) за линией гряды ниже вершины, и бойцы проложили себе путь через груды снаряжения на волю, спрыгивая в дернистый луговик. К своему неприятному удивлению, десантники тут же увидели, что менее чем в миле (около 1,5 км) от них в северном направлении идет бой — пулеметные трассы рассекали густеющее чернотой небо, и иногда слышались взрывы. Морские пехотинцы поспешили укрыться за огромными серыми камнями, которые в подавляющем большинстве случаев так характерны для гористых участков местности Восточного Фолкленда, в спешке таща за собой под прикрытием валунов ящики с минометными минами и рюкзаки. Скоро перестрелка постепенно прекратилась, и из темноты возникла фигура невозмутимого майора Седрика Делвза, командира эскадрона «D» САС, прошедшего Южную Георгию, остров Пеббл и побывавшего в различных других точках в Южной Атлантике. «Все в порядке, босс, — обратился он к Роузу. — Там нам попался дозор «арджи», но одних мы раздолбали, а с другими разберемся утром». [С аргентинской стороны в столкновениях 30 мая с подразделениями эскадрона «D» британского 22-го полка САС участвовали 29 военнослужащих из 602-й роты коммандос во главе с заместителем ротного командира капитаном Эдуардо Марсело Вильяруэлем. Этот отряд, доставленный около 6 часов утра к горе Кент на пяти транспортно-десантных вертолетах (одной «Пуме» и четырех «Ирокезах») в рамках операции «Аутоимпуэста» (Autoimpuesta, «Автоматическое наказание»), включал 5 чел. из штабной секции и 20 чел., составлявших две штурмовые секции — 2-ю (капитана Томаса

Виктора Фернандеса) и 3-ю (капитана Андреса Антонио Ферреро). Большую часть ночи коммандос 3-й штурмовой секции капитана Ферреро, высаженные на восточных склонах горы Кент, сражались против 17-го (лодочного) взвода эскадрона «D» САС и ранили двух британских спецназовцев, однако к рассвету были вынуждены отступить в направлении горы Эстансия. 2-я штурмовая секция капитана Фернандеса, выдвигаясь на гору Кент, попала около 11 часов утра под сильный огонь противника и потеряла 2 чел. убитыми. Ночью ее бойцы, вступив в перестрелку с британцами, сумели ранить двух солдат САС, но сами тоже понесли потерю в лице первого сержанта Висенте Альфредо Флореса, попавшего в плен. Следует отметить, что в число потерь, понесенных аргентинцами 30 мая в районе горы Кент, входили также жертвы крушения вертолета SA-330L «Пума» из 601-го батальона армейской авиации. Незадолго до 11 часов утра этот вертолет, имевший на борту десантную группу 2-го командante Хорхе Сан-Эметерио из состава эскадрона специального назначения Национальной жандармерии, разбился вблизи Муррелл-Бриджа, причем 6 чел. погибли и 8 были ранены (есть версия, что возможной причиной катастрофы являлся «дружеский огонь» с земли). Кроме того, 30 мая погибли два аргентинских летчика — это случилось в 14.35, когда британским кораблям удалось к востоку от Фолклендов сбить два штурмовика А-4С «Скайхок» из 4-й истребительной авиагруппы. Вышеуказанные самолеты с бортовыми номерами С-301 и С-310, пилотируемые соответственно первыми лейтенантами Хосе Даниэлем Васкесом и Омаром Хесусом Кастильо, составляли вместе с двумя другими «Скайхоками» (С-321 первого лейтенанта Эрнесто Рубена Уреты и С-318 альфереса Херардо Гильермо Исаака) звено с позывным «Сонда» (Zonda — употребляемое в Аргентине и Боливии название порывистого и горячего северного ветра). Эти четыре штурмовика, несущих по три 500-фунтовых бомбы, вылетели в 12.30 из Рио-Гранде, чтобы найти и атаковать важную цель — авианосец «Инвинсибл» в районе его дислокации к востоку от Фолклендского архипелага (они также имели задание вызвать на себя зенитный огонь британских кораблей сопровождения и отвлечь их внимание от пары самолетов «Супер-Этандар», один из которых должен был выпустить по авианосцу ракету «Экзосет»). В ходе атаки «Скайхок» Хосе Васкеса был сбит зенитной управляемой ракетой «Си Дарт», выпущенной с эсминца «Эксе-

тер», а через пять секунд взорвалась в воздухе машина Омара Кастильо, пораженная, по одним данным, второй ЗУР «Си Дарт» с «Эксетера», а по другой версии — огнем 4,5-фунт. орудия фрегата «Эйвенджер» (возможен также третий вариант, согласно которому ракета попала в самолет Кастильо, когда тот уже был поврежден артогнем с «Эйвенджера»). Два оставшихся штурмовика звена «Сонда» сбросили свои бомбы (согласно аргентинским источникам, три из них попали в авианосец «Инвинсибл», нанеся ему повреждения) и вернулись в 16.00 на свою базу в Рио-Гранде. Британская авиация в тот день тоже понесла урон: один самолет «Харриер» GR.3 (бортовой номер XZ963) из 1-й эскадрильи КВВС, атаковавший в 13.00 позиции батареи «А» 601-го дивизиона ПВО на горе Уолл, к западу от Порт-Стэнли, получил попадания снарядов 35-мм зенитных пушек в свои подвесные топливные баки. Утечка топлива привела к тому, что на обратном пути к авианосцу «Гермес», в 30 морских милях (55,5 км) от этого корабля, самолет упал в океан. Его пилот, скуодрон-лидер Джерри Пук, успевший катапультироваться, был вскоре подобран из воды спасательным вертолетом и вернулся на «Гермес» вместе со скуодрон-лидером Бобом Айвсоном, сбитым 27 мая над Гуз-Грином. Нельзя не упомянуть, что через день, 1 июня, британцы потеряли еще один самолет — «Си Харриер» 809-й военно-морской эскадрильи (бортовой номер XZ456/008), базировавшийся на авианосце «Инвинсибл» и сбитый в 14.40 во время разведывательного полета южнее аэродрома Порт-Стэнли аргентинской ракетой наземного ЗРК «Роланд» (его пилот, флайт-лейтенант КВВС Йэн Мортимер, сумел катапультироваться над морем и был подобран спустя восемь часов). Однако летчики с «Инвинсибла» тоже имели 1 июня повод для гордости, так как им удалось уничтожить один из самолетов 1-й транспортной авиагруппы ВВС Аргентины — C-130E «Геркулес» с номером TC-63 и позывным «Тиса» (Tiza), пилотируемый капитаном Рубеном Эктором Мартелем. Последний, вылетев в 6.30 из Комодоро-Ривадавии, в 10.45 был перехвачен в 50 милях (92,6 м) к северу от острова Пеббл двумя британскими «Си Харриерами» (лейтенант-командера Найджела Дэйвида Уорда и лейтенанта Стивена Роберта Томаса) из 801-й эскадрильи ВМА. Опытный «Шарки» Уорд, летавший тогда на «Си Харриере» под номером XZ451/006, одержал свою третью воздушную победу, сбив аргентинский «Геркулес» ракетой «Сайдуиндер» и огнем 30-мм пушки. Вместе с этим

самолетом погибли все члены его экипажа (капитаны Рубен Эктор Мартель и Карлос Эдуардо Краузе, вице-коммодор Уго Сесар Мейснер, старший суб-офицер Хулио Хесус Ластра, суб-офицер Мануэль Альберто Альбелос, старшие капралы Мигель Анхель Кардоне и Карлос Доминго Кантедзано. — *Прим. ред.*] Роуз, Ник Вокс и штаб коммандос расположились на отдых в нескольких сотнях метров от места высадки. Рота «К» под началом капитана Питера Баббингтона отправилась в ночную атаку на вершину горы Кент, где к своему огромному облегчению обнаружила полное отсутствие неприятеля. Двумя часами позже десантирования первой группы единственный уцелевший британский «Чинук» [речь идет о вертолете номер ZA718, которому удалось избежать участи трех других «Чинуков» 18-й эскадрильи КВВС, затонувших вместе с контейнеровозом «Атлантик Конвейор»; эту машину, носившую прозвища «Браво Новембер» (Bravo November, от кодового обозначения BN на его хвостовом крыле) и «Сёвайвер» (The Survivor, «Уцелевший»), пилотировал скуодрон-лидер Дик (Ричард Алрик) Лангуорти, которому помогал флайт-лейтенант Энди (Эндрю) Лолесс. — *Прим. ред.*] доставил три 105-мм орудия и 300 снарядов к ним [это была половина 7-й батареи («Сфинкс») 29-го артиллерийского полка коммандос; в течение двух последующих ночей британские вертолеты доставили на гору Кент вторую половину этой батареи, а также остальные подразделения 42-го отряда коммандос и 2-й взвод 59-го отдельного инженерного эскадрона коммандос. — *Прим. ред.*]. По возвращении в Сан-Карлос пилот летевшего на бреющем вертолета не рассчитал с высотой и ударился о поверхность озера. Вертолетчик тут же принял экстренные меры, сумел набрать высоту и успешно посадил машину в Сан-Карлосе. Однако «Чинук» слишком сильно пострадал и не годился для отправки его во второй полет той ночью. Доставить больше боеприпасов теперь не представлялось возможным, и роте «К» суждено было оставаться на позиции в одиночестве, пока к ней не прибудет подкрепление.

На вершине царил леденящий холод, даже если прятаться за хребтом, где не так дуло. Бойцы варили горячий шоколад на «керосинках» и закусывали, поглощая пайки. Затем счастливчики, располагавшие спальными мешками, — за исключением лишенных такой благодати стрелков-пехотинцев Вокса — устроились поудобнее, чтобы прикорнуть, как-нибудь приютиться

и поспать. Занять себя чем-то полезным на протяжении шестнадцати часов ночного мрака не представлялось возможным, а ни один солдат не проспит столько. Почти все на склоне холма пробудились задолго до восхода, молча подрагивая от холода, моля о скорейшем наступлении рассвета, когда все придет в движение и можно будет стряхнуть снежную корку со спальных мешков, одежды и снаряжения. С первым светом Вокс и Роуз, преодолев 2 мили (3,2 км) пути вверх по склону, соединились с ротой «К» на вершине, куда привели и взвод с ПЗРК «Блоупайп» для поддержки защитников позиции перед лицом казавшихся неизбежными налетов вражеской авиации. Стоя под упорно не желавшим ослабевать ветром на вершине горы, покрытой островками снега, десантники смотрели на смутные очертания казармы Муди-Брук, бывшей базы Королевской морской пехоты примерно в 12 милях (19,3 км) к юго-востоку. Они испытывали огромное воодушевление. Если неприятель оказался неспособным или не пожелал развернуть контратаку против захвативших гору Кент войск, представлялось маловероятным, что ему хватит инициативности отважиться на какие-то действия в дальнейшем, и он будет просто сидеть и ждать, пока британцы не придут и не бросятся на штурм его позиций. По настоянию Роуза, передовые наблюдатели артиллерии вызвали несколько залпов по Муди-Бруку, где, как считалось, находился базовый лагерь аргентинцев. При таком скудном запасе боеприпасов не приходилось и думать устроить масштабный артобстрел. Однако следовало показать аргентинцам, что британцы заняли высоты и достигли стратегического господства над неприятелем.

В штабе Вокса, расположившемся ниже по склону, слегка озадаченный воин Королевской морской пехоты охранял четырех незадачливых аргентинских пленных, захваченных бойцами САС после короткой перестрелки. Как выяснилось, солдаты служили в войсках специального назначения противника, то есть принадлежали к лучшим формированиям, которые тот мог выставить против британцев. Они выглядели такими же угнетенными и всей душой желавшими оказаться вне войны, как пленные, взятые в Гуз-Грине. В ту ночь «Си Кинги» Торнуилла начали доставку остальных бойцов 42-го отряда коммандос для обеспечения соседней гряды — горы Челленджер, которую десантники также нашли незанятой [сразу после высадки на горе Кент к горе Челленджер была выдвинута стрелковая рота

«L» (Lima, «Лима») 42-го отряда коммандос КМП, возглавляемая капитаном Дэйвидом Г. Уином (4-й взвод лейтенанта Кеннета Макмиллана, 5-й взвод лейтенанта Джерри Бернелла, 6-й взвод второго лейтенанта Джулиана Пьюзи) вместе со 2-м взводом (капитана Эйдриана Хикса) 59-го отдельного инженерного эскадрона коммандос. — *Прим. ред.*]. Неделей раньше стратегический резерв неприятеля [имеется в виду боевая команда «Солари». — *Прим. ред.*] базировался в долине далее внизу, однако его перебросили в Дарвин и Гуз-Грин для усиления гарнизона, когда стало очевидным намерение британцев наступать в направлении этих поселков. Парни Вокса обнаружили брошенные аргентинские позиции и военное снаряжение. Им повезло не встречаться с бывшими обитателями. Обошлось лишь столкновениями спецназа с врагом на горе Кент.

3-й батальон Парашютного полка расположился на горах Эстансия и Вернет, к северо-востоку от горы Кент, тогда как бойцы САС уверенно закрепились на высотах Муррелл к северу от бухты Стэнли. 4 июня 45-й отряд коммандос достиг позиции на тыльных склонах горы Кент, пройдя пешим порядком все ярды, отделявшие эту точку от Сан-Карлоса. Таким образом ключевые боевые элементы 3-й бригады коммандос развернулись по северной оси маршрута наступления на Порт-Стэнли, горя желанием поскорее вступить в сражение, пока их личный состав еще не подорвал свои силы в борьбе с хроническим холодом и сыростью. История оставшейся части Фолклендской войны есть главным образом сага о тяготах, порождавшихся плохой погодой, и об извечном отставании служб тыла в процессе приготовления британских сухопутных сил к заключительному наступлению. На смену периоду великолепной погоды, так основательно сыгравшей в пользу военно-воздушным силам противника на протяжении первой недели после высадки десанта, пришло ненастье. Теперь действия британской авиации день за днем связывали по рукам и ногам, а порой и делали вовсе невозможными туман, снег, дождь и ураганный ветер. Они взбивали морскую поверхность в заливе Сан-Карлос белыми барашками, наполняли окопы на многие сантиметры водой, превращавшейся в ледяную корку ночью, и выводили на первый план давнюю напасть Пасхендале — траншейную стопу — как отчаянную проблему для солдат 1982 г. [Во время Первой мировой войны гребень высот у селения Пасхендале (Passchendaele), в бельгийской Фландрии, получил известность как место крово-

пролитных боев между британскими и германскими войсками, происходивших 12 октября и с 26 октября по 10 ноября 1917 г. (на двух заключительных этапах Третьего Ипрского сражения). Там солдатам из Британии и ее доминионов приходилось вести окопную борьбу в трудных условиях холодной и дождливой осени, когда их траншеи постоянно заполняла вода. — *Прим. ред.*] Именно в начале этой трудной и разочаровывающей фазы войны генерал-майор Джереми Мур прибыл в залив Сан-Карлос с задачей принять командование британскими сухопутными силами. Там же высадилась и 5-я пехотная бригада.

* * *

«Ах, если бы не «Галахад», 5-я бригада вернулась бы домой благоухающей розами», — заметил старший офицер сухопутных сил после завершения кампании. Для британской публики и для многих солдат, сражавшихся на Фолклендских островах, история с потерей десантного судна в Фицрое вместе с пятьюдесятью одним военнослужащим, погибшими на его борту и рядом 8 июня, довлеет над всеми прочими деяниями 5-й бригады в ходе войны. В военном отношении получается просто нечто несусветное — непонятно, как такое могло случиться только однажды. Принимая во внимание размах противостояния в Южной Атлантике, просто поразительно, что Фицрой оказался единственной действительно кровавой и нелепой неудачей, выпавшей на долю британцев. И все же в природе человека сосредоточиваться на единственной неудаче, которую нелегко попросту списать на превратности войны. В Фицрое Британии довелось бросить взгляд на возможную картину того, что могло случиться — и в куда большем масштабе, — если бы неприятельские военно-воздушные силы настигли колонну кораблей с десантом до того, как 21 мая та вошла в залив Сан-Карлос-Уотер, если бы в ходе битвы на якорной стоянке аргентинские бомбы взрывались чаще, если бы потопленные корабли теряли бы больше людей из своих команд погибшими.

5-я пехотная бригада, находившаяся под командованием стильного сорокасемилетнего офицера легкой пехоты по имени Тони Уилсон [имеется в виду сэр Мэтью Джон Энтони («Тони») Уилсон, 6-й баронет из Эштон-Холла (род. 2.10.1935), который по окончании Королевской военной академии Сандхерст был выпущен 2 октября 1956 г. офицером в Собственный Короля

Йоркширский полк легкой пехоты, где до него последовательно служили представители трех поколений его семьи; приняв участие в военных операциях в Адене, на Борнео, в Малайе, на Кипре и в Северной Ирландии, он получил в 1970 г. звание майора, а в 1975 г. — подполковника; произведенный 30 июня 1980 г. в бригадиры, Уилсон возглавлял во время Фолклендской войны 5-ю пехотную бригаду и вышел в отставку 31 января 1983 г. — *Прим. ред.*], заслужившего Военный крест и ОБИ (Орден Британской империи) в Северной Ирландии [в 1971 г. Тони Уилсон, тогда еще майор, стал членом Превосходнейшего Ордена Британской империи (Member of the Most Excellent Order of the British Empire) и в 1972 г. удостоился награждения Военным крестом «за доблестную службу» в Ольстере. — *Прим. пер.*], официально числилась в вооруженных силах Британии как контингент «дальних зарубежных» операций, предназначенный для действий за пределами ареала Северо-Западной Европы. В бригаду входили 2-й и 3-й батальоны Парашютного полка и 1-й батальон 7-го Собственного Герцога Эдинбургского полка гуркских стрелков. Сформированное в январе 1982 г., соединение получило первый опыт применения в Норфолке на учениях под названием «Грин Ланъярд» (Green Lanyard, «Зеленый шнур»). Закончился дебют вполне прилично, но нет оснований удивляться сделанному некоторыми офицерами открытию относительно нехватки сыгранности у штаба бригады — опыта работы как единая команда. 2 апреля из Министерства обороны позвонили в казармы 5-й бригады в Олдершоте, чтобы предупредить бригадира Уилсона о начале обострения кризиса вокруг Фолклендских островов и о возможном возникновении потребности использовать в боевых операциях кого-то из его людей. Позднее в тот же день комбриг узнал о переводе 3-го парашютного батальона в распоряжение 3-й бригады коммандос, а через несколько дней туда же забрали и 2-й парашютный. Взамен Уилсон получал 1-й батальон Валлийского гвардейского полка и 2-й батальон Шотландского гвардейского полка. После политической гонки и натужных консультаций с непальским правительством удалось добиться согласия оставить в составе контингента в случае его отправки на войну гуркских стрелков. Уилсона поставили в известность относительно шанса для обновленной 5-й бригады отбыть для выполнения долга в Южную Атлантику и посоветовали начать полномас-

штабные учения бригадного уровня, чтобы парни успели как следует «размять ноги» перед командировкой. Уилсон выбрал в качестве места проведения манёвров, получивших название «Уэлш Фалкон» (Welsh Falcon, «Валлийский сокол»), тренировочный район Сеннибридж в Брекон-Бикенсе, поскольку тот более всего напоминал Фолкленды. 22 апреля бригада приступила к двухнедельным тренировкам: атакам батальонного уровня, интенсивным стрельбам боевыми боеприпасами, переброскам на вертолетах «Пума» и морским десантным штурмам, каковые рассматривались некоторыми из присутствовавших как далеко не совсем успешные, и вызывали серьезные опасения среди высокопоставленных офицеров.

С самого начала создавалось впечатление, будто Министерство обороны относится к перспективе отправки 5-й бригады на войну совершенно несерьезно. Когда штаб соединения запросил в этом ведомстве жизненно важные для личного состава рюкзаки-«бергены» [bergens — большие рюкзаки альпинистского образца, чье название происходит от норвежского города Берген; в вооруженных силах Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии их используют бойцы 3-й бригады коммандос Королевской морской пехоты, Парашютного полка, САС и других воинских формирований, действующих в арктических и горных условиях; британские армейские «бергены» изготавливаются из кордуры — прочного и непромокаемого материала, имеющего к тому же специальную пропитку, благодаря которой данные предметы походного снаряжения менее заметны для приборов ночного видения; каждый такой рюкзак вмещает около 100 литров, а с двумя пристегнутыми карманами — около 120 литров. — *Прим. ред.*], оттуда поначалу сослались на отсутствие их в наличии, потом назвали цифру восемьдесят единиц и лишь после учений «Валлийский сокол» отыскались £80 000 для обеспечения ими всего личного состава. Солдаты получили 2000 комплектов арктических штанов, но лишь 1000 маскхалатов. Когда штаб попытался выписать резиновые защитные чулки, ему ответили, что такой вид обмундирования устарел. В боеприпасах к реактивным гранатометам М79 бригаде тоже отказали под предлогом существования приказа о поставках данного снаряжения только в войска специального назначения. Пожилые «Сноу-траки» стали единственной гусеничной техникой, предложенной штабу. По нормам, отправляющейся на войну

бригаде полагается полевой артиллерийский полк из трех батарей. Уилсону дали только одну батарею [это была 97-я батарея («Рота Лоусона») 4-го полевого полка Королевской артиллерии, возглавляемая майором Кристофером Джорданом; уже на Фолклендах к ней и к полковому штабу присоединилась 29-я батарея («Корунья») 4-го полевого полка КА, ранее приданная 29-му артиллерийскому полку коммандос; еще одна огневая батарея 4-го полка, 88-я («Арракан»), тогда несла службу в Белизе. — *Прим. ред.*]. Перед моментом наконец-то состоявшегося 12 мая отплытия 5-й бригады на борту «QE2» осложнения с нехваткой обмундирования удалось разрешить только за счет неофициального вмешательства заседавшего в палате лордов отца одного гвардейского офицера. Соединению Уилсона не хватало самодостаточного формирования обеспечения тыла, авиаэскадрильи, как недоставало техники и орудий. Старшие офицеры бригады пребывали в убеждении, что Министерство обороны попросту не предполагало участия их соединения в боевых действиях. 12 мая в Лондоне полномасштабная сухопутная битва на Фолклендских островах представлялась еще бесконечно далекой.

Выход в море лайнера, перевозившего 5-ю пехотную бригаду, сопровождался бурными эмоциональными сценами, после чего соединение ждали две недели приятного путешествия с великолепными пищей и вином на борту «QE2», а потому быт их в пути оказался куда менее аскетичным, чем у 3-й бригады коммандос. Даже военный кабинет счел отправку солдат на войну едва ли не самым роскошным лайнером в мире, мягко говоря, странноватым. Вместе с бригадой следовали генерал-майор Джереми Мур и его состоявший из восьмидесяти человек штаб, поднявшиеся на борт корабля на острове Вознесения. Личный состав предупредили, что он, возможно, не увидит Англии добрых шесть месяцев. Официальных приказов командиры не получили, поскольку на тот момент еще не существовало определенного плана. В пути солдаты и офицеры тратили большую часть времени на получение инструктажа в отношении Фолклендских островов, точь-в-точь так, как 3-я бригада коммандос, и черпали информацию о происходящем после десантной высадки в Сан-Карлосе из новостных роликов «Всемирной службы». Для командира сухопутных войск на корабле установили крайне дорогостоящую систему спутниковой связи SCOT, однако работала она отвратительно, вследствие чего Мур вспоминал о проведенном в плавании времени как об

«одной из худших недель в моей жизни» — пока на Восточном Фолкленде разворачивалась великая трагедия, он не мог принимать в ней никакого участия.

Некоторые из находившихся на «QE2» офицеров чувствовали себя не в своей тарелке из-за факта явного недостатка опыта у штаба 5-й бригады, а также из-за момента нарушения вышестоящим руководством обещания перегрузить технику и военное снаряжение до прибытия на Фолклендские острова. Изрядное количество имущества и материалов находились вне досягаемости и обещали оставаться в таком положении еще какое-то время. Например, штабная палатка 5-й бригады так и не попала на сушу на всем протяжении кампании и по окончании войны отправилась обратно в Англию даже не распакованная. Находились офицеры, задававшиеся приводившим их едва ли не в бешенство вопросом: «Не рехнулось ли Министерство обороны, послав в Южную Атлантику два батальона, предназначенные для публичных церемоний?» Оба гвардейских батальона, вошедшие в состав 5-й бригады, имели за спиной продолжительный опыт присутствия на торжествах, и в течение службы их подготовка как пехотинцев, совершенно очевидно, не отличалась такой же интенсивностью, как обучение бойцов морской пехоты или парашютистов. Прошлой зимой парни из Валлийского гвардейского полка участвовали в манёврах в Кении. Как все гвардейские части, оба батальона считались одними из самых лучших в армии [следует иметь в виду, что Шотландский гвардейский полк имел в своем составе два регулярных батальона (1-й, находившийся в 1981–1983 гг. в Гонконге, и 2-й, включенный в 5-ю пехотную бригаду), а Валлийский гвардейский — только один регулярный батальон (1-й). — *Прим. ред.*]. Однако же как ни болели они за дело и какими бы хорошими солдатами и офицерами ни были, едва ли имело смысл считать их морально и физически так же хорошо подготовленными к участию в операции на Фолклендских островах, как личный состав 3-й бригады коммандос. Гвардейцы учились вступать в бой на бронетранспортерах. «Мы не солдаты с бергенами», — подчеркивал один из офицеров. По твердому мнению многих в 5-й бригаде, Министерство обороны послало в поход гвардейцев, рассчитывая использовать их как гарнизон, а не как бойцов в операции. После войны один из очень высокопоставленных офицеров в Министерстве обороны подтвердил сей факт: при отправке из Британии 5-я бригада рас-

сматривалась как резерв для 3-й бригады коммандос, а не как соединение соответствующих функциональных возможностей.

28 мая на Южной Георгии бригада пересела на «Канберру» и «Норланд» для завершения плавания — военный кабинет изъявлял готовность рискнуть «QE2», но не до такой степени, чтобы посылать лайнер прямо к островам. Обсуждался вариант высадки 5-й бригады на новом береговом плацдарме в северо-восточной части Восточного Фолкленда, однако потом командование сочло количество имевшихся в распоряжении ЗРК «Рэйпир» недостаточным для обеспечения прикрытия ПВО судам и войскам на второй якорной стоянке. Мур, Уилсон и частично штабные работники пересели на эсминец «Антрим» и поспешили раньше остальных в залив Сан-Карлос-Уотер, где 30 мая вступили на борт корабля управления «Фирлесс». Мур позднее высказывал сожаление, что не взял на вооружение идею нового командира 2-го парашютного батальона и тех, кого точно так же очень ждали на Фолклендских островах и кто решил прыгать с парашютом с транспортного самолета «Геркулес». Хотя подобное дело стало бы непростым даже для вполне тренированного военного в его пятьдесят три. В действительности Муру приходилось спешить, чтобы побыстрее взять в руки все нити плетения сложившейся на месте непростой обстановки. Один из удостоившихся наибольшего числа высоких наград офицеров Королевской морской пехоты, получивший ВК с нашивкой за боевые заслуги на Дальнем Востоке в бытность свою молодым командиром, Мур — светлый, жизнерадостный человек с располагающей улыбкой и талантами естественного руководителя — пользовался широчайшей популярностью среди военнослужащих корпуса. Его никогда не считали военным-интеллектуалом, глубоким стратегическим мыслителем, однако он располагал обширным опытом морских десантных операций — не меньшим, а скорее большим, чем у любого другого генерала в британских вооруженных силах.

Как в ходе войны, так и после, высшее командование и военный кабинет неизменно испытывали уважение к Муру. Когда в Южной Атлантике начались сложности, а взаимоотношения между адмиралом Вудвардом и бригадиром Томпсоном, совершенно очевидно, никак не заслуживали звания ровных, начальникам штабов очень захотелось поскорее отправить в район боевых действий Мура. Высокопоставленные офицеры на родине говорили, что как только генерал прибыл в Сан-Карлос, сложно-

сти стали исчезать одна за одной, и пути контактов между главами того и другого командования заметно выпрямились. Они критиковали Джулиана Томпсона за проволочки и затяжное сидение на береговом плацдарме, но теперь, похоже, вполне примирились с двухнедельным перерывом между взятием Гуз-Грина и сражением за Порт-Стэнли. Руководство пребывало в уверенности — Мур знает, что делает. Он же старался подкрепить подобные ощущения и на всем протяжении войны, довольно благоразумно не ленился предоставлять Лондону пространные донесения, отчего создавалось впечатление постоянной кипучей деятельности, каковое весьма ободряло Нортвуд и военный кабинет даже тогда, когда на деле ничего особенного и не происходило.

Томпсона обрадовало прибытие генерал-майора, ибо оно избавило комбрига от двух ежедневных походов на спутниковый терминал в Эйджэкс-Бэй, где он попадал под шквальный огонь из Нортвуда и вечно выслушивал заклинания о необходимости начать двигаться побыстрее. Теперь же Томпсон получал шанс заняться только ведением войны и забыть о трудностях командования и управления всей операцией — о спорах с ВМС по части передвижения кораблей и о головной боли с гигантскими проблемами налаживания работы служб тыла. Достижения Томпсона до момента прибытия Мура — осуществление самой высадки десанта, руководство на плацдарме и обеспечение горы Кент — вполне можно аттестовать как весьма значительные. К тому же генерал-майор появился в нужный момент — в Нортвуде и в военном кабинете стали лучше понимать происходящее, примиряясь с неспешными, как казалось издалека, темпами течения войны и осознавая сложности, возникающие перед сухопутными силами.

Наземные силы насчитывали теперь 9000 чел. Первое из решений, вставшее перед Муром, заключалось в том, использовать ли 5-ю бригаду в роли поддержки 3-й бригады в наступлении на Порт-Стэнли с севера и запада или избрать новое направление на юге. Уже на «Антриме», в течение путешествия с Южной Георгии, бригадир Уилсон не скрывал жажды развивать натиск с юга. По выражению одного штабного офицера морской пехоты, казалось, будто он «одержим страхом, как бы Джулиан Томпсон не выиграл войну до того, как его солдаты успеют принять в ней участие». Однако представляется естественным и достойным восхищения, когда командир, получивший шанс отправиться с бри-

гадой на войну, стремится принять самое полное участие в событиях на поле боя. Генерал-майор Мур согласился предоставить Уилсону столь желаемую им возможность.

Мур и его бригадир договорились, что 2-й батальон Парашютного полка, отдыхавший и восстанавливавший некое подобие нормальной жизни в Гуз-Грине, перейдет под командование Уилсона. Тогда вся 5-я пехотная бригада целиком приступит к боевым действиям на южном направлении наступления к Порт-Стэнли через Фицрой и Блафф-Коув — два расположенных рядом поселка в 36 милях (58 км) к востоку от Гуз-Грина. Имеющихся в распоряжении вертолетов хватит по крайней мере для переброски бригады из Сан-Карлоса в Гуз-Грин. «План выглядит неплохо, — писал один из старших штабных офицеров, находившийся в Сан-Карлосе с самого начала, — но сомнительно, что авторы его действительно приняли во внимание количественную ограниченность нашего вертолетного парка». Не прошло и нескольких часов с момента прибытия Уилсона в Сан-Карлос, как основательность подобных опасений сделалась очевидной. Когда Мур получил полную информацию об обстановке, узнал, что бойцы соединения Томпсона растянулись на участке между селением Тил-Инлет и горой Кент, многое прояснилось. Если командование хочет продолжать обеспечение 3-й бригады коммандос пищевым довольствием и снаряжением на переднем крае длинных линий коммуникаций, — не говоря уже о переброске артиллерии и боеприпасов для отражения возможной контратаки и подготовки наступления на Порт-Стэнли, — понадобятся все тяжелые вертолеты, имеющиеся в распоряжении десанта. Надо ли удивляться тому, как резко упало настроение у Уилсона? Однако Мур не сомневался в неотъемлемой потребности Томпсона получить все летательные аппараты для поддержки его бойцов, действовавших в условиях полного дискомфорта в поле, и использовать подвернувшийся удобный случай на горе Кент. Судя по всему, надлежало предпринять всяческие усилия для переброски средств МТО 3-й бригады из Эйджэкс-Бэй к Тил-Инлету десантными судами под прикрытием комплексов зенитных ракет «Рэйпир». Однако до тех пор, пока данные задачи не решатся, у бригадира Уилсона попросту не будет транспорта для переброски личного состава из Сан-Карлоса.

Гуркские стрелки начали сходить на берег с «Канберры» 1 июня и тут же изготовились к немедленному маршу на Гуз-

Грин. Среда зимней Южной Атлантики являлась чуждой для маленьких, но стойких солдат, так любимых британской публикой, к тому же в пути они очень страдали от морской болезни. Однако марш «пешедралом» в Гуз-Грин не казался им чем-то невозможным. Сам же Уилсон вылетел в Гуз-Грин «Газелью», чтобы впервые повстречаться с бойцами 2-го батальона Парашютного полка, пока остававшимися под временным командованием майора Криса Кибла. Некоторые парашютисты испытывали подозрительность к Уилсону за привычку носить красный берет (и высокие зеленые сапоги-«веллингтоны») в поле. Хотя на самом деле комбриг имел на счету прыжки с парашютом, в Парашютном полку тешились верой в то, будто только его бойцы, а не какой-то там офицер легкой пехоты, удостоившийся чести распоряжаться воздушно-десантными батальонами, могут пользоваться привилегией ношения «вишневого берета». Но и того мало. Они чувствовали себя ветеранами Фолклендской войны, тогда как бригадир оказывался в ней новичком. Десантники неприятно поразились, узнав о первом намерении Уилсона двинуть бригаду маршем: он предполагал оставить 2-й парашютный батальон как прикрытие на высотах, в то время как вновь прибывшая пехота своим ходом двинется по берегу к Блафф-Коув. Парашютисты считали, что план комбрига совершенно не учитывает всей трудности передвижения пешком по Фолклендским островам. По мнению же Уилсона, если бы батальоны передвигались «лягушачьими прыжками», затея оказалась выполнимой.

Крис Кибл вышел с другим предложением. Брук Хардкасл, менеджер Компании Фолклендских островов, считал, что гражданская телефонная линия между Суон-Инлет-Хаусом, расположенным в нескольких километрах на берегу, и поселком Фицрой все еще работает. Почему бы просто не позвонить по телефону и не выяснить обстановку на востоке? Уилсон тут же согласился. Для этакой пиратской экспедиции собрали пять легких вертолетов. На них погрузилась дюжина бойцов под началом майора Джона Кросленда, бывшего офицера САС, командовавшего ротой «В». В 2 часа пополудни команда поднялась в воздух и отправилась к Суон-Инлету. После залпа ракетами «Матра» по пустынному склону для прикрытия посадки на случай наличия внизу противника, рейдеры с ходу овладели домом, где не обнаружили присутствия неприятеля, если не считать брошенного каким-то аргентинцем бушлата. Разбив окно, дабы попасть внутрь, сер-

жант-знаменщик Моррис дважды крутанул ручку телефона, устанавливая связь с Фицроем. Примерно в 50 км к востоку трубку сняла девочка-подросток, которая в итоге позвала отца, Рона Бинни, являвшегося местным старостой.

«Говорит британская армия, — объявил Моррис. — Вы можете разговаривать свободно?»

«Да», — отозвался Бинни.

«Если ли поблизости от вас какие-нибудь аргентинцы?»

«Нет, они только что взорвали мост к Блафф-Коув и ушли».

«Отлично, — проговорил Моррис, — скоро заглянем к вам в гости».

В Гуз-Грине Крис Кибл передавал обязанности батальона гуркским стрелкам. Парашютисты все еще не отошли от страшной усталости после боя, однако с готовностью ухватились за шанс совершить новый подвиг в войне. Когда вернулся Кросленд со своими парнями и привез новость о готовности Фицроя сорваться с ветки к ногам британцев спелым яблоком, Уилсон заграбастал единственный уцелевший «Чинук». В 4 часа пополудни, когда уже приближалось время заката, Крис Кибл запихал большую часть роты «А» — семьдесят восемь человек — в огромное чрево вертолета и помахал им, указывая в восточном направлении. Неутомимый пилот батальонного вертолета «Скаут», капитан Джон Гринхол, успел уже высадить разведывательный отряд, подтвердивший факт — берег чист. Бойцы роты «А» высыпались из «Чинука» и сосредоточились на высотах над селением Блафф-Коув. Тем же вечером вторым челночным рейсом «Чинук» доставил семьдесят восемь парашютистов из роты «В». На тот день пришелся тринадцатый юбилей с момента появления на свет маленького беженца из Порт-Стэнли, оставшегося жить в поселке. Он просил оставить его тут до тех пор, пока не явится британская армия, в приходе которой он никогда не сомневался. Мальчик не был разочарован в своих ожиданиях. Дозор роты «А» проследовал в поселок и точно установил факт отсутствия противника в данном ареале. Затем парашютисты рассредоточились для прикрытия подступов и принялись окапываться.

То был один из смелых бросков, которыми выигрываются сражения и войны, — деяние, продиктованное решимостью и воображением Уилсона и 2-го парашютного батальона. А точно ли так? В штабе генерал-майора Мура в Сан-Карлосе немало удивились и рассердились, узнав о том, на какой огромный риск

пошло командование бригады, даже не посоветовавшись с вышестоящим руководством. «Чрезвычайная безответственность», — прокомментировал случившееся в дневнике один из штабных офицеров. 2-й парашютный оказался открытым под угрозой возможного контрудара неприятеля или же артобстрела, будучи расположенным на расстоянии многих километров от источников получения огневой поддержки. Штаб на «Фирлессе» трудился допоздна той ночью, спеша организовать доставку орудий и снабжения для прикрытия батальона. В командовании намеревались — хотя в 5-й бригаде никто ничего не знал об этом — задействовать драгоценный «Чинук», отвозивший аргентинских пленных из Гуз-Грина, для переброски в южном направлении главного штаба 5-й бригады и машин связи, поскольку считали основным приоритетом бригады добиться твердого управления входящими в нее частями, а штабу Уилсона отчаянно не хватало средств обеспечения коммуникации.

Бросок к Блафф-Коув казался упрямым фактом, вынуждавшим британское командование принять стратегическое решение. Все знали о болезненной реакции многих в 5-й бригаде в отношении этакого положения фаворитов, которым пользовалась 3-я бригада коммандос в плане распределения вертолетов и прочих ресурсов. Генерал-майор Мур объявил со всей уверенностью, что наступление на Порт-Стэнли будет проводиться силами двух бригад, а потому всем и каждому достанется в нем своя роль. Однако в 5-й бригаде все равно не гасли подозрения, как бы Королевская морская пехота не оттеснила их соединение и не развернула самостоятельное наступление, в то время как гвардейцам и гуркам придется преодолевать все тяготы пути в направлении к Блафф-Коув пешим порядком — без вертолетов. Преждевременный шаг 2-го парашютного обусловливал решение относительно времени и способа выдвижения бригады. Уилсон поведал корреспонденту: «Я захватил позицию за счет большого прыжка вперед. Теперь мне надо консолидироваться на занимаемом участке».

Уилсон мог рисовать себя спасителем бригады от возможных тяжелых боев и долгого продвижения к Фицрою, чего было бы не миновать, вздумай противник подтянуть силы для противодействия продвижению британцев по суше. Однако на протяжении следующей недели основные энергию и усилия штаба Мура и Королевских ВМС приходилось направлять для разгребания проблем 5-й бригады. Как-то же надо было сосредоточить ее рас-

киданные подразделения позади открытых позиций 2-го парашютного батальона.

Гуркские стрелки прочесывали Лафонию в поисках отбившихся от своих в ходе боев за Гуз-Грин аргентинских солдат и принимали на себя ответственность за обеспеченный ареал. Между тем 2 июня в Сан-Карлосе высадились два гвардейских батальона. Они унаследовали сырые окопы, оставленные после себя 3-й бригадой коммандос. Однако, к полному недоумению Джулиана Томпсона, Мур распорядился оставить 40-й отряд коммандос в резерве вокруг Сан-Карлоса, а оба гвардейских батальона — отправить в наступление с Уилсоном. Передача обязанностей от 40-го отряда коммандос — развернутого по берегу вдоль всей якорной стоянки — одному из подразделений 5-й бригады означала потерю времени. Однако в штабе десанта изрядно беспокоились по поводу донесений разведки о будто бы затеваемом аргентинцами на материке отважном «упреждающем шаге» против британского плацдарма — возможно, с применением парашютно-десантных войск. Мур хотел иметь самые лучшие силы из всех доступных, дабы прикрыть район с тыла. К тому же, будучи сам офицером Королевской морской пехоты, генерал старался не возбуждать подозрения, будто кампания проводится как некий «матч-бенефис» в пользу его корпуса, где зеленым беретам достанутся самые почетные роли.

Во второй половине дня 3 июня солдаты 1-го батальона Валлийского гвардейского полка приступили к попытке маршем достигнуть Гуз-Грина. Они шли на протяжении двенадцати часов, прежде чем командование 5-й бригады согласилось с командиром батальона и отменило приказ. Гвардейцы слишком тяжело нагрузились. Горстка «Сноу-траков» мало помогала — машины ломались через каждые несколько миль. Представлялось совершенно непрактичным заставлять батальон выматываться только из-за единственной цели добраться до Гуз-Грина. Обратно гвардейцы маршировали через горы Суссекс. Известия о незадачливом начале их похода вызвали раздражение, даже презрение со стороны бойцов 3-й бригады коммандос, с нетерпением ожидавших в горах возможности сделать следующий шаг в направлении к Стэнли. «Нам придется ждать, пока 5-я бригада приведет себя в порядок», — говорили им, а теперь вдруг они узнали, что гвардейцы — всегдашний соперник в негласном соревновании между полками — не смогли осилить даже скром-

ный «марш пешедралом» в Гуз-Грин. И все же не стоило забывать: ранее подразделение занималось в основном выполнением церемониальных задач, а к тому же на его долю не выпало поистине бесценного шестидневного периода акклиматизации, так удачно доставшегося 3-й бригаде коммандос, когда она прохлаждалась на берегу. Гвардейцы не располагали эффективными гусеничными машинами «Вольво», а также, возможно, чувствовали, что действиями их руководит неопытный штаб, в противоположность тому, как обстояло дело в случае 3-й бригады.

Если 5-я бригада не получала вертолетов и не могла выступать пешим порядком, как же доставить ее в Фицрой? Единственным мыслимым ответом становилось море. Так началась крайне сложная серия амфибийных десантных действий, венцом которых послужила трагедия. В ночь 5 июня бойцы 2-го батальона Шотландского гвардейского полка погрузились на десантный корабль «Интрепид» и под покровом темноты вышли из Сан-Карлоса курсом мимо берега Лафонии. В заранее условленном месте около острова Лайвли, расположенного в нескольких километрах от берега, «Интрепид» отправил пассажиров в дальнейшее плавание на четырех десантных катерах под командованием отважного майора Юэна Саутби-Тейлура.

Ночь выдалась ужасная. Погода начала портиться вскоре после выхода в море десантных катеров. РЛС отказали. Даже при наличии пассивных приборов ночного видения Саутби-Тейлур с трудом понимал, каким курсом следует. Неожиданно над головами взорвался осветительный снаряд и — к ужасу забрызганных водой гвардейцев — рядом с ними взрыхлили воду сразу несколько артиллерийских выстрелов. После отчаянных попыток подавать сигналы с помощью лампы Саутби-Тейлур сумел-таки убедить капитана британского фрегата перестать обстреливать десант, но солдаты флотилии никак не могли унять волнения. Скорость ветра достигала 70 узлов, и LCU шли по воде темпом всего в 2 узла. «То была худшая ночь за всю мою жизнь», — признавался позднее Саутби-Тейлур. Они расстались с «Интрепидом» вскоре после полуночи и только с рассветом, проведя в море семь часов, кое-как выбрались на берег у Блафф-Коув. Измотанные гвардейцы потащились к позициям 2-го парашютного, где подполковник Дэйвид Чондлер только что принял командование от Криса Кибла. Четыре бойца среди гвардейцев пострадали от атмосферных условий. Батальон не получил точных приказов

и не нашел в Блафф-Коув никого, кто бы отдал распоряжения. Парашютистам к тому времени выдали только по два дневных пайка за пять суток, и солдаты страдали от голода и холода. Чондлер пришел в ужас от зрелища деморализованных и промокших гвардейцев. Один из его офицеров не сдержался и произнес вслух: «Черт побери, как же мы собираемся дойти до конца, если выделываем такие вот штуки?» Старший офицер Шотландских гвардейцев не чувствовал себя в силах принять решение в отношении дислокации батальона до прибытия командира из Дарвина. Наконец после долгих проволочек все сошлись на том, что гвардейцы займут позиции 2-го парашютного батальона, пока десантники Чондлера пойдут просушиться и отдохнуть в сараи для стрижки овец в Фицрое.

А тем временем «Интрепид» на полном ходу во все 20 узлов вернулся в Сан-Карлос, чтобы достигнуть относительно безопасной якорной стоянки до первого света. В штабе ВМС очень тревожились из-за донесений разведки о дислоцированной на суше вражеской установке для запуска ракет «Экзосет». К тому же Нортвуд включился в спор относительно южного направления предстоящего наступления. Один офицер штаба записал в дневнике: «От миссис Тэтчер ждут взятия Стэнли. Каждый день, пока в Стэнли остаются аргентинцы, мы лишаемся одной страны в плане поддержки нашего дела в мире. Мы не можем пойти на риск потерять еще корабль, иначе кабинет, возможно, не сумеет выдержать давления сторонников прекращения огня».

Из Нортвуда прозвучало, мягко говоря, странноватое предложение высадить части 5-й бригады в Тил-Инлет, на северной стороне гор, где снабженческие LSL под прикрытием установок «Рэйпир» с 2 июня занимались выгрузкой на берег разного военного имущества. Затем гвардейцы могли бы маршем отправиться к позициям на южном фланге. «Чересчур многие люди в Англии пользуются картами островов слишком мелкого масштаба», — язвительно заметил один офицер с «Фирлесса». С большой неохотой командование ВМС все же согласилось предпринять очередную попытку завершить высадку 5-й бригады с корабля десанта. Во второй половине дня 6 июня бойцы Валлийского гвардейского полка погрузились на «Фирлесс», где находились два десантных LCU. Поздней ночью им предстояло встретиться в виду Фицроя с четырьмя десантными катерами с «Интрепида», которые приведет с берега Саутби-Тейлур. «Фирлесс» оставался в море максимально возмож-

но долго, ожидая десантных катеров с Фицроя, связь между ним и их командованием отсутствовала. Саутби-Тейлур с персоналом катеров столкнулись с отчаянным разгулом стихии. Выйти в море оказалось невозможно. Наконец, когда реальной сделалась опасность быть застигнутым на открытом месте вражеской авиацией, команда «Фирлесса» высадила две роты гвардейцев на двух имевшихся в распоряжении LCU и проводила катеры взглядами, покуда те выходили из дока и следовали в направлении к берегу. Затем корабль десанта повернул и лег на обратный курс к Сан-Карлосу, неся на танковых палубах свыше 300 чел.

Во флоте решили, что с него хватит. В ходе консультаций между коммодором Клэппом, адмиралом Вудвардом и командованием в Нортвуде посылать корабль десанта в рейс снова без большого эскорта сочли слишком опасным. В данном случае, как особо заострили внимание в Нортвуде, нельзя было вновь отправить в плавание корабль десанта. По современным меркам, они считались крупными боевыми кораблями, так же как некогда линкоры. Рисковать ими в Лондоне не хотели — слишком уж высокой политической ценой грозила отлиться правительству потеря такого судна. После дальнейших дебатов из Нортвуда сообщили вывод: правительство не готово допустить возможности утратить «Фирлесс» или «Интрепид», но оно готово поставить на кон меньшие и не столь престижные 5700-тонные десантные корабли. Отныне сообщение по морю должно осуществляться судами LSL. Однако снабженческие LSL относились к ведению Королевского вспомогательного флота с командами, состоявшими преимущественно из гражданских лиц, да к тому же вооружались лишь зенитками «Бофорс».

В ночь, когда первые подразделения Валлийских гвардейцев достигли Блафф-Коув, без предупреждения явился снабженческий корабль «Сэр Тристрам», нагруженный огромным количеством артиллерийских боеприпасов. Юэн Саутби-Тейлур и прочие морские пехотинцы из группы обслуживания участка высадки немало поразились тем, что командование ВМС позволило кораблю подходить к берегу в дневные часы в условиях отсутствия на месте эффективной противовоздушной обороны. «Где же военно-морской флот с его кораблями для прикрытия выгрузки? Я боюсь, что ответ все тот же», — написал в дневнике военнослужащий морской пехоты. В ВМС не афишировали своей точки зрения, заключавшейся в том, что одного или двух фрега-

тов для защиты другого судна перед лицом налетов вражеской авиации все равно не хватит, тогда как возрастает неоправданный риск превратить корабли эскорта в дополнительные мишени. Очень важно рассматривать события в Фицрое в контексте операций сразу в других точках. Массированные неприятельские атаки с воздуха в последние дни прекратились — аргентинские ВВС служили теперь источником скорее раздражения, чем реальной опасности [следует упомянуть, что в ночь на 6 июня к западу от Фицроя произошел трагичный для британцев случай «дружеского огня», когда в 2.10 пополуночи у скалистой высоты Плизант-Пик (Pleasant Peak) двумя зенитными ракетами «Си Дарт», выпущенными с эсминца УРО «Кардифф», был по ошибке сбит ударный вертолет «Газель» (номер XX377) из состава 656-й эскадрильи Воздушного корпуса армии; при этом погибли оба члена экипажа «Газели» (штаб-сержант Кристофер Энтони Гриффин и младший капрал Саймон Джереми Коктон) и оба пассажира (командир 205-го эскадрона связи майор Майкл Ланкастер Фордж и штаб-сержант того же подразделения Джон Айвен Бейкер). — *Прим. ред.*]. Последняя серьезная попытка бомбить суда 6 июня представляла собой нерешительный налет двух самолетов «Лирджет». Один удалось уничтожить с помощью зенитных ракет «Си Дарт» с «Эксетера», другой заложил вираж и ударился в бегство. [В реальности этот эпизод произошел 7 июня, а не 6-го. В нем участвовали два аргентинских самолета-разведчика «Лирджет» LR-35A из 1-й аэрофотосъемочной группы, входившие тогда в сводную эскадрилью «Феникс» (Escuadron Fenix). Образуя секцию с позывным «Нардо» (Nardo), они вылетели в 8.00 из Комодоро-Ривадавии с разведывательными целями, и в 9.06 один из них, Nardo 1 (T-24), был сбит ракетой «Си Дарт», выпущенной с британского эсминца УРО «Эксетер». Весь экипаж «Лирджета» погиб (в него входили 5 чел.: вице-коммодор Родольфо Мануэль Де ла Колина, майор Хуан Хосе Рамон Фальконьер, капитан Марсело Педро Лотуфо, помощник суб-офицера Франсиско Томас Луна и старший капрал Гуидо Антонио Марицца). Второй самолет пары, Nardo 2 (LV-ONN), пилотируемый первым лейтенантом Эдуардо Эрнесто Бьянко, вернулся в 10.40 в Комодоро-Ривадавию. — *Прим. ред.*] Находясь под тяжелейшим давлением необходимости постоянно осуществлять снабжение частей на суше, ВМС уже почти целую неделю спокойно разгружались в Тил-Инлете. Они даже рискнули привести транспорт

боеприпасов «Элю» в Сан-Карлос в дневное время, и ничего не случилось — аргентинцы не прилетели бомбить соблазнительную цель. В обстановке, когда вынужденно приходилось постоянно идти на обдуманный риск, отправка десантных кораблей в Фицрой казалась не более чем очередным спором с судьбой — повезет или не повезет.

Куда более серьезным, однако, являлось отсутствие в Фицрое налаженной связи между кораблями и берегом, а также — между командованием военно-морского соединения в Сан-Карлосе и тактическим штабом 5-й бригады в ангарах на пристани. Никто даже не предложил осуществлять функции противовоздушной обороны для разгружающихся кораблей пехоте на берегу, насчитывавшей тысячу или даже более человек, с каковыми функциями она вполне могла справиться за счет автоматического оружия и ПЗРК «Блоупайп». Самыми результативными средствами коммуникаций с разбросанными подразделениями 5-й бригады являлись личные визиты в них на вертолете. В попытках улучшить положение, в 4 часа утра 8 июня Юэна Саутби-Тейлура, спавшего на заимствованной им на «Тристраме» чужой койке, поднял офицер штаба 5-й бригады с просьбой срочно отправить десантный катер в Гуз-Грин, чтобы привезти оттуда технику и жизненно важное оборудование связи главного штаба 5-й бригады. Саутби-Тейлур распорядился отправить в Гуз-Грин для загрузки имущества главного штаба «Фокстрот 4» под командованием сержанта-знаменщика морской пехоты Джонстона и временно задержанное в своем распоряжении каботажное судно «Монсунен», дав наказ обернуться до наступления утра. В маленькой гавани остался один LCU и один грузовой понтон. Морским пехотинцам они требовались для продолжения разгрузки боеприпасов с «Тристрама».

В 7 часов утра, к их огромному удивлению, они увидели второе десантное судно: оно вошло в залив и бросило якорь. Вчера во второй половине дня, после решения не подвергать более десантные корабли опасности при перевозке войск, рота Принца Уэльского, 3-я рота, минометный взвод и эшелон поддержки 1-го батальона Валлийского гвардейского полка отправились грузиться на «Сэр Галахад» для отправки в Фицрой [в частях британской пешей гвардии, в отличие от армейских пехотных частей, стрелковые роты обозначались не буквами, а номерами, при этом рота № 1 носила имя августейшего полковника (в Вал-

лийском гвардейском полку этим полковником был наследник престола Чарлз Виндзор, принц Уэльский); во время Фолклендской войны 1-м батальоном Валлийских гвардейцев командовал подполковник Джон Фрэнсис Рикетт, а стрелковыми ротами Принца Уэльского, № 2 и № 3 — майоры Гай Николас Ранулф Сэйл, Кристофер Фрэнсис Друри и Чарлз Бремнер. — *Прим. ред.*]. В последнюю минуту приказ занять места на борту того же судна получил 16-й полевой медицинский отряд. Когда санитары и медики закончили погрузку, корабль опаздывал с отправкой уже на четыре часа. Его командир, кэптен Филип Робертс, затем предложил старшим офицерам идти ложиться спать: «Сегодня мы никуда не пойдем». Затем он просигналил на «Фирлесс», что, поскольку теперь нет никакой возможности добраться до Фицроя и разгрузиться там в темноте, он считает целесообразным отложить отправку до следующего дня. Пятнадцать минут спустя после рекомендации отправлять по койкам старшие армейские офицеры на борту узнали о переменах в планах. С «Фирлесса» распорядились отправить их в путь незамедлительно.

Ни один человек в Фицрое или Блафф-Коув и слыхом не слыхивал о предстоящем прибытии «Галахада». Позднее бригадир Уилсон говорил, что знал об отправке оставшихся гвардейцев, но, когда погрузка затянулась и шанс добраться до цели в темноте испарился, выход в море, как он предположил, отменили. Напрямую тактический штаб 5-й бригады и командование на «Фирлессе» вопрос передвижения войск не обсуждали. Сам Уилсон тем утром вылетел из Дарвина на вертолете вместе с бригад-майором (начальником штаба бригады) Бренданом Лэмом, для совещания с генерал-майором Муром, совершенно ничего не зная о ситуации. Старший артиллерийский офицер [подполковник Джордж Энтони Холт, командир 4-го полевого полка Королевской артиллерии. — *Прим. ред.*] остался за комбрига временным командиром в Фицрое.

Последовательность событий на борту LSL «Сэр Галахад» на протяжении следующих пяти часов, словно в замедленной съемке, разворачивается перед нами как этакий неизбежный путь к трагедии. На корабле говорили и думали о предстоящем, о порученном деле, но никто, безусловно, не помышлял о необходимости спешить или о большой опасности. Находившиеся на «Галахаде» солдаты не присутствовали на берегу в Сан-Карлосе в ходе первой недели сокрушительных налетов вражеской авиа-

ции. Они не видели аргентинские военно-воздушные силы в действии. В течение нескольких последующих суток даже на борту «Фирлесса», в чем нет оснований сомневаться, постоянно росла подсознательная уверенность, что «проблема с авиацией разрешилась». Солдаты и офицеры Валлийского гвардейского полка имели приказ соединиться со своим батальоном в Блафф-Коув. LSL не мог войти в узкую протоку и достигнуть берега напрямую. Поскольку мост, соединявший соседние поселки, противник взорвал, войска, реши они теперь высадиться в Фицрое, очутились бы перед необходимостью следовать к месту назначения кружным путем протяженностью в 12 миль (19,3 км). Гвардейцам, погрузившимся на «Галахад», казалось очевидным, что после всех маршей вперед и назад на протяжении нескольких суток старший офицер твердо намерен более не допустить бессмысленного «шлепанья туда-сюда». Он хотел, чтобы к кораблю подогнали десантные катера, на которых личный состав смог бы напрямую добраться до Блафф-Коув. Юэн Саутби-Тейлур, пришедший в ужас от зрелища LSL, стоящего себе как голый без зенитного прикрытия среди белого дня, откомандировал наполовину загруженный боеприпасами с «Тристрама» десантный катер и спешно помчался на нем через водоем к «Галахаду». Вместе с майором Тони Тоддом из Королевского транспортного корпуса он попробовал уговорить офицеров Валлийского гвардейского погрузить как можно больше людей и спешить на берег. Те отказались, ссылаясь на военные установления, в соответствии с которыми живая сила и боеприпасы не должны перевозиться вместе. «Я не дам команды моим людям садиться на судно со смешанным грузом, — заявил один из них. — Да мы и в любом случае не хотим сходить в Фицрое. Наше место назначения — Блафф-Коув». После продолжительных и временами жарких споров, в процессе которых морские пехотинцы напирали на целесообразность срочно выгрузить солдат, Саутби-Тейлур вернулся на берег и отправился на поиски кого-нибудь из штаба 5-й бригады, дабы доложить ему обстановку. Первый встретившийся офицер штаба наотрез отказался верить в наличие живой силы на LSL «Сэр Галахад». «Они все выгрузились», — заявил он. Саутби-Тейлур развеял эти иллюзии. Офицер штаба поспешил поторопить с разгрузкой зенитных ракетных комплексов «Рэйпир», которые предназначались для выполнения задач главных средств ПВО перед лицом налетов с воздуха в данном ареале. Уилсон запро-

сил установки «Рэйпир» сразу же после высадки в поселке 2-го батальона Парашютного полка. Однако, как и обстояло дело со многим другим, 5-я бригада не смогла получить ракеты по мановению волшебной палочки. Майор Барни Росс-Смит из штаба 5-й бригады приказал подогнать десантный катер к «Галахаду» и начать прием на борт бойцов 1-го батальона Валлийского гвардейского полка.

О чем не знал он, это о дискуссии командира 16-го полевого медицинского отряда [подполковника Джона Дэйвида Артура Робертса. — *Прим. ред.*] со старшим офицером Валлийских гвардейцев [подполковником Джоном Фрэнсисом Рикеттом. — *Прим. ред.*] на борту десантного судна. Медицинский командир считал, что, коль скоро медики намерены высаживаться в Фицрое, куда гвардейцы не собирались, и в свете наличия у них трудной и крайне срочной задачи оборудовать пункт первой помощи на берегу, представляется крайне важным для начала высадить санитарный отряд с его имуществом. Начали перевозить медицинское оборудование на грузовом понтоне и LCU. Гвардейцы сидели в кафетерии на корабле и смотрели видео, собирали свое снаряжение или стояли у лееров корабля и глазели на ровный и безлюдный берег маленькой бухточки, на горы, поднимавшиеся в отдалении.

Барни Росс-Смит только вернулся в штаб 5-й бригады, когда поступило переданное по рации сообщение от Боба Эдвардса, коменданта пункта высадки морской пехоты, о том, что сходню LCU заклинило в вертикальном положении, а потому высаживать гвардейцев со спущенной сходни «Галахада» не получится, а нужно подогнать десантный катер бортом к борту корабля, и пусть личный состав спускается на катер таким путем.

В 1.10 пополудни в небе появились четыре самолета. Недалеко ниже далее на берегу 2-й парашютный батальон пристреливал оружие. Некоторые из солдат 2-го батальона Шотландского гвардейского полка принялись палить по летательным аппаратам со своих позиций, пока не раздался окрик старшего офицера, приказавшего им прекратить стрельбу: «Это «Харриеры»!» Некоторые из бойцов на десантных судах услышали отчаянный призыв: «Ложись!» Сразу же затем над головами у них очутились два «Миража» и два «Скайхока», и мир разлетелся к черту пополам. [На самом деле в первой волне британские корабли атаковали пять штурмовиков А-4В «Скайхок» из 5-й

ИАГ ВВС Аргентины, причем первоначально на задание с авиабазы Рио-Гальегос вылетели 8 «Скайхоков», из которых 4 составляли звено с позывным «Мастин» (Mastin, название собаки породы испанский мастифф) и 4 — звено с позывным «Дого» (Dogo, «Дог»). Поскольку три самолета (два из звена «Мастин» и один из «Дого») вынуждены были вернуться назад по техническим причинам, то выполнять задание продолжало сводное звено, разделенное на две секции — «Дого» и «Мастин». Первая из них включала три «Скайхока» (С-222 первого лейтенанта Карлоса Эдуардо Качона, С-240 альфереса Леонардо Сальвадора Кармоны и С-221 лейтенанта Карлоса Альфредо Ринке), а вторая — два (С-214 лейтенанта Даниэля Эдуардо Гальвеса и С-230 альфереса Уго Эдгардо Гомеса). Каждый из пяти штурмовиков нес по три 500-фунтовых бомбы. При подлете к британским судам в заливе секция «Дого» избрала своей целью корабль снабжения «Сэр Галахад», в то время как секция «Мастин» атаковала «Сэр Тристрам». — *Прим. ред.*] Капрал Майк Прайс из 1-го батальона Валлийского гвардейского полка хорошо расслышал приказ залечь, но так удивился происходившему, что не мог пошевелиться до тех пор, пока: «Все что помню — помню, что вроде как горю». Джонни Стратта, обаятельного, похожего на мальчишку младшего офицера двадцати двух лет отроду, подбросило взрывом первой бомбы в районе миделя. Очнувшись, он «нашел себя лежащим и покрытым целым курганом всякой всячины. Затем кто-то помог мне подняться и отвел к шлюпке». [«Сэр Галахад» был поражен тремя бомбами, которые сбросил со своего «Скайхока» первый лейтенант Карлос Э. Качон, лидер секции «Дого». Альферес Леонардо С. Кармона, пилот второго самолета той же секции, не смог сбросить свои бомбы, а лейтенант Карлос А. Ринке, управлявший третьим «Скайхоком», ограничился обстрелом британского судна из 20-мм пушек. После атаки все штурмовики секции «Дого» благополучно вернулись в Рио-Гальегос (самолеты Ринке и Кармоны прибыли туда в 14.30, самолет Качона — в 15.00). — *Прим. ред.*]

Большой груз бензина для генераторов зенитных установок «Рэйпир» находился как раз на борту «Галахада». Он вспыхнул немедленно, вызвав страшные ожоги у военнослужащих Валлийского гвардейского, сгрудившихся на борту десантного катера. Кошмар, творившийся вокруг, становился только ужаснее из-за воспламенения фосфорных гранат минометного взвода. Многих

из погибших смерть застала в кафетерии. Не прошло и нескольких секунд с момента попадания в судно первой бомбы, как вся середина корабля пылала в огромном всепожирающем пожаре. На глазах солдат их собственная кожа и плоть под ней плавились и разлагались словно бы в скверном ночном сновидении или в замедленной съемке, они видели, как другие рядом отчаянно пытаются погасить пламя, охватившее волосы, или спешат поскорее сбросить занявшуюся одежду. Затем они на нетвердых ногах ковыляли в направлении к борту корабля, где помогали друг другу — особенно тем, кто впал в ступор от шока — найти путь на спасательные плоты, которые уже с шумом раскрывались на поверхности воды. В нескольких сотнях ярдов по другую сторону залива старший механик с LSL «Сэр Тристрам» успел предупредить о грядущем налете авиации свой главным образом китайский персонал, когда весь корабль содрогнулся и словно бы привстал от взрыва бомбы, а зенитки «Бофорс» на верхней палубе принялись бить в сторону исчезавших самолетов противника [В «Сэр Тристрам» попали две из трех 500-фунтовых бомб, сброшенных аргентинским пилотом лейтенантом Даниэлем Э. Гальвесом, лидером аргентинской секции «Мастин». Его ведомый, альферес Уго Э. Гомес, тоже сбросил свои бомбы, но они упали в воду рядом с британским кораблем. Проведя эту атаку, оба «Скайхока» легли на обратный курс и в 14.30 вернулись в Рио-Гальегос. — *Прим. ред.*]. Проявляя отчаянный героизм, несколько солдат и офицеров проложили себе путь через обломки на нижние палубы, дабы заглушить машину, в то время как другие спускали на воду корабельные шлюпки и спешили к «Галахаду», находившемуся в куда более отчаянном положении, чем их судно.

Хью Кларк, командир случайно оказавшейся в Фицрое вертолетной эскадрильи [имеется в виду лейтенант-коммандер Хью Синклер Кларк, возглавлявший 825-ю эскадрилью ВМА. — *Прим. ред.*], тут же поднялся в небо и вызвал по радиосети все имеющиеся в распоряжении британские вертолеты, призвав их пилотов спешить в этот квадрат. Прошли лишь какие-то считаные минуты с момента атаки, как вертолетчики уже поднимали на лебедках людей с «Галахада» и со спасательных плотов, опускаясь и зависая как можно ниже, чтобы тягой воздуха от винтов шлюпки с уцелевшими солдатами и моряками гнало от корабля в направлении берега. Увидев, как пламя и клубы черного дыма судорожными толчками поднимаются из чрева смертельно

раненного десантного судна, парни из 2-го парашютного помчались к берегу, где принялись вытаскивать уцелевших с плотов и оказывать раненым медицинскую помощь. Всю вторую половину дня и на протяжении вечера трагическую процессию черных от копоти и гари, ошеломленных, тяжело раненных людей грузили на десантные корабли в заливе Сан-Карлос, размещая на жилых палубах. Кого-то отвозили прямо на пункты первой помощи в селении Эйджекс-Бэй.

* * *

Пока в Фицрое шла спасательная операция, предпринимались также срочные меры по возвращению к жизни фрегата «Плимут», которому тоже сильно досталось от авиации во второй половине того дня. По сей день не вполне ясно, стремились ли аргентинские военно-воздушные силы атаковать фрегат с целью отвлечения внимания его команды от разворачивавшегося налета на Блафф-Коув, так или иначе попытка нанести удар по фрегату, несомненно, оказала воздействие на действия патрулировавших в воздухе британских «Харриеров». Командиру «Плимута» дали сигнал прекратить артобстрел горы Розали на Западном Фолкленде перед лицом предстоящего налета авиации, ожидавшегося в 1.30. Однако пять «Миражей» V ринулись через Фолклендский пролив по направлению к фрегату на несколько минут раньше, затем они развернулись и зашли для атаки с левого борта. [В авианалете на фрегат «Плимут» участвовали не пять, а шесть аргентинских истребителей М-5 «Даггер» из 1-й аэромобильной эскадрильи 6-й ИАГ, вылетевших в 13.00 из Рио-Гранде. Три самолета из этой шестерки (С-415 капитана Карлоса Альберто Роде, С-417 первого лейтенанта Хосе Луиса Габари-Дзоко и третья машина, пилотируемая первым лейтенантом Хорхе Оскаром Ратти) составляли звено с позывным «Перро» (Perro, «Пёс»), три других (С-435 капитана Амилькара Гильермо Чиматти, С-418 майора Карлоса Наполеона Мартинеса и С-431 лейтенанта Карлоса Анибаля Антоньетти) — звено с позывным «Гато» (Gato, «Кот»). Каждый «Даггер» нес по две 500-фунтовые бомбы Mk82, однако один из пилотов звена «Перро», первый лейтенант Хорхе О. Ратти, из-за технической неисправности не смог провести бомбовую атаку, поэтому на фрегат были сброшены десять бомб вместо двенадцати. Выполнив задание,

оба звена «Даггеров» вернулись в Рио-Гранде («Перро» в 14.58, «Гато» — в 14.59). — *Прим. ред.*] Находившимся на мостике корабля морякам реакция «Плимута» на команду «полный вперед!» казалась убийственно медленной. «Си Кэт» ударила в головной «Мираж», а наводчик «Эрликона» накрыл вторую машину, но все же корабль получил четыре попадания 500-фунтовыми бомбами из всего десяти сброшенных атакующими. Одна из них ударила в глубинную бомбу, вызвав детонацию, ставшую причиной крупного ущерба и пожара. Другая прошла через дымовую трубу. Прочие пролетели в полуметре над головами маленькой группы донельзя перепуганных людей, застигнутых на верхней палубе у противолодочного миномета. Оставляя за собой дымный, точно подраненное животное кровавый след, «Плимут» поковылял в залив Сан-Карлос-Уотер, где команда приступила к ликвидации пожаров и латанию пробоин, каковые действия с успехом завершила, приведя фрегат в норму [во время авианалета пятеро моряков с этого корабля пострадали от взрывов и пожаров, однако погибших в команде «Плимута» не было. — *Прим. ред.*]. Боевой патруль «Харриеров», висевший в воздухе над Фицроем все то утро, отозвали для противодействия нападению на «Плимут» всего за считаные минуты до удара «Скайхоков» по «Галахаду».

Во второй половине того дня Фицрой пережил два дальнейших — на сей раз неэффективных — вражеских налета с воздуха. Теперь неприятельские самолеты встречались дружным огнем из ручного оружия солдат на берегу. Одна пара штурмовиков, судя по всему, не выдержала зрелища стены заградительного огня и развернулась, не сбросив бомб. [Вторую волну аргентинской авиации должны были составлять два звена штурмовиков А-4В «Скайхок» из 5-й ИАГ, имевшие позывные «Масо» (Mazo, «Колотушка») и «Мартильо» (Martillo, «Молоток»). Каждое звено насчитывало три самолета, несших по три 500-фунтовых бомбы. Вылетев в 15.00 из Рио-Гальегос, эти звенья затем лишились двух «Скайхоков», один из которых (С-239 альфереса Гильермо Альберто Деллепьяне из звена «Масо») вернулся на базу по техническим причинам, а другой (С-212 первого лейтенанта Оскара Эдуардо Беррьера из звена «Мартильо») сделал то же самое из-за опоздания к пункту воздушной дозаправки топливом. В итоге для выполнения боевого задания остались два штурмовика из звена «Масо» (С-204 первого лейтенанта Данило Рубена Больцано и С-226 лейтенанта Хуана Хосе Аррараса) и два — из звена «Мар-

тильо» (С-231 первого лейтенанта Эктора Уго Санчеса и С-228 альфереса Хорхе Альфредо Васкеса). Объединенные в одно сводное звено, эти четыре «Скайхока» направились к Фицрою, где их встретил сильный зенитный огонь. — *Прим. ред.*] Считается, что именно она летела на бреющем полете в западном направлении к Гуз-Грину, когда южнее вблизи острова Джонсон пилоты засекли возвращавшийся из поселка «Фокстрот 4» с техникой штаба 5-й бригады. Несмотря на приказ Саутби-Тейлура не возвращаться в светлое время суток, сержант-знаменщик Брайан Джонстон вывел судно в море. «Один раз ВМС уже палили по нам, когда мы пытались двигаться ночью, — сказал он. — Больше я так рисковать не хочу». Аргентинцы атаковали десантный катер бомбами и огнем пушек, сумев достигнуть прямого попадания в пост управления на корме. Погибли сержант-знаменщик Джонстон и пять человек из команды. Позднее во второй половине того же дня с дрейфующего «Фокстрота 4» поступил отчаянный сигнал с призывом о помощи — судно было искорежено, разбито и вот-вот грозило пойти ко дну [согласно аргентинским источникам, этот британский катер был атакован «Скайхоком» первого лейтенанта Больцано. — *Прим. ред.*]. Послать сообщение удалось только за счет использования рации в находившемся на борту «Ленд Ровере» бригады. Каботажное судно «Монсунен» поспешило на помощь, и его команда сняла уцелевших. Попробовали было взять LCU с ценными машинами связи на нем на буксир, но «Фокстрот 4» недолго оставался на плаву и пошел на дно. Единственным утешением того мрачного дня трагедии стал перехват воздушным патрулем «Си Харриеров» одной из групп аргентинских самолетов на их обратном пути из Фицроя. Флайт-лейтенант Дэйвид Морган уничтожил два штурмовика, морской лейтенант Дэйвид Смит сбил третий, а четвертый, по словам очевидцев, разбился позднее. [Оба отличившихся британских пилота принадлежали к 800-й эскадрилье ВМА с авианосца «Гермес». В 16.45 флайт-лейтенант Дэйв Морган, управлявший «Си Харриером» номер ZA177/77, поразил ракетой «Сайдуиндер» штурмовик альфереса Хорхе А. Васкеса (аргентинский пилот погиб, поскольку его «Скайхок» сразу взорвался в воздухе), в то время как другая такая же ракета, которую выпустил лейтенант Королевских ВМС Дэйв Смит, пилот «Си Харриера» номер XZ499/99, сбила самолет лейтенанта Хуана Х. Аррараса (хотя этому пилоту удалось катапультироваться, он не был спасен из воды и попол-

нил собой список погибших). В том же бою флайт-лейтенант Морган сумел перехватить и сбить своим вторым «Сайдуиндером» еще один аргентинский штурмовик, чей пилот, лейтенант Данило Р. Больцано, не смог катапультироваться и погиб. Единственный оставшийся от четверки «Скайхоу» (Mantillo 3, то есть С-231 первого лейтенанта Эктора У. Санчеса) избежал перехвата «Си Харриером», однако, имея повреждение от зенитного огня британцев, потерял на пути к базе очень много топлива. От гибели его спас воздушный танкер КС-130 (номер ТС-69, позывной «Парка 1»), обеспечивший своевременную дозаправку, благодаря которой самолет Санчеса вернулся к 18.00 в Рио-Гальегос. Следует отметить, что в тот вечер аргентинцы провели еще одну воздушную атаку, направленную против британских наземных целей в Фицрое. В ней были задействованы четыре штурмовика А-4С «Скайхоу» из 4-й ИАГ, вылетевшие в 15.36 из Сан-Хулиана. Пилотами вышеуказанных машин, составлявших звено с позывным «Юнке» (Yunque, «Наковальня»), были капитан Марио Хорхе Каффарати, лейтенант Атилио Викторио Дзаттара, лейтенант Даниэль Альберто Пареди и альферес Карлос Андрес Кодрингтон. Встреченные над Фицроем сильным зенитным огнем, эти «Скайхоки» не смогли причинить противнику заметного ущерба, тем более что сбросить бомбы и обстрелять британские позиции из авиационных пушек смогли только два штурмовика из четырех (Yunque 3 лейтенанта Пареди и Yunque 4 альфереса Кодрингтона). После атаки все самолеты звена «Юнке» возвратились в Сан-Хулиан (первые два «Скайхока» приземлились там в 18.00, а два других — в 18.30). — *Прим. ред.*]

Тридцать три военнослужащих Валлийского гвардейского полка, семь человек из Королевских ВМС и одиннадцать других матросов и солдат погибли во время налета, а еще сорок шесть — получили ранения. [По более точным данным, при налете аргентинской авиации на LSL «Сэр Галахад» погибли 5 членов команды корабля (в том числе один китаец), 32 чел. из состава 1-го батальона Валлийской гвардии, 4 чел. из Корпуса продовольственного снабжения армии, 3 чел. из Королевского медицинского корпуса армии, 2 чел. из 3-го взвода 20-го полевого эскадрона 36-го инженерного полка (этот взвод был придан 9-му отдельному парашютному эскадрону Королевских инженеров) и 2 чел. из Корпуса Королевских инженеров-электриков и механиков, всего 48 чел. На «Сэре Тристраме» жертвами воздушной атаки стали

2 члена команды (матрос и работник прачечной, оба китайцы из Гонконга) и на катере «Фокстрот 4» с десантного корабля «Фирлесс» — 6 чел. (4 морских пехотинца и 2 моряка). Относительно раненых британцев, число которых авторы оценивают в 46 чел., то в других источниках приводятся более высокие цифры — 115 и 150 чел. Кроме потерь в корабельном составе и в живой силе, британское оперативное соединение понесло 8 июня урон в авиационной технике: один «Харриер» GR.3 (XZ989) из 1-й (истребительной) эскадрильи КВВС получил в сильные повреждения при аварийной посадке на взлетную полосу в Порт-Сан-Карлосе. Его пилот, винг-коммандер Питер Тед Скуайр, успел спастись, но сам самолет не подлежал ремонту на месте и был отправлен в Европу — на авиабазу КВВС в Гютерсло (ФРГ). — *Прим. ред.*] Даже и никак не пострадавшие бойцы лишились обмундирования и снаряжения, в отсутствии которых не могли полноценно действовать на суше. Нет необходимости говорить, как сильно их потрясло случившееся. Гвардейцев отправили в Сан-Карлос приводить себя в порядок, в то время как оттуда в Блафф-Коув перебросили по воздуху две роты 40-го отряда коммандос, чтобы довести 1-й батальон Валлийского гвардейского полка до должной численности перед предстоящим наступлением. Вся эта перетасовка стала длительным и мучительным делом, но все же она не послужила причиной переноса британского наступления, начало которого в то утро планировалось на 11 июня. В этом смысле потеря «Галахада» оказалась куда менее серьезной, чем гибель «Атлантик Конвейора».

Трагедию в Фицрое следует рассматривать в общем контексте кампании, каковая в большинстве случаев складывалась для британцев просто-таки замечательно. Среди многих случаев, когда приходилось идти на обдуманный риск, только в тот раз события развивались вразрез с планами. Мнение Королевских ВМС выразил в ту ночь на борту «Фирлесса» один старший офицер: «Мы должны принять на себя полную ответственность за налет на десантные корабли в Фицрое. Но мы не может принять никакой ответственности за то, что в тот момент на борту «Галахада» находились люди». Сотрудники военно-морского штаба упрекали прежде всего себя, что не сумели внушить командирам войск на «Галахаде» важность как можно быстрейшего осуществления высадки в условиях светлого времени суток. «Мы привыкли работать с Королевской морской пехотой, а там четко осознают

императивы в деле развертывания амфибийных десантов», — признавался один офицер. Военнослужащий морской пехоты из числа потрясенных зрителей в Фицрое писал следующее: «Многие привыкли считать, будто некая особая амфибийность есть какой-то миф, придуманный морскими пехотинцами ради своего спасения {от расформирования}. Но высадка морского десанта — это вам не битва на европейской равнине».

* * *

Для Лондона удачный вражеский налет в Фицрое являлся настоящей катастрофой. Военному кабинету пришлось незамедлительно решать более всего ненавидимые им вопросы информационной политики. Мур сообщал в Нортвуд, будто аргентинцы убеждены — его потери составляют 900 чел., а темп наступления полностью потерян. С оперативно-тактической точки зрения было жизненно важно не развеивать заблуждение противника как можно дольше. Соответственно Филдхауз высказал Левину пожелание затянуть «откровенные разговоры» об ущербе, понесенном в Блафф-Коув, несмотря на беспокойства и боль, которые причинит неопределенность семьям военнослужащих.

Министерство обороны тут же отозвалось информацией о сугубой тяжести понесенных потерь и о «возможной отсрочке штурма Порт-Стэнли британскими войсками». И снова возвращение палаты общин к военному поприщу после перерыва в заседаниях по случаю Троицы радикальным образом осложнило проведение информационной политики. Окруженному слухами и всевозможными измышлениями Нотту приходилось держать позиции два, даже три дня после катастрофы, постоянно отвечая, что объявление о размерах потерь «способно сыграть на руку противнику и поставить наши войска в очень рискованное положение». Коль скоро двумя неделями ранее, когда затонул «Ковентри», он признал себя неправым относительно стремления замолчать название потерянного корабля (или, по крайней мере, допустил ошибку, позволив Филдхаузу уговорить себя пойти на это против воли), заявление прозвучало неискренним. Затем Нотт несколько подпортил картину замыслов Мура по дезинформации противника заявлением, будто «планы командира оперативно-тактической группы налеты никак не нарушили». Список потерь в Фицрое, каковой Нотт совершенно правильно сохранил

в тайне, обнародовали в конечном счете не ранее начала штурма Порт-Стэнли.

В любой операции любой значительной войны «подсвеченные прожекторами» неудачи кажутся более преступными и более кровавыми, чем те, которые не получили широкого отклика. Так или иначе эпизод с «Галахадом» напомнил министрам и начальникам штабов родов войск об опасностях ведения военных действий под неусыпном оком публики. Трудности с убеждением гражданского населения на родине в необходимости принятия страшных реалий войны побудили сэра Робина Дэя во время лекции за несколько лет до описываемых событий задаться примерно таким вопросом: может ли в эпоху после Вьетнама какая бы то ни было западная демократия со свободной прессой и телевидением надеяться на постоянную поддержку нации войне, сколь бы необходимой та ни оказалась? И действительно, кто сможет забыть увиденного на экранах телевизоров раненого с «Галахада» на носилках с торчащим и словно бы указывающим в небо обрубком ноги? К счастью для правительства, война на Фолклендских островах продолжалась недолго и визуальная информация о трагедии на «Галахаде» достигла Лондона только после завершения враждебных действий. Однако заставить общественность дома принять как должное такие виды было бы, как легко предположить, крайне сложно, равно как и осознать необходимость главенства соображений безопасности, служивших основанием для упорного сопротивления ВМС решению премьер-министра позволить корреспондентам и операторам сопровождать оперативно-тактическую группу. Военные корреспонденты со своими депешами с фронтов способны стать очень выгодным средством в арсенале политиков в деле поднятия духа нации и стремления довести войну до победного конца. И все же, когда случаются неудачи на поле боя, репортерам и генералам трудно примирить требования СМИ с предполагаемыми государственными интересами.

Как высказывались некоторые офицеры после войны, 5-ю бригаду, учитывая столь сильную ограниченность ресурсов транспорта, не следовало бы и вовсе посылать готовить наступление на новом направлении. Но коль уж командование пошло на это, нечего удивляться трудностям. Основополагающей причиной трагедии в Фицрое являлось нежелание Нортвуда продолжать переброску личного состава 1-го батальона Валлийского гвардейского полка на целевой постройки десантных кораблях и решение

использовать вместо того LSL — судно, фактически обслуживаемое гражданской командой. Неразбериха и организационные сложности, одолевавшие 5-ю бригаду, проявлялись во многих других случаях на протяжении кампании. Исчезновение из воздушного пространства над местом высадки запрошенного 5-й бригадой патруля «Харриеров», остававшегося в районе боевого патрулирования практически до конца утра 8 июня, то есть до момента всего за несколько минут до налета вражеской авиации, отсутствие эскорта в виде военно-морских судов, не поступивший на «Галахад» сигнал боевой воздушной тревоги, проволочка с установкой и подготовкой к применению ЗРК «Рэйпир», сбившийся график высадки, неполадки со связью. Подобные вещи бывали и раньше и позже, но ни разу не привели к таким фатальным последствиям, как 8 июня, когда все разрозненные моменты слились воедино. Наиболее трудно поддается объяснению сбой в части связи и координации действий — многие старшие офицеры попросту не знали, где, когда и какие войска находятся. Один из британских командиров, отвечавший за действия 5-й бригады, позднее признавался: «Вы должны понять — в тот момент все мы смотрели на восток, в направлении засевшего в Стэнли противника, куда нам скоро предстояло наступать. Мы и в самом деле мало волновались по поводу происходящего у нас за спиной». Такое отношение являлось нарушением жизненно важных правил обеспечения безопасности в ходе войны.

«Да-да, — воскликнул как-то Наполеон, когда услышал, как люди воздают хвалу достоинствам одного офицера, — но удачлив ли он?» Тони Уилсон удачливым не был. Он попытался достигнуть максимума, имея в руках формирование, которому с самого начала не хватало ключевых преимуществ 3-й бригады коммандос: оставленных за плечами месяцев соответствующей подготовки, возможности заблаговременно попрактиковаться в высадке десанта, акклиматизироваться перед началом активных действий. Комбриг располагал лишь неопытным штабом, не обеспеченным к тому же в достатке аппаратурой связи для руководства боевыми действиями, ему недоставало специализированной техники, да и боевые части соединения едва знали друг друга. Если сложить воедино все трудности и неудачи, постигшие его на Фолклендских островах, остается только поражаться, как 5-й бригаде удалось внести столь значительный вклад в дело победы в битве за Порт-Стэнли, начавшейся всего через трое суток после трагедии «Галахада».

16

БИТВА ЗА ГОРЫ

Джон Булль на заседании в паническом кошмаре,
Орет войскам: вам драться всюду на Земном на шаре.
Палата Крикунов до хрипоты пускается на споры
От них ты не дождешься дела вскоре.
Когда стихают все же эти разговоры,
Вопрос встает об армии — там снова неготовы.
Тогда в поход отправит Булль свой чахлый флот,
Мошной тряхнет он и на сем закроет рот.

Журнал «Панч», 1871 г.

С самого дня высадки 3-й бригады коммандос в Сан-Карлосе британцы планировали развернуть быструю кампанию на суше. Они рассчитывали достигнуть победы к середине июня. Все ухудшавшаяся зимняя погода, сложности с поддержанием кораблей в постоянной боеготовности на огневом рубеже, политический и дипломатический натиск, извечные трудности с обеспечением исправной работы службы тыла — все это в совокупности давило на сухопутные силы изрядным грузом. Как выразился Хью Пайк: «Существовала реальная опасность, что мы {с аргентинцами} будем месяцами глазеть друг на друга около Порт-Стэнли». Очень легко по окончании войны рассуждать насчет того, будто крушение обороны противника было чем-то предрешенным. Однако в начале июня, если смотреть в направлении Стэнли с гор Кент, Челенджер и Эстансия, стоявшая перед двумя британскими бригадами задача казалась очень и очень непростой. Тридцать три непри-

ятельских формирования по несколько рот в каждом составляли, по имевшимся данным, гарнизон общей численностью 8400 чел. Эти силы, всецело обеспеченные поддержкой артиллерии и не испытывающие недостатка в боеприпасах, окопались на готовившихся на протяжении шести недель позициях на высотах. Захват британцами горы Кент не позволял противнику задействовать ее для противодействия продвижению морской пехоты с этой господствующей точки, однако ничего не менял в смысле необходимости штурмовать обороняемую линию на подступах к Стэнли: горы Харриет и Лонгдон, Ту Систерз [Two Sisters, то есть Две Сестры; у аргентинцев эта гора имеет аналогичное по смыслу название Дос Эрманас (Dos Hermanas). — *Прим. ред.*], Тамблдаун [Tumbledown, у аргентинцев — Серро Дестарталадо (Cerro Destartalado, «Полуразвалившийся холм»). — *Прим. ред.*], Сэппер-Хилл [Sapper Hill, «Саперный холм», называемый аргентинцами Колина Сапатор (Colina Zapator) или Монте де Инхенерио (Monte de Ingenerio). — *Прим. ред.*]. Каждый узел обороны прикрывали минные поля, защищала пехота с безоткатными орудиями и станковыми пулеметами, пользовавшаяся поддержкой тридцати 105-мм и четырех 155-мм орудий. [По другим данным, аргентинцы имели для защиты подступов к Порт-Стэнли 37 гаубиц «OTO Мелара» калибра 105 мм, в том числе 20 — в составе батарей «A», «B» и «C» 3-го артиллерийского дивизиона, 11 — в батареях «B» и «C» 4-го воздушно-десантного артиллерийского дивизиона и 6 — в батарее «B» полевого артиллерийского батальона морской пехоты. Что касается 155-мм гаубиц L33 модели 1977 г., то с 16 мая до 12 июня 1982 г. их у аргентинцев на Фолклендах было всего две, и только 13 июня к ним добавилась еще одна (все эти три 155-мм гаубицы состояли в батарее «D» 3-го артиллерийского дивизиона, но изначально, до их переброски из Аргентины на транспортных самолетах C-130, две из них принадлежали батарее «C» 101-го артиллерийского дивизиона «Теньенте-хенераль Бартоломе Митре», а третья — 121-му артиллерийскому дивизиону; четвертая гаубица, она же вторая, взятая из 121-го артдивизиона, не успела прибыть с континента на авиабазу «Мальвинас» из-за капитуляции войск генерала Менендеса). Вышеуказанной аргентинской артиллерии британцы могли противопоставить на суше тридцать 105-мм орудий L118, состоявших на вооружении 7-й, 8-й и 79-й батарей 29-го артиллерийского полка коммандос, 29-й и 97-й батарей 4-го полевого артиллерийского полка. — *Прим. ред.*]

До сих пор события кампании постоянно демонстрировали непонимание аргентинским командованием принципов стратегии: военно-воздушные силы не развернули действительно эффективной операции против целей на суше, чего очень боялись британцы. Армия не позаботилась о защите многих ключевых пунктов на местности, чтобы пресечь продвижение британцев, не наносила беспокоящие удары и не разворачивала контратаки на позиции, занимаемые морскими пехотинцами и парашютистами. Возможно, генерал Менендес не верил в способность насильно согнанных на службу призывников справиться с подобными задачами. Судя по всему, суть пассивного подхода к ведению кампании со стороны аргентинцев следовало понимать так: очутившись перед лицом мощного военного ответа на свои действия со стороны британцев, на что в Буэнос-Айресе совершенно не рассчитывали, аргентинское руководство делало ставку на оборону — собиралось удерживать позиции, а тем временем добиваться дипломатического, а не военного разрешения ситуации. У Менендеса и его вышестоящего начальства сложилось впечатление, будто ему удалось превратить Порт-Стэнли в практически совершенно неприступную крепость. Мирет в Нью-Йорке убеждал Сорсано в способности войск продержать британцев на подступах к столице на протяжении месяцев. Между тем аргентинский флот выйдет в море, дабы наносить удары по каналам снабжения британских войск. Всего за два дня до старта битвы за Порт-Стэнли Лами Досо в телефонном разговоре с Эндерсом в Вашингтоне уверял последнего, будто потери британцев в кораблях огромны, а потому тотальный штурм невозможен. Генерал ВВС уверил американского собеседника, что Менендес не сдаст позиций по крайней мере два месяца, и Аргентина выиграет войну. Мнение Эндерса в отношении подобного заявления выражалось короткой фразой: «Тот, кто думает так, может воображать все что угодно».

Между тем в Гуз-Грине противник доказал — его солдат не упрекнуть по меньшей мере в одном, в способности упорно защищать заранее подготовленные позиции. Учитывая знание ими местности, наличие большого количества приборов ночного видения, хорошего оружия и множества боеприпасов, все говорило за то, что аргентинцев будет непросто выбить с занимаемого рубежа. «Мы действительно не знаем, как они собираются драться, — писал домой один офицер 3-го батальона парашютистов 9 июня. — Мы бы предпочли, чтобы они прочитали слова про-

рочества на стене и сочли благоразумие лучшей добродетелью, чем отвагу. Но я велел моим парням не рассчитывать на то, что «арджи» будут драпать везде и всегда». [Фраза о «словах пророчества на стене», приведенная в данной цитате, намекает на описанное в Библии (в ветхозаветной Книге пророка Даниила) предание, согласно которому во время пира, устроенного вавилонским царем Валтасаром незадолго до собственной гибели и завоевания Вавилона персами, на стене царского дворца появились начертанные таинственной огненной рукой слова «мене, мене, текел, упарсин», в переводе с арамейского означающие меры веса — «мина, мина, шекель и полмины» (в церковнославянских текстах — «мене, текел, фарес»). Вавилонские мудрецы не могли объяснить царю смысл данного знамения, но это сделал пророк Даниил, увидевший в словах на стене предвестие скорой смерти Валтасара и разделения его царства (пророчество сбылось 12 октября 539 г. до н.э., когда в Вавилон вступили персидские войска под командованием Угбару, одного из полководцев царя Кира II Великого, а Валтасар, пытавшийся оказать сопротивление персам в центре города, был убит). В светской культуре эти слова стали условным обозначением предзнаменования некоего страшного события, ожидающегося в ближайшем будущем, например, неминуемой смерти какой-то именитой персоны или же военного поражения. — *Прим. ред.*]

В действительности главная проблема аргентинцев заключалась не в их тактический позиции, не говоря уж о службах тыла, а в моральном состоянии личного состава — в боевом духе войск на переднем крае. У солдат в горах он находился в куда худшем состоянии, чем британцы могли себе представить. «До 1-го мая никто на самом деле не верил, будто придется драться, — рассказывал один из солдат 7-го пехотного полка. — Но когда англичане перешли в атаку, тут уж все забеспокоились. Некоторые из наших ребят жаловались на имевшееся оружие. Им говорили, мол, боеприпасов у нас на двое или трое суток, но когда дело дошло до драки, их едва хватило на два или три часа...» Гильермо, другой солдат 7-го полка, занимавший позицию на Уайрлесс-Ридж, признавался, что только после войны узнал, где он тогда находился. «Нам никто даже не сказал, куда мы отправляемся... Мы не были готовы психологически. Я чувствовал себя роботом. В моей роте мы хоть все имели среднее образование, но в ротах «А», «В» и «С», которые располагались на самом переднем крае, попадались ребята и вовсе не знавшие о существовании каких-то там Мальвинских островов».

Гильермо рассказывал о росте проблемы с нехваткой продовольствия у солдат по мере того, как способность аргентинцев доставлять припасы вертолетами все уменьшалась. Он с друзьями по ночам несколько раз проходили 3 мили (4,8 км) до Порт-Стэнли, где просто крали еду со складов. Те, кому досталось нести службу дальше от столицы, не имели столь благоприятной возможности поправить дела. «Каждый раз, когда мы слышали, как на аэродроме садятся транспортники «Геркулес», наше настроение поднималось. Мы ждали подвоза провизии. Но потом начинали недоумевать, что там происходит, поскольку до нас ничего не доходило».

На протяжении короткого промежутка времени британцы тешили себя надеждой, что аргентинцы поймут — раз там на высотах находятся две британские бригады, их судьба решена и остается только сложить оружие. Как-то ночью Майк Роуз из САС в компании пленного аргентинского офицера и капитана Рода Белла, переводчика морской пехоты, полетели к Эстансия-Хаусу, надеясь связаться оттуда по гражданской телефонной сети с кем-нибудь из Порт-Стэнли. Линия не работала. Но на следующий день Белл, в целях оказания возможно требующейся медицинской помощи населению, начал выступать на доступных для приема жителями Фолклендских островов под аргентинской оккупацией частотах. Он установил контакт с доктором Элисон Блини, выступавшей в роли главного врача больницы Стэнли, и призвал всех слышавших обращение аргентинцев вступить в диалог с британцами по гуманитарным соображениям, чтобы защитить интересы гражданского населения. Сразу во вражеском стане никто не откликнулся, но Роуз и Белл не сомневались — противник слушает передачу. Они начали выходить в эфир ежедневно, все так же уверенно и напористо требуя от неприятеля ответить на их призыв во имя гуманизма и порядочности. Это было их «сделай сам» в области психологических приемов ведения войны.

Одним из многих недостатков, выявившихся в ходе кампании, стало, несомненно, отсутствие в распоряжении Министерства обороны специальной воинской части психологической войны. Однако куда более удивителен тот факт, что Белл — которого пришлось использовать как переводчика, оторвав от выполнения обычных обязанностей адъютанта штаба бригады коммандос и эскадрона связи, — оказался едва ли не единственным говорившим по-испански человеком во всей группе. Просьба Джулиана

Томпсона прислать людей из центра военной разведки в Эшфорде встретила отказ, поскольку Лондон приказал опрашивать пленных только, так сказать, в белых лайковых перчатках. Беглo говорившего по-испански офицера Королевских военно-морских сил, следовавшего из Британии на «Фирлессе», отправили домой с острова Вознесения, поскольку начальство в последний момент узнало об отрицательных данных пройденного им медосмотра. До конца войны все надежды британцев на ведение переговоров с аргентинцами возлагались на выходы в эфир Роуза и Белла, ибо Белл обладал знаниями латиноамериканского характера, а Роуз имел подготовку и опыт действий в условиях осады, как в случае с тем же иранским посольством в Лондоне. [Имеются в виду события 30 апреля –5 мая 1980 г., когда британские силы правопорядка осаждали посольство Ирана в Лондоне, где группа из шести вооруженных боевиков Демократического революционного фронта освобождения Арабистана удерживала 26 заложников. К действию против террористов были привлечены подразделения 22-го полка САС (две команды специальных заданий по 25 чел. в каждой), которые вечером 5 мая за 46 минут (с 19.07 до 19.53) провели под руководством подполковника Майкла Роуза операцию «Нимрод» — освобождение здания иранского посольства, расположенного по адресу Принсесс Гейт, 16. В ходе штурма, который начался в 19.20 и продолжался всего 17 минут, спецназовцы, одетые в черное, защищенные бронежилетами и противогазами, использовали в качестве основного оружия автоматы MP5 производства германской фирмы «Хеклер и Кох». Им удалось освободить 23 заложника (в том числе двух раненых). Трое заложников погибли, а из числа штурмующих один боец САС получил ожоги в огне пожара. Пятеро террористов, включая лидера группы Ауна Али Мохаммеда, были уничтожены, и один захвачен живым. — *Прим. ред.*]

Молчание в ответ на вещание на медицинские темы очевидно свидетельствовало об отсутствии у аргентинцев намерения сдаться. Старший морской офицер противника, капитан Мелбурн Хасси, слушал передачи и докладывал их содержание генералу Менендесу [на Фолклендах капитан корабля Барри Мелбурн Хасси, аргентинский офицер с британскими корнями, занимал сначала должность начальника I отдела (личного состава) в штабе Объединенного командования Мальвинского военного гарнизона, а затем, после замены его подполковником Альфредо Фран-

сиско Андухаром, стал секретарем губернатора Мальвинских островов генерала Марио Б. Менендеса по вопросам воспитания и общественной безопасности; поскольку он прекрасно владел английским языком, ему приходилось также исполнять обязанности переводчика. — *Прим. ред.*]. Но Менендес не испытывал желания уступать без боя, поскольку того требовала честь. Британцы чувствовали — придется сражаться, и многие командиры в их стане не сомневались: прежде чем генерал Менендес признает поражение, Порт-Стэнли превратится в груду руин. Всюду в окопах и за брустверами среди валунов и дернистого луговика в горах морские пехотинцы и парашютисты, трясясь от стужи, нетерпеливо ждали приказа о старте наступления. Каждый день, когда погодные условия оказывались более или менее сносными, не знавшие усталости «Си Кинги» челноками сновали туда и сюда между гор и холмов с орудиями и поддонами боеприпасов под брюхом, доставляя на позиции все необходимое, ибо, по мнению Мура и Томпсона, когда пехота пойдет вперед, им потребуется огромное количество боеприпасов для обработки вражеских расположений. А между тем ежедневно командиры получали донесения о росте случаев выхода из строя бойцов от погодных условий, диареи, траншейной стопы, обусловленных бесконечным ветром, дождем, снегом и холодом на вершинах холмов. Некоторые офицеры считали целесообразным для 3-й бригады коммандос уйти с высот до полной готовности к наступлению, оставив на вершинах только наблюдательные посты. Однако в таком случае пришлось бы гонять туда-сюда «пешедралом» и без того усталых людей, тем более что в долинах за кряжами они едва ли смогли устроиться много удобнее, а посему никто всерьез подобный вариант не обсуждал. Словом, солдатам не оставалось ничего иного, как высиживать на позициях семь, восемь, девять суток до тех пор, пока 5-я бригада перегруппируется вокруг Блафф-Коув и изготовится к боевым действиями. «Были бы мы на учениях, я бы повел парней вниз с горы Кент на третий день», — говорил Ник Вокс, командир 42-го отряда коммандос. И все же они смогли выстоять и даже приладиться к суровой стихии. Погоды на всем протяжении зимы стояли холодные или очень холодные. Однако условия все же не были совсем скверными — такими уж буквально невыносимыми, как опасались эксперты и составители планов перед высадкой. Один офицер из 3-й бригады коммандос писал жене в теплых выражениях, в каких обращались к женам сотни воен-

нослужащих: «Долго это тянуться вроде бы не должно, и я обещаю тебе не рисковать зря. Я очень много думаю о тебе и очень люблю тебя. Дорогая, я знаю, как трудно всегда ждать известий, оставаясь зависимым от воли событий, но я верю — у тебя твердый характер и ты отважна, а потому сумеешь пережить тяжелые времена в роли главы семьи. Я так хочу вернуться к тебе и теперь буду ценить нашу жизнь вместе так, как никогда не ценил прежде. Человек слишком многое принимает как данность...»

В те дни ключевое значение имели разведка и патрулирование, необходимые для выявления вражеских позиций. Поступали вызывавшие большую озабоченность в ставке Мура донесения об усилении аргентинцами обороны Западного Фолкленда. Для проверки данных на занимаемый противником берег высаживались команды САС и СБС. 10 июня капитан Джон Хэмилтон, офицер из полка «Грин-Хауардз», служивший в 22-м полку САС и возглавлявший высадку на леднике Фортуна, повел дозор на высоты, господствующие над Порт-Хауардом. В двух милях (3,2 км) к северу от поселка он в компании связиста [этим связистом (радистом) был сержант по фамилии Фосенка (Fosenka). — *Прим. ред.*] приблизился к аргентинским позициям, чтобы получше рассмотреть все самому. Коренастый, походивший фигурой больше на мальчишку, чем на взрослого мужчину, имевший за плечами огромный опыт скалолаза, Хэмилтон аттестовался знавшими его людьми как «классический офицер САС». Он участвовал в рейде на острове Пеббл, в отвлекающем нападении на Дарвин 21 мая, побывал и на горе Кент. Теперь с рассветом на холмах выше Порт-Хауарда капитан и связист очутились в западне, со всех сторон окруженные аргентинскими солдатами [со стороны аргентинцев против капитана Гэйвина Джона Хэмилтона и сержанта Фосенки действовала вся 1-я штурмовая секция 601-й роты коммандос, возглавляемая первым лейтенантом Хосе Мартиниано Дуарте. — *Прим. ред.*]. Оказавшись в скверном положении, они отстреливались до тех пор, пока Хэмилтона не ранили в спину. «Уходи, я тебя прикрою», — приказал он связисту и продолжал стрелять, пока не погиб. Связиста взяли, когда у него кончились боеприпасы. Капитан Хэмилтон был посмертно награжден Военным крестом.

Разведывательный патруль из состава эскадрона «G» САС позаимствовал у владельцев в Блафф-Коув гражданскую яхту, после чего спецназовцы с помощью военных инженеров отремонтировали ее двигатель и средь бела дня поплыли на ней на вос-

ток вдоль берега. Наконец, они вывели свой катер на берег в двух милях (3,2 км) от аргентинских позиций на горе Тамблдаун. Неприятельский вертолет пролетел над головами спецназовцев, но стрелять не стал, а сбитые с толку аргентинцы не предпринимали никаких действий против партии САС на протяжении двух суток, в течение которых бойцы из эскадрона «G» успешно корректировали огонь артиллерии, наводя его на тыльную сторону Тамблдаун. На всем протяжении последней недели войны «силы быстрого реагирования» САС базировались на борту LSL «Сэр Ланселот» в Сан-Карлосе, выдвигаясь в те или иные точки на островах, где требовалось участие спецназа.

Специальный отряд морских пехотинцев, пусть и не такой знаменитый, как САС или СБС, — кадр Горной и арктической войны (Mountain and Arctic Warfare Cadre, сокращенно MAWC) в составе двадцати инструкторов (офицеров и унтер-офицеров), поддержанных вдобавок двадцатью учащимися, вел интенсивное патрулирование и наблюдение впереди от британских позиций. В ходе наступления через остров команда MAWC под началом капитана Рода Босуэлла атаковала партию из шестнадцати аргентинцев, принадлежавших к 602-й роте коммандос, которые укрылись в отдельно стоящем здании, называвшемся Топ-Малоу-Хаус. [В бою 31 мая при ферме Топ-Малоу-Хаус капитан Родерик Босуэлл имел под своим началом 19 бойцов MAWC, которых он разделил на две части — штурмовую группу (12 чел.) и группу огневой поддержки (7 чел.). С аргентинской стороны им противостояли 9 военнослужащих 1-й штурмовой секции 602-й роты коммандос (командующий этой секцией капитан Хосе Арнобио Верчези, первые лейтенанты Луис Альберто Брун, Хуан Хосе Гатти, и Орасио Лосито, лейтенанты Эрнесто Эмилио Эспиноса и Умберто Даниэль Мартинес, первые сержанты Матео Антонио Сберт, Мигель Анхель Кастильо и Умберто Омар Медина), расчет ПЗРК «Блоупайп» (первый капрал Рауль Роберто Вальдивьесо и капрал Карлос Бруно Дельгадильо), первый сержант-санитар (Рауль Эпифанио Педросо) и первый сержант из 601-й роты коммандос (Хуан Карлос Эльгеро), приданный секции Верчези в качестве проводника-разведчика, то есть всего 13 чел., а вовсе не 16. — *Прим. ред.*] После короткой, но ожесточенной схватки британцы взяли девять пленных, остальные неприятельские солдаты погибли в перестрелке или сгорели в доме во время начавшегося там пожара. [По аргентинским данным, в 45-минутном бою при Топ-Малоу-Хаузе были убиты двое военнослужащих

1-й штурмовой секции 602-й роты коммандос (первый лейтенант Эспиноса и первый сержант Сберт), а еще шестеро спецназовцев (первые лейтенанты Брун и Лосито, лейтенант Мартинес, первые сержанты Эльгеро, Кастильо и Медина) — ранены. Командир секции капитан Верчези, первый лейтенант Гатти, первый сержант-санитар Педросо, первый капрал Вальдивьесо и капрал Дельгадильо сдались в плен нераненными. В британском отряде MAWC были ранены: сержант Кристофер Ралф Стоун (пораженный в живот), сержант «Тафф» Дойл и капрал «Таче» Гроувз (снайпер команды, раненный в грудь). Кроме этих трех бойцов, в источниках также упоминается капрал «Мак» Макклин, получивший легкое ранение в руку. — *Прим. ред.*]

Каждую ночь, совершая пусть не столь драматичные, но не менее героические деяния, британские патрули отправлялись в горы Восточного Фолкленда далеко от своих позиций, чтобы выявить минные поля и прощупать оборону противника. Небольшие цепочки воинов в камуфляже — обычно одно отделение саперов и одно стрелковое отделение под началом младшего офицера или унтер-офицера — тихо следовали по склонам холмов до тех пор, пока не приближались к минным полям или позициям противника. «Двигаться было крайне тяжело, — писал сержант Сэм Халкетт из 59-го отдельного инженерного эскадрона коммандос после операции по проверке маршрутов наступления 42-го отряда коммандос. — Наши ноги постоянно уходили в почву. После примерно 1½ километра мы подошли к одиночному ряду заграждений из колючей проволоки. Посмотрев что там, я сообщил командиру, что перед нами вражеское минное поле... Пока мы с капралом Фэрбэрном занимались тем делом, мы заметили костры, горевшие на нижних склонах холмов в 200–300 метрах впереди. Совершенно точно это был неприятель. Я не понимал, почему противник не открывает огонь. Ночь стояла лунная, было светло почти как днем, а мы находились на открытом пространстве, где и укрыться-то негде... Затем мы с капралом Фэрбэрном пошли на минное поле, дабы с помощью штыков проверить, насколько близко одна к одной положены мины и какого они типа... Общая протяженность похода 20 километров, а продолжительность приблизительно 16 часов».

За простыми фразами скрывается смертельная усталость солдат, напряжение из-за вынужденной необходимости проверять минные поля на дистанции уверенного поражения из стрелкового

оружия противника, поиски образцов вражеских мин для последующей технической проверки по возвращении в часть. В одном таком дозоре на том же участке фронта двумя днями спустя один боец морской пехоты лишился ступни на минном поле, и товарищам пришлось тащить его через горы обратно в полном сознании, поскольку в условиях сильного холода морфий как анестезия не подействовал. 6 июня патруль 45-го отряда коммандос под командой лейтенанта Криса Фокса залег, невидимый для неприятеля, на горе Ту Систерз и пролежал полдня, когда на позицию его случайно наткнулась партия из двадцати аргентинцев. В ходе ожесточенной перестрелки британцы убили двенадцать человек и ранили троих, после чего благополучно отступили. [Приведенные здесь цифры аргентинских потерь преувеличены. Согласно источникам, в засаду, которую устроили противнику патруль лейтенанта Кристофера Фокса (командира разведывательного взвода 45-го отряда коммандос) и саперная команда сержанта Сэмьюэла Халкетта (8 чел. из взвода «Кондор» 59-го отдельного инженерного эскадрона коммандос), притаившиеся на участке обнаженной породы у западной оконечности горы Ту Систерз, попала группа саперов из Амфибийной инженерной роты, сопровождаемая 3-м взводом (лейтенанта Марсело Альберто Льямбьяс-Праваса) стрелковой роты «С» 4-го пехотного полка «Коронель Мануэль Фрага». Эти аргентинские солдаты, спускавшиеся с горы, собирались под покровом тумана и моросящего дождя устроить минное поле на южных подступах к своей позиции на Ту Систерз. Обстрелянные патрулем британских морских пехотинцев, они оступили наверх под прикрытием огня артиллерии, но потеряли убитыми трех человек (одного пехотинца и двух саперов). Со стороны британцев пострадал только лейтенант Фокс, получивший сквозное пулевое ранение в руку. Тела погибших вскоре после стычки были забраны аргентинцами с разрешения сержанта Халкетта. — *Прим. ред.*] Когда с первым светом зари бойцы возвращались после подобных прогулок, они не находили ни тепла, ни укрытия, где бы прийти в себя, если не считать возможности съежившись полежать в спальном мешке под импровизированными навесами из пончо, пожевать куриных или говяжьих консервов с картофельным пюре из концентратов, приготовленных на мерцающем огоньке «керосинки». И все же шаг за шагом британцы выстроили картину аргентинской обороны и приступили к планированию маршрутов продвижения в обход минных полей для выхода к вражеским

рубежам. Но без эффективной разведки с воздуха — на «Харриерах» отсутствовали камеры для фотографирования с большой высоты — и без снимков со спутников тактические разведданные удавалось получить в основном за счет отваги и выдержки солдат, шагавших на своих двоих по горам.

Генерал-майор Мур по-прежнему оставался перед дилеммой: каким путем и какими силами должны будут бригады осуществлять попытку прорыва? Все окружавшие его офицеры сходились в одном: если уж британцы начали продвижение, ключевое значение имеет поддержание темпа наступления, и надо вводить в атаку свежие батальоны для развития достигнутого успеха, не давая аргентинцам никакого шанса на перегруппировку. Заместитель Мура, бригадир Джон Уотерз [Чарлз Джон Уотерз (род. 2.09.1935), офицер Глостерширского пехотного полка с 1956 г. (в этом полку он в 1975–1978 гг. командовал 1-м батальоном и в 1984–1991 гг. занимал почетную должность полковника), бригадир и командир 3-й пехотной бригады с 1979 г., заместитель командующего сухопутными силами на Фолклендах в 1982 г., генерал-майор и командир 4-й бронетанковой дивизии в 1983–1985 гг., комендант Штабного колледжа в Кэмберли с 1986 г., генерал-лейтенант, командующий британской армией в Северной Ирландии с 1988 г., полный генерал и главнокомандующий сухопутными силами Соединенного Королевства с 1990 г., заместитель верховного главнокомандующего союзными войсками в Европе в 1993–1994 гг., затем в отставке. — *Прим. ред.*], входил в группу тех, кто высказывались в пользу нанесения главного удара на южной оси, в направлении гор Харриет и Тамблдаун, а Ту Систерз и гору Лонгдон предлагали вообще не трогать. Если вражеские позиции тут окажутся обойденными с фланга, то рухнут сами. Однако по убеждению бригадира Джулиана Томпсона, дабы бесперебойно поставлять снабжение на передовую и вывозить в тыл раненых, когда сражение начнется, британцы должны будут использовать все многообразие воздушных и сухопутных маршрутов и развивать наступление на широком фронте от горы Лонгдон и далее до горы Харриет. Мнение Томпсона победило. По плану, утвержденному Муром 8 июня во время совещания на борту «Фирлесса» за несколько часов до трагедии с «Галахадом», 3-й бригаде коммандос предстояло дать старт наступательной операции на горе Лонгдон, высотах Ту Систерз и Харриет. 2-й парашютный батальон оставался в резерве. В следующую ночь три батальона 5-й

пехотной бригады — Шотландские гвардейцы, Валлийские гвардейцы и гуркские стрелки — продвинутся вперед через позиции коммандос для штурма гор Тамблдаун и Уильям. Затем вновь придет черед 3-й бригады коммандос и так далее до тех пор, пока не падет оборона противника.

Худшим результатом гибели «Атлантик Конвейора» стала утрата британскими войсками стратегической гибкости, ибо она обусловливается подвижностью на поле боя, а потому потерянные «Чинуки» оказались поистине незаменимыми, пусть даже на сушу тонкой струйкой прибывали вертолеты «Уэссекс» с их пилотами. Организация дела в части вертолетов заслуживала звания одного из наименее удовлетворительных аспектов в кампании у британцев. Крохотный военно-морской штаб пытался руководить движением нескольких эскадрилий транспортных вертолетов, что неизбежно приводило к неразберихе и напрасной трате сил. Случалось, что вертолеты простаивали на борту кораблей Королевских ВМС, поскольку штаб вертолетчиков просто-напросто не знал об их существовании. Пилоты летали до полного изнеможения, порой по девять или десять часов не покидая кабин, еду и питье им просовывали в окошки, пока техники занимались дозаправкой машин. Бригады техобслуживания в их палаточном лагере созданной на берегу передовой базы трудились над летательными аппаратами при свете фонарей по ночам, достигая поистине чудес, — на всем протяжении сухопутной операции в боеготовности находилось 90 процентов парка. Вертолетчикам приходилось всегда оставаться в напряжении, транспортируя артиллерийские орудия и боеприпасы и непрестанно следя за горизонтом, не покажется ли вражеская авиация. Стараясь не попасться на глаза противнику, они стремились летать как можно ближе к земле и сделались настоящими экспертами в деле мгновенного нахождения укрытий в складках местности в случае атаки неприятельских самолетов. Но факт оставался фактом: вертолетов отчаянно не хватало. Если бы британское наступление застопорилось, сухопутные силы утратили бы способность к быстрой переброске войск с фланга на фланг или, скажем, к срочной доставке батареи орудий для прикрытия нового участка на передовой. Все находившиеся в распоряжении войск вертолеты оказались бы полностью задействованы на подвозе боеприпасов и других предметов снабжения, необходимых для продолжения наступления.

Адмирала Вудварда все больше и больше беспокоила проблема с сокращением количества кораблей для обеспечения огневой поддержки с моря. От максимума в двадцать шесть единиц, находившихся в наличии до последних дней мая, в первые недели июня парк имеющихся в распоряжении готовых к боевым действиям военных судов резко сократился. Адмирал предупредил генерал-майора Мура, что каждую ночь после начала сражения количество задействованных в нем корабельных орудий будет снижаться. «Аргонот» в конечном счете удалось избавить от неразорвавшихся бомб после того, как старший минер-водолаз, лейтенант-коммандер Брайан Даттон, проработал в чреве судна целую неделю и однажды наконец появился, придерживая бомбу на боевом взводе руками, точно ценную ношу, пока другие поднимали ее лебедкой и опускали за борт. Фрегату удалось избежать и новой беды. В стремлении избавиться от неприятного соседства с бомбой корабль дал задний ход, но трос намотался на винт, вследствие чего движение назад стало приводить к прямо противоположному результату — бомба поднималась обратно на борт. Суб-лейтенант Питер Морган нырнул, чтобы выпутать трос. Наконец «Аргонот» освободился от опасной обузы и отправился на восток от Фолклендских островов к плавучей судоремонтной мастерской «Стена Сиспред», где техники занимались полным драматизма делом — латанием боевых кораблей в открытом море.

Спасение «Аргонота» вошло в историю как достойное пера поэта деяние Королевских ВМС в ту войну. Однако едва ли не каждый корабль оперативного соединения находился на пределе возможностей. 30 мая ударная группа пережила еще один налет с применением «Экзосет», когда наводчик 4,5-дюйм. пушки с «Эйвенджера» сумел достигнуть замечательного результата, сбив ракету метким выстрелом. [Речь идет о комбинированной операции ВВС и военно-морской авиации Аргентины, предпринятой 30 мая 1982 г. против британского авианосца «Инвинсибл» и его эскорта. Командование ВМА выделило для нее два «Супер-Этандара» из 2-й ударной морской авиаэскадрильи: 3-А-202 капитана корвета Алехандро Амадео Франсиско и 3-А-205 лейтенанта корабля Луиса Антонио Коллавино. Вылетев в 12.30 из Рио-Гранде, с военно-морской авиабазы «Альмиранте Кихада», они намеревались атаковать «Инвинсибл» к востоку от Фолклендов, причем для его поражения аргентинские летчики располагали только одной авиационной ракетой АМ 39 «Экзосет», которую нес само-

лет лидера пары. В то время как четыре штурмовика А-4С «Скайхок», составлявшие звено «Сонда» (Zonda) из 4-й ИАГ, производили атаку на корабли охранения, вызывая на себя их огонь, двойка «Супер-Этандаров», имевшая позывной «Ала» (Ala, «Крыло»), выходила на исходные рубежи для нанесения решающего удара. В 14.30 капитан корвета Франсиско с расстояния 44,4 км (24 морские мили) выпустил по британскому авианосцу свою единственную ракету «Экзосет», после чего оба «Супер-Этандара» вернулись в Рио-Гранде, где их пилоты доложили об уничтожении цели. В действительности ни один из авианосцев оперативно-тактической группы контр-адмирала Дж. Ф. Вудварда в тот день не был потоплен, а полет аргентинской ракеты «Экзосет» прервал эсминец «Эксетер», расстрелявший ее с дистанции 12,8 км из 4,5-дюймовой (114-мм) артиллерийской установки. — *Прим. ред.*] «В тот раз нам дали сорок пять секунд на подготовку, — писал Дэйвид Тинкер с «Гламоргана». — Мы развернулись, заняв позицию (носом по отношению к курсу ракеты), и выстрелили «соломой»... Атаки не особенно пугают, поскольку быстро заканчиваются. Когда ждешь в полной готовности в жестянке-шлеме у себя на голове, возникает странное чувство — нечто похожее на «Goodbye, cruel world» [«Прощай, жестокий мир» — композиция из вышедшего в 1979 г. музыкального альбома «Стена» британской рок-группы «Пинк Флойд». — *Прим. пер.*]. Ты начинаешь думать: «Да они, наверное, спятили. Они что, не знают, насколько опасно стрелять в людей?» Лучшее, что тут можно поделать, малость промочить горло перед налетом. Я выпил перед атакой «Экзосет» и пульс мой был вполне нормальным, хотя, когда по трансляции кричали «воздушная атака, воздушная атака!», мыслил я в непечатных выражениях. Но тем, кто в оперативной рубке, хуже — они видят, как это дело движется в направлении к нам. Следивший за полетом офицер в ней говорил, что сердце у него билось так, что чуть не выскакивало из грудной клетки. Бедняга — неведение в таких случаях есть благословение». И все же, как оказалось, тот запуск авиационной «Экзосет» аргентинцами стал последним в истории войны. Команда танкера «Бритиш Уай» в тот день пережила необычайную атаку, когда рядом упали бомбы с аргентинского транспортного самолета «Геркулес». [На самом деле эпизод с танкером «Бритиш Уай» произошел не 30 мая, а 29-го. В тот день вышеупомянутый танкер, перевозивший топливо для британского оперативного соединения, подвергся к северу от острова Южная

Георгия бомбардировке с воздуха, проведенной модифицированным транспортным самолетом С-130Н «Геркулес» аргентинских ВВС. На «Бритиш Уай» были сброшены восемь 500-фунтовых авиабомб, из которых только одна попала в судно, но не взорвалась (ударившись о переднюю палубу, она отскочила от нее и упала за борт). Следует отметить, что военно-воздушные силы Аргентины не признают сам факт этой бомбовой атаки: по их данным, 29 мая ни один из аргентинских «Геркулесов» вообще не совершал полетов над тем районом Южной Атлантики. — *Прим. ред.*]. Действия противника становились все более отчаянными.

* * *

Утром 11 июня на склонах холмов по всему занимаемому британцами кряжу командиры частей 3-й бригады коммандос инструктировали личный состав перед сражением. Многие использовали макеты местности, сделанные из художественным образом разложенных пончо, на которых с помощью подручных средств наносили направления наступления формирований. Вокруг каждого командира кружком сидели на корточках сжавшиеся от холода офицеры, слушая, как он обрисовывал им временные рамки работы по противнику минометов и артиллерии, графики действий на разных фазах операции. «Это решающая битва в войне, — подчеркивал командир 42-го отряда коммандос Ник Вокс и продолжал ровным мягким голосом: — Внезапность и абсолютная тишина жизненно важны. Если надо, можете заняться старым добрым делом — прикажите всем попрыгать перед началом, дабы убедиться, что ни у кого в снаряжении ничего не дребезжит и не гремит. Кашляющих придется оставить в тылу. Если очутитесь на минном поле, помните — надо идти вперед. Никому нельзя останавливаться, как бы ни просили. Надо наступать без остановок — довести атаку до конца, иначе в итоге погибнет больше людей».

Пока он проводил инструктаж, на покрытой поземкой земле вокруг него солдаты собирали оружие и военное снаряжения в подготовке к вертолетной переброске на исходные рубежи — туда, откуда коммандос начнут марш. «Противник надежно окопался на очень сильных позициях, — заканчивал свою речь Вокс. — Однако я уверен, когда мы будем там, среди них, они долго не продержатся. Я хочу видеть в конце, как «арджи» кубарем скатываются по этим холмам к Порт-Стэнли, показывая

остальным, что то же самое случится и с ними». После опыта боев в Гуз-Грине сделалось очевидным, что в ночных условиях качество подготовки и выучка британцев дает им огромное преимущество перед противником. Солдатам Томпсона предстояло наступать в темноте и стремиться достигнуть целей до рассвета.

На протяжении всей долгой и студеной второй половины дня бойцы стояли, били ногой об ногу и о землю, болтали, пили чай и рассматривали в бинокли странную чужую местность, казавшуюся им этаким лунным ландшафтом, вглядывались во вражеские позиции, которые им предстояло атаковать. Затем с наступлением сумерек длинные цепочки тяжело нагруженных людей приступили к движению вперед, зная, что то же самое делают сейчас тысячи других воинов по всей протяженности британского фронта. Британские пушки вели беспокоящий огонь по неприятелю на протяжении нескольких ночей. Теперь артиллерия принялась бить по-настоящему, причем стреляли не все сразу и не с одной позиции, а залпы — неожиданно громкие и пугающие — раздавались из разных точек, в том числе и с моря, где медленно курсировали туда и сюда вдоль огневого рубежа четыре фрегата [согласно плану британского командования, огневую поддержку 42-му отряду коммандос, имевшему целью своего наступления гору Харриет, оказывал фрегат «Ярмут», 45-му отряду коммандос, атаковавшему гору Ту Систерз, — эсминец «Гламорган», и 3-му батальону Парашютного полка, наступавшему на гору Лонгдон, — фрегат «Эйвенджер». — *Прим. ред.*]. Аргентинцы отвечали нерешительно, били неточно, поднимая фонтаны грязи и дыма далеко в стороне от наступавших британцев. В сгущающейся темноте нервные защитники требовали стрельбы осветительными снарядами. Вспышки и свет над головами заставляли идущих солдат замирать на месте стоя или присев. Казалось невозможным, что их не заметят. И все же, когда свет гас, тишина возвращалась в горы. Шепотом по рядам и колоннам передавались предостерегающие команды первопроходцев: «Идти точно по следу человека впереди. Отсюда и далее другого чистого пути через минные поля нет». И вот так они шли, шли и шли по замерзшим и пустынным горам.

Объектом наступления 42-го отряда коммандос Вокса служила гора Харриет — крутой одинокий кряж в самой дальней южной оконечности гряды высот. [Скалистая гора Харриет (Монте Энрикета), протянувшаяся на 600 ярдов (около 550 м), снижается с востока на запад. Вблизи проселочной дороги, ведущей в Порт-Стэнли, ее

высота составляет 300 футов (91,4 м), а в наивысшей точке достигает 850 футов (259 м). В 1200 ярдах (1097 м) к северу от горы Харриет находится хребет Гоут-Ридж (Goat Ridge, «Козлиный хребет»), имеющий протяженность 2000 ярдов (1829 м) и высоту до 600 футов (182,8 м). Ближайший к этим позициям британский наблюдательный пункт размещался на горе Уолл, которой подполковник Ник Вокс дал кодовое обозначение «Тара» (Tara), по имени одной из своих дочерей. Гору Харриет и хребет Гоут-Ридж, то есть следующие объекты приложения сил 42-го отряда коммандос, он назвал, соответственно, «Зоя» (Zoya) и «Катрина» (Katrina), используя в первом случае имя своей жены, а во втором — имя другой дочери. — *Прим. ред.*] Патрули разведали длинный и обходной маршрут, позволявший стрелковым ротам зайти и атаковать аргентинские расположения с тыла. [Со стороны аргентинцев обороной позиций на горе Харриет руководил подполковник Диего Алехандро Сориа, командир 4-го механизированного пехотного полка «Коронель Мануэль Фрага». Разместив к северу от горы, на гребне Гоут-Ридж, один из взводов своего полка (2-й взвод стрелковой роты «А» под командой суб-лейтенанта Оскара Аугусто Сильвы), Сориа распределил оборону горы Харриет между штабной ротой первого лейтенанта Луиса Оскара Гарсии и стрелковой ротой «В» первого лейтенанта Карлоса Альберто Арройо. Кроме подразделений 4-го пехотного полка, подполковник имел в своем распоряжении взвод суб-лейтенанта Селестино Мостейрина из 12-го пехотного полка (остаток боевой команды «Солари»), охранный взвод штаба 3-й механизированной пехотной бригады во главе с лейтенантом Пабло Андресом Оливой и команду пулеметчиков из состава Конно-гренадерского полка «Хенераль Сан-Мартин» — элитной воинской части, выполняющей функции эскорта президента Аргентины (в начале июня 10 чел. из сводного эскадрона «Принглес» этого полка — восемь рядовых гренадеров, разделенных на четыре группы, каждая из которых обслуживала один универсальный пулемет MAG, плюс два унтер-офицера — были переброшены на пассажирских самолетах F27 «Френдшип» в Порт-Стэнли, после чего два пулеметных расчета под началом первого капрала Антонио Риверо присоединились к 4-му пехотному полку на горах Харриет и Ту Систерз, а две другие группы во главе с капралом Хуаном Карлосом Кампоем — к отряду 7-го пехотного полка на горе Лонгдон). Инженерным обеспечением всех оборонительных позиций на горе Харриет занимались саперы (2-й взвод 10-й инженерной роты и группа из Амфибийной инженерной

роты морской пехоты), усилиями которых, в частности, было сооружено минное поле, защищавшее подступы к горе с юго-западной стороны. В общей сложности гору Харриет и хребет Гоут-Ридж обороняли около 400 аргентинских военнослужащих. Рота «B» 4-го пехотного полка занимала позицию на западных склонах горы, развернув слева (к западу от скалистой западной вершины) 2-й взвод суб-лейтенанта Эухенио Сесара Альфредо Бруни, а справа (к северо-западу от западной вершины) — 3-й взвод суб-лейтенанта Лаутаро Хосе Хименес-Корвалана. Непосредственно за ними располагались охранный взвод бригадного штаба и взвод поддержки роты «B» (под командой суб-лейтенанта Даниэля Альберто Монетти), а еще глубже, — штабная рота 4-го полка. Южные склоны горы Харриет занимала пулеметная команда конных гренадеров, имевшая слева от себя разведывательный взвод 4-го пехотного полка под командой суб-лейтенанта Хорхе Пазолли. Суб-лейтенант Марио Эктор Хуарес со своим взводом 81-мм минометов (из 4-го полка) окопался на восточной вершине, обеспечивая огневое прикрытие взводу суб-лейтенанта Мостейрина из 12-го пехотного полка, занимавшему позицию на восточных склонах. Внешнюю огневую поддержку отряду подполковника Сориа оказывали 3-й дивизион полевой артиллерии и батарея «B» полевого артиллерийского батальона морской пехоты. Следует упомянуть, что еще до британского штурма, предпринятого в ночь с 11-го на 12 июня, бойцы подполковника Сориа понесли потери в стычках с противником во внешней оборонительной зоне. Так, двое рядовых пехотинцев погибли и один капрал получил тяжелое ранение в голову 3 июня при столкновении патрульного взвода суб-лейтенанта Хименес-Корвалана с разведывательным взводом лейтенанта Криса Марвуда из 42-го отряда коммандос и командой передового наведения авиации, возглавляемой флайт-лейтенантом КВВС Деннисом Маршалл-Хазделлом. Еще двое солдат были убиты в ночь с 8-го на 9 июня, когда оборону аргентинцев на горе Харриет прощупывал 1-й взвод роты «K» (Kilo, «Килоу») 42-го отряда коммандос под началом лейтенанта Марка Таунсенда. — *Прим. ред.*] Процесс продвижения представлялся очень рискованным, поскольку весь путь пролегал по открытой местности, на которой аргентинцы должны были всенепременно заметить британцев, если бы не поленились как следует воспользоваться имевшимися у них приборами ночного видения. [42-й отряд коммандос (стрелковые роты «J», «K» и «L», которыми командовали майор Майкл Дж. Норман, капитан Питер М. Баббингтон и капи-

тан Дэйвид Г. Уин, плюс рота огневой поддержки капитана Филипа Уилсона, включавшая минометный взвод лейтенанта Ричарда Рафферти и взвод ПТРК MILAN лейтенанта Колина Бидона) и приданные ему подразделения (разведывательный взвод Валлийских гвардейцев под началом лейтенанта Уильяма Джона Симза, 7-я батарея коммандос майора Дэйвида Брауна с шестью 105-мм орудиями, 3-я команда передовых наблюдателей-корректировщиков капитана Джозефа Хью Макманнерса из 148-й батареи коммандос и 2-й взвод 59-го отдельного инженерного эскадрона коммандос, возглавляемый капитаном Эйдрианом Хиксом) насчитывали вместе около 600 чел.; в резерве у них находился 1-й батальон Валлийского гвардейского полка, усиленный стрелковыми ротами «A» и «B» 40-го отряда коммандос (эти временно приданные роты компенсировали потери, понесенные валлийцами 8 июня при налете аргентинской авиации на «Сэр Галахад»). Согласно плану наступления, развернувшегося 11 июня, стрелковая рота «K» 42-го отряда коммандос покинула в 16.15, сразу после заката солнца, занимаемую ею позицию на горе Челленджер и выдвинулась в район сосредоточения вблизи горы Уолл, где ее бойцы оставили свои рюкзаки-«бергены», а затем, ведомые 9-м взводом роты «J», совершили вечерний марш-бросок и, обойдя гору Харриет с юга, заняли к 22.15 исходную линию к юго-востоку от нее. Вслед за ними тот же путь от горы Челленджер проделала рота «L» капитана Уина, которая, хотя и заблудилась на марше, все же вышла к 22.45 на стартовый рубеж, где расположилась левее роты капитана Баббингтона. В ходе штурма роте «K» (правофланговой) предстояло овладеть позициями отдельного взвода 12-го пехотного полка (из ОК «Солари»), минометного и разведывательных взводов 4-го пехотного полка, а затем, после захвата восточной вершины горы Харриет, наступать к ее западной вершине. Рота «L» (левофланговая) должна была приблизиться к позициям противника с юго-востока, выбить взвод охраны штаба аргентинской 3-й пехотной бригады с центральной части южных склонов горы Харриет, захватить западную оконечность последней и наступать оттуда на север, к хребту Гоут-Ридж (объекту «Катрина»). С запада, со стороны горы Уолл, против аргентинских защитников горы Харриет должна была вести отвлекающие действия стрелковая рота «J» (10-й и 11-й взводы). На горе Уолл, носившей кодовое наименование «Тара», располагался также сам подполковник Вокс с тактическим штабом 42-го отряда коммандос. — *Прим. ред.*] И все же план Вокса удался. Отмечались,

правда, несколько раздражающих проволочек, когда одна рота заблудилась на марше, а другая никак не могла войти в контакт с Валлийскими гвардейцами, которым предстояло закрепиться на исходной линии [9-й взвод роты «J», шедший впереди роты «K» 42-го отряда коммандос, не сразу смог связаться с разведывательным взводом Валлийских гвардейцев, которому было поручено обеспечить и разметить стартовую позицию, вследствие чего морские пехотинцы, продвинувшись на несколько сот метров в неверном направлении, оказались не с той, где надо, стороны изгороди, обозначавшей исходную линию для атаки. — *Прим. ред.*]. Но Вокс упорно сохранял спокойствие и не спешил. «Мы будем поддерживать тактический интервал между ротами во время движения по открытому пространству», — твердо и упорно говорил он по рации. Наконец — пусть с опозданием, но зато без царапинки — отряд вышел на заданную позицию. В процессе массированного артиллерийского обстрела с моря и суши десантники принялись карабкаться по склонам. Британцам оставалось всего 100 ярдов (91 м) до вершины, когда противник наконец заметил их и открыл огонь. Рота «К» капитана Питера Баббингтона применила против зарывшихся в скалах аргентинцев 66-мм и 84-мм гранатометы и универсальные пулеметы, по-лягушачьи перепрыгивая с места на место во время взрывов, зачищая долговременные огневые сооружения с помощью стрелкового оружия и гранат. Между взрывами на склонах раздавались выкрики британцев «шестьдесят шестой!» и «граната!», призванные упредить товарищей перед новым выстрелом или броском. Многие солдаты противника побежали раньше, чем морские пехотинцы успели добраться до них. Но когда парни Баббингтона сблизились с неприятелем, по ним принялась бить вражеская артиллерия, ранив четырех человек штаба роты. Один унтер-офицер погиб при штурме бункера. Капрал Ларри Уоттс забрасывал неприятельскую позицию гранатами, затем обогнул валун и неожиданно увидел перед собой винтовочное дуло. Раненный выстрелом в шею, он схватился за ствол, чтобы отбросить его в сторону, но другая пуля попала отважному бойцу прямо в сердце. Капрал Стив Ньюленд, раненный в обе ноги, сидя продолжал по рации направлять действия своего отделения в атаке. [Во время штурма горы Харриет капрал Стивен Чарлз Ньюленд, командовавший отделением в 1-м взводе стрелковой роты «К», приблизился примерно на 150 метров к расположению штаба подполковника Сориа и обошел группу аргентинских солдат, которую возглавлял первый лейтенант Хорхе

Агустин Эчеверриа (начальник разведки 4-го пехотного полка). Эта полудюжина бойцов с одним универсальным пулеметом сидела в засаде, и капрал Ньюленд решил вылезти из своего укрытия, чтобы атаковать ее. Метнув во врагов гранату, он разделался с двумя аргентинцами, составлявшими расчет пулемета MAG, но затем, оказавшись в тылу пулеметного гнезда, получил пулевые ранения в обе ноги. После того как аргентинский пулемет был выведен из строя, два других британских капрала, Майкл («Мик») Экклз и Кристи Найджел Хэнслип Уорд (оба из 3-го взвода роты «К») с помощью рядового морской пехоты Николаса Джона Барнетта смогли зачистить позицию противника. За проявленную ими отвагу капралы С.Ч. Ньюленд, М. Экклз и К. Н.Х. Уорд были награждены Военной медалью, а рядовой Н. Дж. Барнетт упомянут в приказе. — *Прим. ред.*] Когда рота «L» стала постепенно перебираться в направлении второго объекта коммандос, рота «К» уже взяла свыше семидесяти пленных и обеспечила вершину горы Харриет ценой потери всего одного человека. [В то время как рота «К» овладела восточной вершиной горы Харриет, рота «L», хорошо поддержанная огнем 7-й батареи коммандос, выбила взвод охраны штаба 3-й пехотной бригады с его позиции на южных склонах, но затем столкнулась со 2-м взводом роты «В» 4-го пехотного полка, прибывшим на помощь охранному взводу. Вдоль гребня горы завязался упорный бой, и морским пехотинцам капитана Дэйвида Уина понадобилось около шести часов, чтобы продвинуться на 600 метров. Подполковник Диего Сориа, перенесший свой командный пункт на западную вершину горы, хотел организовать контратаку, но отказался от этого намерения, видя что подразделения его полка отрезаны от Порт-Стэнли. Прежде чем его КП был захвачен британцами, он приказал своим бойцам пробиваться к горе Тамблдаун, однако только взводу суб-лейтенанта Оскара Сильвы на хребте Гоут-Ридж и взводу суб-лейтенанта Лаутаро Хименес-Корвалана на северных склонах горы Харриет удалось избежать пленения. Сам подполковник Сориа вскоре тоже попал в плен. Схватки еще продолжались, когда около 6 часов утра 12 июня командир 42-го отряда коммандос выдвинулся со своим тактическим штабом по нерасчищенному от мин прямому пути, ведущему от горы Уолл к западным склонам горы Харриет. Тем же маршрутом к Харриет проследовала рота «J» майора Нормана, имевшая приказ занять оборонительную позицию на случай возможной аргентинской контратаки со стороны горы Тамблдаун. Между тем рота «L», действуя в соответствии

с планом, быстро преодолела открытый участок местности между горой Харриет (объектом «Зоя») и хребтом Гоут-Ридж (объектом «Катрина»), однако попала под огонь аргентинского взвода суб-лейтенанта Сильвы, закрепившегося на западных скалах хребта. Тогда 5-й стрелковый взвод лейтенанта Джерри Бернелла отошел назад, чтобы обеспечить огневое прикрытие атаки, а 4-й взвод лейтенанта Кена Макмиллана продолжил наступление и захватил объект. С британской стороны в бою 11/12 июня за гору Харриет погибли только двое военнослужащих (капралы Джереми Смит и Лоренс Джордж Уоттс из 42-го отряда коммандос морской пехоты) и еще двадцать шесть были ранены. Урон аргентинцев, с учетом потерь в стычках, предшествующих штурму, и бойцов, выбывших из строя на хребте Гоут-Ридж, составил 18 чел. убитыми, 50 ранеными и более 300 пленными. В число раненых входят четыре офицера 4-го пехотного полка — первый лейтенант Хорхе А. Эчеверриа, суб-лейтенанты Эухенио С.А. Бруни, Лаутаро Х. Хименес-Корвалан и Марио Э. Хуарес. — *Прим. ред.*] Достойное всяких похвал деяние, и особенно потому, что бригадир Томпсон твердо считал Харриет самой трудной целью бригады.

45-й отряд коммандос тоже очень припозднился с выходом с исходной у высоты Муррелл-Бридж для наступления на Ту Систерз, поскольку бойцам очень долго пришлось идти в темноте. [45-й отряд коммандос подполковника Эндрю Фрэнсиса Уайтхеда состоял из стрелковых рот «X» (X-Ray, «Икс-Рэй», рентгенов луч), «Y» (Yankee, «Янки») и «Z» (Zulu, «Зулу»), которыми командовали капитан Йэн Р. Гардинер, майор Р. Дж. Дэйвис и капитан Майкл Э.Ф. Коул, штабной роты и роты поддержки. Вместе с приданными подразделениями — 8-й батареей коммандос майора Энтони Дж. Райса, располагавшей шестью 105-мм орудиями, 5-й командой передовых наблюдателей-корректировщиков капитана Кристофера (Криса) Брауна из 148-й батареи коммандос, взводом «Кондор» капитана Джеффри Арнолда Данстоуна из 59-го отдельного инженерного эскадрона коммандос и противотанковым взводом 40-го отряда коммандос, оснащенным ПТРК MILAN, — Уайтхед имел под своим началом около 600 чел. Резервом этого формирования являлся 2-й батальон Парашютного полка. С аргентинской стороны позиции на горе Ту Систерз (Дос Эрманас) защищал отряд из 170 чел., возглавляемый майором Рикардо Марио Кардоном, заместителем командира 4-го механизированного пехотного полка «Коронель Мануэль Фрага». Ядро этого отряда составляла

стрелковая рота «С» 4-го пехотного полка под командой капитана Эдуардо Умберто Маррегана. Ее 1-й и 2-й взводы, которыми командовали суб-лейтенанты Мигель Карлос Хулио Москера-Гутьеррес и Даниэль Хорхе Перес-Гранди, занимали северо-восточный пик горы Ту Систерз, получивший у британцев кодовое название «Саммер Дэйз» (Summer Days, «Летние дни»). Для укрепления их позиций на западных скалистых утесах этого пика были сооружены бункеры. На северо-восточном пике также размещались командный пункт майора Кордона и саперное отделение капрала Марио Марвиля Пачеко из 2-го взвода 10-й инженерной роты (остальные отделения этого взвода находились на горе Харриет). Другой, юго-западный пик горы Ту Систерз британцы окрестили «Лонг Тоунейл» (Long Toenail, «Длинный ноготь»). На скалах, образующих его крайнюю западную оконечность, держал оборону 3-й взвод суб-лейтенанта Марсело Альберто Льямбьяс-Праваса, а в центре располагались два 81-мм миномета из ротного взвода огневой поддержки суб-лейтенанта Луиса Карлоса Мартельи. К северо-западу от позиции 3-го взвода роты «С», на открытом склоне, располагался 1-й взвод стрелковой роты «А» 4-го пехотного полка под командой суб-лейтенанта Хуана Насера. Для поддержки отряда Кордона аргентинское командование выдвинуло в пространство между горами Лонгдон и Ту Систерз стрелковую роту «В» 6-го механизированного пехотного полка «Хенераль Хуан Хосе Виамонте» во главе с офицером полкового штаба, майором Оскаром Рамоном Хайметом, и ротным командиром, первым лейтенантом Раулем Даниэлем Абельей (два ее взвода оседлали проселочную дорогу Порт-Стэнли — Эстансия, а третий располагался вблизи северо-восточного пика горы Ту Систерз). Вместе с этой ротой, носившей почетное название «Перибебуй» (Peribebuy, в честь победы над парагвайцами 12 августа 1869 г.), численность защитников Ту-Систерз достигала 350 чел. — *Прим. ред.*] Рота «Х», атаковавшая южный пик, выполнила задачу без проблем, но затем, при штурме второго холма, ее приковал к земле пулеметный огонь аргентинцев. [Стрелковая рота «Х» капитана Йэна Р. Гардинера (1-й, 2-й и 3-й взводы лейтенантов Джеймса Келли, Кристиана Т. Г. Кароу и Дэйвида Дж. Стьюарта), развернутая на стартовой линии вдоль русла речки Муррелл, к западу от горы Челленджер, перешла в наступление в 23.15 и достигла подножия Ту-Систерз. Ее 1-й взвод остановился там, чтобы пропустить вперед 3-й взвод, который, продвинувшись примерно на

550 метров вверх по склону, в 23.30 попал под сильный пулеметный огонь с позиции, занимаемой тридцатью аргентинскими бойцами суб-лейтенанта Марсело А. Льямбьяс-Праваса (3-м взводом роты «С» 4-го пехотного полка). Затем суб-лейтенант Льямбьяс-Правас, только в апреле 1982 г. выпущенный из Национальной армейской академии, решил провести контратаку. Его пехотинцев поддержали саперы капрала Пачеко, прибывшие с северо-восточного пика Ту Систерз, и вся эта группа аргентинцев, с примкнутыми штыками и с криками «сапукай!» (боевым кличем индейцев-гуарани) бросилась на британских морских пехотинцев. Однако до рукопашной дело не дошло. Капитан Йэн Гардинер отвел 3-й взвод лейтенанта Дэйвида Стьюарта назад, чтобы позицию противника смогли накрыть огнем орудия 8-й батареи коммандос и минометы, однако артиллеристы в то время выполняли другую задачу, а минометчики смогли сделать только несколько выстрелов, после чего станины их минометов утонули в вязком торфяном грунте. Тогда противотанковый взвод из роты огневой поддержки 45-го отряда коммандос выпустил по солдатам суб-лейтенанта Льямбьяс-Праваса ракеты из ПТРК MILAN, а 2-й стрелковый взвод лейтенанта Криса Кароу развернул атаку против позиции аргентинского взвода огневой поддержки, которым командовал суб-лейтенант Луис К. Мартелья. Постепенно морские пехотинцы капитана Гардинера разделались с пулеметчиками противника и, несмотря на заградительный огонь аргентинской артиллерии (орудий 3-го артиллерийского дивизиона — трех 105-мм гаубиц, стрелявших с позиции у Муди-Брука, и одной 155-мм гаубицы, выставленной на горе Сэппер-Хилл), к 2.45 пополуночи выбили пехотинцев суб-лейтенанта Льямбьяс-Праваса и саперов капрала Пачеко с пика «Лонг Тоунейл». — *Прим. ред.*] Противник бил также из минометов и безоткатных орудий, но десантники выпустили по аргентинским позициям три 66-мм реактивных снаряда, два из которых угодили в заданные мишени. В то время как рота «X» продолжала действовать в традиционном духе, сочетая огневую мощь и маневр, бойцы рот «Y» и «Z» принялись карабкаться вверх [стрелковые роты «Y» и «Z» наступали к горе Ту Систерз с северо-запада, со стороны стартовой позиции у Муррелл-Бриджа, носившей кодовое название «Паб Гарден» (Pub Garden, «Общественный сад»), причем рота «Янки» атаковала правее (южнее) роты «Зулу». — *Прим. ред.*]. Рота «Z» бросилась на штурм вражеского опорного пункта, издавая боевой клич «Зулу!», и овладела им без потерь,

однако трое взводных командиров роты «Y» получили ранения от минометного огня, а один сапер погиб. [Сапер Кристофер Джоунз из 59-го инженерного эскадрона коммандос погиб при разрыве мины, которую выпустил по британцам один из аргентинских 120-мм минометов, приданных роте «B» 6-го пехотного полка (эта же мина, угодившая в середину 9-го взвода роты «Z», ранила двух его командиров отделений). Что касается смелой атаки с ротным боевым кличем «Зулу!», то ее инициатором был командир 8-го взвода роты «Z» лейтенант Клайв Дайтор, награжденный впоследствии Военным крестом. В ходе штурма объекта «Санни Дэйз» (северо-восточного пика горы Ту Систерз) 8-й взвод Дайтора атаковал позицию аргентинского стрелкового взвода суб-лейтенанта Москеры, а 7-й взвод лейтенанта Пола Манселла — позицию стрелкового взвода суб-лейтенанта Перес-Гранди. Огневую поддержку атакующим оказывал минометный взвод 45-го отряда коммандос, обстреливавший тыльную часть пика «Саммер Дэйз», куда ранее майор Кардон отвел 1-й взвод роты «A» суб-лейтенанта Хуана Назера, рассчитывая использовать его как резерв своего отряда. Британским коммандос потребовалось около часа, чтобы сломить сопротивление аргентинских пехотинцев и овладеть их позициями. Захватив у противника 12,7-мм пулемет, 8-й взвод роты «Зулу» продолжал наступать дальше вместе с этим трофеем. Бойцы лейтенанта Дайтора разбили 1-й взвод роты «C» 4-го пехотного полка (командир этого взвода, суб-лейтенант Москера-Гутьеррес, получил тяжелое ранение) и по приказу подполковника Уайтхеда продвинулись к южным склонам пика «Саммер Дэйз», но затем, миновав его гребень, были прижаты к земле огнем аргентинской роты «B» 6-го пехотного полка. Между тем британская рота «Y» («Янки»), не участвовавшая в штурме, предпринятом ротой «Z», попала в процессе своего наступления к горе Ту Систерз под артиллерийский и минометный обстрел, от которого потеряла ранеными двух взводных командиров, лейтенантов Дж. Р. Дэйвиса и П. Р. Деннинга (авторы книги пишут о ранении всех трех взводных командиров этой роты, но это ошибка — третьим офицером 45-го отряда коммандос, раненным в бою за Ту-Систерз, был лейтенант Кристофер Фокс, который командовал разведывательным взводом, входившим в состав отрядной роты поддержки). По приказу подполковника Уайтхеда рота «Янки» продвинулась в седловину между двумя пиками, после чего, продолжая наступать в восточном направлении вдоль южных скло-

нов пика «Санни Дэйз», она оказалась под сильным огнем со стороны штаба майора Кордона, а затем и с позиций роты «В» 6-го пехотного полка. Тем временем выстрелы британских минометов привели в расстройство аргентинский резервный взвод суб-лейтенанта Назера, и составлявшие его молодые солдаты-призывники начали разбегаться. Когда около 3 часов ночи морские пехотинцы взяли в плен майора Рикардо Кардона на его командном пункте, система обороны Ту Систерз окончательно развалилась. Не имея телефонной связи с КП начальника аргентинского отряда, взвод суб-лейтенанта Льямбьяс-Праваса, к тому моменту потерявший треть своего состава и отрезанный от пика «Лонг Тоунейл», был вынужден действовать самостоятельно. Пользуясь темнотой, он сумел отступить к горе Сэппер-Хилл, где присоединился к роте «М» 5-го батальона морской пехоты. — *Прим. ред.*] Даже для отменно обученных солдат нет лучшей проверки, чем приказ продолжать атаку под сильным огнем ночью. Как сказал Эндрю Уайтхед, «тенденция к инерции ночью сильнее, нежели днем». Однако 45-й отряд послушался призыва подполковника и, поддерживаемый огнем артиллерии с моря и суши, проложил себе путь в направлении вершины. «Наступил некий неизбежный период неопределенности, когда я пытался представить себе, где и кто находился, — признавался командир. — Но огневое давление двух стрелковых рот бывает довольно внушительным». 45-й отряд коммандос 3-й бригады состоял из шотландцев, и многие из парней на склоне холмов происходили из северных районов. «Долгое время был как бы вдалеке от всего этого, — рассказывал младший капрал Стюарт Бэйн, уроженец Элгина, командовавший отделением в роте «Y». — Люди пугаются скорее до того, как дело начнется, а не тогда, когда уже идет». Как случалось в любой битве в той войне, первый эшелон сопротивления аргентинцев оказался крепким орешком. Но когда 45-й отряд прорвался, десантники стали продвигаться быстро и уверенно, всюду изматывая и сокрушая неприятеля огнем и напором. Многие из защитников предпочли скрыться в темноте до того, как морские пехотинцы добрались до них. Капрал Гарри Сиддалл немало поражался тому, что ночной бой протекал скорее в слуховом спектре, чем в визуальном: «Все это совершенно не походило на фильмы. Я ожидал много пламени, а слышал только грохот. Видел, как пули и осколки ударяются о скалы, что казалось мне этаким естественным природным феноменом».

Капрал Сиддалл, 31-летний йоркширец, перебегал через вершину кряжа в компании бомбардира Холта чуть впереди остальных бойцов отделения [по другим данным, капрал Гарри Сиддалл и бомбардир Холт получили от майора Дэвиса (командира роты «Y») приказ спуститься на 350 ярдов (320 м) вниз по восточным склонам пика «Санни Дэйз», чтобы зачистить аргентинскую минометную позицию, которая, как предполагалось, могла там находиться. — *Прим. ред.*]. Неожиданно они лицом к лицу столкнулись с четырьмя аргентинцами. Бомбардир бросился назад, постоянно ругаясь с испуга: «Е... й черт! Е... й черт!» Сиддалл швырнул гранату, которая убила одного и ранила другого противника. Затем к нему подошло отделение, и они ринулись вперед. Многие аргентинцы неподвижно лежали в спальных мешках, ожидая подходящего момента сдаться в плен.

После окончания войны аргентинские солдаты дружно и от всей души ругались по поводу отсутствия на поле боя лидеров в лице офицеров. Циркулировавшие у британцев слухи о бытовавшей у противника необычайной жестокости в отношении собственных солдат подтвердились. Попытки уйти в самоволку карались избиением, или же совершившего проступок солдата заставляли часами стоять голыми ногами в воде где-нибудь на ближайшем склоне. Многие офицеры покинули передовую, когда начались активные боевые действия. Некоторых солдат пришлось отправить в тыл из-за самострела. По рассказам аргентинского санитара-носильщика по имени Хуан Карлос, в ночь британского наступления в горах на позициях противника происходило следующее: «Когда некоторые наши солдаты очутились вдруг одни посреди мрака ночи и ждали поддержки со стороны своих командиров, то не обнаружили их. Тогда и они тоже отступили. Это было просто-напросто логично. Если профессионалы смылись, чего же ждать от призывников?»

Гарри Сиддалл, как многие бойцы в ту ночь, мгновенно превратились в бывалых воинов: «Как-то быстро начинаешь соображать, чье оружие и откуда бьет в тот или иной момент. Я не испытывал ни ненависти, ни дружелюбия по отношению к аргентинцам. Просто думал о деле, а они стояли у меня на пути, мешая мне делать его». Через два с четвертью часа 45-й отряд коммандос, хотя он и находился под постоянным обстрелом аргентинской артиллерии, захватил вершины горы Ту Систерз и отошел с линии хребта, чтобы дождаться наступления рассвета. Эндрю

Уайтхед с удивлением взирал на то, какие сильные позиции бросил противник. «Имея 120 чел., — говорил он, — я бы умер от старости, удерживая эти горы». [В бою за Ту Систерз погибло 8 британских военнослужащих (семь морских пехотинцев и один сапер) и еще 17 (включая трех офицеров) получили ранения. Аргентинцы потеряли 10 чел. убитыми, 50 ранеными и 44 пленными. В числе убитых был один офицер (лейтенант Луис Карлос Мартелья), а в числе раненых — трое офицеров (суб-лейтенанты Хуан Назер, Мигель Карлос Хулио Москера-Гутьеррес и Даниэль Хорхе Перес-Гранди). Согласно аргентинским источникам, кровавый урон, понесенный подразделениями 4-го пехотного полка «Коронель Мануэль Фрага» в июньских боях 1982 г., прежде всего 11–12 июня при обороне гор Харриет и Ту Систерз, составил 144 чел., из них убитыми — 23 чел. (2 офицера, 4 унтер-офицера и 17 солдат) и ранеными — 121 чел. (8 офицеров, 24 унтер-офицера и 89 солдат). — *Прим. ред.*]

Самые серьезные потери в бою за Ту Систерз британцы понесли за много миль от поля сухопутного сражения. Эсминец «Гламорган» класса «Каунти» обеспечивал огневую поддержку с моря 45-му отряду коммандос. В 2.35 пополуночи кэптен Майк Бэрроу как раз отдал команду на прекращение артобстрела и лег на курс в направлении места дислокации ударной группы, когда солдаты наземных сил заметили светящуюся точку, отделившуюся от берега и помчавшуюся через мглу ночи над морем. Находясь в восемнадцати милях (33,3 км) от берега, люди на борту «Гламоргана» сочли сперва, будто к ним летит один из 155-мм снарядов, которыми время от времени била неприятельская артиллерия. Затем командир штурманской боевой части, лейтенант-коммандер Йэн Инскип, проговорил: «Кажется, идет ракета». Наводчик ЗУР «Си Кэт» Джиллингз тут же выстрелил. С опозданием в небо взлетела «солома». Бэрроу развернул корабль кормой к цели и вел его на скорости 24 узла, когда «Экзосет» — пусковую установку сняли с фрегата и смонтировали на прицепе на суше — пропахала верхнюю палубу «Гламоргана» на уровне ангара и ударила в расположенный ниже камбуз.

Очевидцы на Восточном Фолкленде, в том числе бойцы 42-го отряда коммандос на склоне горы Харриет, видели огромный огненный шар от взрыва ракеты, за которым через несколько секунд последовал другой взрыв на корабле — взорвался вертолет «Уэссекс», мгновенно убив шесть из девяти человек в анга-

ре, включая и лейтенанта Дэйвида Тинкера [уничтоженный на «Гламоргане» противолодочный вертолет «Уэссекс» HAS.3 (бортовой номер XM837) принадлежал 737-й эскадрилье военно-морской авиации. — *Прим. ред.*]. «Даже не кажется, будто ты где-то так далеко, — писал он жене за несколько дней до гибели. — Поскольку я точно знаю, что Портсмут сразу там за горизонтом. Тут все чем-то похоже на дом, хотя я никак не могу представить себе лета... С нетерпением жду, когда мечты станут явью...» Корабль начал вибрировать, и Бэрроу тут же сбросил скорость до 10 узлов, чтобы избежать серьезного ущерба корпусу и надстройкам «Гламоргана». В области взрыва бушевал страшный пожар. Шесть человек на камбузе, занятые приготовлением завтрака, погибли. Как бы там ни было, Бэрроу благодарил судьбу, пославшую такое тяжкое испытание кораблю именно теперь, когда команду закалили шесть недель войны, а не 1 мая, когда шоковое воздействие оказалось бы неизмеримо сильнее. На протяжении двух с половиной часов его моряки боролись с пожарами до тех пор, пока не взяли их под контроль. Две из четырех турбин корабля встали от взрывной волны. Главный старшина в ангаре пролежал, погребенный под обломками, наполовину в воде в течение трех часов прежде, чем к нему пришла помощь. Но он уцелел. Как и корабль. Постепенно команда смогла выправить сильный крен, вызванный огромным количеством воды, которой поливали пламя. Тринадцать человек погибли, а многие другие получили ожоги или ранения, но могучий старый корабль скоро смог снова набрать свои 24 узла, спеша на рандеву с плавучей мастерской «Стена Сиспред», чтобы успеть произвести починку и вернуться в строй до момента получения приказа о возвращении на родину.

В то время как команда «Гламоргана» сражалась за жизнь корабля на воде, на берегу 3-й батальон Парашютного полка вел самый кровопролитный бой за всю войну, выполняя последнее задание 3-й бригады коммандос по захвату горы Лонгдон. Чуть позднее 9 часов вечера, когда после изматывающего четырехчасового марша парашютисты Хью Пайка поднимались по нижним склонам горы Лонгдон, капрал роты «В» наступил на мину [капрал Брайан Милн, командир одного из отделений 4-го взвода роты «В», подорвался на противопехотной мине в 21.30; следует иметь в виду, что стрелковая рота «В» 3-го батальона Парашютного полка, наступающая к западным склонам горы Лонгдон, пересекла исходную линию для атаки в 20.15, а ее взводы перестроились

в штурмовые боевые порядки к 21.15. — *Прим. ред.*]. Взрыв искалечил его ногу, а к тому же заставил аргентинцев открыть огонь. Вместо роты, как предполагалось, 3-й парашютный батальон столкнулся с батальоном аргентинского 7-го пехотного полка, который поддерживали снайперы, располагавшие отличными приборами ночного видения. [На самом деле в аргентинской армии пехотные полки не делятся на батальоны, так как каждый такой полк представляет собой воинскую часть, эквивалентную одному батальону. В реальности гору Лонгдон, составлявшую субсектор «Плата-2», или 2-й участок сектора «Плата» (Plata, «Серебро»), оборонял отряд из 287 чел. во главе с 34-летним майором Карлосом Эдуардо дель Валье Каррисо-Сальвадоресом, заместителем командира 7-го механизированного пехотного полка «Коронель Педро Конде». Ядро отряда составляла стрелковая рота «В» 7-го пехотного полка (120 чел.), которой командовал капитан Луис Эдуардо Лопес. Ее 1-й взвод, состоявший под началом суб-лейтенанта Хуана Доминго Бальдини, вместе с приданными средствами огневой поддержки — одним 105-мм безоткатным противотанковым орудием Чекальски модели 1968 г. (поскольку боеприпасы к этому орудию не успели доставить, капрал Дарио Роландо Риос и вверенный ему расчет не могли из него стрелять), двумя 81-мм минометами и восемью ПТРК «Кобра» — располагался на западных склонах и северо-западной оконечности горы, прикрывая подступы со стороны реки Муррелл, тогда как 2-й взвод под командой первого сержанта Рауля Роберто Гонсалеса, поддержанный одним 120-мм минометом, прикрывал северные склоны, а 3-й взвод первого лейтенанта Энрике Энеаса Нейротти, усиленный одним 105-мм безоткатным орудием Чекальски и двумя 81-мм минометами, занимал юго-западный угол горы. 1-й взвод 10-й инженерной роты (46 чел.) под началом лейтенанта Уго Анибаля Кироги находился на южных склонах Лонгдона. Кроме саперов, роте капитана Лопеса был придан 1-й взвод (старшего капрала Доминго Ламаса) из состава пулеметной роты коммандос морской пехоты лейтенанта фрегата Серхио Андреса Дачари (34 чел. и шесть 12,7-мм пулеметов «Браунинг»). Два тяжелых пулемета этого подразделения, принадлежавшие к группе капрала Карлоса Рафаэля Колемиля, находились в зоне ответственности стрелкового взвода суб-лейтенанта Бальдини: один из них (ТП № 5, расчетом которого командовал сам капрал Колемиль), был нацелен на запад, а другой (ТП № 4, установленный прмерно в 200

метрах выше основания горы, у северного края ее западного склона), — на север. ТП № 3 вместе со взводным командиром, старшим капралом Доминго Ламасом, располагался в бункере выше (южнее) позиции стрелкового взвода первого сержанта Гонсалеса, а ТП № 6 (третий пулемет группы капрала Колемиля) — на скалистом юго-восточном углу горы Лонгдон, в зоне ответственности стрелкового взвода первого лейтенанта Нейротти. Остальные два пулемета (ТП № 1 и ТП № 2) размещались на восточной вершине горы Лонгдон, причем первый из них был обращен стволом на юг, а второй — на север. Там же, на восточной оконечности горы, были расположены два 120-мм миномета (группа сержанта Педро Амадео Лопеса) и команда ПВО с четырьмя ПЗРК «Блоупайп». Штаб отряда (КП майора Каррисо-Сальвадореса) тоже размещался на восточной вершине. К востоку от Лонгдона, на гребне Уайрлесс-Ридж, где находился КП подполковника Омара Хименеса, руководившего обороной всего сектора «Плата», занимали позиции две стрелковые роты 7-го пехотного полка — рота «А» первого лейтенанта Хорхе Рикардо Кальво и рота «С» первого лейтенанта Уго Альфредо Гарсии. Уже в ходе ночного боя, около 2 часов 12 июня, 1-й взвод роты «С» под командой лейтенанта Рауля Фернандо Кастаньеды (46 чел.) прибыл на гору Лонгдон, чтобы усилить отряд майора Каррисо-Сальвадореса. Внешнюю огневую поддержку защитникам горы оказывали десять 105-мм гаубиц из батарей «А» и «В» 3-го артиллерийского дивизиона, стоявших на позициях к западу от Порт-Стэнли. Их стрельбу корректировал лейтенант Альберто Рональдо Рамос — передовой офицер-наблюдатель, чей пост находился в бункере на западном склоне Лонгдона. Следует упомянуть, что британцы дали разным участкам горы Лонгдон, простиравшейся в длину примерно на 1600 м (при ширине 200 м и высоте 215 м), условные обозначения, взятые из лексикона регбистов. Так, ее западная вершина получила название «Флай Халф» (Fly Half, «Половина полета мяча»), восточная вершина — «Фулл Бэк» (Full Back, «Защитник»), а северный отрог — «Винг Форвард» (Wing Forward, «Крайний нападающий»). В соответствии с той же спортивной терминологией, исходный рубеж наступления 3-го батальона Парашютного полка был назван «Фри Кик» (Free Kick, «Свободный удар»). Британская боевая тактическая группа подполковника Хью Уильяма Ройстона Пайка, имевшая объектом своей атаки гору Лонгдон, насчитывала более 600 чел., из которых около 450 приняли непосредственное участие

в бою. Составлявший ее основу 3-й парашютный батальон включал штабную роту капитана Роберта (Боба) Дарби, три стрелковые роты («А», «В» и «С») майоров Дэйвида Алана Коллетта, Майкла Хью Аргью и Хью Мартина Осборна, патрульную роту («D») майора Патрика Роджера Батлера и роту огневой поддержки майора Питера Истауэя Деннисона. Кроме того, в состав боевой группы подполковника Хью Пайка входили приданные подразделения: 79-я батарея коммандос майора Джона Патрика (шесть 105-м орудий с боезапасом в 500 снарядов на каждое), 2-я команда передовых наблюдателей-корректировщиков капитана Уильяма («Уилли») Эндрю Маккаракена из 148-й батареи коммандос (Маккракен должен был наводить и корректировать огонь 4,5-дюймовой пушки фрегата «Эйвенджер», назначенного поддерживать атаку парашютистов на гору Лонгдон) и 2-й взвод 9-го парашютного эскадрона Королевских инженеров под началом капитана Дэйвида Робина («Робби») Бернса. Для атаки аргентинских позиций на Лонгдоне подполковник Пайк выделил только две роты своего парашютного батальона — стрелковую роту «А» майора Дэйвида А. Коллетта (1-й, 2-й и 3-й взводы вторых лейтенантов Питера Осборна, Йэна Чарлза Мура и Джона Ричарда Марка Киртона), развернутую слева, вблизи реки Муррелл, и стрелковую роту «В» майора Майкла Х. Аргью (4-й, 5-й и 6-й взводы лейтенантов Эндрю Джеймса Бикердайка, Марка Таунсенда Кокса и Джонатана Дэйвида Шо), чей стартовый рубеж находился южнее. Последняя рота должна была атаковать с запада и захватить обе вершины горы («Флай Халф» и «Фулл Бэк»), а рота «А» — наступать с северо-запада и овладеть ее северным отрогом («Винг Форвард»). Роту «В» поддерживала маневренно-вьючная группа майора Питера Деннисона (командира роты поддержки 3-го парашютного батальона), имевшая на вооружении шесть универсальных пулеметов, один ручной пулемет и четыре противотанковых ракетных комплекса MILAN (с боекомплектом из трех ракет на каждый). Основная часть этой группы, включавшая три универсальных пулемета и три переносных пусковых установки MILAN, была развернута на исходном рубеже «Фри Кик» в качестве главной огневой базы для поддержки наступления роты «В» (там же размещалась команда первичного полкового пункта медицинской помощи с 18 носильщиками). Другая часть, которую возглавлял капитан Энтони Джон Мейсон (командир противотанкового взвода роты поддержки), располагалась севернее стартовой линии,

имея в своем составе два универсальных пулемета и один ПТРК MILAN. Кроме того, один расчет универсального пулемета под командой сержанта Грэма Колбека находился южнее главной огневой базы. Еще один ПТРК MILAN и шесть 81-мм минометов состояли в автомобильной группе, включавшей также саперов 2-го взвода 9-го парашютного инженерного эскадрона, отделение ПЗРК «Блоупайп» из 43-й батареи 32-го полка управляемого оружия Королевской артиллерии и команду вторичного полкового пункта медицинской помощи. Автопарк этой группы, предназначенной в первую очередь для перевозки боеприпасов для универсальных пулеметов и ПТРК, составляли четыре гусеничных машины BV 202 E фирмы «Вольво», носившие прозвище «Сноукэтс» (Snowcats, «Снежные коты»), шесть реквизированных колесных тракторов и трейлеров, один трактор с боксом, один гусеничный трактор, автосани и девять гражданских «Ленд Роверов». Стрелковая рота «C» майора Мартина Осборна, исполнявшая роль батальонного резерва, не участвовала в штурме горы Лонгдон, как и патрульная рота «D», бойцы которой вели разведку местности или служили проводниками для других подразделений батальона, когда те выдвигались от места сбора к исходным рубежам атаки. — *Прим. ред.*]

Рота «A», пробиравшаяся вдоль хребта к северу от Лонгдона, достигла назначенного ей объекта, но затем очутилась прижатой к земле сильным и метким огнем — по словам Хью Пайка, «особого комфорта нам это не добавляло» [рота «A» майора Дэйвида Коллетта приостановила свою атаку, попав под огонь аргентинского взвода первого сержанта Рауля Р. Гонсалеса (2-го взвода роты «C» 7-го пехотного полка), защищавшего северные склоны горы Лонгдон, и под обстрел из 105-мм гаубиц 3-го артиллерийского дивизиона. — *Прим. ред.*]. Рота «B», действовавшая под командованием крепкого, коренастого майора, бывшего офицера CAC по имени Майк Аргью, приступила к продвижению на саму вершину. [4-й и 5-й взводы роты майора Аргью атаковали западную часть горы Лонгдон с северо-запада и запада, преодолевая сопротивление аргентинского взвода суб-лейтенанта Хуана Д. Бальдини (1-го взвода роты «B» 7-го пехотного полка). При этом левофланговый 4-й взвод под командой лейтенанта Эндрю («Энди») Дж. Бикердайка продвигался в восточном направлении по нижним северным склонам вершины «Флай Халф», а центральный 5-й взвод лейтенанта Марка Т. Кокса наступал южнее, рассчитывая пройти

по всему хребту горы с запада на восток. В то же время правофланговый 6-й взвод лейтенанта Джонатана Д. Шо, который тоже должен был наступать по западным склонам, изменил направление атаки и двинулся на юго-восток, чтобы очистить южные склоны вершины «Флай Халф» от пехотинцев первого лейтенанта Энрике Э. Нейротти (3-го взвода роты «В» 7-го полка). — *Прим. ред.*] Парашютисты не успели преодолеть последние сто футов (30,5 м) до высоты, когда с разных положений по ним открыли ожесточенный огонь минометчики, пулеметчики, снайперы и расчеты безоткатных орудий [у аргентинцев, державших оборону на западных склонах вершины «Флай Халф», было только одно безоткатное орудие, к тому же не имевшее снарядов, и один-единственный снайпер — сержант Уго Альберто Кабраль. — *Прим. ред.*]. Бой превратился в серию схваток малых групп размером с отделение — британские солдаты под началом унтер-офицеров прокладывали себе путь дальше к конечной точке, применяя 84-мм и 66-мм гранатометы и взламывая с их помощью неприятельские позиции. [Нельзя не отметить, что на горе Лонгдон аргентинские пехотинцы из стрелковой роты «В» 7-го полка, большей частью молодые призывники из Буэнос-Айреса, оказали достойное сопротивление элите британской профессиональной армии. Некоторые британцы, слыша, как в пылу боя аргентинские солдаты выкрикивают характерные словечки из американского жаргона (вроде son of bitch или fuck you), решили, что против них сражаются наемники из США (на самом деле это были парни из столицы Аргентины, насмотревшиеся голливудских боевиков, где такие ругательства звучат довольно часто). Потом вид убитых и раненых морских пехотинцев из пулеметной роты, отличавшихся от аргентинских армейцев своей камуфлированной спецодеждой, еще больше укрепил британских парашютистов в их ошибочном мнении, и только допрос пленных рассеял это предубеждение. Тяжелее всего пришлось аргентинцам, оборонявшим западные и северо-западные склоны вершины «Флай Халф». Отделение капрала Хосе Оскара Каррисо из 1-го взвода стрелковой роты «В» 7-го пехотного полка было смято, а его командир ранен (потерял глаз), но отделения капралов Ремигио Херонимо Диаса и Густаво Освальдо Педемонте держались стойко. Суб-лейтенант Хуан Д. Бальдини лично вел огонь из 7,62-мм пулемета по парашютистам, атакующим позиции вверенного ему взвода. В тот момент, когда пулемет заклинило, и аргентинский офицер пытался ножом высвободить зажатую патронную ленту,

его атаковала группа парашютистов. Бросив пулемет, Бальдини достал свой револьвер и выпустил по британцам 13 пуль, однако времени, чтобы перезарядить оружие, ему не хватило, и он был убит. Погиб и артиллерийский наблюдатель-корректировщик, лейтенант Альберто А. Рамос, успевший сообщить о том, что его позиция окружена. Около полуночи майор Каррисо-Сальвадорес послал в контратаку вдоль хребта горы саперный взвод под командой лейтенанта Уго А. Кироги, что позволило ослабить давление британцев на 1-й взвод роты «В» 7-го пехотного полка. Между тем в бою на южных склонах вершины «Флай Халф» получили тяжелые ранения первый лейтенант Энрике Э. Нейротти и его взводный сержант, после чего управление действиями 3-го взвода роты «В» 7-го полка принял на себя сам ротный командир, капитан Луис Э. Лопес. — *Прим. ред.*] Лейтенант Эндрю Бикердайк, возглавлявший 4-й взвод в роте Аргью, рухнул наземь, получив ранение в ногу. Один из его парней, капрал Йэн Бэйли, бросился в атаку на огневую точку в 50 ярдах (45,7 м) впереди, но упал, пораженный в ноги и живот. Взводный сержант Бикердайка, Йэн Маккэй, наскоро перегруппировал бойцов, затем вскочил с земли и помчался вперед, добрался до бункера и бросил внутрь две гранаты прежде чем упасть замертво. [В том эпизоде позицию одного из отделений стрелкового взвода первого сержанта Рауля Гонсалеса, прикрывавшего бункер с 12,7-мм пулеметом «Браунинг» (огневую точку ТП № 3 из пулеметного взвода морской пехоты под командой старшего капрала Доминго Ламаса), атаковали пятеро британских парашютистов — 29-летний сержант Йэн Джон Маккей, который принял командование 4-м взводом роты «В» вместо раненого лейтенанта Бикердайка, капрал Йэн Филлип Бэйли, возглавлявший левофланговое отделение 5-го взвода, младший капрал Роджер («Додж») Джеймс, рядовые Энтони Макларнон и Майкл («Мик») Каллен. Когда эта группа выскочила из укрытия, чтобы преодолеть расстояние в 35 метров до следующего рубежа, аргентинцы тотчас открыли по ней огонь из автоматического оружия, ранив Джеймса и Каллена. Трое уцелевших бойцов забросали ручными гранатами неприятельских стрелков, сидевших в траншее, и устремились дальше к пулеметному бункеру (по аргентинским данным, в этом бункере вместе с командиром 1-го взвода пулеметной роты батальона коммандос морской пехоты старшим капралом Доминго Ламасом находились четверо рядовых — Ансельмо Франко, Эрнесто Диего Ириарте, Педро

Элисео Рамон Миранда и Хорхе Артуро Пачеко, двое из которых обслуживали пулемет, а двое других были вооружены автоматическими винтовками FAL с приборами ночного видения). В следующее мгновение капрал Бэйли рухнул наземь, раненный пулей в бедро (позже он получил еще два ранения), рядовой Макларнон быстро нырнул в укрытие, и только сержант Маккей в одиночку продолжил атаку. Согласно британской официальной версии, этот храбрец ценой собственной жизни принудил к молчанию 12,7-мм пулемет, ранее доставлявший много неприятностей атакующей стороне, и тем самым существенно ослабил оборону аргентинцев на данном участке. Однако в действительности ему не удалось ликвидировать пулеметное гнездо противника. По окончании боя тело Йэна Маккея, пораженное тремя пулями (в шею, ногу и руку), было обнаружено прямо на бункере, куда его, несомненно, затащили сами аргентинцы, причем в руке мертвый сержант держал гранату, которую он так и не успел бросить. После неудачной попытки Маккея атаковать тяжелый пулемет № 3, тот продолжал сдерживать наступление британцев. Капрал Стюарт Маклохлин (командир 2-го отделения 4-го взвода) со своей группой пытался подползти к нему на дистанцию броска гранаты, но несколько попыток подавить эту огневую точку осколками ручных гранат или реактивными снарядами, выпущенными из 66-мм гранатометов, не увенчались успехом. — *Прим. ред.*] За выдающуюся храбрость этот унтер-офицер впоследствии удостоился посмертного награждения крестом Виктории.

Пайк выдвинул роту поддержки, чтобы обеспечить максимальным огневым прикрытием направление наступления роты «B» [около 2 часов пополуночи группа майора Питера Деннисона вместе с командой полкового пункта медпомощи присоединилась к 6-му взводу роты «B», потерявшему к тому моменту 12 человек убитыми и ранеными и остановленному противником примерно в 700 ярдах (640 м) к западу от вершины «Фулл Бэк». — *Прим. ред.*], но и бойцы с ПТРК MILAN также вскоре очутились под сильным вражеским обстрелом. Один состоявший из трех человек расчет ракетной установки стерло с лица земли прямым попаданием из безоткатного орудия. [Этот меткий выстрел из 105-мм безоткатного противотанкового орудия Чекальски, убивший трех британских солдат из расчета ПТРК MILAN на вершине «Флай Халф» и ранивший трех других, произвел около 6 часов утра капрал Мануэль Адан Медина из 1-го взвода стрелковой роты «C» 7-го

пехотного полка. Вышеуказанный взвод, которым командовал лейтенант Рауль Ф. Кастаньеда, прибыл около 2 часов пополуночи на восточную вершину горы Лонгдон с хребта Уайрлесс-Ридж и по приказу майора Каррисо-Сальвадореса контратаковал парашютистов майора Аргью. Согласно аргентинским источникам, его контратака имела успех, и британцы (4-й и 5-й взводы роты «В») были вынуждены отступить к западной оконечности вершины «Флай Халф», успев, однако, подобрать и эвакуировать всех своих раненых. Правда, это усилие дорого стоило взводу Кастаньеды, потерявшему 54 3% личного состава (25 чел. из 46). — *Прим. ред.*] Некоторых выводил из строя, раня в разные места, один и тот же снайпер — приходилось воздавать невольное уважение меткости аргентинцев. Британский артиллерийский наблюдатель, капитан Уилли Маккракен, скорректировал огонь пушек на участок буквально в нескольких ярдах от собственной позиции [Маккракен занимался корректировкой огня как 79-й батареи 29-го артиллерийского полка коммандос, так и фрегата «Эйвенджер» (последний прекратил стрельбу из своего 4,5-дюймового орудия в 2.45 пополуночи, выпустив по аргентинцам 150 снарядов). — *Прим. ред.*]. Хью Пайк позднее замечал, что-де ближе всего от него падали британские снаряды, однако артиллеристы, обеспечивавшие огневую поддержку 3-го парашютного батальона, били так точно, что от их выстрелов не пострадал никто из своих. Одно отделение 5-го взвода очутилось под сильным пулеметным огнем. Двое солдат, Гоф и Грей, бросились на вражескую огневую точку и подавили ее гранатами и штыками, захватив в плен одного уцелевшего бойца. [Вышеописанный эпизод относится к более ранней фазе боя, когда 5-й взвод роты майора Аргью зачищал позиции аргентинского взвода суб-лейтенанта Бальдини. Рядовые Даррен Джон Гоф и Дэйвид Грей, которых прикрывали огнем младший капрал Леонард (Ленни) Алан Карвер (заместитель командира 1-го отделения 5-го взвода) и рядовой Гэри Джулифф, сумели незаметно подползти к бункеру, служившему гнездом для тяжелого пулемета (вероятно, ТП № 4 из пулеметной группы капрала Карлоса Р. Колемиля). Засунув две ручные гранаты в огневую щель, оба парашютиста дождались взрыва, а затем быстро ворвались в бункер и стали колоть штыками двух морских пехотинцев, не пострадавших от гранатных осколков. Рядовой Грей убил одного из них, вонзив ему штык прямо в глазную впадину, тогда как другой аргентинец был взят в плен. — *Прим. ред.*]

Рота «В» сделала паузу для перегруппировки перед новой попыткой очистить последние неприятельские позиции, а тем временем какие-то снайперы постреливали в них то с фронта, то с тыла. 4-й взвод роты Аргью сократился с двадцати пяти человек до двенадцати, но и другим доставалось ничуть не меньше [после гибели сержанта Йэна Маккея 4-й взвод роты «В» возглавил сержант Дезмонд Фуллер, присланный из ротного штаба майором Аргью; вследствие больших потерь остатки 4-го и 5-го взводов были объединены в один сводный взвод под командой лейтенанта Марка Кокса. — *Прим. ред.*]. Всего рота потеряла тринадцать человек убитыми и двадцать семь ранеными [стрелковая рота «В» 3-го батальона Парашютного полка начала атаку на гору Лонгдон, имея в строю 118 человек, так что потери, которые она понесла в ночь с 11 на 12 июня (40 убитых и раненых), составили 33,9%, т. е. более трети личного состава. — *Прим. ред.*]. Парашютисты вновь устремились на штурм, но орешек, который они собирались разгрызть за часы ожесточенных боев и после тяжелого урона, оказался слишком крепким. Хью Пайк, командовавший из точки рядом с майором Аргью, приказал роте «В» остановиться и пропустить через свои расположения роту «А», а кроме того, распорядился вызвать более сильную артиллерийскую поддержку [рота «А» майора Коллетта была отведена от отрога «Винг Форвард» к западной оконечности горы Лонгдон и затем прошла через боевые порядки роты «В» на вершине «Флай Халф», чтобы атаковать позиции аргентинцев и выбить их с вершины «Фулл Бэк». — *Прим. ред.*]. Перестрелки начали потихоньку затихать лишь с первым светом восхода на склонах. Бойцы батальона, несмотря на колоссальную усталость, чувствовали, как слабеет вражеское сопротивление. «Никогда не забуду вида роты «А», наступавшей в густом тумане с примкнутыми штыками», — вспоминал Пайк. [В первом эшелоне роты «А» наступал ее 1-й взвод, атака которого вначале развивалась медленно, но когда к нему присоединился 2-й взвод, продвижение парашютистов настолько ускорилось, что британской артиллерии, ведущей заградительный огонь, пришлось прекратить стрельбу, чтобы не попасть в своих. На завершающем этапе атаки в дело вступил 3-й взвод стрелковой роты майора Коллетта. Пройдя сквозь боевые порядки двух первых взводов, он достиг восточного края горы Лонгдон и спустился вниз по склону, обращенному в сторону хребта Уайрлесс-Ридж. Аргентинский отряд под покровом тумана отступил с вершины

«Фулл Бэк», а его начальник, майор Карлос Эдуардо дель Валье Каррисо-Сальвадорес, покинул свой командный бункер в 6.32 утра, сразу после того, как рядом с этим бункером попала в скалу и взорвалась противотанковая управляемая ракета MILAN, выпущенная британцами. — *Прим. ред.*] Многие из последних защитников аргентинского рубежа пали именно от штыков. Битва за гору Лонгдон и обстрелы вражеской артиллерии на протяжении тех суток стоили 3-му парашютному батальону двадцати трех погибших и сорока семи раненых. [В числе 23 убитых и умерших от ран военнослужащих 3-го батальона Парашютного полка был 17-летний рядовой Джейсон Стюарт Берт — самый молодой британский солдат, погибший во время Фолклендской войны. Среди 47 раненых значились три офицера — капитан Джайлз Ракли Орпен-Смелли (офицер разведки из батальонного тактического штаба), капитан Эйдриан Логан (заместитель командира роты «В») и лейтенант Эндрю Джеймс Бикердайк (командир 4-го взвода роты «В»). Авторы почему-то не указали урон аргентинской стороны, потерявшей 31 чел. убитыми, 50 пленными и более 120 ранеными. После боя за гору Лонгдон в отряде майора Каррисо-Сальвадореса из 287 чел. осталось только 78. — *Прим. ред.*] Целые процессии санитаров-носильщиков спешили с тяжелыми и скорбными ношами к пункту первой помощи. «Два доктора боролись, чтобы спасти жизнь раненым, — записал в дневнике сержант 3-го парашютного батальона Кит Хоппер. — Но проиграли битву за одного из них. Это особенно накрывало, поскольку тот солдат пробыл на Лонгдоне всего несколько минут, когда разорвался снаряд и осколок перебил артерию у него в бедре. Пока доктора старались остановить кровотечение и прилаживали капельницу, мы только стояли и держали над ними пончо, поскольку падал снег, и слушали, как раненый кричит нам что-то». «Я полагаю, деяния 3-го парашютного достойны всяческих похвал, — писал домой офицер батальона после боя за гору Лонгдон. — Но какой ценой! Сколько людей потеряли мы, таких молодых — по большей части чертовски молодых...» Неудивительно, что те, кто сражался, так огорчались по поводу потерь, в действительности же их стоит считать поразительно малыми.

Бой на участке 45-го отряда коммандос обошелся в четыре убитых и восемь раненых, тогда как 42-й отряд недосчитался одного и тринадцати человек соответственно. «Нам невероятно повезло», — признавался Ник Вокс, стоя вместе со своей штаб-

ной группой на вершине горы Харриет среди груд брошенного аргентинцами оружия, обмундирования и предметов снабжения. Когда рассеялся туман раннего утра, оказалось, что вся долина и подступы к горе Тамблдаун буквально усеяны бегущими неприятельскими солдатами. Огневая группа навела на них орудия, бившие взрывавшимися в воздухе шрапнельными гранатами. Морские пехотинцы и парашютисты собирали обнаруживавшихся тут и там ошалевших вражеских солдат в группы и отправляли пленных в тыл. Вертолеты челноками сновали туда и сюда среди холмов, вывозя раненых.

Самым сильнейшим разочарованием утром 12 июня стал тот факт, что 3-я бригада коммандос не в состоянии двигаться дальше. Офицерам 42-го и 45-го отрядов коммандос дали инструкции выполнить первостепенные задачи, а затем, «пользуясь обстановкой, развивать успех в направлении Тамблдауна», если будет такая возможность. Однако из-за проволочек ночью и опозданий, темного времени суток на дальнейшие шаги в деле закрепления успеха не осталось. Перед горами Харриет и Ту Систерз лежали две мили (3,2 км) открытой местности, их британцам предстояло пройти прежде, чем приступить к выполнению следующей задачи — штурму горы Тамблдаун, склоны которой кишели бункерами и тому подобными долговременными огневыми сооружениями. Проводя перед рассветом консультации с батальонными командирами, бригадир Джулиан Томпсон безо всякого сомнения приказал им «закрепляться» на достигнутых позициях. Если бы десантники продолжили продвижение, день наступил бы раньше, чем они смогли развернуть наступление на Тамблдаун. При этом ситуация грозила самыми скверными последствиями. Бойцы 3-го парашютного батальона, сильно страдавшие в течение 12 июня от артиллерийского огня, корректируемого вражескими передовыми наблюдателями на господствующей над позициями Пайка высоте — горе Тамблдаун, приходили в раздражение от неспособности морских пехотинцев продвинуться дальше в течение ночи. Вероятно, есть резон в утверждении о том, будто подход Королевской морской пехоты к ведению войны отличается некоторой медлительностью и основательностью по сравнению с парашютистами. Однако попытайся 3-я бригада коммандос продолжить наступление и перейти в атаку на Тамблдаун тем утром, она практически неизбежно понесла бы потери даже большие, чем у 3-го парашютного батальона или у подразделе-

ний, в итоге развернувших ночной штурм по захвату высоты. Следующую фазу приходилось оставлять 5-й бригаде.

Следует упомянуть об одной довольно примечательной, хотя и малой акции в первые часы того утра. Пока британцы обеспечивали себе позиции на высотах, одиночный вертолет «Уэссекс» скользнул над грядой к северу от гавани Порт-Стэнли и приблизился к городу. Британские наблюдатели ранее докладывали о замеченных в то утро скоплениях аргентинских машин за пределами города, что очевидно говорило о проведении обычного совещания. Проявляя поразительную отвагу, пилот противолодочного «Уэссекса» согласился на предложение командира подразделения СБС безо всякой поддержки пролететь в Стэнли и попытаться нанести удар прямо по командирской группе противника. Вертолетчик выпустил одну ракету, не попавшую в цель, но пробившую большую дыру в крыше полицейского участка Порт-Стэнли. Второй выстрел ударил в линию телеграфных проводов вдоль дороги и успокоился где-то в бухте. Затем пилот развернул машину, поскольку по ней открыли стрельбу все зенитки в данном районе. Британцы испытали крайнее удовлетворение от того, что пилот «Уэссекса» возвратился на базу целым и невредимым, тогда как аргентинцы сбили один из их собственных вертолетов, на беду свою приблизившийся в тот момент к гавани.

* * *

Британский подход, в значительной степени построенный на диктате необходимости постоянного натиска, требовал выдвижения вперед 5-й бригады в течение второй половины 12 июня и отправки ее частей в ночную атаку на горы Тамблдаун и Уильям. Однако миновал полдень, а вертолеты для переброски 2-го батальона Шотландского гвардейского полка к району сосредоточения ниже горы Харриет, за Гоут-Ридж, еще не прибыли. Бригадир Тони Уилсон послал донесение в ставку генерал-майора Мура, высказывая ему соображения относительно переноса срока второй волны наступления на двадцать четыре часа. Просьба эта вызвала некоторое раздражение и насмешки со стороны личного состава 3-й бригады коммандос. И все же представлялось резонным дать 5-й бригаде шанс осмотреться и разведать ареал хотя бы в течение нескольких часов, коль скоро Королевская морская пехота имела на то же самое перед началом наступления несколько

недель. Мур согласился на просьбу Уилсона. Шотландские гвардейцы начали выдвижение в направлении района сосредоточения утром 13 июня. Находясь там под спорадическими обстрелами артиллерии противника, их офицеры получили возможность изучить вражеские позиции для ночной атаки.

Первыми британскими солдатами, вступившими в дело 13 июня, стали тридцать человек штабной роты 2-го батальона Шотландского гвардейского полка, которыми командовал майор Ричард Бетелл, тридцатидвухлетний бывший офицер САС, старавшийся получить от командира разрешение на более активную роль, чем та, на которую он мог рассчитывать в условиях боевых действий в темноте. Бетеллу, пользуясь поддержкой взвода «Блюз-энд-Ройялс», предстояло провести отвлекающую атаку на аргентинские позиции к юго-востоку от горы Харриет. [Отряд майора Ричарда Николаса Бетелла, командира штабной роты 2-го батальона Шотландских гвардейцев, представлял собой сводный взвод, насчитывавший 30 чел. В его состав входили: 12 чел. из разведывательного взвода (три отделения по 4 бойца в каждом — при одном из них находился сам Бетелл, а двумя другими командовали сержант-инструктор по строевой подготовке Дэниэл Уайт и сержант Колин Коулл), группа огневой поддержки с легкими пулеметами «Брэн» под началом ротного старшего сержанта штабной роты Леса (Лесли) Брэби, два сапера из 3-го взвода 9-го парашютного эскадрона Королевских инженеров и батальонный корректировщик минометного огня капрал Йэн Миллер. Отряду Бетелла был также придан 4-й взвод лейтенанта Марка Рудолфа Корета из эскадрона «В» полка «Блюз-энд-Ройялс» (две БРМ «Скорпион» и две БРМ «Симитар»). — *Прим. ред.*] Бетелл уже участвовал в различных полных событиями патрульных и наблюдательных операциях Шотландских гвардейцев, в ходе которых его «Ленд Ровер» пережил взрыв мины, а взвод батальонной разведки оказался вынужденным отступить от Порт-Харриет-Хауса под сильным минометным обстрелом, понеся при этом некоторые потери.

В 8.30 вечера партия гвардейцев, проделав уже какой-то путь вперед, пока так и не столкнулась с вражеским противодействием, но один из «Скорпионов» взвода «Блюз-энд-Ройялс» неожиданно наскочил на мину, причем подлетел от взрывной волны и претерпел изрядный ущерб, хотя сам экипаж в нем не пострадал. Оставшиеся машины остановились на месте, в то вре-

мя как группа Бетелла двинулась в сторону противника. Британцы заменили целое скопление неприятельских брустверов [эту позицию занимал смешанный отряд аргентинских морских пехотинцев и амфибийных саперов (усиленный взвод численностью 37 чел.), выдвинутый под началом лейтенанта корвета Луиса Рикардо Кироги (командира стрелковой роты «О» 5-го батальона морской пехоты) к юго-западу от горы Уильям. — *Прим. ред.*]. Поскольку никакого шевеления на них шотландцы в процессе приближения не замечали, стало казаться, будто позиция брошена. Наконец Бетелл оказался там с сержантом-инструктором по строевой подготовке Дэнни Уайтом, строя предположения, куда мог подеваться противник. И вдруг не более чем в метре от себя они услышали храп. Один аргентинец открыл стрельбу, британцы ответили, и вся казавшаяся мертвой позиция тотчас ожила. Бетелл и его парни, бросая гранаты и ведя огонь из стрелкового оружия, принялись прокладывать себе путь один за другим через одиннадцать вражеских окопов. В первой перестрелке погибли два бойца Шотландского гвардейского полка, а четыре получили ранения [с британской стороны были убиты сержант-инструктор по строевой подготовке (или уоррент-офицер 2-го класса) Шотландских гвардейцев Дэниэл Уайт и младший капрал Джон Браун Пэшли из 3-го взвода 9-го парашютного эскадрона Королевских инженеров. — *Прим. ред.*]. Бетелл вооружился ручным пулеметом системы Брэн, взятым у мертвого солдата. Бой продолжался свыше двух часов. Командир запросил непосредственную поддержку от «Блюз-энд-Ройялс», но не получил ее, поскольку экипажи боевых разведывательных машин не рисковали продолжать дальнейшее движение в условиях минного поля.

Наконец, на неприятельских позициях наступила тишина. Бетелл счел себя сделавшим все возможное для успеха отвлекающей атаки. В его партию входили четыре волынщика, выполнявших обязанности санитаров, и теперь майор залег рядом с одним из них у аргентинской траншеи, обсуждая момент эвакуации раненых, когда разыгралась невообразимая сцена, достойная не настоящей войны, а батальных полотен Голливуда. Сильно покалеченный ранами солдат противника вполз на парапет своего окопа и бросил к ногам Бетелла гранату. Бетелл успел скосить врага из ручного пулемета, прежде чем граната взорвалась, пронзив ноги майора осколками и ранив в легкое волынщика Даффи [аргентинцы в столкновении с отрядом Бетелла

потеряли убитым только одного человека — рядового морской пехоты Гоффредо Омара Иньигеса (еще несколько бойцов были ранены). — *Прим. ред.*]. После этого партия начала отходить под минометным и артиллерийским огнем, унося с собой тех, кто не мог идти сам. Спустя несколько минут они очутились на знакомом минном поле. Двое военнослужащих, включая инструктора по физической подготовке, потеряли стопы, когда несли раненых. Урон увеличился еще на два человека. В отчаянии Бетелл задействовал фонарь для поиска прохода среди мин. Потрепанная группа гвардейцев медленно добрела до позиции взвода «Блюз-энд-Ройялс», кое-как таща за собой раненых.

Между тем перешли в наступление основные силы 2-го батальона Шотландского гвардейского полка. [2-й батальон Шотландского гвардейского полка, возглавляемый подполковником Майклом Йэном Элдоном Скоттом, имел в своем составе штабную роту майора Ричарда Николаса Бетелла, три стрелковые роты (Правофланговую роту майора Саймона Энтони Кэрью Прайса, роту «G» майора Йэна Чарлза Дэлзел-Джоба и Левофланговую роту майора Джона Пантона Кисзели) и роту огневой поддержки капитана Тимоти Саймона Спайсера. Рота огневой поддержки включала три взвода — противотанковый (капитана Майкла Патрика Кэмпбелл-Лэмертона), разведывательный и минометный, причем последний взвод занимал огневую позицию на горе Харриет, где находились шесть его 81-мм минометов и шесть станковых пулеметов. Гвардейскому батальону подполковника Майка Скотта, помимо 4-го взвода полка «Блюз-энд-Ройялс» (лейтенанта Марка Корета), были приданы саперы (3-й взвод 9-го парашютного эскадрона Королевских инженеров под командой лейтенанта Питера Джона Макманнерса) и сводная артиллерийская батарея майора Роджера Томаса Гуина (девять 105-мм орудий — шесть из 29-й батареи и три из 97-й батареи 4-го полевого полка Королевской артиллерии). С моря атаку шотландцев на гору Тамблдаун поддерживали фрегаты «Эктив» и «Ярмут», чей огонь должна была наводить на цели приданная Шотландским гвардейцам 5-я команда передовых наблюдателей-корректировщиков капитана Кристофера Брауна из 148-й батареи коммандос. — *Прим. ред.*] В 9 часов вечера рота «G» пересекла исходную линию и зашагала вперед в холодной тьме под хлеставшими время от времени порывами несшего с собой снег ветра [стрелковая рота «G» майора Йэна Дэлзел-Джоба состояла из 7-го, 8-го и 9-го взводов, которыми

командовали соответственно лейтенант Майкл Уильям Джойнсон, лейтенант Чарлз Спенсер Томас Пейдж и второй лейтенант Чарлз Джон Блаунт. — *Прим. ред.*]. До цели шотландцы добрались, не встречая противодействия. Однако когда Левофланговая рота прошла через роту «G» с намерением выйти к основным высотам Тамблдауна, атакующих встретил яростный пулеметный огонь противника. [Левофланговая рота майора Джона Кисзели, которой предстояло захватить высшую точку Тамблдауна, прошла в 22.30 сквозь боевые порядки роты «G», достигшей к тому времени западных склонов горы, и примерно в 300 метрах от ближайшей аргентинской позиции была встречена огнем 12,7-мм пулемета «Браунинг». В первом эшелоне этой роты находились два стрелковых взвода — справа 15-й взвод лейтенанта Аласдэра Макфарлейна Митчелла, наступавший по открытой местности, и слева 13-й взвод второго лейтенанта Джеймса Дагласа Стюарта, продвигавшийся по скалистым утесам. Ротный штаб и 14-й взвод лейтенанта Энтони Генри Джозефа Фрейзера держались в резерве позади 15-го взвода. Следует отметить, что Левофланговая и Правофланговая роты Шотландских гвардейцев назывались так по традиции, в соответствии с их местами в парадном строю части. — *Прим. ред.*] Всего за несколько минут аргентинские снайперы, вооруженные винтовками с прицелами ночного видения, убили трех гвардейцев и ранили еще двух. [Тогда в 15-м взводе Левофланговой роты был убит гвардеец Арчибалд Стирлинг и ранен взводный сержант Роберт Джексон, а в полосе наступления 13-го взвода застрелен гвардеец Роналд Тамбини и смертельно ранен взводный сержант Джон Симеон. Когда последнему хотели оказать первую помощь старший сержант роты Уильям (Билл) Никол и младший капрал Эйр, они оба получили пулевые ранения. Во 2-м батальоне Шотландских гвардейцев считали, что Танбини, Симеон, Никол и Эйр оказались жертвами одного и того же аргентинского снайпера (по всей вероятности, этот стрелок принадлежал к 3-му взводу роты «N» 5-го батальона морской пехоты, занимавшему позицию на северном отроге горы Тамблдаун). — *Прим. ред.*] Традиционный британский ответ — нанесение массированных ударов из 66-мм и 84-мм реактивных гранатометов — не оказал, как видно, должного воздействия на затаившегося среди скал неприятеля. Шотландские гвардейцы слышали крики и даже пение аргентинцев среди грома боя. Перед шотландцами находились лучшие солдаты генерала Менендеса — бойцы 5-го батальо-

на морской пехоты в количестве девяносто двух человек, поддерживаемые минометами и десятью станковыми пулеметами. [5-м батальоном аргентинской морской пехоты и сектором обороны «Бронсе» (Broncе, «Бронза»), включавшим горы Тамблдаун, Уильям и Сэппер-Хилл, командовал капитан фрегата Карлос Уго Робасио (потомок иммигрантов из Италии, чья фамилия по-итальянски произносится как Робачо). Вместе с приданными подразделениями этот батальон, ответственный за оборону 16-километрового периметра, насчитывал 703 чел., из которых 503 состояли в трех стрелковых ротах (203 в роте «M», 200 — в роте «N» и 100 — в роте «O»). Рота «N», которую возглавлял лейтенант корабля Эдуардо Альберто Хувенсио Вильярраса, защищала гору Тамблдаун, имея на ее северной стороне, фронтом к долине речки Муди-Брук, 3-й взвод второго суб-офицера Луиса Хорхе Лусеро (25 чел. с одним 60-мм минометом и тремя 12,7-мм пулеметами «Браунинг»), на юго-западном участке, фронтом к горе Харриет, — 4-й взвод лейтенанта фрегата Карлоса Даниэля Васкеса (27 чел. с одним 60-мм минометом и тремя 7,62-мм пулеметами) вместе с группой суб-лейтенанта Оскара Аугусто Сильвы, т. е. с остатками 2-го взвода роты «A» 4-го пехотного полка «Коронель Мануэль Фрага» (15 чел.), отступившими утром 12 июня с хребта Гоут-Ридж, и на высшей точке западной части — взвод амфибийной инженерной роты (25 чел.) под командой лейтенанта корвета Эктора Омара Миньо, приданный роте «N» в качестве 5-го взвода. 2-й взвод роты «N» под командой гардемарина Марсело А. Оруэсабалы располагался с пятью пулеметами (двумя 12,7-мм и тремя 7,62-мм) на западной стороне горы Уильям, в направлении к Ту-Систерз, а 1-й взвод гардемарина Карлоса Рикардо Бианчи (Bianchi, в итальянском произношении — Бьянки) с двумя ПТРК АТ-1 «Бантам» (шведского производства), двумя 105-мм безоткатными противотанковыми орудиями Чекальски и девятью пулеметами (тремя 12.7-мм и шестью 7,62-мм) — на южной стороне вышеуказанной горы, прикрывая дорогу из Фицроя в Порт-Стэнли (там же вместе с ним занимали позиции остатки взвода суб-лейтенанта Селестино Мостейрина из 12-го пехотного полка, ранее выбитые британцами с горы Харриет, и минометный взвод второго суб-офицера Эльвио Анхеля Кунье из роты «M» 5-го батальона морской пехоты (шесть 81-мм минометов). Кроме того, на горе Вильям, где общее начальство аргентинскими подразделениями осуществлял капитан корвета Антонио Перниас, помощник командира

5-го батальона морской пехоты по оперативной части, находились: рота «О» с тремя 60-мм минометами и четырьмя 7,62-мм пулеметами (командир этой роты, лейтенант корвета Рикардо Луис Кирога, выдвинувшийся во главе отряда из 37 чел. к юго-западу от горы Уильям, повредил колено во время боя с британской группой майора Бетелла, после чего передал командование лейтенанту фрегата Карлосу Альберто Кальмельсу), одно отделение амфибийной инженерной роты и группа тяжелого оружия под командой лейтенанта корвета Рубена Эдуардо Гальюсси (шесть 106-мм минометов и четыре 105-мм безоткатных орудия). У подножия восточных склонов горы Уильям размещался 3-й взвод 602-й роты коммандос, возглавляемый первым лейтенантом Андресом Ферреро. К северо-востоку от горы Тамблдаун располагался майор Оскар Рамон Хаймет со стрелковой ротой «В» 6-го пехотного полка «Хенераль Хуан Хосе Виамонте» (под командой первого лейтенанта Рауля Даниэля Абельи). Один из взводов указанной роты (3-й взвод суб-лейтенанта Аугусто Эстебана Вильгре-Ламадрида) около 1.30 пополуночи прибыл на КП лейтенанта корабля Вильяррасы, чтобы провести контратаку в поддержку амфибийного инженерного взвода, уже начавшего покидать свою позицию на Тамблдауне, однако эта контратака не удалась. Рота «М» 5-го батальона морской пехоты, которой командовал лейтенант корабля Родольфо Оскар Сиончи (Cionchi, по-итальянски — Чонки), занимала позицию на высоте Сэппер-Хилл вместе с четырьмя 120-мм минометами из роты «С» 3-го пехотного полка «Хенераль Мануэль Бельграно», девятью пулеметами (тремя 12,7-мм и шестью 7,62-мм) и группой армейских пехотинцев суб-лейтенанта Марсело Альберто Льямбьяс-Праваса (остатками 3-го взвода роты «С» 4-го пехотного полка, отступившими с горы Ту-Систерз). Капитан фрегата Робасио со штабом своего батальона и большей частью амфибийной инженерной роты капитана корвета Луиса Аристидеса Менгини находился у ручья Фелтон-Стрим (к западу от казарм Муди-Брук), слишком далеко от передовых позиций сектора «Бронсе», что не позволяло ему быстро и эффективно реагировать на те или иные изменения боевой обстановки. Огневую поддержку защитникам Тамблдауна оказывали шесть 105-мм гаубиц батареи «В» (лейтенанта фрегата Марио Рубена Абадаля) 1-го полевого артиллерийского батальона морской пехоты и двенадцать таких же орудий из армейского 3-го артиллерийского дивизиона подполковника Марио Антонио Бальсы. Их огонь корректи-

ровал гардемарин Марсело Даниэль Демарко — передовой наблюдатель артиллерии морской пехоты, разместивший свой НП в восточной части горы Тамблдаун, там, где держал оборону стрелковый взвод лейтенанта фрегата Васкеса. — *Прим. ред.*] Часы ночи проходили один из другим, а ожесточенная перестрелка не утихала. Аргентинцы по-прежнему упорно сражались, прочно удерживая занимаемые позиции. В 2.30 пополуночи, после непродолжительного артобстрела, командовавший Левофланговой ротой майор Джон Кисзели лично возглавил бросок на вражеский рубеж. «Где вы, 15-й взвод?» — прокричал Кисзели, продвигаясь через мрак. Ответа не последовало. «Ну же, 15-й взвод, где вы?» — снова прокричал майор. «Да, сэр, я здесь, — раздался голос, а затем другой: «Да, сэр, я, черт меня раздери, тоже здесь». Ведомая ротным командиром, Левофланговая рота устремилась на возвышенности. Кисзели лично убил троих противников, причем одного — штыком. Одна встречная пуля пробила его подсумок для винтовочного магазина, вторая ударила в ножны штыка и застряла в компасе.

Лишь семь гвардейцев 15-го взвода дошли до вершины горы Тамблдаун, с боем продвигаясь к ней от нижних склонов. Трех из них, в том числе и взводного командира, тотчас же скосили пулеметные очереди. [Командир 15-го взвода лейтенант Аласдэр Митчелл был ранен в обе ноги. Позже, когда прибыли санитары с носилками, чтобы эвакуировать его и других раненых британцев с вершины Тамблдауна, в эту партию угодила мина, выпущенная из аргентинского миномета. При разрыве этого снаряда погибли двое гвардейцев — Джеймс Рейнолдс, раненный вместе с Митчеллом во время штурма высоты, и Дэйвид Малколмсон, тащивший раненого лейтенанта, а еще восемь были ранены (некоторые повторно). К счастью для Митчелла, он избежал повторного ранения. Один из его носильщиков, гвардеец Финдли, отдал офицеру свою винтовку, чтобы тот мог использовать ее вместо костыля. Поддерживаемый Финдли, лейтенант Митчелл, опираясь на винтовку, кое-как сумел доковылять до полкового пункта медицинской помощи — так называемого RAP (Regimental Aid Post), расположенного на хребте Гоут-Ридж. — *Прим. ред.*] На хребте остались четыре не получивших ран гвардейца, а тем временем подкрепления спешили к ним на помощь [речь идет о 14-м взводе лейтенанта Энтони Фрейзера и ротном штабе. — *Прим. ред.*]. Левофланговая рота потеряла семь человек убитыми и двадцать одного ранеными

[в этой роте наиболее пострадал 15-й взвод, в котором из 29 человек двое были убиты и 12 ранены. — *Прим. ред.*]. В 6 часов утра, когда Правофланговая рота приступила к выполнению задания в третьей фазе наступления батальона, она тут же наткнулась на огонь пулеметчиков и снайперов, стоивший ей четырех раненых, включая командира взвода. [Правофланговую роту майора Саймона Прайса составляли 1-й, 2-й и 3-й стрелковые взводы, которыми командовали, соответственно, второй лейтенант виконт Джон Дэйвид Джеймс Далримпл, лейтенант Роберт Аласдэр Дэйвидсон Лоренс (именно он получил на рассвете, в самом конце штурма Тамблдауна, тяжелое пулевое ранение в голову, превратившее его на всю жизнь в парализованного калеку) и второй лейтенант Марк Уильям Виктор Мэтьюсон. Лейтенант Роберт Лоренс еще до своего ранения успел отличиться во главе своего взвода, подавив с помощью ручной гранаты огонь неприятельского пулемета, а затем, в ходе дальнейшей атаки, заколол штыком аргентинского солдата, которого он обнаружил лежащим за скалой и притворявшимся убитым. Чтобы убедиться в том, что аргентинец мертв, офицер воткнул штык в его руку. Солдат оказался не просто живым, но даже не раненым, и с визгом вскочил на ноги, да так быстро, что в результате его стремительного движения штык Лоренса сломался. К тому моменту все боеприпасы для автоматической винтовки у лейтенанта уже закончились, но он еще мог воспользоваться своим пистолетом. Противник попытался выхватить у него этот пистолет, и тогда Лоренс пырнул аргентинца обломком штыка. — *Прим. ред.*] Гвардейцы смогли добраться до последних вражеских позиций на горе Тамблдаун только после шести часов борьбы, пядь за пядью отбивая у противника скалы, швыряя фосфорные гранаты и паля из автоматического оружия, чтобы выбить аргентинцев из их бункеров и долговременных огневых сооружений. [К 7 часам утра 13 июня аргентинский 4-й взвод роты «N» 5-го батальона морской пехоты удерживал в своих руках только три стрелковые ячейки. Из 27 человек, изначально состоявших в этом взводе, 8 были убиты и 5 ранены. Когда боеприпасов почти не осталось, взводный командир, лейтенант фрегата Карлос Даниэль Васкес, решил, наконец, прекратить сопротивление и сдаться, причем в тот момент на его призыв выйти из укрытий с поднятыми руками ответили лишь четыре морских пехотинца (другие уцелевшие бойцы 4-го взвода попали в плен еще раньше). Только один из подчиненных Васкеса, рядовой Хор-

хе Рикардо Санчес, смог спастись бегством и под огнем добрался до позиции 2-го взвода роты «N» в седловине между горами Тамблдаун и Уильям. — *Прим. ред.*] В итоге батальон недосчитался девяти человек убитыми [из них восемь (уорэнт-офицер 2-го класса Дэниэл Уайт, сержант Джон Симеон, младший капрал Кларк Митчелл, гвардейцы Дерек Джеймс Денхолм, Дэйвид Малколмсон, Джеймс Бойл Курран Рейнолдс, Арчибалд Грэм Стирлинг и Роналд Танбини) были военнослужащими 2-го батальона Шотландского гвардейского полка и один (младший капрал Джон Браун Пэшли) — сапером из 3-го взвода 9-го парашютного батальона Королевских инженеров. — *Прим. ред.*] и сорока трех ранеными, но при этом взял наверное самую отчаянно защищавшуюся аргентинцами позицию в этой войне. [С аргентинской стороны при обороне горы Тамблдаун погибли 22 человека: 9 морских пехотинцев 5-го батальона, суб-лейтенант Оскар А. Сильва и 4 солдата 4-го пехотного полка (из 2-го взвода роты «А»), а также 8 солдат 6-го пехотного полка (из 3-го взвода роты «В», возглавляемого суб-лейтенантом Аугусто Э. Вильгре-Ламадридом). Более 50 аргентинцев были ранены (из 14 пленных, захваченных британцами ночью и утром 14-го числа, почти все имели ранения или контузии). Во взводе Ламадрида, насчитывавшем перед боем 45 военнослужащих, после проведенной им неудачной контратаки и отступления с Тамблдауна осталось в строю всего 16 человек (несколько его бойцов попали в плен). — *Прим. ред.*] Несмотря на все трудности и разочарования, выпадавшие на долю 5-й бригады в предыдущие полмесяца, захват горы Тамблдаун стал величайшим достижением — ни один из батальонов 3-й бригады коммандос не мог похвастаться столь высокими достижениями.

* * *

Пока гвардейцы доблестно сражались за Тамблдаун, целая цепочка столь же захватывающих операций разворачивалась на северной оконечности британского фронта. В процессе наступления 5-й бригады на юге 2-му парашютному батальону подполковника Дэйвида Чондлера предстояло захватить Уайрлесс-Ридж, чтобы превратить его в исходную позицию, с которой в рамках следующей фазы британского наступления, ночью 14 июня, пойдет вперед 3-й парашютный батальон. Ребята из САС предложили отвлечь внимание противника от атаки парашютистов Чонд-

лера на Уайрлесс-Ридж путем совершения нападения на другие вражеские позиции с помощью капитана Криса Бакстера, командовавшего эскадроном «Риджид Рейдеров» Королевской морской пехоты. До того вся деятельность быстроходных штурмовых катеров Бакстера сводилась к роли водных такси в заливе Сан-Карлос. Капитан с большой готовностью откликнулся на возможность сделать некий более весомый вклад в дело британцев.

Ночью 12 июня спецназовцы с четырех «Риджид Рейдеров» высадились на острове Кидни, к северо-востоку от гребня Уайрлесс-Ридж. Днем они бездействовали, а с наступлением ночи 13 июня отправились в стремительный рейд вокруг берега с целью подвергнуть нападению неприятельские позиции на восточной оконечности Уайрлесс-Риджа. [Целью британского рейда являлась аргентинская позиция на высоте Кортли-Хилл (Cortley Hill), в восточной части полуострова Камбер, где у северного берега бухты Стэнли-Харбор находились очистительный завод и склад горючего. Расположенные на полуострове Камбер аргентинские подразделения составляли гарнизон 3-го участка сектора «Плата», или суб-сектора «Плата-3», которым командовал майор Хорхе Антонио Монхе. Наряду с батареей «B» 101-го зенитного дивизиона, оснащенной восемью 30-мм зенитными пушками «Испано-Сюиза» и десятью 12,7-мм пулеметами «Браунинг», в указанном суб-секторе располагался так называемый Отряд охраны военно-морской базы «Мальвинас» (Destacamento de Seguridad del Apostadero Naval Malvinas), насчитывавший до 40–42 чел. В состав этого отряда, начальником которого с 2 июня был лейтенант фрегата Альфредо Хосе Имбоден (заместитель командира стрелковой роты «H» 3-го батальона морской пехоты «Альмиранте Элеасар Видела»), входили 3-й взвод роты «D» 2-го батальона морской пехоты под командой лейтенанта корвета Эктора Эдгардо Гассоло (Gazzolo, по-итальянски — Гадзоло) и часть 3-го взвода роты «H» 3-го батальона морской пехоты (командующий армейской группой «Пуэрто-Архентино» бригадный генерал Оскар Л. Хофре выделил этим морским пехотинцам два трофейных 2-дюймовых миномета, ранее принадлежавших британской Военно-морской партии 8901). Кроме того, на полуострове Камбер размещался охранный взвод морской пехоты (Seccion de Marineria) под началом лейтенанта фрегата Уго Альберто Ператты (всего 27 чел.). — *Прим. ред.*] По пути катера приняли на борт двадцать человек из лодочного взвода эскадрона «D» САС, ранее участвовавших в рейде на

остров Пеббл, и команду СБС. [Вместе с четырьмя военнослужащими 1-го рейдерского эскадрона КМП, управлявших катерами, и шестью бойцами 3-й секции СБС, в рейде на Кортли-Хилл участвовало 36 чел. (по 9 на каждом из четырех «Риджид Рейдеров»). — *Прим. ред.*] Задача операции состояла в проведении максимально шумного отвлекающего маневра, пока 2-й парашютный батальон будет заниматься своей деятельностью на западе. Рейдовая партия пользовалась огневым прикрытием шестидесяти военнослужащих из эскадронов «D» и «G» САС, обеспечивавших ей поддержку из минометов, установок MILAN и пулеметов общего назначения с северного берега залива [силы поддержки, состоявшие из двух взводов 22-го полка САС (одного из эскадрона «D» и одного — из эскадрона «G»), расположили свои пулеметы и другие огневые средства на возвышенной местности между ручьем Уир-Крик и бухтой Бланко-Бэй. — *Прим. ред.*]. Когда спецназовцы высадились на сушу, неприятель открыл по ним сильный огонь из зенитных пушек. Все четыре «Риджид Рейдера» получили попадания и повреждения [один из катеров даже затонул, но поскольку это произошло всего в нескольких метрах от берега, все находившиеся на нем бойцы благополучно выбрались из воды. — *Прим. ред.*], а штурмовой партии пришлось с боем отступить в мертвое пространство. Аргентинский госпитальный корабль тут же включил прожектора и осветил ареал [на борту этого судна, ледокола «Альмиранте Ирисар», оказался один из бойцов эскадрона Специального назначения Национальной жандармерии, который услышал шум моторов, издаваемый британскими катерами, и тотчас поднял тревогу. — *Прим. ред.*]. Прежде чем спецназовцы успели добраться до укрытия, были ранены один военнослужащий САС и один — СБС [в действительности ранения получили трое британских спецназовцев — двое из САС и один из СБС. — *Прим. ред.*]. Получилась действительно шумная, этакая запоминающаяся операция. Она, однако, вызвала раздражение некоторых офицеров сухопутных войск, которые ощущали в ней изрядный привкус пиратства, а не настоящей солдатской работы. к тому же все предприятие едва не закончилось катастрофой. Так или иначе, рейд должен был создать у аргентинцев четкие убеждения о том, будто их атакуют одновременно с трех конвергентных направлений.

Между тем 2-й батальон Парашютного полка, вновь перешедший под управление 3-й бригады коммандос, изготовился к нача-

лу штурма Уайрлесс-Ридж уже ночью 12 июня, когда командир узнал об объявленном по милости 5-й бригады переносе операции на двадцать четыре часа. Ближе к концу второй половины дня 13-го числа батальон и штаб 3-й бригады коммандос очутились под ударами вражеской авиации. Тогда «Скайхоки» действовали, как потом оказалось, в рамках одной из последних попыток аргентинских ВВС заявить о себе в войне. [В авианалетах на британские войска 13 июня 1982 г. участвовали два звена штурмовиков А-4В «Скайхок» из 5-й ИАГ, перебазировавшихся к тому времени из Рио-Гальегос в Сан-Хулиан. Четыре самолета с бортовыми номерами С-230, С-227, С-212 и С-221, управляемые, соответственно, капитаном Антонио Франсиско Селайей, лейтенантом Омаром Дарио Хеларди (Gelardi, по-итальянски — Джеларди), лейтенантом Луисом Альберто Серверой и альфересом Гильермо Альберто Деллепьяне, составляли звено с позывным «Нене» («Мальчуган»). Неся по три 500-фунтовых осколочно-фугасных бомбы, они вылетели из Сан-Хулиана в 10.35 с заданием атаковать наземные цели на горе Ту-Систерз. Ту же миссию выполняло другое звено из четырех штурмовиков А-4В 5-й ИАГ, имевшее позывной «Чиспа» (Chispa, «Искра»). Вылетев с военной авиабазы Сан-Хулиан в 10.41, эти четыре «Скайхока» (С-222, С-250, С-235 и С-237), пилотируемые капитаном Карлосом Мануэлем Варелой, лейтенантом Марио Фернандо Рокой, лейтенантом Серхио Густаво Майором и альфересом Марсело Карлосом Морони, имели такую же бомбовую нагрузку, как и самолеты звена «Нене». Именно звено «Чиспа» произвело атаку с воздуха на британские модули (сборные домики), сооруженные к северу от гребня Ривадавия, вблизи Ту-Систерз, для генерал-майора Джереми Мура, бригадира Джулиана Томпсона и офицеров штаба 3-й бригады коммандос. Сбросив бомбы, оба аргентинских звена благополучно вернулись на ВАБ Сан-Хулиан («Нене» в 13.30, «Чиспа» — в 13.45). В тот же день аргентинцы пытались наносить воздушные удары с использованием других самолетов. Так, в 11.00 с авиабазы Рио-Гальегос вылетели две секции истребителей М-5 «Даггер» из состава 6-й ИАГ (всего пять машин, так как во второй секции, имевшей позывной «Гаучо», один из трех самолетов не смог отправиться на задание). Эти «Даггеры», несшие по две 500-фунтовые бомбы, должны были атаковать британские позиции в районе горы Лонгдон, однако свою задачу не выполнили. В первой группе «Даггеров» самолету № 3, пилотируемому первым лейтенантом Марио Мигелем Кальехо,

пришлось повернуть назад из-за технической неисправности, а два других, № 1 капитана Карлоса Альберто Маффейса и № 2 лейтенанта Даниэля Оскара Валенте, хотя и продолжили полет, в итоге тоже не добрались до цели, поскольку им помешали плохие погодные условия — дождь и низкая облачность. Что касается секции «Гаучо», то два ее истребителя, пилотируемые капитаном Норберто Р. Димельо и первым лейтенантом Сесаром Ф. Романом, сбились с пути и примерно в 52 милях к югу от Фолклендского пролива неожиданно обнаружили в небе британский противолодочный вертолет «Си Линкс» (XZ233) с эсминца «Кардифф». Они атаковали его, однако пилот вертолета, лейтенант Королевских ВМС Кристофер Хью Тревор Клейтон, сумел спасти свою машину. В 13.00 «Даггеры» обеих секций вернулись в Рио-Гальегос, по сути провалив свою миссию. В 15.15 еще четыре «Даггера» вылетели с авиабазы Рио-Гранде, чтобы атаковать британскую артиллерию в Порт-Харриет. Двумя из этих истребителей, составлявшими секцию с позывным «Вулькано» (Vulcano, «Вулкан»), управляли капитан Роберто Э. Жанетт и первый лейтенант Карлос А. Антоньетти, а двумя другими, принадлежавшими к секции «Сеус» («Зевс»), — капитан Карлос А. Роде и первый лейтенант Хосе Л. Габари-Дзоко. Третьи самолеты обеих секций не смогли взлететь и остались на базе. Впрочем, исправные «Даггеры» так и не достигли объекта атаки — они поспешили лечь на обратный курс, чтобы избежать перехвата со стороны британских «Си Харриеров» (секции «Вулькано» и «Сеус» возвратились в Рио-Гранде в 17.15). Боевые вылеты 13 июня совершили также многоцелевые истребители «Мираж» III-EA из сводной эскадрильи 8-й ИАГ, базировавшиеся в Рио-Гальегос. Два из них, объединенные в секцию с позывным «Тритон», пилотировали капитаны Карлос Альберто Арнау и Гильермо Армандо Бальестерос. Они поднялись в небо в 15.13, имея задание прикрывать воздушное пространство над Порт-Стэнли (Пуэрто-Архентино), но позже получили приказ прервать миссию и порознь вернулись на свою базу (самолет Бальестероса приземлился там в 16.48, а самолет Арнау — в 17.04). Другие два «Миража» 8-й ИАГ, составлявшие секцию «Плутон» и пилотируемые майором Хосе Санчесом и капитаном Рикардо Альберто Гонсалесом, вылетели из Рио-Гальегос в 21.50 с заданием сопровождать пару бомбардировщиков «Канберра» секции «Бако» (Васо, «Вакх»). Обе «Канберры», несшие по пять 1000-фунтовых бомб, покинули Рио-Гальегос в 21.30, чтобы совер-

шить авианалет на Порт-Харриет. В 22.55 один бомбардировщик («Бако 1» с бортовым номером B-108) был сбит западнее Порт-Стэнли на высоте 12 км зенитной управляемой ракетой «Си Дарт», выпущенной с британского эсминца «Эксетер». Его пилот, капитан Роберто Пастран, катапультировался на воду вблизи берега и, выбравшись на сушу, был взят в плен, а штурман, капитан Фернандо Хуан Касадо, не успел покинуть самолет и погиб. Вторая «Канберра» («Бако 2»), чей экипаж состоял из первых лейтенантов Роберто Элеасара Ривольера (пилота) и Хорхе Альфредо Аннино (штурмана), избежала попаданий, как и оба «Миража» эскорта (в том эпизоде зенитные ракеты по аргентинским самолетам выпустил не только «Эксетер», но и эсминец «Кардифф»). Сбросив свои бомбы недалеко от командного пункта британских генералов, она вернулась на базу Рио-Гальегос в 00.05 14 июня. — *Прим. ред.*] Британцы не понесли потерь, и 2-й парашютный точно по плану выступил в направлении к исходной боевой позиции. Час «Ч» назначили на 8.30 вечера. Батальону Чондлера предстояло захватить четыре объекта, обороняемые аргентинским 7-м полком и подразделениями неприятельского 1-го парашютного полка. [На самом деле в составе аргентинской армейской группы «Мальвинас», и в частности, среди подразделений, оборонявших Уайрлесс-Ридж, никаких парашютистов не было. Сектор «Плата», являвшийся зоной ответственности 7-го механизированного пехотного полка «Коронель Педро Конде», подразделялся на три суб-сектора, из которых первый («Плата-1») представлял собой оборонительный рубеж вдоль хребта Уайрлесс-Ридж (Кордон де ла Радио), занятый основными силами 7-го полка под начальством его командира, подполковника Омара Хименеса, одновременно командовавшего всем сектором «Плата». К западу от горы Лонгдон, на болотистом холме высотой 250 футов (76,2 м), получившем у британцев название «Раф Дайэмонд» (Rough Diamond, «Необработанный алмаз»), располагалась стрелковая рота «С» 7-го пехотного полка под командой первого лейтенанта Уго Альфредо Гарсии. Ее 1-й взвод, возглавляемый лейтенантом Раулем Фернандо Кастаньедой, находился немного южнее, в седловине, за маленьким ручьем, впадающим в реку Муррелл. Еще дальше к югу, на возвышенности, занимал позицию полковой разведывательный взвод, которым командовал лейтенант Франсиско Рамон Галиндес-Матьенсо. За этой возвышенностью находились 1-й и 2-й взводы (лейтенантов Луиса Эрнесто Бертолини и Диего Эду-

ардо Бьянчи-Харрингтона) 10-го разведывательного бронекавалерийского эскадрона «Коронель Исидоро Суарес», не имевшего бронетехники и фактически превращенного в стрелковую роту под командой капитана Родриго Алехандро Солоаги. Оба вышеупомянутых взвода «спешенной кавалерии» отступили туда в ночь с 12 на 13 июня со своей прежней позиции к юго-западу от Лонгдона, где они прикрывали дорогу, ведущую из Эстансии в Порт-Стэнли. Южнее их, поперек той же дороги, была развернута стрелковая рота «А» 3-го пехотного полка «Хенераль Мануэль Бельграно» (капитана Рубена Оскара Сунино), выдвинутая под начальством майора Гильермо Рубена Берасая (офицера полкового штаба) из Порт-Стэнли по призыву 5-го батальона морской пехоты, но не успевшая помочь защитникам Тамблдауна, после чего ее передали в подчинение командира 7-го пехотного полка. К западу от холма «Раф Дайэмонд», на позиции под названием «Эппл Пай» (Apple Pie, «Яблочный пирог»), располагалась стрелковая рота «А» 7-го пехотного полка во главе с первым лейтенантом Хорхе Рикардо Кальво. Один из ее взводов был поставлен еще западнее, рядом с рекой Муррелл, на небольшой высоте, получившей наименование «Позиция Икс» (Position X). В тылу суб-сектора «Плата-1», рядом с дорогой Эстансия — Порт-Стэнли, на позиции, называемой «Блюберри Пай» (Blueberry Pie, «Черничный пирог»), размещалась штабная рота 7-го пехотного полка вместе с отдельным взводом 1-го пехотного полка «Лос Патрисиос» под командой первого лейтенанта Карлоса Марио Феррари дель Селя (этот смешанный взвод, насчитывавший 17 чел. с четырьмя пулеметами MAG и одним 81-мм минометом, был по воздуху переброшен в Порт-Стэнли из Аргентины 10 июня, но вместо того, чтобы присоединиться к роте «А» своего полка, приданной 6-му пехотному полку, перешел в сектор 7-го пехотного полка на Уайрлесс-Ридже). Начальник сектора «Плата» подполковник Омар Хименес разместил свой штаб к востоку от скалистой вершины гребня Уайрлесс-Ридж. — *Прим. ред.*] Батальон нажил очень много ценного опыта в ходе операции против противника в Гуз-Грине. И готовясь к штурму Уайрлесс-Риджа, британские парашютисты собирались использовать обретенные знания в полной мере. Они точно знали — каждого имеющегося в распоряжении свободного человека необходимо задействовать на доставке боеприпасов на передовую и для выноса раненых оттуда. 13-го числа с этой целью в поход отправилась партия из тридцати пяти человек.

Более того, 2-й парашютный на наглядном примере убедился в ценности мощных подавляющих огневых средств. Для штурма Уайрлесс-Ридж вдобавок к двум батареям орудий с достаточным для их задач количеством боеприпасов, фрегату обеспечения огневой поддержки с моря, взводу станковых пулеметов на исходной линии, парашютисты запросили взвод «Блюз-энд-Ройялс» с их «Скорпионами» и «Симитарами», вооруженными внушительными 76-мм стволами, 30-мм автоматическими пушками RARDEN и оснащенными превосходными приборами и прицелами ночного видения. [2-й батальон Парашютного полка, возглавляемый подполковником Дэйвидом Робертом Чондлером, по-прежнему включал штабную роту майора Майкла Патрика Райана, стрелковые роты «А», «В» и «D» майоров Чарлза Дэра Фаррар-Хокли, Джона Гарри Кросленда и Филипа Нима, патрульно-разведывательную роту «С» майора Роджера Дагласа Дженнера и роту огневой поддержки майора Хью Дагласа Дженнера. Для усиления батальону были приданы 3-й взвод лейтенанта лорда Роберта Энтони Иннес-Кера из эскадрона «В» полка «Блюз-энд-Ройялс» (две БРМ «Скорпион» и две БРМ «Симитар»), 7-я и 8-я батареи 29-го артиллерийского полка коммандос (двенадцать 105-мм орудий), 2-я команда передовых наблюдателей-корректировщиков огня военно-морских сил из 148-й батареи коммандос, минометный взвод 3-го батальона Парашютного полка и разведывательный взвод 59-го отдельного эскадрона коммандос. С моря парашютистов Чондлера поддерживал огнем фрегат Королевских ВМС «Эмбюскейд». — *Прим. ред.*] Тогда как большинство британских ПНВ страдали от «засветок», из-за чего становились временно бесполезными после особенно яркого взрыва или любой другой вспышки, установленные на танках приборы второго поколения давали почти идеальную и постоянную картину поля боя. Дэйвид Чондлер, новый командир батальона, очень хорошо ощущал собственное положение чужака, которому доверили честь вести в битву ветеранов 2-го парашютного. Уверенность его в себе никак не возросла, когда буквально за пятнадцать минут до часа «Ч» в штаб доставили захваченную у аргентинцев карту. Согласно ей, прямо на путях наступления рот «А» и «В» располагалось минное поле. «Слишком поздно», — заключил командир, пожав плечами, и отправился с тактическим штабом на передовую.

С момента начала выдвижения роты «D» на штурм первой аргентинской позиции на противника был обрушен настоящий

шквал огня [британцы открыли артиллерийский и минометный огонь по холму «Раф Дайэмонд» в 21.15, а через полчаса стрелковая рота «D» майора Филипа Нима, развернувшись фронтом на юг, пересекла стартовую линию и двинулась к позиции роты «С» аргентинского 7-го пехотного полка, захват которой являлся целью первой фазы атаки 2-го парашютного батальона на Уайрлесс-Ридж. — *Прим. ред.*]. За последние двенадцать часов боев по аргентинским позициям было произведено 6000 артиллерийских выстрелов. На холме становилось светло от вспышек постоянно стрелявших пушек боевых машин взвода «Блюз-энд-Ройялс», взрывов боеприпасов в неприятельских расположениях и разрывов снарядов 105-мм полевых и 4,5-дюймовых корабельных орудий, усердно работавших по противнику. Казалось, никто не сможет устоять перед лицом такого мощного натиска, и мало кто из аргентинцев осмелился попытать счастья проделать это на практике. Рота «D» выполнила задачу, почти не встречая вражеского противодействия. Бойцы рот «А» и «В» устремились вперед — через вероятное минное поле! — и миновали его без серьезных затруднений. [Эти две роты осуществляли вторую фазу наступления британских парашютистов на Уайрлесс-Ридж. Рота «В» майора Джона Кросленда наступала правее роты «D», то есть в центре 2-го парашютного батальона, а рота «А» майора Дэра Фаррар-Хокли — на его левом фланге. Объектом их атаки являлись оборонительные позиции аргентинской роты первого лейтенанта Хорхе Р. Кальво (стрелковой роты «А» 7-го пехотного полка) на высоте «Эппл-Пай». — *Прим. ред.*] Где бы ни пытались преградить дорогу парашютистам аргентинские пулеметчики, на них тут же сосредоточивался весь возможный огонь. «Вот теперь надо вести бой по правилам общевойсковой битвы», — произнес Крис Кибл, с удовлетворением наблюдая за развитием обстановки со своего места как второго человека в батальоне. Дэйвид Чондлер охарактеризовал сражение как «стандартное наступление из четырех этапов на равнине Солсбери со всеми сопутствующими нюансами. Мы решили грянуть в атаку с шумом, а не красться тихо, поскольку второсортные солдаты не выносят, когда их обстреливают пушки».

Наконец рота «D» развернулась в восточном направлении для захвата передового склона кряжа. [После взятия холма «Раф Дайэмонд» и высоты, занимаемой аргентинским разведывательным взводом, рота «D» направилась ко второму объекту своего

наступления — позиции «Блюберри Пай» на основном гребне Уайрлесс-Риджа. Между тем роты «А» и «В» при огневой поддержке артиллерии, а также «Скорпионов» и «Симитаров» бронекавалерийского взвода лейтенанта лорда Иннес-Кера (3-го взвода полка «Блюз-энд-Ройялс») преодолели упорное сопротивление роты первого лейтенанта Кальво и овладели позицией «Эппл-Пай», тогда как «Позиция Икс» была брошена аргентинским взводом без боя (в 22.45 ее заняла патрульная рота «С» майора Роджера Дженнера, которая покинула стартовую линию атаки и продвинулась на юг через боевые порядки стрелковой роты «А»). В то время как рота «D» майора Нима, начав третью фазу атаки, продвигалась с запада на восток по кряжу Уайрлесс-Ридж, остальные роты парашютного батальона Чондлера и боевые разведывательные машины взвода «Блюз-энд-Ройялс» поддерживали ее огнем с высоты «Эппл-Пай». — *Прим. ред.*] Чондлер заволновался, услышав, что подразделения Шотландских гвардейцев столкнулись с заметными трудностями на Тамблдауне — с рассветом парашютисты рисковали оказаться опасно открытыми, если противник будет по-прежнему удерживать господствующую над их позициями гору. Однако за несколько минут до наступления светлого времени суток командир парашютистов узнал о выполнении гвардейцами задачи. На своих позициях на кряже, среди брошенного аргентинцами оружия и военного снаряжения, грязные, обросшие и небритые, но ликующие парни 2-го парашютного принялись заваривать чай и устраиваться поудобнее на отдых настолько, насколько позволяли вихри мокрого снега. При царившем у них тогда настроении они — прикажи им кто-то — пешком бы отправились в Лондон. «Ну что, теперь только чуток подналечь — один бросок и все, а?» — произнес кто-то из унтер-офицеров роты «А». Когда Макс Хейстингз отстукивал на машинке депешу, прячась под дрожащим на ветру пончо среди торфяника посреди позиции роты «А», нахрапистый девятнадцатилетний рядовой по имени Берни Бернард засунул голову под пончо и потребовал сигару, в которой, как считал, никакой корреспондент не мог бы набраться наглости отказать ему. Бернард пошарил в трещине среди камней. «Если уж я смог найти дорогу сюда ночью и пройти через Гуз-Грин, я найду и сигару среди скал, — с усмешкой проговорил он. — Давай, делай свое дело. Расскажи им, какие парни сумели сделать все это». Все до единого парашютисты с гордой уверенностью считали, что толь-

ко бойцы их полка смогли бы явиться сюда, прошагав весь путь от Сан-Карлоса до Уайрлесс-Риджа.

И тут неожиданно по рации сообщили: «Арджи драпают — бегут повсюду». Бойцы громкими выкриками передавали эту новость друг другу, навьючивая на себя снаряжение, и вот за пять минут роты снова изготовились к броску. По всей линии британского фронта офицеры и солдаты в радостном удивлении наблюдали в бинокли поразительный спектакль: аргентинские солдаты улепетывали по склонам холмов в направлении к Стэнли. Бригадир Тони Уилсон, стоя на горе Харриет, повернулся к старшему артиллеристу: «Черти меня задери! Их оборона треснула».

В первых проблесках рассвета внимание солдат роты «D» из 2-го парашютного батальона привлекли бывшие казармы Королевской морской пехоты в Муди-Бруке, отчасти разрушенные артиллерией и бомбами. За ними, всего в трех милях (4,8 км) к востоку, за водной гладью бухты, виднелись крыши домов Порт-Стэнли. Аргентинская артиллерия продолжала хаотичные обстрелы, и снаряды ее ложились между позициями 2-го и 3-го парашютных батальонов. Неожиданно бойцы роты «D» заметили приближение поднимавшегося вверх по склону отряда из сорока неприятельских парашютистов. Аргентинцы развернули первую и единственную за всю войну контратаку. На какой-то момент британские парашютисты заволновались, поскольку боеприпасов у них почти совсем не осталось. Они в темпе примыкали штыки к винтовкам и готовили к бою гранаты, в то время как артиллерийский офицер-наблюдатель на передовом посту вызывал огневую поддержку. [Насчет участия в описанном здесь эпизоде аргентинских парашютистов авторы снова ошиблись. Следует отметить, что фактически в ходе боя при Уайрлесс-Ридже аргентинцы предприняли против роты «D» британского 2-го парашютного батальона не одну, а две контратаки. Первую из них, согласно плану бригадного генерала Оскара Л. Хофре, должен был организовать майор Гильермо Р. Берасай силами роты «А» 3-го пехотного полка, 10-го разведывательного бронекавалерийского эскадрона, а также роты «В» 25-го пехотного полка, вызванной из аэропорта Порт-Стэнли. Для огневой поддержки этой контратаки привлекался 4-й воздушно-десантный артиллерийский дивизион. Однако когда майор Берасай прибыл к разрушенным казармам в Муди-Бруке, он нашел там лишь около 70 кавале-

ристов из взводов Бертолини и Харрингтона, которые отступили с западных склонов Уайрлесс-Риджа, подавленные огневой мощью британских войск (оба взвода 10-го бронекавалерийского эскадрона потеряли 6 чел. убитыми и около 50 ранеными, причем значительную часть урона им причинили пушки «Скорпионов» и «Симитаров» 3-го взвода полка «Блюз-энд-Ройялс). Так и не дождавшись роты 25-го пехотного полка, двигавшейся пешим ходом от аэропорта, Берасай послал в контратаку только два стрелковых взвода роты «А» 3-го пехотного полка — 1-й взвод лейтенанта Виктора Уго Родригес-Переса и 2-й взвод сублейтенанта Хавьера Аристеги. Бой этих подразделений с британской ротой «D» продолжался довольно долго. Так, например, взвод Родригес-Переса в течение двух часов сражался у линии телеграфных столбов против парашютистов 12-го взвода, которым после гибели лейтенанта Джеймса Энтони Барри при Гуз-Грине командовал лейтенант Джонатан Дэйвид Пейдж. В конце концов аргентинский взвод отступил, потеряв трех бойцов убитыми и четырех ранеными. Второй взвод аргентинской роты «А» 3-го пехотного полка тоже был вынужден отойти, а его командир, лейтенант Аристеги, получил тяжелое ранение. Кроме него, в ходе противостояния на Уайрлесс-Ридже были ранены шесть офицеров 7-го пехотного полка — капитан Карлос Эмилио Феррейра (оперативный офицер полкового штаба), первые лейтенанты Хорхе Рикардо Кальво (командир роты «А»), Уго Альфредо Гарсия (командир роты «С») и Орасио Антонио Эстрада (командир минометного взвода), лейтенанты Хорхе Альберто Гидобоно (командир взвода управления) и Франсиско Рамон Галиндес-Матиньенсо (командир разведывательного взвода), а также один офицер 3-го артиллерийского дивизиона — майор Эмилио Гильермо Нанни, приданный 7-му пехотному полку в качестве передового наблюдателя-корректировщика огня артиллерии. Вторая контратака, о которой, по-видимому, и упоминают авторы данной книги, была проведена аргентинцами несколько позже, уже после того как около 4.30 утра 14 июня подполковник Омар Хименес понял, что его 7-й пехотный полк разбит. Ее организовал заместитель Хименеса, майор Каррисо-Сальвадорес, по собственной инициативе решивший помочь пехотинцам майора Берасая. С помощью армейского капеллана отца Фернандеса он собрал вблизи церкви города Порт-Стэнли около взвода солдат. Раздав этим бойцам новые магазины с патронами, Карри-

со-Сальвадорес лично повел их в бой с пением «Мальвинского марша». Они двинулись от Муди-Брука к центру Уайрлесс-Риджа и, начав подниматься вверх по склонам кряжа, вначале даже вызвали тревогу среди британских парашютистов майора Нима, у которых к тому моменту боеприпасы были на исходе. — *Прим. ред.*] Аргентинцам хватило нескольких минут хорошего обстрела. Они поспешили повернуть и рассеяться в долине, догоняя других, спешащих в восточном направлении. [Майор Каррисо-Сальвадорес отвел свой отряд к мосту через ручей Фелтон-Стрим, где присоединился к подполковнику Хименесу, устроившему вокруг моста оборонительную позицию. Неудачный исход двух контратак, организованных аргентинцами, вынудил последних признать свое поражение. Борьба за Уайрлесс-Ридж завершилась к 7 часам утра 14 июня, когда генерал Хофре неохотно разрешил майору Берасаю оставить его позицию у казарм в Муди-Бруке. Большинство солдат потрепанного 7-го пехотного полка собрались на ипподроме в Порт-Стэнли, где их посетил генерал Менендес. В двух боях, проведенных этим полком на Восточном Фолкленде — при Лонгдоне и Уайрлесс-Ридже — он потерял, без учета нераненых пленных, 188 чел. (36 убитыми и 152 ранеными), притом что изначальная его численность составляла 827 чел. Из 26 офицеров полка один погиб и семь были ранены, а из 131 унтер-офицера — 2 убиты и 20 ранены. Что касается общих потерь аргентинской стороны при Уайрлесс-Ридже, то из примерно 500 бойцов, сражавшихся там в ночь с 13 на 14 июня, 25 погибли (в том числе 15 из 7-го пехотного полка, 6 из 10-го разведывательного бронекавалерийского эскадрона и 4 из роты «А» 3-го пехотного полка), 125 получили ранения и 37 попали в плен. Урон, понесенный в том бою британцами, оказался куда менее чувствительным: 2-й батальон Парашютного полка, насчитывавший перед атакой около 600 чел., потерял только двух парашютистов убитыми и 11 ранеными. — *Прим. ред.*] Дэйвид Чондлер поначалу очень забеспокоился из-за контратаки. Убедившись в невозможности связаться по рации с Филом Нимом, командиром роты, комбат отправился вперед, чтобы оценить ситуацию самому. Как только Чондлер увидел происходящее внизу — подступы к Стэнли были открыты, приходи и бери, — он связался с Джулианом Томпсоном. Командир бригады приказал Чондлеру ничего не предпринимать до своего прибытия. Когда Томпсон высадился с вертолета за линией хребта, он с изрядным беспокой-

ством воззрился на Чондлера, беззаботно стоявшего полностью видимым на линии горизонта, и в спешке потянул его обратно в безопасное место. «Все в порядке, Джулиан, — весело отозвался парашютист. — Все кончено». Через несколько минут Томпсон дал добро на немедленное выступление батальона Чондлера. Учитывая прошедшее время, существовал, конечно, риск возможной перегруппировки противника. На кряже над Муди-Бруком подполковник наскоро провел летучку группы «О». Он приказал роте «В» наступать и закрепиться на склонах горы впереди перед ними, легким танкам из взвода «Блюз-энд-Ройялс» предстояло служить средством огневой поддержки с занимаемых ими позиций, а роте «А» Дэра Фаррар-Хокли — со всей возможной поспешностью продвигаться к Порт-Стэнли.

Неожиданно накопившиеся за недели жизни в горах страхи и обиды переполнили через край души воинов Менендеса. «Все находилось просто-таки в ужасном беспорядке, — рассказывал юный рядовой по имени Сантьяго из 3-го пехотного полка. — Никто не знал, какие приказы отданы, надо ли продолжать воевать или уже нет. Многие младшие офицеры совершенно запутались, поскольку куда-то подевался наш командир роты и мы нигде не могли его найти... Мы все изрядно нервничали из-за пережитого. Наш командир взвода велел нам занять позиции в домах: «Никого не бойтесь. Идите в дома, а если какой-то келпер будет сопротивляться, стреляйте в него». На деле-то никто из них, конечно же, ничего подобного не делал. Сантьяго описывал эмоции солдат разбитых частей, когда те тащились через Порт-Стэнли. Молодые призывники не выдерживали и начинали буквально плакать от вида «складов, заваленных провизией и обмундированием, каковых так не хватало нам и которые никогда до нас не доходили».

Ярчайший драматический момент перехода от войны к победе наступил за какой-то час. Гуркские стрелки и Валлийские гвардейцы, наступавшие на гору Уильям и Сэппер-Хилл, попадали под хаотично ведущийся артогонь неприятеля, но значительного сопротивления не встречали и благополучно продолжали атаку до обеспечения целей, за которые, как предполагало британское командование, им пришлось бы вести кровопролитные бои. [1-й батальон 7-го Собственного Герцога Эдинбургского полка гуркских стрелков под командованием подполковника Дэйвида Патрика де Курси Моргана (без стрелковой роты «С», остав-

ленной в качестве гарнизона в Гуз-Грине), начал выдвижение с места сбора на гребне Гоут-Ридж в час ночи 14 июня и должен был выйти на исходный рубеж атаки в 2.00, однако из-за плохих погодных условий (дождя со снегом) достиг его только в 4.30. В голове его колонны, следовавшей по овечьей тропе севернее горы Тамблдаун, шли саперы из 1-го взвода 9-го парашютного эскадрона Королевских инженеров, приданного батальону гурков. Во время этого марша колонна попала под обстрел аргентинской артиллерии и минометов, в результате чего 8 гуркских стрелков были ранены. Обойдя одно минное поле, батальон Моргана встретил на своем пути другое, в котором саперам пришлось проделать проходы. Рота «B» затем повернула вправо и на восточных склонах Тамблдауна взяла в плен нескольких еще оставшихся там аргентинских солдат из роты «B» 6-го пехотного полка. Рота «A» и рота огневой поддержки гуркского батальона обосновались на горе Тамблдаун, чтобы поддержать огнем роту «D», посланную на штурм горы Уильям. Пройдя седловину между двумя высотами, стрелковая рота «D», возглавляемая майором Майклом (Майком) Хауардом Кеффордом, поднялась на гору Уильям, но не обнаружила там никого, кроме тела одного убитого неприятельского минометчика. Аргентинские морские пехотинцы, не дожидаясь столкновения с гурками, имевшими репутацию грозных и беспощадных воинов, без боя оставили свои позиции на Уильяме, и поспешно отступили к Сэппер-Хиллу. Высота Сэппер-Хилл являлась 14 июня объектом наступления 1-го батальона Валлийского гвардейского полка, усиленного двумя стрелковыми ротами и минометным взводом 40-го отряда коммандос. Минные поля задержали продвижение Валлийских гвардейцев, поэтому к Саппер-Хиллу был послан от Ту-Систерз 45-й отряд коммандос, но еще до того как британцы подошли к Сэппер-Хиллу, аргентинские войска (5-й батальон морской пехоты и рота «B» 6-го пехотного полка) по приказу своего командования оставили гору и отступили в Порт-Стэнли. Их отход прикрывал лейтенант корабля Родольфо О. Сиончи с частью роты «M» 5-го батальона морской пехоты и небольшой группой армейских солдат 4-го пехотного полка под командой суб-лейтенанта Марсело А. Льямбьяс-Праваса. В 13.05 на Сэппер-Хилл был отправлен на двух вертолетах «Си Кинг» 7-й взвод стрелковой роты «C» 40-го отряда коммандос. Когда этот воздушный десант приблизился к позиции 3-го взвода гардемарина Алехандро Коха из роты «M», аргентинские морские

пехотинцы и примкнувшие к ним солдаты суб-лейтенанта Льямбьяс-Праваса открыли по вертолетам стрельбу из автоматического оружия, вынудив оба «Си Кинга» и высаженных на землю коммандос удалиться из зоны огня в поисках укрытия. Двое военнослужащих десантного взвода получили ранения, подорвавшись на противопехотных минах. Аргентинцы потеряли в столкновении с британскими коммандос на Сэппер-Хилле трех морских пехотинцев убитыми — это были последние жертвы боевых действий на Восточном Фолкленде. Вскоре к 7-му взводу 40-го отряда коммандос присоединился бронированный инженерный трактор CET (Combat Engineer Tractor) FV-180, поднявшийся на холм вместе с половиной отделения саперов 9-го парашютного эскадрона. Вечером 14 июня, уже после объявления о прекращении огня, высоту Сэппер-Хилл заняли Валлийские гвардейцы, 45-й отряд коммандос и 4-й взвод полка «Блюз-энд-Ройялс». — *Прим. ред.*] Ночью Хью Пайк, командир 3-го парашютного, отдавал приказы батальону действовать в направлении к Муди-Бруку, когда по рации сообщили, что майор Фаррар-Хокли и бойцы его роты уже проследовали развалины казарм и шагают прямым ходом на Стэнли.

* * *

Парашютисты шли на восток по узкой повидавшей виды дороге в сторону столицы, не чувствуя пока из-за охватившей их победной эйфории жуткой накопленной усталости. На пути их все свидетельствовало о понесенном противником поражении — аргентинская форма, куча рассыпанных боеприпасов, брошенная техника и пушки на склонах господствующих высот. Порывы ветра доносили до солдат запах гари от полыхающих строений. Звуки перестрелки по-прежнему слышались с юга, где сближались с врагом гуркские стрелки и Валлийские гвардейцы. В маленьких окруженных изгородями бунгало в предместьях Порт-Стэнли не чувствовалось присутствия живых людей. Когда из роты «А» донесли о двигающейся бронемашине «Панар», наступление на момент приостановилось. В голову колонны наскоро вызвали парашютиста с 66-мм гранатометом. Затем продвижение продолжилось. Маленькое судно заходило в гавань. Парашютисты увидели на нем белый флаг. По рации передали сообщение — остановиться и ожидать прибытия Дэйвида Чондлера. Через

несколько минут, сменив каски на красные береты, бойцы 2-го парашютного батальона, возглавляемые подполковником и Крисом Киблом, приступили к триумфальному шествию через предместья Порт-Стэнли.

Следующему эпизоду не нашлось места в истории войны, не упомянут он и среди перечня достижений британских сухопутных сил. Макс Хастингс цитирует здесь тогдашний свой коротенький репортаж для газеты — некий акт любопытства публициста, а не часть собственно повествования о битве за Фолклендские острова.

Батальонные офицеры отошли, наверное, на сотни две метров от места привала, когда до сведения полковника довели следующее распоряжение: до окончания переговоров ни один британский солдат не должен продвинуться дальше ипподрома. Раздалось недовольно ворчание. Где он тут, тот ипподром? Рядом с нами. Раздались было дружные ссылки на слепой глаз Нельсона, но быстро стихли. [Имеется в виду знаменитый эпизод морского сражения британского флота с датчанами у Копенгагена 2 апреля 1801 г., когда вице-адмирал Горацио Нельсон, не желая исполнять приказ вышестоящего начальника (адмирала сэра Хайда Паркера), предписывающий ему отступить, приставил подзорную трубу к слепому глазу и произнес: «Какой сигнал? Не вижу никакого сигнала». Связь на флоте осуществлялась тогда преимущественно визуально, с помощью сигнальных флажков. — *Прим. ред.*] Полковник [подполковник Дэйвид Чондлер. — *Прим. ред.*] приказал роте «А» развернуться в сторону ипподрома. И тут неожиданно на людей навалилась усталость. Они забрались на невысокие деревянные трибуны и расселись там, как и прежде нагруженные личным оружием и пулеметами. Бойцы приветствовали одного из товарищей, который залез на крышу и не без некоторых сложностей сорвал и сбросил аргентинский флаг, водрузив на его место британский, имевшийся у 2-го парашютного. По их настоянию, я сделал групповую фотографию этого торжественного собрания отчаянных парней на лавках. Затем солдаты принялись готовить чай и делить между собой несколько блоков аргентинских сигарет, найденных тут же в будке подающего команды на старт, — первые военные трофеи.

Я побрел к дороге. Пустынная, она тянулась вдаль, и с нее хорошо просматривался собор, расположенный примерно в полумиле впереди. Упустить такой дивный шанс было просто нельзя. Стащив с себя лямки снаряжения и камуфляжный бушлат, я отдал все это командиру одного из «Симитаров» «Блюз-энд-Ройяле», припар-

кованного посреди дороги и украшенного большим «Юнион Джеком». Затем в гражданском анораке и с тростью, на которую опирался с тех пор, как мы высадились в Сан-Карлосе, я зашагал по направлению к городу, стараясь выглядеть как можно безобиднее. «И куда это вы изволите направляться?» — требовательно вопросил унтер-офицер парашютист в тоне, традиционном для военнослужащих его ранга, заметивших нарушителей. «Я же штатский», — твердо ответил я и пошел дальше, никем не задерживаемый. Прямо за поворотом дороги стояло большое здание с оранжереей при нем, в котором я неожиданно опознал виденную на фотографиях резиденцию губернатора. На подступах попадались бункеры и долговременные огневые сооружения. Был там кто-то или не был, я не видел. Чувствуя себя очень глупо, я остановился, улыбнулся, глядя в сторону блиндажей, поднял руки высоко над головой и подождал немного. Ничего не произошло. Все еще улыбаясь и кланяясь неведомо кому в этих сооружениях, я снова повернулся и пошел в направлении собора, все так же держа руки над головой. На обочине расположилась группа аргентинских солдат. Я прошел мимо, бросив «с добрым утром», стараясь выглядеть совсем беззаботным. Они глазели на меня с любопытством, но ничего не предпринимали. Затем впереди я заметил группу явно гражданских лиц, появившихся из большого казенного на вид здания. Я прокричал им: «Вы британцы?», и они ответили: «Да». Страх тут же отступил, и я пошел к ним навстречу. После небольшого разговора, они указали мне на аргентинского полковника на ступенях административного здания. Я представился ему, приврав, что являюсь корреспондентом «Таймс» — единственной, как считал, британской газеты, название которой он наверняка мог слышать. Мы поговорили несколько минут. Он все время повторял, что ответы на большинство моих вопросов сможет дать только после четырех часов дня, когда британский генерал встретится с генералом Менендесом. Я спросил, можно ли мне пока пообщаться со штатскими британцами? Он совершенно не возражал. Я направился в сторону известного отеля Стэнли, «Апленд Гуз» [Upland Goose — «Аплендский гусь» (аплендский, или магелланов гусь — водоплавающая птица из породы патагонских гусей, обитающая на юге Южной Америки и на Фолклендских островах). — *Прим. ред.*], проходя по дороге, где попадались цепочки за цепочками аргентинских солдат, очевидно, собиравшихся в одно место для сдачи в плен. Они выглядели совершенно подавленными, начисто вымотанными войной. И все же я не посмел фотографировать раненых, едва тащившихся тут и там среди своих товарищей. И тогда только, заметив, с каким любопытством смотрят на меня из своих машин офицеры, я понял,

сколь тщетны мои попытки притворяться штатским с лицом, все еще вымазанным черной маскировочной пастой.

Войти в гостиницу являлось для меня исполнением мечты — фантазией, наполнявшей мои мысли на протяжении почти трех месяцев. «Мы никогда не сомневались, что британцы придут сюда, — признался мне хозяин, Дезмонд Кинг. — Мы просто ждали, когда сей момент настанет». Ей-богу, такое ощущение, что армия и флот освободили английский загородный гольф-клуб.

Через несколько минут после того, как Макс Хастингс вошел в отель «Апленд Гуз», в нескольких сотнях метров в западном направлении разыгрывалась куда более серьезная драма. Каждое утро с начала наступления в радиоцентре на «Фирлессе» Род Белл и подполковник Роуз все упорнее вели передачи на своей «медицинской волне». Ранним утром в понедельник, 14 июня доктор Элисон Блини посетила капитана аргентинского военно-морского флота [капитана корабля. — *Прим. ред.*] Мелбурна Хасси и обратилась к нему с просьбой ответить на призывы британцев. «Положение аргентинских войск безнадежное, — вещал Белл тем утром, — вы со всех сторон окружены британскими войсками... Если вы откажетесь откликнуться на это обращение и произойдет ненужное кровопролитие, мир будет относиться к вам соответственно». Хасси прослушал британское сообщение в полдень, но, несмотря на отчаянные увещевания Элисон Блини, не пожелал дать ответа без консультации с начальством. В 1 час пополудни капитан возвратился в маленькую комнату на Джон-стрит и передал британцам: генерал Менендес согласен на переговоры. Позднее во второй половине того же дня одинокий вертолет «Газель» с Беллом, Роузом и связистом на борту застрекотал над Порт-Стэнли, из чрева машины виднелся белый парашют. Британцы приземлились на некотором расстоянии от намеченного места. И вот точно в каком-то фарсовом шоу небольшая делегация, чтобы достигнуть аргентинцев, была вынуждена пробираться через сменявшие друг друга изгороди и канавы. Когда они проходили мимо больницы, Роуз заметил девушку на балконе здания. «Вы Элисон? — спросил он. Она кивнула. — Большое дело сделали!»

Переговоры с Менендесом в резиденции губернатора проходили холодно и чисто официально, но сразу же стало совершенно очевидным отсутствие у аргентинцев намерения продолжать сопротивление. Большой спор вышел из-за Западного Фолкленда: Менендес возражал, упирая на отсутствие полномочий при-

казать тамошнему гарнизону сложить оружие. Аргентинцы не знали тогда о тайно и не вполне охотно принятом британцами решении, в случае готовности губернатора капитулировать только на Восточном Фолкленде, принять условия сдачи и проводить в дальнейшем операцию против Западного Фолкленда. Однако под напором Роуза Менендес не устоял — Западный Фолкленд тоже прекращает сопротивление. На каждом этапе переговоров Роуз имел возможность получать детальные подтверждения из Лондона. С помощью великолепного переносного спутникового устройства связи британское правительство могло следить за процессом буквально поминутно. В один момент, когда Роуз обсуждал с аргентинцами возможность для их солдат вернуться домой на британских и на аргентинских кораблях, Лондон осуществил быстрое вмешательство. Никаких аргентинских судов — решительно отозвались оттуда. Такой жест уменьшил бы силу драматизма момента капитуляции неприятеля. В конечном счете стороны договорились об условиях сдачи. Менендес всплакнул немного перед тем, как пожать руки Беллу и Роузу. Потом всем пришлось долго ждать прибытия генерал-майора Мура для подписания документа, а тот задерживался из-за установившейся временно совершенно нелетной погоды. Наконец в небе прояснилось. В 9 часов вечера в понедельник, 14 июня, британский и аргентинский командиры поставили подписи на договоре, подводившем черту в войне на Фолклендских островах, — все аргентинские войска на данной территории капитулировали. [Этот документ был подписан генералами Муром и Менендесом в 20.59 по местному времени, что соответствовало 23.59 по всемирному согласованному времени. При подписании присутствовали 11 человек: с аргентинской стороны — бригадный генерал Марио Менендес, вице-коммодор ВВС Карлос Браун-Рив, капитан корабля Мельбурн Хасси (переводчик) и один юрисконсульт; с британской стороны — генерал-майор Джереми Мур, полковник Королевской артиллерии Брайан Пенникотт (он поставил свою подпись на договоре как свидетель), полковник Королевской морской пехоты Томас Секкомб, подполковник Королевских инженеров Джеффри Филд (командир 36-го инженерного полка), подполковник Майкл Роуз (командир 22-го полка САС, участвовавший в переговорах под вымышленным именем, как «полковник Рид»), капитан Родерик Белл (переводчик) и один капрал Королевского корпуса связистов. — *Прим. ред.*]

* * *

Последнее заседание военного кабинета перед штурмом Порт-Стэнли состоялось в пятницу, 11 июня, и в тоне его звучания отсутствовали нотки близости неизбежной развязки. Время начала наступления отдавалось полностью на откуп генералу Муру. Министры изъявляли готовность положиться на военных и дать им делать их дело, несмотря на некое ворчание сквозь зубы в отношении традиционной методичной медлительности пехоты. Соответственно, присутствующие на собрании заслушивали продолжительные каталоги цифр отчетов служб тылового обеспечения: наращивание запасов артиллерийских выстрелов, сложности с перегруппировкой 5-й бригады после Блафф-Коува, риск возвращения вражеских военно-воздушных сил. Когда утром в субботу поступили известия о начале штурма, миссис Тэтчер и Джон Нотт поехали в Нортвуд, дабы лично следить за событиями там в оперативной комнате. Скорость наступления и темпы продвижения войск оказались для министров полным сюрпризом. Утром в понедельник сделалось очевидным — победа близка. Теперь самым важным представлялось наилучшим образом преподнести ее. Сам триумф виделся делом решенным. Кризис вокруг Фолклендских островов начался в палате общин и многие из поразительных политических моментов происходили именно там. Следовательно именно в этом зале надлежало впервые прозвучать слову «победа». До того момента представлялось необходимым наложить эмбарго на распространение любых новостей из Южной Атлантики.

На всем протяжении второй половины дня понедельника члены парламента — и на самом деле вся страна — словно бы висели в воздухе, пока премьер-министр ожидала известий из зала переговоров о сдаче аргентинских войск. Когда в 10.15 вечера она в конечном счете встала с кресла, многие не ожидали ничего иного, как объявления о продолжении наступления. Соответственно накал драматизма лишь усилился, когда она известила: в течение суток «наши войска достигли предместий Порт-Стэнли. Аргентинские солдаты в большом количестве побросали оружие. Как сообщают, над Порт-Стэнли развеваются белые флаги».

Палата общин, столь часто видевшая и слышавшая в своих стенах деланые фальшивые эмоции, теперь наполнилась чувствами истинного облегчения и радости. Первоначально лико-

вание выражали сторонники миссис Тэтчер из консервативного крыла. Но Майкл Фут подвел итог не знающей рамок похвалой. «Я прекрасно понимаю, какие волнения, какое давление пришлось пережить ей на протяжении этих недель, — произнес он, — и я также понимаю, что в этот момент все давление и все волнения надо оставить позади. — Затем Фут выдержал театральную паузу и добавил: — И я поздравляю ее». Всегда чутко чувствовавший настроение палаты, Фут как бы подчеркивал: радость всеобщая, а потому да здравствует союз двух партий, да здравствуют нация и сердечность. Наступили мгновения самого яркого личного триумфа Тэтчер с того часа, когда три года тому назад она вступила в палату общин как премьер-министр. Поздравления сыпались на нее со всех сторон. На Даунинг-стрит и в Министерстве иностранных дел заработали телексы, приносившие выражения облегчения и радости со стороны зарубежных союзников (причем облегчение во многих случаях выражалось острее, чем удовлетворение). Когда в тот вечер миссис Тэтчер вернулась к себе на Даунинг-стрит, ее усталое лицо не скрывало ликования, а толпа у входа заливалась гимном «Правь, Британия!»

* * *

Когда парни из сухопутных сил мерили шагами последние мили в направлении Порт-Стэнли, многие британские солдаты поражались внезапности победы. Бессчетные тысячи неприятельских военнослужащих оставались в Порт-Стэнли и вокруг него, причем они едва ли сделали по выстрелу из своего оружия. Победители во все глаза смотрели на огромные запасы вооружения, боеприпасов и прочего военного имущества, которые аргентинцы собирались применить против них. Когда первые британские офицеры поехали по продуваемой ветрами дороге к аэродрому Стэнли и собственными глазами лицезрели целые полки пехоты, пусковые установки ракет «Экзосет» на трейлерах, зенитные комплексы, управляемые по РЛС, ракеты, артиллерию, снаряды, они не понимали — совершенно не понимали Менендеса. «Мы-то думали он по крайней мере дождется, когда мы выбросим его из Стэнли, а уж потом сдастся, раз уж потерял столицу», — заявил один из них. Пока бойцы искали дома для отдыха и глазели на бунгало на улицах заштатного колониального

городка, точно туристы на соборы и арки где-нибудь в Париже или Риме, они даже не ощущали себя победителями. Идя по улице с двумя коллегами, полковник Том Секкомб, заместитель командира 3-й бригады, встретил двух аргентинских офицеров. Между теми и другими завязался странный разговор-состязание в плане выражения чувств собственного достоинства, и только по расставании британцы вдруг переглянулись и подумали этаким задним умом, а не следовало ли разоружить аргентинцев и взять их в плен. Господствующим, доминирующим чувством личного состава сухопутных сил было облегчение — облегчение из-за отсутствия необходимости вновь вступать в кровавую битву, из-за того, что уцелели, из-за того, что теперь они скоро смогут распрощаться с этими унылыми и голыми ландшафтами и отплыть домой. «Мне хотелось плакать от радости, — записал в дневнике сержант Кит Хоппер из 3-го батальона Парашютного полка. — Мы с падре пожали друг другу руки в честь такого праздника». «Мы почти бежали в Стэнли через болотистую равнину предместий, — писал Хью Пайк семье в Англию, — встречая везде сцены разрушения, хаоса, признаки битвы. Так приятно думать, что теперь все это закончилось. Мне очень жаль парней, которых мы потеряли. Герцог Веллингтон был и в самом деле прав в отношении «меланхоличной природы победы».

В последние часы перед капитуляцией окруженные, униженные и угнетенные аргентинские солдаты начали грабить, крушить и пакостить в домах некоторых гражданских в Порт-Стэнли. И все же иные британские солдаты вели себя в первые дни после победы ничуть не лучше. Как ни печально, но такова уж война. Многие сказки об армии аргентинских фашистов, будто бы ужаснейшим образом обращавшихся с жителями на всем протяжении оккупации Фолклендских островов, не имели под собой никаких оснований. Были инциденты, в которых штатским доставалось от офицеров, отмечались случаи грабежа гражданского имущества солдатами, бывало и власти принудительно забирали у жителей Фолклендских островов машины, дома и лавки. И все же, по меркам большинства оккупационных армий, поведение аргентинцев заслуживает определения «умеренное». Когда британцы освободили Стэнли, они обнаружили, что гражданские лица по-прежнему располагают большими запасами съестного и спиртного. Никаких систематических грабежей в столице не отмечалось, хотя в удаленных селениях

отдельные инциденты и имели место. Подобное вообще-то говорит об аргентинцах скорее хорошо, чем плохо. Ведь надо учитывать обстоятельства, в которых приходилось существовать аргентинским солдатам, — холод, мысли об оставшемся где-то далеко доме, совершенно непривычные условия, часто отсутствие еды. Судя по всему, запасов продовольствия у противника хватало, но вот с распределением его между разбросанными по позициям на холмах и в отдаленных поселках подразделениями возникали большие трудности. Даже у британцев с их несравнимо лучше налаженной службой тыла возникали осложнения в плане обеспечения людей всем необходимым.

Похоже, аргентинские оккупанты Фолклендских островов старались проводить политику примирения, однако же действовали неуклюже. Когда небольшая партия СБС высадилась на острове Пеббл 15 июня для принятия капитуляции местного гарнизона, спецназовцы обнаружили две дюжины жителей, принудительно содержавшихся в доме тамошнего старосты уже месяц — с момента рейда САС 15 мая. Однако жители Фолклендских островов как будто бы не испытывали ненависти к оккупантам и тюремщикам и даже желали пригласить на ланч одного ставшего другом молодого аргентинского солдата, прежде чем тот отправится в сарай для стрижки овец вместе с прочими военнопленными. «Мне хочется сказать вам, — откровенничал молодой и бесхитростный Хорхе на свободном английском с калифорнийским акцентом, — эти люди были мне как семья. Я желал бы вернуться сюда уже без военной формы». Жизнерадостная уроженка Фолклендов примерно лет тридцати пяти от роду, Арина Бернстейн, погрозила ему пальчиком. «Но не вздумай приносить и устанавливать тут свой флаг, Хорхе». Аргентинец продолжал: «Наверное многое, чему нас учили про Мальвины, когда мы считали их своими, было неверным. Три четверти наших вовсе не хотели оказаться здесь. А когда мы услышали, что вы уже на горе Кент, мы поняли — победить нам не удастся. А как все было вначале? Никто в Аргентине не верил, что вы пошлете такую силищу возвращать себе Мальвины...»

Для слушавших молодого человека британских солдат его страстные признания и добрые намерения запоздали на три месяца. Глядя на огромные колонны подавленных аргентинцев, выстроившихся в очередь для сдачи оружия на аэродроме Стэнли, мало кто из британцев сомневался в отношении их жела-

ния воевать. На протяжении всей кампании действия генерала Менендеса говорили о наличии у него пассивных и готовых только к обороне согнанных туда насильно солдат. Отчасти причина в американской подготовке, выработавшей у аргентинских военных привычку слишком полагаться на моторный транспорт и большие материальные ресурсы в деле ведения войны, потому, не располагая ничем подобным, они склонились перед волей британцев, готовых обходиться без всех этих удобств. Но даже если отбросить чисто стратегические осложнения, нет сомнения — и сам Менендес, и его солдаты были глубоко потрясены и деморализованы в результате осознания факта намерения британцев вести против них тотальную войну ради возвращения островов.

В дни после капитуляции, когда 11 313 аргентинских военнопленных толпились на пристанях в ожидании погрузки на британские корабли для репатриации [морским путем с Фолклендов репатриировались 8994 аргентинских военнопленных (557 офицеров, 1770 унтер-офицеров и 6667 рядовых); из них 933 чел., попавших в плен при Гуз-Грине и отплывших 7 июня из Сан-Карлоса на британском пароме «Норланд», были высажены в ночь с 12 на 13 июня (с 19.00 до 1.30) в Монтевидео (Уругвай), а остальные в последующие дни доставлены в Пуэрто-Мандрин (провинция Чубут, Аргентина) пятью партиями: 18 июня — 1041 чел. на полярном транспорте «Байя Параисо», 19 июня — 4136 чел. на лайнере «Канберра», 21 июня — 1992 чел. на «Норланде», 27 июня — 556 чел. на ледоколе «Альмиранте Ирисар» и 14 июля — 336 чел. на пароме «Сент-Эдмунд». — *Прим. ред.*], британцы приступили к масштабной операции по приведению в порядок освобожденной земли: к исследованию обширных, бессистемно поставленных минных полей, разбросанных всюду перед бывшими аргентинскими позициями, восстановлению подачи воды и электричества в Порт-Стэнли, очистке домов, сбора брошенной техники, а также поискам крова для более чем 7000 человек. Неожиданно Сан-Карлос, бывший центром сосредоточения сил в ходе британской кампании, словно бы осиротел. Корабли морского десантного соединения подняли якоря, обогнули остров и бросили их вновь вблизи Порт-Стэнли, где вот так же почти семьдесят лет тому назад стояли линейные крейсера адмирала Стерди перед его схваткой с фон Шпее. [Речь идет о морском сражении у Фолклендских островов, где 8 декабря 1914 г. британская эскадра вице-адмирала сэра Фредери-

ка Чарлза Довтона Стерди (линейные крейсера «Инвинсибл» и «Инфлексибл», броненосные крейсера «Карнарвон», «Корнуолл» и «Кент», легкие крейсера «Бристоль» и «Глазго», броненосец додредноутного типа «Канопус») разгромила германскую эскадру вице-адмиирала графа Максимилиана фон Шпее (броненосные крейсера «Шарнхорст» и «Гнейзенау», легкие крейсера «Нюрнберг», «Дрезден» и «Лейпциг», два транспорта и одно госпитальное судно). Тогда британцы, потеряв 10 чел. убитыми и 19 ранеными, потопили четыре боевых корабля противника и захватили, а затем пустили на дно два транспортных судна (из всей эскадры Шпее уцелели только легкий крейсер «Дрезден» и госпитальное судно «Зейдлиц»). Среди немецких моряков 1871 погиб и 215 были взяты в плен. — *Прим. ред.*]

Первые горячие энтузиазм и восторженность жителей Фолклендских островов стали, по вполне понятным причинам, быстро улетучиваться. Эйфорию сменяло осознание непреложного факта — их жизнь, их сообщество изменились и никогда уже не будут такими, как до оккупации. Место аргентинских машин, поднимавших грязь на улицах, заняла британская военная техника. Чужое огромное войско аргентинцев, стоявших лагерем тут и там на их земле, сменила в сущности почти такая же чужая британская армия. Такова, как ни грустно, в большинстве случаев природа освобождения. Как многие жители Фолклендских островов, откровенно дававшие понять свое желание быть оставленными в покое, британцы не скрывали стремления поскорее выпутаться из дел на островах, отправиться наконец домой, дабы там отпраздновать триумф среди своего народа. Они сделали то, зачем их сюда посылали. К концу июня те, кто воевал за свободу жителей Фолклендских островов, погрузились на корабли и отбыли на родину. Ушли и многие суда ударной группы Вудварда, а на их место являлись другие солдаты и другие корабли, пришедшие сюда выполнять свой неблагодарный долг — без всякой надежды на славу защищать эти забытые Богом голые острова под флагом Британии.

17

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Любое гражданское лицо, взявшееся за написание военной истории, неизбежно примет на себя грех самонадеянности.

Сэр Джон Фортескью,
История британской армии

В понедельник, 26 июля 1982 г., в соборе Святого Павла состоялся благодарственный молебен в честь победы Британии на Фолклендских островах. На церемонии присутствовали королевская семья, премьер-министр и многие офицеры армии, военно-морских сил и Королевской морской пехоты, участвовавшие в войне в Южной Атлантике. Говорят, будто миссис Тэтчер осталась недовольна проповедью архиепископа Кентерберийского, в которой, по мнению премьер-министра, не прозвучали должные триумфальные нотки. Если и так, то уж никого не обвинить в нехватке победного ажиотажа во время парада 12 октября, в День Колумба, где премьер стояла рядом с лордом-мэром Лондона на почетной трибуне перед отбытием на официальный ланч в ратуше, в то время как мимо печатали шаг контингенты трех видов вооруженных сил, приветствуемые в Лондонском Сити тысячами зрителей. Накануне вечером она принимала на ужине на Даунинг-стрит всех ведущих участников войны. В то лето и осень казалось порой, будто празднованию победы в Фолклендской кампании нет и не будет конца. Огромные толпы собирались в Саутгемптоне, Портсмуте, Плимуте, дабы приветствовать возвращение каждого корабля.

Города или поселки словно бы соревновались за право оказания чести героям. Премьер-министр отрадно отмечала свидетельства радостного единения и «фолклендского духа» в любой сфере жизни Британии, заставляющих забастовщиков воздерживаться от стачек, а агитаторов левого крыла умолкать, производящих впечатление на русских и вызывающих зависть американского союзника, все еще не забывшего недавно постигших его военных катастроф.

В этом взгляде присутствует очевидная доля правды. Фолклендская война и в самом деле послужила наглядной демонстрацией британских воли и военной эффективности. Победа дарила британскому народу теплое чувство того, что вот наконец-таки достигнут почетный и овеянный ореолом романтики успех для всей нации. И все же с самого начала, когда война шла, находилось примечательно большое количество военнослужащих в Южной Атлантике и гражданских лиц на родине, осознававших лежащую в основе противостояния абсурдность — нелепость борьбы за какие-то недостижимо далекие осколки империи. Однако не стоит делать вывода, будто они выступали против войны. Как только президенту Галтьери позволили поступить так, как он поступил, большинство людей в Британии сходились в одном — правительство просто не могло ответить иначе. Стойкость британского народа перед лицом скверных известий и горечи потерь оказалась куда выше, чем представляли себе многие, в том числе и политики. Однако «триунфализмо», как называют подобные вещи в Буэнос-Айресе, — триумфализм — есть нечто более свойственное странам Латинской Америки, нежели Британии. Нашлось совсем немало боевых офицеров, не хотевших принимать участие в следовавших друг за другом чередой парадах победы. Им казалось совершенно не приличествующим английскому духу устраивать подобные шоу по поводу всего лишь хорошо выполненной работы, ставшей необходимой в силу гигантского провала на поприще политики и дипломатии. Многие из военнослужащих, сражавшихся в Южной Атлантике, вернулись домой с осознанием факта окончательного и бесповоротного разрушения войной образа жизни населения Фолклендских островов и в больших сомнениях относительно намерения правительства тратить бессчетные миллионы фунтов на создание там новой, искусственной экономики, служившей бы оправданием такой ожесточенной борьбы за эту территорию.

Сухопутные и морские баталии за горстку островков в южном секторе Атлантического океана заставили людей во всем мире широко разинуть рты. Получился этакий каприз истории. В основном публичные празднования победы обуславливались восторженностью по поводу деяний солдат, совершивших великий подвиг, но не в отношении причины — дела, отстаивать которое им пришлось. Крайне небольшие заключения, итоги опыта Фолклендских островов, имеют более широкое прикладное значение и не вмещаются в рамки одного лишь конкретного конфликта, происходившего в конкретный момент истории, в период правления конкретного британского правительства. Однако, разбив раздел на рубрики, мы постарались составить некую балансовую ведомость войны в Южной Атлантике в 1982 г.

Британский поход

Борьба за Фолкленды представляла собой по существу небольшую колониальную кампанию, стоящую в системе оценок где-то посредине между операцией против повстанцев и широкомасштабной войной с массированным применением бронетехники, свидетелем чего в 1944–1945 гг. довелось стать Европе. Столкновения обошлись Британии в 255 чел. убитыми и 777 ранеными, некоторые из которых остались калеками на всю жизнь [из 255 убитых британцев более половины (123 чел., в том числе 7 офицеров, 40 унтер-офицеров и 76 рядовых) приходилось на армию; Королевские ВМС потеряли погибшими 88 чел. (с учетом двух китайцев из Гонконга, работавших прачками на эсминцах «Шеффилд» и «Ковентри»), Королевская морская пехота — 27 чел. (2 офицера, 14 унтер-офицеров и 11 рядовых), Королевский вспомогательный флот — 10 чел. (включая 6 китайских матросов из Гонконга — двух с танкодесантного корабля «Сэр Тристрам», двух с танкодесантного корабля «Сэр Галахад» и двух с контейнеровоза «Атлантик Конвейор») и торговый флот — 6 чел.; из личного состава Королевских военно-воздушных сил погиб только один человек (флайт-лейтенант Гарт У. Хокинз); следует упомянуть, что кроме 255 военнослужащих в ходе Фолклендской войны были убиты три мирные жительницы островов, Дорин Боннер, Мэри Гудвин и Сью Уитли, ставшие жертвами «дружеского огня». — *Прим. ред.*]. Итого, потери втрое большие, чем понесенные британцами в ходе кампании на Кипре против ЭОКА [Этники Органозис Киприон Аго-

нистон (ЭОКА) — Национальная организация освобождения Кипра, созданная в середине 1950-х годов греками-киприотами с целью изгнания британцев с острова Кипр и его присоединения к Греции; действуя под руководством полковника греческой армии Георгиоса Гриваса (уроженца Кипра) и получая финансовую, военную и пропагандистскую помощь из Греции, ЭОКА в 1955–1959 гг. вела вооруженную борьбу и устраивала террористические акты против британских солдат и офицеров, пробритански настроенных киприотов и этнических турок; на пике Кипрского конфликта эта организация имела в своих рядах 1250 активных членов, тогда как противостоявшие ей британские силы безопасности насчитывали около 40 000 чел. (в том числе 32 000 из регулярных войск); в ходе развязанной ЭОКА кампании на Кипре погибло 105 британских военнослужащих и 51 полицейский. — *Прим. ред.*], урон в одну треть от потерь в Корее [в ходе Корейской войны 1950–1953 гг. вооруженные силы Соединенного Королевства потеряли убитыми 1078 чел. (или 1139, если учесть военнослужащих, умерших от ран в течение года после прекращения боевых действий, то есть до 27 июля 1954 г.). — *Прим. ред.*] и на сотню человек меньше числа погибших в Ольстере с 1969 г. Точные потери Аргентины остаются невыясненными, но, по заявлениям Буэнос-Айреса, временный итог по количеству убитых и пропавших без вести во время войны составляет 652 чел. [согласно более точным данным, аргентинцы потеряли в ходе Фолклендской войны 649 чел. убитыми и 1188 ранеными; из числа погибших на сухопутные войска Аргентины приходились 194 чел. (16 офицеров, 34 унтер-офицеров и 143 рядовых новобранцев), на ВМС — 375 чел. (в том числе 4 летчика военно-морской авиации и 34 военнослужащих морской пехоты), на ВВС — 55 чел. (включая 31 пилота), на национальную жандармерию — 7 чел. и на морскую префектуру (береговую охрану) — 2 чел.; среди убитых также значились 16 матросов гражданского флота. — *Прим. ред.*]. Британское оперативное соединение недосчиталось 6 кораблей, пошедших ко дну, а 10 других получили повреждения большей или меньшей степени тяжести. Из 28 «Си Харриеров» Королевских ВМС и 8 «Харриеров» GR.3 КВВС, задействованных совместно в операциях [всего во время Фолклендской войны британские КВВС использовали 10 самолетов «Харриер» GR.3. — *Прим. ред.*], 4 «Си Харриера» пали жертвами несчастных случаев, 2 «Си Харриера» и 3 «Харриера» GR.3 были сбиты огнем с земли. Британцы претендовали на уничтожение

или захват 109 аргентинских летательных аппаратов [по более достоверным источникам, во время Фолклендской войны аргентинцы потеряли 100 летательных аппаратов (75 самолетов и 25 вертолетов). — *Прим. ред.*], из которых 31 приходится на долю «Харриеров» [в реальности британские пилоты, летавшие на «Си Харриерах», сбили в воздушных боях 21 самолет противника (еще один был поврежден 1 мая ракетой «Сайдуиндер», выпущенной «Си Харриером», и в тот же день сбит огнем аргентинской ПВО) и способствовали крушению одного вертолета «Пума»; даже если к этим 23 летательным аппаратам добавить 3 самолета и 2 вертолета, уничтоженных или безвозвратно выведенных из строя на земле в результате авианалетов, получится только 28 ЛА. — *Прим. ред.*], а 30 уничтожены на земле или захвачены как трофеи и потому могут считаться прочно подтвержденными. [Приведенное здесь количество уничтоженных на земле или захваченных аргентинских летательных аппаратов занижено — в реальности их насчитывалось 47. После капитуляции вооруженных сил Аргентины на Фолклендах трофеями британцев стали 29 летательных аппаратов, в том числе 14 самолетов (11 легких штурмовиков IA-58 «Пукара» из 3-й штурмовой авиагруппы ВВС и 3 учебно-боевых самолета «Аэрмакки» MB-339A из 1-й штурмовой эскадрильи 4-й эскадры военно-морской авиации) и 15 вертолетов (9 UH-1H «Ирокез», два Аугуста A-109A «Ирундо» и один «Чинук» CH-47 из 601-го батальона армейской авиации, два Белл 212 из 7-й авиагруппы ВВС и один «Пума» SA-330L военно-морской префектуры). На земле были уничтожены или фатально повреждены 18 летательных аппаратов, в том числе 14 самолетов (9 «Пукар» из 3-й штурмовой авиагруппы, 4 учебно-тренировочных самолета T-34C-1 «Турбо Ментор» из 4-й штурмовой эскадрильи 1-й эскадры военно-морской авиации и один легкий транспортный самолет «Скайвэн» военно-морской префектуры) и 4 вертолета (две «Пумы», один «Чинук» и один «Ирундо» из 601-го батальона армейской авиации). — *Прим. ред.*] Из оставшихся на 9 претендуют наводчики зенитных установок «Рэйпир», на 8 — ЗРК «Си Дарт», на 5 — «Си Вулф» и на 6 — «Си Кэт». [Фактически зенитной ракетой «Рэйпир» был уничтожен только один аргентинский самолет — многоцелевой истребитель «Даггер» из 6-й ИАГ, сбитый 29 мая над заливом Сан-Карлос-Уотер. Корабельные зенитные ракетные комплексы «Си Дарт» сбили шесть самолетов разных типов (четыре штурмовика «Скайхок», разведчик «Лирджет» и бомбардиров-

щик «Канберра») и один вертолет «Пума», то есть всего 7 ЛА (не считая британского вертолета «Газель» из 656-й эскадрильи армейской авиации, сбитого по ошибке 6 июня). Кроме того, они предположительно повредили два «Скайхока», которые затем потерпели крушение в районе острова Саут-Джейсон (9 мая). Наводчики ЗРК «Си Вулф» записали на свой счет три «Скайхока» (плюс еще один, сбитый совместно с ЗРК «Си Кэт»), а наводчики ЗРК «Си Кэт» — один «Даггер» (заслугу в уничтожении еще трех самолетов противника — штурмовиков «Скайхок» — они разделили с ЗРК «Си Вулф» и средствами ПВО наземных сил). — *Прим. ред.*] Среди ЛА, потерянных аргентинцами, числятся 31 «Скайхок», 26 «Миражей», 23 «Пукары», 18 вертолетов, 1 бомбардировщик «Канберра» и один транспортник С-130. [Согласно более точным данным, в ходе Фолклендской войны Аргентина потеряла 75 самолетов, в том числе 25 легких штурмовиков IA-58 «Пукара», 22 штурмовика «Скайхок» (10 A-4B, 9 A-4C, 3 A-4Q), 11 многоцелевых истребителей IAI M-5 «Даггер», 5 учебно-боевых самолетов «Аэрмакки» MB-339A, 4 учебно-тренировочных самолета T-34C-1 «Турбо Ментор», 2 бомбардировщика B. Mk.62 «Канберра», 2 многоцелевых истребителя «Мираж» III-EA, 2 легких транспортных самолета «Скайвэн», 1 транспортный самолет «Геркулес» C-130E и 1 самолет-разведчик «Лирджет» LR-35A. Кроме того, были потеряны 25 вертолетов разного назначения — 9 UH-1H «Ирокез», 7 «Пума» SA-330L, 2 «Чинук» CH-47C, 2 A-109A «Ирундо», 2 Белл 212, 1 «Линкс» HAS.23 и 1 «Алуэтт» III. — *Прим. ред.*] Общее предполагаемое британцами количество сбитых вероятнее всего близко к реальности, хотя не бывало в истории ведения войн в воздухе случая, когда все якобы сбитые самолеты находили подтверждение как реально уничтоженные в окончательных сводках статистики. «Харриеры» выполнили 1650 боевых вылетов при уровне потерь в 0,55 процента против 4–5 процентов, считавшихся приемлемыми во время Второй мировой войны. Затраты британских налогоплательщиков на саму операцию определены правительством в сумму £700 миллионов плюс £900 миллионов за потерянные корабли и самолеты. По неофициальным оценкам, стоимость освобождения и охраны Фолклендских островов за четыре года будет выражаться цифрой £2 миллиарда.

Из нашего исследования становится ясным, что до отправки в поход оперативного соединения не существовало никаких подробных и реалистических оценок того, как британцы фактиче-

ски собираются победить аргентинцев в полномасштабной войне в Южной Атлантике. Если не считать произведенных в Королевских ВМС приблизительных подсчетов стратегического баланса по кораблям и другим средствам вооружений на той и другой стороне. Причиной тому, похоже, первоначальное отсутствие у правительства намерения воевать. В действительности же риск крупной катастрофы на море для британцев — например, шанс потери авианосца — выглядел вполне и вполне реальным. Будь экспедиция всего лишь операцией в рамках более широкого вооруженного противостояния, игра могла бы считаться вполне благоразумной. Раньше или позже Британия почти бы непременно победила. Однако кампания стала одиночным заявлением о себе государства, поставившего на карту изрядную долю национального престижа и все оставшееся могущество, а посему опасность для страны была крайне велика.

По окончании войны высокопоставленные военно-морские офицеры твердо заявляли, что основательно взвесили расклады сил и шансы на успех до выхода оперативного соединения в море, а потому не поражались понесенному урону. И все же, по частным оценкам в Министерстве обороны, предполагались безвозвратные потери в размере только двух или трех кораблей. Больше всего опасались за «Харриеры» — здесь планка вероятного ущерба доходила до 50 процентов. Существуют неопровержимые свидетельства шока, перенесенного руководством ВМС в результате гибели «Шеффилда» и вскрывшейся в первые недели кампании ненадежности систем оружия военно-морских сил. Британские военные сильнейшим образом недооценили способности аргентинских ВВС. Отправляя в поход ударную группу адмирала Вудварда, начальники штабов видов ВС (по крайней мере — штаба ВМС) убедили себя, будто аргентинцы не являются серьезным противником, а потому конвенциональные подсчеты в отношении угроз со стороны вражеских ВВС и ВМС нужно отложить в сторону как неадекватные.

После явно продемонстрированной Королевскими ВМС неспособности одержать верх в попытке достигнуть превосходства в воздухе до прибытия морского десанта, правительство и начальники штабов родов войск отважились и на куда более опасную игру, послав десант на сушу без предварительной победы в море и в воздухе. Мощности ВМС по отражению налетов авиации у берегов показали себя как даже более ограниченные.

чем в открытом море. Но к 8 мая, когда в Чекерсе принималось ключевое по важности решение, правительство и военное командование испытывали готовность победить. Несмотря на все сложности в плане политическом, они бы едва ли отважились развернуть соединение и позволить ему возвратиться домой с пустыми руками. В данном случае одного уже крайне удачного выбора в качестве места высадки десанта Сан-Карлоса — плюс ударная мощь «Харриеров», зенитных ракетных установок «Рэйпир», а также и многих других британских систем оружия — оказалось достаточно для поддержания тактического баланса сил в борьбе с неприятельской боевой авиацией.

Контр-адмирал Вудвард сделал максимум от него зависящего — едва ли кто-то другой смог бы больше, имея в распоряжении то же самое командование. Как Джеллико, он рисковал «проиграть войну за полдня», случись беда с одним из его авианосцев. Нехватка средств точечной обороны на кораблях, отсутствие мощностей для раннего обнаружения, а также сильного прикрытия с воздуха — все это не его вина. Он вызвал враждебное к себе отношение со стороны многих офицеров сухопутных сил и даже среди морских командиров скорее за подход к проведению операций, а не за суть принимаемых решений. Просто-напросто привычка Королевских ВМС сначала действовать, а потом уведомлять о сделанном командование остальных родов войск, вместо стремления к достижению взаимодействия, создавала значительные сложности. Однако нельзя не заметить разительного контраста между самонадеянной уверенностью Вудварда в начале экспедиции и наступившим позднее в условиях кровавой реальности запоздалым прозрением, каковой момент особенно болезненно переживали некоторые из служивших под его началом. Когда же Королевские ВМС вступили в битву, солдаты и офицеры их показали, что ничуть не растеряли храбрости, великолепной выучки, как и всех тех достоинств, которые демонстрировали и которыми гордились на флоте на всем протяжении его истории.

Работа служб тыла в ходе войны в Южной Атлантике, способность мобилизовать десятки кораблей и 28000 чел. для ведения боевых действий и проводить операцию на расстоянии 8000 миль (15000 км) от дома с поразительной четкостью и эффективностью сыграли важнейшую роль в деле убеждения военного кабинета в способности ВМС выполнять поставленные им задачи. 30000 тонн снабжения, продовольствия и боеприпасов были доставле-

ны морем из одних только Портсмута и Девонпорта. Двадцать одно судно Королевского вспомогательного флота и 54 торговых корабля, зафрахтованных или реквизированных в 33 компаниях и фирмах, действовали в поддержку 51 военного корабля, находившихся в составе оперативного соединения на разных этапах противостояния. Менее чем за месяц специалисты разработали и внедрили системы воздушной дозаправки для «Нимродов», «Геркулесов» и «Харриеров» КВВС. По меркам тотальной войны между европейскими государствами, предприятие в Южной Атлантике следует считать скромным. Но как достижение британских вооруженных сил в 1982 г. оно весьма примечательно, и особой похвалы заслуживают тут руководившие кампанией из Нортвуда сэр Генри Лич и сэр Джон Филдхауз.

В Королевских ВМС раздаются голоса, будто корректировка тактики позволила быстро справиться с угрозой со стороны ракет «Экзосет» — после несчастья с «Шеффилдом» ни один запуск такого оружия с воздуха не дал противнику шанса достигнуть поражения боевого корабля. «Атлантик Конвейор» пошел ко дну из-за отсутствия установки для стрельбы «соломой», тогда как «Гламорган» поразила «Экзосет» с наземной ПУ, а найти действительно эффективное средство против такой угрозы было трудно.

По всей вероятности, правда в том, что если бы неприятель бил по британцам «Экзосет» чаще, какие-то ракеты достигали бы целей, а какие-то просто падали в море. Пока нет абсолютно верного способа защититься от ракет, летающих на предельно малой высоте над поверхностью моря. ВМС имеют законное право утверждать, что, оценивая риск перед отправкой ударной группы, они принимали во внимание известный им факт наличия в арсеналах аргентинцев всего пяти АМ 39 «Экзосет». Спрашивать, что случилось бы с оперативным соединением, имей противник возможность, как он того хотел, приобрести еще двадцать «Экзосет», в равной степени неуместно, как и задаваться вопросом, послали бы Вудварда воевать за Фолкленды, будь в распоряжении аргентинских военно-воздушных сил пятьдесят «Фантомов». Их не было, вот и все. И это есть данность стратегической ситуации с самого начала.

Королевские ВМС не подвергнутся крупным переделкам в результате уроков, преподанных кампанией по возвращению Фолклендских островов, поскольку шанс повторения какого-нибудь такого же похода в обозримом пространстве маловероятен.

Точечная защита кораблей будет улучшена, больше средств придется вложить в доводку зенитных комплексов «Си Вулф» и «Си Дарт», хотя последний изживает себя, приближаясь к границе устаревания. ВМС предпримет шаги на уменьшение количества горючих материалов на кораблях, хотя много бед происходило из-за алюминиевых надпалубных сооружений. Кораблестроителям и проектировщикам уже в приказном порядке велели распределять жизненно важные составляющие структуры — компьютеры, средства связи и командные центры, а равно и ресурсы по борьбе за живучесть судна — как можно шире по кораблю, а не сосредоточивать их в одном-единственном месте, где они особо уязвимы все разом. Малые корабли, как те же «Ардент» и «Энтилоуп», все равно пошли бы на дно от нанесенного им ущерба, какие бы новые конструкторские решения ни применялись по отношению к их узлам и агрегатам. Ни один корабль в истории не располагал всем вооружением и функциональными возможностями, которые бы хотели видеть в нем создатели и пользователи. Британские боевые суда на протяжении многих лет строились с расчетом на применение в войне против Советского Союза. В заявлениях, сделанных после войны за Фолклендские острова, Джон Нотт продолжал упорствовать в своих прежних взглядах относительно ВМС, считая их актуальными, как и в 1981 г., хотя оказался вынужден приостановить продажу «Инвинсибла» австралийцам.

Когда сухопутные силы высадились на берегу, Королевская морская пехота и бойцы Парашютного полка полностью оправдали возлагавшиеся на них надежды и даже превзошли себя. Война доказала, что с обучением и подготовкой у британских военных все обстоит нормально, подчеркнув лишний раз важность наличия элитной пехоты, тренированной и экипированной для выполнения самой трудной работы на поле боя. По оценке Пентагона, сделанной до окончания войны: «Действия британцев полностью доказывают верность концепции профессиональной армии без использования призывников и укомплектованной офицерской элитой. Они также оправдывают создание специализированного корпуса высочайшим образом выученных и готовых к мгновенному развертыванию частей». Применявшееся на поле боя оружие и снаряжение действовало хорошо, за исключением установок «Блоупайп» и РЛС засечки стреляющих минометов «Симбелайн». Королевская артиллерия и Королевские инженерные войска оказали неоценимую поддержку пехоте — и в самом

деле, в большинстве боев вклад артиллеристов сыграл решающую роль. Изрядная часть проблем кампании произрастала от частой нехватки то одного, то другого. Сухопутные силы воевали, постоянно имея в распоряжении лишь скудные ресурсы. Учения в мирное время не позволяют оценить работу служб тыла армии с такой же точностью, как тактику. Организация и поддержка сухопутных сил отставала от боевой составляющей, хотя говорить так вовсе не означает стараться очернить тысячи людей, денно и нощно трудившихся на ниве снабжения.

Как говорил позднее один из высокопоставленных офицеров, война показала: «Если мы опирались на не раз проверенные и всецело опробованные приемы, такой подход себя оправдывал, импровизации же оказывались менее успешными». Связь и сотрудничество штабов в операции, проводимой силами различных родов войск, оставляли желать много лучшего. С самого начала 5-я бригада стала жертвой «импровизов». Катастрофа на «Сэре Галахаде» представляется скорее закономерной, чем исключительной — на южном фланге вполне могло произойти и нечто похуже. Многие в сухопутных силах считают опыт Фолклендов мало ободряющим в свете возможного участия страны в войне на северо-западе Европы, где британские планы в изрядной мере строятся на способности перебрасывать на континент подкрепления из Британии. Звездами кампании на суше по праву считаются бойцы 3-й бригады коммандос, досконально обученные и возглавляемые офицерами с огромным опытом совместного сотрудничества. Глядя из настоящего, трудно найти некий момент, который бригаде следовало бы переиграть, случись операции повториться, если не считать, возможно, одного аспекта — брать поменьше багажа и побольше огневых средств.

Наступление на Гуз-Грин говорит о поспешности действий и недооценке противника теми, кто готовил операцию. Успех ее целиком зависел от великолепных солдатских качеств, продемонстрированных бойцами 2-го батальона Парашютного полка. Наряду с захватом Южной Георгии, сражение служит очередным примером ведения кампании «с заднего сиденья» — из Лондона. Политики и начальники штабов родов войск, крайне перепуганные потерями при Сан-Карлосе, требовали от сухопутных сил немедленных действий по политическим, а также по военным соображениям. Теперь, после того как событие ушло в прошлое, став свершившимся фактом, соображения руководства

и его решения, возможно, и заслуживают оправдания. Однако данный эпизод служит классическим примером демонстрации того, какой риск и какие сложности могут возникнуть, когда над действиями военных в ходе операции довлеют сиюминутные политические выгоды. Командование и управление войсками на всем протяжении войны превосходным не назовешь. Несмотря на чудеса современных технологий в плане связи, между обоими командирами — морским и сухопутным — и между родами войск отмечались значительные моменты непонимания, как и сбои в средствах коммуникаций. Имеется масса простора для улучшений и усовершенствований на данном поле военной деятельности, хотя, если посмотреть с другой стороны, — сравнивать с тем, как было раньше, до отработки приемов взаимодействия между родами войск во время Второй мировой войны, — то получается, будто связь работала удивительно четко.

Генерал-майор Джереми Мур показал себя как хороший командир на переднем крае, он постоянно посещал части, подбадривал офицеров, никогда не показывал никому замешательства или нервозности. Однако он прибыл к полю боя, когда самые трудные дни остались позади, а наиболее сложные решения уже были приняты, и дивизионный штаб его с большим трудом сумел взять в свои руки бразды правления боевыми действиями на столь позднем этапе, поскольку сам едва успел начать работать как единое целое. Возможно, стоило бы считать стратегической ошибкой открытие южного направления наступления силами 5-й бригады, создавшее серьезную нагрузку на и без того ограниченные транспортные средства, вместо превращения батальонов бригадира Уилсона просто-напросто в резерв для 3-й бригады коммандос. Самый тяжелый груз ведения войны на суше выпал на долю бригадира Джулиана Томпсона и на штаб его бригады, и достижения этих офицеров трудно переоценить. Томпсон на протяжении долгих недель находился в море, не располагая четкими указаниями и постоянно сталкиваясь с диктатом политических соображений и военными вопросами межведомственного уровня, каковые являлись в самом деле очень трудными и наверняка оказались бы неподъемными для многих офицеров его ранга. Оказавшись на берегу и получив возможность осуществлять командование бригадой, комбриг тут же очутился в своей среде. «Бригадир просто великолепен — такой прямой и мудрый», — писал домой один из находившихся в его подчинении команди-

ров. Всей стране, а не одной лишь 3-й бригаде коммандос повезло иметь у себя такого человека как Томпсон.

Тренировки в Норвегии — историческая случайность, превратившая военнослужащих Королевской морской пехоты в специалистов в области ведения войны в арктических условиях, — в изрядной мере послужили на пользу достижения решительной победы на Фолклендах. В то время как аргентинские призывники, по большей части привезенные в этот уголок из сухих и теплых северных регионов страны, очень страдали в условиях чуждого им ландшафта, британские морские пехотинцы могли похвастаться соответствующим обучением и подготовкой, равно как подходящим снаряжением, помогавшими им действовать с наибольшей отдачей и результативностью. Они одержали победу в сухопутной кампании сравнительно малой ценой и, насколько позволяли имевшиеся в наличии ресурсы, весьма быстро. По всей вероятности, у аргентинцев отсутствовали шансы нанести им поражение в любой момент наземной операции, однако менее компетентное британское соединение рисковало застрять в катастрофическом военном тупике среди гор. С момента создания и обеспечения британцами берегового плацдарма такой итог представлялся правительству в Буэнос-Айресе пределом мечтаний. Было бы ошибкой заявлять, будто даже в Гуз-Грине или на горе Лонгдон противник оказывал сопротивление, равное тому, какого следовало ожидать от более мотивированных и лучше подготовленных европейских войск. Хотя, по меркам ограниченных конфликтов, боевые потери парашютистов довольно серьезны, они считались бы незначительными, если бы некая такая акция проводилась на северо-западе Европы в 1944 г. Основными врагами британских войск оказались аргентинские ВВС, сложности с обеспечением снабжением и погода.

Кампания на Фолклендских островах велась обеими сторонами с весьма примечательной порядочностью. Случались скверные инциденты как та же стрельба по беспомощным экипажам «Газелей» в воде залива Сан-Карлос и убийство в Гуз-Грине лейтенанта Барри, вышедшего вперед с белым флагом в руке, однако поступки эти, по всей видимости, представляют собой несанкционированные командирами действия необразованных солдат. Верховное командование Аргентины, как есть все основания считать, стремилось вести войну в соответствии с собственными понятиями о чести. И не стоит подвергать сомнению бла-

городство противника из-за обнаружения в Гуз-Грине запасов напалма, ведь и британцы применяли не менее чудовищные по воздействию фосфорные боеприпасы. Солдаты Мура старались обращаться с пленными, так сказать, в белых перчатках, и отправили на родину всех аргентинцев без серьезных попыток допрашивать их как в ходе войны, так и после нее. В результате такой тенденции многие вопросы в отношении причин того, а не иного поведения неприятеля так и повисли в воздухе.

Не говоря о несостоятельности разведки на пороге войны, — об отсутствии должных данных, позволившем аргентинцам осуществить вторжение, — действительно едва ли какие-то британские военные кампании за прошедшее столетие проходили при наличии меньших сведений о состоянии дел у противника. В распоряжении командования не имелось ни снимков со спутников, ни сносных данных аэрофотосъемки. Радио- и радиотехническая разведка внесли ценный вклад в дело британцев, однако те все равно вели войну, зная поразительно мало об организации и состоянии аргентинских войск, а также о стоявших во главе их персоналиях. Тут вина не одной лишь Секретной разведывательной службы, но и военных атташе в Латинской Америке, не снабдивших руководство должной информацией. Именно в области разведки, как ни в чем ином, Британия получила лишнее напоминание об опасности однобокого подхода — о большой цене, которую приходится платить за «ориентированность на конкретный сценарий действий», то есть за сосредоточение всего внимания целиком на конфронтации в Северо-Западной Европе. «Лозунг Фолклендской войны: «Ничего неизвестно», — заявил как-то после окончания противостояния один из британских командиров. В сотый раз в своей истории Британия получила напоминание о том, что всегда существуют неожиданные военные угрозы, готовиться к которым необходимо в рамках гибкого планирования обороны.

Подход к кампании британских войск отражал их тенденции, проявлявшиеся на всем протяжении истории: начинать с большими надеждами, при огромной путанице и с неадекватными ресурсами, но в конечном счете добиваться победы за счет поразительной эффективности некоторых систем оружия (с лихвой послуживших за те, что дали сбой), а также выучки и отваги солдат и офицеров, сражавшихся на земле, в небесах и на море. После окончания противостояния один офицер заметил: «Мы вновь повторили множество старых добрых уроков. Мы

много говорим о том, что пошло не так. Но по-настоящему примечательно то, сколько всего пошло так, как надо». Правительство и начальники штабов родов войск сполна заслужили право надеть венки триумфа за верный расчет в отношении того, когда и как начать и довести до победного конца их игру. Касательно же места момента риска катастрофы, — быть ему во вступлении или же лишь в сноске к истории оперативного соединения, — читателю следует решать в меру собственного вкуса и разумения.

Кампания Аргентины

Военная разведка Аргентины ничем не отличалась в лучшую сторону от британской. Точно так же, как дипломаты страны просчитались в отношении воли Тэтчер ответить на силу силой в случае необходимости защищать британские интересы на Фолклендских островах, ошибся и штаб военной разведки, не сочтя вооруженные силы Британии способными справиться с задачами. Командная структура Аргентины формировалась на протяжении поколений соперничества между видами вооруженных сил, но господствующая роль в ней отводилась борьбе с массовыми выступлениями повстанческих формирований, тогда как работать во взаимодействии друг с другом авиация, флот и армия почти или вовсе не умели. Фолклендские острова попадали в сферу ответственности ВМС, руководил которыми адмирал Хуан Хосе Ломбардо в Пуэрто-Бельграно на материке. Но центры командования сухопутными войсками и военно-воздушными силами располагались дальше на юг в Комодоро-Ривадавии, и незадачливому генералу Менендесу в Порт-Стэнли приходилось полагаться на ненадежную цепочку со звеньями в виде офицеров связи для поддержания коммуникаций между штабами родов войск. За вторжением на Фолклендские острова стояли в основном ВМС. Но после потопления крейсера «Хенераль Бельграно» корабли попрятались по базам, тогда как командование других видов ВС не пожелало слушаться указаний морского начальства, вклад которого в войну оказывался на деле столь незначительным. Нежелание руководства военно-воздушными силами вступать в военные действия не являлось ни для кого секретом: «Почти гарантированная перспектива выходить сражаться против одной из сильнейших военных машин в мире... с большим опытом конфликтов различного размаха, поддер-

живаемой воинственной чувствительностью правящих классов и располагающей самыми современными системами оружия в мире была источником постоянной озабоченности командования военно-воздушных сил...» («Аэроспасио», сентябрь 1982 г.).

Если бы ВМС рассредоточили свои корабли, они смогли бы прорываться ночью и клевать противника в партизанском стиле «ударил-убежал» за счет применения «Экзосет» против британских кораблей. Существовал риск потери каких-то судов из-за действий подлодок Королевских военно-морских сил, однако кто-то все равно бы сумел достигнуть цели и сорвать или поставить под угрозу срыва британскую операцию. Аргентинских адмиралов, совершенно очевидно, пугали перспективы больших потерь. Что же касается военно-воздушных сил, то они, к их чести, не руководствовались страхами, когда речь шла о необходимости сделать максимум от них зависящего для победы над врагом. Но взаимные подозрения и счеты между командованием родов войск препятствовали действительно эффективному их сотрудничеству и взаимодействию. ВМС не потрудились обеспечить военно-воздушные силы радиолокационным наведением, на что рассчитывали летчики. ВВС не взяли на вооружение разработанную пилотами ВМС технику, дававшую их бомбам этакий «временной люфт» для постановки на боевой взвод. Решение начальства военно-воздушных сил рассредоточивать уцелевших летчиков по разбросанным далеко друг от друга базам с целью скрыть размеры потерь лишало летный состав возможности эффективного обмена информацией и разбора полетов, необходимых для внесения необходимых поправок в используемую тактику.

После осуществления десантной высадки в Сан-Карлосе генерал Менендес фатальным образом долго раздумывал, почему-то считая данную операцию отвлекающим маневром. Ему следовало хотя бы дать старт кампании напористых рейдов и патрулирования вокруг британского берегового плацдарма, если уж он не верил в способность собственных войск развернуть масштабное контрнаступление. 5-й батальон морской пехоты, сражавшийся на горе Тамблдаун, являлся лучшей из имевшихся в его распоряжении частей. Возможно, генерал сумел бы действовать с большей уверенностью, получи он два батальона горных коммандос, на всем протяжении войны просидевших в Комодоро-Ривадавии на случай возможной чилийской агрессии. Ну а так основой его войск выступали «зеленые» призывники. Службе тыла пришлось бы

вывернуться наизнанку для обеспечения их всем необходимым, в то время как рассчитывать на особую пользу от таких воинов на поле боя вряд ли следовало. Доказавшая свою ненадежность система снабжения аргентинцев на островах создавалась с расчетом на одну бригаду в течение месяца — столько предполагалось продержать там войска. В данном же случае, после присылки сильных подкреплений, возникла необходимость кормить более 11 000 чел. на протяжении целых трех месяцев, справиться с чем службы обеспечения тыла уже не могли. Кроме того, Менендес постоянно находился в клинче спора с генералами Хофре и Даэром в Порт-Стэнли. В послевоенном «Докладе Кальви» сухопутных сил содержится предположение о назревавшем в какой-то момент мятеже с прицелом заменить Менендеса полковником Мохамедом Али Сейнельдином, командиром 25-го пехотного полка.

Незатейливая правда данного конфликта состоит в том, что аргентинская армия просто не имела концепции ведения войны против крупного неприятельского соединения. Стиль американской подготовки приучил солдат и офицеров всецело полагаться на ресурсы, а не на выучку и выносливость солдат. В ходе кампании один офицер САС высказывался в отношении главной проблемы армий третьего мира, суть которой в чрезмерном увлечении приобретением дорогостоящей техники вместо избрания в качестве приоритета подготовки и повышения боевого мастерства личного состава. Как признавался цитируемый спецназовец, бывая за границей, ему не раз приходилось сталкиваться с недоверием принимающей стороны, когда он рассказывал, что основой успехов САС служили интенсивные, непрестанные и крайне методичные обучение и подготовка: «Они все втайне думают, будто есть какая-то пилюля, и стоит только принять ее, как все пойдет точно по маслу, а ты не говоришь им, какую именно». Аргентинцы располагали лучшим военным снаряжением и более мощными огневыми средствами, чем находившиеся на берегу британцы. Но их тактика, полевая выучка и боевой дух хромали на обе ноги. Все разговоры с пленными солдатами и офицерами после войны свидетельствуют об одном: готовность британцев драться нанесла сокрушительный удар по мотивации и решимости сражаться их противника.

И все же, пусть генерал Менендес и не мог одолеть британское оперативное соединение, создать ему серьезные осложнения было, безусловно, в его силах даже с имевшимся в распоряжении

человеческим материалом. Однако его решение ограничиться обороной статичных позиций обрекало аргентинцев на неизбежное поражение. В битве за горы вокруг Порт-Стэнли присутствовало нечто ритуальное. Предсказать ее результат не представлялось сложным, однако Менендес видел в вопросах чести, или попросту в гоноре и «мачизме» императив, требовавший от него дать бой врагу перед капитуляцией. Весьма примечателен факт почти полного отсутствия попыток задействовать наличествовавшие у него под рукой самолеты-штурмовики «Пукара», которых весьма опасались британцы. Сколько бы ни ругали британский ПЗРК «Блоупайп», он показал свою действенность против одного из видов угрозы с воздуха, зарекомендовав себя уже на ранней стадии операции как вполне эффективное средство противодействия «Пукарам», вследствие чего аргентинцы никогда не прибегали к сколько-нибудь значительному применению самолетов данного типа после захвата горы Кент.

Похоже, правительство в Буэнос-Айресе пребывало в этаких фантастических иллюзиях в отношении военной обстановки на островах до самого печального конца. Когда 14 июня Менендес сказал генералу Галтьери, что попытка дать бой британцам в Порт-Стэнли выльется «в тотальную резню», Галтьери ответил: «Слушайте, генерал, берите все оставшиеся силы и переходите в контратаку». Принятое Менендесом решение проигнорировать указания Буэнос-Айреса и капитулировать стало его самым благоразумным, смелым и мужественным поступком на всем протяжении войны. Не прошло и месяца, как он и все высокопоставленные командиры, вместе с Коста Мендесом и поголовно членами хунты подали в отставку или были отрешены от должностей и постов насильно. Аргентина вновь вернулась к хаосу и неопределенности.

Война Уайтхолла

Спор из-за Фолклендских островов никак не грозил перерасти в военные действия. Получилось так в результате ряда ошибок в расчетах, допущенных обеими сторонами: британцы не верили в готовность Аргентины взяться за оружие и силой предъявить претензии на острова, тогда как аргентинцы пребывали в уверенности, что Британия не станет доводить дело до войны ради их возвращения. Недовольство положением спорной территории тихо кипело на протяжении полутора столетий. В 1964 г. Арген-

тина попыталась вынести проблему на обсуждение Организации Объединенных Наций, каковая передала ее обратно самим сторонам для урегулирования, никак не решив главного вопроса, — момента самоопределения. Затем британские и аргентинские делегаты-переговорщики вступили в семнадцатилетний цикл споров и дискуссий под предлогом стремления к хотя бы частичной реализации претензий Аргентины. Никто не считал, что в интересах жителей Фолклендских островов оставаться в состоянии неизбывного антагонизма с ближайшим к ним государством на материке. Острова эти никак не поставить в один ряд с Тайванем или даже Гибралтаром.

Лорд Чалфонт, Тед Роулендс, Николас Ридли и Ричард Люс избрали определенную политику и вели борьбу за достижение в конечном счете некоего статуса, соответствовавшего бы принципу «обратной аренды». Такой вариант урегулирования являлся бы признанием прав Аргентины на вожделенный суверенитет над островами, но одновременно в данном случае сохранялся неприкосновенным уклад жизни населения островов. Аргентинцы не стремились к колонизации Фолклендских островов. Британии не хотелось отстаивать свой суверенитет силой оружия. Как заметил Перес де Куэльяр после крушения его мирной инициативы в мае 1982 г.: «Для разрешения такого рода проблемы понадобилось бы десять минут, при условии желания обеих сторон».

Компромиссного соглашения не удалось достигнуть, потому что британское Министерство иностранных дел продемонстрировало большую компетентность в деле ведения переговоров с правительствами других стран, нежели со своим собственным руководством. Политики в сменявших друг друга правящих кабинетах считали компромисс излишне высокой политической ценой и не хотели платить ее. Американские дипломаты уверены в том, что суть их функций в лоббировании политиков — в «продаже» считающегося желательным или неизбежным политического курса тем, кто сможет воплощать таковые замыслы в жизнь. В Британии же Министерство иностранных дел существовало в своем отдельном мире. Дипломаты не сумели мобилизовать спектр политических вариантов для достижения компромисса по Фолклендским островам. Министры, в сферу ответственности которых, как казалось, входило достижение решения в данном вопросе, исполняли свои обязанности на посту слишком короткое время или просто не питали интереса к теме. Министерство иностранных дел отвергло

попытки сотрудничества Комитета Фолклендских островов Уильяма Хантера Кристи, который в 1975 г. писал Робину Эдмондсу, предлагая действовать совместно, налаживая контакты, сходные с взаимоотношениями института Мальвинских островов и аргентинским Министерством иностранных дел. Оставаясь «свободным атомом», эта маленькая группировка сумела поднять внушительную «волну» на задних скамьях и в конечном счете обрушить здание, возводимое Министерством иностранных дел.

Излишне говорить, что политикам следовало бы четко и ясно определить роль дипломатии. Внешнеполитическая структура рассматривает себя как хранителя последовательности в политике, а такое звание подразумевает определенную меру ответственности за выработку политической поддержки. Принимая во внимание отсутствие такого рода подпорки, остается только удивляться, как целому ряду сменявших друг друга должностных лиц в Министерстве иностранных дел — Дэйвиду Скотту, Майклу Хадоу, Робину Эдмондсу, Хью Карлессу, Энтони Уильямсу, Джону Юру — удавалось поддерживать переговоры в рабочем состоянии. Просматриваются три возможности — в 1968, 1977 и 1981 гг., — когда британское правительство могло бы приостановить переговоры на основании возникновения непреодолимого препятствия в деле достижения урегулирования в образе главенства принципа самоопределения народов. И все же вполне оправданная озабоченность Министерства иностранных дел в отношении британских интересов в Латинской Америке заставляла Лондон продолжать процесс. Уязвимость данной схемы действий состояла в том, что политическая стратегия вечно расходилась с дипломатической, а не дополняла последнюю. Дипломатия без политики в конечном счете бесплодна.

К 1981 г. неподконтрольные Министерству иностранных дел процессы самым драматическим образом снизили убедительность интереса Британии в сохранении за собой Фолклендских островов — отправка под сукно доклада Шэклтона, решение по отзыву «Эндьюранса», предоставление жителям территории британского гражданства второй степени. Британские дипломаты не учли возможного воздействия таких шагов на Буэнос-Айрес, ерзавший на зыбучих песках непрочной аргентинской политики. С июня 1981 г. и до самого преддверия вторжения на острова Министерство иностранных дел и Объединенный комитет разведывательных служб в секретариате кабинета министров позволяли себе

пребывать в заблуждениях относительно возможных действий Аргентины, полагая, что та осмелится на радикальный шаг только после трех фаз «ступенчатой эскалации». Именно заблуждения вынудили их с пренебрежением отнестись к возможной отправке в плавание подлодок 5 марта, сбрасывать со счетов очевидный рост напряженности и усилившиеся в Буэнос-Айресе слухи о вот-вот грозящем вторжении, совершить подчеркнуто провокационный шаг выводом «Эндьюранса» из Порт-Стэнли 20 марта и даже не поверить в истинные намерения флота адмирала Анайи, когда тот уже следовал в направлении Фолклендских островов. Оценки ситуации ОКРС, попадавшие на столы министрам, отличались благодушием и сбивали с толку. Неминуемо бросающейся в глаза причудливой особенностью британского образа мысли служит тот факт, что лица, ответственные за ошибочные анализы, упрочили свое положение за счет Фолклендской войны и — как ни поразительно — облагодетельствованы целой чередой оправдательных моментов в докладе комитета Фрэнкса (см. приложение «D»), тогда как лорд Каррингтон и Ричард Люс остались одни в этакой политической пустыне. С момента отправки в дальний поход оперативного соединения фокус британской дипломатии радикально сузился, а Министерство иностранных дел очутилось под огнем со стороны политиков и СМИ. Некоторые дипломаты убеждены, что предсказать аргентинское вторжение или избежать его являлось делом невозможным, но даже и в катастрофическом положении оставался шанс достигнуть продолжительных договоренностей. Ведь и премьер-министр в определенный момент соглашалась вести переговоры в отношении суверенитета. По мере того как в спор вступали все новые легионы посредников, в Министерстве иностранных дел начинала теплиться надежда сбросить бремя Фолклендских островов с плеч Британии и передать вопрос в ведение международных структур. И все же к концу апреля Пим, Акленд и Паллизер в Лондоне, а также Парсонз и Хендерсон в США очутились перед лицом непреодолимого вызова дипломатии — перед обязанностью найти средства отвратить войну. уже прочно вставленную в повестку дня политиков и военных. В данном случае те же политические силы в Британии и Буэнос-Айресе, которые на протяжении семнадцати лет препятствовали достижению дипломатического урегулирования, подняли ставки на недосягаемую высоту, не оставлявшую ни одной из сторон шанса пойти на попятный. Когда игра закончилась, победные

достижения Британии оказались столь высоки, что она была готова отказаться от долгосрочной дипломатической политики по Фолклендским островам. С появлением 4 ноября 1982 г. новой резолюции ООН, содержавшей просьбу о возобновлении переговоров, противниками Британии, проголосовавшими против нее, оказались девяносто стран, в том числе и Соединенные Штаты. Она выиграла войну, но пока не победила в споре. Фолклендские острова попросту превратились в дорогостоящую крепость.

Государства, охотно поддерживавшие Британию, когда та взяла на себя роль полицейского перед лицом вооруженного агрессора, считали теперь дело сделанным, а вопросы чести разрешенными. Раны спора не должны были продолжать гноиться, а Британии надлежало продемонстрировать великодушие победителя — по крайней мере в виде признания некоторых переговорных идей, высказываемых в ходе конфликта. Слишком маленькая проблема никак не могла в долгосрочном плане превратиться в вопрос национальной гордости. Санкции были сняты. Франция, к большому раздражению миссис Тэтчер, продолжила выполнение условий контракта по «Экзосет» и «Супер-Этандарам», приостановленного в ходе войны, а Германия закончила строительство фрегатов. Споры и дебаты в ООН явно давали странную картину: по иронии судьбы, делу Британии в части суверенитета над островами симпатизировали теперь меньше стран, чем раньше, до начала вооруженного противостояния. Как часто бывает с ограниченными войнами, спор вернулся точно к состоянию до начала враждебных действий — status quo ante — ни в коем случае не разрешенным.

Министерство иностранных дел, понесшее поражение с началом войны в Южной Атлантике, теперь, когда она закончилась, почти не находило способов достучаться до правительства. Нового министра иностранных дел, Фрэнсиса Пима, назначали на пост в надежде «разрядить атмосферу» между Даунинг-стрит и его ведомством. Но он обнаружил, что упорная поддержка им идеи договорного урегулирования сделала его источником раздражения для премьер-министра. Однажды Тэтчер даже заметила, что Фолклендского кризиса, вероятно, вообще не случилось бы, обладай она таким же «внутриведомственным» советником по международным отношениям, какого обрела в лице профессора Алана Уолтерза в вопросах экономической политики. После включения любимого дипломата премьера, сэра Энтони Парсонза, в ее лич-

ный штаб, Министерство иностранных дел раскрыло рот в удивленном испуге. На Даунинг-стрит явно зарождалось «теневое Министерство иностранных дел», каковой момент сулил перспективу раскола и соперничества по образу и подобию положения, сложившегося между Министерством иностранных дел США и Белым домом в Вашингтоне. Собиралась ли миссис Тэтчер допустить возникновение того же сорта трений, как наблюдавшиеся ею между Рейганом и Хэйгом? (Она устранила сомнения, попросту заменив мистера Пима в июне 1983 г. другим человеком.)

И все же британское ведомство по международным делам вышло из ситуации вокруг Фолклендских островов с известными успехами и могло гордиться ими. Резолюция ООН 502 оказалась ловким tour de force Парсонза — мастерским дипломатическим маневром под стать того же рода успешному ходу в ЕЭС 9 апреля. Британские дипломаты имели полное право считать большими достижениями искусное дирижирование Хендерсоном общественным мнением США, изящное сведение на «нет» военным кабинетом мирной инициативы де Куэльяра в последнюю неделю перед Сан-Карлосом и сдерживание любых усилий сторонников мира на путях приостановления военных действий Британии на всем протяжении противостояния на море и на суше. Британское общественное мнение упивалось справедливостью дела, за которое ратовало, но поддержка или хотя бы уступка всего остального мира в вопросе «колониальной» войны ни в коем случае не лежали в кармане у британских дипломатов.

Самой большой потерей в дипломатических маневрах стали взаимоотношения Британии с Соединенными Штатами. Лондон не мог полностью осознать неизбежный раскол Вашингтона и невозможность однозначного выбора между исторической дружбой и верностью делу Западного полушария. В то же самое время Британия не без основания считала важным для Вашингтона определиться по отношению к этому определенно моральному, а не прагматическому вопросу и затем, приняв решение, неуклонно действовать в избранном направлении. Вместо того правительство Рейгана демонстрировало отсутствие сплоченности и четкой ориентированности, приводившее в бессильное раздражение и страх многих наблюдателей как в Латинской Америке, так в не меньшей степени и в Европе.

Команда Хэйга критиковала хунту в Буэнос-Айресе за неспособность собраться с мыслями и принимать последовательные

решения. Однако зачастую точно такого же обвинения заслуживал и образ действий Вашингтона. Том Эндерс не сумел осознать серьезность вопроса, подчиняя его, как и Джин Киркпатрик, диктату антикоммунистической стратегии в Латинской Америке. Непонимание Рейганом собственных трудностей, неуклюжие манеры Министерства иностранных дел США в попытках развить начинаемые им и сменявшие одна другую мирные инициативы, блуждание между «беспристрастностью» и «тенденциозностью», антипатия по отношению к мирным усилиям со стороны ООН, фиаско с вето Киркпатрик, вопиющая несогласованность между ключевыми фигурами, формировавшими американскую политику, — все это указывало на плохую совместимость исполнительной машины с потребностями современных международных взаимоотношений, не говоря уж о возможных требованиях обстановки в условиях ядерной конфронтации. Многие американские должностные лица, проинтервьюированные при сборе материалов для данной книги, с поразительной откровенностью высказывались в адрес слабостей и упущений американский внешней политики, вскрытых в связи с Фолклендской войной. «Мы неправильно поняли Британию, неверно оценили Аргентину, показали себя полными дилетантами в ООН, закончили свой выход, не принеся никому удовлетворения и ухитрившись задеть всех и всякого», — признавался один американский посол. Западный альянс имеет предостаточно оснований вопрошать, извлечены ли из этого хоть какие-то уроки.

Если Фолклендская война началась отчасти из-за неспособности британских гражданских служб адекватным образом определять и выполнять свои функции, противостояние подарило чиновникам новое понимание цели. Механизм, введенный в действие в Уайтхолле 4 апреля, весьма примечательным образом проработал без сбоев и неполадок до самого конца войны. Премьер-министр создала военный кабинет, не только включавший в себя ключевые учреждения, — ведомства международных отношений и обороны, — но и отменным образом защищавший ее с политических флангов. Уайтлоу и Паркинсон представляли важные сектора в правительстве и партии, но не вмешивались в процесс ведения кампании. Включение в государственную команду ближних сподвижников сэра Майкла Паллизера наряду с сэром Робертом Армстронгом, сэром Энтони Аклендом и Робертом Уэйд-Гери, позволяло премьер-министру поддержи-

вать контакты с невключенными учреждениями, а также помогало шире и дальше видеть внешнюю ситуацию, каковой аспект мог бы иначе оказаться утерянным. Военная машина была маленькой, но эффективной как с политической, так и с административной точки зрения. Постоянные упоминания миссис Тэтчер о «фолклендском духе» после возвращения к миру демонстрировали так хорошо известное страстное желание всех премьер-министров в мирное время административно-управленческой и политической простоты периода войны. Как не походила та легкость на запутанные сети возни у власти и переговоров, являющиеся нынешним уделом правительства.

Военную иерархию тоже вполне удавалось интегрировать в механизм руководства. Кабинет постоянно и внимательно выслушивал консультации начальников штабов и военной бюрократии. Приглашения в Чекерс — примерно раз в неделю — позволяли руководству вооруженных сил принимать участие в неформальных дебатах по поводу ведения войны, хотя решения принимались по большей части в узких кулуарах с участием только кабинета, сэра Теренса Левина и сэра Джона Филдхауза. Ключевым моментом в налаживании и поддержании в рабочем состоянии цепочки командования являлся успех Левина, сумевшего заручиться доверием премьер-министра, а также его личная дружба с Филдхаузом. Как Парсонз обеспечил себе повышение плодотворными действиями во время Фолклендского кризиса, так и Левин очутился вверху списка возможных кандидатов на пост нового министра обороны — необычайная честь для начальника штаба обороны. Начальники штабов родов войск тоже получили примечательную и едва ли не зловещую, но сенсационную возможность принимать военные решения, не оглядываясь на стоимость. Впервые за два десятилетия британское правительство полностью отложило в сторону экономические науки. «Какой груз это с нас сняло, — говорил старший чиновник Министерства обороны. — Мы ничего не просили у Министерства финансов, а только говорили, что нам нужно». Рост расходов на войну просто заносился в соответствующие графы бухгалтерского баланса казны.

Разведывательное сообщество комитет Фрэнкса (см. Приложение «D») лишь слегла «нашлепал по попке», хотя и пожурил в итоге его машину, каковая «работала слишком пассивно». В нашем повествовании мы уже обращались к теме опасной тен-

денции все больше полагаться на электронную и радио- и радиотехническую разведку в ущерб агентурной. Одним из результатов сего, отмеченным в большинстве источников по западной разведке, стало понижение статуса доверия «живой разведке» на местах и повышение значимости «анализа и оценки» в штабе, где сделанные выводы порой необъективны, ибо искажаются за счет каких-то особых соображений и местнических интересов. Когда ведомственные приоритеты оказывают прямое влияние на анализы и оценки исходного материала, передаваемые министрам, очевиден риск блокирования свободного потока данных или его направления в другие русла. В случае Британии с господством Министерства иностранных дел над машиной ОКРС мы видим классический пример такой опасности. Разведывательный штаб можно извинить за неспособность предсказания преждевременного вторжения Анайи, хотя такая возможность и просматривалась. Однако службам разведки следовало бы, по крайней мере, находиться в курсе планов агрессии, намеченной в том же году, но позднее. Когда аргентинская хунта приняла решение упредить любой шанс посылки британцами военных подкреплений в Южную Атлантику — вероятно, 26 марта, — разведывательные механизмы отреагировали споро. Всегда существовало понимание непреложного факта — если устраивать гонку «кто быстрее», Британия заведомо не сможет достигнуть Фолклендских островов одновременно с Аргентиной.

Многим видится более тревожным этакое «коммуникационное окно», возникновение которого отмечалось утром и во второй половине дня пятницы, 2 апреля. Как будто бы в результате скверных погодных условий, британское правительство оказалось не в состоянии связаться с «вахтовым» контингентом на Фолклендских островах с момента начала аргентинского вторжения и вплоть до полной капитуляции подразделения. Известно, что после какого-то момента радиостанция и телеграф очутились в руках противника. Но альтернативного варианта связи и каналов получения информации не существовало, а потому первые новости о кризисе поступили исключительно из Буэнос-Айреса и по крайней мере через семь часов после случившегося. В результате британский кабинет не имел возможности заявить об ответном шаге. Он попросту не знал, что в действительности происходит и не был в состоянии осуществлять руководство ситуацией. Как мрачно заметил один министр: «У нас не было

сведений даже для того, чтобы {основываясь на них} подать в отставку».

«Обрыв линии коммуникаций» есть самый главный ужас ядерной стратегии. Ракетная система агрессора всего-то и должна выбить ключевые звенья в информационной сети, как у министров не окажется достаточного количества данных для ответных мер. В 2 часа пополудни дня аргентинского вторжения, через шесть часов после завершения захвата территории, британский кабинет все еще продолжал рассматривать подобную ситуацию как гипотетическую. Лишь только вечером правительству удалось получить официальные сведения для одобрения ответных мер. Возможно также, однако, влияние фактора, связанного с трудоемким процессом отправки в дальнее плавание кораблей. Фолклендская война может показаться мелочью в сравнении с обменом ударами с помощью межконтинентальных ядерных баллистических ракет. Но факт остается фактом — началась она с длительного периода паралича принимающих решения органов.

Война СМИ

Одним из вызвавших наиболее горячие споры моментов является отношение к СМИ в войне Уайтхолла. Если говорить о характере освещения Фолклендской войны в Британии, то она вполне заслуживает звания наиболее противоречивого конфликта с 1945 г. С самого начала, в силу наличия единственного способа добраться до островов, — присутствовать в составе оперативного соединения, — показ противостояния с британской стороны находился полностью в милости Министерства обороны. Естественно, тут не оставалось никакого простора для независимой экспертизы. Королевские ВМС, традиционно высоко ценившие неприкосновенность своей «частной сферы» и не имевшие прежде большого опыта общения со СМИ, поначалу однозначно отказались выделить для репортеров место на кораблях оперативного соединения. После горячих дебатов между Флит-стрит [Fleet Street — улица в Лондоне, где расположены издательства; это название может использоваться как синоним слова пресса. — *Прим. пер.*] и Министерством обороны и ввиду личного настояния премьер-министра аккредитацию получили три британских телерепортера, две группы телевизионных операторов, два радиорепортера, два фотографа и пятнадцать корреспондентов газет,

каковые и отбыли в поход в составе оперативного соединения на борту «Канберры», «Гермеса» и «Инвинсибла».

Большинство случаев несогласия между Министерством обороны и СМИ как в походе, так и на родине стали следствием целостной политики или плана в части освещения войны британской стороной. Как позднее признавался начальник главного морского штаба: «Наша кривая приобретения навыка ближе к окончанию {войны} постепенно поднималась». Компанию корреспондентам в оперативном соединении составляла команда гражданских сотрудников Министерства обороны по взаимоотношениям с общественностью, обычные функции которых сводились единственно к ответам на телефонные звонки в своем ведомстве или к организации визитов в его структуры. Работники оборонной службы не разбирались ни в нуждах СМИ, ни в военных делах и не смогли заслужить уважения ни корреспондентов, ни — что куда важнее — старших офицеров оперативного соединения. Их вкладом в дело освещения событий войны были только попытки держать под контролем поток исходящих сообщений в соответствии со становившимися все более хаотичными ограничениями. Когорта сотрудников прессы на бортах кораблей испытала изрядное разочарование, когда стало ясно, что получить заметно более широкую информацию о происходящем куда проще в Лондоне по каналам Министерства обороны, чем находясь на месте.

Раздражение СМИ в Лондоне проистекало первоначально из-за отсутствия новостей от оперативного соединения. С отплытием последнего в Южную Атлантику все брифинги по обстановке были прекращены, хотя позднее возобновились под давлением пресс-атташе Даунинг-стрит, Бернарда Ингема, с трудом скрывавшего презрение в отношении того, как действовало Министерство в плане предоставления информации СМИ. Никакого снаряжения для передачи телевизионных роликов на суда не погрузили. Редакторы во все большей степени опасались, что Министерство обороны просто использует их для распространения дезинформации, особенно после того, как за двадцать четыре часа до начала морского десантирования в Сан-Карлосе сэр Фрэнк Купер убедил их, будто никакой «высадки в духе дня «Д» [день «Д», или D-Day — в принципе любой день начала какой-то военной операции, но в данном случае этот термин используется в его наиболее известном значении — как дата высадки англо-

американских войск в Нормандии 6 июня 1944 г. — *Прим. ред.*] на Фолклендских островах не будет.

Выбор руководством Министерства в качестве спикера Йэна Макдоналда, в своих выступлениях по телевидению походившего больше на некую старую деву, а не на представителя правительства, придал привкус этакой эксцентричности действу, без того казавшемуся лишь мешаниной из нерешительности и некомпетентности. Отсутствие телевизионных роликов объяснялось техническими причинами — невозможностью передавать их без вмешательства в нормальную работу жизненно важного электронного оборудования на борту британских военных кораблей. Отговорки, выдвигаемые ВМС, воспринимались с известной долей скептицизма, поскольку никто не забыл, как телерепортеры спокойно вещали с судов американского авианосного оперативного соединения в Южно-Китайском море в мае 1975 г., после падения Сайгона. Во всяком случае телевизионные материалы достигали Англии через две, а то и более недель после освещаемого события — беспрецедентная задержка в истории современных СМИ. Аргентинские ролики выходили свободно и демонстрировали тенденцию доминировать в зарубежных новостях на всем протяжении войны. Никак нельзя отделаться от впечатления, что, учитывая трудности ведения кампании под объективами телевизионных камер, британские власти на родине и на местах намеренно не дали себе труда наладить спутниковые каналы передачи.

Нет сомнения, если бы руководство взяло на вооружение более творческий подход к политике цензуры, в газетах в Британии появлялось бы куда больше ценных сведений и интересных для читателя историй. Когда война началась, обязанности цензоров в оперативном соединении взяли на себя ответственные офицеры соответствующих служб, справлявшиеся с делами вполне споро и эффективно. Однако достигавшие Лондона материалы затем вновь подвергались цензуре через призму несогласованных между собой интересов в структурах вооруженных сил и оборонной бюрократии. В результате многое по совершенно абсурдным причинам пропадало, а другое из-за каких-то мелочных придирок доходило до читателя с опозданием. Между тем постоянное сильное давление на Уайтхолл сотрудниками СМИ неминуемо приводило к «утечкам» информации со стороны сотрудников Министерства обороны, Вестминстера и Даунинг-

стрит, так сказать, по личным каналам или же за счет «намеков» корреспондентам-лоббистам. Зачастую в результате этого достоянием гласности становились действительно крайне секретные материалы. Одним из самых печально известных эпизодов по праву можно считать преждевременное оповещение мира о наступлении британских войск на Гуз-Грин. Как мы видели, официальное отрицание факта «утечки» принять не представляется возможным. Межведомственное соперничество в войне СМИ тоже отличалось немалой напряженностью.

Если роль Уайтхолла в деле пропаганды войны можно считать искаженной, то действия британских СМИ в ней никак не назовешь достойными похвалы. После стольких лет мирной жизни мало кто из репортеров имел за плечами опыт знакомства с военными делами. Многие из тех, кто совершал плавание на борту кораблей оперативного соединения, чувствовали, как их невежество осложняет взаимопонимание с боевыми офицерами и не приносит им уважения со стороны последних. Поскольку перед отправкой флота многие редакторы сомневались в отношении перспектив начала настоящей войны, откомандированные корреспонденты являлись обычными репортерами новостей, а не специалистами или хотя бы авторами, пишущими на военные темы. Иные оказались физически неподготовленными к тяготам похода в Южную Атлантику и не могли оживить свои репортажи реальными деталями с мест боев на суше после высадки в Сан-Карлосе. Самый серьезный случай подрыва взаимоотношений между корреспондентами и командованием произошел за несколько дней до последнего британского наступления, когда стало известно о звонке одного репортера другому корреспонденту по гражданской телефонной сети, в ходе которого оба совершенно свободно обсуждали подробности предстоящей операции. Хотя позднее установили факт отсутствия возможности для кого-то в Порт-Стэнли стать свидетелем того разговора, бригадный генерал Томпсон пережил немало неприятных минут от осознания возможности прослушивания беседы противником и даже собирался изменить планы операции. С того момента всем корреспондентам строго запретили присутствовать на совещаниях и летучках командования уровня бригады или входящих в нее подразделений, а доверие к журналистам пошатнулось навсегда.

На родине с самого начала войны британская пресса доказала свою несостоятельность в плане самоцензуры. На страни-

цах газет мелькали статьи с постоянными размышлениями в отношении следующих шагов британских военных — первую скрипку тут играли легионы отставных адмиралов и генералов. Любые скрупулы любопытной информации, как те же сведения о тенденции аргентинских бомб не взрываться, тут же публиковались без всякой оглядки на опасность навредить операции. Газеты объявляли о высадке групп САС и СБС на Фолклендских островах, зачастую пользуясь ненадежными американскими «источниками». Пресса обсуждала возможные даты старта британского наступления так, точно обязанность заботиться о безопасности являлась исключительно проблемой Министерства обороны. Причина — хотя не оправдание — подобной тенденции кроется на самом-то деле в избытке цензуры. В недели после отправки в плавание оперативного соединения некоторые «желтые» газеты, особенно «Сан», стремились ввести читателей в транс безоглядной воинственности. Максимального размаха по части низкопробности кампания этой газеты достигла в инициативе «Помоги «Сайдуиндер» [именно ради сбора средства на ракеты «Сайдуиндер» газета «Сан» выпустила майки с изображением баллистической ядерной ракеты «Поларис» и слоганом «воткни это своей хунте!». — *Прим. ред.*] и в соревнованиях в том, кто выдумает более оскорбительную шутку в адрес аргентинцев. В общем и целом британская пресса не смогла отложить в сторону нормальные правила соревновательной публицистики мирного времени под влиянием требований войны. Представляется весьма обоснованным решение применять в будущих конфликтах с британским участием уведомления «D», или «оборонные рекомендации», запрещающие газетам выпускать репортажи с использованием засекреченных сведений или же строить догадки по вопросам, могущим навредить военным.

Оправдать такие шаги могло, однако, только наличие куда более тонкой и доверительной политики связей с общественностью в структуре Министерства обороны. Можно надеяться и не выглядеть при этом безнадежным мечтателем на появление в Министерстве более высокого пошиба чиновников по вопросам взаимоотношений с гражданскими сферами. Одним из разумных курсов стало бы более широкое привлечение боевых офицеров для работы со СМИ во время войны. Безусловно, самыми лучшими сотрудниками по связям с общественностью оказывались офицеры, откомандированные для занятия этим делом отдельными частями на

поле боя. Кажется невероятным, почему значение работы с корреспондентами новостных изданий и каналов не получило должного признания задолго до высадки десанта в Сан-Карлосе и почему старший офицер — по крайней мере в звании полковника — не был отправлен на юг для непосредственного курирования подобных вопросов. После войны Министерство, похоже, признало данное упущение перед особым комитетом палаты общин по вопросам обороны. Понимает ли Уайтхолл критически важную роль пропаганды и взвешенной гласности, в особенности в ограниченных конфликтах, мы увидим или не увидим в будущем.

Война политиков

Насколько война стимулирует исполнительную ветвь правительства, настолько же она демонстрирует тенденцию ослаблять законодательную. В ходе Фолклендского конфликта даже полный кабинет порой оказывался словно бы брошенным на ничейной земле между двумя этими составляющими властных структур. Кабинет каждый вторник аккуратно информировали о процессе продвижения и о достижениях оперативного соединения, однако скрывали от него любые сведения, которые «в случае рассекречивания повлекут за собой людские потери». Специальные сессии собирались на Даунинг-стрит только тогда, когда военный кабинет ощущал необходимость получения поддержки: 2 апреля перед отправкой в поход оперативного соединения, 5 мая для одобрения перуанского предложения и 18 мая с целью выступления с разъяснениями начальников штабов за трое суток до старта десантной высадки в Сан-Карлосе. Однако полный кабинет ничего не слышал о разночтении во мнениях, возникших в военном кабинете (если только слухи), а потому не мог всерьез оспаривать его коллегиальных решений. Вероятно, военный кабинет больше оглядывался на членов парламента тори с задних скамей, чем на чиновников правительства за пределами своего круга.

Между тем парламент оказался в роли огорченного аутсайдера. На протяжении стольких лет члены палаты общин с презрением отвергали рекомендации и политику Министерства иностранных дел, кидались рьяно осуждать деятельность заместителей министров, при этом и пальцем не пошевельнув, чтобы узнать побольше о проблеме Фолклендских островов. Даже те,

кто выступал за дипломатический компромисс будучи при должности, высказывались против него с целью набрать политических очков, будучи в оппозиции. Бездумные нападки членов парламента вроде Питера Шора и сэра Бернарда Брейна на Николаса Ридли в зале нижней палаты в декабре 1980 г. стали весомым вкладом в несостоятельность и провал дипломатии. Бомбардировка вопросами Ричарда Люса в палате общин 30 марта 1982 г., несомненно, подтолкнула Буэнос-Айрес к ускорению вторжения. Печально знаменитые субботние дебаты 3 апреля стали свидетелями приступов истерии, вполне достойных военного совета Галтьери. Антагонистическая структура парламента Британии не допустила возникновения атмосферы информированной озабоченности, столь важной и столь необходимой для достижения дипломатического урегулирования спора вокруг Фолклендов. Когда оперативное соединение вышло в море, члены парламента кинулись в крайности — одни захлебывались от воинственной восторженности и победного энтузиазма, а другие бросились оказывать любое сопротивление силовым методам. Ни то, ни другое не назовешь в особенности ценным в деле оказания помощи нарастающего давления на Аргентину, каковое способствовало бы достижению договоренностей по решительному прекращению войны. Вполне очевидны факты: военный кабинет гораздо чаще демонстрировал признаки перенапряжения и лихорадочных поисков какого-нибудь действия, когда палата общин заседала, — как в неделю до Гуз-Грина и после Фицроя, — чем тогда, когда она временно уходила на покой.

Часть ответственности за такое ущербное положение несет и само правительство. Ни палата общин, ни какой-нибудь из ее комитетов не шел, так сказать, на траверзе высшей государственной мысли, как обстояло бы дело в подобном случае с комитетом Конгресса в Вашингтоне. И в самом деле, как рассказывают, американским политикам британское Министерство иностранных дел, да и собственное на брифингах, говорило больше, чем министры членам парламента в отчетах с кафедры в Лондоне. Единственным информационным шагом правительства в направлении парламентариев стало предложение премьер-министра устраивать конфиденциальные планерки для партийных вождей оппозиции. Майкл Фут отверг его, поскольку опасался потерять свободу действий. Согласие выразили только Дэйвид Стил и Дэйвид Оуэн. В результате дебаты в палате общин на протяже-

нии переговорной фазы наглядно показали плохое знание предмета членами парламента. Тот же самый порочный круг секретности питал политическую инерцию, сыгравшую крупнейшую партию в оркестре генезиса конфликта. Многим людям вполне можно было доверить больше сведений о войне в Южной Атлантике без риска подставить под угрозу безопасность военных операций или дипломатии.

Ну и в конечном счете есть еще премьер-министр. Политическая фигура Маргарет Тэтчер этакой башней нависает над драмой Фолклендских островов с самых первых шагов и до эйфории финального триумфа. Личность премьера оказывалась вполне под стать ее же порой несколько специфичному чувству меры. Целенаправленность премьера, вера в тщетность переговоров, даже вычурная фразеология в моменты кризисных ситуаций — все, казалось, служило ей броней перед лицом стрел подозрений в отношении опасной и абсурдной авантюры, каковой сулило стать противостояние. «Поражение? Мне не известно значение этого слова!» и «Радуйтесь, радуйтесь же!» прочно укрепились в фолклендском лексиконе. В мире, где привыкли осуждать войну, считать ее отвратительной неуместностью, премьер-министр твердо постановила: конфликт вокруг Фолклендских островов должен обрести форму благородного дела — принципиального крестового похода. Чаяния премьера, несомненно, отвечали настроениям нации и пленяли тех, кто работал рядом с ней. Все участники, проинтервьюированные для написания этой книги, делали сходные высказывания: «Это была война миссис Тэтчер. Она сплотила нас для нее {войны}. Казалось, у нее никогда не было сомнения в отношении избранного курса. Она приняла риск на себя и победила. Она превратилась в замечательного военного вождя».

Повезло государствам, имевшим таких лидеров во времена конфликтов, но есть, безусловно, известные преимущества у лидеров, прежде всего стремящихся избежать вооруженных столкновений. Некоторые критики миссис Тэтчер указывают, что именно ее Уайтхолл и ее кабинет ввели в заблуждение аргентинцев, создав у них ощущение, будто им удастся безнаказанно вторгнуться на британскую территорию. Другие считают отправку в поход оперативного соединения после вторжения в сущности неоправданно дорогостоящим предприятием и несоразмерной реакцией в обстановке, где ничто не угрожало ни границам, ни экономическим интересам Британии. Оперативное соединение было, вероятно,

необходимым средством для спасения тори на следующих всеобщих выборах или, по крайней мере, — как палочка-выручалочка администрации Тэтчер перед лицом неизбежного крушения. Однако подобные вещи не должны становиться причиной войны.

Миссис Тэтчер не уйти от признания своей доли ответственности за поражение на начальном этапе. Премьеру не нравился план последней попытки Ридли разрешить проблему Фолклендов с помощью дипломатического компромисса. Она не понимала, чего он хочет достигнуть и чего опасается. В то же самое время Тэтчер никогда не считала нужным усилить оборону Фолклендских островов даже в свете провала инициативы Ридли и — предостережений Каррингтона. Она слишком хорошо сознавала угрозу со стороны своего же партийного правого крыла в случае согласия на дипломатические уступки и компромисс, но в то же время не хотела и платить экономической цены за военную готовность. Фактор нехватки опыта в вопросах обороны и международных отношениях осложнялся обстоятельством отсутствия согласия премьера с лордом Каррингтоном и Джоном Ноттом. На Даунинг-стрит, совершенно очевидно, очутились куда более уязвимыми перед лицом внешнего кризиса, чем следовало.

Даже самый опытный премьер-министр все равно находится в зависимости от соответствующих служб в плане поставляемой ему информации. В первые месяцы 1982 г. ОКРС не снабдил миссис Тэтчер особыми сведениями, позволявшими сделать вывод о неминуемости грядущего кризиса в Южной Атлантике. Когда ее известили об инциденте на Южной Георгии, она быстро снарядила в плавание «Эндьюранс», хотя, похоже, пребывала в сомнениях относительно дальнейших действий в части применения корабля. Миссис Тэтчер отправила в поход субмарины, когда ее предупредили о серьезной опасности для спорной территории в выходные накануне вторжения. И все же только в четверг, 1 апреля, полагаясь на твердость сэра Генри Лича, премьер начала нащупывать свой путь в направлении ответа на угрозу со стороны Аргентины — ответа, полного драматизма и решительности.

Почему миссис Тэтчер не послала ультиматум Аргентине — есть одна из загадок недели перед вторжением, каковая, как известно, до сих пор не дает покоя некоторым из тех, кто присутствовал на различных кризисных совещаниях премьера. Обычно принято считать причиной сего странного пробела взгляд на отправку оперативного соединения как на дипломатический

а не военный ход. По общему мнению многих, даже если бы Британия предупредила Буэнос-Айрес в самых определенных выражениях о неизбежности масштабной акции возмездия в случае вторжения, хунта все равно не поверила бы. Однако это взгляд в ретроспективе. Есть резон в доводе одного высокопоставленного аргентинского чиновника: «Мы и на минуту представить себе не могли, что вы пошлете оперативное соединение. Знай мы тогда то, что знаем сейчас, скептики встали бы мощной стеной, чтобы выступить против предложения Анайи о вторжении». Никак нельзя отделаться от ощущения, что в ту первую неделю кризиса две страны сползали к войне почти против собственного желания, отчего весь конфликт выглядит лишь более трагичным. В эру доступности «полного спектра коммуникаций» отсутствие обмена ясными и четкими сигналами «не делай этого!» между Британией и Аргентиной просто поразительно — говорит оно никак не в пользу обоих правительств.

Как только миссис Тэтчер убедилась в целесообразности и осуществимости отправки оперативного соединения, премьер заняла твердую позицию. Будучи едва ли не одинокой среди коллег, она с самых первых дней настаивала, что только оперативное соединение, а не дипломатия сможет привести к достижению заявленной кабинетом цели полностью очистить острова от захватчиков и вернуть туда британскую администрацию. Лишь однажды она заколебалась и показала готовность сойти с выбранного пути — во время разгоревшихся в кабинете споров по поводу перуанской инициативы. Во всех же прочих случаях ее твердая уверенность в непременном желании Аргентины добиться своего на военном поприще, полностью оправданная в данном случае, отражала достойную восхищения способность премьера понимать ход мыслей хунты. Хэйг в своем штабе неоднократно высказывался о поразительной и пугающей близости противников в плане их непримиримости. Миссис Тэтчер чувствовала ненадежность политической позиции Галтьери, понимала, что он точно так же не может вывести войска и при этом усидеть у власти, как и она, не пошли Британия в поход оперативное соединение.

Суждение миссис Тэтчер о ее собственной позиции есть вопрос спорный. Если бы она отнеслась к потере Фолклендских островов как к неизбежной трагедии —некоему fait accompli, — приняла бы отставку команды Министерства иностранных дел и мобилизовала всю возможную поддержку со стороны междуна-

родного сообщества для обеспечения наилучших условий населению островов, она бы, безусловно, перенесла немало болезненных и травмирующих моментов в парламенте. Как бы там ни было, исходя из имеющихся в распоряжении выводов военных о высокой степени риска, связанного с отправкой в поход оперативного соединения, премьер, несомненно, заручилась бы поддержкой большинства в парламенте. Конечно, свои партийные «заднескамеечники» пришли бы в гнев и ярость, однако они едва ли отказали ей в доверии в пользу «фракции оперативного соединения», против которой выступили бы депутаты от партии лейбористов. Рисковать идти на всеобщие выборы при таком раскладе сил для тори равнялось бы самоубийству. Даже сочти нужным миссис Тэтчер подать в отставку, что она бы, как предполагал Уайтлоу, сделала, тори все равно бы удержались на властном верху.

В любом случае дорогостоящие и разрушительные войны не могут оправдываться партийными соображениями. 2 апреля любому ответственному правительству следовало задать себе три вопроса: разумна ли в военном отношении отправка в плавание оперативного соединения? Будет ли жизненно необходимым отдать должное обязательствам Британии перед жителями Фолклендских островов? И будет ли желательным с политической точки зрения создать прецедент против агрессора, восстановить самоуважение британского народа и поддержать его доверие к обороноспособности страны?

Первоначальные сомнения по первому пункту Джона Нотта и некоторых из начальников штабов вполне обоснованы. Трудно избавиться от ощущения, что энтузиазм сэра Генри Лича в отношении отправки соединения ВМС в Южную Атлантику, пусть только подсознательно, подкреплялся его острым стремлением доказать способность своего вида вооруженных сил сделать это. Миссис Тэтчер снаряжала в плавание оперативное соединение, полностью осознавая этот акт как часть игры и ставку в ней, но не оценивая точного расклада сил — истинных «за» и «против» успеха. Решение это лишь более осложнялось тем фактом, что 2 апреля, похоже, еще не сказывались должным образом тонкости аспектов стратегического баланса. Премьер, возможно, с самого начала верила в неизбежность вступления Британии в боевые действия. Однако большинство коллег миссис Тэтчер, в поддержке которых она нуждалась для отправки флота, не предусматривали и не предполагали ничего большего, нежели просто игру мускулов — демонстрацию

силы ВМС в Южной Атлантике. Если бы игра провалилась или даже если бы дело выгорело без усилий со стороны миссис Тэтчер, к авантюре с посылкой оперативного соединения вполне мог бы приклеиться ярлык безответственного использования вооруженных сил Британии. Но коль скоро все увенчалось успехом, причем в значительной мере из-за качеств премьер-министра как руководителя, ей по праву принадлежат лавры удачливого и дальновидного победителя. Крайне сомнительно, будто какой-то другой британский премьер-министр со времен Идена, за исключением, вероятно, только Джеймса Каллагэна, отправил бы в поход амфибийное оперативное соединение и поддерживал бы избранную линию до самой победы. Разумность операции в этом случае надлежит измерять мерилом ее успешности.

Касательно же обязательств по отношению к жителям Фолклендских островов, тут судьями быть только им самим. Что они чувствуют? Как считают, отдано им должное или нет? Население территории не без основания может заявлять, что обязанность британского правительства заключалась прежде всего в недопущении вторжения аргентинцев, а не в превращении их родного дома в поле сражения. Ведь, как совершенно ясно, война почти неизбежно грозила разрушить хрупкий уклад жизни островитян, который они так надеялись сохранить. Да в самом деле так и получилось.

Самоопределение нельзя рассматривать как некую абсолютную концепцию. Если не брать в расчет более широких моментов, совершенно очевидна неразумность и несоразмерность отправки даже 1000 чел. на войну рисковать жизнями только из готовности позволить 1800 британским гражданам (и наполовину гражданам) находиться под управлением больше нравящегося им государства. Очевидна неизбежность — отбитое силой придется силой же и удерживать, причем на протяжении весьма длительного периода времени, вследствие чего несостоятельны любые надежды сохранить на островах прежние жизнь и порядки фактически отдельной страны. По данному вопросу можно заключить лишь следующее: если жители островов и теперь хотят оставаться сами по себе, они должны ухватиться за решение, предложенное в 1981 г., то есть за вариант «обратной аренды». Только в таком случае они смогут обеспечить собственную безопасность без риска нового нападения и в отсутствии масштабного военного присутствия британцев. Однако данный вариант потребует со стороны населения островов воли к позитивному действию.

Тут содержится и ответ на третий вопрос, который будет диктовать претензии миссис Тэтчер на создание достойного уважения исторического прецедента. Аргументы в пользу войны, основанные на принципе «продемонстрируем всем пример», всегда опасны. Ибо они могут послужить оправданием для совершенно несоразмерных ответных действий, как происходило в Юго-Восточной Азии в 1960-х и 1970-х годах. К тому же доводы демонстрируют тенденцию к избирательному применению: почему, например, Британия не использовала силу в 1965 г. для отстаивания концепции приоритета самоопределения в случае Родезии? И тут неизбежен определенный риск, ибо, как заметил один американский чиновник во время Фолклендской войны: «Желая доказать, что агрессия не пройдет, Британия доказала лишь, что противодействие ей {агрессии} будет смехотворно дорогостоящим».

Будущим историкам рассматриваемой нами войны не придется ограничиться только этим. Перед ними встанет задача оценить не только фактические последствия операции, но и гипотетический вариант — результат, получившийся бы в случае, если бы до войны все же не дошло. Каково оказалось бы воздействие на слабую и сильную страну решение Британии оставить Аргентину в положении победоносного владельца территории, захваченной силой в ходе ведущихся в ООН переговоров? Миссис Тэтчер и ее военный кабинет не упрекнешь в особо страстном стремлении к войне или в цинизме, проявленном в поисках мира, хотя некоторые министры, безусловно, считали мирное урегулирование более реально достижимым, нежели другие. Компромиссы, честно предложенные условиями планов Перу и ООН, послужили бы обоснованным оправданием отхода британского правительства от данных им парламенту обещаний. Они стали бы весомой наградой Аргентине за агрессию и походя вызвали бы крупный политический кризис в Британии. Компромиссы были бы оправданны предотвращением войны. Такие соображения Аргентина попросту отвергла. Те, кто считает подобные конфликты испытанием на прочность нового международного порядка, не должны забывать о факте — аргентинское вторжение как раз и являлось нарушением того мироустройства, и выступить в роли полицейского в этом случае вместо Британии не могли ни войска ООН, ни какая-то другая сила. Британии пришлось действовать вооруженной рукой, что вылилось в победу агрессии над мирными

переговорами. Данное соображение с готовностью принималось большинством государств планеты на всем протяжении конфликта. Надо обладать странными моральными принципами, чтобы утверждать, будто теперь, когда кризис разрешился, наш мир сделался менее безопасным местом.

Но дело не только в этом. Пусть политическое или военное событие не всегда оказывается однозначным и поддающимся арифметическому определению, данный фактор не должен приводить к сбрасыванию его со счетов. Если бы 2 апреля Британия предоставила жителей Фолклендских островов их собственной судьбе, то уважению британского народа к себе и его доверию к своему политическому и военному руководству был бы нанесен сильнейший удар. Все верно, колониальные войны способны оказывать опасное воздействие на страны-участницы. Люди в них легко могут сорваться в шовинизм, видя, как где-то далеко-далеко, вне всякой досягаемости до родных домов и близких, разыгрывается некая партия — разворачивается игра, ведомая от имени нации профессионалами. Однако популярный в СМИ имидж Фолклендской войны не должен приниматься за фактический. 14 июня британцы не заполонили Трафальгарскую площадь, купаясь в истеричном восторге из-за победы. Реакция их во многих смыслах оказалась больше исполненной чувства собственного достоинства и менее крикливой, чем у лидеров, как происходило, когда оперативное соединение выходило в море. Лучше бы британскому народу и вовсе не ввязываться в эту войну. И все же после стольких лет, казавшихся многим годами национальной несостоятельности и упадка, нация очутилась перед лицом катастрофы, но сумела набраться сил и дать достойный ответ беде. Действия войск вернули народу уверенность. Он испытал глубокое удовлетворение от того, что дело, которое надо было сделать, было сделано так хорошо. Он с полным на то правом ощутил величие обновленной национальной гордости и уверенность в себе.

Приложение «А»

Хронология военных и политических событий

2 апреля	Аргентинское вторжение на Фолклендские острова	Британский кабинет дает добро на отправку в Южную Атлантику оперативного соединения
3 апреля		ООН принимает резолюцию 502 с требованием к Аргентине вывести войска
5 апреля	Авианосная группа отправляется в поход из Портсмута	
7 апреля		Рейган дает добро миротворческой миссии Хэйга
8 апреля		Команда Хэйга прибывает в Лондон
9 апреля	3-я бригада коммандос выходит в море на борту «Канберры»	ЕЭС вводит экономические санкции против Аргентины
10 апреля		Хэйг прибывает в Буэнос-Айрес
12 апреля	Вводится морская запретная зона вокруг Фолклендских островов Субмарина «Спартан» выходит в район боевого патрулирования в виду Порт-Стэнли	Хэйг возвращается в Лондон

14 апреля	Аргентинский флот выступает из Пуэрто-Бельграно	Хэйг возвращается в Вашингтон для доклада Рейгану
15 апреля	Группа британских эсминцев выходит на сторожевые позиции посреди Атлантического океана	Хэйг вновь в Буэнос-Айресе
17 апреля	На острове Вознесения адмирал Филдхауз председательствует на совещании с адмиралом Вудвардом и командованием 3-й бригады	Хэйг представляет хунте план из 5 пунктов Совет глав родов войск оспаривает условия
18 апреля	Аргентинский авианосец возвращается в порт из-за неполадок с машиной	
19 апреля		Ответ аргентинцев Хэйгу передается в Лондон
21 апреля	Начинается операция на Южной Георгии	
22 апреля		Пим летит в Вашингтон с ответом Британии Хэйгу
24 апреля	Оперативная группа Вудварда соединяется с эсминцами в Атлантическом океане	
25 апреля	Взята назад Южная Георгия	
26 апреля	Район расположения флота объявляется «оборонительной зоной»	
27 апреля	Начальники штабов представляют военному кабинету план операции «Саттон»	Хэйг доводит до сведения Лондона «последний пакет предложений»
29 апреля	Оперативное соединение прибывает в запретную зону	«Вулкан» достигает острова Вознесения
30 апреля	В силу вступает режим действия полностью запретной зоны Генерал Мур вылетает на остров Вознесения для совещания с бригадным генералом Томпсоном	Рейган объявляет о готовности США поддержать Британию, обещая ей «материальную» помощь

1 мая	Первые высадки отрядов САС и СБС на Фолклендских островах Дебютный налет «Вулканов» на Порт-Стэнли, рейды «Си Харриеров» и артобстрел с моря	Пим возвращается в Вашингтон как «союзник»
2 мая	По приказу военного кабинета уничтожен «Хенераль Бельграно»	Пим находится в Вашингтоне как «союзник»
3 мая	Подвергаются атаке аргентинские патрульные катера	Галтьери отвергает перуанский план, ссылаясь на гибель крейсера «Хенераль Бельграно»
4 мая	«Шеффилд» поражен ракетой «Экзосет» (затонул 10 мая). Аргентинская ПВО сбивает первый «Си Харриер»	
5 мая		На чрезвычайном заседании полного кабинета министры и чиновники дают добро перуанскому плану
6 мая	Два «Си Харриера» сталкиваются в тумане и гибнут в море	Хунта вторично отвергает перуанский план
7 мая	Полностью запретная зона расширяется до линии в 12 миль (22 км) от берега Аргентины	Де Куэльяр в Нью-Йорке обсуждает свои «соображения» с британской и аргентинской делегациями
8 мая	Военный кабинет отправляет десант в плавание далее на юг с острова Вознесения	
9 мая	Британцы атакуют и берут на абордаж траулер «Нарвал» Заканчивается планирование десантной высадки в районе Сан-Карлоса	
11 мая		Хэйг посылает Уолтерза в Буэнос-Айрес

12 мая	Лайнер «QE2» выходит из Саутгемптона с 5-й бригадой на борту	Хунта отвечает де Куэльяру, что «вопрос суверенитета не является основополагающим условием»
14 мая	Рейд отряда САС на остров Пеббл	Парсонза и Хендерсона отзывают в Лондон для консультаций
16 мая		Военный кабинет в Чекерсе формулирует последние предложения Британии для де Куэльяра Парсонз возвращается Нью-Йорк
18 мая	План десантной высадки в Сан-Карлосе доводится до сведения полного кабинета Десант соединяется с оперативной группой Вудварда	
19 мая	Военный кабинет дает Вудварду добро на высадку десанта	
20 мая		Тэтчер объявляет в палате общин о крушении мирного процесса. Опубликована «Белая книга»
21 мая	Начинается десантная высадка в Сан-Карлосе Идет ко дну «Ардент». Аргентина теряет 16 летательных аппаратов.	В Совете Безопасности ООН начинаются открытые дебаты
23 мая	Аргентина теряет 7 самолетов	
24 мая	Идет ко дну «Энтилоуп»	
25 мая	Гибнут «Ковентри» и «Атлантик Конвейор»	
26 мая		Военный кабинет задается вопросами о причинах отсутствия движения с плацдарма. Резолюция ООН 505 призывает де Куэльяра искать способы урегулирования

27 мая	3-й батальон парашютистов и 45-й отряд коммандос отправляются к Тил-Инлету Крупные силы САС высаживаются на горе Кент 2-й батальон парашютистов выступает на Гуз-Грин	
28 мая	Сражение за Гуз-Грин 5-я бригада пересаживается с «QE2» на транспортные корабли у Южной Георгии	
30 мая	Генерал Мур прибывает в Сан-Карлос	
31 мая	42-й отряд коммандос высаживается на горе Кент	
1 июня	5-я бригада приступает к высадке войск в Сан-Карлосе	Военный кабинет обсуждает предложения Министерства иностранных дел и Вашингтона Доклад Шэклтона снимается с полки для дальнейшей разработки
2 июня	2-й парашютный перебрасывается в Блафф-Коув	Аргентинские военные эмиссары прибывают в ООН, «готовые сдаться ООН»
3 июня		Открывается саммит в Версале Рассматривается переданный Британии план Рейгана из 5 пунктов
4 июня		Британия в Совете Безопасности накладывает вето на резолюцию по прекращению огня США тоже выступают с вето, но затем пытаются пойти на попятный
5 июня	Бойцы 2-го батальона Шотландского гвардейского полка грузятся для отбытия в район Фицроя	

6 июня	Шотландские гвардейцы высаживаются в Фицрое, для отправки куда готовится 1-й батальон Валлийского гвардейского полка	
8 июня	Катастрофа в Фицрое. «Сэр Галахад» и «Сэр Тристрам» подвергаются бомбардировке с воздуха: 51 чел. погибает Мур заканчивает план взятия Стэнли	Военный кабинет просят не обнародовать точных данных о потерях в Фицрое
11 июня	Битва за Порт-Стэнли начинается боями за горы Лонгдон, Харриет, Ту Систерз	
12 июня	5-я бригада выходит на позиции	Тэтчер и Нотт отправляются в Нортвуд
13 июня	Бои за гору Тамблдаун и Уайрлесс-Ридж	
14 июня	Аргентинцы в Порт-Стэнли капитулируют	

Приложение «В»

Оперативное соединение
для освобождения Фолклендских островов

Примечания:
Данные приводятся на момент прибытия кораблей в зону боевых действий.
Указывается количество летательных аппаратов, находившееся на борту авианосцев в начале военных действий

Аббревиатуры и сокращения:
ASW = средства противолодочной (ПЛ) обороны (суда, ЛА)
GWS = система управляемого оружия
HMS = Her Majesty's Ship, корабль Ее Величества (обозначение всех боевых судов британских Королевских ВМС)
LCU = Landing Craft, Utility, десантный катер общего назначения (танкодесантный катер)
LCVP = Landing Craft, Vehicle, Personnel, десантный катер для пехоты и автотранспортных средств
LPD = Landing Platform Dock, десантно-вертолетный корабль-док
LSL = Landing Ship Logistic, корабль снабжения, используемый как танкодесантный корабль
MS = Merchant Ship, торговый корабль
MV = Merchant Vessel, торговое судно
RFA = Royal Fleet Auxiliary, обозначение судов Королевского вспомогательного флота (КВФ)
RMS = Royal Mail Ship, королевский почтовый корабль (традиционное обозначение быстроходных судов британского гражданского флота)
SAM = Surface-to-air missile, ракета класса «земля-воздух»
SS = Steamer Ship, пароходный корабль
SSM = Surface-to-surface missile, ракета класса «земля-земля» (или «корабль-корабль»)
ВКА = Воздушный корпус армии (Army Air Corps), британская армейская авиация
ЖКВМС = Женская Королевская военно-морская служба (Women's Royal Naval Service, WRNS)
КА = Королевская артиллерия / Королевский полк артиллерии (Royal Artillery / Royal Regiment of Artillery)
КВФ = Королевский вспомогательный флот (Royal Fleet Auxiliary, RFA)
КДАС = Королевский департамент армейских священников (Royal Army Chaplain's Department)
ККАТВСА = Королевский корпус артиллерийско-технического и вещевого снабжения (Royal Army Ordnance Corps)
ККИ = Корпус Королевских инженеров (Corps of Royal Engineers)
ККИЭМ = Корпус Королевских инженеров-электриков и механиков (Corps of Royal Electrical and Mechanical Engineers), инженерная ремонтно-восстановительная служба британской армии

ККС = Королевский корпус связистов (Royal Corps of Signals)
КМКА = Королевский медицинский корпус армии (Royal Army Medical Corps)
КМП = Корпус Королевской морской пехоты (Royal Marine Corps)
КПК = Королевский пионерный корпус (Royal Pioneer Corps)
КПСА = Корпус продовольственного снабжения армии (Army Catering Corps)
КТК = Королевский транспортный корпус (Royal Corps of Transport)
САС = SAS (Special Air Service, Специальная воздушная служба)

Сокращения:
Бриг. = бригадир
Винг-кдр. = винг-коммандер КВВС
Ген. = генеральный
Гл. = главный
Групп-кпт. = групп-кэптен КВВС
Дир. = директор
Зампред = заместитель председателя
Зафрахт. = зафрахтованный
Исп. = исполнительный
Кдр. = коммандер Королевских ВМС
Кл. = класса
Кмдр. = коммодор Королевских ВМС
Комп. = компания
Кор. = королевский
Кпрл. = капрал
Кпт. = капитан (для Королевских ВМС — кэптен)
Лт. = лейтенант
Лт. - кдр. = лейтенант-коммандер Королевских ВМС
МИД и Содр. = Министерство иностранных дел и Британского Содружества
МО = Министерство обороны
Модиф. = модифицированный
Мор. = морской
Науч. = научный
ОБ = Орден Бани
ОБИ = Орден Британской империи
Отв. = ответственный
Параш. = парашютный
ПК = почтово-курьерский
Пк. = полковник
Пом. = помощник
Ппк = подполковник
Пред. = председатель
Проф. = профессиональный
Рек. = реквизированный
Ряд. = рядовой
Скуод.-лдр. = скуодрон-лидер КВВС
Сржт. = сержант
Ст. = старший
Такт. = тактический
Тех. = технический
Торг. = торговый
Уор. - оф. = уоррент-офицер
Флаинг-оф. = флаинг-офицер КВВС
Флайт-лт. = флайт-лейтенант КВВС
Шт. - сржт. = штаб-сержант

ВЫСШИЕ КОМАНДИРЫ

Начальник штаба обороны адмирал флота сэр Теренс Левин, рыцарь Большого Креста ОБ (Ордена Бани), кавалер ОКВ (Ордена королевы Виктории), обладатель креста «За выдающиеся заслуги»
Начальник главного морского штаба адмирал сэр Генри Лич, рыцарь Большого Креста ОБ
Главнокомандующий флотом адмирал сэр Джон Филдхауз, рыцарь-командор ОБ

Британские военно-морские силы, откомандированные для участия в действиях Оперативного соединения для освобождения Фолклендских островов[1]

Командир 1-й флотилии контр-адмирал Джон Форстер Вудвард
Коммодор по десантным операциям Майкл Сесил Клэпп
Коммодор Королевского вспомогательного флота кэптен Сэмюэл Кларк Данлоп

Авианосцы

«Гермес» / HMS Hermes (R12) 25.4.82 (дата прибытия в зону боевых действий)
Кпт. Линли Эрик Миддлтон

28 700 тонн	2 счетверенные ПУ SAM «Си Кэт» (GWS.22)
Команда 1350 чел.	12 «Си Харриеров»
28 узлов	18 «Си Кингов»

«Инвинсибл» / HMS Invincible (R05) 25.4.82
Кпт. Джон Джереми Блэк, член ОБИ

19 810 тонн	2 ПУ SAM «Си Дарт»
Команда 1000 чел.	8 «Си Харриеров»
28 узлов	5 «Си Кингов»

[1] Имеется в виду Объединенная оперативная группа 317.8 (Combined Task Group 317.8), составлявшая ядро Оперативного соединения 317 (Task Force 317). — *Прим. ред.*

Эсминцы и фрегаты

Тип 82

7100 тонн
Команда 407 чел.
29 узлов

2 ПУ SAM «Си Дарт»
1 ПУ ASW «Икара»
1 × 4,5-дюйм. пушка + 2 × 20-мм пушки
и оборудование для вертолета «Уосп»

«Бристоль» / HMS Bristol (D23) 23.5.82
Кпт. Алан Гроуз

Класс «Каунти»

6200 тонн
Команда 471 чел.
30 узлов

4 SAM MM.38 «Экзосет»
2 ПУ SAM «Си Слаг» Mk. 2
2 счетверенные ПУ SAM «Си Кэт» (GWS. 22)
2 × 4,5-дюйм. пушки
1 противолодочный вертолет «Уэссекс» HAS.3

«Антрим» / HMS Antrim (D18) 17.4.82 (поврежден)
«Гламорган» / HMS Glamorgan (D19) 25.4.82 (поврежден)

Тип 42

4100 тонн
Команда 268 чел.
29 узлов

2 ПУ SAM «Си Дарт»
6 торпедных аппаратов Mark 32 ASW
1 × 4,5-дюйм. пушка + 2 × 20-мм пушки
1 противолодочный вертолет «Си Линкс» HAS. 2

Кардифф / HMS Cardiff (D108) 23.5.82
Кпт. Майкл Джордж Темпл Харрис

«Ковентри» / HMS Coventry (D118) 20.4.82 (потоплен)
Кпт. Дэйвид Харт-Дайк

«Эксетер» / HMS Exeter (D89) 19.5.82
Кпт. Хью Максуэлл Балфур, кавалер ОКВ

«Глазго» / HMS Glasgow (D88) 20.4.82 (поврежден)
Кпт. Энтони Пол Ходдинотт, офицер ОБИ

«Шеффилд» / HMS Sheffield (D80) 20.4.82 (потоплен)
Кпт. Джеймс Фредерик Томас Джордж («Сэм») Солт

Тип 22

4000 тонн
Команда 223 чел.
30 узлов

12 ПУ SAM «Си Вулф»
4 SSM MM.38 «Экзосет»
6 торпедных аппаратов Mark 32 ASW
2 × 40-мм пушки
2 противолодочных вертолета «Си Линкс» HAS.2

«Бриллиант» / HMS Brilliant (F90) 20.4.82 (поврежден)
Кпт. Джон Фрэнсис Кауард
«Бродсуорд» / HMS Broadsword (F88) 25.4.82 (поврежден)
Кпт. Уильям Роберт Каннинг

Тип 21

3250 тонн
Команда 235 чел.
30 узлов

4 SSM MM.38 «Экзосет»
1 × 4,5-дюйм. пушка + 2 × 20-мм пушки
1 счетверенная ПУ SAM «Си Кэт» (GWS.24)
6 торпедных аппаратов Mark 32 ASW
1 противолодочный вертолет «Си Линкс» HAS.2

«Актив» / HMS Active (F171) 23.5.82
Кдр. Пол Чарлз Бичинг Кантер

«Алакрити» / HMS Alacrity (F174) 25.4.82
Кдр. Кристофер Джон Синклер Крейг

«Эмбюскейд» / HMS Ambuscade (F172) 18.5.82
Кдр. Питер Джон Мосс

«Энтилоуп» / HMS Antelope (F170) 18.5.82 (потоплен)
Кдр. Николас Тобин

«Ардент» / HMS Ardent (F184) 13.5.82 (потоплен)
Кдр. Алан Уильям Уэст

«Арроу» / HMS Arrow (F173) 20.4.82 (поврежден)
Кдр. Пол Джеффри Будерстоун

«Эйвенджер» / HMS Avenger (F185) 23.5.82 (поврежден)
Кпт. Хьюго Морсби Уайт

Класс «Линдер» — группа с «Экзосет»

3200 тонн	4 SSM MM.38 «Экзосет»
Команда 223 чел.	3 счетверенных ПУ SAM «Си Кэт» (GWS.22)
28 узлов	6 торпедных аппаратов Mark 32 ASW
	1 × 40-мм пушка
	1 противолодочный вертолет «Уосп»
	(или «Си Линкс» HAS.2)

«Аргонот» / HMS Argonaut (F56) 13.5.82 (поврежден)
Кпт. Кристофер Хоуп Лаймэн, кавалер ОКВ

«Пинелопи» / HMS Penelope (F127) 23.5.82
Кдр. Питер В. Риккард

«Минерва» / HMS Minerva (F45) 23.5.82
Кдр. С. Х. Г. Джонстон

Класс «Линдер» — группа с расширенным бимсом

2962 тонны	12 ПУ SAM «Си Вулф»
Команда 260 чел.	4 SSM MM.38 «Экзосет»
28 узлов	6 торпедных аппаратов Mark 32 ASW
	1 противолодочный вертолет «Си Линкс» HAS.2

«Андромеда» / HMS Andromeda (F57) 23.5.82
Кпт. Джеймс Лэмб Уизеролл

Класс «Ротсей»

2800 тонн
Команда 235 чел.
30 узлов

1 счетверенная ПУ SAM «Си Кэт» (GWS.20)
2 × 4,5-дюйм. пушки
1 миномет «Лимбо» для стрельбы глубинными бомбами
1 противолодочный вертолет «Уосп»

«Ярмут» / HMS Yarmouth (F101) 25.4.82
Кдр. Энтони Мортон

«Плимут» / HMS Plymouth (F126) 17.4.82 (поврежден)
Кпт. Дэйвид Пентрит

Корабль ледовой разведки

3600 тонн

2 × 20-мм пушки
2 противолодочных вертолета «Уосп»

«Эндьюранс» / HMS Endurance (A171)
Кпт. Николас Джон Баркер

Подводные лодки

Класс «Суифтшюр»

4500 тонн
Команда 97 чел.
30 узлов

5 × 21-дюйм. торпедных аппаратов на 25 модиф. торпед Mark 24
торпеды «Тайгерфиш»

«Спартан» / HMS Spartan (S105) 12.4.82
Кдр. Джеймс Брэдли Тейлор

«Сплендид» / HMS Splendid (S106) 19.4.82
Кдр. Роджер Чарлз Лейн-Нотт

Класс «Черчилль» и «Вэлиант»

4900 тонн
Команда 103 чел.
30 узлов

6 × 21-дюйм. торпедных аппаратов с 32 модиф. торпедами Mark 24
торпеды «Тайгерфиш»

«Конкерор» / HMS Conqueror (S48) 16.4.82
Кдр. Кристофер Луис Рефорд-Браун

«Вэлиант» / HMS Valiant (S102) 16.5.82
Кдр. Томас Мэйтленд Ле-Маршан

«Корейджес» / HMS Courageous (S50) 30.5.82
Кдр. Руперт Томас Николас Бест

Класс «Оберон» и «Порпойс»

2410 тонн
Команда 69 чел.

8 × 21-дюйм. торпедных аппаратов (6 в носу, 2 в корме)
модиф. торпеды Mark 24 «Тайгерфиш»
12 узлов
17 под водой

«Оникс» / HMS Onyx (S21) 28.5.82
Лт.-кдр. А. П. Джонсон

Суда морского десанта

Десантный корабль-док (LPD)

12 120 тонн
Команда 580 чел.
21 узел

4 счетверенных ПУ SAM «Си Кэт» (GWS.20)
2 × 40-мм пушки
4 десантных катера (LCU) (грузоподъемностью 100 тонн каждый)
4 легких десантных катера (LCVP) (грузоподъемностью 5 тонн каждый)
Оборудование для 5 вертолетов «Уэссекс» или 4 вертолетов «Си Кинг»
Возможность несения 400 чел. в течение длительного периода или 700 чел. — кратковременно

«Фирлесс» / HMS Fearless (L10) 13.5.82
Кпт. Эдмунд Шэклтон Джереми Ларкен

«Интрепид» / HMS Intrepid (L11) 13.5.82
Кпт. Питер Джордж Валентайн Дингеманс

Корабль снабжения (LSL)

5674 тонны	2 × 40-мм пушки
Команда 68 чел.	оборудование для применения вертолетов
17 узлов	возможность несения 340 чел. в течение длительного периода или 534 кратковременно (Команды на этих кораблях относятся к КВФ)

«Сэр Бидайвер» / RFA Sir Bedivere (L3004) 18.5.82
Кпт. Питер Джеймс Маккарти

«Сэр Галахад» / RFA Sir Galahad (L3005) 8.5.82 (потоплен)
Кпт. Филип Джереми Джордж Робертс

«Сэр Герэйнт» / RFA Sir Geraint (L3027) 8.5.82
Кпт. Дэйвид Эверетт Лоренс

«Сэр Персивал» / RFA Sir Percivale (L3036) 8.5.82
Кпт. Энтони Фрэнсис Питт

«Сэр Тристрам» / RFA Sir Tristram (L3505) 8.5.82 (поврежден)
Кпт. Джордж Роберт Грин

«Сэр Ланселот» / RFA Sir Lancelot (L3029) 8.5.82 (поврежден)
Кпт. Кристофер Энтони Пертчер-Уайденбрук

Военные транспортные суда и снабженческие паромы Королевского вспомогательного флота и выведенные из коммерческого оборота торговые корабли

«Куин Элизабет 2» RMS Queen Elisabeth 2 («QE2») 23.5.82	Рек. лайнер компании Кьюнард / Оснащение для приема и отправки в полет вертолетов	67 000 тонн
«Канберра» SS Canberra 13.5.82	Рек. лайнер компании P&O Оснащение для приема и отправки в полет вертолетов	44 807 тонн

«Норланд» MV Norland 13.5.82	Рек. трейлерный паром P&O	12000 тонн
«Тор Каледония» MS Tor Caledonia 6.6.82	Рек. трейлерный паром комп. Уитуилл	10000 тонн
«Сент-Эдмунд» MS St. Edmund 7.6.82	Рек. трейлерный паром Силинк	9000 тонн
«Нордик Ферри» MS Nordic Ferry 25.5.82	Рек. трейлерный паром Таунсенд Торесен	6500 тонн
«Балтик Ферри» MS Baltic Ferry 25.5.82	Рек. трейлерный паром Таунсенд Торесен	6500 тонн
«Элк» / MS Elk 13.5.82	Рек. трейлерный паром P&O / 2 × 40-мм пушки.	5463 тонны
«Юропик Ферри» MS Europic Ferry 13.5.82	Рек. трейлерный паром Таунсенд Торесен	4190 тонн
«Атлантик Конвейор» / Atlantic Conveyor (потоплен) 13.5.82	Рек. контейнеровоз компании Кьюнард, переделанный в паром для летательных аппаратов	14946 тонн
«Атлантик Козуэй» Atlantic Causeway 25.5.82	Рек. контейнеровоз компании Кьюнард, переделанный в паром для летательных аппаратов	14946 тонн
«Контендер Бизант» Contender Bezant 7.6.82	Рек. контейнеровоз Си Контейнерз л.т.д.	11000 тонн

Снабженческие корабли

«Форт-Остин» / RFA Fort Austin (A386) 26.4.82	Кмдр. Сэмюэл Кларк Данлоп, член ОБИ / Универсальный транспорт снабжения КВФ / Оборудование для 4 вертолетов «Си Кинг»	23600 тонн / Команда 185 чел. (140 из КВФ, 45 — из Королевских ВМС) / 22 узла
«Форт Грейндж» / RFA Fort Grange (A385) 26.5.82	Кпт. Д. Г.М. Эверилл, командор ОБИ / Универсальный транспорт снабжения КВФ / Оборудование для 4 вертолетов «Си Кинг»	23600 тонн / Команда 185 чел. (140 из КВФ, 45 — из Королевских ВМС / 22 узла

«Рисоурс» / RFA Resource (A480) 25.4.82	Кпт. Б. А. Сеймур / Универсальный транспорт снабжения КВФ / Оборудование для 4 вертолетов «Си Кинг»	22 890 тонн / Команда 171 чел. (119 из КВФ, 52 — из Королевских ВМС / 21 узел
«Риджент» / RFA Regent (A486) 8.5.82	Кпт. Дж. Логан / Универсальный транспорт снабжения КВФ / Оборудование для 4 вертолетов «Си Кинг»	22 890 тонн / Команда 171 чел. (119 из КВФ, 52 — из Королевских ВМС / 21 узел
«Стромнесс» / RFA Stromness (A344) 13.5.82	Кпт. Джон Барри Дикинсон / Транспорт снабжения КВФ	16 792 тонны / Команда 151 чел. / 18 узлов
«Саксония» / Saxonia 20.5.82	Рек. грузовое судно компании Кьюнард	8000 тонн
«Ликаон» / Lycaon 21.5.82	Зафрахт. грузовое судно Чайна Мьютюэл	11 804 тонны
«Гиспорт» / Geesport 6.6.82	Зафрахт. грузовое судно	9750 тонн

Корабли обеспечения

«Уганда» / SS Uganda 8.5.82	Рек. лайнер P&O / Переоборудован в госпитальное судно	16 907 тонн
«Хайдра» / HMS Hydra (A144) 14.5.82	Кдр. Ричард Дж. Кэмпбелл / Океанографическое судно, используемое как паром-эвакуатор раненых и убитых	2744 тонны
«Хекла» / HMS Hecla (A133) 9.5.82	Кпт. Джеффри Л. Хоуп / Океанографическое судно, используемое как паром-эвакуатор раненых и убитых	2744 тонны
«Херолд» / HMS Herald (A138) 15.5.82	Кдр. Роберт И. С. Халлидей / Океанографическое судно, используемое как паром-эвакуатор раненых и убитых	2945 тонн
«Бритиш Энтерпрайз III» / British Enterprise III	Рек. транспорт бурового оборудования в Северном море BUE (работа с обитаемыми подводными аппаратами)	1600 тонн

«Стена Сиспред» / Stena Seaspread 8.5.82	Рек. транспорт бурового оборудования в Северном море фирмы Стена	6061 тонна
«Стена Инспектор» / Stena Inspector	Рек. транспорт бурового оборудования в Северном море фирмы Стена	7000 тонн
«Ингадайн» / RFA Engadine (K08) 2.6.82	Плавучая база вертолетов КВФ	9000 тонн
«Пикт» / HMS Pict 18.5.82	Рек. минный тральщик Юнайтед Тролерс	1478 тонн
«Корделла» / HMS Cordella 18.5.82	Рек. минный тральщик Дж. Марр Тролерс	1238 тонн
«Фарнелла» / HMS Farnella 18.5.82	Рек. минный тральщик Дж. Марр Тролерс	1207 тонн
«Джунелла» / HMS Junella 18.5.82	Рек. минный тральщик Дж. Марр Тролерс	1615 тонн
«Нортелла» / HMS Northella 18.5.82	Рек. минный тральщик Дж. Марр Тролерс	1238 тонн
«Салвиджмэн» / Salvageman 2.5.82	Рек. морской буксир Юнайтед Тоуинг (2000 л.с.)	1568 тонн
«Йоркширмэн» / Yorkshireman 9.5.82	Рек. морской буксир Юнайтед Тоуинг (9000 л.с.)	689 тонн
«Айришмэн» / Irishman 9.5.82	Рек. морской буксир Юнайтед Тоуинг (9000 л.с.)	689 тонн
«Уимпи Сихорс» / Wimpey Seahorse 2.6.82	Рек. морской буксир Уимпи Марин	1599 тонн
«Сент-Хелена» / St Helena	Рек. снабженческое судно Юнайтед Интернейшнл Бэнк л.т.д.	3150 тонн
«Айрис» / Iris 21.5.82	Зафрахт. кабельное судно Бритиш Телеком	3873 тонны

Танкеры

«Бэйлиф» / RFA Bayleaf (A109) 9.6.82	Кпт. А. Э. Т. Хантер / Танкер КВФ	40 000 тонн
«Скоттиш Игл» / Scottish Eagle 10.6.82	Зафрахт. танкер Кинг Лайн	33 000 тонн

«Алвега» / Alvega	Зафрахт. танкер Финанс фор Шиппинг л.т.д.	33000 тонн
«Балдер Лондон» / Balder London	Зафрахт. танкер Ллойдс оф Лондон	33000 тонн
«Олна» / RFA Olna (A123) 23.5.82	Кпт. Дж.А. Бэйли / Танкер КВФ	36000 тонн
«Олмеда» / RFA Olmeda (A124) 25.4.82	Кпт. Гилберт Пол Овербери / Танкер КВФ	36000 тонн
«Тайдспринг» / RFA Tidespring (A75) 17.4.82	Кпт. Шейн Редмонд / Танкер КВФ	27400 тонн
«Тайдпул» / RFA Tidepool (A76) 13.5.82	Кпт. Дж. Маккалоу / Танкер КВФ	27400 тонн
«Пирлиф» / RFA Pearleaf (A77) 4.5.82	Танкер КВФ	25790 тонн
«Форт Торонто» / Fort Toronto 12.5.82	Зафрахт. водоналивное судно Канадиен Пасифик	19982 тонны
«Эбурна» / Eburna 27.5.82	Зафрахт. танкер Шелл	19763 тонны
Г.А. Уокер / G.A. Walker	Зафрахт. танкер Канадиен Пасифик	18744 тонны
«Бритиш Дарт» / British Dart 14.5.82	Зафрахт. танкер BP [компании Бритиш Петролеум (British Petroleum). — Прим. пер.]	15650 тонн
«Бритиш Тест» / British Test 21.5.82	Зафрахт. танкер BP	15653 тонны
«Бритиш Тэй» / British Tay 23.4.82	Зафрахт. танкер BP	15650 тонн
«Бритиш Трент» / British Trent 5.5.82	Зафрахт. танкер BP	15649 тонн
«Бритиш Уай» / British Wye 25.5.82	Зафрахт. танкер BP	15649 тонн
«Бритиш Эсю» / British Esk 22.4.82	Зафрахт. танкер BP	15643 тонны
«Бритиш Эйвон» / British Avon	Зафрахт. танкер BP	15640 тонн

«Анко Чарджер» / Anco Charger 15.5.82	Зафрахт. танкер P&O	15 974 тонны
«Блю Ровер» / RFA Blue Rover (A270) 2.5.82	Кпт. Д. А. Рейнолдс / Танкер КВФ	11 522 тонны

Эскадрильи военно-морской авиации, развернутые в операции в Южной Атлантике

800, 801, 809*, 899	Самолеты «Си Харриер»
845, 846	Вертолеты «Си Кинг» Mk.IV
847*, 848*	Вертолеты «Уэссекс» V
820, 824, 825*	Противолодочные «Си Кинг» Mk.II
826	Противолодочные «Си Кинг» Mk.V
737	Вертолеты «Уэссекс» III
815	Вертолеты «Линкс»
829	Вертолеты «Уосп»

Всего использовался 171 летательный аппарат военно-морской авиации, многие из которых на постоянной основе базировались на борту кораблей Королевских ВМС и Королевского вспомогательного флота, но некоторые были доставлены на юг и позднее действовали с береговых баз.

* Эскадрильи, целевым назначением сформированные для действий в составе оперативного соединения.

Британские сухопутные силы, откомандированные в распоряжение оперативного соединения для освобождения Фолклендских островов

Командующий сухопутными силами генерал-майор Королевской морской пехоты Джон Джереми Мур [прибыл в Сан-Карлос 30.5.82]
Заместитель командующего сухопутными силами бригадир Чарлз Джон Уотерз

Штаб 3-й бригады коммандос

Бригадир Джулиан Хауард Атерден Томпсон, КМП

29-й полк коммандос Королевской артиллерии
Ппк. Майкл (Майк) Джон Холройд-Смит
18 × 105-мм легких орудий + 148-я батарея передовых наблюдателей-корректировщиков огня военно-морских сил

59-й отдельный эскадрон коммандос Королевских инженеров
Майор Родерик Макдоналд
40-й отряд коммандос КМП
Ппк. Малком Питер Джон Хант
42-й отряд коммандос КМП
Ппк. Николас (Ник) Фрэнсис Вокс
45-й отряд коммандос КМП
Ппк. Эндрю Фрэнсис Уайтхед
2-й батальон Парашютного полка плюс приданные подразделения
Ппк. Херберт Джоунз
29-я полевая батарея КА, взвод ПЗРК «Блоупайп» 43-й батареи ПВО, полевой взвод 9-го парашютного эскадрона ККИ, взвод 16-го медицинского отряда, отряд 81-й артиллерийско-технической (АТ) роты, 613-я команда управления ТА
3-й батальон Парашютного полка плюс приданные подразделения
Ппк. Хью Уильям Ройстон Пайк
1 отделение медицинского отряда, 1 подразделение АТ роты
Полк тылового обеспечения коммандос КМП
Ппк. Айвар Джек Хеллберг
Эскадрон штаба и связи 3-й бригады коммандос КМП
Майор Ричард Диксон
Авиаэскадрилья 3-й бригады коммандос
Майор Чарлз Питер Кэмерон
11 × вертолетов «Газель», 6 × «Скаут»
2 × взвода средней механизированной разведки эскадрона «В» полка «Блюз-энд-Ройялс»
Лт. Марк Рудолф Корет
4 × гусеничных БРМ «Скорпион», 4 × БРМ «Симитар», 1 × ремонтно-эвакуационная машина «Самсон»
Батарея «Т» 12-го полка ПВО Королевской артиллерии
12 × ПУ ракет «Рэйпир»
Взвод противовоздушной обороны
12 × ПУ ракет «Блоупайп»
1-й рейдерский эскадрон КМП
Кпт. Крис (Ф. Й. Дж.) Бакстер
17 × судов «Риджид Рейдер»
Отряд для ведения боевых действий в горах и в арктических широтах КМП
Кпт. Родерик (Род) Босуэлл
2-я, 3-я и 6-я секции Специального лодочного эскадрона КМП
Майор Джонатан Джеймс Томсон
20 чел. разных рангов + управление из 11 чел. в составе военно-морской оперативной группы, 3 отряда по 4 чел. и командный элемент из 2 чел. на подлодке «Конкерор», 22 чел. разных званий на другой подлодке

Эскадроны «D» и «G» 22-го полка САС
Ппк. Хью Майкл (Майк) Роуз
100 чел. разных званий + командование из 7 чел. на десантных кораблях, остальные в составе военно-морской ударной группы
3 × команды управления тактической авиацией
Авиатехническая группа
Отряд тыловой связи из 30-го полка связи (спутниковые и высокочастотные коммуникации)
3 × отряда грузовых понтонов 17-го портового полка Королевской транспортной службы
5 × отрядов службы обеспечения десантных судов 17-го портового полка
3 × команды медицинского обслуживания
402-й отряд почтово-курьерской связи 1-го ПК полка
Отряд специального назначения КВВС
Отряд 47-й воздушно-курьерской эскадрильи КТК
Отряд 49-го эскадрона обезвреживания боеприпасов 33-го инженерного полка ККИ
1 × саперная команда
Отряд взвода «Y» (линии коммуникаций)
Оркестр коммандос (санитары-носильщики)

Штаб 5-й пехотной бригады

Бригадир Мэтью Джон Энтони (Тони) Уилсон

Бригада начала высаживаться в Сан-Карлосе 1 июня 1982 г.

2-й батальон Шотландского гвардейского полка
Ппк. Майкл Йэн Элдон Скотт
1-й батальон Валлийского гвардейского полка
Ппк. Джон Фрэнсис Рикетт
1-й батальон 7-го Собственного Герцога Эдинбургского полка гуркских стрелков
Ппк. Дэйвид Патрик де Курси Морган
97-я батарея Королевской артиллерии
Майор Кристофер Джордан
6 × 105-мм легких орудий
Штаб 4-го полевого полка КА
Ппк Джордж Энтони Холт
36-й инженерный полк ККИ
Ппк Джеффри Уильям Филд
9-й парашютный эскадрон ККИ
Майор Кристофер Мэтью Дэйвис
11-й полевой эскадрон ККИ (из 38-го инженерного полка)
Майор Ричард Брюс Хокен

1 полевой взвод 20-го полевого эскадрона ККИ (придан 9-му парашютному эскадрону ККИ)
Кпт Дэйвид Фоксли
61-й эскадрон инженерно-строительных машин ККИ (из 36-го инженерного полка)
656-я эскадрилья Воздушного корпуса армии
Майор Колин Стюарт Сибун
6 × вертолетов «Газель», 3 × «Скаут»
10-я полевая мастерская инженерной ремонтно-восстановительной службы
16-й полевой медицинский отряд
81-я артиллерийско-техническая рота
Партия передового воздушного контроля (наведения авиации)
2 × поста ПВК

Эскадрильи Королевских военно-воздушных сил, применявшиеся в боевых действиях в Южной Атлантике

1	«Харриеры» GR.3, транспортируемые на борту «Атлантик Конвейора» или перелетевшие в состав оперативной группы и действовавшие с HMS «Гермес»
55, 57	самолеты-заправщики «Виктор»
44, 50, 101	эскадрильи бомбардировщиков «Вулкан», чьи машины выполняли боевые вылеты
42, 120, 201, 206	морские самолеты-разведчики «Нимрод»
24, 30, 47, 70	транспортные самолеты «Геркулес» C-130, в том числе некоторые с целевым назначением установленными баками для увеличения радиуса действия
10	самолеты VC 10, летавшие по маршруту Брайз Нортон — остров Вознесения
63	подразделение наземного полка КВВС, оснащенное ЗРК «Рэйпир Блайндфайр» (придано 5-й пехотной бригаде)
18	4 вертолета «Чинук» на борту «Атлантик Ковейора», из которых действовал 1; еще 4 на борту «Контендер Бизанта», действовавшие с берега 14 июня

Основные боевые летательные аппараты, применявшиеся в Южной Атлантике

«Харриер» GR.3

Скорость	максимальная на малых высотах, 640 узлов / 1185 км/ч / 736 миль/ч
Полезная нагрузка	максимальная внешняя боевая 5000 ф. / 2270 кг
Дальность	с одной дозаправкой в воздухе 3455 статутных миль / 5560 км / 3000 морских миль

«Си Харриер»

Скорость	максимальная при горизонтальном полете как и у GR.3
Полезная нагрузка	максимальная внешняя боевая 8000 ф. / 3630 кг
Дальность	варьируется в соответствии с выполняемым заданием: радиус при перехвате на больших высотах, трех минутах боя и с резервом для вертикального взлета 400 морских миль / 750 км / 460 статутных миль; боевой ударный радиус 250 морских миль / 463 км / 288 статутных миль

«Пукара»

Скорость	максимальная в горизонтальном полете на 3000 м или 9845 фут. 270 узлов / 500 км/ч / 310 миль/ч
Полезная нагрузка	общая на внешней подвеске 1620 кг / 3571 ф.
Дальность	при полной максимальной заправке на 5000 м или 16400 фут. 1641 морская миля / 3042 км / 1890 статутных миль

«Мираж» III-EA

Скорость	максимальная в горизонтальном полете на уровне моря 750 узлов / 1390 км/ч / 863 миль/ч
Полезная нагрузка	около 3000 ф. (1350 кг)
Дальность	боевой ударный радиус при штурмовке сухопутных или морских целей 647 морских миль / 1200 км / 745 статутных миль

«Супер-Этандар»

Скорость	максимальная в горизонтальном полете на малых высотах 650 узлов /1204 км/ч / 748 миль/ч
Полезная нагрузка	максимальная внешняя боевая только при внутренних баках 4630 ф. / 2100 кг
Дальность	радиус действия с ракетой AM 39 «Экзосет» 350 морских миль / 650 км / 403 статутных миль

Приложение «С»

Списки награжденных
по итогам Фолклендской кампании

Гражданские

Пожизненный пэр
Барон
Адмирал флота сэр Теренс Торнтон Левин, до последнего времени начальник штаба обороны

Рыцарь
Рекс Мастерман Хант, гражданский комиссионер на Фолклендских островах

Кавалер ордена Бани
Кеннет Джон Притчард, пом. замминистра, МО

Кавалер ордена св. Михаила и св. Георга
Дэйвид Хейвуд Андерсон, МИД и Содр.

Орден Британской империи
Командоры ОБИ
Кпт. Доналд Артур Эллерби, капитан парома «Норланд»
Йэн Маклауд Фэрфилд, пред. и ген. дир. Чемринг
Мисс Патришия Маргарет Хатчинсон, посол Е.В. (Ее Величества) в Монтевидео
Роджер Тастин Джеклинг, пом. министра, МО
Кпт. Деннис Джон Скотт-Массон, капитан лайнера «Канберра»
Кпт. Джон Пенни Мортон, капитан торг. судна «Элк»
Найджел Хэмилтон Николлз, пом. министра, МО
Эрик Джон Ризнесс, зампред. науч. бюро, МО
Уильям Белл Слейтер, управляющий менеджер, пароходная комп. Кьюнард
Джон Роберт Кристофер Томас, зампред. науч. бюро, МО.

ОБИ
Питер Дерек Адамс, гл. науч. сотрудник, МО
Рассел Джордж Алгар, гл. науч. сотрудник, МО
Преподобный Гарри Багнолл, декан собора в Порт-Стэнли, Фолклендские о-ва

Майкл Джон Бейнон, ст. сотрудник архива картографии, МО
Миссис Элисон Энн Блини, и.о. ст. мед. чиновника, Фолклендские о-ва
Миссис Маргарет Джанет Берн, ст. сотрудник науч. бюро, МО
Реджиналд Бутчер, управляющий менеджер, Уимпи Марин
Дэйвид Уильям Чалмерс, конструктор, МО
Кпт. Уильям Джеймс Кристофер Кларк, капитан торг. судна «Юропик Ферри»
Кпт. Алан Фултон, капитан кабельного судна «Айрис»
Родерик Оуэн Гейтс, исп. дир. Эркрафт Инджиниринг, Маршалл оф Кембридж л.т.д.
Эндрю Джон Глазго, дир. по производству, Маркони Андеруотер Системс
Эдгар Джеймс Харви, гл. специалист тех. отдела, МО
Стэнли Стивен Холнесс, ст. принципал, Министерство торговли
Вернон Эдвард Хорсфилд, управляющий работами Вудфорд Эркрафт Групп, Британ Аэроспейс
Кристофер Халс, служащий, МИД и Содр.
Мисс Морин Мэри Джоунз, служащая, МИД и Содр.
Дерек Льюис, проф. и тех. суперинтендант, МО
Артур Фредерик Джордж Мосс, менеджер (управляющий отделением), судостроительная верфь Е.В., Гибралтар
Джон Патрик Рэйби, дир. проекта, Хамбер Грейвиг Док энд Инжиниринг л.т.д.
Кпт. Дэйвид Майкл Рандл, капитан торг. судна «Британ Уай»
Кпт. Майкл Джон Слэк, капитан торг. судна «Уимпи Сихорс»
Препод. монсеньор Дэйвид Мартин Спрэггон, Фолклендские о-ва
Рэймонд Сидни Ти, гл. специалист и тех. сотрудник (конструктор), МО
Питер Варниш, ст. науч. сотрудник, МО
Роналд Уотсон, отв. приемщик, судостроительная комп. Суон Хантер л.т.д.
Роберт Уэтерберн, гл. науч. сотрудник, МО
Джон Энтони Уэлдон, гл. специалист и тех. сотрудник, МО.

Члены ОБИ

Миссис Валери Элизабет Беннет, и.о. сестры хозяйки в больнице Порт-Стэнли, Фолклендские о-ва
Миссис Джейн Хантер Болтон, сотрудник канцелярии, МО
Колин Майкл Бойн, ст. науч. сотрудник, МО
Дэйвид Лейнг Брин, инженер РЛС, Маркони Рэйдер Системс л.т.д.
Роналд Артур Браун, инженер по эксплуатации, МО
Теренс Джеймс Кэри, электротехнический суперинтендант, Фолклендские о-ва
Эдгар Деннис Карр, региональный менеджер ген. совета британского судоходства в Саутгемптоне
Алберт Фредерик Джордж Коллинз, менеджер, отвечающий за металлоконструкции, судо-

ремонтный завод комп. Воспер л.т.д.

Артур Джон Коллмэн, проф. и тех. сотрудник, МО

Питер Мерлин Джон Кук, проф. и тех. сотрудник, МО

Фредерик Джозеф Купер, пом. менеджера по грузопассажирским перевозкам, Британ Транспорт Док Борд, Саутгемптон

Дэйвид Джон Кормик, инженер по монтажу, Маркони Спейс энд Дифенс Системс

Ричард Артур Дрю, служащий, МИД и Содр.

Мисс Патришия Дерлинг, старший исполнительный сотрудник, МО

Стюарт Эрншоу, гл. мор. суперинтендант, Торесен Кар Ферриз л.т.д.

Мисс Мэри Джорджиана Элфинстоун, добровольная медслужащая (санитарка), Фолклендские о-ва

Мисс Роузмари Маргарет Элсдон, ст. медсестра, SS «Канберра»

Джон Обри Френч, ст. науч. сотрудник, МО

Брайан Артур Горриндж, менеджер по обеспечению питанием штабного ресторана, МО

Эрик Миллер Госс, управляющий Гуз-Грин-Фарм, Фолклендские о-ва

Джон Стивен Хэттон, проф. и тех. сотрудник, Министерство торговли

Мисс Сибил Матилда Хилл, референт, Министерство торговли

Джералд Уильям Том Ходж, проф. и тех. сотрудник, МО

Уильям Хантер, проф. и тех. сотрудник, МО

Роналд Дэниэл Лоренс, ст. исп. сотрудник, Кабинет министров

Роберт Грэм Джон Ллойд, помощник менеджера (управляющего), военно-торговая служба ВМС, СВ и ВВС

Дэйвид Макалпин, инженер по летным испытаниям, Ферранти

Уильям Роберт Маккуин, ст. науч. сотрудник метеослужбы

Дэйвид Монумент, суперинтендант службы обеспечения, пароходная компания P&O

Томас Роналд Морз, служащий, МИД и Содр.

Миссис Валери Энн Мотершоу, исполнительный сотрудник, МО

Миссис Дон Барбара Мэйвис Марри, ст. науч. сотрудник, МО

Миссис Патришия Маргарет Натбим, председатель клуба жен военнослужащих при 16-м полевом медицинском отряде КАМК (Королевского армейского медицинского корпуса), Олдершот

Скуодрон-лидер КВВС Томас Джеймс Палмер (в отставке), штаб сухопутных сил СК, МО

Мисс Элизабет Паттен, ст. сотрудник службы бытового обеспечения больниц св. Иоанна и Красного Креста

Теренс Джон Пек, председатель законодательного совета, Фолклендские о-ва

Денис Плейс, контролер водоснабжения, Фолклендские о-ва

Джонатан Тревор Прайс, исп. сотрудник, МО

Джеймс Фредерик Куирк, ст. исполнительный сотрудник, Королевская служба морского снабжения и транспорта
Пол Робинсон, гл. научный сотрудник, МО
Джон Робертсон Пейдж Родиган, проф. и тех. сотрудник, МО
Кевин Уильям Шэклтон, инженер по контракту, Эймс Кроста Бабкок л.т.д.
Майкл Сидни Ширс, управляющий производством, Воспер Торникрофт (СК) л.т.д.
Кпт. Дерек Симс, ст. инспектор грузоперевозок, Хогг Робинсон (G. F.A.) л.т.д.
Мисс Анджела Слеймейкер, сотрудник канцелярии, МО
Скуодрон-лидер КВВС Джон Майкл Смит (в отставке), ст. оперативный менеджер Дайнемикс Групп, Бритиш Эроспейс
Родни Лоррейн Старт, ст. исполнительный сотрудник, Министерство торговли
Миссис Анджела Элизабет Торн, исполнительный сотрудник, МО
Джон Тернер, ст. науч. сотрудник метеослужбы
Патрик Джеймс Уоттс, дир. службы вещания, Фолклендские о-ва
Ричард Стивен Уитли, чиновник ветеринарной службы, Фолклендские о-ва

Медаль Британской империи
Артур Джеймс Алдред, служащий, МО
Малколм Эшуорт, торговец молочными продуктами, Фолклендские о-ва
Гарри Бейлз, матрос 1-го класса, буксир «Айришмэн»
Миссис Айрини Ингеборг Бардсли, управляющая клубом, Портсмут, военно-торговая служба ВМС, СВ и ВВС
Ричард Сидни Баррет, старший стюард, кабельное судно «Айрис»
Деннис Пол Беттс, матрос 1-го класса, буксир «Айришмэн»
Рой Сэмьюэл Бланчард, мастер кораблестроитель, судоремонтный завод комп. Воспер л.т.д.
Майкл Харфилд Бойз, лабораторный механик, МО
Миссис Наджла Дебора Баккетт, домохозяйка, Фолклендские о-ва
Тим Доббинз, фермер, Фолклендские о-ва
Эрик Кристофер Эмери, проф. и тех. сотрудник, Министерство торговли
Луис Эстелья, служащий, судостроительная верфь Е.В., Гибралтар
Джеймс Стивен Фэрфилд, бывший капрал Королевской морской пехоты, Фолклендские о-ва
Роберт Джеймс Форд, ст. кладовщик, МО
Джеймс Андерсон Голди, начальник склада, RFA «Рисоурс»
Лесли Сидни Харрис, ст. электрик, Фолклендские о-ва
Роналд Джон Хэтч, сотрудник эксплуатационной службы, МО
Джон Хэйвуд, распределитель работ (судоремонтный отдел), МО
Джек Джонстон, ст. кладовщик, RFA «Форт-Остин»

Джеймс Фредерик Джоунз, проф. и тех. сотрудник, МО
Брайан Джон Джошуа, менеджер по снабжению провизией, Панамерикэн Эруэйз, база ВВС США на острове Вознесения
Шик Минь Канг, работник прачечной, HMS «Бриллиант»
Гордон Джеймс Лейн, лабор. механик, МО
Алан Джон Леонард, шеф повар, контейнеровоз «Атлантик Козуэй»
Джозеф Энтони Линч, начальник склада, МО
Пол Макьюэн, начальник склада, RFA «Риджент»
Майкл Маккэй, фермер, Фолклендские о-ва
Филип Миллер, тракторист, Фолклендские о-ва
Эдвин Джордж Морган, проф. и тех. сотрудник, МО
Эндрю Джеймс Грэм Нисбет, проф. и тех. сотрудник, МО
Бернард Орэм-Джоунз, корабельный плотник, МО
Миссис Хилда Бланш Перри, нач. телефонного узла, Фолклендские о-ва
Питер Ричард Питерсон, мех. наладчик, Дэйвид Браун Гир Индастрис
Рэймонд Артур Робджон, суперинтендант, ангар экспериментальных полетов, вертолетостроительная комп. Уэстленд
Дерек Роберт Томас Рози, водопроводчик, Фолклендские о-ва
Эллис Уолтон Сэмпсон, начальник склада, МО
Виктор Сегалутзе, пом. ст. инспектора, Гандри Бридпорт
Дэйвид Алберт Смердон, проф. и тех. сотрудник, МО
Вернон Стин, проводник, Фолклендские о-ва
Линь-Кан Сюнь, работник прачечной, HMS «Антрим»
Доналд Виктор Тредголд, сотрудник технической службы телекоммуникаций, МО
Мисс Карен Лоис Тимберлейк, медсестра, Фолклендские о-ва
Роланд Тодд, проф. и тех. сотрудник, МО
Фрэнк Джон Тафф, проф. и тех. сотрудник, МО
Миссис Эйлин Вайдал, радиотелефонистка, Фолклендские о-ва
Мисс Бронуин Вон Уильямс, медицинская сестра, Фолклендские о-ва
Колин Уолтер Уилсон, мастер ремонтного цеха, Маркони Рэйдер Системс
Кристофер Джон Уиндер, проф. и тех. сотрудник, МО.

Королевские ВМС

Орден Бани

Рыцари-командоры ОБ

Генерал-майор Джон Джереми Мур, командующий наземными силами на Фолклендских островах
Контр-адмирал Джон Фостер Вудвард, командующий оперативным военно-морским соединением

Кавалеры ОБ

Коммодор Майкл Сесил Клэпп
Бриг. Джулиан Хауард Атерден Томпсон, КМП

Контр-адм. Энтони Джон Уэтстоун

Орден «За выдающиеся заслуги»
Кпт. Майкл Эрнест Бэрроу
Кпт. Джон Джереми Блэк
Кпт. Уильям Роберт Каннинг
Кпт. Джон Фрэнсис Кауард
Кпт. Питер Джордж Валентайн Дингеманс
Кдр. Сэмьюэл Кларк Данлоп, КВФ
Лт.-кдр. Брайан Фредерик Даттон
Кпт. Кристофер Хоуп Лаймэн
Кпт. Эдмунд Шеклтон Джереми Ларкен
Кпт. Линли Эрик Миддлтон
Кпт. Дэйвид Пентрит
Кпт. Филип Джереми Джордж Робертс, КВФ
Ппк. Николас Фрэнсим Вокс, КМП
Ппк. Эндрю Фрэнсим Уайтхед, КМП
Кдр. Кристофер Луис Рефорд-Браун

Крест «За выдающиеся заслуги» (посмертно)
Лт.-кдр. Гордон Уолтер Джеймс Батт
Кпт. Йэн Гарри Норт, торговый флот
Лт.-кдр. Джон Марри Сефтон
Лт.-кдр. Джон Стюарт Вудхед

Крест «За выдающиеся заслуги»
Лт.-кдр. Эндрю Доналдсон Олд
Лт. Алан Реджиналд Кортни Беннет
Лт.-кдр. Майкл Деннисон Бут
Кдр. Пол Джеффри Будерстоун
Лт. Найджел Артур Брюэн
Лт.-кдр. Хью Синклер Кларк
Кдр. Кристофер Джон Синклер Крейг
Гл. старшина флота Майкл Джордж Феллоуз (водолаз)
Кпт. Джордж Роберт Грин, КВФ
Лт. Ричард Хатчингз, КМП
Кпт. Дэйвид Эверетт Лоренс, КВФ
Лт.-кдр. Хью Джон Ломас
Лт. Питер Томас Морган
Кдр. Энтони Мортон
Лт. Найджел Джон Норт
Кпт. Энтони Фрэнсис Питт, КВФ
Лт.-кдр. Найджел Уайнелл Томас
Лт. Стивен Роберт Томас
Кдр. Саймон Клайв Торнуилл
Кдр. Николас Джон Тобин
Кдр. Найджел Дэйвид Уорд
Кдр. Алан Уильям Джон Уэст

Военный крест
Кпт. Питер Марри Баббингтон, КМП
Майор Чарлз Питер Кэмерон, КМП
Лт. Клайв Идрис Дайтор, КМП
Лт. Кристофер Фокс, КМП
Лт. Дэйвид Джеймс Стьюарт, КМП

Крест «За выдающиеся летные заслуги» (посмертно)
Лт. Ричард Джеймс Нанн, КМП

Крест «За выдающиеся летные заслуги»
Кпт. Джеффри Питер Ниблетт, КМП

Крест Военно-воздушных сил
Лт.-кдр. Даглас Джон Смайли Скуайер

Лт.-кдр. Ралф Джон Стюарт Уайкс-Снид

Медаль «За выдающееся поведение»
Кпрл. Джулиан Бердетт, КМП

Медаль Георга (посмертно)
Второй механик корабля Пол Андерсон Генри, КВФ

Медаль Георга
Матрос 1 кл. (оператор РЛС) Джон Эдвард Диллон

Королевская медаль «За отвагу» (посмертно)
И. о. сержанта-знаменщика Брайан Джонстон, КМП

Королевская медаль «За отвагу»
Гл. механик корабля Чарлз Кеннет Артур Адамс, КВФ
Лт. Джон Кеннет Ботон
Морской техник 1 кл. Кеннет Энтикнэпп
Третий механик корабля Эндрю Гаджен, КВФ
Унтер-офицер ВМС, пом. врача (фельдшер) Джералд Эндрю Мигер
Лт. Филип Джеймс Шелдон
Третий механик корабля Брайан Роберт Уильямс, торговый флот

Медаль «За выдающиеся заслуги» (посмертно)
Унтер-офицер ВМС, морской механик Дэйвид Ричард Бриггс
И.о. капрала, рядовой авиации Майкл Дэйвид Лав, КМП

Медаль «За выдающиеся заслуги»
Сержант-знаменщик Майкл Джеймс Фрэнсис, КМП
Ряд. авиации Питер Блэр Имри
Унтер-офицер ВМС Джон Стивен Лик
Сржт. Уильям Джон Лесли, КМП
И.о. старшины ВМС (оп. эхолокатора) Грэм Джон Роберт Либби
Ст. морской механик Майкл Дэйвид Таунсенд
Гл. старшина (водолаз) Грэм Майкл Троттер
Гл. старшина, член летного экипажа Малком Джон Таппер
Ведущий матрос (оператор РЛС) Джеффри Дэйвид Уоррен

Военная медаль
И.о. кпрл. Эндрю Роберт Бишоп, КМП
Сржт. Майкл Коллинз, КМП
Сржт. Томас Коллингз, КМП
Кпрл. Майкл Экклз, КМП
Кпрл. Дэйвид Хант, КМП
Ряд. морской пехоты Гэри Уильям Маршалл, КМП
Кпрл. Стивен Чарлз Ньюленд, КМП
Кпрл. Гарри Сиддалл, КМП
Кпрл. Кристи Найджел Хэнслип Уорд, КМП
Сржт. Джозеф Дезмонд Уосселл, КМП

Медаль «За летные боевые заслуги»
Сржт. Уильям Кристофер О'Брайен, КМП

Упоминание в приказе (посмертно)
Лт. Уильям Алан Кертис
Оружейный техник 1 кл. Энтони Чарлз Эггингтон
Суб-лт. Ричард Чарлз Эмли
Сржт. Эндрю Питер Эванс, КМП

Лт. Николас Тейлор
И. о. ст. оружейного механика Майкл Гордон Тилл
Оружейный механик 2 кл. Барри Джеймс Уоллис

Упоминание в приказе
Радист (такт.) 1 кл. Ричард Джон Эш
Унтер-офицер ВМС, член экипажа ЛА Алан Эшдаун
Ряд. мор. пехоты Роберт Бейнбридж, КМП
Унтер-офицер ВМС, член экипажа ЛА Джон Артур Боллз
Лт. Филип Джеймс Барбер
Суб-лт. Ричард Джон Баркер
Ряд. мор. пехоты Николас Джон Барнетт, КМП
Сржт. Питер Биверз, КМП
Ст. авиатехник и оружейник Ричард Джон Бентли
И.о. ведущего пом. врача Джордж Блэк
Лт.-кдр. Майкл Стивен Блиссет
Мл. кпрл. Питер Уильям Бурн, КМП
И.о. ведущего морского механика Крейг Роберт Босуэлл
Сржт. Йэн Уильям Брайс, КМП
Ст. пом. командира корабля Джон Кит Броклхерст, торговый флот
Матрос 1-го класса (ракетчик) Николас Скотт Бродертон
Кпрл. Кристофер Джон Грэм Браун, КМП
Уоррент-оф. 2 кл. Роберт Джон Браун, КМП
Лт.-кдр. Барри Уильям Брайант
Сржт. Эдвард Линдзи Бакли, КМП
Морской механик 1 кл. Дерек Эйдриан Багден
Сржт. Брайан Гордон Берджесс, КМП
Унтер-офицер ВМС, член экипажа ЛА Ричард Бернетт
Лт.-кдр. Роберт Джеруин Берроуз
Лт. Николас Эйбрахам Марш Батлер
Сржт. Эдгар Роберт Кэндлиш, КМП
Лт. Кристиан Томас Гордон Кароу, КМП
Морской механик 1 кл. Ли Картрайт
Лт.-кдр. Джон Сидни Морис Чандлер
Морской механик 1 кл. Майкл Линзи Чиплен
Лт.-кдр. Джон Нормантон Кларк
Лт. Кристофер Хью Тревор Клейтон
Кпт. Майкл Энтони Фолл Коул, КМП
Ряд. мор. пехоты Дэйвид Стэнли Кумбз, КМП
Кпрл. Гордон Кук, КМП
Сржт. Роберт Теренс Купер, КМП
Матрос 1 кл. (ракетчик) Эндрю Коппелл
Лт.-кдр. Джервейс Ричард Артур Коритон
Лт. Роналд Линдзи Крофорд
Морской механик 1 кл. Кристофер Кроули
Ряд. мор. пехоты Гэрри Кателл, КМП
Сржт. Грэм Данс, КМП
Ряд. мор. пехоты Лесли Дэниэлз, КМП
Сржт.-знаменщик Барри Дэйвис, КМП

Сржт. (квартирмейстер) Колин Чарлз Де ла Кур, КМП
Сржт. Брайан Доливера, КМП
Ряд. мор. пехоты Стивен Дагган, КМП
Лт. Эндрю Джон Эббенс, КМП
Морской механик 1 кл. Дэйвид Джон Эдвардз
Унтер-офицер ВМС, морской механик Джон Ричард Эллис
Кдр. Роберт Данкан Фергюсон
Лт. Уильям Джеймс Трумэн Фьютрелл
Сржт. Йэн Дэйвид Фиск, КМП
Мичман Марк Томас Флетчер
Оружейный техник 2 кл. Джонатан Мартин Чарлз Фой
Лт.-кдр. Родни Винсент Фредериксен
Лт.-кдр. Дэйвид Гордон Гарвуд
Мл. кпрл. Барри Гилберт, КМП
Ст. оружейный механик Кит Уильям Голди
Ряд. мор. пехоты Леонард Джон Голдсмит, КМП
Ведущий матрос (ракетчик) Роберт Маршалл Гулд
Суб-лт. Дэйвид Эдгар Грэм
Гл. старшина Эрик Грэм
Гл. старшина (водолаз) Брайан Томас Ганнелл
Лт.-кдр. Эндрю Клайв Гвиллиам
Лт. Фрейзер Хаддоу, КМП
Сржт. Дэйвид Кит Хадлоу КМП
Ряд. авиации 1 кл. Джеймс Эндрю Харпер
И.о. ведущего морского механика Стэнли Уильям Хатауэй
Ст. пом. командира корабля Питер Феррис Хилл, КВФ
Ряд. мор. пехоты Грэм Ходкинсон, КМП
Лт. Роберт Йэн Хортон
Лт.-кдр. Лаон Стюарт Грант Хьюм
Суб-лт. Пол Джон Хамфриз
Ведущий радист (такт.) Родерик Джон Хатчеон
Матрос 1 кл. (ракетчик) Стивен Инглби
Лт.-кдр. Йэн Инскип
Морской техник 1 кл. Питер Джерард Джейкмен
Сржт. Кевин Майкл Джеймс, КМП
Унтер-офицер ВМС (ракет.) Хью Джоунз
Ведущий матрос (водолаз) Филип Мартин Кернз
Лт.-кдр. Робин Шон Джералд Кент
Майор Питер Ралф Лам, КМП
Морской техник 1 кл. Кевин Стюарт Лейк
Кдр. Роджер Чарлз Лейн-Нотт
Матрос 1 кл. (РЛС) Марк Стэнли Лич
Морской техник 2 кл. Дэйвид Джон Лининг
Лт. Херберт Джон Ледингем
Кдр. Томас Мейтленд Ле-Маршан
Сржт. Уильям Дэйвид Пол Льюис, КМП
Лт.-кдр. Джон Эндрю Листер
Лт. Дэйвид Энтони Лорд
Лт.-кдр. Йэн Брюс Маккэй
Лт. Эндрю Невилл Макхарг
Сржт. Митчелл Макинтайр, КМП
Кпрл. Томас Уильям Макмаон, КМП
Лт. Питер Чарлз Манли
Гл. старшина авиатор Николас Чарлз Мартин
Морской техник 1 кл. Тимоти Майлз
Лт. Джон Эндрю Гордон Миллер
Лт. Пол Грэм Миллер

Морской механик 1 кл. Стивен Дерек Митчелл
Оружейный механик 1 кл. Питер Роберт Мойр
Лт. Эндрю Джералд Молл
Лт.-кдр. Клайв Роналд Уэллэли Моррелл
Сржт. Генри Фредерик Нэйпир, КМП
Лт.-кдр. Кеннет Маклин Нэйпир
Ряд. мор. пехоты Марк Эндрю Нит, КМП
Кпт. Эндрю Беннетт Ньюкомб, КМП
Пом. врача Майкл Найсли
Ряд. мор. пехоты Джеффри Нордасс, КМП
Майор Майкл Джон Норман, КМП
Лт.-кдр. Майкл Джон О'Коннелл
Ряд. мор. пехоты Дэйвид Ллойд О'Коннор, КМП
Кпт. Юджин Джозеф О'Кэйн, КМП
Лт. Ричард Джон Ормшоу
Лт. Кристофер Лоренс Палмер
Майор Дэйвид Энтони Пеннифадер, КМП
Кпт. Эндрю Роберт Пиллар, КМП
Лт. Роланд Фредерик Плэйфорд, КМП
Лт. Кристофер Джеймс Поллард
Морской механик 1 кл. Хью Бромли Портер
Кпт. Николас Эрнест Паундз, КМП
Лт. Энтони Прингл
Лт. Питер Йэн Маккэй Рэйни
Унтер-офицер ВМС, авиамеханик Стюарт Рэйнсбери
Лт.-кдр. Алвин Арнолд Рич
Лт. Фредерик Уильям Робертсон
Ряд. авиации 1 кл. Йэн Робертсон
Уор.-оф. 2 кл. Эйдриан Спенсер Робинсон, КМП
И.о. унт.-оф. ВМС, мор. мех. Дэйвид Морган Керлин Росс
Сржт. Томас Артур Сэндс КМП
Ряд. мор. пехоты Кристофер Джеймс Скривнер, КМП
Морской механик 1 кл. Дэйвид Джон Серрелл
Морской механик 1 кл. Алан Гордон Сиддл
Лт. Робин Эдгар Джон Слимэн
Лт. Дэйвид Александер Беретон Смит
Ст. морской механик Тайрон Джордж Смит
Ведущий матрос (водолаз) Чарлз Энтони Смитард
Морской механик 1 кл. Алан Стьюарт
Гл. механик корабля Джеймс Майлер Стьюарт, торговый флот
Сржт. Уильям Джон Стокс, КМП
Сржт. Кристофер Ралф Стоун, КМП
Ряд. мор. пехоты Джон Стоунстрит, КМП
Ряд. мор. пехоты Рикки Шон Стрейндж, КМП
Морской техник 1 кл. Саймон Патрик Тарабелла
Сржт. авиации Колин Уильям Теттерсолл
Кдр. Джеймс Брэдли Тейлор
Кдр. Брайан Джеффри Телфер
Ряд. мор. пехоты Перри Томасон, КМП
Ведущий матрос (водолаз) Энтони Сейвор Томпсон
Лт. Кристофер Тодхантер
Ст. техник флота Эрнест Малком Эрен

Майор Руперт Корнелиус Ван дер Хорст, КМП
Морской механик 1 кл. Уильям Джеффри Уоддингтон
Матрос 1 кл. (водолаз) Дэйвид Уолтон
Матрос Даглас Джеймс Уайлд
Лт.-кдр. Роберт Эрнолд Уилкинсон
Ряд. мор. пехоты Пол Кевин Уилсон, КМП
Сржт. Роберт Дэйвид Райт, КМП
Ряд. авиации 1 кл. Стивен Уильям Райт
Сржт.-знаменщик Эверетт Янг, КМП
Ведущий пом. врача Пол Янгмэн

Выражение благодарности королевы за храброе поведение
Ряд. мор. пехоты Пол Энтони Круден, КМП
Унтер-офицер флота Болеслав Чарнецки, торговый флот
Ст. морской механик Алан Фрэнк Фазакерли
Оружейный механик 1 кл. Джон Ричард Джессон
Унтер-офицер ВМС, оружейный механик Грэм Джон Лоуден
Второй механик корабля Йэн Поуви, КВФ
Ст. оружейный механик Уильям Рамзи
Радист (такт.) 1 кл. Дэйвид Фредерик Салливан
Морской механик 1 кл. Томас Артур Саттон
И.о. сржт.-знаменщика Дэйвид Алфред Уоткинз, КМП

Орден Британской империи
Рыцари Большого Креста ОБИ
Адмирал сэр Джон Дэйвид Эллиот Филдхауз, главнокомандующий флотом в Нортвуде (Мидлсекс)

Рыцарь-командор ОБИ
Вице-адмирал Дэйвид Джон Халлифакс, начальник штаба главнокомандующего флотом

Командоры ОБИ
Кпт. Пол Бэдкок
Кпт. Николас Джон Баркер
Кпт. Кристофер Питер Олдбери Берн
Кпт. Рэймонд Хантер Фокс
Кпт. Джон Гарньер
Кпт. Майкл Генри Гордон Лейард
Кпт. Роберт Маккуин
Кпт. Джонатан Джеймс Ричард Тод
Кпт. Джон Питер Ригли

Офицеры ОБИ
Кдр. Томас Энтони Аллен
Кдр. Лайонел Стюарт Джозеф Барри
Кдр. Питер Стэнли Берч
Майор Роберт Джеймс Брюс, КМП
Майор Джон Шейн Честер, КМП
Кдр. Майкл Кадмор
Кпт. Джон Барри Дикинсон, КВФ
Кдр. Фредерик Брайан Гудсон
Кдр. Кристофер Джон Эсплин-Джоунз
Кдр. Листер Теодор Хиксон
Военврач лт.-кдр. (и.о. военврача кдр.) Ричард Тадиус Джолли
Кпт. Джон Стюарт Келли
Кдр. Дэйвид Артур Генри Керр
Кдр. Мартин Леонард Лэдд

Кпт. Питер Джеймс Маккарти, КВФ
Кдр. Питер Джон Макгрегор
Майор Дэйвид Джон Майнордз, КМП
Кдр. Эндрю Уильям Недерклифт
Кдр. (о.и. кпт.) Энтони Джеймс Оуглзби
Кпт. Гилберт Пол Овербери, КВФ
Кдр. Джордж Шеддон Пирсон
Кпт. Кристофер Энтони Пертчер-Уайденбрук, КВФ
Кпт. Шейн Редмонд, КВФ
Кдр. Эндрю Стивен Ритчи
Преподобный Энтони Макферсон Росс
Кдр. Роберт Остин Раули
Кдр. Джереми Томас Сандерз
Кдр. Роналд Джеймс Сэндфорд
Майор Джеймс Морис Гай Шеридан, КМП
Кдр. Доналд Уильям Шрабб
Майор Саймон Юэн Саутби-Тейлур, КМП
Майор Джонатан Джеймс Томсон, КМП
Кдр. Кристофер Уоткин Уильямс
Кдр. Джордж Энтони Чарлз Вудз

Кавалеры ОБИ
Лт. Саймон Джонатан Бранч-Эванс
Лт.-кдр. Майкл Джон Даглас Бруэм
Лт.-кдр. Роджер Чарлз Сизли
Лт. Роджер Стивен Коллинз
Лт. Алан Дэйвид Даммер
Лт.-кдр. Колин Джон Эдвардз
Гл. радист-инструктор флота Дэйвид Джон Эггерз
Лт.-кдр. Ричард Гуденаф
Лт.-кдр. Майкл Гудмэн
Лт.-кдр. Роберт Уильям Хэмилтон
Кпт. Колин Фрэнсис Хауард, КМП
Лт.-кдр. Джерард Мартин Джон Эрвин
Лт.-кдр. Питер Джон Джеймс, КМР
Гл. писарь флота Кристофер Джеффри Лам
Гл. старшина флота Майкл Джон Легг
Лт.-кдр. Джеймс Хатчесон Лаудон
Лт.-кдр. Хорас Алфред Мейерз
Лт.-кдр. Йэн Скотт Маккензи
Лт.-кдр. Джеймс Мердок Милн
Ст. морской техник флота Питер Уильям Маллер
Гл. старшина флота Роберт Джон Николлз
Лт. Дэйвид Чарлз Уинстон О'Коннелл
Лт.-кдр. Лоренс Дэйвид Пул
Лт. Брайан Пернелл
Кпт. Майкл Джереми Шарленд, КМП
Военврач Лт.-кдр. Филип Джеймс Шулер
Лт. Дэйвид Филдинг Смит
Кпт. Деннис Спаркс, КМП
Лт.-кдр. Джон Николас Оуэн Уильямс
Лт.-кдр. Дэйвид Джон Роберт Уилмот-Смит

Медаль Британской империи
Унтер-офицер ВМС, пом. врача Кит Адамс
Авиамеханик 1 кл. Джон Лесли Бэйли
Ст. авиамеханик Норман Роналд Баруик
Морской техник 1 кл. Томас Джеймс Беннетто

Ст. авиатехник 1 кл. Дэйвид Мартин Чайлдз
Каптенармус (член Кор. воен. — мор. полиции) Энтони Фрэнсис Коулз
Ст. морской механик Джеффри Стюарт Кокс
Ст. авиамеханик Уильям Дэйвид Итон
Авиатехник 1 кл. Стюарт Джон Гудолл
Ст. авиатехник Дэйвид Джон Херитиер
Гл. старшина Леонард Брайан Хьюитт
Гл. старшина, заведующий пищеблоком Джон Артур Джексон
Авиатехник 1 кл. Дэйвид Эрик Джоунз
Авиатехник 1 кл. Роберт Энтони Джон Мэйсон
Техник-медик 1 кл. Стюарт Маккинли
Гл. старшина-кок Майкл Джералд Мерсер
Ведущий складской бухгалтер, член ЖКВМС Жаклин Миттон
Ст. пом. по общеобразовательной подготовке, член ЖКВМС Энн Монктон
Авиатехник 2 кл. Алан Джон Смит
Гл. старшина Оуэн Гуин Стокем
Авиатехник 1 кл. Роджер Джеймс Эдвард Стронг
Гл. авиамеханик 1 кл. Томас Лауэн Темпл
Стоматолог-гигиенист, член ЖКВМС Ким Томз
Гл. старшина ЖКВМС, специалист по обслуживанию семей военных моряков Барбара Марион Траверз
И.о. ведущего складского бухгалтера Джерард Джон Уолш
Унтер-офицер ВМС (ракетчик) Джон Джеймс Тревор Уортерфилд
Унтер-офицер ВМС (ракетчик) Эдвард Ли Уэллс
Авиамеханик 1 кл. Дэйвид Джон Уильямс
Сржт. Брайан Уинтер, КМП

Армия

Крест Виктории (посмертно)
Ппк. Херберт Джоунз, Параш. полк
Сржт. Йэн Джон Маккэй, Параш. полк

Орден «За выдающиеся заслуги»
Майор Седрик Норман Джордж Делвз, Девонширско-Дорсетский полк
Майор Кристофер Патрик Бенедикт Кибл, Параш. полк
Ппк. Хью Уильям Ройстон Пайк, Параш. полк
Ппк. Майкл Йэн Элдон Скотт, Шотл. гв. полк

Крест «За выдающиеся заслуги»
Уор.-оф. 2 кл. Джон Генри Филлипс, ККИ (Корпус Кор. инженеров)

Военный крест (посмертно)
Кпт. Гэйвин Джон Хэмилтон, полк «Грин Хауардз»

Военный крест
Майор Майкл Хью Аргью, Параш. полк

Кпт. Тимоти Уильям Берлз, Параш. полк
Майор Дэйвид Алан Коллетт, Параш. полк
Лт. Колин Спенсер Коннор, Параш. полк
Майор Джон Гарри Кросленд, Параш. полк
Майор Чарлз Дэр Фаррар-Хокли, Параш. полк
Майор Джон Пантон Кисзели, Шотл. гв. полк
Лт. Роберт Алаздэр Дэйвидсон Лоренс, Шотл. гв. полк
Кпт. Уильям Эндрю Маккракен, КА (Кор. артиллерия)
Кпт. Алуин Джеймс Глендиннинг Райт, Валл. гв. полк

Крест «За выдающиеся летные заслуги»
Кпт. Сэмьюэл Марри Дреннан, ВКА (Возд. корпус армии)
Кпт. Джон Гордон Гринхол, КТК (Кор. трансп. корпус)

Медаль «За выдающееся поведение» (посмертно)
Ряд. Стивен Иллингзуорт, Параш. полк
Ряд. гвардеец Джеймс Бойл Курран Рейнолдз, Шотл. гв. полк

Медаль «За выдающееся поведение»
Кпрл. Дэйвид Эйболс, Параш. полк
Шт.-сржт. Брайан Фолкнер, Параш. полк
Сржт. Джон Клиффорд Мередит, Параш. полк
Уор.-оф. 2 кл. Уильям Никол, Шотл. гв. полк
Сржт. Джон Стюарт Петтинджер, Параш. полк

Медаль «За выдающуюся отвагу» (посмертно)
Шт.-сржт. Джеймс Прескотт, ККИ

Военная медаль (посмертно)
Ряд. Ричард Джон де Мэнсфилд Абсолон, Параш. полк
Мл. кпрл. Гэри Дэйвид Бингли, Параш. полк

Военная медаль
Кпрл. Йэн Филлип Бэйли, Параш. полк
Мл. кпрл. Стивен Алан Бардэли, Параш. полк
Сржт. Теренс Эрвинг Барретт, Параш. полк
Мл. кпрл. Мартин Уильям Лестер Бентли, Параш. полк
Сржт. Деррик Сидни Боултби, КТК
Кпрл. Тревор Брукс, ККС
Кпрл. Томас Джеймс Кэмп, Параш. полк
Ряд. Грэм Стюарт Картер, Параш. полк
Ряд. гвардеец Стивен Марк Чапмэн, Валл. гв. полк
Кпрл. Джон Энтони Форан, ККИ
Сржт. Дезмонд Фуллер, Параш. полк
Ряд. Барри Джеймс Грейлинг, Параш. полк
Кпрл. Томас Уильям Харли, Параш. полк
Бомбардир (кпрл. артиллерии) Эдвард Моррис Холт, КА
Сржт. Роберт Уайт Джексон, Шотл. гв. полк

Мл. кпрл. Дэйл Джон Лаверидж, Валл. гв. полк
Сржт. Джозеф Гордон Мейдер, САС
Сржт. Питер Херклич Рене Найя, КМКА
Уор.-оф. 2 кл. Брайан Томас Нек, Валл. гв. полк
Ряд. гвардеец Эндрю Сэмьюэл Пенгелли, Шотл. гв. полк
Мл. кпрл. Лесли Джеймс Леонард Стэндиш, Параш. полк
Сржт. Роман Хью Рега, ККИ

Упоминание в приказе (посмертно)
Кпрл. Рэймонд Эрнест Армстронг, полк «Ройял Грин Джакетс» [Royal Green Jackets, «Королевские Зеленые куртки». — Прим. ред.]
Шт.-сржт. Филлип Престон Карасс, КМКА
Ряд. Марк Уильям Флетчер, Параш. полк
Кпрл. Дэйвид Хардмэн, Параш. полк
Мл. кпрл. Кристофер Кит Ловетт, Параш. полк
Лт. (и.о. кпт.) Мэтью Роджерс Селфридж, Параш. полк

Упоминание в приказе
Сржт. Йэн Эрд, Параш. полк
Ряд. Саймон Джон Александер, Параш. полк
Ппк. Джеймс Андерсон, КМКА
Майор Ричард Николас Бетелл, Шотл. гв. полк
Кпт. Энтони Питер Берн, КА
Ряд. Эндрю Эрнест Брук, Параш. полк
Водитель Марк Браф, КТК
Кпт. Кристофер Чарлз Браун, КА
Ряд. гвардеец Гэри Браун, Шотл. гв. полк
Кпт. Йэн Андерсон Брайден, Шотл. гв. полк
Майор Уильям Кит Батлер, ККС
Шт.-сржт. Уильям Генри Карпентер, САС
Мл. кпрл. Леонард Алан Карвер, Параш. полк
Лт. Прадхан Чандракумар, 7-й полк гурк. стрелков
Шт.-сржт. Тревор Коллинз, ККИ
Ряд. Кевин Патрик Коннери, Параш. полк
Капеллан 3 кл. Дэйвид Купер, КДАС
Лт. Марк Рудолф Корет, полк «Блюз-энд-Ройялс»
Ряд. Адам Майкл Корнейл, Параш. полк
Кпрл. Йэн Клиффорд Корриган, ККИЭМ
Лт. Марк Таунсенд Кокс, Параш. полк
Мл.сржт. Алан Чарлз Юинг Далглиш, Шотл. гв. полк
Мл. кпрл. Нил Джон Данс, Параш. полк
Мл. сржт. Йэн Дэйвидсон, Шотл. гв. полк
Майор Питер Истауэй Деннисон, Параш. полк
Шт.-сржт. Джордж Кеннет Диксон, КА
Волынщик Стивен Уильям Даффи, Шотл. гв. полк
Мл. кпрл. Кевин Питер Данбар, Параш. полк
Канонир Гэри Экклстон, КА
Кпт. Мартин Патрик Энтуистл, КМКА
Ппк. Кит Ричард Хьюберт Ив, КА

Кпт. Пол Рэймонд Фаррар, Параш. полк
Кпрл. Дэйвид Форд, ККИ
Уор.-оф. 2 кл. Джон Фрэнсис, КА
Лт. Дэйвид Пирт Фрэнкленд, КТК
Мл. кпрл. Рой Гиллон, ККИ
Ряд. (ныне мл. кпрл.) Даррен Джон Гоф, Параш. полк
Мл. сржт. Дэйвид Грэм, Валл. гв. полк
Ряд. Дэйвид Грей, Параш. полк
Майор Патрик Хектор Галлан, Параш. полк
Ряд. (и.о. кпрл.) Джозеф Эдвард Хэнд, Параш. полк
Мл. кпрл. (и.о. кпрл.) Стивен Пол Хардинг-Демпстер, Параш. полк
Ряд. Патрик Джон Харли, Параш. полк
Майор Ричард Брюс Хокен, ККИ
Лт. (ныне кпт.) Роберт Чарлз Хендикотт, ККИ
Кпрл. (и.о. сржт.) Джозеф Хилл, Параш. полк
Ппк. Джордж Энтони Холт, КА
Уор.-оф. 2 кл. Грэм Хаф, Валл. гв. полк
Кпт. (ныне майор) Юэн Генри Хьюстон, Гренадерский гв. полк
Мл. бомбардир (и.о. бомбардира) Оуэн Дифноллт Хьюз, КА
Кпт. Стивен Джеймс Хьюз, КМКА
Кпрл. Стивен Дэррил Илес, ККИ
Лт. лорд Роберт Энтони Иннес-Кер, полк «Блюз-энд-Ройялс»
Бомбардир Джон Родни Джексон, КА
Канонир Джеффри Джоунз, КА
Мл. кпрл. Кеннет Брайан Джоунз, КТК
Сржт. Ричард Калински, Параш. полк
Кпт. Саймон Джеймс Наппер, Стаффордширский полк
Шт.-сржт. (и.о. Уор.-оф. 2 кл.) Энтони Ла Френей, САС
Майор Брендан Чарлз Лэм, КА
Лт. Клайв Ралф Ливингстоун, ККИ
Лт. Джонатан Джордж Ормзби Лоу, КТК
Шт.-сржт. Клайв Деннис Лоудер, Параш. полк
Мл. кпрл. Данкан Макколл, Шотл. гв. полк
Майор Родерик Макдоналд, ККИ
Волынщик Питер Александер Макиннес, Шотл. гв. полк
Мл. кпрл. Джон Дэниэл Мар, ККИ
Кпт. Робин Джон Макиг-Джоунз, КА
Ряд. Эндрю Мэнсфилд, Параш. полк
Майор Тимоти Аластэр Марш, Параш. полк
Сржт. Питер Джеймс Маршалл, КПСА
Мл. сржт. Томас Макгиннес, Шотл. гв. полк
Кпт. Джозеф Хью Макманнерс, КА
Лт. Алаздэр Макфарлейн Митчелл, Шотл. гв. полк
2-й лт. Йэн Чарлз Мур, Параш. полк
Ряд. Ричард Питер Джордж Морелл, Параш. полк
Майор Филип Ним, Параш. полк
Кпрл. Томас Кирнан Ноубл, Параш. полк
Ряд. Эмманьюэл О'Рурк, Параш. полк

Лт. Джонатан Дэйвид Пейдж, Параш. полк
Ряд. (и.о. кпрл.) Дэйвид Джон Пирси, Разведслужба
Кпрл. Джереми Фрэнк Филлипс, Параш. полк
Ряд. (и.о. сржт.) Брайан Уильям Питчфорт, полк Королевы
Ряд. Энтони Поттер, ККАТВСА
Мл. кпрл. Барри Джон Рэндалл, ККИ
Сржт. Питер Рэтклиф, САС
Мл. кпрл. Грэм Ренни, Шотл. гв. полк
Уор.-оф. 2 кл. Малком Даглас Ричардз, КА
Мл. кпрл. Джулиан Джон Ригг, ВКА
Ппк. Джон Дэйвид Артур Робертс, КМКА
Майор Барнаби Питер Стюарт Ролф-Смит, Параш. полк
Кпт. Кристофер Рой Ромберг, КА
Ппк. (ныне пк.) Хью Майкл Роуз, Колдстримский гв. полк
Сржт. Йэн Рой, ККИ
Кпт. Джулиан Дэйвид Герни Сэйерз, Валл. гв. полк
Уор.-оф. 2 кл. Майкл Джон Шарп, ВКА
Кпрл. Джон Уильям Сибли, Параш. полк
Майор Колин Стьюарт Сибан, ВКА
Ряд. сапер (и.о. мл. кпрл.) Уильям Остин Скиннер, ККИ
Майор Грэм Фредерик Уильям Смит, КА
Кпт. Ройстон Джон Саутуорт, ККАТВСА
Кпрл. Пол Стреттон, полк «Блюз-энд-Ройялс»
2-й лт. Джеймс Даглас Стюарт, Шотл. гв. полк
Лт. Уильям Джон Симз, Валл. гв. полк
Кпрл. (и.о. сржт.) Роберт Клайв Тейлор, ККС
Майор Энтони Тодд, КТК
Мл. кпрл. Гэри Тайтлер, Шотл. гв. полк
Ряд. (и.о. кпрл.) Питер Эндрю Уокер, Стаффордширский полк
Сржт. Ричард Джон Уокер, ВКА
2-й лт. Гай Уоллис, Параш. полк
Лт. Марк Эван Уэринг, КА
Кпт. Джеймс Николас Эдвард Уотсон, КА
Лт. Джеффри Роналд Уэйгхелл, Параш. полк
Лт. (ныне кпт.) Марк Грэм Уильямс, КА
Лт. (ныне кпт.) Молдуин Стивен Генри Уорзли-Тонкс, Параш. полк.

Орден Британской империи
Пк. Йэн Стюарт Бакстер, посл. вр. КТК
Пк. Джон Дэйвид Бидмид, посл. вр. КТК
Пк. (ныне бриг.) Дэйвид Брайан Холл Колли, посл. вр. КТК
Пк. Брюс Кристофер Макдермотт, посл. вр. КМКА

Офицеры ОБИ
Ппк. Энтони Эдвард Берри, полк «Ройял Грин Джакетс»
Ппк. Айвар Джек Хеллберг, КТК
Ппк. Майкл Джон Холройд-Смит, КА
Майор (ныне ппк.) Питер Джон Хьюберт, полк Королевы
Ппк. Уильям Стюарт Петри Макгрегор, КМКА
Ппк. Дэйвид Патрик де Курси Морган, 7-й полк гурк. стрелков

Ппк. Джон Фрэнсис Рикетт, Валл. гв. полк
Ппк. (квартирмейстер) Патрик Джон Сондерз, ККИ
Ппк. Роналд Уэлш, КМКА

Кавалеры ОБИ
Майор Эдвард Лео Барретт, КТК
Майор Чарлз Гордон Батти, КМКА
Майор Кристофер Мэтью Дэйвис, ККИ
Уор.-оф. 1 кл. (полковой ст. сржт.) Энтони Джеймс Дэйвис, Валл. гв. полк
Майор Джон Энтони Ист, КМКА
Уор.-оф. 1 кл. Лесли Эллсон, Валл. гв. полк
Майор Эндрю Роджер Гэйл, ККС
Майор Чарлз Гриффитс, КМКА
Майор (квартирмейстер) Джеральд Норман Грум, КТК
Уор.-оф. 2 кл. (и.о. Уор.-оф. 1 кл.) Томас Хэйг, САС
Майор Лоренс Холлингуорт, ККАТВСА
Кпт. Теренс Джеральд Маккабе, КМКА
Уор.-оф. 1 кл. Майкл Джон Макхэйл, КМКА
Кпт. Роналд Маршалл, Развед. корпус
Кпт. (квартирмейстер) Норман Эдвард Мензис, Параш. полк
Лт. (ныне кпт.) Фредерик Джеймс Муди, Шотл. гв. полк
Уор.-оф. 2 кл. Дерек Мур, КТК
Уор.-оф. 1 кл. Робин Глен Рэндалл, ККИ
Майор Джон Мурби Риддинг, ККАТВСА
Майор Джон Роналдсон Стюарт, ККС
Майор Майкл Гордон Тейлор, ККС
Уор.-оф. 2 кл. Филип Майкл Уильямс, КТК
Майор Тимоти Джеймс Уилтон, КА
Майор Гай Джастин Йоумэн, КТК
Уор.-оф. 2 кл. Роберт Чарлз Йоумэнз, ККС

Гражданские лица, награжденные по представлению армии

Кавалеры ОБИ (штатские)
Энтони Мартин Клевер, фотограф, информационно-телеграфное агентство Пресс Ассошиэйшен
Джеймс Роберт Радерфорд Фокс, радиорепортер, Би-Би-Си

Медаль Британской империи
Шт.-сржт. Уильям Фрэнк Блайт, КТК
Шт.-сржт. Эдвард Джордж Брэдбери, ККИ
Сржт. Роджер Джозеф Браун, ККИ
Шт.-сржт. Майкл Джон Дент, ККИ
Шт.-сржт. Джеймс Фенуик, ККИЭМ
Шт.-сржт. Роберт Леонард Гриффитс, ККС
Кпрл. Норман Джон Холл, ККИ
Сржт. Дэйвид Харви, ККАТВСА
Шт.-сржт. Колин Ли Хендерсон, КПСА
Кпрл. Грэм Джон Херрингтон, КПК

Шт.-сржт. Джон Данкан Хоулмз, ККАТВСА
Кпрл. Уильям Генри Хопкинз, ККАТВСА
Ряд. Дэйвид Джон Хант, КПСА
Сржт. Денис Роналд Пасфилд, ККИ
Шт.-сржт. Пол Рэйнер, ККИ
Шт.-сржт. (и.о. уор.-оф. 2 кл.) Малакай Рид, КМКА
Шт.-сржт. Кристофер Глин Тейлор, ККИЭМ
Кпрл. (и.о. сржт.) Энтони Уэрдингтон, ККИ

Королевские военно-воздушные силы

Орден Бани

Кавалеры

Вице-маршал авиации Джордж Артур Чизуорт, КВВС
Вице-маршал авиации Кеннет Уильям Хэйр, КВВС

Крест «За выдающиеся заслуги»

Флайт-лт. Дэйвид Генри Спенсер Морган

Крест «За летные боевые заслуги»

Винг-кдр. Питер Тед Скуайр
Скуод.-лдр. Ричард Алрик Лангуорти
Скуод.-лдр. Калум Нил Макдугалл
Скуод.-лдр. Джереми Джон Пук
Флайт-лт. Уильям Фрэнсис Мартин Уидерз

Крест Военно-воздушных сил

Винг-кдр. Дэйвид Эммерсон
Скуод.-лдр. Роберт Таксфорд
Флайт-лт. Харолд Карри Бергойн
Скуод.-лдр. Артур Макс Робертс

Королевская медаль «За отвагу»

Флайт-лт. Алан Джеймс Суон
Флайт-сржт. Брайан Уильям Джоплинг

Выражение благодарности королевы за храброе поведение

Техник Эйдриан Торн
Ряд. авиации 1 кл. Кеннет Джеймс Соппетт-Мосс

Выражение благодарности королевы за заслуги в ходе действий в воздухе

Скуод.-лдр. Эрнест Фредерик Уоллис
Скуод.-лдр. Майкл Эрнест Бир
Флайт-лт. Джеймс Далримпл Каннингем
Флайт-лт. Джон Норман Кибл
Флайт-лт. Мердо Макдоналд Маклауд
Флайт-лт. Глин Дэйвид Рис
Флайт-лт. Роберт Лесли Раули
Флайт-сржт. Стивен Эдвард Слоун
Скуод.-лдр. (ныне винг-кдр.) Мартин Доналд Тодд
Флайт-лт. Питер Алфред Стэндинг
Скуод.-лдр. Тимоти Ньюэлл Аллен
Скуод.-лдр. Энтони Фрэнк Бэнфилд
Скуод.-лдр. Джеффри Роджер Баррелл
Скуод.-лдр. Джон Аллин Браун
Флайт-лт. Филип Байер

Упоминание в приказе

Скуод.-лдр. Джон Джеффри Эллиот

Скуод.-лдр. Роберт Даглас Айвсон
Флайт-лт. Эдвард Генри Болл
Флайт-лт. Марк Уильям Джеймс Хэйр
Флайт-лт. Гордон Карни Грэм
Флайт-лт. Алан Том Джоунз
Флайт-лт. Йэн Мортимер
Флайт-лт. Хью Прайор
Флайт-лт. Ричард Джон Расселл
Флайт-лт. Роберт Деннис Райт
Флаинг-оф. Питер Льюис Тейлор
Флаинг-оф. Колин Миллер
Флайт-сржт. Дерек Уильям Найтс
Кпрл. Алан Дэйвид Томлинсон

Орден Британской империи
Рыцарь-командор
Маршал авиации сэр Джон Бэгот Кертисс

Командоры ОБИ
Групп-кпт. Клайв Эрнест Эванс
Групп-кпт. Александер Фриленд Кэрнз Хантер
Групп-кпт. Патрик Кинг
Групп-кпт. Джереми Саймон Блэйк Прайс

Офицеры ОБИ
Винг-кдр. Энтони Джон Краудер Багнолл
Винг-кдр. Дэйвид Ллуэллин Бо
Винг-кдр. Питер Фрай
Скуод.-лдр. Брайан Сидни Моррис
Винг-кдр. Джозеф Керр Сим
Винг-кдр. Энтони Питер Слингер
Винг-кдр. Чарлз Джулиан Стерт
Винг-кдр. Брайан Джеймс Уивер

Кавалеры ОБИ
Скуод.-лдр. Клайв Грэм Джеффорд
Скуод.-лдр. Дэйвид Миллер Найвен
Скуод.-лдр. Джон Эдвард Стокс
Флайт-лт. Эдна Мэй Клинтон
Флайт-лт. Пол Энтони Рум
Уор.-оф. Дэниэл Филмор Баркер
Скуод.-лдр. Уильям Фредерик Ллойд
Скуод.-лдр. Тревор Ситч
Флайт-лт. Джон Дангейт
Флайт-лт. Брайан Томас Мэйсон
И. о. флайт-лт. Энтони Нил
Мастер погрузочно-разгрузочных работ Алан Дэйвид Смит
Флайт-сржт. Джон Гарри Белл
Сржт. Джеймс Макмиллан Коулмэн
Флайт-сржт. Кеннет Кенни
Гл. техник Томас Джозеф Кинселла
Сржт. Питер Таксфорд
Гл. техник Ричард Кит Вернон
Сржт. Джон Чарлз Викерс
Кпрл. Дэйвид Джон Вивиан

Приложение «D»

Доклад Фрэнкса

Доклад увидел свет 18 января 1983 г.

Установление степени ответственности правительства

260 В этой главе мы коснемся основной темы нашего технического задания, рассмотрев тему степени ответственности правительства применительно к ситуации с Фолклендскими островами и зависимыми территориями Фолклендских островов в период непосредственно до вторжения. Нам придется касаться ряда вопросов, два из коих являются наиглавнейшими. Первый, могло ли правительство предвидеть вторжение 2 апреля? Второе, могло ли правительство предотвратить вторжение? Первый вопрос мы поднимем в начале главы. Второй вопрос куда сложнее и, по нашему мнению, не может получить ответа до тех пор, пока мы не исследуем то, как обострился и перешел в решительную фазу спор и как нынешнее правительство действовало на разных стадиях его развития. Мы выскажем заключение по этому вопросу в конце данной главы.

Представлялось ли возможным предусмотреть вторжение в 2 апреля?

261 Мы рассматриваем в первую очередь такой момент: располагало ли правительство до 31 марта сведениями относительно перспективы вторжения на Фолклендские острова 2 апреля. Мы подробно описали события дней, предшествовавших вторжению, и изучили все данные, наличествовавшие в распоряжении в те времена, в том числе соответствующие рапорты спецслужб. Имеющиеся у нас сведения, как мы считаем, наглядно демонстрируют отсутствие у правительства до 31 марта

оснований считать один из дней начала апреля вероятной датой нападения на Фолклендские острова.

Необходимо иметь в виду, что авторское право в части доклада Фрэнкса принадлежит короне, и выдержки из документа приводятся с разрешения Королевской государственной канцелярии.

262 Все сведения, в том числе данные из отчетов разведки, вышедшие на свет после факта вторжения, дают основание считать, что захват территории планировался хунтой на куда более позднее время.

263 Аргентинские военно-морские силы находились в море между примерно 23 и 28 марта в рамках ежегодных морских учений, включавших в план отработку совместных действий с Уругваем в части применения противолодочных средств (о сообщениях прессы по данном вопросу британский военно-морской атташе в Буэнос-Айресе докладывал 27 марта). 2 апреля аргентинское агентство новостей извещало о том, что 28 марта флот взял курс на юг из Пуэрто-Бельграно, имея на борту батальон морской пехоты, амфибийную группу коммандос и другие войска. Фактический приказ приступить к вторжению, вероятно, поступил не ранее по крайней мере 31 марта и, как есть некоторая вероятность считать, даже 1 апреля. Впоследствии, как сообщалось, доктор Коста Мендес говорил, будто хунта в конечном счете отважилась на вторжение только где-то около 10 часов вечера (7 часов вечера по местному времени) 1 апреля. Вероятно, решение начать операцию принималось в свете развития ситуации на Южной Георгии, но, как есть основания считать, неистовые демонстрации в Буэнос-Айресе в ночь 30/31 марта тоже выступали стимулирующим фактором в действиях хунты.

264 Можно считать, что, хотя правительство не могло получать более ранних известий о планирующемся вторжении, ему следовало обзавестись более полными и значимыми данными о движении военных сил Аргентины. Факт остается фактом — данные передвижения не отслеживались, как нет свидетельств о наличии в распоряжении правительства фотографий из космоса. Мы вернемся к данному вопросу в дальнейшем в контексте задач, поставленных при сборе разведданных.

265 Мы особым образом интересовались у всех предоставлявших нам информацию лиц — у министров и чиновников, у британского посла в Буэнос-Айресе и прочих сотрудников посольства, у губернатора и жителей Фолклендских островов и у господ вне правительства, владевших определенными знаниями и имевших интересы в данном регионе, — относительно того, допускали ли они в какой-либо момент до конца марта возможность начала вторжения на Фолклендские острова в первых числах апреля. Все они однозначно ответили отрицательно.

266 В свете полученных таким путем данных, мы даем утвердительный ответ и заявляем, что правительство не располагало сведениями о намерении хунты осуществить вторжение. Свидетельства о графике принимаемых хунтой решений показывает, что британское правительство не только не имело, но и не могло иметь данных о предполагаемой агрессии. Следовательно, предвидеть вторжение на Фолклендские острова 2 апреля оно было не в состоянии.

Соображения Министерства иностранных дел и по делам Содружества о возможном характере развития спорной ситуации

293 В начале 1982 г. существовали полученные из нескольких источников свидетельства о наличии у Аргентины, и в частности у нового правительства президента Галтьери, расчета достигнуть успеха в политике Мальвинских островов за гораздо более короткий промежуток времени, чем предполагали предыдущие аргентинские правительства. Имелись четкие указания на придаваемую им особую значимость достижению разрешения спора на своих условиях, где вопрос суверенитета выступал доминирующим соображением, к январю 1983 г., то есть к 150-летней годовщине захвата островов британцами. Подобные признаки отмечались в замечаниях генерала Галтьери в его речи в мае 1981 г., в разведданных относительно склонностей и настроений в различных структурах аргентинского правительства, в комментариях прессы в начале года и — совершенно утвердительно — в bout de papier [французское словосочетание bout de papier буквально означает обрывок или отрезок бумаги, однако в дипломатии этим термином обозначается документ информационного характера, на котором представлен текст без заголовка, подписи и даты, чтобы в случае необходимости его происхождение можно было бы отрицать; таким образом, он носит менее официальный характер, чем памятная записка. — *Прим. ред.*] в конце января 1982 г., призывавшей к серьезным переговорам в рамках года, кульминацией чего стало бы признание аргентинского суверенитета.

294 Министерство иностранных дел и по делам Содружества совершенно четко осознавало факт развития обстановки в направлении к конфронтации, как показывают рекомендации чиновников данного ведомства министрам в начале года, особенно в контексте годового отчета губернатора Фолклендских островов. Однако же они считали — и мнение это подтверждается свидетельствами — первое, что Аргентина не пойдет на конфронтацию до окончательного провала переговоров, второе, что будет отмечаться процесс принятия ряда мер в виде отвода аргентинских служб с островов и роста дипломатического давления, в том числе в Организации Объединенных Наций, и третье — и развед-

ка подтверждает это — что никакие действия, не говоря уже о вторжении на острова, не будут иметь место раньше второй половины года.

Планы действий в чрезвычайных обстоятельствах

295 Несмотря на это, признавая обстоятельства ухудшения обстановки, Министерство иностранных дел и по делам Содружества в 1981 г. дало старт разработке планов по чрезвычайным обстоятельствам как альтернативных вариантов в вопросе островов, и — по его просьбе — Министерство обороны подготовило документ доступных военных версий развития событий в части ответа на агрессивные поползновения Аргентины. Также в сентябре 1981 г. предстояло выработать документ по гражданскому плану действий в чрезвычайных обстоятельствах в виду предстоящего совещания комитета обороны, в ходе которого предполагалось достигнуть со стороны министров одобрения продолжения работ над планами. Фрахт кораблей потребовал бы надлежащего финансирования и также согласия министров на публичное признание необходимости таких мер, каковые действия могли бы рассматриваться как некая форма давления на население островов. Как получилось на деле, неспособность подкрепить дальнейшее продвижение этих гражданских планов материально не сыграла никакой роли, ибо Аргентина действовала не в соответствии с предполагаемыми схемами эскалации конфликта. Если говорить о военной стороне, отсутствие чрезвычайных планов ответа на агрессивные действия со стороны Аргентины не препятствовало быстрой реакции вооруженных сил в свете неизбежного приближения вторжения, что мы видим на примере поразительной скорости подготовки к плаванию и отправки в поход оперативного соединения. В абзацах 324–332 мы проводим отдельное обсуждение вопроса, следовало ли предпринять более ранние действия военного характера в целях сдерживания нападения Аргентины.

Мнение, сложившееся в Министерстве иностранных дел и по делам Содружества на начало года

296 Мы считаем мнение министров и должностных лиц Министерства иностранных дел и по делам Содружества на начало 1982 г. в отношении вариантов развития спора вполне оправданным в свете реальных обстоятельств того момента. В данном случае взгляд оказался ошибочным, но, по нашему разумению, ни в коем случае нельзя приписать заблуждение сугубо отдельным личностям. Как мы считаем, важны три фактора просчетов в суждении: первое, недооценка значимости для Аргентины момента приверженности своей схеме завершить дебаты до конца года, второе, неверная трактовка — вполне понятная и, возможно, неизбежная —

ситуации в свете длинной истории спора, в процессе которого Аргентина прежде позволяла себе шумные эскапады, сопровождавшиеся воинственными заявлениями в прессе и на деле подтверждаемыми агрессивными поползновениями в направлении перехода к серьезной конфронтации, и, третье, вера, основанная на прежнем опыте, позволяющем считать, будто Аргентина станет следовать упорядоченному сценарию эскалации конфликта, начиная с экономического и дипломатического давления. Никто не предусмотрел в должной степени вероятности шанса со стороны военного правительства Аргентины, находящегося под внутриполитическим и экономическим давлением, прибегнуть к отчаянным действиям, в случае если в какой-то момент оно сочтет переговоры бесперспективными. В июле 1981 г. аналитики разведки предупреждали, что при сложившихся условиях существует высокая степень риска быстрого перехода Аргентины к силовым мерам без всяких предупреждающих акций.

Ответ на события по итогам переговоров в Нью-Йорке

297 Мы отдаем должное искусству, с которым мистер Люс и должностные лица Министерства иностранных дел и по делам Содружества вели 26 и 27 февраля официальные переговоры между аргентинским и британским правительствами в Нью-Йорке. Повестку дня определяла аргентинская bout de papier, выпущенная 27 января. Совещания велись в теплой и дружественной атмосфере и, по общему впечатлению британской стороны, прошли лучше, чем ожидалось. Участники подготовили совместное коммюнике, причем ссылка на частоту встреч — важный момент в аргентинских предложениях — в черновике рабочего документа по переговорной комиссии опускалась. В то же самое время даже в ходе переговоров представлялась очевидной ограниченность способности к маневру у аргентинской стороны. Аргентинское правительство твердо стремилось к учреждению комиссии, чтобы вести переговоры на высшем уровне и в куда более быстром темпе, чем ранее, а также с четко обусловленным сроком завершения процесса протяженностью в год. Аргентинцы оказывали давление с целью получения от британского правительства ответа на их предложение в пределах месяца, рассчитывая провести первый раунд переговоров в начале апреля.

298 Инспирированное хунтой одностороннее коммюнике от 1 марта служило отражением важной перемены настроения у аргентинского правительства. Оно фактически денонсировало совместное коммюнике переговорщиков за счет опубликования деталей неофициального рабочего документа и поддерживало содержавшееся в bout de papier предложение относительно ежемесячных встреч с целью достигнуть передачи Аргентине суверенитета в самое короткое время. Кроме того, в нем заявлялось о пра-

ве Аргентины, если предложения не возымеют должного эффекта, избрать «процедуру, более соответствовавшую (аргентинским) интересам». Хотя господин Рос выразил сожаление по поводу коммюнике и сопровождавших его заявлений в прессе, а доктор Коста Мендес убедил британского посла в Буэнос-Айресе в отсутствии какой-то угрозы в намерениях Аргентины, коммюнике сигнализировало об ужесточении отношения к ситуации со стороны аргентинского правительства, а также о его упорной приверженности предложению о переговорной комиссии и графику ее работы.

299 Должностные лица Министерства иностранных дел и по делам Содружества признали факт серьезного изменения обстановки. Они обсудили положение с лордом Каррингтоном на коротком совещании 5 марта, где рассматривался ряд дипломатических инициатив.

300 Среди прочего собравшиеся напомнили ему о решении прежнего правительства в ноябре 1977 г. тайно отправить в тот район корабли, хотя воздержались от рекомендации поступить тем же образом на данной стадии. Как получилось в действительности, 5 марта стало почти самым последним моментом, когда, учитывая событие вторжения 2 апреля, оказалось бы возможным послать флот как сдерживающее средство так, чтобы он прибыл туда вовремя. На путь к Фолклендским островам подлодкам с атомными двигателями требуется примерно две недели, а надводным кораблям — приблизительно три недели. Полученные нами доказательства говорили о том, что должностные лица Министерства иностранных дел и по делам Содружества не оказывали давления на министров в части применения иных сдерживающих средств, кроме как дипломатических контрмер, и не побуждали объединенную организацию разведки в спешном порядке пересмотреть и актуализировать сделанные в июле 1981 г. аналитические оценки, поскольку полагали, что Аргентина не прибегнет к военным действиям, не использовав сначала всех дипломатических и экономических рычагов.

301 Кроме того, должностные лица стремились пораньше собрать комитет обороны, проведение заседания какового лорд Каррингтон предусматривал после февральских переговоров — как ожидалось, 16 марта. Однако никаких официальных документов относительно заседания не издавалось, поскольку лорд Каррингтон считал целесообразным подождать реакции аргентинского правительства на сообщение, которое он намеревался послать доктору Коста Мендесу.

302 Мы считаем, что должностные лица Министерства иностранных дел и по делам Содружества не придали в тот момент должного внимания перемене отношения Аргентины к обсуждаемой теме на и после февральских переговоров и не оценили по достоинству значимость

новых и вызывающих опасения факторов позиции аргентинского правительства. По нашему заключению, им следовало с большей настойчивостью привлечь внимание министров к аспектам изменения ситуации.

303 Мы отмечаем, что премьер-министр правильно отреагировала на телеграммы британского посла в Буэнос-Айресе 3 марта, где содержались сведения об агрессивном комментарии аргентинской прессы после раунда переговоров в Нью-Йорке, и призвала к рассмотрению планов действий в чрезвычайных обстоятельствах. Мы сожалеем, что настояния премьер-министра не встретили деятельного отклика. 8 марта она также задавала господину Нотту вопросы относительно возможности отправки в Южную Атлантику группы боевых кораблей.

Объединенная организация разведки

304 Рапорты спецслужб и аналитические оценки, делавшиеся Объединенным комитетом разведывательных служб, выступали ключевыми факторами в вырабатывании мнений министрами и должностными лицами в период накануне вторжения, о чем говорилось выше. На протяжении многих лет Аргентина и Фолклендские острова рассматривались при сборе разведданных как приоритетные, но пребывали в сравнительно низкой категории.

Ранние выводы разведки

305 Начиная с 1965 г. угроза со стороны Аргентины Фолклендским островам систематически анализировалась Объединенным комитетом разведывательных служб, при этом частота проработок нарастала в моменты обострения напряженности между Британией и Аргентиной в споре по поводу суверенитета, в свете внутреннего политического положения в Аргентине и информации в отношении намерений аргентинцев. Выбор времени для аналитических оценок обычно увязывался с моментами проведения раундов официальных переговоров между британским и аргентинским правительствами. В период нахождения у власти нынешнего правительства полный доклад делался в ноябре 1979 г.

Оценки июля 1981 г.

306 Дальнейший полный рапорт с оценками, последний до вторжения, разведка подготовила в июле 1981 г. Как следует из полученных нами устных данных, содержащиеся в нем оценки особенно важны, ибо они оказывали значительное влияние на образ мыслей министров и должностных лиц.

Обзор аналитических оценок 1981 г.

307 Как показали нам свидетели, нынешняя группа разведки по Латинской Америке заседала в период между июлем 1981 г. и мартом 1982 г. 18 раз, но не обсуждала тогда тему Фолклендских островов. Как бы там ни было, в двух случаях в тот временной отрезок тема озвучивалась на еженедельных совещаниях у главы аналитического штаба, и по крайней мере в четырех случаях свои соображения о целесообразности обновления анализа июля 1981 г. высказывались занимавшимися вопросом лицами, находившимися в контакте с Министерством иностранных дел и по делам Содружества. Эти упоминаемые случаи относятся к ноябрю 1981 г., ко времени приготовлений к следующему раунду переговоров, назначавшихся в тот момент на следующий месяц, к декабрю 1981 г., к январю 1982 г., в свете предложения Аргентины, которое, как ожидалось, она выдвинет на февральских заседаниях в Нью-Йорке, и к марту 1982 г. Всякий раз вплоть до марта принималось решение не обновлять аналитических оценок.

308 Как нам сказали, в оценке аргентинской угрозы сотрудники аналитического штаба рассматривали четыре главных фактора: течение спора Аргентины и Чили вокруг пролива Бигля, политическую и экономическую обстановку в Аргентине, состояние соперничества между главами родов войск в этой стране и — что особенно важно — взгляд Аргентины на перспективы переговоров. Как считалось, полученные штабом после июля 1981 г. данные не свидетельствовали о значительных и, следовательно, оправдывавших бы новый аналитический анализ переменах в этих факторах. Заключения, сделанные в июле 1981 г. в отношении аргентинских намерений и возможной их реализации, были признаны совпадающими с более поздними сведениями разведки, а потому вполне актуальными.

309 В марте 1982 г. возникло понимание в отношении необходимости проведения нового анализа, работа над которым началась. Считалось, однако, наиболее целесообразным представить оценки министрам в контексте новых общих соображений политики по Фолклендским островам, которую, как ожидалось, государственные служащие будут обсуждать на заседании комитета обороны 16 марта. В данном случае, как мы уже говорили, заседание не состоялось, а новый доклад так и не был закончен.

310 Следующие аналитические оценки, о чем мы говорили в абзаце 230, были сделаны в самом быстром темпе утром 31 марта в связи с событиями на Южной Георгии. В заключении выражалось мнение, что, тогда как нельзя исключать возможности решения Аргентины отважиться

на эскалацию обстановки за счет отправки войск на другую зависимую территорию или на Фолклендские острова, аргентинское правительство не желает стать первым в деле принятия силовых мер.

Спецслужбы

311 Данный анализ, сделанный накануне вторжения, основывался главным образом на сведениях, поступивших от спецслужб. На всем протяжении предшествовавшего вторжению периода разведка занималась тайным сбором информации — в соответствии с касавшимися заданной цели приоритетами — о склонностях и намерениях Аргентины в споре, в частности, о мнениях в руководстве вооруженных сил и в Министерстве иностранных дел, о соответственных внутренних аспектах в Аргентине и о военных возможностях этой страны в целом. В октябре 1981 г., после общего обзора рекомендаций разведки по Центральной и Южной Америке и району Карибского моря, Объединенный комитет разведывательных служб уведомил занимающиеся сбором информации структуры о том, что, ввиду становящегося все более трудным процесса ведения переговоров с Аргентиной о будущем Фолклендских островов, надлежит особенно усилить работу разведки в части выявления намерений и политики Аргентины в данном вопросе. Однако никакие дополнительные ресурсы для этого не ассигновались. Как показали свидетели, выделение больших ресурсов, в силу объясненных нам оперативных оснований, не дало бы гарантий ускорения поступления и улучшения качества разведданных относительно замыслов узкой группы ответственных за принятие решений лиц в самых верхах аргентинского правительства.

312 Если, как мы и считаем, решение о вторжении принималось хунтой в самый последний момент, нельзя ожидать от спецслужб предоставления своевременного предупреждения о фактическом вторжении 2 апреля. Вероятно, можно было сообщить о военных приготовлениях накануне вторжения, если, вдобавок к мониторингу общих военных возможностей Аргентины, велось бы и прямое наблюдение за передвижением формирований вооруженных сил внутри этой страны. Однако предоставить многогранную информацию по этим передвижениям оказалось бы трудно ввиду, среди прочего, чрезвычайной протяженности побережья Аргентины и расстояния между южными аргентинскими портами и Буэнос-Айресом. Британский военный атташе в Буэнос-Айресе показал нам, что его отдел в посольстве не располагал ни полномочиями, ни возможностями добывать подробные сведения такого характера. К моменту, когда в начале марта дипломатическая обстановка резко ухудшилась, стало бы затруднительно оценить подобные данные в силу отсутствия сведений о военной активности Аргентины в нормальных условиях.

313 Мониторинг передвижений аргентинских вооруженных сил внутри Аргентины не производился, а посему в распоряжении британцев не имелось никакой свежей информации, добытой такими средствами, в отношении состава и сосредоточения аргентинских ВМС, в конечном итоге осуществивших вторжение на Фолклендские острова. Отсутствовали разведданные из американских или иных источников, которые свидетельствовали бы о вынашивании аргентинцами каких-то иных замыслов касательно находившихся в море до вторжения формирований, кроме проведения военно-морских учений. Не было и фотографий из космоса, показывавших бы дислокацию аргентинских войск. Британский военно-морской атташе в Буэнос-Айресе сообщал о таких учениях на море только тогда, когда узнавал о них главным образом из аргентинской прессы.

314 Мы не видим оснований ставить под вопрос надежность разведданных, регулярно поступавших из разных источников.

Эффективно ли работала машина оценки материалов разведки?

315 Как бы там ни было мы с большим удивлением узнали, что события первых трех месяцев 1982 г., в частности аргентинская bout de papier от 27 января, одностороннее коммюнике от 1 марта и комментарии премьер-министра в отношении телеграммы от 3 марта, где говорилось о звучавших в аргентинской прессе тревожных высказываниях, не принудили объединенную организацию разведки заново оценить обстановку. Как мы уже поясняли, в тот период сотрудники аналитического штаба в нескольких случаях констатировали необходимость новых аналитических оценок ситуации. Работы над одним из таких анализов проводились в начале марта, но не закончились из-за намерения подготовить документы к заседанию комитета обороны. До начала марта решение делать новую оценку не принималось, поскольку, по мнению руководства объединенной организации разведки, заключения в новом анализе обстановки вряд ли бы значительным образом отличались от сделанных в июле 1981 г. Анализ от 31 марта 1982 г., пусть и сосредоточенный на инциденте на Южной Георгии, демонстрирует тенденцию выступать в поддержку справедливости вышеупомянутого взгляда.

316 В свете информации, имевшейся в распоряжении в те времена, мы не считаем неоправданной точку зрения тех, кто находил проведение нового анализа необходимым. Однако, основываясь на полученных нами показаниях свидетелей, мы расцениваем в качестве сомнительных два аспекта работы объединенной организации разведки. Первое, мы не уве-

рены, что аналитический штаб постоянно осознавал всю весомость и важность кампании, развернутой в аргентинской прессе в 1982 г. В результате, как представляется нам, аналитики могли бы с большим вниманием отнестись к секретным разведданным, которые на тот момент позволяли составить мнение о перспективах первых шагов к конфронтации. Например, сведения разведки, о которых говорится в абзаце 131, показывали, что кампания в прессе, вероятно, проводилась в целях оказать давление на Соединенное Королевство в ходе переговоров. Второй сомнительный момент: придавала ли объединенная организация разведки достаточно внимания воздействию различных шагов британского правительства на характер мышления аргентинцев? Перемены в позиции Аргентины, как мы считаем, более наглядно просматривались на дипломатическом фронте и в кампании прессы, чем в докладах разведки.

317 Мы не имеем намерения возлагать вину на каких-либо отдельных лиц. Однако полагаем, что приведенные выше факторы указывают на необходимость достижения более четкого понимания соответствующих ролей аналитического штаба, Министерства иностранных дел и по делам Содружества и Министерства обороны, а также на установление более тесного сотрудничества между ними. Цель наша должна заключаться в стремлении добиться от аналитического штаба проявления более пристального внимания к развитию соответствующих дипломатических и политических событий и к освещению в иностранной прессе особо тонких моментов внешней политики.

318 Мы особо указываем здесь на дефекты в механизмах объединенной разведки, за работой которой пронаблюдали, но в области низкого приоритета. Коль скоро мы рассматривали лишь документы, имевшие отношение к предмету нашего доклада, мы не в состоянии судить о том, как функционируют аналитические механизмы в областях высокого приоритета, однако мы уверены, что в отношении Аргентины и Фолклендских островов машина работала слишком пассивно и потому не могла быстро и радикальным образом реагировать в стремительно менявшейся обстановке, требовавшей срочной концентрации внимания.

319 По нашему мнению, аналитические механизмы нуждаются в проверке. Мы не можем установить степени масштаба такой проверки, но считаем важным учесть в частности два аспекта. О первом мы уже говорили — объединенной организации разведки следует обращать внимание на более широкие источники информации, то есть не ограничиваться одними только рапортами органов разведки. Под номером два — состав Объединенного комитета разведывательных служб. Здесь стоит прежде всего рассмотреть положение председателя комитета:

желательно видеть на этом посту освобожденного от других обязанностей специалиста, играющего или играющую более важную и независимую роль. В качестве признания независимости комитета в своих действиях от основных составляющих его правительственных учреждений, председателя — обязательно члена секретариата кабинета министров — целесообразно назначать на этот пост самому премьер-министру.

Воздействие инцидента на Южной Георгии

321 Даже если бы машинерия Объединенного комитета разведывательных служб действовала иначе, у нас нет оснований считать возможным увеличение поступающих в распоряжение правительства данных о действиях господина Давидоффа, приведших к инциденту с островом Южная Георгия буквально накануне вторжения. До сих пор нет полной ясности о подлинном размахе и характере этих его шагов. Поездка на Южную Георгию самого господина Давидоффа в декабре 1981 г. и отправка туда партии рабочих в марте 1982 г. осуществлялись на аргентинских морских судах, и руководство аргентинских ВМС, несомненно, знало о них. Однако в те времена и теперь отсутствовали сведения, позволявшие бы считать эти действия запланированными аргентинским правительством или ВМС — дальнейшей направленной акцией после оккупации острова Южный Туле. Имеющиеся в распоряжении разведданные показывают, что, когда инцидент стал развиваться более серьезным образом, им воспользовались для эскалации обстановки вплоть до принятого в конечном счете хунтой решения о вторжении на Фолклендские острова.

322 Мы признаем, что при ответных действиях министрам приходилось учитывать давление со стороны разных сил на родине — в особенности парламента, — а также из Аргентины. Первоначальные сообщения о происшествии выглядели тревожно — раздавались выстрелы, водружался аргентинский флаг. Посему вполне резонной выглядит реакция в форме приказа капитану HMS «Эндьюранс» отправляться к Южной Георгии и забрать оттуда людей. Затем правительство пустилось во все возможные ухищрения, дабы избежать обострения обстановки, и предприняло все меры для предложения конструктивных путей выхода из ситуации, позволивших бы аргентинской партии узаконить свое положение. Аргентинское правительство, каковое уже явно намеревалось еще больше накалить обстановку, отвергло все попытки британцев.

323 При всем том, по нашему мнению, если бы действиям господина Давидоффа с декабря 1981 г. и далее уделили больше внимания, а также если бы между Министерством иностранных дел и по делам Содружества, британским посольством в Буэнос-Айресе и губернатором нали-

чествовала лучшая связь во время приготовления ко второму визиту Давидоффа в марте 1982 г., министры оказались бы лучше подготовленными для ответных действий после высадки партии на Южной Георгии.

Возможность более раннего применения сдерживающего средства

324 Далее мы рассматриваем вопрос, следовало ли правительству пойти на военную операцию для сдерживания Аргентины на более раннем этапе. Мы подразумеваем два возможных пути действия правительства: более раннюю отправку в поход оперативного соединения, достаточно крупного для защиты или, если придется, возвращения островов вооруженной рукой, и развертывание относительно малого формирования в виде одной ядерной подлодки, действовавшей бы самостоятельно или при поддержке надводных судов.

325 По нашему разумению, не представлялось целесообразным готовить к выходу в море крупное оперативное соединение, способное отвоевать Фолклендские острова до того, как сделалась очевидной неминуемая угроза вторжения. Как мы разъясняли ранее, до 31 марта она не считалась неизбежной. Высылка такого соединения являлась бы несоразмерным и в самом деле провокационным ответом на события на Южной Георгии, а также — непоследовательным шагом на фоне одновременных попыток разрешить проблемы дипломатическими способами.

326 Меньшее формирование могло быть развернуто либо открыто как сдерживающее средство, либо скрытно — в целях предосторожности, чтобы, если понадобится, сделать тайное присутствие явным. Мы отмечаем три случая, когда отправка в поход такого формирования выглядела бы оправданной: до совещаний в Нью-Йорке в конце февраля, в начале марта, в свете явного роста нетерпения Аргентины в отношении отсутствия большого прогресса в ходе переговоров, или позднее в марте, когда события на Южной Георгии стали подталкивать участников спора в направлении к открытой конфронтации.

327 В данной связи проводятся параллели с акцией, предпринятой предыдущим правительством в ноябре 1977 г., когда в ареал отправились два фрегата и атомная субмарина. В этом случае поход проводился скрытно как возможная мера для поддержании позиции на переговорах. Посему самая близкая параллель — переговоры в Нью-Йорке в феврале 1982 г. В то время отмечались признаки роста нетерпения со стороны Аргентины в форме bout de papier и сопутствовавшего ей враждебного комментария в аргентинской прессе, однако же до известной степени

обстоятельства тогда складывались иначе, чем в ходе переговоров 1977 г. Вообще 1977 г. стал напряженным периодом для англо-аргентинских взаимоотношений, и существовал больший риск перехода к военным действиям со стороны Аргентины. В начале предыдущего года страны отозвали послов, к тому же отмечались случаи нарушения британского суверенитета в форме установления аргентинского присутствия на острове Южный Туле, а кроме того, Аргентина позволяла себе физические акты агрессии в отношении иностранного судоходства. До переговоров в 1977 г. в объединенной разведывательной комиссии оценивали риск применения Аргентиной силовых мер в случае провала переговоров как очень высокий. В таких обстоятельствах действия против британского судоходства рассматривались как наиболее серьезная угроза.

328 Ожидался провал переговоров в результате раунда совещаний в декабре 1977 г. Условия накануне февраля 1982 г. выглядели иными, и, по нашему разумению, они не оправдывали подобного же развертывания военно-морских сил.

329 В марте 1982 г. существовал более веский повод для обдумывания какой-то подобной акции в свете роста нетерпения со стороны Аргентины, выразившегося в коммюнике, опубликованном 1 марта Министерством иностранных дел Аргентины и сопровождавшемся воинственным замечанием в аргентинской прессе. Как мы разъясняли в абзаце 148, в конце короткого совещания 5 марта лорда Каррингтона уведомили о действиях, предпринятых в 1977 г. Как лорд Каррингтон показал по данному вопросу устно, упоминание носило мимолетный характер. Он поинтересовался, знали ли аргентинцы об отправке группы военно-морских сил, когда же ему ответили, что нет, у него сложилось впечатление, будто подобная мера еще менее уместна для него в сложившемся положении. Вообще же, как сказал нам лорд Каррингтон, несмотря на явное ухудшение и усложнение обстановки, он и в тот момент не считал перспективы продолжения переговоров безнадежными. По его мнению, не произошло ничего такого, что могло бы послужить побудительным моментом для отправки в плавание такого сдерживающего средства. По его мнению, факт выхода в море кораблей мог стать известным. И таком случае возникла бы угроза дальнейшему течению переговоров, являвшихся его целью. Оглядываясь на прошлое, он выразил сожаление, что не пришел к мысли отправить ядерную подлодку в данный ареал на более раннем этапе, между тем 5 марта ему не казалось, будто степень изменения ситуации делала подобные действия оправданными.

330 Мы не считаем это мнение неблагоразумным применительно к тому времени, но уверены в возможности получения потенциальных преимуществ правительством, если бы на данной стадии оно шире

посмотрело на момент повышения опасности со стороны Аргентины и задалось бы вопросом, нуждается ли такая позиция в использовании того или иного сдерживающего средства как дополнения к уже задействованным дипломатическим инициативам и плану действий в чрезвычайных обстоятельствах.

331 И наконец мы спрашиваем, следовало ли предпринимать более ранние действия по развертыванию кораблей в регионе в ответ на углубление кризиса на Южной Георгии. По мнению лорда Каррингтона, вариант с развертыванием надводных кораблей был чреват риском получения сим фактом широкой известности в момент, когда правительство так страстно желало избежать любых шагов, могущих выглядеть провокационными. В таком случае акция грозила бы лишь подтолкнуть Аргентину к эскалации конфликта и к нападению на Фолклендские острова, защитить которые правительство фактически не имело возможностей. Подобные возражения не так очевидны в отношении похода ядерной субмарины, поскольку существовало больше шансов сохранить ее выдвижение в ареал в тайне. Решение отправить в плавание первую атомную подлодку было принято в начале понедельника, 29 марта.

332 Мы полагаем резонным возникновение оснований для подобных действий в конце предыдущий недели в свете телеграммы от 24 марта военного атташе в Буэнос-Айресе и донесения от 25 марта о выходе в плавание аргентинских кораблей с вероятной целью перехвата HMS «Эндьюранс». Мы бы ожидали более быстрой реакции Министерства обороны на два вышеупомянутых сообщения, каковые являлись отражением первых актов враждебной деятельности со стороны правительства Аргентины.

Последние предостережения Аргентине

333 В недели, непосредственно предшествовавшие вторжению, у британского правительства наличествовало несколько возможностей публично заявить о своей приверженности делу защиты Фолклендских островов и зависимых территорий. Как подчеркивал в палате общин 23 марта мистер Люс, «обязанность этого да и любого другого британского правительства защищать и поддерживать население островов всеми возможными средствами»[1]. 25 марта британский посол в Буэнос-Айресе, по получении соответствующих инструкций, предупредил доктора Коста Мендеса о готовности Британии отстаивать свой суверенитет на Южной Георгии, как и во всех прочих местах. Когда же сложилось мнение об опасности самим Фолклендским островам, премьер-министр 31 марта

[1] (1) Official Report («Официальный протокол»). Палата общин, 23 марта 1982 г., кол. 799.

снеслась с президентом Рейганом и попросила его безоговорочно дать знать аргентинскому правительству о полной решимости Британии не оставить без ответа действия против Фолклендских островов. По показаниям, данным нам премьер-министром, в отсутствии коллегиального мнения начальников штабов в отношении реалистичности операции по возвращению островов и без одобрения такой акции кабинетом, дальнейшие ее действия не представлялись возможными. В рассматриваемом случае, лично разговаривая с генералом Галтьери, президент Рейган особо подчеркнул, что акция против Фолклендских островов будет расцениваться британцами как casus belli.

334 Мы пришли к заключению, что предостережения со стороны британского правительства, касательно последствий вторжения на Фолклендские острова, были аргентинскому правительству переданы.

Могло ли ныне находящееся у власти правительство предотвратить вторжение 2 апреля 1982 г.?

335 Вот наконец мы подошли к более сложному из двух вопросов, поставленных нами в начале этой главы. Могло ли ныне находящееся у власти правительство предотвратить вторжение 2 апреля 1982 г.?

336 Данный вопрос следует рассматривать в контексте освещенного нами в этом докладе временного отрезка протяжнностью в 17 лет, и простого ответа не будет. Мы подробно рассмотрели данный период и намеренно заострили внимание на особой его значимости для нашего изучения событий, непосредственно предварявших вторжение. Очень важно читать наш доклад как единое целое и не выпускать из вида, как сделали мы, факта наличия у аргентинцев глубоко укоренившегося недовольства в отношении проблемы «Мальвинских островов», а также помнить, что, применительно к рассматриваемому вопросу, ныне находящемуся у власти правительству приходилось действовать в условиях тесных политических рамок, признаваемых одним за другим многими британскими правительствами.

337 Касательно же аргентинского правительства, — и совершенно отдельно от влияния на правительство Аргентины действий британского правительства, — в конце марта 1982 г. хунта очутилась в труднейшем положении по причине ухудшения экономической обстановки и из-за сильного политического давления в момент, когда представился шанс использовать как преимущество для себя развитие ситуации на Южной Георгии. Мы уже высказывались в начале данной главы о причинах, почему не было возможности предугадать вторжение 2 апреля 1982 г.

338 С другой стороны, британское правительство оказывалось вынужденным действовать в ограничивающих его простор условиях, как те же чаяния населения Фолклендских островов, которые сами по себе являлись моральной силой, а к тому же поддерживались на политическом уровне влиятельным мнением в парламенте, а также — стратегическими и военными приоритетами, отражавшими национальную оборонную и экономическую политику. Пространство для политического маневра Британии целесообразно характеризовать как ограниченное.

339 В данном контексте мы на протяжении этой главы уже отмечали моменты, когда следовало бы принять другие решения, когда, по нашему мнению, представлялось резонным подыскать более выгодные варианты возможных действий и — лучше употребить правительственные механизмы. Однако, если бы даже британское правительство действовало иначе в намеченных нами руслах, совершенно нельзя с точностью судить, какое бы воздействие это оказало на аргентинское правительство в частности или на развитие событий вообще. Нет никаких приемлемых оснований для предположения, — каковое было бы чисто гипотетическим, — что вторжение удалось бы предотвратить, поступай правительство в соответствии со схемами действий, обозначенными в данном докладе. Принимая во внимание перечисленные соображения и полученные нами свидетельства, мы приходим к заключению о совершенной неправомочности критиковать или обвинять ныне находящееся у власти правительство за решение аргентинской хунты совершить акт ничем не спровоцированной агрессии — вторжение на Фолклендские острова 2 апреля 1982 г.

Фрэнкс, председатель
Барбер
Ливер
Патрик Нэрн
Мерлин Рис
Уоткинсон
31 декабря 1982 г.

А. Р. Росторн, секретарь
П. Г. Молсон, заместитель секретаря

Глоссарий

АПЛ атомная подводная лодка

Батальон воинское подразделение, или часть, в британской армии обычно численностью 600 чел.

«Блоупайп» наводимый по проводам британский переносной зенитно-ракетный комплекс, предназначенный для поражения низколетящих ЛА противника

«Бофорс» 40-мм автоматическое зенитное орудие шведского производства, впервые применявшееся во время Второй мировой войны

Брен питающийся от магазина ручной пулемет, разработанный до начала Второй мировой войны

Бригада воинская часть или соединение разной численности, состоящее в описываемую пору в британской армии обычно из трех батальонов, хотя под началом командования 3-й бригады коммандос на Фолклендских островах действовало пять батальонов

BV 202 гусеничный тягач с прицепом, выпущенный фирмой «Вольво» и закупленный Королевской морской пехотой для ведения боевых действий в арктических широтах. На Фолклендских островах машина показала себя как действительно эффективный грузовик

БП боевое патрулирование в воздухе — постоянные полеты летательных аппаратов (в данном случае истребителей-штурмовиков «Харриер») в небе над тем или иным районом

БРМ боевая разведывательная машина — дозорная бронетехника, или легкие танки «Скорпион» и «Симитар»

84 «Восемьдесят четвертый», или «Чарли Г», иначе «Карл Густав», 84-мм средний противотанковый гранатомет шведского производства, состоявший на вооружении британской пехоты

«Газель» вертолет британской постройки, применяемый для разведки и штурмовки. Бесценное средство для обеспечения связи и вывоза раненых с поля боя, однако уязвимое из-за отсутствия брони

«Геркулес» С-130 военно-транспортный самолет американского производства, широко использовавшийся как Британией, так и Аргентиной

Группа «О» командирская группа — инструктаж для офицеров, получающих на нем задания от командира

ДЗМ дозаправка в море. Два корабля — боевой, снабженческое судно или танкер — идут рядом борт в борт, связанные шлангами и кабелями. Довольно тонкое дело, однако выучка моряков Королевских ВМС помогла довести такого рода операции до совершенства, ставшего предметом открытой зависти командования советских ВМС

Дивизия войсковое соединение не всегда одинаковой численности, но обычно состоящее из 10000 и более солдат и офицеров, организованных в три бригады при различных поддерживающих частях и подразделениях

Исходная линия — позиция, на которой сосредоточиваются войска перед атакой

Йомп (Yomp) слово из жаргона военнослужащих Королевской морской пехоты, первоначально обозначавшее пересеченную местность переброски на лыжах, но позднее под ним стали понимать просто изнурительный марш пешим порядком (Переводчиком заменено на «марш пешедралом» или просто «пешедралом»; как есть основания считать, yomp — аббревиатура, скрывающая за собой your own marching pace, т.е. произвольный [максимально возможный] темп)

КВФ Королевский вспомогательный флот

«Керосинка» переносной «примус» для готовки в полевых условиях с применением твердых топливных таблеток. В британских войсках такие имеются у всех солдат

КОНБ команда по обезвреживанию неразорвавшихся боеприпасов

LCU десантный катер общего назначения — большое стальное десантное судно, способное брать на борт разом до 100 чел. Каждый из британских кораблей десанта оснащается четырьмя такими катерами

LCVP малый десантный катер для техники и личного состава, по четыре единицы каковых подвешиваются на шлюп-балках каждого корабля десанта

LSL снабженческое десантное судно служб обеспечения тыла — 5700-тонный корабль открытого моря для перевозки живой силы и предметов снабжения. Команда на таких кораблях состоит из моряков торгового флота, в Королевском вспомогательном флоте их насчитывается всего шесть

«Линкс» вооруженный вертолет компании Уэстленд, взлетающий с борта некоторых британских военных кораблей, вероятно, одна из лучших машин такого типа в мире

MILAN (акроним от фр. Missile d´infanterie léger antichar — Легкая противотанковая ракета пехоты) наводящаяся по проводам противотанковая ракета, используемая в британских батальонах ротами поддержки. Оружие с большим эффектом применялось в ходе боев на Фолклендских островах для подавления бункеров и долговременных огневых точек

Многоцелевой пулемет пулемет общего назначения, или универсальный, оружие бельгийской разработки калибра 7,62 мм с ленточной подачей патронов. Обычно отделения в британском батальоне имеют по одной или две единицы такого оружия

Монтонеро перонистская группировка городских партизан, активная в 1960-е и 1970-е годы

НП наблюдательный пункт — обычно тщательно замаскированная позиция, блиндаж, несколько выдвинутая вперед от основных расположений войск

ПАН передовой артиллерийский наблюдатель — обычно офицер-артиллерист, занимающийся корректировкой огня орудий по рации

ППНВ пассивные приборы ночного видения — усиливающие изображение устройства, выпускаемые в нескольких моделях, зачастую американские, и использовавшиеся обеими сторонами, но фактически больше все же британцами

«Пума» средней грузоподъемности вертолет англо-французской разработки, применявшийся аргентинцами на Фолклендских островах

ПУО пост управления огнем на боевом корабле, обычно располагающийся над мостиком

«Рэйпир» британский зенитный комплекс с ракетами класса «земля-воздух» — счетверенная пусковая установка. Большинство из таких задействованных на Фолклендских островах комплексов применялись при помощи визуального наведения, хотя 5-я бригада привезла с собой эскадрон, экипированный самонаводящейся по РЛС версией «Блайндфайр» (букв. «слепой огонь»)

«Сайдуиндер» AIM 9L тепловизионная ракета класса «воздух-воздух» американского производства, ПУ которых устанавливались на самолетах «Си Харриер». В ходе Фолклендской войны оружие показало себя как весьма и весьма успешное

СЗВ самозарядная винтовка — штатное оружие британского пехотинца калибра 7,62 мм, представляющее собой модификацию оригинальной бельгийской винтовки FN

«Си Вулф» зенитная ракета малого радиуса действия для поражения низко летящих целей

«Си Дарт» ракетная установка для поражения дальних целей на больших высотах. Дальность огня: 75 км

«Си Кинг» построенный фирмой Уэстленд морской вертолет, способный перевозить 20 чел. или — при оснащении эхолокатором — действовать как средство противолодочной обороны

«Си Кэт» устаревшая зенитная ракетная установка средней дальности. Дальность огня: около 5000 м

«Си Слаг» устаревшая зенитная ракетная установка средней дальности. Дальность огня: 50 км

«Симитар» легкий танк, или БРМ фирмы Алвис, вооруженный 30-мм автоматической пушкой и обладающий отличной скоростью и проходимостью в условиях сильно пересеченной местности

«Скаут» британский вертолет связи фирмы Уэстленд

«Скорпион» легкий танк, или БРМ фирмы Алвис, вооруженный 76-мм орудием и оборудованный отличными приборами ночного видения

«Солома» отражающая сигналы РЛС — фольга, выстреливаемая в небо со специальных ПУ на кораблях и предназначенная для сбивания с толку систем самонаведения вражеских ракет

«Стерлинг» штатный британский армейский пистолет-пулемет (автомат) калибра 9 мм

СРИТФ суда, реквизированные из торгового флота, иными словами, в срочном порядке «призываемые на воинскую службу» гражданские корабли

«Уосп» устаревший британский морской противолодочный вертолет

«Уэссекс» устаревший британский десантный вертолет

«Харриер» многоцелевой боевой самолет вертикального взлета и посадки. Военно-морской вариант «Си Харриер» используется в качестве палубного самолета, оснащенного РЛС «Блю Фокс», а состоящий в частях КВВС «Харриер» GR.3 применяется как истребитель-бомбардировщик и штурмовик для работы по наземным целям

«Чинук» крупный вертолет с двумя винтами и грузоподъемностью до 10 тонн, впятеро большей, чем у «Си Кинга». Эта машина американского производства использовалась в 1982 г. обеими сторонами — Британией и Аргентиной

66 «Шестьдесят шестой» — реактивный гранатомет американского производства (известный в США под аббревиатурой LAW) разового использования, отлично показывавший себя на малых расстояниях против бункеров и тому подобных долговременных огневых сооружений или как противотанковое оружие

«Шрайк» авиационная, наводящаяся по РЛС ракета американского производства

«Экзосет» противокорабельные ракеты французского производства, применявшиеся Аргентиной

«Эрликон» 20-мм зенитная пушка шведского производства времен Второй мировой войны, устанавливавшаяся на многих британских кораблях

28 000 британских солдат отправились воевать за реликтовый обломок Империи в забытом богом уголке мира в 15 000 км от дома. Иные погибли, другие навсегда остались калеками, а Фолклендские (Мальвинские) острова остались в составе Великобритании. Таков был итог короткой англо-аргентинской войны в апреле 1982 г. Тем не менее этот конфликт имел важнейшее значение для эпохи холодной войны. Столкновение интересов Британии и Аргентины было видимой стороной кампании, а за кулисами просматривалась вовлеченность и иных стран – США, Франции, СССР, стран Латинской Америки... У всех были свои интересы, и кто знает, во что вылилась бы борьба за несколько малонаселенных островков, если бы война затянулась. Однако этого не произошло, и победа британцев была решительной и быстрой.

В нашей стране до сих пор не было издано ни одной книги, посвященной этой войне, и настало время заполнить этот пробел. Книга Макса Хастингса и Саймона Дженкинса, непосредственных участников битвы за Фолкленды, – это своего рода репортаж о войне и политике прямо с мест событий. Написанная ярко и живо, эта ставшая классической книга, несомненно, будет интересной читателям, интересующимся историей войн и конфликтов второй половины XX века, а также тем, кто только начинает свой путь в изучении военной истории.